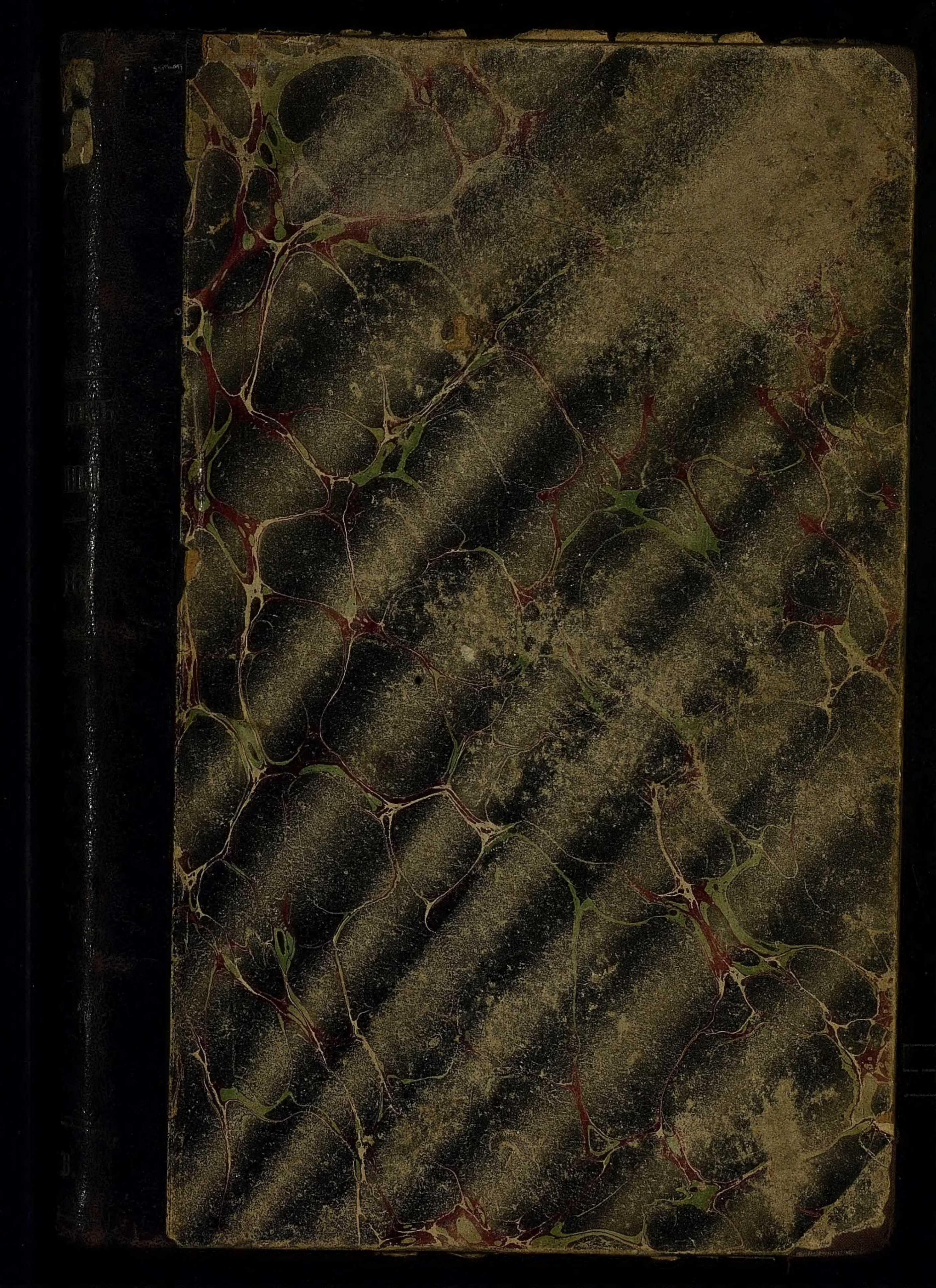
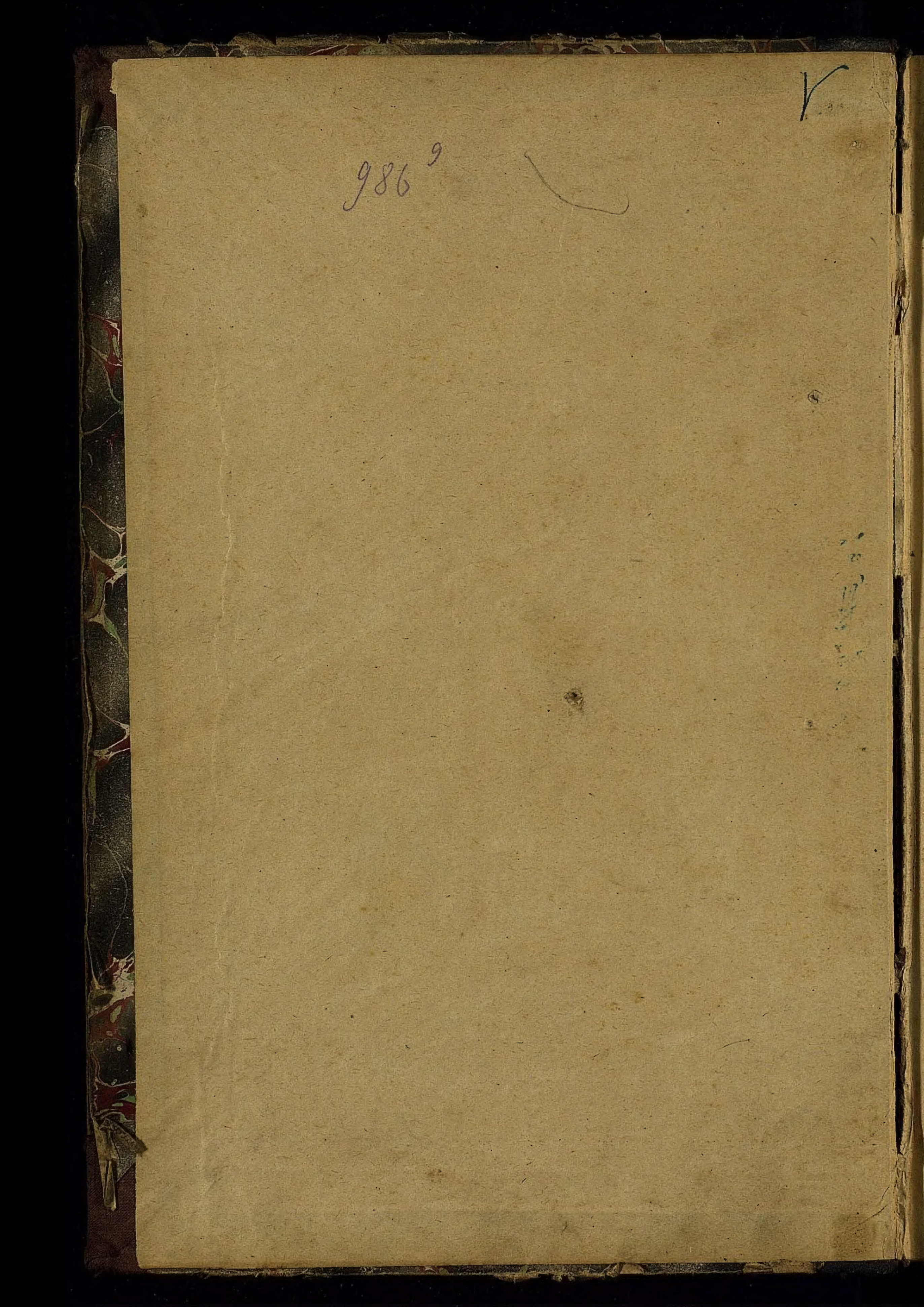

986 9

~~инв. № 786.~~

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXXI. — ТОМЪ CDXV. — 1/14 СЕНТЯБРЯ 1906.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

3547

АНГЛІЯ

И ЕЯ

АВТОНОМНЫЯ КОЛОНІИ

Историческій очеркъ.

Къ числу величайшихъ твореній политическаго генія человѣчества принадлежитъ несомнѣнно англійская колоніальная имперія. Собрать въ одно цѣлое населеніе, занимающее почти четвертую часть земной поверхности и превосходящее по численности многолюднѣйшія государства міра, вдохнуть въ него живое чувство единства и солидарности, найти пути удовлетворенія всѣхъ безконечно разнообразныхъ его потребностей, сдѣлать его богатымъ и сильнымъ, насадить лучшія пріобрѣтенія политическаго и культурнаго развитія метрополіи, — все это требовало огромнаго труда, неослабной энергіи и глубокой вѣры въ свои силы. Въ достиженіи этой цѣли поколѣніями, смѣнявшимися у власти въ Англіи, проявлено было недюжинное умѣнье: основная задача достигнута была не сразу, приходилось часто ошибаться и дѣлать новые опыты, но въ концѣ концовъ средства преодолѣть затрудненія находились и съ каждымъ годомъ дѣлался новый шагъ на пути водворенія англійскаго „владычества за морями", о которомъ гордо говорится въ титулѣ короля Эдуарда. Процессъ расширенія Англіи (expansion of England, говорятъ англичане) можно описывать съ разныхъ точекъ зрѣнія, и всесторонне изучить его—дѣло великой трудности, на которое у немногихъ, даже въ Англіи, хватаетъ силъ. Но даже если взять одну сторону

вопроса—политическую, то и въ этихъ сравнительно узкихъ предѣлахъ задача изученія колоніальной имперіи Англіи представитъ большой интересъ. Англичане всегда исходили изъ той совершенно правильной мысли, что управлять огромной британской имперіей „за морями“ можно, только безконечно варіируя пути и средства такого управленія. Они создали поэтому цѣлый арсеналъ разнообразнѣйшихъ пріемовъ управленія, прилагавшихся въ зависимости отъ времени и мѣста въ той или другой части имперіи. Ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ вы не найдете ничего подобнаго этому разнообразію, и въ этомъ отношеніи англійская колоніальная имперія представляетъ для государствовѣда какъ бы музей, въ которомъ сосредоточены всѣ образцы политическихъ формъ, отъ системы управленія черезъ военнаго губернатора, точно исполняющаго волю правительства метрополіи, до самыхъ сложныхъ формъ федеративнаго парламентаризма. Изученіе того, каковы эти типы, какъ происходитъ выборъ ихъ въ томъ или другомъ случаѣ и какъ они гармонически слиты въ единое государство, полно интереса.

Англійскіе юристы даютъ слѣдующую основную классификацію формъ англійскаго колоніальнаго управленія. Первую группу составляютъ тѣ колоніи, которыя принято называть „коронными“ (crown colonies). Здѣсь метрополія имѣетъ полный контроль надъ законодательствомъ и управленіемъ: законодательные акты исходятъ или прямо отъ метрополіи, или отъ агентовъ послѣдней — губернаторовъ и, отчасти, коронныхъ законодательныхъ совѣтовъ при губернаторахъ, а управленіе сосредоточено въ рукахъ губернаторовъ и его подчиненныхъ. Вторая группа — колоніи, имѣющія представительныя учрежденія (colonies with representative government); въ нихъ законодательство принадлежитъ мѣстнымъ колоніальнымъ парламентамъ, но управленіе сосредоточено въ лицѣ агентовъ метрополіи—губернаторовъ и его исполнительныхъ совѣтовъ въ составѣ назначаемыхъ членовъ. Наконецъ, третью группу образуютъ колоніи, обладающія, кромѣ представительства, еще и отвѣтственнымъ передъ мѣстнымъ парламентомъ министерствомъ (colonies with responsible government); здѣсь вліяніе метрополіи очень ограничено.

Внутри каждой изъ этихъ группъ мы видимъ рядъ варіантовъ: коронныя колоніи управляются то военною, то морскою, то гражданскою властью; исполнительные совѣты въ колоніяхъ съ представительнымъ управленіемъ состоятъ или изъ чиновниковъ, или изъ чиновныхъ и такъ называемыхъ „unofficial members“, нечиновныхъ, но назначаемыхъ членовъ; колоніи съ от-

вѣтственнымъ управленіемъ или представляютъ союзныя образованія и распадаются на отдѣльные штаты, или являются однимъ цѣлымъ, и т. д., и т. д. Такихъ варіантовъ очень много, и они иногда очень своеобразны.

Наблюдая все это разнообразіе типовъ и ихъ развѣтвленій, мы констатируемъ слѣдующій основной для пониманія англійской колоніальной политики фактъ. Англія, считая въ однихъ случаяхъ необходимымъ приложить къ колоніальному управленію максимумъ политической энергіи, въ другихъ довольствуется лишь частичной дозой этого максимума, и въ третьихъ почти отказывается отъ проявленія какой-либо активной власти въ колоніяхъ, сводя ее къ почти номинальной. На первый взглядъ, эта способность и рѣшимость произвольно сокращать или усиливать, въ зависимости отъ обстоятельствъ, размѣры собственной власти кажется удивительной. Лубочныя представленія объ Англіи и англичанахъ, къ сожалѣнію столь распространенныя въ Россіи, рисуютъ намъ картины неослабной жажды владычества и полнаго презрѣнія къ интересамъ подвластныхъ. Съ другой стороны, инстинкты имперіализма, заложенные въ глубинѣ огромнаго множества людей, какъ будто оскорблены этимъ страннымъ отказомъ сильной и цвѣтущей страны,—непрерывно воюющей во всѣхъ частяхъ свѣта и безспорно умѣющей пользоваться силой, когда ей это кажется необходимымъ,—отъ возможности вести по своему желанію и волѣ многолюдныя группы собственныхъ подданныхъ и подчинять ихъ своимъ видамъ и своимъ велѣніямъ.

Фактъ между тѣмъ на лицо. И едвали мы ошибемся, если скажемъ, что именно въ немъ лежитъ ключъ къ объясненію того по истинѣ замѣчательнаго и завиднаго успѣха, къ которому привела колоніальная политика Англіи. Умѣнье сокращать и усиливать предѣлы своей власти въ колоніяхъ есть свидѣтельство того же глубокаго политическаго такта и той же геніальной гибкости, которая проявлена была англичанами въ развитіи и своихъ внутреннихъ англійскихъ политическихъ порядковъ.

Лучше всего можно оцѣнить это умѣнье, когда мы наблюдаемъ за тѣмъ, какъ совершались переходы въ одной и той же колоніи отъ одного типа управленія къ другому. Въ жизни отдѣльныхъ колоній въ одинъ прекрасный день наступала минута, когда она перерастала коронное управленіе и когда метрополія давала ей представительство; позднѣе она перерастала и представительство и получала отвѣтственное министерство. Часто случалось и наоборотъ: политическая свобода, полученная колоніей, оказывалась ей не по плечу, и метрополія спокойно замѣ-

няла въ ней представительство коронным управленіемъ. Образъ дѣйствій Англіи въ минуты такихъ переходовъ и то, какое направленіе давалось ею политическимъ кризисамъ въ жизни отдѣльныхъ колоній — кризисамъ всегда и всюду очень серьезнымъ,—необходимо изучить, для того, чтобы опредѣленно установить тѣ основныя начала, которыя руководятъ англійскимъ колоніальнымъ управленіемъ въ теченіе послѣдняго вѣка. Этотъ историческій очеркъ даетъ лучшую характеристику организаціи британской имперіи. Подобно древнему Риму, англійское юридическое творчество чуждо отвлеченныхъ апріорныхъ построеній. Коренное по существу дѣла измѣненіе въ политической организаціи остается незамѣтнымъ, если сравнивать законъ до и послѣ реформы: перемѣна содержанія или вовсе не отражается на старыхъ статутныхъ формулахъ, или же отражается появленіемъ какой-нибудь новой маленькой черточки, совершенно неуловимой для посторонняго взгляда. Поэтому догма закона, т.-е. изложеніе и толкованіе его, ничего не даютъ для характеристики пріемовъ управленія имперіей за морями. Когда въ первый разъ берешь въ руки какое-либо руководство, написанное англійскимъ юристомъ, то невольно недоумѣваешь, видя вмѣсто привычной „интерпретаціи“ законодательства собраніе ряда историческихъ эпизодовъ изъ жизни то Канады, то Ямайки, то Капа, то Новаго Южнаго Уэльса. Попытаемся же воспользоваться этимъ историческимъ матеріаломъ по возможности систематически и дать на основаніи его очеркъ эволюціи англійской политики умѣлаго распредѣленія то большей, то меньшей степени политической энергіи на периферіи огромнаго государственнаго цѣлаго, составляющаго британскія владѣнія за морями.

I.

Для того, чтобы найти руководящія начала англійскаго колоніальнаго управленія, намъ нѣтъ надобности уходить въ далекое прошлое. Напротивъ того, всѣ политическія истины, на которыхъ оно покоится въ настоящее время, недавняго сравнительно происхожденія: онѣ въ своей окончательной формѣ выработаны въ царствованіе королевы Викторіи.

Первыя два столѣтія англійскаго колоніальнаго владычества представляютъ какъ бы подготовительную въ этомъ отношеніи эпоху. Какъ извѣстно, первое заморское владѣніе Англіи пріобрѣтено ею сравнительно съ другими европейскими колоніаль-

ными державами довольно поздно, — это маленькіе Бермудскіе острова на параллели Южной Каролины, занятые англичанами въ 1612 году. Въ семнадцатомъ вѣкѣ одна за другой намѣчаются другія колоніи въ Америкѣ—часть Антильскихъ острововъ съ Ямайкою и часть побережья нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ. Восемнадцатый вѣкъ есть эпоха завоевательная по преимуществу. „Расширеніе Англіи въ Новомъ Свѣтѣ и въ Азіи,—говоритъ одинъ изъ лучшихъ англійскихъ историковъ,—представляетъ ту формулу, которая суммируетъ для Англіи всю исторію XVIII-го вѣка“ (Seeley). И дѣйствительно, за этотъ вѣкъ кладется основаніе владычеству Англіи на сѣверѣ Америки (Ньюфаундлэндъ и Канада), въ Индіи, въ Австраліи и Новой Зеландіи, въ Индо-Китаѣ, на африканскомъ западномъ побережьи, а въ началѣ XIX-го столѣтія и на югѣ Африки. Вопросы организаціи этого владычества стоятъ въ XVIII-мъ вѣкѣ на второмъ планѣ; пока жестокая борьба съ другими государствами изъ-за колоній не кончилась, трудно было всецѣло отдаться мирному строительству. Колоніями въ сущности управляли очень мало, предоставляя имъ жить собственною жизнью во всѣхъ внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Колоніальная политика представляетъ главнымъ образомъ орудіе развитія торговыхъ интересовъ, и лишь въ сферѣ торговыхъ отношеній метрополія придерживается системы вмѣшательства въ жизнь колоній; какъ идетъ внутренняя ихъ жизнь—ее интересуетъ очень мало. Пусть колонисты устраиваются въ этомъ отношеніи, какъ имъ угодно, пусть заводятъ себѣ представительныя учрежденія, пусть пишутъ свои законы, лишь бы принципы „Навигаціоннаго Акта“, гарантировавшіе монополію англійскаго торговаго посредничества, оставались неприкосновенными. Стоитъ открыть сочиненіе Адама Смита, чтобы убѣдиться, насколько полно отождествляется весь вопросъ о колоніальномъ владычествѣ съ вопросомъ о торговыхъ рынкахъ, и насколько мало это вопросъ власти въ прямомъ и подлинномъ значеніи этого слова (книга 10, гл. VII). При этихъ условіяхъ естественно, что частно-правовой моментъ ярко выступаетъ въ организаціи колоній. Классическій и наиболѣе распространенный путь организаціи—есть уступка извѣстной территоріи за моремъ частной компаніи, отъ которой всецѣло зависитъ управленіе въ предѣлахъ переданной ей колоніи; рѣже такая уступка правъ управленія совершается въ пользу отдѣльнаго лица,—колоніальное „предпріятіе“ не всегда подъ силу одному, хотя бы богатому и предпріимчивому человѣку; наконецъ, — первоначально также сравнительно рѣдко,—прибѣгаютъ и къ системѣ короннаго управленія, но и

тутъ по существу дѣла метрополія выступаетъ скорѣе въ качествѣ „казны", частнаго предпринимателя, нежели въ качествѣ авторитетной носительницы извѣстныхъ правъ власти. Но каково бы ни было то основаніе, на которомъ покоится по закону англійское колоніальное управленіе прежняго времени,—въ главныхъ колоніяхъ, по мѣрѣ того, какъ колонисты дѣлаются многочисленнѣе и начинаютъ тверже обосновываться на мѣстахъ, уже въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ начинается своя внутренняя политическая жизнь, которая первоначально мало интересуетъ Лондонъ, но которая въ концѣ концовъ вынуждаетъ его сознательно отнестись къ колоніальному управленію и выдвигаетъ всѣ тѣ сложнѣйшія политическія проблемы, разрѣшеніе которыхъ принадлежитъ уже XIX-му вѣку.

Великую роль сыграла въ этомъ отношеніи американская революція, которая обнаружила совершенно наглядно и убѣдительно, что тѣ начала свободы, которыя принесли съ собою изъ Англіи сѣверо-американскіе колонисты, живучѣе и сильнѣе, нежели правовыя связи, которыя соединяли метрополію съ ея колоніями, и что конфликтъ между велѣніями парламента въ Уэстминстерѣ и волею отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ колоніальныхъ законодательныхъ собраній можетъ привести къ полному отпаденію самыхъ цѣнныхъ владѣній англійской короны. Принужденная послѣ многолѣтней борьбы признать Соединенные Штаты „свободнымъ, суверennымъ и независимымъ" государствомъ, Англія вынесла изъ событій серьезнѣйшій урокъ и поученіе, долго не исчезавшіе изъ ея сознанія. Урокъ этотъ сводился къ тому, что колоніальное управленіе требуетъ много такта и большого вниманія къ желаніямъ и потребностямъ колонистовъ, и что простого приказа не всегда достаточно для того, чтобы сохранить единство между отдѣльными частями имперіи.

Значеніе этого урока обнаружилось, однако, не сразу. Его заслонялъ сначала самый фактъ утраты лучшихъ колоніальныхъ владѣній Англіи. По сравненію съ тѣмъ, что̀ было утрачено, то, что̀ оставалось, казалось ничтожнымъ. И дѣйствительно, если имѣть въ виду, что англійскія владѣнія въ Австраліи и Африкѣ еще не существовали, что Индія еще только начинала переходить въ руки англичанъ и что въ твердомъ обладаніи послѣднихъ оставались только нѣкоторые Антильскіе острова и населенная французами Канада (представлявшая лишь ничтожную часть нынѣшней территоріи Dominion of Canada), то станетъ вполнѣ понятнымъ, что въ моментъ подписанія версальскаго договора о независимости Соединенныхъ Штатовъ англичане могли

на минуту счесть свою колоніальную исторію законченною. Какъ бы ликвидируя ее, англійскій парламентъ въ 1782 году такъ называемымъ актомъ Бёрка (22 Geo. III, c. 82) уничтожилъ должность государственнаго секретаря для колоній и колоніальное министерство, носившее тогда наименованіе „Присутствія по дѣламъ торговли и колонизаціи" (Board of Trade and Plantations)[1].

Но пассивное настроеніе, выраженіемъ котораго былъ актъ Бёрка, продолжалось недолго. Съ одной стороны, въ концѣ XVIII-го вѣка начинаетъ окончательно закрѣпляться власть Англіи въ Индіи и кладется основа колонизаціи Австраліи, и такимъ образомъ открываются новыя перспективы колоніальнаго владычества, а съ другой стороны и старыя колоніи въ Америкѣ, оставшіяся въ рукахъ Англіи послѣ версальскаго договора, требуютъ постояннаго вниманія и заботы. И вотъ въ этихъ именно заботахъ о сохранности остатковъ колоніальной имперіи въ Америкѣ и сказывается все значеніе урока, вынесеннаго изъ борьбы съ Соединенными Штатами.

Еще до ея окончанія, англійскій парламентъ ясно указалъ, въ какомъ направленіи будетъ имъ впредь вестись колоніальная политика—въ сторону ли активнаго вмѣшательства въ дѣла колоній, или, напротивъ того, принципіальнаго признанія колоніальныхъ вольностей. Актомъ 1778 г. (18 Geo. III, c. 12) парламентъ отказался на будущее время отъ всякой попытки собирать въ колоніяхъ какіе-либо сборы въ пользу метрополіи; какъ извѣстно, именно подобная попытка и послужила поводомъ къ возстанію Штатовъ, и только-что указанный актъ служилъ поэтому выраженіемъ твердой воли не возобновлять опытовъ простого и грубаго имперіализма на почвѣ взаимоотношеній между колоніями и метрополіей. Для оцѣнки вліянія, оказаннаго на колоніальную политику Англіи возстаніемъ Штатовъ, весьма характерны тѣ усилія, которыя въ концѣ XVIII-го столѣтія прилагались къ тому, чтобы всячески удовлетворить пожеланія оставшихся вѣрными американскихъ колонистовъ. Рѣчь шла прежде всего о Канадѣ. Не представляя во второй половинѣ XVIII-го вѣка и сотой доли того абсолютнаго значенія, которое теперь имѣетъ эта колонія, Канада обладала, однако, въ тѣ времена, въ общей, значительно сократившейся послѣ потери Штатовъ, суммѣ колоній серьезную относительную цѣнность. Состав-

---

[1]) Council of Foreign Plantations (съ 1672 г. Council of Trade and Plantations) былъ учрежденъ въ 1660 году Карломъ II, должность Secretary of State for Colonies—въ 1768 году.

ляя сравнительно позднее пріобрѣтеніе Англіи и связанная близостью съ Штатами, она, казалось бы, легко могла быть вовлечена въ борьбу, начатую послѣдними съ метрополіей, и въ этомъ смыслѣ ей дѣлались непосредственныя предложенія инсургентами. Національныя различія мѣшали успѣху этой пропаганды; тогдашняя Канада, территоріально совпадавшая съ нынѣшней провинціей Квебекъ, была населена французами-католиками, не чувствовавшими себя солидарными съ англійскими протестантами на югѣ. Настроеніемъ этимъ слѣдовало воспользоваться, и здѣсь впервые англичанами примѣнена была система сознательнаго расширенія мѣстныхъ вольностей во имя сохраненія болѣе цѣнной принципіальной связи колоніи съ метрополіей. Еще вслѣдъ за окончательнымъ переходомъ Канады отъ Франціи къ Англіи король Георгъ III обѣщалъ канадцамъ представительныя учрежденія. „Мы дали"—гласила его прокламація 7-го октября 1763 года—„въ патентѣ за нашею большою великобританскою печатью губернатору Квебека право и приказали ему, *какъ только положеніе и обстоятельства* названной колоніи *то дозволятъ*, созвать, съ совѣта и согласія членовъ нашего совѣта, общее собраніе такимъ порядкомъ и въ такой формѣ, какъ принято и предписано въ тѣхъ колоніяхъ и провинціяхъ Америки, которыя находятся подъ непосредственнымъ нашимъ управленіемъ". Но это обѣщаніе было достаточно неопредѣленно, и въ Англіи не думали его исполнять, пока не вспыхнула борьба съ Соединенными Штатами. Въ Квебекѣ царствовала система, за которою въ канадской литературѣ сохранилось наименованіе „правленіе солдатчины" (the Rule of the Soldiery). Боязнь утратить вмѣстѣ съ другими колоніями въ Америкѣ и Квебекъ дала жизнь обѣщаніямъ 1768 года. Въ 1774 году парламентъ принялъ такъ называемый Квебекскій актъ (An act for making more effectual provision for the government of the province of Quebec in North America; 14. Geo. III, c. 83), въ которомъ впервые въ Канадѣ создавалось законодательное собраніе, получавшее власть издавать—по старинной и до сихъ поръ свято сохраняемой формулѣ—„правила для мира, благосостоянія и добраго управленія сказанной провинціи". Но собраніе это было не выборнымъ, а назначалось королемъ изъ мѣстныхъ жителей. Мы увидимъ ниже, что этотъ типъ законодательнаго собранія, состоящаго изъ нечиновныхъ, по англійской терминологіи, членовъ (unofficial members), нерѣдко воспроизводился Англіей въ другихъ колоніяхъ, какъ переходная ступень къ выборнымъ палатамъ. Здѣсь равнымъ образомъ онъ знамено-

валъ собою первый шагъ на пути развитія канадскихъ вольностей. Черезъ семнадцать лѣтъ послѣ его изданія, Питтъ сдѣлалъ второй. Управленіе Квебекомъ на основахъ акта 1774 года представляло существенныя затрудненія въ виду того, что во время войны за независимость изъ предѣловъ Штатовъ во французскій Квебекъ,—французскій по языку, населенію, вѣрѣ, правовымъ и экономическимъ отношеніямъ,—переселилась масса англичанъ „лойалистовъ", оставшихся вѣрными королю, и эти англичане тяготились зависимостью отъ французскихъ по составу учрежденій Квебека; „лойалисты" поселились въ восточныхъ округахъ Квебека, скоро составили тамъ преобладающую часть населенія и стали посылать въ Лондонъ жалобу за жалобой, прося даровать имъ „блага британскихъ законовъ и британскаго управленія". Національный вопросъ началъ складываться во всей его остротѣ, и приходилось считаться съ нимъ, продолжая политику освобожденія Канады, начатую въ 1774 году. Питтъ остановился на слѣдующей простой комбинаціи: давая Канадѣ выборную палату вмѣсто палаты по назначенію, онъ рѣшилъ сдѣлать это, предварительно раздѣливъ старый Квебекъ на двѣ части: по преимуществу французскую—Нижнюю Канаду—и по преимуществу англійскую—Верхнюю Канаду (теперь, первая—провинція Квебекъ, а вторая—провинція Онтаріо) и въ каждой изъ нихъ отдѣльно провести конституціонную реформу. Парламентскій актъ 1791 года (An act to repeal certain parts of an act passed in the fourteenth year of H. M.' S. reign intitulated: An act for making more effectual provision for the government of the province of Quebec in North America; 31. Geo. III, c. 31) въ каждой изъ двухъ имъ созданныхъ провинцій учреждалъ двѣ палаты — „законодательный совѣтъ" съ членами по назначенію и „собраніе" съ членами по выбору. Не колеблясь, актъ 1791 года давалъ этимъ палатамъ Нижней и Верхней Канады всю полноту законодательныхъ полномочій, которыми въ Англіи обладалъ парламентъ. „Въ каждой изъ двухъ провинцій,—говорилось въ немъ (ст. 2),—его величество, наслѣдники его и преемники будутъ имѣть право, пока настоящій актъ дѣйствуетъ, *по совѣту и съ согласія* законодательнаго совѣта и собранія каждой провинціи по принадлежности, издавать законы для ея мира, благосостоянія и добраго управленія",—подобно тому, какъ король въ Англіи издаетъ законы „по совѣту и съ согласія лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ и общинъ, собранныхъ въ настоящемъ парламентѣ".

Какъ ни велико было для Канады значеніе акта 1791 года,

онъ все же остается въ общей исторіи колоній въ теченіе продолжительнаго времени изолированнымъ и стоитъ внѣ прямой связи съ тѣми событіями, которыя дали жизнь современной организаціи британской имперіи. Въ этомъ отношеніи онъ служитъ лишь провозвѣстникомъ будущаго, но будущаго тогда еще довольно отдаленнаго. Онъ свидѣтельствуетъ, что Англія изъ пережитаго ею кризиса выноситъ твердое сознаніе пользы дарованія самоуправленія колоніямъ во имя сохраненія узъ, связывающихъ ихъ съ Соединеннымъ Королевствомъ; весьма возможно, что къ этому рецепту—свобода окраинъ во имя цѣлости государства — англійское политическое сознаніе приходитъ въ Канадѣ подъ вліяніемъ опасенія, чтобы тамъ не повторилось того, что случилось въ сосѣдней Америкѣ, но это обстоятельство не можетъ всецѣло подорвать авторитетность самаго принципа. Много разъ въ послѣдующей исторіи англійскихъ колоній Англія была безспорно настолько сильна, чтобы пустить въ ходъ и другія средства охраны единства имперіи, но она рѣдко сворачивала съ пути, намѣченнаго въ концѣ XVIII-го столѣтія въ Канадѣ. Какъ бы то ни было однако, послѣ 1791 года наступаетъ въ исторіи колоніальнаго владычества Англіи долгій періодъ затишья, въ теченіе котораго лишь подготовляются тѣ условія, которыя заставили англичанъ спокойно и сознательно вернуться къ канадскому прецеденту и пойти далеко впередъ въ развитіи его основъ. Какъ было уже указано, территоріальные предѣлы британской имперіи въ концѣ XVIII-го вѣка еще сравнительно очень узки, и въ этихъ узкихъ предѣлахъ почти нѣтъ колоній, окончательно сформировавшихся въ смыслѣ своего внутренняго развитія. Систематическая колонизація, въ смыслѣ постояннаго притока постояннаго населенія изъ метрополіи въ колонію, еще не началась въ большинствѣ отдѣльныхъ владѣній. Колоніи представляютъ еще по большей части лишь торговыя факторіи, служащія орудіемъ для обмѣна. Не мудрено, что на нихъ не распространяются свободныя учрежденія, дарованныя Канадѣ, и что всѣ онѣ продолжаютъ пребывать въ группѣ такъ называемыхъ „коронныхъ“ колоній или въ группѣ колоній, управлявшихся стариннаго происхожденія частными обществами [1]).

---

[1]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что кромѣ Верхней и Нижней Канады въ Сѣверной Америкѣ за Англіей остались еще, послѣ отпаденія Штатовъ, нѣсколько небольшихъ владѣній, объединенныхъ въ тѣ времена общимъ именемъ „Nova Scotia“ (теперешнія провинціи Nova Scotia, New Brunswick и Prince Edward Island). Новая Шотландія получила представительныя учрежденія еще до начала войны за независимость (1758) и сохранила ихъ послѣ войны; когда изъ состава ея выдѣ-

Это положеніе остается безъ перемѣнъ въ теченіе почти полувѣка. Нельзя сказать, чтобы періодъ послѣ 1791 года и вплоть до начала сороковыхъ годовъ не представлялъ никакого интереса для колоніальной исторіи Англіи; напротивъ того, онъ имѣетъ немаловажное значеніе въ томъ отношеніи, что предѣлы колоніальной имперіи продолжали расширяться. Но онъ бѣденъ въ смыслѣ политическомъ; вновь пріобрѣтавшіяся или въ силу завоеванія, какъ Капъ, или въ силу открытія и занятія, какъ Австралія, территоріи управлялись посылавшимися метрополіей губернаторами по указаніямъ возстановленнаго въ 1794 г. колоніальнаго статсъ-секретаріата; потребности въ болѣе сложныхъ формахъ управленія на мѣстѣ не возникало, и Англія могла спокойно отдаваться другимъ великимъ своимъ интересамъ,—сначала борьбѣ съ Наполеономъ и переустройству континентальной Европы, а затѣмъ внутреннимъ вопросамъ, реформѣ парламента и коренному измѣненію основъ торговой политики.

Одинъ лишь фактъ можетъ быть отмѣченъ за это время въ политической исторіи колоній—дарованіе зачатковъ парламентаризма Новому Южному Уэльсу въ Австраліи. Открытіе австралійскаго материка было, какъ извѣстно, результатомъ астрономической экспедиціи. 9-го іюня 1769 года планета Венеры должна была пересѣчь путь солнца, и это явленіе можно было наблюдать только въ южныхъ водахъ Тихаго океана; англичане снарядили экспедицію для наблюденій и вручили начальство надъ нею капитану Куку, который, послѣ окончанія астрономическихъ наблюденій, рѣшилъ заняться географическими открытіями; съ островов Товарищества, около которыхъ онъ остановился, онъ пошелъ съ эскадрой на западъ, открылъ сначала Новую Зеландію, а затѣмъ и австралійскій материкъ, о которомъ существовали до того смутныя представленія, почти легенды, въ Европѣ. Въ 1772—1773 году онъ вновь посѣтилъ эти страны и окончательно выяснилъ пригодность ихъ для англійской колонизаціи. Англійское правительство только послѣ окончанія войны съ Америкою оказалось въ состояніи использовать открытіе Кука. Оно сдѣлало это въ грубо утилитарныхъ цѣляхъ, вовсе не задумываясь надъ высокими задачами насажденія культуры и систематической колонизаціи вновь открытой Terra Australis; независимость Америки заставила англичанъ отмѣнить ссылку въ амери-

---

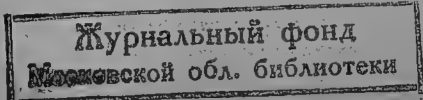
ленъ былъ сначала островъ Принца Эдуарда (1770), а затѣмъ Новый Брауншвейгъ (1784), представительство было оставлено въ нихъ.

канскія колоніи и искать другихъ краевъ для устройства пенитенціарныхъ поселеній; указомъ въ совѣтѣ (order in council) 1786 года рѣшено было направить ссылку на восточные берега вновь открытой Новой Голландіи—тогдашнее названіе Австраліи. Послѣ астрономической экспедиціи Кука, пенитенціарная экспедиція капитана Филиппа, снаряженная въ 1787 году во исполненіе указа 1786 года, представляетъ вторую дату въ исторіи австралійскихъ колоній. Капитанъ Филиппъ оказался очень способнымъ руководителемъ вывезенныхъ имъ изъ Англіи 750 каторжниковъ и 200 моряковъ. Основавъ первое поселеніе въ Сиднеѣ (нынѣшней столицѣ Новаго Южнаго Уэльса и австралійской конфедераціи), онъ постепенно проникъ въ другія западныя части Австраліи, описалъ Тасманію, открылъ Куинслэндъ, занялъ ближайшіе острова Полинезіи и положилъ основаніе правильной колонизаціи вокругъ Сиднея и на Тасманіи. Преемники капитана Филиппа продолжали его усилія, и къ началу тридцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія вдоль западныхъ, южныхъ и сѣверныхъ береговъ Австраліи тянутся уже поселенія англичанъ, — добровольныхъ колонистовъ, потомковъ каторжниковъ и каторжниковъ, отбывавшихъ наказаніе, — управленіе которыми представляетъ уже довольно сложную задачу, далеко выходящую за предѣлы вопросовъ устройства пенитенціарной колоніи. Изъ числа тѣхъ актовъ, которые посвящены были въ то время организаціи австралійскихъ колоній, два — такъ называемыя „конституціи" 1823 и 1828 годовъ—заслуживаютъ вниманія и служатъ переходною ступенью къ послѣдующему конституціонному развитію этихъ колоній. Первый изъ этихъ актовъ (An act to provide until the 1-st day of july 1827, and until the end of the next session of Parliament, for the better administration of justice in New South Wales and Van Diemen's Land, and for the more effectual government thereof; 14. Geo. IV, c. 96) даровалъ Новому Южному Уэльсу, который обнималъ въ тѣ времена всѣ австралійскія владѣнія Англіи и отъ котораго впослѣдствіи были отдѣлены другія колоніи — штаты теперешняго австралійскаго союза,—законодательный совѣтъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Организація его отвѣчала той же, которую давалъ Канадѣ уже извѣстный намъ Квебекскій актъ 1774 года;—члены его назначались короною, но могли быть и не должностными лицами, такъ что уже въ 1825 году въ него вошло нѣсколько нечиновныхъ членовъ (unofficial members); но въ отличіе отъ Квебекскаго акта „конституція" 1822 года даровала совѣту довольно ограниченныя права: губернаторъ обязанъ былъ, при исполненіи законодательныхъ функцій,

спрашивать заключенія совѣта, но этими заключеніями связанъ не былъ. „Конституція“ 1828 года (An act for the administration of justice in New South Wales and Van Dimen's Land, and for the effectual government thereof; 9. Geo. IV, c. 83) продолжала и развивала начала акта 1823 года, — число членовъ совѣта увеличивалось, что давало возможность усилить нечиновный составъ его, и, вмѣстѣ, права совѣта пріобрѣтали болѣе опредѣленный характеръ, — губернаторъ не могъ издавать законовъ вопреки совѣту. Такимъ образомъ Новый Южный Уэльсъ и Тасманія („Van Diemen's Land“ по старой терминологіи), актомъ 1823 года отдѣленная въ самостоятельную колонію, достигли той точки первичнаго конституціоннаго развитія, которой Канада достигла по Квебекскому акту. Запозданіе это не должно насъ удивлять: въ Канадѣ Англіи приходилось имѣть дѣло съ сравнительно развитымъ французскимъ населеніемъ, а въ Австраліи—съ населеніемъ, главнымъ образомъ, ссыльнымъ и постоянно обновлявшимся притокомъ новыхъ преступниковъ.

II.

При вступленіи въ 1837 году на престолъ королевы Викторіи, колоніальная британская имперія представляетъ такимъ образомъ совокупность территорій, по общему правилу управляемыхъ коронною администраціею; лишь въ видѣ исключенія административный аппаратъ осложняется нѣкоторою долею автономныхъ началъ; высшую точку развитія самоуправленія даютъ двѣ Канады и прилежащія къ нимъ небольшія провинціи (Nova Scotia, Prince Edward's Island, New Brunswick, Newfoundland); рудиментарное участіе общественныхъ силъ въ управленіи получила Австралія. Изъ трехъ указанныхъ выше основныхъ въ настоящее время типовъ колоній извѣстны были только два—„коронная“ колонія и колонія „съ представительнымъ управленіемъ“; третій—„колонія съ отвѣтственнымъ управленіемъ“—еще не зародился. Къ концу этого царствованія въ составѣ британской имперіи мы находимъ несравненно большее разнообразіе политическихъ формъ: дѣлается широко распространеннымъ только-что указанный третій типъ колоніальнаго управленія, представляющій сочетаніе полноты мѣстной автономіи съ идеей единства имперіи; этотъ типъ осложняется федеративнымъ характеромъ широкаго автономнаго управленія, полученнаго колоніями. Внутри второго типа колоній—колоній съ представительствомъ—равнымъ образомъ происходитъ

нѣкоторая дифференціація, благодаря появленію ряда новыхъ комбинацій автономныхъ и коронныхъ началъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получаетъ широкое развитіе и распространеніе. Въ результатѣ этого британская колоніальная имперія и получаетъ то совершенно своеобразное построеніе, о которомъ мы говорили выше и для котораго прежде всего характерна умѣлая и гибкая комбинація началъ автономнаго и короннаго управленія, — отъ максимума самоуправленія, съ одной стороны, до максимума централизаціи, съ другой.

Какъ совершилось это переустройство имперіи и откуда начинается процессъ перенесенія власти изъ центральнаго лондонскаго узла на периферію? Какъ это ни странно на первый взглядъ, но несомнѣнно, что непосредственной исходной точкой развитія вопроса послужила представленная парламенту оффиціальная парламентская книга [1]), произведшая глубокій и неизгладимый переворотъ въ политическомъ сознаніи англичанъ и вызвавшая къ жизни всѣ реформы имперскаго управленія въ царствованіе королевы Викторіи. Книга эта называлась „Отчетъ по дѣламъ Британской Сѣверной Америки графа Дергэма, верховнаго комиссара ея величества“ (Report on the Affairs of British North America from the Earl of Durham, Her Majesty's High Commissioner, etc., etc., etc.), и была 11-го февраля 1839 года „положена на столъ“ обѣихъ палатъ парламента. Англійская наука по справедливости высоко цѣнитъ эту книгу. Одинъ изъ историковъ Канады называетъ ее канадской „Magna Charta“; новѣйшій историкъ колоніальной политики Англіи прибавляетъ: „едвали много будетъ сказать, что отчетъ Дергэма представляетъ драгоцѣннѣйшій на англійскомъ языкѣ документъ, посвященный колоніальной политикѣ“. Мы готовы даже идти далѣе и сказать, что „Отчетъ“ Дергэма по праву долженъ былъ бы занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ общей исторіи міровой политической литературы, наравнѣ съ твореніями Монтескьё и Токвилля, Гоббеса и Локка, „Федералистомъ“ и сочиненіями Бенжамэна Констана.

Появленіе этого „Отчета“ вызвано было слѣдующимъ рядомъ событій. Актъ 1791 года, дарованный Канадѣ Питтомъ, первоначально сослужилъ свою службу: враждебныя отношенія, которыя нарождались въ прежней единой Канадѣ (Квебекѣ) между

[1]) На континентѣ привыкли говорить объ англійскихъ „синихъ“ книгахъ; эта терминологія не совсѣмъ отвѣчаетъ терминологіи англійской; часть „Parliamentary papers“ выходитъ въ синей обложкѣ и называется у англичанъ „blue books“, часть — безъ всякой обложки и называется „white books“.

англичанами и французами, стихли, благодаря превращенію этнографической границы въ границу политическую, сдѣланному въ этомъ актѣ. Но миръ продолжался не долго. Нижняя Канада, отданная французамъ, продолжала пополняться англійскими эмигрантами, и послѣдніе, вмѣстѣ съ англичанами, которыхъ актъ 1791 года засталъ въ предѣлахъ ея, составили съ теченіемъ времени довольно значительную часть населенія. Очень скоро поэтому въ составѣ представительнаго учрежденія, которымъ актъ 1791 года надѣлилъ Канаду, образовалось англійское меньшинство, искавшее поддержки у англійской администраціи. Среди французскаго населенія, подъ вліяніемъ появленія этого англійскаго меньшинства, постепенно начало зарождаться острое національное движеніе. Появилась французская пресса съ ярко выраженными національными требованіями, и началась националистическая пропаганда во имя охраны „французскихъ учрежденій, французскаго языка и французскихъ законовъ". Отчетъ Дергэма даетъ обстоятельную характеристику этого національнаго конфликта. „Двѣ различныхъ расы были сосредоточены въ предѣлахъ одной общественной единицы... Однимъ изъ коренныхъ недостатковъ англичанъ является то обстоятельство, что они смотрятъ свысока на всѣ формы, обычаи и законы, которые имъ кажутся чуждыми; привыкшіе высоко цѣнить свое превосходство, они не стараются скрывать отъ другихъ своего презрѣнія къ чужимъ обычаямъ и своей нетерпимости. Они встрѣтили во французскихъ канадцахъ одинаковый запасъ національной гордости... Французы не могли не чувствовать превосходства англійскихъ предпріятій; они не могли закрывать глаза на успѣхъ англичанъ во всякомъ начинаніи, съ которымъ они соприкасались, и на постоянное превосходство, котораго они достигали. Они смотрѣли на своихъ соперниковъ съ опасеніемъ, съ завистью и въ концѣ концовъ съ ненавистью. Англичане отвѣчали имъ злобою, которая скоро равнымъ образомъ пріобрѣла характеръ ненависти. Французы жаловались на дерзость и несправедливость англичанъ; англичане приписывали французамъ всѣ недостатки слабаго и побѣжденнаго народа и обвиняли ихъ въ низости и коварствѣ. Полное недовѣріе, которое двѣ народности привыкли питать по отношенію къ взаимнымъ намѣреніямъ, заставляетъ ихъ придавать самый черный характеръ невиннѣйшимъ дѣйствіямъ; криво судить каждое слово, каждый актъ и каждое намѣреніе; приписывать самые преступные планы и отвергать всякое проявленіе любезности и откровенности, какъ покрывающее тайныя намѣренія обмана и хитростей. Вѣра равнымъ

2*

образомъ не содѣйствовала сближенію... Общаго воспитанія не существовало для того, чтобы смягчать различіе въ происхожденіи и языкѣ... Они учились отдѣльно, и предметомъ изученія были для нихъ разныя вещи; всѣ идеи, которыя люди почерпаютъ изъ книгъ, приходили къ нимъ изъ разныхъ источниковъ... Сношенія въ зрѣломъ возрастѣ не сглаживали различій, проистекавшихъ изъ разницы воспитанія и языка въ юности; дѣла и трудъ не приводили двѣ народности къ дружескому сотрудничеству, а лишь служили предлогомъ для взаимнаго соперничества. Похвальное движеніе привело недавно французовъ къ сознанію необходимости выступить на той аренѣ, которая занята была прежде исключительно англичанами, и попытаться вступить съ ними въ соревнованіе въ сферѣ торговой; но, къ сожалѣнію, движеніе это началось только тогда, когда національная распря достигла высшей точки, и приводило только къ усиленію ранѣе существовавшей ненависти. Учрежденіе французами „Banque du Peuple“ представляетъ событіе, которое можетъ разсматриваться какъ свидѣтельство пробужденія коммерческой энергіи между французами, и можно лишь оплакивать, что успѣхъ новаго учрежденія былъ обезпеченъ путемъ прямого и полнаго исключительности апеллированія къ національнымъ чувствамъ расы. Нѣкоторые французы недавно учредили пароходную линію для борьбы съ монополіей, которая на р. св. Лаврентія принадлежала группѣ англійскихъ капиталистовъ, и, несмотря на малые размѣры и неудобства этихъ пароходовъ, на нихъ смотрѣли благопріятно въ виду превосходства въ скорости и точности. Но этого было мало для того, чтобы обезпечить за ними успѣхъ; постоянно дѣлались обращенія къ національнымъ чувствамъ французовъ для исключительнаго предпочтенія „французской“ линіи, и я видѣлъ, что въ газетахъ съ удовлетвореніемъ отмѣчался тотъ фактъ, что французскіе пароходы прибыли въ Монреаль съ многочисленными пассажирами, а англійскіе—съ очень малымъ ихъ числомъ. Англичане, съ своей стороны, апеллировали къ тѣмъ же точно чувствамъ и обычно примѣняли къ французскимъ пароходамъ эпитеты „радикальные“, „измѣнническіе“ и „невѣрные“... Общественныхъ связей между двумя народностями никогда не существовало, кромѣ какъ въ высшихъ слояхъ,—но и тамъ онѣ почти исчезли“...

На почвѣ остраго національнаго конфликта, характеристика котораго только-что дана, не могло не возникнуть конфликтовъ политическихъ. Государственный строй, созданный въ 1791 году, давалъ къ тому самыя благопріятныя условія. Онъ естественно

противопоставлялъ, съ одной стороны, исполнительную власть, находившуюся въ рукахъ англійскаго губернатора, и верхнюю палату, состоявшую изъ членовъ по назначенію этого послѣдняго, а съ другой—нижнюю палату, въ которой большинство принадлежало французамъ, а англичане находились въ меньшинствѣ. Такая политическая комбинація не могла не служить, при наличности глубокой и острой вражды между англичанами и французами, источникомъ постоянныхъ затрудненій. Эти затрудненія начались въ двадцатыхъ годахъ и къ концу тридцатыхъ достигли высшаго напряженія, выразившагося въ вооруженномъ возстаніи французскаго населенія, служившемъ свидѣтельствомъ полнаго разочарованія въ возможности мирнаго развитія внутри тѣхъ политическихъ формъ, которыя даровалъ актъ 1791 года. Прибѣгаемъ снова къ отчету Дергэма для описанія этого политическаго кризиса. Нижняя палата канадскаго парламента, въ которой преобладали французы, „смотрѣла съ завистью и недовольствомъ на ростъ и благосостояніе народности, которую она называла иностранной и враждебной; она считала провинцію достояніемъ своей народности; ея первою заботою было въ законодательствѣ блюсти интересы и чувства французскаго большинства населенія, интересы же новыхъ поселенцевъ разсматривались какъ второстепенные; она отказывалась увеличивать обложеніе путемъ установленія налоговъ на необходимыя улучшенія... Во всѣхъ рѣшеніяхъ собранія... англійское населеніе усматривало слѣды стремленія бороться съ приливомъ ихъ соплеменниковъ и ихъ успѣхами... Собраніе, на которое они жаловались, было, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ конфликтѣ съ исполнительной властью. Та часть населенія, которой принадлежала эта власть и которая при помощи законодательнаго совѣта (верхняя палата) держала въ постоянной уздѣ собраніе, съ радостью пользовалась недовольствомъ сильнаго и энергичнаго англійскаго меньшинства, предложила ему свое покровительство и приняла на себя защиту его воззрѣній; и такимъ образомъ порожденъ былъ своеобразный союзъ между англійскимъ населеніемъ и должностными лицами колоніи, которые соединились по совершенно разнымъ мотивамъ и съ совершенно разными цѣлями противъ общаго врага. Англичане ожидали реформъ и либеральныхъ мѣропріятій отъ собранія, которое отказывало въ нихъ, въ то же время требуя другихъ реформъ и прося другихъ либеральныхъ мѣропріятій отъ исполнительной власти; англичане жаловались, что они—меньшинство—страдали отъ притѣсненій власти, находившейся подъ вліяніемъ французскаго большинства. Такимъ образомъ, смѣлые и энергич-

ные демократическіе элементы вынуждены были, вслѣдствіе нетерпѣливаго ожиданія реформъ и племенной ненависти, принять сторону правительства, которое ссорилось съ большинствомъ по вопросу о народныхъ правахъ... Коварная попытка французскаго населенія достичь своихъ политическихъ цѣлей посредствомъ обращенія къ оружію привела къ общей вооруженной борьбѣ двухъ народностей. Я не буду останавливаться на грустныхъ сценахъ этой борьбы, на бурѣ страстей, которой ничто не мѣшало развиваться во время возстанія и послѣ его подавленія. Не трудно понять, въ какой сильной мѣрѣ существовавшее, какъ сказано выше, гораздо ранѣе зло было увеличено войною; какъ страхъ и жажда мести питали въ каждой части населенія горькую и непримиримую взаимную ненависть и ненависть къ учрежденіямъ страны".

Если въ Нижней Канадѣ положеніе въ концѣ тридцатыхъ годовъ пріобрѣло угрожающій характеръ, то и въ другихъ сѣвероамериканскихъ колоніяхъ оно не могло быть признано удовлетворительнымъ. То англійское населеніе, которое въ Нижней Канадѣ поддерживало англійскаго губернатора изъ ненависти къ охранительному большинству палаты, въ другихъ колоніяхъ, подъ вліяніемъ того же прогрессивнаго настроенія, открыто враждовало съ исполнительною властью, стоявшею, по силѣ конституціи, внѣ вліянія народныхъ представителей. Одна особенность всякаго колоніальнаго общества питала этотъ конфликтъ; населеніе любой колоніи постоянно обновляется притокомъ новыхъ поселенцевъ; послѣдніе, попадая въ колонію, находятъ извѣстные сложившіеся до нихъ порядки и опредѣленную группировку вліяній и авторитета; прежнее населеніе естественно складывается въ своеобразный аристократическій классъ, и новая волна поселенцевъ естественно ищетъ уравненія съ этимъ классомъ вліянія своего на направленіе мѣстныхъ дѣлъ. На нашей памяти—борьба буровъ и „уитлэндеровъ“ въ Трансваалѣ; то же mutatis mutandis естественно происходитъ во всякой колоніи. Въ Верхней Канадѣ это явленіе за первыя десятилѣтія девятнадцатаго вѣка представляетъ основное значеніе. Управленіе провинціей сосредоточивалось всецѣло въ рукахъ небольшой сравнительно партіи, извѣстной подъ именемъ „семейнаго союза“ (family compact). Пріѣзжавшіе изъ Англіи губернаторы заставали эту партію у власти и, плохо освѣдомленные о мѣстныхъ дѣлахъ, не дѣлали попытокъ передать вліяніе въ другія руки; мало-по-малу въ рукахъ этой мѣстной аристократіи сосредоточились административныя и судебныя должности и мѣста въ верхней палатѣ, гдѣ по акту 1791 года

члены назначались короной. Все остальное населеніе, постоянно нароставшее и искавшее власти, должно было довольствоваться своимъ правомъ избирать членовъ нижней палаты, что естественно придавало послѣдней оппозиціонный противъ „семейнаго союза" характеръ; при помощи верхней палаты „семейный союзъ" успѣшно боролся съ демократической половиной легислатуры, и такимъ образомъ создавался постоянный источникъ политической борьбы, менѣе острой, чѣмъ въ Нижней Канадѣ,—ибо борьба не осложнялась національнымъ конфликтомъ, — но все же очень серьезной. Вслѣдъ за началомъ вооруженнаго возстанія въ Нижней Канадѣ вспышка мятежа произошла и въ Верхней; здѣсь дѣятелями его выступили демократическіе элементы англійскаго населенія, помышлявшіе о присоединеніи къ сосѣднимъ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ принципы народнаго управленія осуществлялись гораздо полнѣе, нежели подъ властью „семейнаго союза". Вспышка эта не превосходила размѣровъ небольшого эпизода въ исторіи англійской Канады, но имѣла симптоматическое значеніе.

Болѣзненныя явленія обнаруживались и въ маленькихъ провинціяхъ на берегахъ Атлантическаго океана, административно не связанныхъ съ двумя Канадами, но управлявшихся по той же схемѣ, что и эти послѣднія. Конфликтъ между народнымъ представительствомъ, съ одной стороны, и исполнительной властью и верхней палатой, съ другой, въ болѣе или менѣе острой формѣ имѣлъ мѣсто въ Новомъ Брауншвейгѣ, въ Новой Шотландіи, на о. Принца Эдуарда и на Ньюфаундлэндѣ.

При такихъ условіяхъ естественно, что во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ англійское общественное мнѣніе, парламентъ и министерство не могли не относиться съ тревогою къ положенію дѣлъ въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ и искали путей разрѣшенія канадскаго вопроса; начавшееся въ Канадахъ возстаніе воскрешало воспоминанія борьбы за независимость Штатовъ, а сосѣдство этихъ послѣднихъ и несомнѣнное сочувствіе, съ которымъ они относились къ движенію, влекло опасность внѣшнихъ осложненій.

Первымъ рѣшеніемъ англійскаго правительства было подавить возстаніе; сдѣлать это оказалось нетруднымъ, и внѣшній порядокъ былъ быстро возстановленъ. Но государственная мудрость англичанъ не позволила имъ успокоиться на этомъ рѣшеніи. Вторымъ рѣшеніемъ было пріостановить дѣйствіе конституціи въ Нижней Канадѣ и отправить чрезвычайнаго коммиссара въ Канаду, облеченнаго неограниченными полномочіями по

умиротворенію и устройству страны. Оба эти акта слѣдовали почти непосредственно другъ за другомъ: 10 февраля 1838 года парламентъ принялъ билль о пріостановкѣ конституціи (An act to make temporary provision for government of Lower Canada; 1—2 Vict., c. 9), а въ мартѣ даны были королевою „полномочія" (commission) графу Дергэму, одному изъ видныхъ представителей виговъ, въ качествѣ „генеральнаго капитана и главнаго губернатора" Нижней и Верхней Канады, Новой Шотландіи, Новаго Брауншвейга и о. Принца Эдуарда и, вмѣстѣ, „высокаго коммиссара для урегулированія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ въ провинціяхъ Нижней и Верхней Канады касательно формы и будущаго правительства сказанныхъ провинцій". Дергэмъ провелъ въ Канадѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ; оффиціально миссія его кончилась неуспѣхомъ; нѣкоторыя его мелкія распоряженія въ Канадѣ, направленныя на удовлетвореніе требованій мѣстнаго населенія, вызвали нападки оппозиціи; либеральное министерство не поддержало Дергэма, и послѣдній предпочелъ вернуться при этихъ условіяхъ въ Англію. Покидая Америку, Дергэмъ издалъ прокламацію, обращенную къ жителямъ Нижней Канады и спокойно и гордо заявлявшую, что онъ нашелъ рѣшеніе канадскаго вопроса. „Я готовъ буду предложить такое государственное устройство для владѣній ея величества на этомъ континентѣ, — говорила эта прокламація 9 октября, — которое возвратитъ народу Нижней Канады всѣ преимущества представительной системы безъ всего зла, проистекавшаго изъ неестественной борьбы партій, — которое обезпечитъ исцѣленіе несовершенствъ въ управленіи другихъ провинцій и которое создастъ во всей британской Америкѣ состояніе удовлетворенной преданности, основанной, какъ должна всегда быть основана колоніальная преданность, на чувствахъ благодарности къ материнскому государству".

Ключъ къ такому рѣшенію вопроса лежалъ въ томъ отчетѣ, который лордъ Дергэмъ представилъ въ январѣ 1839 года колоніальному статсъ-секретарю Гленельгу; опубликованіе отчета произвело громадное впечатлѣніе въ Англіи, а успѣхъ его сторицею вознаградилъ Дергэма за внѣшнія неудачи миссіи. Практическое вліяніе, которое эта книга оказала на дальнѣйшее направленіе канадскихъ дѣлъ и на всю послѣдующую колоніальную политику Англіи, вполнѣ оправдывало гордыя слова прокламаціи 9 октября 1838 года.

Въ чемъ же заключался политическій рецептъ „Отчета"? Можно было представить себѣ двѣ политики въ Канадѣ: съ одной стороны, политику „усиленной охраны" порядка и связей между

колоніями и Англіей; съ другой, политику уступокъ требованіямъ населенія—предоставленіе власти и вліянія французскому большинству нижней палаты въ Нижней Канадѣ и англійскому радикальному большинству нижней палаты въ Верхней Канадѣ. Государственная мудрость, проявленная лордомъ Дергэмомъ, заключалась въ томъ, что ни одно изъ двухъ простѣйшихъ рѣшеній его не остановило. Онъ понялъ, что слѣдовало идти на встрѣчу требованіямъ населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ, что имперскіе интересы и интересы мѣстные не позволяютъ сдѣлать это въ той формѣ, какой требовали недовольные обѣихъ провинцій, и что метрополія способна принести въ колонію свою „pax romana", даруя ей то государственное устройство, которое она считаетъ полезнымъ и благодѣтельнымъ, а не механически подчиняясь требованіямъ самихъ колонистовъ. Онъ исходилъ изъ слѣдующихъ соображеній. „Въ Нижней Канадѣ въ основѣ безпорядковъ лежитъ конфликтъ двухъ національностей, изъ которыхъ складывается ея населеніе; пока этотъ конфликтъ не устраненъ, никакое удовлетворительное управленіе невозможно; ибо будутъ ли политическія учрежденія реформированы или нѣтъ, будетъ ли правительственное вліяніе передано большинству или меньшинству, мы можемъ быть увѣрены, что, пока вражда двухъ національностей продолжается, какой бы изъ нихъ ни вручить власть, она будетъ пользоваться ею для своихъ исключительныхъ цѣлей". „Первоначальная злая распря, которая служитъ причиною столькихъ бѣдъ,—продолжаетъ Дергэмъ,—въ настоящее время была бы лишь усугублена всякой перемѣной, при которой власть большинства усилилась бы. Планъ, которымъ имѣлось бы въ виду обезпечить спокойное управленіе въ Канадѣ, долженъ внутри себя заключать средство положить предѣлъ господству національной распри въ законодательномъ собраніи, устранивъ, сразу и навсегда, національный характеръ провинціи. Я не колеблюсь отвѣтить, какой національный характеръ долженъ быть данъ Нижней Канадѣ; она должна пріобрѣсти характеръ британской имперіи,—характеръ большинства населенія британской Америки, характеръ той великой расы, которая въ недалекомъ будущемъ станетъ первенствующей на всемъ сѣверо-американскомъ континентѣ. Не дѣлая измѣненій быстрыхъ и рѣзкихъ, могущихъ оскорбить чувства и подорвать благосостояніе существующаго поколѣнія, мы должны, однако, впредь признать первою и серьезнѣйшею обязанностью англійскаго правительства утвержденіе въ этой провинціи англійскаго населенія, съ англійскими законами и языкомъ, и не ввѣрять управленія инымъ, какъ только без-

спорно англійскому парламенту". Такова задача, которую ставитъ себѣ Дергэмъ, и въ этомъ отношеніи не безъ основанія современные намъ англійскіе публицисты видятъ въ немъ одного изъ раннихъ представителей британскаго „имперіализма". Но въ отличіе отъ имперіализма континентальнаго этотъ ранній англійскій имперіализмъ представляетъ одновременно служеніе государственному единству и служеніе свободѣ. Только свободныя учрежденія и широкое самоуправленіе способны привести въ глазахъ его къ торжеству англійской народности въ Канадѣ. „Большая часть плановъ,—продолжаетъ Дергэмъ,—предложенныхъ для будущаго управленія Нижней Канадою, предлагаютъ или какъ постоянную, или какъ временную и посредствующую схему, чтобы правительство этой провинціи было построено всецѣло на деспотическихъ началахъ или на такихъ основаніяхъ, чтобы оно находилось всецѣло въ рукахъ британскаго меньшинства. Предлагается или ввѣрить законодательную власть губернатору, съ совѣтомъ изъ предводителей англійской партіи, или придумать такую схему представительства, которая, сохраняя формы, лишила бы большинство голоса въ завѣдываніи своими дѣлами... Основное возраженіе противъ всякаго абсолютнаго управленія заключается въ томъ, что оно неминуемо имѣетъ временный характеръ; что нѣтъ никакихъ основаній полагать, будто вліяніе его за немногіе годы, которые ему позволено будетъ существовать, оставитъ населеніе болѣе способнымъ къ самоуправленію; что, напротивъ, будучи временнаго характера, оно будетъ страдать недостаткомъ устойчивости, которая такъ необходима для правительства во времена смуты. Есть всѣ основанія полагать, что завѣдомо безотвѣтственная власть будетъ самой слабою властью изъ всѣхъ возможныхъ... Англійскій народъ не привыкъ надѣяться на честность и умѣренность абсолютной власти... Губернаторъ и совѣтъ будутъ чувствовать себя постоянно подъ контролемъ... и ихъ дѣйствія пріобрѣтутъ характеръ шаткости и слабости... Что касается плановъ искусственной передачи англійскому меньшинству большинства въ парламентѣ, то не въ Сѣверной Америкѣ люди дадутъ себя убаюкать подобіемъ представительнаго управленія и позволятъ себя убѣдить, что они обладаютъ избирательными правами, когда они на дѣлѣ лишены ихъ... Единственная власть, которая способна одновременно побѣдить настоящую смуту и впослѣдствіи справиться съ національностью французскихъ канадцевъ, есть власть численнаго большинства вѣрнаго и англійскаго населенія; и единственнымъ устойчивымъ правительствомъ будетъ правительство болѣе народное, чѣмъ какое-либо до сихъ поръ существовавшее въ сѣ-

веро-американскихъ англійскихъ колоніяхъ... Я полагаю, что нѣтъ другого постояннаго и дѣйствительнаго средства уничтожить безпорядки въ Нижней Канадѣ, кромѣ административнаго объединенія ея съ одной или болѣе изъ сопредѣльныхъ провинцій. Въ уніи я вижу единственное средство устранить сразу же и всецѣло основныя причины настоящаго неудовлетворительнаго положенія... Я, конечно, не могъ бы желать подчинить французскихъ канадцевъ англійскому меньшинству, тождественному съ тѣмъ, съ которымъ они воевали; но отъ большинства, исходящаго изъ источника несравненно болѣе широкаго, они не могутъ бояться притѣсненій или несправедливостей... При существующихъ условіяхъ общее заключеніе, къ которому приводятъ меня вышеизложенныя соображенія, сводится къ тому, что парламенту безъ замедленія долженъ быть предложенъ билль, отмѣняющій 31 Geo. 3, возстановляющій унію Канадъ подъ одною законодательною властью и устрояющій ихъ какъ одну провинцію".

Въ этомъ проектѣ возсоединенія Канадъ—лишь одна сторона обширнаго, намѣченнаго въ отчетѣ графа Дергэма, плана реформъ, спеціально вызванная кризисомъ въ Нижней Канадѣ. Съ нею непосредственно и органически связанъ другой рядъ предложеній, который долженъ влить жизнь въ формы проектируемой новой политической единицы и вмѣстѣ исцѣлить всѣ несовершенства соціальнаго строя въ Верхней Канадѣ и другихъ провинціяхъ съ англійскимъ населеніемъ. Недостатковъ этихъ очень много,—разсуждаетъ Дергэмъ,—и онъ не въ силахъ ни указать всей ихъ совокупности, ни предложить всѣхъ частныхъ реформъ, которыя могли бы положить имъ конецъ. Исцѣленіе всѣхъ бѣдъ лежитъ въ осуществленіи въ Канадѣ одного общаго принципа—принципа отвѣтственнаго управленія. „Я возлагаю надежды на реформу конституціонной системы для устраненія всякихъ злоупотребленій въ управленіи колоній... Если можно найти систему, которая положитъ основанія энергичному и демократическому управленію, обезпечитъ гармонію между разными государственными властями и создастъ вліяніе стойкаго общественнаго мнѣнія на всякую подробность общественныхъ дѣлъ, мы можемъ быть увѣрены, что этого будетъ достаточно для исправленія существующихъ золъ". Эта коренная реформа должна носить демократическій характеръ; только устраненіе постояннаго вмѣшательства метрополіи и ея агентовъ и предоставленіе мѣстнымъ силамъ широкаго вліянія на направленіе дѣлъ страны способно создать „гармонію, планомѣрность и силу" мѣстной власти. Для этого не надо выдумывать какой-либо новой конституціонной

теоріи, — „требуется только послѣдовательно примѣнять начала британской конституціи“. Для этого „корона должна подчиняться необходимымъ послѣдствіямъ представительныхъ учрежденій; она должна вести управленіе въ согласіи съ народнымъ представительствомъ и должна поэтому согласиться управлять при содѣйствіи тѣхъ, кому это народное представительство довѣряетъ“. Итакъ, смута въ Канадахъ можетъ быть подавлена не какими-либо ограниченіями политическихъ правъ населенія, а переходомъ отъ „представительнаго управленія“ къ „управленію отвѣтственному“, т.-е. смѣлымъ и громаднымъ шагомъ впередъ на пути развитія демократическихъ элементовъ канадскаго государственнаго устройства. Лордъ Дергэмъ, не колеблясь, совѣтуетъ сдѣлать этотъ шагъ, ибо онъ вѣритъ въ мудрость и политическія способности своего народа. „Британскій народъ въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ есть народъ, на который мы можемъ спокойно понадѣяться и съ которымъ мы не должны торговаться изъ-за власти, ибо не личностямъ, предъявлявшимъ громкія политическія требованія, предлагаю я ввѣрить отвѣтственность за колоніальное управленіе, а самому народу“.

Единая Канада съ единымъ парламентомъ и правительствомъ, отвѣтственнымъ передъ этимъ парламентомъ, — таково то рѣшеніе, о которомъ говорилъ Дергэмъ, покидая Америку. Отчетъ прибавляетъ еще описаніе нѣкоторыхъ подробностей того политическаго зданія, которое Дергэмъ думалъ возвести на мѣстѣ фактически отчасти уже разрушеннаго смутами конца 30-хъ годовъ дуалистическаго построенія Питта. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ этихъ подробностяхъ, кромѣ одной, которая заслуживаетъ вниманія, такъ какъ она оставила слѣдъ въ исторіи колоніальной политики Англіи. Не слѣдуетъ, — полагаетъ Дергэмъ, — сосредоточивать всей политической жизни страны въ одномъ центрѣ; поглощеніе слишкомъ широкаго круга дѣлъ центральными органами (парламентомъ и министерствомъ) вредно. „Общій парламентъ, который регулируетъ частныя дѣла каждаго прихода, сверхъ общихъ дѣлъ страны, обладаетъ такою властью, которою ни одно учрежденіе, хотя бы народное по своему происхожденію, не должно обладать; такая власть уничтожаетъ политическое равновѣсіе“. Необходимо рядомъ съ общимъ парламентомъ создать систему мѣстныхъ самоуправляющихся учрежденій; нужно, чтобы ее создалъ имперскій парламентъ, ибо напрасно было бы ждать добровольной жертвы своею властью со стороны парламента колоніи.

III.

Отдѣльныя части „Отчета“ лорда Дергэма были тѣсно связаны между собою: онъ хотѣлъ объединенія Канады, потому что это давало возможность осуществить широкое внутреннее демократическое самоуправленіе, способное сплотить всѣ элементы страны; онъ желалъ осуществленія этого широкаго самоуправленія лишь подъ условіемъ объединенія Канады, ибо только при такой обстановкѣ англійское большинство населенія получало первенствующую роль въ управленіи.

Циклъ реформъ, предлагавшихся Дергэмомъ, не былъ сразу осуществленъ цѣликомъ. Консерватизмъ, свойственный даже либеральной Англіи, не позволилъ стоявшему тогда у власти министерству Мельбурна рискнуть полнымъ отреченіемъ отъ всѣхъ традицій колоніальнаго управленія и передачей въ руки канадскаго населенія всей полноты мѣстной власти. Но очень скоро, рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, отъ перваго этапа, сдѣланнаго на пути осуществленія программы Дергэма, правительству пришлось силою вещей перейти на второй. Осуществивъ въ 1840 г. объединеніе Канады, англійское министерство къ 1847 г. должно было всецѣло признать принципъ отвѣтственнаго правительства. И это не было случайностью: внутри „Отчета“ лорда Дергэма лежало столько логической послѣдовательности и цѣлостности, что принятіе одной части заключавшихся въ немъ совѣтовъ требовало принятія и другой, хотя бы взаимная связь той и другой и ускользала отъ сознанія.

Мы сказали, что Magna Charta Канады, которую канадцы видятъ въ „Отчетѣ“ Дергэма, осуществлена была сначала въ той ея части, которая касалась возсоединенія Нижней и Верхней провинцій. Въ этой своей половинѣ проектъ Дергэма, можно сказать, почти не встрѣтилъ возраженій. Въ Канадѣ онъ былъ принятъ съ чувствомъ удовлетворенія. Прежде всего, для нея онъ являлся освобожденіемъ отъ режима военнаго положенія и исключительныхъ законовъ и, съ этой точки зрѣнія, одинаково цѣннымъ для французовъ и для англичанъ. Сверхъ того, для англичанъ онъ знаменовалъ собою вѣроятность преобладанія въ будущемъ строѣ; французы же мирились съ нимъ, сознавая, что Англія никогда не согласится предоставить имъ реальное преобладаніе въ Канадѣ. Правда, среди первыхъ раздавались голоса, полные шовинизма, громко заявлявшіе, что даровать оди-

наковыя права и преимущества вѣрному британскому населенію и „той части населенія, которая по воспитанію, привычкамъ и предразсудкамъ является чуждою нашему народу и нашимъ учрежденіямъ, и въ частности тѣмъ, кто участвовалъ въ открытомъ мятежѣ или измѣнническомъ заговорѣ противъ правительства", значитъ разорвать нравственныя узы между метрополіей и Канадою. Правда, французы шли на реформу безъ всякаго сочувствія и лишь въ сознаніи невозможности осуществить свои націоналистическіе идеалы. Тѣмъ не менѣе, извѣстіе о внесенномъ въ парламентъ метрополіи лордомъ Джономъ Росселемъ биллѣ о возсоединеніи Канадъ на началахъ равнаго представительства всего населенія было встрѣчено большинствомъ съ чувствомъ несомнѣннаго удовлетворенія, и остававшееся неупраздненнымъ въ краѣ представительное учрежденіе (парламентъ Верхней Канады) ходатайствовало о скорѣйшемъ принятіи билля.

Билль Джона Росселя не встрѣтилъ серьезныхъ возраженій и въ Англіи. Пренія парламента свидѣтельствовали, что доводы Дергэма въ пользу уніи произвели большое впечатлѣніе. Конечно, безъ возраженій дѣло не обошлось и тутъ. Говорилось о томъ, что Канада слишкомъ велика, что элементы населенія слишкомъ разнородны и что соединеніе ихъ въ одно цѣлое есть не что̀ иное, какъ опасное узаконеніе анархіи; говорилось о томъ, что лишить французское населеніе ихъ прежняго большинства несправедливо, что, въ виду начавшейся въ Канадѣ агитаціи въ пользу отвѣтственнаго управленія, объединеніе провинцій повлечетъ за собою отпаденіе ихъ отъ метрополіи, и т. д., и т. д.— Тѣмъ не менѣе, билль былъ принятъ въ обѣихъ палатахъ и сдѣлался закономъ. Согласно этому закону (3 and 4 Vict., c. 35: An act to reunite the provinces of Upper and Lower Canada, and for the government of Canada), Нижняя и Верхняя Канада долженствовали образовать одну колонію; въ этой колоніи создавался парламентъ изъ двухъ палатъ: законодательнаго совѣта и собранія; законодательная власть должна была впредь осуществляться „ея величествомъ съ согласія и совѣта" этого законодательнаго совѣта и собранія; совѣтъ состоялъ изъ членовъ по назначенію, а собраніе—изъ членовъ въ равномъ числѣ отъ прежней Нижней и прежней Верхней Канады, избираемыхъ населеніемъ. Согласно биллю, время провозглашенія единства Канадъ должно было быть опредѣлено королевою въ совѣтѣ; правительство не замедлило сдѣлать это, и въ 1841 г. былъ открытъ первый парламентъ Канады.

Вторая основная половина проекта реформы, изложеннаго въ

„Отчетѣ“ лорда Дергэма—введеніе отвѣтственнаго управленія—не была воспринята англійскимъ правительствомъ. Въ законѣ о соединеніи Канадъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на такую реформу; статья его, посвященная исполнительной власти, говоритъ, что въ помощь генералъ-губернатору Канады будетъ созданъ исполнительный совѣтъ, члены котораго будутъ назначаться королевой по ея выбору. Во время преній въ палатѣ общинъ одинъ изъ выдвигавшихся тогда вождей консервативной оппозиціи, Гладстонъ, рѣзко заявилъ, что принципъ отвѣтственнаго правительства въ колоніи при сохраненіи надъ нею верховной власти Англіи представляется ему „самымъ легкомысленнымъ заблужденіемъ“, и съ своей стороны правительство не считало возможнымъ осуществленіе этого начала. Еще до принятія билля осенью 1839 года, колоніальный статсъ-секретарь лордъ Джонъ Россель высказался противъ принятія проекта лорда Дергэма по этому вопросу, но сдѣлалъ это, однако, въ гораздо менѣе рѣзкой и категорической формѣ, нежели ораторы оппозиціи. Онъ готовъ былъ признать разумную въ основѣ своей сторону проекта. Въ одной изъ раннихъ инструкцій своихъ канадскому генералъ-губернатору Томсону онъ давалъ ему слѣдующій совѣтъ: „Важность сохранять возможно полную гармонію между политикою правительства и законодательной власти безспорна, и вы будете, конечно, стараться призывать въ качествѣ совѣтниковъ и брать на службу такихъ лицъ, которыя по своему положенію и характеру пользуются общимъ довѣріемъ и уваженіемъ *жителей провинціи*“. Формула эта по своей неопредѣленности, конечно, не равнозначаща была проекту Дергэма, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не являлась и его отрицаніемъ. Возвращаясь въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ инструкцій къ тому же вопросу, лордъ Россель даетъ болѣе подробныя указанія. „Съ формулою „отвѣтственное правительство“ не соединено совершенно опредѣленныхъ представленій...—Англійская конституція послѣ долгой борьбы вылилась въ форму правительства, въ которой прерогативы короны безспорны, но никогда не осуществляются безъ совѣта. Поэтому только способъ осуществленія прерогативы подлежитъ возможному оспариванію, и хотя бы примѣненіе власти и было осуждено, тѣмъ не менѣе самая власть остается незатронутою... Таково практическое разрѣшеніе великой проблемы и результатъ спора, который за 1640—1690 гг. свергнулъ монархію и нарушилъ миръ страны... Но если мы будемъ пытаться примѣнять ту же практику къ колоніи, то мы сразу же сдѣлаемъ ошибку. Власть, за которую министръ отвѣчаетъ въ Англіи, не есть его власть, а власть

короны, которой органомъ въ это время онъ является. Очевидно, исполнительный совѣтникъ въ колоніи находится въ иномъ положеніи. Губернаторъ, подъ властью котораго онъ служитъ, получаетъ приказанія отъ короны Англіи. Но развѣ колоніальный совѣтъ можетъ быть совѣтникомъ короны Англіи? Очевидно—нѣтъ, ибо корона имѣетъ другихъ совѣтниковъ для тѣхъ же дѣлъ, обладающихъ высшимъ авторитетомъ.... Можетъ случиться поэтому, что губернаторъ получаетъ одновременно инструкціи отъ королевы и совѣты отъ своего исполнительнаго совѣта, совершенно различные по содержанію. Если онъ послушается инструкцій изъ Англіи, подобіе конституціонной отвѣтственности совершенно падаетъ; если, напротивъ того, онъ послѣдуетъ указаніямъ своего совѣта, то онъ будетъ не подчиненнымъ чиновникомъ, а независимымъ сувереномъ". Изъ этихъ общихъ положеній можно было бы ожидать совершенно отрицательнаго вывода по вопросу объ отвѣтственномъ правительствѣ, и на континентѣ этотъ выводъ и былъ бы, вѣроятно, сдѣланъ; но Россель, какъ истинный англичанинъ, понимаетъ, что въ политикѣ не можетъ быть абсолютныхъ формулъ, и сейчасъ же вноситъ оговорку, которая совершенно мѣняетъ дѣло. Есть случаи,—продолжаетъ свои разсужденія Россель,—когда объ отвѣтственномъ министерствѣ въ колоніи и рѣчи быть не можетъ: таковы вопросы войны и внѣшнихъ сношеній; но даже и въ вопросахъ внутренняго управленія колоніи корона не всегда можетъ отказаться отъ непосредственнаго воздѣйствія. Но это не всегда такъ, и поэтому общее заключеніе инструкціи сводится къ слѣдующему. „Правительство королевы не имѣетъ желанія идти наперекоръ тѣмъ реформамъ и улучшеніямъ, къ которымъ стремятся представительныя собранія британской Сѣверной Америки. Оно нисколько не хочетъ превратить эти провинціи въ поле для карьеры своихъ чиновниковъ. Оно настойчиво желаетъ дать таланту и характеру выдающихся дѣятелей колоніи тѣ же преимущества, коими пользуются талантъ и характеръ на государственной службѣ въ Соединенномъ Королевствѣ". Этотъ практическій совѣтъ, обращенный къ генералъ-губернатору, подкрѣпленъ слѣдующею общею истиною: „Всякій государственный строй, въ которомъ высшая власть распредѣлена между разными учрежденіями, можетъ существовать лишь при взаимной уступчивости тѣхъ, между которыми распредѣлена власть. Губернаторъ долженъ противодѣйствовать волѣ собранія лишь тогда, когда честь короны и интересы имперіи глубоко затронуты; а собраніе должно быть готово измѣнить нѣкоторыя изъ своихъ мѣропріятій во имя взаимнаго

согласія и изъ почтительной преданности власти Великобританіи".

Несмотря на ту сдержанность, которую англійское правительство въ лицѣ лорда Джона Росселя проявляло по вопросу объ утвержденіи началъ отвѣтственнаго правительства въ Канадѣ, и несмотря на довольно строгія подчасъ заявленія англійскихъ губернаторовъ въ томъ смыслѣ, что предложенный Дергэмомъ планъ „повлечетъ за собою результаты несовмѣстные съ положеніемъ колоніи, какъ владѣнія британской короны", канадское общественное мнѣніе, ознакомившись съ этимъ планомъ, приняло его близко къ сердцу. Одинъ изъ мало расположенныхъ къ принципу „отвѣтственнаго правительства" агентовъ англійской власти въ Канадѣ со скорбью доносилъ: „Горестны результаты „Отчета" лорда Дергэма. Призывъ къ „отвѣтственному правительству" былъ съ жадностью подхваченъ, и ядъ дѣйствуетъ губительно". Дѣйствительно, читая синія книги, которыя изданы были за эти годы англійскимъ правительствомъ по дѣламъ Канады, мы видимъ, что онѣ полны горячими адресами со всѣхъ концовъ страны въ пользу осуществленія этой реформы во всей ея полнотѣ. Англійское правительство, сначала отвѣчавшее на эти адресы по образцу приведеннаго выше заявленія, должно было считаться съ этими единодушными пожеланіями и стало позднѣе особенно подчеркивать увѣреніе, изложенное въ заключительной части инструкціи лорда Джона Росселя, о томъ, что имперское правительство одушевлено желаніемъ вести управленіе Канады „въ согласіи съ чувствами населенія".

Это настроеніе нашло себѣ полное выраженіе въ средѣ перваго, собравшагося послѣ провозглашенія уніи, парламента. Послѣдній пожелалъ оформить и закрѣпить въ болѣе точныхъ постановленіяхъ общія увѣренія, содержавшіяся въ инструкціяхъ колоніальнаго статсъ-секретаря, лорда Джона Росселя, и въ заявленіяхъ губернаторовъ, образецъ которыхъ былъ только-что приведенъ. Въ іюнѣ 1841 года, при открытіи парламента, вновь назначенному генералъ-губернаторомъ министру юстиціи (Attorney General) колоніи предъявленъ былъ запросъ, намѣрено ли правительство придерживаться началъ отвѣтственнаго управленія; министръ юстиціи отвѣтилъ въ утвердительномъ смыслѣ. Затѣмъ, по предложенію секретаря колоніи (должность, соотвѣтствующей которой нѣтъ въ министерствахъ другихъ государствъ,—министръ, вѣдающій государственную переписку), Гаррисона, парламентъ принялъ слѣдующія резолюціи: „1) глава исполнительнаго правительства провинціи, являющійся въ сферѣ своего управленія пред-

ставителемъ суверена, отвѣтственъ только передъ имперскою властью; тѣмъ не менѣе, управленіе нашими мѣстными дѣлами можетъ вестись имъ лишь съ помощью, по совѣту и на основаніи сообщеній подчиненныхъ чиновъ провинціи; 2) съ цѣлью охраны между различными отраслями провинціальнаго управленія той гармоніи, которая необходима для мира, благополучія и добраго управленія провинціи, главные совѣтники представителя суверена, составляющіе ему подчиненную провинціальную администрацію, должны быть людьми, обладающими довѣріемъ народа; такъ создана будетъ гарантія, что разумныя желанія и интересы народа, которые, какъ заявила всемилостивѣйшая монархиня наша, будутъ руководить провинціальнымъ управленіемъ, всегда будутъ вѣрно представлены и защищаемы; 3) народъ этой провинціи имѣетъ, сверхъ того, право ожидать отъ такой провинціальной администраціи всяческихъ стараній, направленныхъ на то, чтобъ имперская власть, внутри своихъ конституціонныхъ границъ, осуществлялась способомъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ его разумнымъ желаніямъ и интересамъ".—Эти резолюціи были приняты съ согласія генералъ-губернатора и составили такимъ образомъ „конституціонное соглашеніе", по значенію своему и обязательной силѣ совпадающее съ тѣми конституціонными соглашеніями, на которыхъ покоится значительная часть нормъ государственнаго права въ Англіи. Канадскіе государствовѣды придаютъ большое значеніе этимъ резолюціямъ и связываютъ съ ними начало новой эры въ исторіи государственнаго строя своей страны. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что приведенныя резолюціи значительно опредѣленнѣе, нежели инструкція Росселя, но все же и здѣсь совершенно точной формулы отвѣтственнаго министерства—въ томъ смыслѣ, какъ это учрежденіе понимается въ парламентарныхъ странахъ—еще не дано: точная формула гласила бы, что совѣтниками короны, въ данномъ случаѣ генералъ-губернатора, являются дѣятели, которые пользуются поддержкою большинства нижней палаты. „Правительство партій", въ полномъ значеніи этого слова, на дѣлѣ еще не сложилось въ Канадѣ въ то время, когда приняты были эти резолюціи, да и не могло сложиться сразу и безъ всякихъ уклоненій въ сторону.

Первые годы послѣ объединенія Канады главною фигурою въ управленіи страны остается генералъ-губернаторъ. Первое народное представительство состояло главнымъ образомъ изъ англійскихъ элементовъ, преданныхъ коронѣ, и вліяніе на нихъ генералъ-губернатора Поулеттъ Томсона, потомъ лорда Сайден-

гэма, было настолько велико, что строгій парламентаризмъ не могъ найти себѣ мѣста; послѣ смерти лорда Сайденгэма и недолгаго генералъ-губернаторства сэра Багота должность эту занялъ лордъ Меткафъ, въ 1844 году. Вступая въ нее, лордъ Меткафъ заявилъ, что будетъ руководствоваться принципами управленія, установленными въ резолюціяхъ парламента 1841 года, но не сумѣлъ сохранить того нейтралитета, который по отношенію къ отдѣльнымъ партіямъ въ парламентѣ былъ для него послѣ такого заявленія обязателенъ. Затрудненія начались съ того, что онъ разошелся во взглядахъ съ своимъ министерствомъ; послѣднее, располагавшее большинствомъ въ парламентѣ, вынуждено было, въ виду разногласія, выйти въ отставку; генералъ-губернаторъ призвалъ для ихъ замѣщенія дѣятелей, раздѣлявшихъ его воззрѣнія, и распустилъ парламентъ, чтобы добиться большинства въ пользу своихъ единомышленниковъ; большинство это онъ получилъ, но общій результатъ его активнаго вмѣшательства въ управленіе былъ неблагопріятнымъ. Въ глазахъ той партіи, къ которой принадлежало вышедшее въ отставку министерство, да и въ глазахъ всего населенія, лордъ Меткафъ превращался въ сторонника противной политической группы, а новое министерство получало окраску его личнаго выбора. Прямого конфликта въ виду полученнаго въ новомъ парламентѣ большинства не было, но большинство это было незначительно, и представлявшійся весьма вѣроятнымъ переходъ послѣдняго въ будущемъ къ партіи, съ которой въ лицѣ ушедшихъ министровъ поссорился лордъ Меткафъ, грозилъ существенными осложненіями. Конфликтъ этотъ избѣгнутъ былъ тѣмъ, что лордъ Меткафъ заболѣлъ и вышелъ въ отставку; миссія слѣдующаго генералъ-губернатора, лорда Каткарта, носила временный характеръ: это былъ генералъ, присутствіе котораго во главѣ управленія вызывалось серьезнымъ конфликтомъ между Англіей и Соединенными Штатами изъ-за пограничной черты въ Орегонѣ. Тѣмъ временемъ въ Англіи власть перешла въ руки либеральнаго кабинета лорда Джона Росселя; англійскимъ либераламъ Канада обязана была актомъ 1840 года и первымъ шагомъ на пути осуществленія „отвѣтственнаго управленія“; они считали себя обязанными довершить начатое ими дѣло и исправить тѣ ошибки, которыя сдѣлалъ въ Канадѣ лордъ Меткафъ. Лордъ Каткартъ не былъ пригоденъ къ роли строго конституціоннаго правителя, и былъ замѣщенъ однимъ изъ лучшихъ дѣятелей Англіи „за моремъ“, знаменитымъ впослѣдствіи посломъ въ Китаѣ и вице-королемъ Индіи, лордомъ, потомъ графомъ Эльджиномъ, мужемъ дочери лорда Дергэма.

Либеральное правительство предписало Эльджину осуществить принципъ отвѣтственнаго управленія Канадою. Казалось, задача эта не представляла особыхъ затрудненій. Между тѣмъ на дѣлѣ Эльджину пришлось столкнуться съ величайшими трудностями, и только твердая воля, недюжинная политическая выдержка и ясное сознаніе долга помогли ему преодолѣть эти трудности. Когда новый генералъ-губернаторъ прибылъ въ Монреаль, тогдашнюю столицу колоній, онъ нашелъ у власти министерство друзей лорда Меткафа, канадскихъ торіевъ; въ оппозиціи находилась смѣшанная группа, состоявшая изъ депутатовъ отъ французскаго населенія и отъ англійскихъ радикаловъ, объединенныхъ подъ главенствомъ французскаго дѣятеля Лафонтэна. Торіи твердо уповали на то, что въ лицѣ лорда Эльджина они найдутъ ту же поддержку, которую они имѣли въ лицѣ лорда Меткафа, въ свое время, черезъ голову парламента, призвавшаго ихъ къ власти. Такія надежды основывались на томъ, что либеральная оппозиція по своему личному составу совпадала съ тѣми общественными кругами Канады, которые несли нравственную отвѣтственность за возстаніе конца 30-хъ годовъ: французы Нижней Канады и радикалы Верхней одинаково казались враждебнымъ Англіи „мятежнымъ“ элементомъ населенія въ глазахъ торіевъ, считавшихъ себя монополистами чувствъ англійскаго патріотизма и преданности коронѣ. Первая сессія парламента, по прибытіи лорда Эльджина, прошла благопріятно: тори съ трудомъ, но все же находили поддержку въ немъ; съ своей стороны лордъ Эльджинъ оказывалъ имъ полное довѣріе и работалъ въ полномъ съ ними согласіи. Но въ началѣ новой сессіи положеніе измѣнилось; тори утратили незначительное большинство, которымъ располагали; имъ оставался одинъ путь — распустить парламентъ и сдѣлать новые выборы; лордъ Эльджинъ въ строгомъ согласіи съ англійскою конституціонной доктриной подчинился совѣту своего министерства и назначилъ выборы. Результатъ былъ неблагопріятный для торіевъ, и первое голосованіе новаго парламента обнаружило, что палата не поддерживаетъ ихъ. Наступилъ тотъ моментъ, когда приходилось обратиться къ оппозиціи и призвать вождей ея составить министерство. Лордъ Эльджинъ, не колеблясь, обратился къ Лафонтэну, и передалъ власть „вчерашнимъ мятежникамъ“. Это вызвало взрывъ негодованія и обвиненій по адресу генералъ-губернатора въ измѣнѣ британскому дѣлу въ Канадѣ. Лордъ Эльджинъ спокойно отвѣчалъ на эти нападки: „Вы играете мнѣ на руку; я желаю, чтобы мнѣ довѣряли французскіе канадцы, а они крайне чувствительны и подозрительны,

какъ всѣ люди, которые чувствуютъ себя низшими и полагаютъ, что ихъ угнетаютъ...; но если вы еще годъ будете дѣйствовать такъ, какъ вы теперь дѣйствуете, объявляя меня своимъ врагомъ и ихъ другомъ, то вы въ концѣ концовъ убѣдите ихъ, что мнѣ „можно довѣрять“, и я останусь въ выигрышѣ“. Въ этихъ словахъ лежала глубокая истина, еще разъ подтвердившая государственную мудрость совѣтовъ лорда Дергэма; политика довѣрія населенію и дарованіе ему широкихъ политическихъ правъ во имя сохраненія pax britannica въ Канадѣ увѣнчалась успѣхомъ, и французскіе канадцы стали постепенно убѣжденными сторонниками англійскаго владычества.

Колоніальный статсъ-секретарь въ кабинетѣ Росселя, графъ Грей, на сообщеніе Эльджина о новомъ министерствѣ отвѣтилъ полнымъ одобреніемъ: принципъ отвѣтственнаго управленія впервые восторжествовалъ такимъ образомъ во всей полнотѣ. По отношенію къ министерству Лафонтэна лордъ Эльджинъ занялъ то же положеніе, какое онъ занималъ по отношенію къ министерству торіевъ, — положеніе конституціоннаго монарха, управляющаго съ совѣта отвѣтственнаго передъ парламентомъ партійнаго кабинета. Но уже съ первыхъ шаговъ дѣятельности новаго правительства обнаружились большія трудности. Кабинетъ Лафонтэна внесъ въ парламентъ билль о возмѣщеніи убытковъ, которые населеніе потерпѣло во время возстанія 1837—38 гг. Первоначально, когда вопросъ этотъ впервые былъ поднятъ, еще до генералъ-губернаторства Эльджина, имѣлись въ виду убытки, вызванные дѣйствіями мятежниковъ, но министерство Лафонтэна расширило этотъ проектъ и предложило возмѣстить и тѣ убытки, которые произошли отъ дѣйствій войскъ во время подавленія мятежа. Англійское населеніе, принадлежавшее къ торіямъ, усмотрѣло въ этомъ актѣ своего рода награду за мятежъ и подняло страшный крикъ какъ въ стѣнахъ парламента, такъ и внѣ ихъ. Въ парламентѣ не удалось добиться измѣненія билля; послѣдній былъ принятъ большинствомъ голосовъ, и всѣ усилія оппозиціи направились на то, чтобы заставить лорда Эльджина воспротивиться его введенію въ дѣйствіе. Со всѣхъ сторонъ къ нему стали стекаться самыя рѣзкія и рѣшительныя требованія, въ которыхъ говорилось, или что онъ долженъ распустить парламентъ, или что онъ долженъ отказать въ санкціи биллю. Несмотря на эти требованія и на угрозы, въ нихъ заключавшіяся, лордъ Эльджинъ, — въ противность господствовавшему въ оппозиціи убѣжденію, что онъ не рѣшится дать самъ королевскую санкцію (royal assent) закону о возмѣщеніи убытковъ, а передастъ во-

просъ на рѣшеніе въ Лондонъ, на что онъ имѣлъ право,—сдѣлалъ это; по обычаю, санкція давалась въ присутствіи парламента чтеніемъ списка утверждаемыхъ биллей. „Когда клеркъ парламента, — повѣствуетъ біографъ лорда Эльджина,—прочелъ названіе: „Актъ объ индемнизаціи населенія, коего собственность разрушена была во время возстанія 1837 и 1838 гг.", въ палатѣ царило мертвое молчаніе; на минуту присутствующіе затаили дыханіе: потомъ со стукомъ и ропотомъ часть аудиторіи бросилась къ дверямъ. По выходѣ на улицу, знаки неодобренія смѣнились криками и гнѣвными возгласами. Передъ зданіемъ парламента быстро собралась толпа... Около шести часовъ, покончивъ съ дѣлами, лордъ Эльджинъ собирался оставить зданіе парламента. Но какъ только онъ показался, толпа съ крикомъ набросилась на него. На короткомъ промежуткѣ ста ярдовъ до кареты онъ былъ засыпанъ гнилыми яйцами; одно изъ нихъ попало ему въ лицо, а другія покрыли его одежду. Его кучеръ, лошади, экипажъ были забросаны грязью, и онъ уѣхалъ, сопровождаемый криками и дождемъ грязи и камней. Около семи часовъ Монреаль находился въ состояніи дикаго возбужденія. Звучалъ набатъ и крикуны бѣжали по улицамъ, призывая на митингъ на Марсовомъ полѣ въ восемь часовъ... На митингѣ рѣшено было: „Довольно резолюцій мы принимали: настало время дѣйствовать". Палата имѣла вечернее засѣданіе, и туда около девяти часовъ бросилась толпа. Яркое освѣщеніе оконъ было большой приманкой, и вскорѣ камни посыпались среди депутатовъ. Сразу начался всеобщій переполохъ... Толпа вбѣжала въ зданіе и быстро разогнала депутатовъ... Какой-то человѣкъ съ разбитымъ носомъ занялъ кресло спикера и съ смѣшнымъ кромвелевскимъ величіемъ торжественно заявилъ: „Я распускаю эту палату". Повидимому, толпа не имѣла опредѣленнаго плана, но по случайности или вслѣдствіе заранѣе обдуманнаго намѣренія зданіе скоро загорѣлось. Оно заключало въ себѣ двѣ цѣнныхъ библіотеки и большое количество казенныхъ изданій. Огонь распространился съ такой быстротой, что въ четверть часа зданіе было объято пламенемъ, и лишь немногое удалось спасти... Около одиннадцати часовъ разрушеніе было полное и толпа разсѣялась".

Мятежъ самъ по себѣ не имѣлъ послѣдствій; но чувства ненависти по отношенію къ лорду Эльджину, которыхъ выраженіемъ онъ служилъ, улеглись не скоро. Въ одной изъ синихъ книгъ, изданныхъ въ тѣ годы въ Англіи, напечатаны образцы прокламацій, которыя ходили въ Канадѣ среди англійскаго населенія во время монреальскихъ событій; вотъ выдержки изъ воззванія,

въ которыхъ ярко выражается настроеніе оппозиціонныхъ группъ: „Позоръ Великобританіи завершился! Канада продана и выброшена за бортъ! Билль объ убыткахъ за время возстанія прошелъ. Губернаторъ осыпанъ гнилыми яйцами!.. Конецъ начался. Англосаксы! Вы должны жить для будущаго. Оставаясь вѣрными самимъ себѣ, вы обязаны выше всего поставить свое кровное происхожденіе и свою народность. Вы будете англичанами, хотя бы и не оставаясь британцами. Подданными кого и чего вы являетесь теперь? Пусть каждый отвѣтитъ на это самъ. Кукла въ мантіи (Эльджинъ) должна быть отозвана или изгнана всеобщимъ презрѣніемъ народа...“ Или въ другомъ листкѣ: „Каждая минута, что вы (лордъ Эльджинъ) остаетесь, стоитъ вашей августѣйшей монархинѣ потери преданности одного изъ ея подданныхъ, и если вы не желаете, чтобы потомки называли васъ сумасшедшимъ, который потерялъ Канаду,—отправляйтесь домой“. Всякое появленіе лорда Эльджина въ Монреалѣ сопровождалось самыми рѣзкими выходками по его адресу; на него сыпались камни и грязь, и всѣ его близкіе подвергались оскорбленіямъ толпы; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль лордъ Эльджинъ вынужденъ былъ безвыѣздно находиться въ загородномъ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ, и современная каррикатура изображаетъ его въ видѣ навсегда удалившагося отъ свѣта отшельника въ пещерѣ.

Картина, которая представляется взору, когда знакомишься со всѣми подробностями этой страницы канадской исторіи, поистинѣ изумительна. Представитель имперской власти, спокойно подвергающій себя самымъ жестокимъ нападкамъ, ненависти и оскорбленіямъ со стороны англійскаго населенія, дышащаго преданностью идеѣ имперіи, и твердою рукою поддерживающій власть французскаго министерства, является во всякомъ случаѣ фигурою не банальной, если имѣть въ виду, что всѣ эти жертвы сознательно приносятся во имя имперскаго же идеала высшаго порядка. Донося о мятежѣ, лордъ Эльджинъ кончаетъ свою депешу колоніальному секретарю, графу Грею: „Я твердо убѣжденъ, что еслибы я подчинился требованіямъ торіевъ, то управленіе провинціей конституціонными средствами сдѣлалось бы невозможнымъ и борьба между страстнымъ меньшинствомъ, поддерживаемымъ силою, и большинствомъ, опирающимся на законность и установленныя формы, борьба, которая такъ долго служила главнымъ зломъ Канады..., стала бы хроническою“. Такимъ образомъ, во имя охраны мира страны лордъ Эльджинъ принесъ временный интересъ, связанный съ удовлетвореніемъ мѣстнаго англійскаго шовинизма, въ жертву болѣе высокому интересу—устано-

вленію твердаго конституціоннаго порядка въ странѣ и сохраненію того, что въ одной изъ своихъ депешъ онъ называлъ „полнымъ достоинства нейтралитетомъ“ генералъ-губернатора. Въ Лондонѣ держались тѣхъ же взглядовъ, и, отвѣчая лорду Эльджину, графъ Грей сообщалъ ему, что правительство относится съ полнымъ сочувствіемъ къ его дѣятельности въ Канадѣ и что отъѣздъ его былъ бы въ высшей степени вреднымъ для блага этой страны. Въ парламентѣ, правда, нашли себѣ откликъ крики канадской оппозиціи, но министерство Росселя твердо стало на сторону лорда Эльджина.

Событія, которыя только-что изложены, представляютъ конечный пунктъ въ исторіи утвержденія отвѣтственнаго управленія въ Канадѣ. Лордъ Эльджинъ, сумѣвъ отстоять принципъ „полнаго достоинства нейтралитета генералъ-губернатора“ во время остраго взрыва націоналистическихъ страстей, навсегда закрѣпилъ это положеніе за представителями англійской власти въ Канадѣ. Дальнѣйшая жизнь колоніи протекаетъ, строго говоря, уже внѣ непосредственнаго воздѣйствія Англіи: въ ней назрѣваютъ свои потребности, и она сама ищетъ и находитъ пути къ ихъ удовлетворенію; англійское правительство и парламентъ даютъ лишь формально необходимую санкцію имперскаго законодательства установленнымъ самой Канадой проектамъ реформъ. Основная изъ этихъ реформъ—превращеніе въ 1867 году Канады въ союзное цѣлое—лучше всего иллюстрируетъ новѣйшія отношенія между колоніей и метрополіей. Въ 1861 г. въ одной изъ такъ называемыхъ „морскихъ провинцій“—Новой Шотландіи (слѣдуетъ имѣть въ виду, что эти „морскія провинціи“ въ сороковыхъ годахъ получили „отвѣтственное управленіе“ наравнѣ съ сосѣдней Канадой)—въ законодательномъ собраніи принята была резолюція въ пользу уніи отдѣльныхъ канадскихъ провинцій; эта резолюція была передана колоніальному секретарю, который въ свою очередь отослалъ ее представителямъ короны въ отдѣльныхъ сѣверо-американскихъ колоніяхъ; послѣдніе внесли ее въ подлежащія законодательныя учрежденія, гдѣ она въ принципѣ встрѣчена была сочувственно. Въ Шарлоттстоунѣ въ 1862 г. и въ Квебекѣ въ 1864 г. состоялись совѣщанія делегатовъ отдѣльныхъ провинцій, которыя и привели къ установленію проекта союзнаго акта; въ 1865 г. этотъ проектъ принятъ былъ Канадой, Новымъ Брауншвейгомъ и Новой Шотландіей; такъ какъ по силѣ квебекскихъ резолюцій этого числа участниковъ было достаточно, чтобы образовать унію, то въ Лондонъ отправлены были делегаты для представленія имперскимъ властямъ проекта новой

колоніальной конституціи. Послѣдній внесенъ былъ въ парламентъ, принятъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ въ 1867 году и составилъ такъ называемый „Британскій сѣверо-американскій актъ", дѣйствующую конституцію Канады, объединившую съ теченіемъ времени въ одно цѣлое (Dominion of Canada) всѣ колоніи Сѣверной Америки, за исключеніемъ Ньюфаундлэнда (An act for the union of Canada, Nova Scotia, and New Brunswick, and the government thereof, and for purposes connected therewith; 30—31 Vict., c. 3). Изъ этихъ немногихъ указаній видно, что въ исторіи возникновенія союзной Канады роль имперской власти сводится къ роли отчасти посредника, отчасти своего рода „регистратора актовъ гражданскаго состоянія" колоніи; это и не могло быть иначе: принципы отвѣтственнаго управленія, внесенные въ Канаду имперской властью, дѣлали болѣе активную роль для короны невозможною.

IV.

Значеніе тѣхъ совѣтовъ, которые давалъ Англіи лордъ Дергэмъ въ 1839 году, и того опыта, который пріобрѣтенъ былъ при проведеніи въ жизнь этихъ принциповъ, отнюдь не исчерпывается предѣлами Канады; напротивъ того, они постепенно превратились въ колоніальное credo Англіи, которымъ съ сороковыхъ годовъ англійскіе государственные люди начинаютъ руководствоваться, когда имъ приходится направлять въ ту или иную сторону управленіе отдѣльныхъ своихъ колоній. Конечно, этотъ новый колоніальный символъ вѣры не можетъ исчерпываться точнымъ и буквальнымъ примѣненіемъ Дергэмовскихъ рецептовъ въ любомъ мѣстѣ и въ любое время, ибо рецепты эти близко связаны съ особыми условіями той страны, для которой они предписывались, но основная мысль, которая вдохновляетъ „Отчетъ" Дергэма и которая сводится къ тому, что политическія затрудненія въ колоніяхъ лучше всего исцѣляются перенесеніемъ туда англійскихъ конституціонныхъ образцовъ, проникаетъ глубоко въ англійское политическое сознаніе.

Изучая слѣдующій послѣ канадскаго эпизодъ колоніальной исторіи Англіи—дарованіе самоуправленія австралійскимъ колоніямъ,—мы лучше всего можемъ понять, какъ руководящая нить, извлеченная изъ „Отчета" Дергэма, помогаетъ Англіи справиться съ новыми, не имѣющими по содержанію своему почти ничего общаго съ канадскими, задачами колоніальнаго владычества.

Въ предшествующемъ изложенiи отмѣчалось, что къ началу тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтiя въ двухъ существовавшихъ тогда въ Австралiи колонiяхъ—Новомъ Южномъ Уэльсѣ и Вандименовой Землѣ (позднѣе Тасманiя)—военный режимъ, вполнѣ законный въ прежней пенитенцiарной колонiи, смѣняется гражданскимъ, а съ нимъ вносятся въ жизнь двухъ провинцiй элементарныя основы гражданственности; параллельно съ этимъ ростетъ и внутреннее благосостоянiе колонiй: увеличивается населенiе и нарождается постоянное мѣстное общество, скоро достигающее такого уровня, при которомъ коронное управленiе оказывается уже недостаточнымъ. Въ Лондонъ начинаютъ поступать постоянныя представленiя въ пользу введенiя представительнаго строя.

Дарованiе Канадѣ акта 1840 г. служитъ тѣмъ толчкомъ, который побуждаетъ имперское правительство приступить къ исполненiю доходящихъ до него изъ Сиднея требованiй. Несмотря на то, что консервативная партiя въ Англiи проявляла при обсужденiи канадскаго акта гораздо болѣе холодности къ идеѣ самоуправленiя колонiй, нежели партiя либеральная, проводившая этотъ актъ,—все же, когда консерваторы оказались у власти, они не признали возможнымъ отказаться сдѣлать первый шагъ на пути дарованiя такого самоуправленiя Австралiи. Колонiальный статсъ-секретарь лордъ Стэнли (впослѣдствiи графъ Дерби, консервативный премьеръ, осуществившiй демократическую избирательную реформу 1867 г.), провелъ чрезъ парламентъ „Актъ объ управленiи Новаго Южнаго Уэльса и Вандименовой Земли“ 1842 г. (5—6 Vict., с. 76), который превратилъ первую изъ только-что названныхъ провинцiй изъ „колонiи коронной“ въ „колонiю съ представительнымъ управленiемъ“. „Въ колонiи Новаго Южнаго Уэльса будетъ существовать законодательный совѣтъ,—гласила ст. 1 этого акта,—и этотъ законодательный совѣтъ будетъ состоять изъ 36 членовъ, и 24 члена его будутъ перiодически избираться... жителями сказанной колонiи“. „И да будетъ установлено,—добавляетъ на своеобразномъ языкѣ англiйскаго законодательства ст. 29 акта,—что губернаторъ сказанной колонiи Новаго Южнаго Уэльса, съ совѣта и согласiя сказаннаго законодательнаго совѣта, будетъ имѣть власть издавать законы для мира, благосостоянiя и добраго управленiя сказанной колонiи“. Новому представительному учрежденiю, въ которомъ элементъ коронный занималъ все же довольно видное мѣсто, законодательныя права ввѣрялись не цѣликомъ: по двумъ пунктамъ большой важности для колонiи корона сохраняла право активнаго вмѣшательства;

первый касался аграрнаго законодательства, которое всецѣло оставалось внѣ компетенціи законодательнаго совѣта, а второй— таможенныхъ пошлинъ, установленіе которыхъ требовало непосредственной санкціи королевы (а не санкціи губернатора именемъ королевы, какъ для другихъ биллей). Изъятіе аграрнаго законодательства было особенно существенно, ибо колонія жила земледѣліемъ, и вопросъ о распредѣленіи необозримыхъ пространствъ „коронныхъ земель" игралъ въ жизни ея первую роль. Въ этомъ смыслѣ строй, дарованный Новому Южному Уэльсу актомъ 1842 г., былъ еще очень далекъ отъ полнаго самоуправленія.

Нельзя не отмѣтить еще одной особенности акта 1842 г. Консервативное министерство, проводившее актъ, пожелало воспользоваться одной изъ отмѣченныхъ выше рекомендацій лорда Дергэма, — его совѣтомъ отвлечь исключительное вниманіе населенія отъ центральныхъ органовъ власти путемъ созданія сѣти мѣстныхъ единицъ самоуправленія. Съ этою цѣлью актъ 1842 г. предусматривалъ образованіе въ Австраліи ряда окружныхъ совѣтовъ съ довольно обширными функціями. Въ основѣ этой мѣры лежалъ извѣстный элементъ неискренности: дробленіе власти между рядомъ маленькихъ центровъ дѣлалось во имя сокращенія полномочій впервые дарованнаго населенію представительства, и это обстоятельство компрометировало въ глазахъ населенія значеніе акта 1842 г.

Канада жила съ „представительнымъ управленіемъ" около пятидесяти лѣтъ; Австралія прожила всего около тринадцати. Эта разница въ быстротѣ политическаго развитія очень понятна. Безспорно, ускоренію его содѣйствовалъ въ данномъ случаѣ, прежде всего, тотъ фактъ, что формула: „колонія съ отвѣтственнымъ управленіемъ"—была уже изобрѣтена и представлялась уже не тѣмъ опаснымъ новшествомъ, какимъ она была въ моментъ обсужденія канадскаго акта 1840 г. Не меньшую роль игралъ и другой фактъ: Канада была старинной колоніей, пережившей вліяніе двухъ разнообразныхъ режимовъ, наложившихъ свою особую печать на отдѣльныя части населенія; кромѣ національныхъ группъ, въ ней сложились еще и группы сословныя; соціальныя перегородки мѣшали торжеству чисто демократическаго идеала. Совсѣмъ иное представляла соціальная структура Австраліи; она была насквозь демократичной, и среди пришельцевъ, связанныхъ единствомъ языка и племени, не было элементовъ, которые могли бы поддерживать представителей англійской короны, еслибы послѣдніе пытались установить въ Австраліи что-либо подобное

„семейному союзу" въ Верхней Канадѣ или системѣ поощренія англійскаго меньшинства въ Нижней Канадѣ эпохи, предшествующей Дергэму.

Очень скоро послѣ 1842 года недостаточность акта лорда Стэнли выяснилась съ совершенною очевидностью, и какъ это ни странно на первый взглядъ, первые протесты раздались противъ введенныхъ актомъ окружныхъ совѣтовъ: протесты направлены были противъ дарованныхъ странѣ органовъ самоуправленія и въ то же время вдохновлялись идеей самоуправленія, нѣсколько иначе понимаемой; вмѣсто дробнаго самоуправленія на периферіи, Австралія требовала полноты автономныхъ правъ въ центрѣ. Настаивать на сохраненіи во что бы то ни стало измышленной для Новаго Южнаго Уэльса сложной административной системы было трудно: она совершенно не привилась на мѣстѣ. Не говоря объ общихъ политическихъ соображеніяхъ, уже отмѣченныхъ и вызывавшихъ нареканія на мѣстное устройство того типа, который осуществленъ былъ лордомъ Стэнли,—непригодность такого устройства вытекала уже изъ того, что населеніе распредѣлено было на пространствѣ Новаго Южнаго Уэльса крайне рѣдко, и внѣ крупныхъ центровъ организовать окружной совѣтъ было задачей, за рѣдкими исключеніями, матеріально невыполнимою. Одинъ изъ видныхъ агентовъ англійскаго управленія въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, разбирая систему окружныхъ совѣтовъ, резюмировалъ свои выводы слѣдующимъ труизмомъ: „Вы можете сдѣлать учрежденіе подходящимъ къ условіямъ колоніи, но вы не можете заставить колонію сдѣлаться подходящею къ извѣстному учрежденію".

Противъ такого положенія возражать не приходилось. То самое либеральное министерство лорда Джона Росселя и тотъ самый колоніальный статсъ-секретарь графъ Грей, которымъ принадлежитъ заслуга осуществленія принципа отвѣтственнаго управленія въ Канадѣ, тотчасъ по вступленіи во власть, рѣшили изыскать мѣры къ тому, чтобы и въ Австраліи „сдѣлать учрежденія подходящими къ условіямъ колоніи". Англійскому политическому творчеству чуждъ всякій радикализмъ: графъ Грей,—незамѣтно внутри одной системы управленія Канадою создавшій другую, совершенно отличную отъ первой,—и въ Австраліи не рѣшился сразу же разорвать съ актомъ 1842 года. Въ депешѣ 31 іюля 1847 г. на имя губернатора Новаго Южнаго Уэльса, опубликованіе которой въ колоніи представляетъ немаловажную дату въ исторіи конституціоннаго развитія послѣдней, графъ Грей формулировалъ свой планъ реформы въ управленіи австралійскихъ провинцій. Онъ предлагалъ, прежде всего, продолжить начатый

въ двадцатыхъ годахъ раздѣлъ Новаго Южнаго Уэльса образованіемъ нѣсколькихъ новыхъ колоній—Викторіи, Южной Австраліи и Западной Австраліи; затѣмъ, онъ предлагалъ реформировать представительство путемъ образованія двухъ палатъ, одной—выборной и другой—по назначенію; наконецъ,—и въ этомъ скрывался духъ консерватизма англійскаго государственнаго человѣка,—онъ считалъ необходимымъ сохранить систему окружныхъ совѣтовъ, лишь преобразовавъ и вливъ въ совѣты новую жизнь: „необходимо обсудить,—говорилось въ депешѣ,—какія перемѣны должно внести въ дѣйствующій законъ объ учрежденіи муниципалитетовъ, дабы обезпечить за этими учрежденіями вѣсъ и значеніе, и въ особенности не слѣдуетъ ли въ этихъ видахъ установить, что по отношенію къ нижней палатѣ они будутъ играть роль избирательныхъ коллегій". Планъ, изложенный въ депешѣ Грея, вызвалъ взрывъ негодованія въ колоніи. Несмотря на то, что проектъ образованія двухпалатнаго представительства являлся существеннымъ шагомъ впередъ и въ этомъ отношеніи долженъ былъ бы найти сочувствіе колоніи,—приведенная выше фраза о муниципалитетахъ скомпрометировала весь тщательно обдуманный планъ графа Грея. Огромный митингъ, собравшійся въ Сиднеѣ, за которымъ слѣдовали такіе же митинги на пространствѣ всей колоніи, выразилъ свое негодованіе въ слѣдующей петиціи королевѣ, которую, какъ характерный образецъ, можно привести почти цѣликомъ. „Опубликованіе депеши 31 іюля 1847 г. главнаго статсъ-секретаря вашего величества для колоній,...... наполнило насъ самыми серьезными опасеніями и отчаяніемъ... Измѣненіе конституціи этой колоніи, предложенное въ помянутой депешѣ, будетъ имѣть результатомъ лишеніе насъ избирательнаго права, которое, мы утверждаемъ это, представляетъ наше прирожденное право, какъ британскихъ подданныхъ. Мы не можемъ не полагать, что, делегировавъ наше право избирать нашихъ представителей, мы не только лишаемъ себя права дѣлать выборъ по нашему усмотрѣнію, но и права контролировать нашу законодательную власть, безъ чего ни одинъ народъ не можетъ считаться свободнымъ. Мы съ нетерпѣніемъ жаждемъ воспользоваться формой управленія, которая по возможности близко подходила бы къ принципамъ британской конституціи, и не можемъ допустить, чтобы справедливо и политично было дѣлать эту колонію полемъ теоретическихъ законодательныхъ экспериментовъ... Мы считаемъ себя вправѣ ожидать, что никакихъ существенныхъ измѣненій въ дѣйствующей конституціи не будетъ сдѣлано безъ предварительнаго согласія тѣхъ, кого личности и собствен-

ности эти измѣненія коснутся. Поэтому лица, подписавшія настоящую петицію, смиренно просятъ ваше величество не соглашаться ни на какія измѣненія въ конституціи этой колоніи, которыя предварительно не будутъ санкціонированы колонистами въ цѣломъ"... Эта резолюція и ей подобныя, и въ особенности пренія, которыя имъ предшествовали и которыя тщательно воспроизведены въ парламентскихъ англійскихъ изданіяхъ того времени, даютъ намъ ключъ къ пониманію послѣдующей исторіи Австраліи: колонисты возражаютъ противъ сложной системы управленія, рекомендуемой имъ колоніальнымъ управленіемъ, потому что видятъ въ ней нарушеніе „прирожденныхъ правъ" англичанина; рѣзкость этихъ возраженій и ихъ полное единодушіе на всей территоріи Новаго Южнаго Уэльса свидѣтельствуютъ, что въ сознаніе колоніи успѣла глубоко проникнуть потребность осуществленія въ ней англійскаго политическаго идеала, созданія мѣстнаго управленія „согласно принципамъ британской конституціи". Что̀ такое этотъ идеалъ—намъ хорошо извѣстно: двухпалатный парламентъ съ неограниченною законодательною властью и отвѣтственное передъ нимъ министерство. Говоря о „прирожденной свободѣ" англичанъ, колонисты разумѣютъ всю совокупность принциповъ англійскаго управленія, какъ одно цѣлое; въ этомъ характерная особенность политическихъ требованій Австраліи: она не раздѣляетъ въ нихъ правильной организаціи парламента отъ введенія отвѣтственнаго управленія; силою вещей эти два требованія были разъединены въ Канадѣ; здѣсь они слиты въ одно. Это дѣлаетъ переходъ къ полному самоуправленію въ Австраліи еще болѣе незамѣтнымъ, нежели онъ былъ въ Канадѣ: какъ только требованія о правильномъ представительствѣ удовлетворены, это значитъ, что тѣмъ самымъ удовлетворены и требованія объ отвѣтственномъ управленіи, — послѣднее разумѣется, когда говорится о первомъ.

Волненіе, вызванное въ Австраліи депешей графа Грея, объяснялось гораздо болѣе напряженностью требованій политической реформы, нежели самымъ содержаніемъ этого документа. Не порывая съ организаціонными проектами лорда Стэнли, Грей въ этой депешѣ въ то же время съ великою мудростью и осторожностью оговаривалъ возможность отъ нихъ отказаться: депеша его кончалась обращеніемъ къ общественному мнѣнію Австраліи съ призывомъ высказаться по поводу сдѣланныхъ имъ предложеній. Когда отрицательное отношеніе къ нимъ колоніи выяснилось, лондонское министерство могло, оставаясь вѣрнымъ себѣ, отказаться отъ отдѣльныхъ частей плана, изложеннаго въ

депешѣ Грея. Оно выбрало для этого слѣдующій путь. Оно сказало колоніи приблизительно слѣдующее: хорошо, мы отказываемся отъ переустройства вашего представительства по первоначально предложенной вамъ схемѣ и удовлетворяемъ ваше пожеланіе, чтобы измѣненія въ государственномъ устройствѣ колоніи совершились съ согласія колоніи; въ нашей программѣ есть всего одинъ пунктъ, на которомъ мы настаиваемъ, — это раздѣлъ Новаго Южнаго Уэльса;—всѣ остальныя реформы пусть осуществляетъ сама колонія; для этого ей будетъ дарована видоизмѣненная хартія 1842 г., въ которую будетъ внесенъ пунктъ о правѣ самой колоніи ее измѣнить; такая хартія, кромѣ Новаго Южнаго Уэльса, будетъ распространена на всѣ остальныя уже существующія и уже намѣченныя къ осуществленію австралійскія колоніи.

Этотъ планъ былъ осуществленъ биллемъ 1850 г. (An act for the better government of Her Majesty's Australian Colonies; 13 and 14 Vict., c. 59), который по существу дѣла представляетъ въ глазахъ его авторовъ мѣру чисто переходнаго характера. Созданіемъ представительства по образцу Новаго Южнаго Уэльса, въ Тасманіи, Викторіи, Западной и Восточной Австраліи и незначительнымъ расширеніемъ полномочій прежней законодательной власти Новаго Южнаго Уэльса исчерпывается его положительное содержаніе; весь центръ тяжести новаго закона и весь его смыслъ лежитъ въ ст. 32, которая предоставляетъ законодательнымъ совѣтамъ измѣнять какъ имъ угодно, подъ условіемъ послѣдующаго одобренія королевой, устройство законодательной власти въ подлежащей колоніи. Такимъ образомъ исполнялось пожеланіе колоній о предоставленіи имъ самостоятельнаго распоряженія своими судьбами.

Несмотря на то, что переходный характеръ акта 1850 г. былъ совершенно ясенъ самъ по себѣ и точно и открыто установленъ его текстомъ, Новый Южный Уэльсъ отнесся къ нему съ крайней враждебностью и выразилъ это чувство въ формѣ не менѣе рѣзкой, нежели та, въ которую облечены были протесты колонистовъ противъ первоначальныхъ проектовъ графа Грея. На этотъ разъ протестъ былъ принесенъ законодательнымъ совѣтомъ колоніи. Содержаніе его сводилось къ слѣдующему. Законодательный совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ выразить лондонскому правительству свое „глубокое разочарованіе и неудовольствіе", испытанное при ознакомленіи съ актомъ 1850 г. Актъ этотъ не можетъ удовлетворить колонію потому, что не даетъ ей достаточныхъ предѣловъ самоуправленія; въ цѣломъ

рядѣ существеннѣйшихъ пунктовъ право вмѣшательства метрополіи въ дѣла колоніи сохраняется неприкосновеннымъ; съ этимъ положеніемъ Новый Южный Уэльсъ помириться не можетъ и требуетъ дарованія колоніи полноты законодательной власти, права неограниченно распоряжаться своимъ бюджетомъ и „коронными землями" и признанія, что всѣ должности по колоніальному управленію, кромѣ единственно должности губернатора, должны замѣщаться лицами изъ состава населенія колоніи (1-го мая 1851 г.).

Графъ Грей въ книгѣ, напечатанной имъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ 1850 года, не можетъ удержать своей досады при воспоминаніи объ этомъ документѣ. „Законодательный совѣтъ,— говоритъ онъ,—въ своемъ „Объявленіи и Протестѣ" (такъ именовали въ Австраліи этотъ документъ) впалъ въ такія грубыя ошибки съ логической и фактической точекъ зрѣнія, что ихъ трудно объяснить себѣ иначе, какъ предположивъ, что „Объявленіе" сочинялось и вотировалось скорѣе подъ вліяніемъ чувствъ возбужденія, нежели по зрѣлому обсужденію дѣла, какъ того требовала бы важность послѣдняго". Этотъ отзывъ вполнѣ понятенъ въ устахъ колоніальнаго секретаря, которому безконечные австралійскіе протесты не могли не испортить много крови: ему справедливо казалось, что актъ 1850 г. шелъ навстрѣчу всѣмъ законнымъ пожеланіямъ колоніи и открывалъ ей возможность безпрепятственно перейти къ тѣмъ государственнымъ порядкамъ, какихъ она искала; избытокъ радикализма, проявленный законодательнымъ совѣтомъ Новаго Южнаго Уэльса, шокировалъ либеральнаго министра. Грею пришлось выслушать дѣйствительно незаслуженный упрекъ, и къ тому же выслушать его не разъ; и вновь избранное въ 1851 г. законодательное собраніе Новаго Южнаго Уэльса повторило протестъ предшествующаго собранія и снова формулировало тѣ же требованія, опредѣленнымъ образомъ ссылаясь на этотъ разъ на Канаду, какъ на образецъ того, чего добиваются колонисты. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ могъ служить для Грея лишь тотъ фактъ, что въ остальныхъ колоніяхъ Австраліи актъ его встрѣченъ былъ съ огромнымъ сочувствіемъ.

Въ намѣренія Англіи въ моментъ изданія билля 1850 года отнюдь, мы видѣли, не входило сколько-нибудь задерживать развитіе австралійскаго самоуправленія. Естественно, что въ отвѣтъ на повторный протестъ Новаго Южнаго Уэльса изъ Лондона отвѣчено было (преемникомъ Грея въ колоніальномъ статсъ-секретаріатѣ—сэромъ Джономъ Пакингтономъ) полнымъ согласіемъ

отказаться въ пользу колоніи отъ тѣхъ правъ, которыя по акту 1850 г. метрополія сохраняла за собою; для осуществленія этого перехода колоніальный парламентъ долженъ былъ, по силѣ уже дарованныхъ ему актомъ Грея правъ, подвергнуть пересмотру свою конституцію, а эта послѣдняя должна была быть прислана для утвержденія въ Лондонъ. Насколько ясно сознавалась польза дарованія колоніи полнаго самоуправленія, вытекаетъ уже изъ того факта, что рѣшеніе, принятое имперской властью въ отвѣтъ на протесты Новаго Южнаго Уэльса, было одновременно распространено и на другія австралійскія колоніи; имъ равнымъ образомъ дано было право перейти отъ режима, установленнаго въ 1850 г., къ новому, болѣе свободному.

Вопросъ въ принципѣ былъ рѣшенъ, и оставалось только оформить переходъ къ новымъ порядкамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, Викторіи, южной Австраліи и Тасманіи мѣстныя законодательныя учрежденія отдались усердной работѣ надъ установленіемъ новыхъ конституціонныхъ актовъ. Эти новые акты были отосланы на одобреніе въ Лондонъ и тамъ получили санкцію частью парламента (такъ: Новый Южный Уэльсъ и Викторіи—акты 18 and 19 Vict., с. 54, и 18 and 19 Vict., с. 59), частью королевы непосредственно (такъ: Тасманія 1856, южная Австралія 1856). Они весьма схожи между собою и содержаніе ихъ сводится къ слѣдующимъ основнымъ пунктамъ: во-первыхъ, въ каждой колоніи законодательная власть ввѣряется двумъ палатамъ—одной выборной и другой по назначенію—совмѣстно съ мѣстнымъ губернаторомъ; во-вторыхъ, послѣдній „съ согласія и совѣта“ палаты (колоніальный „король въ парламентѣ“) пользуется полнотой законодательной власти; ограниченія, установленныя по законамъ 1842 и 1850 гг., снимаются: бюджетъ дѣлается вполнѣ автономнымъ, а коронныя земли переходятъ въ распоряженіе колоніальной власти. Въ области законодательной осуществлено такимъ образомъ „полное самоуправленіе“, котораго требовали колоніи. Осуществлено ли другое требованіе, непосредственно связанное въ устахъ колонистовъ съ первымъ,—требованіе самоуправленія и въ области собственно административной? Ни одинъ изъ актовъ 1855—1856 гг. не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, и, читая ихъ, можно подумать, что объ „отвѣтственномъ управленіи“ въ колоніяхъ нѣтъ и рѣчи. Лишь при самомъ пристальномъ изученіи этихъ актовъ удается открыть нѣкоторые слѣды и намеки на реформу въ организаціи исполнительной власти, но они чрезвычайно мало опредѣленны. Въ конституціяхъ Новаго

Южнаго Уэльса и Викторіи (ст. 37) говорится такъ: „Назначеніе должностныхъ лицъ... будетъ дѣлаться губернаторомъ по рекомендаціи исполнительнаго совѣта, за исключеніемъ назначеній тѣхъ должностныхъ лицъ, кои *могутъ покидать службу по политическимъ основаніямъ*, каковыя назначенія дѣлаются губернаторомъ“; въ конституціи Викторіи (ст. 18) мы читаемъ: „Изъ числа слѣдующихъ должностныхъ правительственныхъ лицъ—колоніальный секретарь или главный секретарь, главный прокуроръ (attorney general), колоніальный казначей или казначей-коммиссаръ общественныхъ работъ, сборщикъ таможенныхъ пошлинъ или коммиссаръ по торговлѣ, главный контролеръ таможенныхъ сборовъ или коммиссаръ по короннымъ землямъ и контролю, и главный адвокатъ — или лицъ, ихъ въ данное время замѣщающихъ, по крайней мѣрѣ четверо будутъ членами совѣта или собранія (верхняя и нижняя палаты)“, а противъ этихъ словъ на поляхъ (согласно англійскому обычаю при публикаціи законовъ) стоитъ слѣдующее резюмэ статьи: „кого надлежитъ признавать *отвѣтственными должностными лицами*“. Вотъ и все, что въ актахъ 1855—1856 гг. имѣетъ нѣкоторую связь съ вопросомъ объ отвѣтственности министерства;—изъ выписанныхъ нами положеній съ безспорностью вытекаетъ лишь одно:—въ австралійскихъ колоніяхъ группа высшихъ лицъ администраціи „можетъ“ выходить въ отставку по политическимъ соображеніямъ, назначается губернаторомъ непосредственно, а не губернаторомъ въ совѣтѣ, принадлежитъ къ составу палатъ въ значительной своей части и члены ея именуются „отвѣтственными должностными лицами“. Совокупность этихъ скорѣе штриховъ, нежели опредѣленныхъ линій, даетъ въ результатѣ очеркъ, заставляющій думать объ отвѣтственномъ министерствѣ, но очеркъ этотъ не получаетъ ни малѣйшаго юридическаго чекана въ текстѣ закона, не облекается въ форму опредѣленныхъ правъ и обязанностей. Въ сущности внутри его могло бы помѣститься съ одинаковымъ успѣхомъ и министерство по назначенію губернатора въ точномъ смыслѣ этого слова. И тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что актами 1855—1856 гг. въ уже названныхъ выше колоніяхъ Австраліи вводится та самая система отвѣтственнаго управленія, которую для Канады рекомендовалъ Дергэмъ и осуществилъ на практикѣ Эльджинъ.

Депеша, при которой колоніальный секретарь отправлялъ въ колоніи акты 1855 — 1856 гг., не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній: она содержитъ прямое приказаніе губернаторамъ перейти къ системѣ „отвѣтственнаго управленія“

въ подвѣдомственныхъ имъ колоніяхъ съ момента введенія въ дѣйствіе въ нихъ этихъ актовъ. Но и безъ нея утвержденіе этого принципа метрополіей не могло бы подлежать спору: оно вытекало изъ всей переписки, за 1850—56 гг., ведшейся между Лондономъ, съ одной стороны, и Сиднеемъ, Мельбурномъ, Гобартомъ и Аделаидою—съ другой, начиная съ отмѣченныхъ выше первыхъ требованій колонистовъ о дарованіи имъ „полнаго самоуправленія", обнимающаго, въ ихъ глазахъ, какъ свое законодательство, такъ и свое управленіе.

Въ этомъ—отличительная особенность политическаго развитія Австраліи. Здѣсь развитая автономія въ сферѣ законодательной неразрывно слита съ автономіей административной: пока существуетъ старая организація законодательнаго совѣта, состоящаго изъ членовъ и по выбору, и по назначенію, и пока права послѣдняго ограничены, отвѣтственнаго министерства нѣтъ; но какъ только законодательный органъ пріобрѣтаетъ правильное устройство и полноту правъ, возникаетъ и отвѣтственное правительство. Въ послѣдующей исторіи австралійскихъ колоній мы можемъ еще дважды наблюдать переходы, гдѣ неразрывность связи между представительствомъ и отвѣтственностью министерства обнаруживается съ полною ясностью: въ первый разъ въ Куинслэндѣ и во второй разъ въ восточной Австраліи. Куинслэндъ представляетъ сѣверную часть Новаго Южнаго Уэльса, которую признано было въ 1859 г. необходимымъ выдѣлить въ особую колонію; сразу, безъ всякой переходной конституціи, подобной актамъ 1842 и 1850 гг., въ моментъ своего основанія Куинслэндъ получилъ государственное устройство по образцу, установленному въ конституціонныхъ хартіяхъ 1855—1856 гг., и одновременно отвѣтственное министерство. Здѣсь совмѣщалось не два, а даже три основныхъ момента политическаго развитія, раздѣльныхъ въ исторіи большей части колоній,—самостоятельное существованіе, автономное законодательство и отвѣтственное правительство. Восточная Австралія по акту Грея представительства не получила, а получила лишь право ходатайствовать, когда треть домохозяевъ въ ней выразятъ такое желаніе, объ учрежденіи смѣшаннаго законодательнаго совѣта по образцу установленныхъ актомъ Грея въ другихъ колоніяхъ; развитіе этой молодой и территоріально огромной колоніи шло настолько медленно, что населеніе въ теченіе двадцати лѣтъ довольствовалось коронньмъ управленіемъ, и лишь въ 1870 г. осуществило свое право просить о дарованіи того смѣшаннаго законодательнаго совѣта съ ограниченной компетенціей, которое другія колоніи

получили въ 1842 — 1850 гг. Въ 1883 г. въ колоніи начинается агитація въ пользу перехода къ болѣе развитому самоуправленію, агитація, которая приводитъ въ 1890 г. къ дарованію новой конституціонной хартіи по образцу хартій другихъ автономныхъ колоній. Здѣсь мы опять находимъ ту же странную особенность. Агитація эта пишетъ на своемъ знамени: „отвѣтственное управленіе", а между тѣмъ, читая всю опубликованную въ свое время въ Англіи обширную переписку о перемѣнахъ въ управленіи восточной Австраліи и изучая затѣмъ самый текстъ конституціи 1890 г., мы нигдѣ не видимъ, чтобы говорилось прямо объ отвѣтственномъ министерствѣ; рѣчь всюду идетъ лишь о перемѣнахъ въ организаціи и компетенціи законодательнаго органа. Но съ этими перемѣнами въ политическомъ сознаніи настолько опредѣленно связано представленіе о переходѣ къ новому порядку управленія, что никому въ голову не приходитъ объ этомъ спеціально упоминать.

Съ переходомъ восточной Австраліи къ системѣ полнаго самоуправленія, весь континентъ, на который всего сто лѣтъ передъ тѣмъ привезены были первые поселенцы въ лицѣ ссыльно-каторжныхъ капитана Филиппа, превратился въ группу англійскихъ обществъ, живущихъ полной, свободной и самостоятельной политической жизнью. Въ 1900 году эти общества слились въ одно союзное цѣлое, принявшее гордое наименованіе „Австралійское государство" (Australian Commonwealth).

V.

Переходя отъ обзора дарованія самоуправленія Канадѣ къ исторіи дарованія его австралійскимъ колоніямъ, мы отмѣчали уже огромную разницу въ быстротѣ политическаго развитія этихъ двухъ колоніальныхъ группъ. Тотъ новый эпизодъ колоніальной исторіи Англіи, котораго мы должны коснуться теперь, въ этомъ отношеніи еще характернѣе: здѣсь быстрота перехода отъ строго короннаго управленія къ полному самоуправленію достигаетъ своей высшей точки. Мы говоримъ о Новой Зеландіи. Еще въ концѣ 30-хъ годовъ Англія не признавала эти богатые и цвѣтущіе въ настоящее время острова своею собственностью. Туда направлялись въ небольшомъ числѣ англійскіе колонисты, наравнѣ съ представителями другихъ національностей, селились на берегахъ океана и устраивались совершенно свободно, внѣ всякаго контроля изъ Лондона. Въ 1840 году число англичанъ ока-

залось настолько значительнымъ, что англійское правительство, при всемъ своемъ нерасположеніи въ то время къ новымъ колоніальнымъ предпріятіямъ, рѣшилось оффиціально провозгласить свою власть надъ островами. Съ этого года основанія колоніи до момента полученія отвѣтственнаго управленія прошло всего пятнадцать лѣтъ. Вмѣсто рѣдкихъ поселковъ случайныхъ колонистовъ, черезъ этотъ короткій промежутокъ времени выросла политическая единица, снабженная сложнѣйшимъ аппаратомъ англійскаго парламентаризма.

Казалось бы, только съ усиленной поспѣшностью и дѣйствуя второпяхъ, можно было достигнуть такого результата. На первый взглядъ уже самое число лѣтъ заставляетъ предположить, будто единственною заботою Англіи было скорѣе сложить съ себя всякую дѣятельную власть въ колоніи и передать ее въ руки колонистовъ, хотя и недостаточно зрѣлыхъ для этой задачи.

На самомъ дѣлѣ было совсѣмъ иначе. Англійскіе государственные люди не отказались и здѣсь отъ привычной своей осмотрительности и точнаго политическаго разсчета; изъ только-что указанныхъ пятнадцати лѣтъ пять они потратили исключительно на то, чтобы задержать развитіе автономіи острововъ, которое, на ихъ взглядъ, началось слишкомъ рано, а затѣмъ быстро наверстали потерянное, утвердивъ эту автономію на фундаментѣ окрѣпшаго за годы задержки общественнаго строя.

Первоначальная исторія Новой Зеландіи сложилась такъ. Англійскіе и другіе колонисты заняли на островахъ сначала нѣсколько опредѣленныхъ пунктовъ, находившихся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и эксплоатировали районы этихъ первыхъ поселеній. Они нашли вокругъ способное и дѣятельное мѣстное населеніе, такъ называемыхъ маори, и сразу же стали во враждебное отношеніе къ нимъ; вражда эта объяснялась, прежде всего, земельнымъ вопросомъ; всякій захватъ земель колонистами дѣлался за счетъ маори. Англійскіе губернаторы поддерживали права этихъ послѣднихъ, гарантированныя при завладѣніи островомъ, но не въ состояніи были справиться съ колонистами. Отсюда проистекаетъ двоякій разладъ: съ одной стороны, между властью и поселенцами, а съ другой—между поселенцами и маори. Въ Лондонъ начали поступать постоянныя жалобы мѣстнаго населенія на агентовъ администраціи, и въ Англіи начали опредѣленно сознавать, что необходимо что-нибудь предпринять для улучшенія положенія.

Когда во главѣ англійскаго правительства оказался лордъ Джонъ Россель, а во главѣ колоніальнаго управленія графъ

Грей, о которомъ намъ приходилось упоминать уже такъ часто, рѣшено было прибѣгнуть для исцѣленія всѣхъ бѣдъ на островѣ къ испытанному средству—дарованію свободныхъ учрежденій. Былъ составленъ въ 1846 г. очень сложный уставъ, напоминавшій во многомъ тотъ, который Грей предложилъ въ 1847 году Новому Южному Уэльсу: колонія раздѣлена была на двѣ части, и каждая изъ нихъ получала представительное учрежденіе, по избранію англійскаго населенія; эти учрежденія выбирали представителей въ высшее, общее для всей колоніи представительное законодательное собраніе; маори никакихъ правъ въ области управленія не получали.

Губернаторъ, отправленный въ Новую Зеландію для того, чтобы привести въ исполненіе эту новую систему управленія, прибывъ туда, засталъ положеніе дѣлъ еще значительно ухудшившимся. Раздоръ между колонистами и маори превратился въ открытую войну, грозившую гибелью англійскаго дѣла въ молодой колоніи. Губернаторъ, капитанъ, впослѣдствіи сэръ Грей, сослужившій уже огромную службу Англіи въ южной Австраліи,—человѣкъ, которому Новая Зеландія больше, чѣмъ кому-либо, обязана своимъ развитіемъ [1],—понялъ, что мечта о томъ, будто при данныхъ условіяхъ фактъ дарованія представительства могъ спасти колонію, была совершенной утопіей. Онъ имѣлъ смѣлость открыто заявить колоніальному секретарю, что планъ его никуда не годился, а колоніальный секретарь имѣлъ смѣлость признать, что губернаторъ былъ совершенно правъ. Аргументація сэра Грея была очень проста. Съ одной стороны, маори,—говорилъ онъ,—достаточно интеллигентны, чтобы понять, что, платя подати и подчиняясь англійской власти, они отдаются на произволъ враждебно настроенныхъ колонистовъ; съ другой стороны, созданіе двухъ провинцій въ томъ видѣ, какъ ихъ проектировалъ уставъ 1846 года, было преждевременнымъ: англійское населеніе сосредоточено было пока въ нѣсколькихъ разобщенныхъ между собою центрахъ, и двухъ органовъ самоуправленія не могло хватать для удовлетворенія потребности участвовать въ направленіи государственныхъ дѣлъ всѣхъ остальныхъ. Губернаторъ предлагалъ поэтому совершенно забыть уставъ 1846 г. и поручить ему неограниченныя полномочія по управленію съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ (не болѣе пяти) онъ предложилъ коло-

[1] Только однофамилецъ колоніальнаго статсъ-секретаря, впослѣдствіи губернаторъ Капа и затѣмъ вторично Новой Зеландіи,—одно изъ самыхъ крупныхъ именъ въ колоніальной исторіи Англіи.

ніальному управленію проектъ новаго государственнаго устройства острововъ. Въ Лондонѣ,—„не колеблясь“, по свидѣтельству графа Грея,—приняли предложенія губернатора, и актомъ парламента 1847 г. пріостановили силу акта предшествующаго года.

Замѣна сложной конституціонной системы единоличнымъ управленіемъ капитана Грея оказалась въ высшей степени цѣлесообразною. Грей сыгралъ въ исторіи Новой Зеландіи ту роль, которую лордъ Дергэмъ сыгралъ въ Канадѣ; сосредоточивая въ своихъ рукахъ подобныя же чрезвычайныя полномочія, онъ сумѣлъ поставить столь же точный діагнозъ политическаго положенія и, когда пришелъ срокъ, сказать такъ же рѣшительно и твердо, что необходимо даровать колоніи политическія права.

Оріентировавшись въ колоніи, Грей констатировалъ, что англійскимъ поселенцамъ никогда не удастся справиться съ маори, если они объявятъ имъ открытую войну: европейскія поселенія, разбросанныя вдоль берега, были со всѣхъ сторонъ окружены ими, и послѣднія могли выбирать, гдѣ и когда напасть на англичанъ, тогда какъ англичане изъ-за отсутствія дорогъ не могли передвигаться внутри острова. Грей установилъ далѣе, что маори вполнѣ способны къ усвоенію европейской культуры; „они любятъ земледѣліе,—характеризовалъ Грей маори въ одной изъ своихъ депешъ колоніальному секретарю,—съ удовольствіемъ занимаются скотоводствомъ и коннозаводствомъ; привыкли къ морю и даютъ хорошихъ моряковъ; привязаны къ европейцамъ, восхищаются ихъ обычаями и манерами; страстно желаютъ пріобрѣсти цивилизацію и изучить европейскіе навыки; они способны къ наукѣ, во многихъ отношеніяхъ крайне добросовѣстны и вѣрны слову, любятъ отличія и представляютъ, вѣроятно, самую честолюбивую народность міра“. При такихъ условіяхъ, можно было, по мнѣнію Грея, пріобщить маори къ жизни колонистовъ и установить довѣрчивыя отношенія къ нимъ.

Эти соображенія послужили руководствомъ въ первыхъ шагахъ управленія Грея: онъ подавилъ мятежъ маори тамъ, гдѣ онъ начался, но отказался сразу же отъ мысли открыть войну противъ всего туземнаго населенія; напротивъ того, онъ сдѣлалъ все, чтобы пріобрѣсти расположеніе послѣдняго, и это ему мастерски удалось. „Въ теченіе послѣднихъ восемнадцати мѣсяцевъ,—доносилъ Грей въ Лондонъ въ 1849 г.,—туземцы въ рядѣ случаевъ самымъ яркимъ образомъ показывали, насколько увеличилось ихъ довѣріе къ нашимъ учрежденіямъ и насколько они цѣнятъ преимущества, сопряженныя съ включеніемъ ихъ въ составъ британской имперіи“.

Когда напряженное положеніе, вызванное мятежомъ маори, прошло, Грей призналъ, что настало время осуществленія обѣщанныхъ въ 1846 г. политическихъ реформъ. Но реформы эти не могли быть осуществлены въ той формѣ, въ какой ихъ проектировалъ колоніальный департаментъ. Онѣ должны были, на его взглядъ, признать двѣ особенности новозеландскаго строя: необходимость мирнаго сожитія колонистовъ съ маори и разрозненность европейскихъ поселеній; призывая населеніе къ участію въ управленіи колоніи, англійское правительство должно было подыскать такія формы, которыя отвѣчали бы этимъ особенностямъ. Съ этою цѣлью сэръ Грей выработалъ и представилъ въ 1852 г. колоніальному секретарю проектъ, какъ онъ выражался, „приложенія англійской конституціи и ея соотношенія властей къ особымъ условіямъ" Новой Зеландіи. Колонія, по его проекту, должна была бы распадаться на пять частей, съ тѣмъ, чтобы каждая изъ нихъ включала въ себѣ европейскія поселенія, настолько близкія другъ къ другу, что внутри ея съ успѣхомъ могло функціонировать самоуправленіе; въ этихъ пяти провинціяхъ и должна была сосредоточиться главная политическая жизнь Новой Зеландіи; къ участію въ провинціальныхъ законодательныхъ совѣтахъ призывались на ряду съ третью членовъ по назначенію двѣ трети выборныхъ отъ населенія безъ различія расы; компетенція этихъ законодательныхъ совѣтовъ ограничена была лишь въ пользу общаго ново-зеландскаго парламента. Послѣдній въ глазахъ Грея являлся учрежденіемъ меньшаго при тогдашнихъ условіяхъ колоніи значенія и компетенція его опредѣлялась ограничительнымъ перечнемъ вопросовъ; сюда входили вопросы о таможенныхъ пошлинахъ и о высшемъ судѣ, о монетѣ, почтѣ, банкротствѣ, брачномъ законодательствѣ и т. д. Новая Зеландія превращалась такимъ образомъ въ союзное цѣлое, и верховный его законодательный органъ былъ какъ бы прообразомъ позднѣйшихъ союзныхъ парламентовъ Канады послѣ 1867 г. и Австраліи послѣ 1900 г. Онъ состоялъ изъ законодательнаго совѣта, члены коего выбирались провинціальными законодательными учрежденіями, и представительнаго собранія изъ депутатовъ отъ населенія.

Планъ Грея, съ небольшими измѣненіями въ подробностяхъ, былъ принятъ англійскимъ правительствомъ, и въ 1852 г. утвержденный королевою парламентскій билль (An act to grant Representative Constitution to the Colony of New Zealand; 15 and 16 Vict., c. 72) даровалъ Новой Зеландіи самоуправленіе въ формѣ союзнаго цѣлаго, обнимавшаго всѣ части населенія колоніи. Лишь

послѣ того, какъ англійское населеніе сдѣлалось достаточно плотнымъ, чтобы покрыть всю территорію Новой Зеландіи, признано было, что провинціальныя учрежденія, введенныя актомъ 1852 года, отслужили свою службу, и ихъ полномочія переданы частью въ руки центральнаго парламента, частью въ руки органовъ муниципальныхъ обычнаго типа (реформа 1876 г.).

Когда сэръ Грей вырабатывалъ планъ государственнаго устройства Новой Зеландіи, онъ ошибся лишь въ одномъ. Ему казалось необходимымъ, чтобы исполнительная власть колоніи была цѣликомъ сосредоточена въ рукахъ агентовъ короны; въ этомъ, по словамъ его, лежалъ залогъ благосостоянія всего населенія колоніи безъ различія расъ; „я не думаю,—прибавлялъ онъ,—чтобы большинство подданныхъ ея величества, живущихъ въ Новой Зеландіи, желало въ настоящее время, чтобы корона отказалась отъ своихъ въ этомъ отношеніи правъ“. Это былъ несомнѣнный оптическій обманъ: дарованіе представительства, какъ свидѣтельствовалъ опытъ другихъ колоній, неминуемо влекло за собою требованіе отвѣтственнаго правительства. Черезъ два года „большинство подданныхъ ея величества, живущихъ въ Новой Зеландіи“, въ лицѣ нижней палаты парламента заявило свои права на дальнѣйшее развитіе самоуправленія колоніи. Переходъ къ строго парламентарному строю совершился слѣдующимъ образомъ.

Сэръ Грей былъ только-что переведенъ въ 1854 г. изъ Новой Зеландіи въ Капъ, гдѣ возникшія затрудненія требовали присутствія энергичнаго и способнаго агента, и во главѣ управленія Новой Зеландіи находился временный замѣститель губернатора Уиніардъ. Палата представителей, засѣдавшая въ столицѣ Новой Зеландіи, Окландѣ, 6-го іюня 1854 г. приняла и передала ему такой адресъ: „Наиболѣе важной изъ задачъ, которыхъ немедленнаго осуществленія желала бы палата, ради обезпеченія необходимаго контроля надъ провинціальной администраціей и ради укрѣпленія въ народѣ довѣрія и преданности общему правительству, является установленіе министерской отвѣтственности въ дѣлѣ направленія законодательной и исполнительной власти губернатора“. Временный губернаторъ былъ крайне смущенъ этимъ категорическимъ требованіемъ: онъ не рѣшился всецѣло сослаться на свои ограниченныя полномочія и временный характеръ своей миссіи и отвѣтить отказомъ палатѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не рѣшился санкціонировать рѣшеніе послѣдней и пришелъ къ тому заключенію, что „при отсутствіи спеціальнаго на то полномочія правительства ея величества во власти губер-

натора лежитъ лишь подготовить осуществленіе резолюціи палаты представителей и съ этой цѣлью привлечь въ составъ правительства новыхъ людей въ числѣ до трехъ, взятыхъ изъ числа членовъ нижней палаты парламента". Когда три члена нижней палаты были назначены на министерскія должности, запротестовала верхняя палата и потребовала, чтобы въ составъ правительства вошли и ея члены. Временный губернаторъ подчинился и этому требованію, назначивъ четвертаго министра изъ состава законодательнаго совѣта. Всѣ свои распоряженія онъ сообщилъ въ Лондонъ.

Прежде чѣмъ, однако, онъ успѣлъ получить отвѣтъ, нормальное теченіе государственныхъ дѣлъ было нарушено. „Нѣсколько первыхъ недѣль,—говоритъ современный документъ,—управленіе шло согласно и успѣшно. Рядъ важныхъ биллей былъ внесенъ въ парламентъ и принятъ имъ. Но по мѣрѣ того, какъ сессія подвигалась впередъ, возникли новыя обстоятельства. Образовалась сильная оппозиція, которая, хотя до сихъ поръ и была съ успѣхомъ отражаема правительствомъ, дѣлала сомнительнымъ, что можно будетъ вести государственныя дѣла въ палатахъ безъ образованія сильной и единообразной администраціи въ составѣ лицъ, занимающихъ главныя исполнительныя должности. Съ каждымъ днемъ дѣлалось все болѣе и болѣе яснымъ, что временный компромиссъ, принятый въ іюнѣ мѣсяцѣ, не будетъ имѣть успѣха". Въ результатѣ четыре парламентскихъ министра заявили временному губернатору, что признаютъ невозможнымъ оставаться въ составѣ правительства и что они совѣтуютъ ему составить отвѣтственное министерство во всемъ значеніи этого слова (августъ 1854 г.). Униіардъ пережилъ новыя минуты тревоги и колебаній; отвѣтъ изъ Лондона еще не былъ полученъ, а онъ рисковалъ тяжелымъ конфликтомъ съ палатами, съ невозможностью провести бюджетъ и необходимыя законодательныя мѣры въ перспективѣ. Въ концѣ концовъ онъ нашелъ слѣдующій выходъ; открывая послѣ короткаго перерыва сессію парламента, онъ заявилъ ему: „я предполагаю предложить на обсужденіе ваше билль объ установленіи полной министерской отвѣтственности... Этотъ билль, по принятіи его, будетъ, конечно, представленъ на благоусмотрѣніе ея величества"; онъ просилъ далѣе палаты принять бюджетъ и самые неотложные билли. Такое рѣшеніе удовлетворило палаты: онѣ обратились къ королевѣ съ петиціей, прося разрѣшить губернатору санкціонировать билль объ отвѣтственномъ правительствѣ, который онѣ должны были принять, вотировали насущнѣйшіе законопроекты и разошлись,

чтобы вскорѣ собраться для разработки этого билля. Имъ не пришлось, однако, разрѣшать эту трудную законодательную задачу [1]), ибо во время перерыва сессіи Уиніардомъ получена была, наконецъ, нетерпѣливо ожидавшаяся имъ отвѣтная депеша колоніальнаго статсъ-секретаря.

„Спѣшу,—говорилось въ этой депешѣ,—увѣдомить васъ, что правительство ея величества не встрѣчаетъ никакихъ препятствій къ установленію въ Новой Зеландіи системы, извѣстной подъ именемъ отвѣтственнаго правительства. Оно не сомнѣвается, что эта система окажется наиболѣе пригодной для удовлетворенія интересовъ и пожеланій страны“. Всѣ колебанія Уиніарда и сложный выходъ изъ положенія, имъ придуманный, признаются колоніальнымъ секретаремъ напрасными. „Я не понимаю,—продолжаетъ депеша,—взгляда, находящаго себѣ мѣсто въ представленной вами перепискѣ и въ вашемъ посланіи палатамъ 31-го августа, будто для перехода къ отвѣтственному управленію необходима какая-то законодательная мѣра. Въ нашей странѣ всѣми признанная система парламентскаго управленія, въ силу которой министры отвѣтственны передъ парламентомъ и ихъ присутствіе у власти практически зависитъ отъ голосованій двухъ палатъ, опирается не на писанномъ законѣ, а только на обычаѣ“... Никакихъ законодательныхъ актовъ поэтому не нужно для введенія новой системы...; они были бы не только излишни, но и вредны, ибо препятствовали бы разнообразнымъ частнымъ мѣрамъ, которыя, вѣроятно, необходимы будутъ для осуществленія подробностей системы, по самой природѣ своей измѣнчивой“ (депеша 8-го декабря 1854 г.).

Замѣнившій въ 1855 г. Уиніарда новый губернаторъ, полковникъ сэръ Броунъ, составилъ первое новозеландское парламентское министерство, и съ тѣхъ поръ система „отвѣтственнаго управленія“ безпрепятственно функціонируетъ въ этой колоніи.

VI.

Сороковые и пятидесятые года прошлаго столѣтія по справедливости могутъ быть названы эпохою великихъ колоніальныхъ реформъ въ исторіи Англіи. Мы видѣли, что за промежутокъ

---

[1]) Какъ извѣстно, политическая отвѣтственность министровъ ни въ одномъ конституціонномъ законодательствѣ не формулируется въ точныхъ и опредѣленныхъ подробныхъ правилахъ.

пятнадцати лѣтъ не только найденъ былъ и установленъ планъ этой реформы (отчетъ Дергэма), но эта реформа осуществлена была во всей полнотѣ въ трехъ крупнѣйшихъ колоніальныхъ группахъ имперіи—Канадѣ, Австраліи и Новой Зеландіи. Оставалась за этотъ періодъ неосуществленною лишь реформа въ четвертой изъ крупныхъ колоніальныхъ группъ—южной Африкѣ. Здѣсь приведеніе въ исполненіе Дергэмовской схемы было задержано на нѣсколько десятковъ лѣтъ, и въ эпоху „великихъ колоніальныхъ реформъ" былъ положенъ лишь первый камень на пути развитія автономіи одной части южной Африки—Капа.

Это обстоятельство не должно насъ удивлять. Южная Африка давно уже признана англичанами „крестомъ" ихъ колоніальной политики, и дѣйствительно, нѣтъ числа затрудненіямъ, которыя имъ пришлось тамъ пережить; затрудненія эти проистекали, прежде всего, изъ того, что англійскіе колонисты встрѣтились въ южной Африкѣ лицомъ къ лицу съ враждебными имъ негрскими племенами, которыя постоянно угрожали вторженіями извнѣ и мятежомъ внутри границамъ колоніи, и съ не менѣе враждебнымъ голландскимъ—бурскимъ—населеніемъ, въ наслѣдіе переданнымъ Англіи прежнимъ сувереномъ Капа—Голландіей; имперскому правительству приходилось почти непрерывно бороться за свою власть въ южной Африкѣ, то обороняясь, то переходя въ наступленіе. Спокойное и мирное развитіе колоніальнаго быта исключалось этимъ созданнымъ силою вещей положеніемъ, и вниманіе, какъ въ колоніи, такъ и въ метрополіи, постоянно отвлекалось отъ вопросовъ внутренняго благоустройства колоніи къ вопросамъ обезпеченія безопасности колонистовъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Въ Лондонѣ не могли столь же охотно снять съ себя отвѣтственность за ходъ дѣлъ въ южной Африкѣ, какъ ее сняла съ себя Англія и перенесла въ руки колонистовъ въ Канадѣ, Австраліи и Новой Зеландіи. Мы наблюдаемъ здѣсь одно коренное свойство англійской колоніальной политики. Говоря объ „Отчетѣ" лорда Дергэма, мы старались показать, какъ въ глазахъ его автора рекомендуемая имъ автономія Канады являлась средствомъ служенія чисто имперскому идеалу; эта автономія была цѣнною не сама по себѣ во имя какого-либо идеала справедливости или отвлеченной политической концепціи, не была вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденнымъ даромъ, неизбѣжною и непріятною уступкою,—напротивъ того, Дергэмъ исходилъ изъ той мысли, что интересы имперіи, какъ цѣлаго, требуютъ, чтобы населеніе каждой изъ ея частей чувствовало себя полноправнымъ членомъ этого цѣлаго, ощущало свою солидарность съ Англіей и знало,

что Англія приноситъ ему блага свободы и самоуправленія. Этотъ идеалъ „консолидаціи“ имперіи, какъ стали теперь выражаться, вдохновлялъ всѣ великія колоніальныя реформы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Тотъ же имперскій идеалъ явился помѣхою для быстраго перехода южной Африки къ режиму самоуправленія. Здѣсь Англія долго не могла быть увѣренною, что автономія послужитъ идеалу консолидаціи, и лишь послѣ того, какъ положеніе колоніи, которое описано выше, измѣнилось, она признала, что осуществленіе въ отдѣльныхъ частяхъ южной Африки самоуправленія во всей его полнотѣ стало возможнымъ.

Первыя требованія политическихъ правъ начинаютъ поступать изъ Капа въ Лондонъ одновременно съ первыми подобными же требованіями изъ Новаго Южнаго Уэльса, т.-е. въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ. Мы знаемъ, что эти послѣднія требованія были быстро осуществлены въ актѣ Дерби. Одновременно тотъ же лордъ Дерби на требованія Капа отвѣтилъ отказомъ (въ 1842 г.). Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ англійское правительство, несмотря на то, что петиціи о дарованіи представительства продолжаютъ приноситься королевѣ, продолжаетъ оставаться совершенно холоднымъ; его вниманіе поглощено завладѣніемъ территоріи, занятой кафрами, на сѣверо-восточной границѣ Капа (British Kafraria) и такъ называемаго „Государства Оранжевой Рѣки“ (Orange River Sovereignty), нынѣшней колоніи Оранжевой Рѣки, населеннаго бурами. Только вступленіе во власть министерства лорда Джона Росселя нѣсколько подвигаетъ впередъ политическую реформу въ Капѣ. Въ 1848 г. колоніальный секретарь графъ Грей отправилъ въ колонію запросъ о томъ, благопріятна ли минута для введенія представительства, и получилъ отъ губернатора утвердительный отвѣтъ. Колонисты Капа несомнѣнно желали реформы и желали ее настолько страстно, что губернаторъ для успокоенія ихъ поспѣшилъ заявить, что вопросъ уже оффиціально поставленъ на очередь. Повидимому, только это разглашеніе переписки колоніальнаго секретаря съ губернаторомъ, сдѣланное въ Капѣ, заставило перваго дать нѣкоторый ходъ дѣлу, ибо въ Лондонѣ попрежнему существовали опасенія за судьбы колоніи въ случаѣ ограниченія власти агентовъ короны. Въ концѣ концовъ правительство рѣшилось на эту мѣру, но уже самая форма, въ которую вылилась первая конституція Капа, свидѣтельствовала о томъ, что Англія не считала возможнымъ связать себя окончательнымъ образомъ. Мы видѣли, что всюду конституціонный строй вводился парламентскими актами; здѣсь признали достаточнымъ дать подписанныя

королевою полномочія (Letters patent) губернатору на созывъ представителей на основахъ, выработанныхъ капскимъ законодательнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ лицъ по назначенію (май 1850 г.).

Колонисты не довѣряли этому законодательному совѣту и протестовали противъ полномочій, данныхъ губернатору. Протестъ этотъ былъ настолько силенъ, что губернаторъ, сэръ Гарри Смитъ, попытался безъ разрѣшенія колоніальнаго секретаря привлечь въ составъ законодательнаго совѣта нѣсколькихъ лицъ по указанію колонистовъ; опытъ этотъ, напоминавшій то, что сдѣлалъ Уиніардъ въ 1854 г. въ Новой Зеландіи, не удался; „нечиновные“ члены совѣта скоро вышли въ отставку, надѣясь тѣмъ затруднить положеніе губернатора. Поступокъ сэра Гарри Смита вызвалъ самый рѣзкій выговоръ колоніальнаго статсъ-секретаря и приказаніе строго руководствоваться полномочіями 1850 г. Несмотря на новые протесты колонистовъ, англійское министерство ни на іоту не отступило отъ своего плана и въ концѣ концовъ заставило колонію подчиниться. Представительство Капъ получилъ въ формѣ изданнаго губернаторомъ 3-го апрѣля 1852 г. закона (ordinance), утвержденнаго съ нѣкоторыми измѣненіями англійской административной властью 31-го марта 1853 г. (An Order of Her Majesty in Council to confirm (with Amendments) a certain Ordinance enacted by the Governor and Legislative Council of the Cape of Good Hope for constituting a Parliament for the said colony). Актъ этотъ создавалъ въ Капѣ двѣ палаты, законодательный совѣтъ и палату собранія, ввѣряя имъ совмѣстно съ губернаторомъ законодательную власть колоніи.

Во время продолжительныхъ переговоровъ, приведшихъ послѣ долгихъ лѣтъ къ дарованію представительства Капу, англійское правительство самымъ категорическимъ образомъ заявляло, что оно никоимъ образомъ не согласится на переходъ колоніи къ „отвѣтственному управленію“; актъ 1852 (1853) года носитъ на себѣ слѣды этой заботы въ ст. 79, которая запрещаетъ министрамъ колоніи вотировать въ палатахъ, т.-е. устраняетъ совмѣстимость должности министра и члена палаты, которая характерна для „отвѣтственнаго управленія“ или, какъ выражаются въ Англіи, „управленія партій“ (party government).

Англійское правительство осталось вѣрнымъ этому заявленію и не допустило столь естественнаго послѣ дарованія представительства перехода Капа къ полному самоуправленію вплоть до того момента, когда положеніе колоніи измѣнилось. Лишь черезъ два десятилѣтія послѣ эпохи великихъ колоніальныхъ реформъ

допущено было въ Капѣ осуществленіе системы отвѣтственнаго управленія, да и то предварительно Капъ раздѣленъ былъ на двѣ части, и въ наименѣе обезпеченной въ смыслѣ безопасности и порядка сѣверной его части (Наталѣ) эта реформа задержана еще на два десятка лѣтъ, а въ самомъ Капѣ одному изъ губернаторовъ пришлось скоро нарушить принципъ отвѣтственности управленія съ одобренія и санкціи колоніальнаго департамента.

Въ теченіе двухъ десятилѣтій, слѣдующихъ за дарованіемъ Капу представительства, въ существованіи его происходятъ слѣдующія существенныя перемѣны. Прежде всего, въ 1856 г. отъ него въ цѣляхъ административныхъ и военныхъ отдѣляется Наталь, передовой клинъ, входившій въ самое сердце тѣхъ племенъ, съ которыми южно-африканской администраціи приходилось вести непрерывную борьбу; это приводитъ къ тому, что оборона восточныхъ границъ англійскихъ владѣній дѣлается задачей управленія Наталя и снимается съ управленія Капа. Затѣмъ, въ 1865 г. окончательно покоряется Британская Кафрарія, внутренняя область, занятая кафрами, о борьбѣ съ которыми пришлось уже упоминать; въ 1871 г. занимается такъ называемый западный Грикалэндъ, составляющій отнынѣ передовой оплотъ Капа съ запада; устанавливается болѣе или менѣе устойчивый modus vivendi по отношенію къ бурскому населенію путемъ признанія существованія двухъ республикъ — Оранжевой Рѣки и Трансвааля, и такимъ образомъ временно устраняется всякая внѣшняя опасность. Наконецъ, въ колоніи обнаруживаются брилліантовыя розсыпи, что, въ связи съ открытіемъ золота въ Трансваалѣ, сразу же увеличиваетъ внутреннее благосостояніе колоніи и цифру ея населенія. Совокупность всѣхъ этихъ условій измѣняетъ настолько физіономію колоніи, что мысль о дальнѣйшемъ движеніи на пути политической реформы перестаетъ уже казаться совершенно невозможною. Въ 1869 г. колоніальный статсъ-секретарь предлагаетъ Капу обсудить вопросъ объ отвѣтственномъ управленіи. Оказалось, что колонисты отнюдь не единодушно желали перенесенія на нихъ отвѣтственности за судьбы края,—такъ велико было сознаніе трудности задачъ государственной власти въ Капѣ; только черезъ два года настроеніе измѣнилось, и нижняя палата приняла предложенный губернаторомъ законопроектъ объ измѣненіи конституціи колоніи, необходимомъ для введенія парламентарнаго строя; верхняя палата—выборная по силѣ конституціи 1852 (1853) года—отвергла его. Лишь въ 1872 году этотъ билль прошелъ обѣ палаты и превратился въ законъ. Подобно тому, что мы наблюдали уже въ

австралійскихъ колоніяхъ, переходъ къ отвѣтственному управленію не вылился въ форму какихъ-либо спеціальныхъ правилъ, регулирующихъ механизмъ новаго строя; въ биллѣ 1872 г. (Constitution Ordinance Amendment Act) было сказано о положеніи министерства лишь слѣдующее: главы пяти министерствъ „могутъ“ быть членами палатъ и „могутъ“ удаляться отъ власти „по политическимъ соображеніямъ“. Мы знаемъ уже, что въ англійскомъ правѣ двухъ такихъ постановленій достаточно для полнаго обновленія всего порядка управленія.

Колебанія, предшествовавшія введенію полнаго самоуправленія, нашли себѣ скоро оправданіе. Въ 1877 г. на сѣверо-западной границѣ и въ восточныхъ округахъ Капа одновременно вспыхнуло кафрское возстаніе. Тогдашній губернаторъ колоніи, сэръ Бартль Фриръ (Sir Bartle Frere), въ сознаніи угрожавшей англійскимъ владѣніямъ опасности, считалъ настоятельно необходимымъ вызвать имперскія вспомогательныя войска, но его отвѣтственное министерство, поддерживавшееся большинствомъ въ палатахъ, воспротивилось вызову. Фриръ сдѣлалъ попытку убѣдить министерство отказаться отъ возраженій, но послѣднее очень опредѣленно отвѣтило ему, что онъ—конституціонный монархъ въ колоніи, что вопреки „совѣту“ своего кабинета дѣйствовать не можетъ и что послѣдній доведетъ войну до конца собственными средствами. Послѣ того какъ министры попытались самостоятельно принимать военныя мѣры, не спрашиваясь губернатора, сэръ Фриръ рѣшился на рѣзкое нарушеніе установленныхъ въ 1872 г. основъ государственнаго строя и замѣнить прежнее министерство новымъ изъ дѣятелей меньшинства парламента. Несмотря на совершенную неконституціонность этого поступка, колоніальный парламентъ, собравшійся нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ изложенныхъ событій, въ концѣ концовъ, въ принципѣ не отказываясь отъ защиты системы отвѣтственнаго управленія, ратификовалъ рѣшеніе губернатора, а колоніальный секретарь передалъ ему „горячее одобреніе отъ имени правительства ея величества“ (1878 г.).

Въ часъ опасности англичане сумѣли поступиться строгою послѣдовательностью; но въ томъ отличительное свойство ихъ политической мысли, что они сознавали необходимость вернуться тотчасъ же въ рамки правового порядка, и этотъ случай съ сэромъ Фриромъ остался въ исторіи Капа единственнымъ въ своемъ родѣ.

При образованіи Наталя, какъ отдѣльной колоніи (1856 г.), на него возложена была, мы сказали, значительная часть отвѣтствен-

ности за неприкосновенность англійскихъ южно-африканскихъ владѣній, лежавшей прежде цѣликомъ на Капѣ. Немудрено, что тамъ конституціонное развитіе запоздало еще больше. При учрежденіи колоніи ему даровано было представительство по той схемѣ, съ которой мы знакомы уже въ Австраліи (по акту 1850 г.): часть законодательнаго совѣта сдѣлана была выборною. Послѣ дарованія отвѣтственнаго управленія Капу, въ Наталѣ законодательный совѣтъ принялъ въ 1874 г. билль, дополненный въ 1875 г., по которому колонія получала одновременно нормальный двухпалатный парламентъ и отвѣтственное министерство. Колонисты не были твердо убѣждены въ томъ, что система эта будетъ отвѣчать условіямъ колоніи, и ограничили дѣйствіе закона 1875 г. пятилѣтнимъ срокомъ. Въ 1880 г. этотъ срокъ истекъ, и Наталь вернулся къ первоначальному строю,—строю колоніи наполовину коронной, наполовину обладающей представительствомъ. Незадолго до истеченія этого срока, колоніальный парламентъ высказался за то, чтобы полное самоуправленіе, включая и отвѣтственное управленіе, было за нимъ сохранено, но лондонское министерство самымъ категорическимъ образомъ заявило въ отвѣтъ, что считаетъ полезнымъ отложить возстановленіе системы отвѣтственнаго управленія; лордъ Кимберлей, тогдашній колоніальный статсъ-секретарь, ссылался для оправданія этого рѣшенія на то, что при отвѣтственномъ управленіи „колонія обязана будетъ сама защищать себя отъ внутреннихъ безпорядковъ и внѣшнихъ вторженій", что она не въ состояніи этого сдѣлать и что лондонское правительство „не будетъ считать себя отвѣтственнымъ за политику Наталя, если послѣдняя будетъ стоять внѣ его контроля". Конкретно въ этихъ словахъ заключался намекъ на недавно съ грѣхомъ пополамъ улаженный вооруженный конфликтъ съ Трансваалемъ, и этого было достаточно, чтобы придать много вѣса категорическому отказу лорда Кимберлея. Наталь ограничился принятіемъ въ 1883 году билля о реформѣ представительства въ смыслѣ возстановленія двухъ палатъ, и лишь въ 1893 году получилъ новую конституцію, въ основныхъ чертахъ схожую съ послѣдней конституціей Капа 1873 года и даровавшую колоніи самоуправленіе въ его полномъ объемѣ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія южная Африка пережила новый тяжелый кризисъ, по своимъ размѣрамъ превосходившій, можетъ быть, всѣ предшествовавшіе, — всѣмъ памятную англобурскую войну, — въ результатѣ котораго Англіи достались двѣ новыхъ колоніи — Трансвааль и колонія Оранжевой Рѣки, изъ

которыхъ вторая почти цѣликомъ, а первая въ значительной своей части населена только-что героически отстаивавшими свою независимость бурами. Задачи политическаго устройства вновь пріобрѣтенныхъ земель были крайне сложны, но и здѣсь Англія на нашихъ глазахъ осторожно и умѣло справляется съ ними. Уніонистское министерство, которое присоединило послѣ жестокой войны эти двѣ колоніи къ британской имперіи, включило въ мирный договоръ съ бурами 1902 года слѣдующую статью седьмую: „Военное управленіе въ Трансваалѣ и колоніи Оранжевой Рѣки будетъ по возможности скоро замѣнено гражданскимъ управленіемъ и, какъ только обстоятельства позволятъ, представительныя учрежденія, ведущія къ самоуправленію, будутъ дарованы". Кабинетъ Бальфура выждалъ три года прежде, чѣмъ приступить къ осуществленію второй части даннаго въ этой статьѣ обѣщанія. Подписанный 31-го марта 1905 г. королемъ Эдуардомъ декретъ даровалъ представительство Трансваалю; вопросъ о введеніи его въ колоніи Оранжевой Рѣки былъ временно отложенъ. Смѣнившее въ концѣ 1905 года уніонистовъ либеральное министерство сэра Кэмпбелля Баннермана сдѣлало второй рѣшительный шагъ на пути дарованія автономіи и однимъ изъ первыхъ его актовъ было заявленіе, что оно введетъ отвѣтственное управленіе въ обѣихъ колоніяхъ. Эта реформа еще не осуществлена, и мы позволимъ себѣ лишь сослаться въ заключеніе этого очерка конституціонной исторіи южной Африки на недавнюю рѣчь колоніальнаго секретаря либеральнаго министерства въ палатѣ лордовъ. Въ тронной рѣчи короля, которою открытъ былъ новый парламентъ, заключалось обѣщаніе даровать свободныя учрежденія двумъ южно-африканскимъ колоніямъ. Колоніальному статсъ-секретарю приходилось защищать эту часть тронной рѣчи; этотъ колоніальный секретарь носитъ имя лорда Эльджина и могъ съ справедливою гордостью сказать, отстаивая дарованіе самоуправленія голландцамъ южной Африки: „семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, мой дѣдъ (лордъ Дергэмъ) и отецъ (лордъ Эльджинъ) защищали и осуществили такую же реформу, и она создала намъ благоденствующую и вѣрную Канаду!"

Въ этой близости именъ лежитъ своеобразный символъ величія и послѣдовательности политическаго генія Англіи. Ни одна капля государственнаго опыта не пропадаетъ въ этой странѣ и великія традиціи прошлаго въ ней никогда не умираютъ. Лордъ Эльджинъ, защищающій политическія права голландцевъ въ южной Африкѣ, продолжаетъ дѣло отца, защищавшаго политическія права французовъ въ Канадѣ, и обоими руководитъ одинъ и

тотъ же великій идеалъ торжества англійской гражданственности „за морями". И какъ эхо звучитъ почти одновременно произнесенная премьеромъ Канады, французомъ сэромъ Лорье въ Торонто, рѣчь: „Римская имперія знаменовала собою деспотизмъ, обезличеніе и поглощеніе всѣхъ частей въ одну массу. Пришелъ день, когда она не могла больше справиться съ своимъ объемомъ, и она разсыпалась на части. Британская имперія знаменуетъ собою свободу, децентрализацію, самоуправленіе. Она будетъ жить и никогда не умретъ".

Баронъ Б. Нольде.

ВЪ ПОРОГАХЪ

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Окончанiе.

I *).

Весна случилась ранняя, дружная. Снѣга скоро осѣли подъ густымъ, ими же поднятымъ, влажнымъ туманомъ. Сразу, быстро и шумно, разлилась Пехорка,—затопляя луга, прорывая плотины; а потомъ, такъ же быстро и сразу, отступила, установилась въ зазеленѣвшихъ берегахъ и мѣрно покатила ясныя волны, точно любуясь закипѣвшею вокругъ жизнью, распустившимися пышно деревьями,—вплоть до поздняго, недовѣрчиваго дуба.

Здоровье Нины Ираклiевны только ухудшалось. Какой-то глубокiй душевный недугъ укоренялся въ ней; ожившая, засiявшая природа не придавала силъ слабѣвшему организму. Все по дому лежало на Кэтъ и миссъ Кэрби, вѣрная англiйская дружба которой только росла и крѣпла по мѣрѣ того, какъ скоплялось нерадостное.

Не радовали и ртищевскiя хозяйственныя дѣла. Юрловъ хлопоталъ съ обычною своею суетливостью. То, что звалось у него „faire la navette", не ограничивалось уже пространствомъ между Ртищевымъ и Глѣбовымъ, а захватывало городъ, „губернiю". Онъ скакалъ въ англiйскомъ шарабанѣ, скакалъ на почтовыхъ,

[1]) См. выше: августъ, 507 стр.

имѣлъ какъ бы абонированнымъ купэ перваго класса на желѣзной дорогѣ. Успѣховъ не видѣлось, однако. Ртищевскія нѣдра не хотѣли давать золота, грандіозныя предпріятія оставались проектами, въ хозяйственныхъ оборотахъ наступала финансовая тѣснота...

Ступинъ, на правахъ объявленнаго жениха, бывалъ въ Ртищевѣ часто,—пріѣзжая запросто, верхомъ. За зиму онъ много перемѣнился — возмужалъ, отпустилъ длинные волосы, бороду; между бровями легла у него замѣтная складочка. Отношенія между нимъ и Кэтъ были дружескія, безъ банальной „жениховской“ близости, и они оставались на „вы“.

Все улыбалось ему. Шипы въ розахъ составляло лишь дѣло съ крестьянами, нежданно встрѣтившее на пути свой „порогъ“...

Псевдо-юридическихъ препятствій, затормозившихъ обмѣнъ крестьянскаго надѣла на новый, насчитывалось тысяча и одно... Первымъ изъ нихъ оказывалась статья подлежащаго тома, гласившая, что „мѣняться недвижимостью воспрещено“...

II.

Уже больше недѣли держался душный зной, безъ всякаго вѣтерка. Городъ N проводилъ цѣлые дни какъ бы въ отдыхѣ— съ притворенными ставнями, съ опущенными сторами. Хозяева безпокоились за урожай въ садахъ, дамы — за цвѣты въ палисадникахъ. Радовались только прачки, устилавшія бѣльемъ песчаныя отмели рѣки,—оно сохло мгновенно.

Воробьи неустанно „купались“ въ тонкой горячей пыли среди улицъ, пророча дождь, но только доказывали истину: „не всякому пророку вѣрь“...

Ступинъ жилъ въ единственной „лучшей“ гостинницѣ „Петергофъ“, надѣясь съ каждымъ днемъ уладить крестьянское дѣло. Каждое утро, едва начинала закипать чиновничья дѣятельная праздность, онъ отправлялся дежурить въ присутственныхъ мѣстахъ, скитаться по квартирамъ должностныхъ лицъ, пытаясь осуществить какую-нибудь придуманную Модестовымъ хитрость миновать „пороги“. Не добившись ничего, онъ, усталый, пасмурный, обѣдалъ у себя, въ общей залѣ, служившей мѣстомъ уѣздныхъ свиданій; а потомъ укладывался спать вмѣстѣ съ курами, чтобы начать наутро день, похожій, какъ двѣ капли воды, на вчерашній...

Предполагалось оставить надѣлъ у крестьянъ и только при-

рѣзать имъ въ даръ лѣсу и луговъ, но тогда выходило, что одаряются уже не „крестьяне“, а потому—„дарить родовое воспрещается“. Совершить просто купчую—значило отказаться отъ всякихъ условій, дать пропить второй надѣлъ.

Ступинъ выслушивалъ доводы, запоминалъ слова, но напрасно старался освоиться съ ихъ логикой, не понималъ, какъ могутъ законы,—составляя высшее выраженіе добра и нравственности,—не только не помогать насущному доброму дѣлу, а еще и мѣшать ему...

Да трудно было и добиться чего-либо толковаго вообще. Въ уѣздѣ продолжалось междуначаліе. Консерваторы, на всѣхъ путяхъ и при всякой возможности, старались гасить все Ветлугинское; разрозненные, недоумѣвавшіе либералы бездѣйствовали. Назойливый, пользовавшійся случаемъ, Платоновъ игралъ роль какъ бы главы уѣзда, велъ дружбу съ Макушевымъ, предлагая ему предводительство со своею программой, обѣщая успѣхъ на выборахъ. Самъ онъ не отваживался еще выступать. Сбитый съ толку Макушевъ не зналъ, которому богу молиться, корчилъ изъ себя осѣненную циркулярами особу, важно повертывался своимъ большимъ животомъ при ходьбѣ, точно предъявляя его публикѣ, а дворянскую фуражку вздергивалъ спереди такъ, чтобы кокарда была вся на виду.

Однажды, проходя по площади, Ступинъ увидѣлъ у бакалейнаго магазина дорожный тарантасикъ, запряженный парою соловыхъ коней съ свѣтлыми хвостами и гривами. Рыжій меланхоличный кучеръ хмурился негодующе на бившіе ему въ глаза яркіе лучи солнца и выпрастывалъ осторожно вожжу изъ-подъ хвоста жавшейся пугливо пристяжной.

Изъ магазина вышелъ господинъ въ широкополой соломенной шляпѣ и хотѣлъ сѣсть въ тарантасикъ, но вдругъ кинулся къ поровнявшемуся Ступину и воскликнулъ радостно:

— Васъ-то мнѣ и надо!

Ступинъ узналъ Сергѣя Данилыча Бельтищева.

— Вы въ городѣ? Что вы дѣлаете тутъ? Поѣдемте со мной!—продолжалъ Бельтищевъ, съ обычною своею живостью. — Въ „Земскіе“! — приказалъ онъ кучеру, усадивъ Ступина въ тарантасъ.

Это значило: въ „Земскіе нумера“ — недорогую гостинницу въ отдаленной улицѣ, издавна облюбованную съѣзжавшимися на собранія гласными изъ числа не особенно состоятельныхъ.

— Есть законъ—таинственный, но неопровержимый,—опредѣляющій быть недоброму всегда вкупѣ, а доброму врозь!—

сталъ говорить Бельтищевъ.—Исполняется это и у насъ теперь: надобное Платонову—само льнетъ къ нему; а тѣхъ, кто долженъ противовѣсъ составлять недоброму, собирать надо и держать вотъ какъ-съ!

Поднятый сжатый кулакъ показывалъ, что держать надо крѣпко.

— ...На то и гнетъ, чтобъ гнести!—продолжалъ онъ.— Удивляться этому нечего! И чѣмъ сильнѣе нажимаетъ онъ, тѣмъ интенсивнѣе должно проявляться въ человѣкѣ желаніе вывернуться! Ха-ха-ха! Не такъ ли?.. Не стало Артемія Петровича, угасъ личный авторитетъ, но завѣты его остались, осталось дѣло... И вотъ я хлопочу связать концы, собрать стадо воедино, вдохнуть мужество...

Дальше оказывалось, что онъ „откупилъ“ на цѣлый мѣсяцъ „Земскіе нумера“, куда выписываетъ и затаскиваетъ всѣхъ Ветлугинскихъ сторонниковъ, ведетъ дѣло объединенія либераловъ, чтобы потомъ устроить въ залѣ клуба совѣщательное собраніе дворянства и столковаться относительно кандидата въ предводители.

— Намѣченъ кто-нибудь?—спросилъ Ступинъ.

— То-то и бѣда, что нѣтъ!—отвѣтилъ Бельтищевъ чуть не со слезами.—Хотите вы послужить?

Ступинъ невольно отшатнулся и посмотрѣлъ на усерднаго вербовщика.

— Какой я предводитель!—воскликнулъ онъ, разсмѣявшись.

— Но почему же?

— Ничего не смыслю я ни въ какихъ дѣлахъ!

— Э, полноте! Не боги горшки обжигаютъ!—возразилъ Бельтищевъ, обнимая его ласково за талію.—Нѣмцы обстоятельный, разсудительный народъ, а они говорятъ: „Кому Богъ дастъ должность, тому дастъ и разумъ“... Право! Кромѣ васъ, нѣтъ никого...

— Почему вы сами не хотите?

— Я служу-съ! Я—присяжный enfant terrible!.. Ха-ха-ха! И меня хозяйство мое держитъ! Ахъ, если бы не оно! А вамъ— стыдно...

— Дайте должность по способностямъ.

— Тогда въ кандидаты. А?

— Это пожалуй!.. Князя Г* просили бы въ предводители!

— Не пойдетъ. Отстранился онъ давно отъ всего...

— Какъ знать?

— Правда... И онъ, дѣйствительно, былъ бы замѣстителемъ, авторитетомъ! Надо попытаться!

„Земскіе нумера“, когда подъѣхалъ тарантасикъ, гудѣли точно улей. Въ залѣ, у буфета, шли оживленные толки, въ билліардной стучали изо всѣхъ силъ шарами; сверху, изъ нумеровъ, доносилось визжанье и хрипѣнье грамофона.

Бельтищева обступили. Начались дѣловые спросы-разспросы, поздравленія съ кандидатомъ въ кандидаты...

Рѣшено было просить въ предводители князя Г*. Ступинъ получилъ списокъ либеральныхъ гласныхъ и дворянъ, не имѣвшихъ возможности быть въ городѣ и которыхъ слѣдовало объѣхать, чтобъ оповѣстить о готовившемся.

III.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, Бельтищевъ выѣхалъ въ Никольское.

Укатанная дорога шла то зеленымъ пространствомъ высоко-поднявшихся всходовъ, то хрящеватыми окраинами чернолѣсья. Втянувшіяся почтовыя лошади—исхудавшія, со спутанными гривами, а пристяжная даже съ отвисшею отъ старости губой,—бѣжали неутомимо, въ горку брали такъ рьяно, что колокольчикъ совсѣмъ захлебывался.

Показалась живописная княжеская усадьба.

Невдалекѣ отъ нея, на полянѣ, обнесенной пряслами изъ жердей, виднѣлись столы подъ ветлами, толпился одѣтый по праздничному народъ. Происходило одно изъ празднествъ, которыя устраивалъ князь крестьянамъ нѣсколько разъ въ годъ, по разнымъ хозяйственнымъ случаямъ. Поляна представляла тогда собою какъ-бы библейскій „убѣжный городъ“, дѣлая каждаго на ней несудимымъ, безопаснымъ отъ всякаго начальственнаго вмѣшательства. Открывая празднество, князь чокался со стариками рюмкою водки и говорилъ:—„Здѣсь міръ хозяинъ, и за все нехорошее отвѣчаетъ міръ!“—Затѣмъ онъ удалялся къ себѣ, а начинавшій праздновать „міръ“ держалъ такъ успѣшно порядокъ, что даже самые завѣдомо-безпокойные гуляки рѣшались шумѣть только потомъ, у себя дома...

Встрѣтить вышелъ лакей Пантелеймонъ и, несмотря на свою престарѣлость, твердо и съ силою помогъ Бельтищеву выбраться изъ тарантасика.

Онъ провелъ его въ садъ, гдѣ также шло празднество. На „гигантскихъ шагахъ“ бѣгали крестьянскія дѣти; въ вѣковой липовой аллеѣ парни и дѣвки водили хороводъ.

Князь сидѣлъ за столикомъ, бесѣдуя съ волостнымъ старшиной и сельскимъ старостой.

— Съ гречихой отсѣялись! Празднуемъ!—сказалъ онъ, привѣтствуя гостя.—Честь и мѣсто!

— Сергѣю Данилычу!—выкрикнулъ старшина, бывшій навеселѣ, но тутъ же, осудивъ себя мысленно за развязность, всталъ и поклонился.

Всталъ и староста.

— У меня къ вамъ дѣло, князь,—сказалъ Бельтищевъ.

— Радъ всегда!

Онъ взялъ его подъ-руку, и они прошли въ домъ.

Въ кабинетѣ, не присаживаясь и принявъ плохо дававшійся серьезно-торжественный видъ, Бельтищевъ заговорилъ:

— Я къ вамъ, князь, отъ лица дворянства... отъ той части его, которая остается вѣрна завѣтамъ покойнаго Артемія Петровича и считаетъ себя призванною служить общему благу, стоять за идеалы человѣчества!.. Безвременная утрата главы грозитъ разстройствомъ всему дѣлу. Вы—единственное лицо, могущее замѣстить, стать на стражѣ... Князь, дворянство проситъ васъ въ предводители!

Князь подвинулъ вѣстнику кресло, сѣлъ самъ и провелъ съ минуту въ сосредоточенной задумчивости.

— Благодарю дворянство и васъ, горжусь оказанною мнѣ честью,—отвѣтилъ онъ потомъ.—Но не знаю, могу ли я оказаться полезнымъ... Вскорѣ, пожалуй, не будетъ у меня и собственности въ уѣздѣ...

— Какимъ образомъ?

— Я продаю имѣніе...

Остановленный встрѣтившимися „порогами", князь Г* не покинулъ намѣренія помочь никольскимъ крестьянамъ, а только измѣнилъ планъ. Онъ рѣшилъ обратить недвижимость въ деньги, распродавалъ исподволь лѣсъ, отдѣльныя пустоши, велъ переписку съ столичными маклерами касательно Никольскаго и отдавался выработкѣ своего духовнаго завѣщанія, въ которомъ создавалась цѣлая система мѣръ къ упорядоченію быта, а съ нимъ и нравовъ.

— Князь!—воскликнулъ Бельтищевъ съ перевѣсившею все живостью.—Это—вздоръ! Это не можетъ быть помѣхой! Мы фиктивный цензъ устроимъ вамъ, я свое имѣніе подпишу! Дорого, чтобъ вы стали во главѣ! Вы согласны? Да?

Князь окидывалъ его изъ-подъ нависшихъ бровей ласково-грустнымъ взглядомъ. Искренность, юношескій пылъ при сѣдинахъ трогали его.

— Очень возможно, что отчужденность моя эгоистична, мало-уважительна... Нѣтъ правъ безъ обязанностей... личная печаль не можетъ быть важнѣе общей... — промолвилъ онъ съ чувствомъ.—Но что было, то было, и иначе быть не могло... Да при Артеміи Петровичѣ и не надобилось много работниковъ... Иное дѣло, когда борецъ легъ костьми, а врагъ наступаетъ... Какъ же стоятъ дѣла? Что предпринимается? Разсказывайте!.. Впрочемъ, нѣтъ, погодите!

Медлительно повернувшись въ креслѣ къ столу, князь позвонилъ въ старинный серебряный колокольчикъ.

Явился камердинеръ Аѳанасій.

— Шампанскаго намъ! Сказать Арсенію (повару), что обѣдаютъ у меня!—распорядился князь.—Ну-съ, такъ что же предпринимается?

И онъ сталъ разспрашивать, куря усиленно папиросу, вслушиваясь, хмурясь.

IV.

На Ступина встрѣча съ Бельтищевымъ произвела нежданно-живительное дѣйствіе.

Томившія его какая-то усталость отъ бездѣлья, нервная разбитость, гнетущее сознаніе какой-то тяжести на душѣ—отошли. Онъ точно окрылился подъ вліяніемъ подступившихъ силъ, исполнился жаждою впечатлѣній, дѣятельности. Первое столкновеніе съ дѣломъ, съ дѣловыми людьми волновало въ немъ кровь, рисовало предъ нимъ все въ увеличенныхъ размѣрахъ. Миссія повидаться съ дворянами представлялась ему какою-то исключительностью, требующею всѣхъ силъ, всѣхъ способностей...

Вернувшись въ „Петергофъ", онъ немедленно потребовалъ счетъ, послалъ за Модестовымъ, чтобъ передать въ его вѣдѣніе безконечныя и безплодныя хлопоты по крестьянскому дѣлу, и принялся укладывать свой чемоданчикъ.

Въ Пеньки—всего восемь верстъ по старо-почтовой дорогѣ съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ березами—онъ прибылъ еще засвѣтло, на городскомъ извозчикѣ. А на утро, распорядившись всѣмъ надобнымъ, отправился колесить по уѣзду, начавъ съ Ртищева, гдѣ не былъ уже больше недѣли.

Тамъ встрѣтило его уныніе. На бывшемъ наканунѣ консиліумѣ Обольяниновъ и земскіе врачи нашли Нину Ираклієвну очень больной и посовѣтовали поѣздку заграницу—въ Біаррицъ или Трувилль. Кэтъ ходила опечаленная, съ заплаканными гла-

зами. Ступина всегда трогала жившая въ ней нѣжная родственная любовь. Самъ онъ, совсѣмъ не знавшій семейной жизни, не помнившій матери, не имѣвшій сестеръ, понималъ эту область чувствъ только разсудкомъ, и какъ бы поучался у Кэтъ въ минуты ея скорби, притихалъ благоговѣйно. Онъ притихъ и теперь, отзываясь ей внутренно, не отходя отъ нея, и чувствовалъ, что она желаетъ этого, видѣлъ сердечность, свѣтившуюся въ ея опечаленныхъ глазахъ.

Какимъ неотложнымъ дѣломъ ни казались ему предстоявшія свиданія, но онъ остался провести день въ Ртищевѣ.

Къ обѣду пріѣхала Вѣра Артемьевна съ дѣтьми. Юрловъ проводилъ вторую недѣлю въ „губерніи", по экстреннымъ дѣламъ, совпавшимъ какъ разъ съ началомъ скачекъ и открытіемъ лѣтняго кафэ-шантана въ городскомъ саду.

Наступившій тихій, чудный вечеръ провели въ паркѣ, въ галереѣ. Вѣра Артемьевна и миссъ Кэрби занимались хозяйственными разговорами. Ступинъ передалъ Кэтъ о своихъ городскихъ мытарствахъ, о цѣли предпринятаго странствія по уѣзду; выслушалъ ея жалобы на судьбу, закончившіяся тихимъ ропотомъ: — „Столько горя, столько горя, Матвѣй..." — она такъ звала его.

Когда надъ далекими темными зубцами лѣса всплыла яркая луна, а посвѣтлѣвшій ночной сумракъ наполнили трепетныя тѣни, Ступинъ двинулся въ путь.

Вѣра Артемьевна осталась на нѣсколько дней около матери: надо было обсудить заграничную поѣздку, рѣшить вопросъ о свадьбѣ Кэтъ, о приданомъ.

Однажды утромъ ей доложили, что съ нею желаетъ говорить управляющій Феллеръ.

Она вышла къ нему въ залу.

Послѣ приличныхъ случаю извиненій, Феллеръ освѣдомился, можетъ ли онъ затруднить ее дѣловымъ разговоромъ.

— Мужъ будетъ, вѣроятно, на дняхъ,—отвѣтила она.

— Но я желалъ бы передать собственно вамъ...—сказалъ Феллеръ, остановивъ на ней взглядъ спокойныхъ блѣдно-голубыхъ глазъ и какъ бы поддерживая бѣлыми пухлыми пальцами гладко-выбритый подбородокъ.—Нина Ираклієвна нездоровы, Катерина Артемьевна не вступаются въ дѣла...

— А я—чужая въ ртищевскихъ дѣлахъ... Развѣ есть что-нибудь крайне-необходимое?

— Да-съ...

— Что же такое?

Она указала ему на стулъ, по одну сторону стола, и присѣла сама по другую.

Феллеръ, пунктуально и съ отличительной нѣмецкой безстрастностью, сталъ передавать, что ртищевскія дѣла замѣтно пошатнулись, что начинаютъ поступать въ протестъ векселя, что не предвидится возможности располагать надобными суммами на предстоящую уборку хлѣба...

Онъ пріостановился и посмотрѣлъ на нее, какъ бы спрашивая: все ли высказывать?

Вѣра Артемьевна вздрогнула и потупилась. Подумавъ, она подняла на него вопросительный взглядъ.

— Текущія поступленія Григорій Васильевичъ обращаютъ на извѣстныя имъ надобности, а ходъ хозяйства поставленъ въ зависимость отъ успѣха раскопокъ... неосуществимыхъ предпріятій...—продолжалъ Феллеръ.—Послѣдній срокъ платежа въ банкъ прошелъ, и имѣніе можетъ быть назначено въ продажу...

— Я передамъ мужу... — промолвила она, то краснѣя, то блѣднѣя.

Феллеръ снова, но уже задумчиво, подперъ бѣлыми пальцами свой подбородокъ.

— Передавать что-либо Григорію Васильевичу—излишне...— сказалъ онъ.—Я безпокоилъ васъ въ надеждѣ, что вы сами вступите въ дѣла... примете мѣры... А если нѣтъ, то я прошу уволить меня.

Онъ всталъ и поклонился.

Вѣра Артемьевна сидѣла, какъ убитая. Мысли метались у нея въ головѣ; разсудокъ отказывался схватить все сразу, обсудить.

— Нѣтъ, Францъ Карловичъ, вы оставайтесь!—сказала она, вставъ и подавая ему руку.—Благодарю васъ за... разъясненія... Я подумаю. И если надобно мое вмѣшательство, то необходимо и ваше содѣйствіе.

Они разстались.

Вѣра Артемьевна, какъ въ туманѣ, миновала рядъ комнатъ, вышла чрезъ балконную въ паркъ, гдѣ на дорожкѣ кричали, играя, дѣти. Но растревоженные нервы не позволяли выдерживать ни шума, ни яркихъ, ослѣпляющихъ красокъ дня. Она направилась въ глубь парка, и долго бродила тамъ въ тѣнистой, пустынной аллеѣ, разбираясь въ тѣснившихся мысляхъ, обдумывая, соображая...

Она не была героиней, не стремилась ни къ чему исключительному. Представленія ея были ясны и опредѣленны, правила—

тверды и естественны. И она такъ же естественно находила, что замужество—рискъ, и рискъ безповоротный, что семейный разрывъ ради услажденія собственныхъ чувствъ—недостоинъ истинной семьянинки; что дѣйствительная драма—не въ бурныхъ взрывахъ ради себя, ради своего личнаго, а въ готовности покориться выпавшему долгу, нести свой крестъ. Когда, мало-по-малу, она сознала, убѣдилась, что мужъ—далеко не совершенство, которое создали изъ него ея дѣвическія мечты, что частыя „дѣловыя" отлучки его тѣсно связываются съ клубами, актрисами... что и самыя дѣла не въ весьма блестящемъ порядкѣ, она, правда, почувствовала обиду, испугъ, приступъ тоски о чемъ-то утраченномъ, погибшемъ... Но потомъ, такъ же мало-по-малу, пришла къ рѣшенію, что предъ нею не обида, а суровый опытъ, что его слѣдуетъ понять, пережить, что надо не малодушествовать, а нести твердо крестъ.

И она стала нести этотъ крестъ.

Она отдалась вся дѣтямъ, нашла утѣшеніе въ нихъ. Она отказалась отъ тратъ, отъ удовольствій, отъ жизни, сдѣлалась деревенскою хозяйкой, домосѣдкой въ Глѣбовѣ. Она все затаила въ себѣ, сжилась съ самою мыслью о неизбѣжности этого, не выказывала ни однимъ косымъ взглядомъ неудовольствія мужу, не обмолвилась ни одною жалобой предъ отцомъ, предъ матерью.

Она не ждала ничего больше отъ грядущаго, не считала себя ни обвинительницею, ни судьею мужа и была заранѣе готова пережить всякое новое испытаніе, принести всякую жертву.

И испытаніе приходило нежданно-негаданно. Съ интересами мужа связывались интересы близкихъ; долгъ передъ матерью и сестрой сталкивался съ чувствами жены...

Когда она возвращалась, въ самой походкѣ ея видѣлась точно старческая разбитость; лицо было мертвенно-блѣдно. Переведя слышанное на простой, ясный языкъ, она знала, что Юрловъ запуталъ ртищевскія дѣла, растратилъ экономическія суммы; что опасность велика, если честный благовоспитанный труженикъ Феллеръ рѣшился вмѣшаться, выступить обвинителемъ мужа передъ женой; что къ малопохвальнымъ обычнымъ поступкамъ прибавилось нѣчто, при представленіи о чемъ она повторяла только, съ внутреннимъ содроганіемъ: „грязь, грязь, грязь"..

Въ окнѣ балконной виднѣлся наклоненный надъ пяльцами профиль Кэтъ.

Вѣра Артемьевна повернула въ сторону по дорожкѣ и вышла къ заднему крыльцу дома. Ей было и боязно, и стыдно, и грустно встрѣтиться теперь съ сестрой. Она боялась выдать безвременно

себя, огорчить ее; хотѣла обдумать обстоятельства, освоиться съ неожиданностью, въ надеждѣ взглянуть на все потомъ спокойнѣе, трезвѣе.

V.

Въ тотъ же день Вѣра Артемьевна отправилась въ Глѣбово.

На полдорогѣ она свернула на желѣзнодорожную станцію и послала оттуда подробную телеграмму брату въ Петербургъ, извѣщая о плохомъ ходѣ дѣлъ, прося пріѣхать немедленно.

Отвѣтъ получился на слѣдующій день, эстафетой изъ города,—простой и короткій: „Пріѣхать не могу. Вручаю все тебѣ. Поступай какъ знаешь“,—телеграфировалъ Иванъ Артемьевичъ.

Все толкало къ развязкѣ, и Вѣра Артемьевна нашла въ себѣ силы не противиться.

Вызванный телеграммой по „важному дѣлу“, Юрловъ явился утромъ, спустя сутки.

— Что случилось?—безпокойно спросилъ онъ, видя заплаканные глаза, блѣдное лицо жены.

— Мы должны поговорить о ртищевскихъ дѣлахъ...

— О чемъ?—перебилъ съ удивленіемъ Юрловъ, запустивъ руки въ карманы фантастическаго дорожнаго вестона и всматриваясь въ жену.—Почему это пришло тебѣ въ голову?

— Вы должны знать, въ какомъ они положеніи,—продолжала Вѣра Артемьевна.—Все растрачено... maman, Кэтъ... разорены... Надо искать выхода...

Она умолкла, задыхаясь отъ волненія, не справляясь съ тѣснившимися въ головѣ мыслями.

— Наболтали! Кто тебѣ наболталъ? Какъ ты можешь слушать!—заговорилъ Юрловъ, хлопнувъ себя по боку и морщась иронически.

— Еслибы наболтали!...—отвѣтила Вѣра Артемьевна.

Спокойствіе возвратилось къ ней. Блѣдная и серьезная, съ твердою рѣшимостью въ голосѣ, она передала слышанное отъ Феллера, показала телеграмму брата.

Юрловъ вспыхнулъ, закручивая смущенно усы обѣими руками.

Онъ давно зналъ и самъ, что зарвался въ ртищевскихъ дѣлахъ, что развязка когда-нибудь должна наступить, и только закрывалъ инстинктивно глаза на неизбѣжное, не давалъ воли мыслямъ въ этомъ направленіи. Да не легко было и передѣлать себя, разстаться съ врожденною вѣрой въ шальной успѣхъ... Чего не ожидалъ онъ,—такъ это натиска со стороны своихъ, развязки такой всесторонней.

Прохаживаясь по гостиной, онъ закурилъ папироску, затянулся нѣсколько разъ, чувствуя, при обезпокоенныхъ нервахъ, особенную пріятность отъ куренья и быстро строя въ то же время мысли въ головѣ.

— Такъ нельзя однако, Вѣра... — заговорилъ онъ, хмурясь и съ суровостью.—Долгъ жены—не оппозицію дѣлать мужу, а быть... согласной съ нимъ, стоять за его... за общіе свои интересы...

— И... растрачивать?

Юрловъ вздрогнулъ, точно ужаленный, и искоса посмотрѣлъ на стоявшую у окна жену. Онъ всегда былъ увѣренъ, что знаетъ ее насквозь, что можетъ положиться на ея преданность, и теперь поражался, недоумѣвалъ.

— Ну, ты смотри... смотри сама, что̀ за безсмыслица выходитъ!—сталъ говорить онъ, пропуская колкость мимо ушей и переходя къ добродушной наставительности.—Представь, что ты хотѣла... платье сшить, скажемъ... стала кроить... И вдругъ, когда ты нарѣзала понятные только тебѣ кусочки, матерію взяли... отняли! Что̀ же вышло? Ни платья, ни матеріи! Виновата ты, или кто? А?.. То же самое и съ ртищевскими дѣлами! Нельзя такъ — взялъ, вырвалъ, когда человѣкъ дѣлаетъ... планы свои имѣетъ!

Вѣра Артемьевна молчала.

— И эти разсказы Феллера?.. А?—продолжалъ Юрловъ.— Прилично ли, чтобъ ты выслушивала ихъ,—ты, хозяйка, жена?.. Не сумбуръ ли выходитъ теперь? Кто господинъ долженъ быть въ Ртищевѣ? Я? или Феллеръ?

— Всѣми дѣлами Феллеръ будетъ заниматься... — отвѣтила Вѣра Артемьевна.

Юрловъ позеленѣлъ. Злость, стыдъ подступали къ нему; съ дѣтства привитая выдержка покидала его.

— Тогда нога моя не будетъ въ Ртищевѣ! — воскликнулъ онъ, выпрямивъ грудь и сверкнувъ глазами.

— А довѣренность... бумаги? Когда вы можете прислать мнѣ все это?

— *Прислать*? Я не понимаю васъ!

— Я должна буду жить въ Ртищевѣ... Я обязана... предъ братомъ, предъ всѣми... заняться, спасти, что̀ можно...

Она умолкла, сдерживая волненіе и отвернувшись лицомъ къ окну.

Юрловъ сразу, безотчетно понялъ смыслъ ея словъ, и такъ же безотчетно, не останавливаясь на этомъ смыслѣ, какъ на чемъ-то

слишкомъ невѣроятномъ, — проговорилъ съ напускною шутливостью:

— Что̀ это? Séparation de corps?

— О séparation de biens уже поздно думать... — послышалось въ отвѣтъ.

Наступило молчаніе. Со двора доносилось истерическое соревнованіе скворцовъ, какъ бы похвалявшихся своими мастерскими напѣвами — „клыканьемъ“, „ржаньемъ“, „полукурантомъ“... Раздумывавшій Юрловъ прохаживался по комнатѣ, закручивая усиленно усы, постукивая каблуками.

— Что̀ съ вами, Вѣра? Я не узнаю васъ! — заговорилъ онъ, надумавшись. — Это... это... — Онъ повертѣлъ пальцемъ передъ лбомъ и продолжалъ: — Тамъ, на курсахъ всякихъ, люди безъ правилъ, безъ религіи, могутъ сходиться, расходиться, кидать другъ друга... Но чтобъ женщина воспитанная, давшая обѣтъ предъ алтаремъ... Это... это... Я не понимаю!..

Онъ продолжалъ морализировать, овладѣвая все больше и больше собою, осѣдлывая своего охранительскаго cheval de bataille, превращаясь въ наставляющаго протестантскаго пастора.

Вѣра Артемьевна, повернувшись, смотрѣла на мужа, но не видѣла ничего предъ собою: глаза застилало у нея, къ горлу подступали судороги. Она до послѣдней минуты ждала объясненія, оправданія, надѣялась безотчетно на что-то. *Женщина* тихо и непримѣтно шевелилась въ ней, сердце готово было побѣдить волю, разсудокъ, готово было простить, примириться со всякою истиной... Прописная мораль, безъ связи съ тѣмъ, что̀ внутри у оратора, и оскорбила, и ожесточила ее.

— Вы, не бывшій ни на какихъ курсахъ, прикрывающійся во всемъ правилами, религіей, чѣмъ похвалитесь вы? какими поступками? — стала отвѣчать она, выпрямившись и окаменѣвъ, точно статуя. — Вы, клявшійся предъ алтаремъ, обездолили дѣтей, кутя съ актрисами... Да, да! Всѣмъ извѣстны похожденія ваши, и покойный papa зналъ о нихъ! — подтвердила она, видя протестующій жестъ мужа. — Вашими правилами руководятъ аферы, векселя, учеты... Ваша религія не помѣшала вамъ разорить беззащитныхъ близкихъ... промотать ихъ деньги...

Изумленный, уничтоженный Юрловъ отступилъ, моргая растерянно глазами. Въ грозный, мстительный призракъ выростала предъ нимъ покорная, всегда сдержанная жена.

— Вѣра... вы любили меня когда-то... — пробормоталъ онъ.

— Вы хотите и это... *учесть*?.. — отвѣтила она, выговоривъ твердо и презрительно ставшій давно ненавистнымъ ей терминъ.

Силы оставляли ее, слезы готовы были хлынуть. Не взглянувъ на мужа, не шевеля ни однимъ мускуломъ мертвенно-блѣднаго лица, она прошла въ смежную комнату и затворила за собою дверь.

VI.

Не раздѣваясь, чувствуя себя, и отъ дорожныхъ неудобствъ, и отъ чрезмѣрнаго напряженія нервовъ и мыслей, совсѣмъ измученнымъ, Юрловъ повалился на диванъ въ кабинетѣ и заснулъ скоро, крѣпко—точно умеръ.

Проснулся онъ уже въ сумеркахъ и, поднявшись торопливо, сѣлъ на краю дивана, остановленный охватившими его вдругъ мыслями.

Все какъ-то не ладилось за послѣднее время. Лакей-камердинеръ запилъ, и его пришлось прогнать. Поваръ, уличенный въ стачкѣ съ наѣзжавшимъ мясникомъ, ходилъ сумрачный, въ ожиданіи кары, неглижировалъ обязанностями. Отправляясь въ „губернію“, Юрловъ рѣшилъ взять тамъ камердинера и повара. По обыкновенію, все откладывалось до послѣдняго дня. И все сдѣлалось бы, еслибъ не телеграмма...

Тутъ мысли обратились къ случившемуся, и Юрловъ всталъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не думать теперь объ этомъ.

Явившійся поваръ Лаврентій сталъ служить за камердинера, не умѣя ни разуть барина, ни подать какъ должно халатъ. Всегда взыскательный и капризный, Юрловъ не вспыхивалъ теперь, не дѣлалъ выговоровъ. Онъ вообще чувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то необычайной, спорадической снисходительности. Глядя на хмурое усатое лицо повара съ торчащими сѣдыми вихрами вокругъ лысины, онъ испытывалъ какъ бы раскаяніе предъ нимъ, находилъ, что вина его — собственно говоря, не вина, а лишь традиціонная профессіональная „коммерція“...

Юрловъ узналъ, что Вѣра Артемьевна съ дѣтьми отправилась въ Ртищево, и сдвинулъ сурово брови. При вопросѣ: не угодно ли кушать?—онъ только покачалъ отрицательно головою, забралъ со стола послѣдніе французскіе романы, японскій бронзовый ножъ и улегся снова на диванъ.

Лежа навзничь и держа стоймя на груди книжечку, онъ перевернулъ двѣ-три начальныхъ страницы. Затѣмъ мысли оторвались отъ строчекъ, побѣжали куда-то... Вспомнились, ни съ того, ни съ сего, изъ военной исторіи слова Благословеннаго вѣнценосца: „Il y avait des circonstances, où il fallait songer

de préférance à sa prорrе conservation"... Точно всплывая изъ темной глубины, стало скапливаться нерадостное... Онъ гналъ его, оправдываясь самъ предъ собою, виня обстоятельства; но оно вторгалось снова и снова...

Изъ дальнихъ комнатъ донесся медленный, мелодичный бой часовъ, звуча какъ съ башни. Они пробили полночь.

Юрловъ всталъ, изумляясь, что такъ быстро мелькнуло время. Голова была у него точно свинцомъ налита, на душѣ лежала смутная, мучительная тягость чего-то содѣяннаго...

Въ домѣ все уже спало.

Онъ взялъ лампу и пошелъ черезъ рядъ комнатъ въ столовую, ощущая какую-то успокоительную отрадность отъ одиночества, отъ царившей тишины.

Въ буфетѣ онъ отыскалъ графинъ съ водкой и выпилъ нѣсколько рюмокъ подрядъ, стараясь заглушить томившую его тягость. Вообще, онъ могъ выпить много. Онъ и пилъ много, но всегда соединялъ это съ бесѣдой, съ развлеченіемъ, съ тѣмъ, что зовется: „кутежъ". Въ одиночку, по-„фельдфебельски", онъ не могъ пить. У него и теперь, при попыткѣ выпить еще, явилось отвращеніе. Нерадостное все-таки отшатнулось, уступая мѣсто надеждамъ, веселости...

На слѣдующій день получилось съ посланнымъ письмо отъ Вѣры Артемьевны. Очевидно, со словъ Феллера, она просила прислать списокъ учтенныхъ векселей и кассовую книгу. Это совсѣмъ сгущало тучи. Векселя отъ имени наслѣдниковъ учитывались и для глѣбовскихъ, и для клубныхъ надобностей... Въ книгѣ съ надписью на ярлыкѣ: „Ртищевская касса" не могъ бы разобраться никакой бухгалтеръ... Сперва думалось, что недочетъ можно будетъ „погасить прибылями отъ предпріятій", или отнести на счетъ жениной наслѣдственной части, а потомъ... ничего не думалось... Теперь требовалось подвести итоги.

Разложивъ на письменномъ столѣ бумаги, Юрловъ принялся-было работать; но вдругъ, осѣненный мыслью, рѣшилъ отправить все такъ, какъ оно есть,—радуясь, что противъ него выступаетъ жена, а не оффиціальный безпощадный повѣренный...

VII.

По пріѣздѣ въ Ртищево, Вѣра Артемьевна тотчасъ же вызвала Феллера, и они пробесѣдовали въ угловой вплоть до самаго обѣда.

Вечеромъ, выйдя отъ матери, она поднялась къ Кэтъ.

Та была уже въ ночномъ капотѣ, собираясь ложиться спать.

— Что съ тобою? Ты разстроена?—сказала она, сжимая холодныя руки сестры съ слабо державшимися кольцами на тонкихъ пальцахъ.

— Намъ надо поговорить...

Кэтъ испуганно посмотрѣла на нее, подвинула ей стулъ, и онѣ сѣли у туалетнаго столика.

Пока Вѣра Артемьевна передавала слышанное отъ Феллера и дальнѣйшее, Кэтъ взглядывала на нее, сложивъ руки на груди и сжимаясь вся. Выраженіе лица у нея было странное, необычное—она какъ бы состарилась вдругъ подъ охватившею ее серьезностью; въ ласковыхъ сапфирныхъ глазахъ засвѣтились твердость и вдумчивость.

— Я должна завтра же написать Матвѣю... Быть можетъ, онъ въ Пенькахъ уже...—промолвила она.

— О чемъ написать?

— Чтобъ онъ пріѣхалъ. Онъ долженъ знать...

— Это лишнее пока... Я давеча говорила съ Феллеромъ: онъ приведетъ все въ ясность, обдумаетъ; тогда и видно будетъ.

Кэтъ какъ бы согласилась, но тутъ же заговорила, вставъ и прохаживаясь безпокойно по комнатѣ:

— Какъ же лишнее? Ни о расходахъ, ни о приданомъ мы теперь и думать не можемъ... свадьбу отложить надо... Матвѣй долженъ знать... я должна объясниться... Ты понимаешь?

— Не волнуйся только...

Вѣра Артемьевна, тая свои внутреннія слезы и утѣшая сестру, стала доказывать ей, усадивъ ее на мѣсто, что свадьбу, во всякомъ случаѣ, надо отсрочить до возвращенія Нины Ираклієвны; что къ тому времени можно будетъ устроиться и насчетъ расходовъ, насчетъ всего...

— Помнишь правило papa?—заключила она съ оживленіемъ и тряхнувъ энергично кудрями. Чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ больше требуетъ оно силъ и меньше тревоги...

— Мамѣ ты говорила о томъ, что случилось?..

— Какъ можно! Ее надо скорѣе, скорѣе отправить!.. Я сейчасъ отъ нея: она предпочитаетъ Біаррицъ, чѣмъ Трувилль съ его вульгарною суетой...

На слѣдующій день ртищевскій домъ наполнился хлопотами. Въ комнатахъ Нины Ираклієвны шла укладка; укладывалась и миссъ Кэрби, отправлявшаяся съ нею въ качествѣ dame de compagnie. Домъ принимала въ свое вѣдѣніе Вѣра Артемьевна, сокращая штатъ прислуги, запирая парадныя комнаты.

Дѣятельная, подвижная, знакомая практически со всѣмъ хозяйственнымъ, она ничего не упускала изъ виду, входила во все, точно на душѣ у нея только эта забота и была... И она, дѣйствительно, какъ-то совсѣмъ равнодушно переносила свой разладъ съ мужемъ, удивлялась сама, что побѣда надъ собою далась ей такъ легко, просто... Она не подозрѣвала, что боролась въ себѣ не съ чувствами уже, а лишь съ бренными остатками ихъ; что дѣйствительная борьба шла давно уже—тихо, безсознательно...

Вскорѣ Кэтъ получила записочку отъ Ступина. Онъ писалъ съ полпути, сообщая восторженно, съ восклицательными знаками, объ успѣхахъ либеральной партіи, обѣщая поразсказать многое, многое при свиданіи.

Прошло, однако, нѣсколько дней, а онъ не являлся. Кэтъ отправила ему письмо въ Пеньки, извѣщая о днѣ отъѣзда матери. Но онъ не возвращался еще, и письмо оставили тамъ. Онъ явился на проводы уже на желѣзнодорожный вокзалъ, верхомъ, только-что возвратившись и тотчасъ же поскакавъ.

На обратномъ пути сестры взяли его къ себѣ въ коляску и засыпали разспросами.

Онъ сообщилъ, что либеральное движеніе въ уѣздѣ ростетъ, и тѣ, съ которыми видѣлся онъ, обѣщали работать съ своей стороны, что вѣсть о согласіи князя Г* быть предводителемъ обезкураживаетъ вездѣ консерваторовъ.

Сестры, впервые слышавшія эту вѣсть, встрѣтили ее радостно и захлопали въ ладоши.

— Завтра будетъ въ клубной залѣ собраніе дворянъ,—продолжалъ Ступинъ.—Князь познакомится тамъ съ дѣятелями и обмѣняется мыслями. Мнѣ надо спѣшить въ городъ, и я попрошу у васъ верховую лошадь, потому что мой „Вьюнъ“ пріусталъ...

— Но вѣдь собраніе завтра!—возразила Кэтъ.

— Да. А мнѣ необходимо видѣться съ Бельтищевымъ и другими сегодня, чтобъ передать о томъ, что должно быть извѣстно къ завтрему.

— Рыжій „Чарльсъ“, на которомъ мужъ ѣздитъ, живо домчитъ васъ!—сказала Вѣра Артемьевна.

— Моего „Зефира“ возьмите!—предложила Кэтъ, положивъ ласково свою ручку на руку Ступина.

Шелъ всего третій часъ, и у Ступина оставалось достаточно времени, чтобъ побыть въ Ртищевѣ.

За чаемъ, раздумывавшая о чемъ-то Кэтъ заговорила, обращаясь къ Ступину:

— Мнѣ очень, очень хочется взглянуть на ваше собраніе, и у меня вотъ какія мысли: я пріѣду къ началу, къ часу дня, а потомъ вы проводите меня сюда и будете обѣдать у насъ; если же собраніе кончится поздно, и вы задержитесь, то мы пообѣдаемъ въ „Петергофѣ“, вдвоемъ, и пріѣдемъ сюда къ чаю, къ вечернему... Вы не были въ настоящемъ Петергофѣ? Нѣтъ. А я была, съ папой, и фонтаны видѣла... Какъ вамъ нравится мой планъ? Вы ничего не имѣете противъ? Скажите!

— Развѣ тутъ можетъ быть вопросъ, Кэтъ?—отвѣтилъ Ступинъ, смотря на нее влюбленными глазами и тáя отъ восторга.

— Я знала, что вы будете такой милый!

— А я не знала, что ты такая... Лорелея...—сказала, разсмѣявшись, Вѣра Артемьевна, подмѣчая женское лукавство сестры.—Отчего ты не спросишь у Матвѣя Николаевича: что̀ станутъ говорить въ городѣ, увидѣвъ тебя одну?

— Ахъ, это мнѣ все равно!—воскликнула Кэтъ, зардѣвшись.—И почему одна, когда я съ женихомъ? Не такъ ли, Матвѣй?

— И мнѣ кажется, Вѣра Артемьевна, что на городъ нельзя вообще угодить,—сказалъ Ступинъ, поддерживая восхищавшій его планъ Кэтъ.—Кумушкамъ рай не въ рай безъ разговоровъ, и онѣ отыщутъ поводъ во всемъ!

VIII.

Пробудившись на утро, городъ К* самъ не узналъ себя...

По улицамъ, несмотря на совсѣмъ раннюю пору, сновали экипажи всякихъ фасоновъ; у гостинницы „Петергофъ“, на площади, былъ цѣлый съѣздъ, а изъ раскрытыхъ оконъ залы несся немолчный праздничный шумъ; умывшіеся, выбрившіеся городовые щеголяли новенькими сѣрыми шинелями и охорашивались. Къ этому, въ соборѣ благовѣстили, по какому-то каноническому случаю, въ большой колоколъ, наполняя гуломъ воздухъ, по-

трясая старенькія оконныя рамы въ окружныхъ обывательскихъ домахъ...

Готовившееся въ клубной залѣ собраніе дворянъ выросло на этотъ разъ въ цѣлое событіе, заинтересовало всѣхъ, подняло на ноги полицію.

У предводителя Макушева собрались: Платоновъ, исправникъ и инвалидный начальникъ Шубинъ—какъ глава могущей потребоваться военной силы.

Платоновъ приравнивалъ случай къ экстренному дворянскому собранію и оказывалъ „давленіе" на Макушева, требуя, чтобы тотъ или „санкціонировалъ фактъ" своимъ присутствіемъ, или протестовалъ и обратился къ губернатору. Исправникъ видѣлъ въ случаѣ „запрещенное сходбище" и обращался къ „главѣ сословія" за „моральнымъ воздѣйствіемъ" во избѣжаніе „принятія мѣръ". Шубинъ только вслушивался, чтобъ разнести потомъ новость по городу, и повторялъ съ безпокойною важностью:—„Будетъ приказъ, я готовъ!"—Но встревоженный, насторожившійся Макушевъ только запахивалъ плотнѣе халатомъ свою толстую бѣлую шею и отвѣчалъ съ явившеюся откуда-то непреклонностью:

— Я нездоровъ-съ и не выхожу... Не мое дѣло-съ!

Клубная зала между тѣмъ наполнялась.

Передняя половина ея занята была рядами вѣнскихъ стульевъ для дворянства; ближе къ хорамъ стоялъ традиціонный большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, и съ креслами у одной стороны для вожаковъ и кандидатовъ.

Бельтищевъ съ двумя своими сотоварищами, князь Г* и Ступинъ находились уже на мѣстахъ. Не успѣвшій въ своемъ „давленіи" на предводителя, Платоновъ примкнулъ, какъ ни въ чемъ не бывало, къ собранію и развалился въ креслѣ—пыхтя, отдуваясь, поправляя поминутно зачесъ на лысинѣ.

Ступинъ нетерпѣливо поглядывалъ то на часы, то на окно. Вскорѣ подкатила Ветлугинская вѣнская коляска; изъ нея вышла, мелькнувъ какъ видѣніе и скрывшись въ подъѣздѣ, Кэтъ—вся въ бѣломъ, въ кружевахъ, съ бѣлымъ кружевнымъ зонтикомъ. Переждавъ нѣсколько, онъ повернулъ голову и взглянулъ на хоры, пестрѣвшіе туалетами всѣхъ цвѣтовъ, рокотавшіе сдержаннымъ говоромъ, точно прибой волнъ; оттуда устремился на него бинокль бѣлаго призрака, облокотившагося на перила...

— Пріятно васъ видѣть, князь, снова среди насъ!—сказалъ Платоновъ, обращаясь къ князю Г*, стоявшему съ Бельтищевымъ по другую сторону стола.

Князь молча поклонился.

— Жаль только, что лишается васъ сторона, слѣдующая истинно-дворянскимъ завѣтамъ высокоуважаемаго покойнаго батюшки вашего,—продолжалъ Платоновъ.

„Сожалѣніе" могло походить на насмѣшку, на замаскированную ругань, но князь зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

— Удивительнаго нѣтъ въ этомъ,—отвѣтилъ онъ:—*передовое* сословіе должно идти *впередъ*...

— Дворянство-съ — сословіе *высшее*,—поправилъ, также съ удареніемъ, Платоновъ.

— Высшее и передовое—синонимы.

— Традиціи его святы и только въ нихъ крѣпость его,— продолжалъ задирчиво Платоновъ. — Отступленіе отъ нихъ — отступленіе отъ исконныхъ вѣрованій народа!

Глаза князя сверкнули.

— При чемъ народъ? Что святого въ дворянскихъ традиціяхъ?—сказалъ онъ, вскинувъ голову.

— Все свято-съ!

— Напримѣръ?

— Его доблестное служеніе престолу, отечеству...

— При помощи связей, покровительства, пронырства... съ титулами вмѣсто гимназическихъ аттестатовъ!—дополнилъ князь.— Много ли пользы въ такомъ служеніи?.. Что до связи дворянства съ исконными вѣрованіями народа, то ее и при помощи новѣйшихъ микроскоповъ не скоро отыщешь! — продолжалъ онъ. — А насколько „святы" традиціи доблестнаго дворянства и къ чему привели онѣ, показываютъ факты! Самовластительное, не стѣсняемое ни законами, ни обычаемъ, дворянское сословіе владѣло чуть не половиною территоріи, двадцатью милліонами „подданныхъ", представляло собою общественное мнѣніе страны, избирало изъ своей среды юстицію и полицію, пользовалось правомъ входить непосредственно съ заявленіями о государственныхъ нуждахъ и потребностяхъ... И что же сдѣлано? Какъ употреблены формальныя прерогативы? На чемъ и какъ отразилась совѣсть сословія?.. Результаты извѣстны, видимы: погрязшій въ невѣжествѣ, задавленный, измученный крестьянинъ... разоренныя, заложенныя вотчины... само, высшее въ государствѣ, сословіе — безъ политическаго смысла, безъ научныхъ знаній, безъ знакомства съ страной, съ окружающимъ, съ условіями и даже съ данными собственныхъ владѣній!.. Этимъ ли кичиться сословію? По этому ли пути слѣдовать дальше?..

— Князь... вы сами дворянинъ...—вымолвилъ, захлебываясь и трясущимися губами, Платоновъ.

— И горжусь этимъ!—отвѣтилъ князь. — Признаю, что на дворянствѣ лежитъ высокій, святой долгъ — загладить свое минувшее, послужить дѣйствительно отечеству, войти въ дѣйствительныя его нужды, потребности! А для этого путь одинъ—отъ мрака къ свѣту, къ свободѣ!.. Позвольте удивиться мнѣ, что не видно васъ на этомъ пути!

Онъ поклонился и отошелъ отъ стола.

Въ продолжавшей наполняться залѣ раздался одобрительный шумъ, подхваченный на хорахъ, точно эхомъ.

Черномазый, красногубый мужчина среднихъ лѣтъ, съ торчавшею во всѣ стороны бородой, плохо причесанный, но, видимо, очень хорошо позавтракавшій, подошелъ вплоть къ Платонову и спросилъ:

— Почему вы смѣшиваете всегда законъ—съ приказомъ по полку, авторитетъ — съ самодурствомъ?..

Его оттащили.

Какое-то замѣшательство, внесенное новоприбывшими, передалось отъ одного къ другому; въ публикѣ стали перешептываться, переходить изъ залы въ буфетъ...

— Быть не можетъ! — воскликнулъ Бельтищевъ, выслушавъ что-то отъ подошедшаго дежурнаго старшины.

— Я вамъ говорю! Потому городскихъ дворянъ и нѣтъ никого...

Новость была важная: передавали, что исправникъ телеграфировалъ губернатору о готовящемся „запрещенномъ сходбищѣ" дворянства, и ждетъ отвѣта, чтобъ поступить по всей строгости...

Передъ клубомъ прохаживался уже по тротуару юркій, небольшого роста, помощникъ исправника, натягивая бѣлыя перчатки. Вскорѣ подъѣхалъ на длинныхъ дрожкахъ и самъ исправникъ — рыжій, красполицый „солдафонъ" съ подстриженными усами.

Бельтищевъ, Ступинъ и дежурный старшина поспѣшили навстрѣчу, въ переднюю.

Еще при подъемѣ на лѣстницу, звеня шпорами, гремя саблей и какъ бы не узнавая въ старшинѣ своего вѣрнаго ежевечерняго партнера, исправникъ объявилъ:

— Я получилъ приказаніе закрыть незаконное собраніе ваше!

— Никакого незаконнаго собранія нѣтъ у насъ!—отвѣтилъ старшина. — Здѣсь клубъ, и собрались только члены да записанные ими гости!

— Полиціи извѣстно, что собраніе подготовляли вотъ они, Сергѣй Данилычъ,—возразилъ исправникъ, кивнувъ на Бельтищева.—А г. Ступинъ эмиссаромъ по уѣзду ѣздилъ...

— Прошу васъ быть разборчивѣе въ вашихъ выраженіяхъ!— сказалъ, вспыхнувъ, Ступинъ. — Дворянство подготовляется къ выборамъ, пользуясь законнымъ правомъ на это, и свиданія кандидатовъ съ избирателями—не преступная дѣятельность!

— Вы не начальство-съ, чтобъ дѣлать мнѣ выговоры!— отвѣтилъ исправникъ, вскинувъ надменно голову.

— Я защищаюсь отъ оскорбленія и буду жаловаться на васъ!

— У меня донесеніе пристава...

— Я не говорю съ вами!

Онъ отвернулся, взялъ Бельтищева подъ-руку, и они вошли въ залу.

Исправникъ побагровѣлъ и насупился, согнувъ шею и выпятивъ животъ.

— Приглашаю васъ быть при объявленіи распоряженія...— началъ онъ, обращаясь къ старшинѣ.

— По уставу клуба, полиція не имѣетъ права входить,— отвѣтилъ тотъ.

— Я дѣйствую по особому предписанію!

— Уставъ равенъ закону и можетъ быть отмѣненъ только установленнымъ порядкомъ.

— У администраціи есть сила-съ!

— Взламывайте двери!

— Вы знаете, Алфей Трофимычъ?..

— Да будетъ вамъ, Александръ Кузьмичъ!

Оффиціальность кончилась.

Знакомцы отошли къ окну и повели мирно бесѣду.

Исправникъ, махнувъ рукою помощнику въ знакъ прекращенія дѣйствій, сталъ сумрачно и жадно сосать папиросу, выпуская дымъ носомъ.

Старшина—членъ земской управы изъ дворянъ, исправлявшій должность предсѣдателя за смертью Ветлугина,—заговорилъ, перебирая пальцами жгутикъ на плечѣ исправника:

— Ну, не безобразіе ли это, согласитесь сами: дворянство, совершенно законнымъ путемъ и на основаніи законовъ, обязанности свои исполняетъ, а на него за это крамолу взваливаютъ... То же и съ земствомъ!..

— Дѣло не въ обязанностяхъ...—буркнулъ исправникъ, оторвавшись отъ папиросы.—Пресѣкается противодѣйствіе направленію, охраняющему основы...

— Но вѣдь на законной же почвѣ... по законамъ же, Боже ты мой! А нѣтъ — такъ привлекайте къ суду, къ отвѣтственности!.. не подрывайте сами основъ безправіемъ... произволомъ...

— Когда предписываютъ...

— Ну, и вашего тутъ „капля меду есть"! Шила въ мѣшкѣ вѣдь не утаишь у насъ!..

IX.

Въ залѣ, когда вернулись туда Бельтищевъ и Ступинъ, происходила диверсія... Охранители, отстраняясь отъ участія, толковали громко о карточной игрѣ, звали другъ друга въ буфетъ.— „Республиканцы!.."—раздался чей-то насмѣшливый возгласъ.

Въ буфетѣ, стоя передъ рядомъ налитыхъ рюмокъ, Платоновъ угощалъ приверженцевъ, угощался самъ и ораторствовалъ.

Въ особенности относился онъ къ золотушному, съ „морскимъ канатомъ" въ ушахъ, мелкопомѣстному дворянину Карелову, промышлявшему лошадинымъ барышничествомъ на ярмаркахъ въ Бабинѣ и отличавшемуся буйнымъ нравомъ во хмелю.

Скоро въ залѣ стало просторно, водворилась тишина.

Князь Г*, поблагодаривъ дворянство за оказанную честь, объявилъ о своей готовности принять выборъ. Вмѣсто рѣчи, онъ сталъ очерчивать дѣятельность покойнаго Ветлугина,—„вдохнувшаго жизнь въ земство, въ это зерно свободныхъ общественныхъ силъ",—обѣщая слѣдовать во всемъ его программѣ, идти по его стопамъ...

Въ самую патетическую минуту показался изъ буфета Кареловъ, уже порядкомъ захмелѣвшій, разрумянившійся. Онъ остановился, прислушиваясь къ словамъ князя, потомъ вдругъ ринулся къ столу и разразился во всю силу легкихъ:

— Господа дворяне! Милостивые государи! Отъ предковъ нашихъ, съ ихъ кровію, вручено по наслѣдію... чтобъ дворянинъ былъ во всемъ преданъ... до послѣдней капли крови... за вѣру, царя и отечество! Отступающійся—исключается!—Онъ запнулся, икнулъ, потомъ продолжалъ, шмыгнувъ ладонью по усамъ:—Господа! Нашъ долгъ—исполнять сказанное свыше! Андрей Демьянычъ Макушевъ — законный нашъ предводитель, ему вручаемъ мы власть и впредь!..

Послѣ первой минуты недоумѣнія вспыхнули протесты противъ непарламентарности пріема оратора; князя просили продолжать. Но Кареловъ уже ничего не слышалъ и не понималъ—

„закусилъ удила“ (такъ стали потомъ острить надъ нимъ). Онъ вскочилъ на столъ и закричалъ оттуда, размахивая руками:

— Доблестное дворянство! Не потерпимъ отступниковъ и преступниковъ! Повергнемъ адресъ въ вѣрности нашей! въ негодованіи!..

Негодованіе обратилось прежде всего на оратора. Раздались требованія назвать „отступниковъ и преступниковъ“. Поднялся шумъ. Въ воздухѣ, описывая параболу, мелькнуло что-то бѣлое, пронеслось мимо самаго уха оратора и упало на столъ...

Ступинъ вздрогнулъ и помертвѣлъ: онъ узналъ хорошо извѣстный ему кружевной зонтикъ à point d'Alençon...

Схватить его со стола и очутиться на хорахъ было для него дѣломъ одной минуты.

Кэтъ стояла у входа, надѣвая перчатку. Полуприкрытое вуалеткой лицо ея дышало возбужденіемъ; въ сапфирныхъ глазахъ свѣтилась строгость. При видѣ Ступина она сдѣлала усиліе улыбнуться и протянула руку за зонтикомъ.

— Что съ вами, Кэтъ? Вы бросили...

— Могла просто уронить, — перебила она глухимъ голосомъ.—Пойдемте... уведите меня отсюда... — продолжала она, взявъ его подъ-руку и увлекая за собою съ лѣстницы.—Вы поѣдете со мной? Да?

— Вамъ нездоровится?—спросилъ онъ, смотря на ея взволнованное лицо, чувствуя, какъ дрожитъ она вся.

— Они убили papa...

Онъ вздрогнулъ и ничего не сказалъ ей.

Усадивъ ее въ коляску, онъ забѣжалъ въ залу, гдѣ отъ политики успѣли уже перейти къ вопросу о воспрещеніи Карелову входа въ клубъ, и сказалъ Бельтищеву, что вернется въ городъ вечеромъ же.

— Вы не сердитесь, Матвѣй? Не правда ли?—стала говорить дорогою Кэтъ, касаясь его плечомъ и заглядывая въ лицо. Она раскаивалась въ своемъ невольномъ порывѣ, хотѣла разсѣять казавшееся ей неудовольствіе жениха. Онъ, напротивъ, видѣлъ въ порывѣ новую пріятную черту, раздумывалъ надъ этимъ, и только улыбнулся ласково въ отвѣтъ. Кэтъ продолжала:—Я сама не понимаю, какъ могло случиться это... я просто потеряла самообладаніе... Какъ смѣлъ онъ бросить тѣнь на papa, на его дѣятельность!..—И она торопливо утерла навернувшіяся слезы.—Тамъ много дамъ знакомыхъ встрѣтила я... Жена Макушева тоже была; — она очень милая, только смѣшная нѣ-

сколько... И вотъ теперь обо мнѣ будутъ говорить, говорить, говорить!.. А Вѣра... Нѣтъ, она тоже такъ бы поступила!..

Она положила свою руку на руку Ступину, усиленно сжала ее и засмѣялась сквозь слезы совсѣмъ дѣтскимъ веселымъ смѣхомъ.

Улыбалась сквозь слезы и природа вокругъ, послѣ только-что прошедшаго полоской „грибного“ дождя—теплаго и сквозь солнце. Все было свѣжо, зелено. Большія деревья—липа, кленъ, дубъ—тихо помавали вѣтками; яркая весенняя, еще клейкая листва веселила глазъ. Торопливо бѣжавшія по небу бѣловатыя тучки прихотливо мѣняли освѣщеніе, кидая перебѣгающія тѣни...

На поворотѣ повстрѣчалось тянувшееся съ водопоя стадо. Мокрыя, лоснившіяся коровы пугливо, тяжелою неловкою рысью, отбѣгали въ сторону; молодой пастухъ, съ едва опушившимся лицомъ и въ старенькой поярковой шляпѣ на густыхъ русыхъ волосахъ, звонко хлопалъ длиннымъ кнутомъ...

X.

Встрѣтивъ свой „порогъ“, продолжатели Ветлугинскаго дѣла не замедлили съ изобрѣтеніемъ обхода.

Собранія стали происходить частичныя—то въ „Земскихъ нумерахъ“, то въ Пенькахъ, то въ имѣніи Бельтищева; а являлись на нихъ только „десятники“, вѣдавшіеся уже потомъ каждый съ своимъ десяткомъ. Предметомъ обсужденія и усвоенія сдѣлалась выработанная мотивированная программа будущей земской и предводительской дѣятельности, причемъ докладчиками-секретарями были агрономъ Кравцовъ и статистикъ Андросовъ, стоявшіе какъ нельзя лучше въ курсѣ земскаго дѣла.

Среди такихъ хлопотъ, Ступинъ—кипятившійся, какъ истинный новичокъ, желавшій все узнать и постичь скорѣе, получилъ изъ Ртищева, гдѣ не былъ онъ уже нѣсколько дней, приглашеніе Вѣры Артемьевны на „семейный совѣтъ“.

Онъ отправился, несовсѣмъ хорошо понимая, въ чемъ дѣло. Встрѣтившая его Кэтъ, въ шерстяномъ траурномъ платьѣ, какъ бы съ осунувшимся неподвижнымъ лицомъ, показалась ему такою трогательно горестною, что у него сердце дрогнуло.

— Мнѣ надо сказать вамъ многое, многое, Матвѣй...—проговорила она торопливо и неровнымъ голосомъ.

Мимо столовой, гдѣ раздавались голоса и распоряжалась Вѣра Артемьевна, Кэтъ провела Ступина въ маленькую гостиную, и они стали прохаживаться тамъ. И вспыхивая, и блѣднѣя, съ

волненіемъ, подступавшимъ къ горлу, заставлявшимъ обрывать слова, она разсказывала о положеніи ртищевскихъ дѣлъ, о разрывѣ сестры съ мужемъ, о томъ, что Феллеръ занимался все это время приведеніемъ дѣлъ въ извѣстность и представитъ сегодня балансъ всему...

Ступинъ слушалъ, понимая суть, улавливая отдѣльныя фразы, но мысли метались у него отъ одного къ другому—отъ освѣщенной нежданнымъ свѣтомъ великолѣпной фигуры Юрлова къ здоровью Нины Ираклiевны, къ положенію семьи,—сердце сжималось болѣзненно.

— Вотъ что я хотѣла сказать вамъ, Матвѣй... Я должна была сказать вамъ это,—заключила Кэтъ.

Онъ не сразу собралъ свои мысли. Пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ, онъ остановился предъ Кэтъ, взялъ и поцѣловалъ ея блѣдную, холодную руку.

— Да, Кэтъ, вы *должны* были сказать мнѣ это,—отвѣтилъ онъ съ удареніемъ.—Должны были сказать потому, что все, касающееся васъ, вашей семьи, мнѣ близко, дорого! Но ни съ чѣмъ инымъ это не должно... не можетъ имѣть связи... и... мы не будемъ говорить объ этомъ... Я хочу только, чтобъ вы дали мнѣ слово не думать больше о ртищевскихъ дѣлахъ, какъ о чемъ-то... отдаляющемъ наше счастье... Дайте мнѣ это слово, Кэтъ!

Она покраснѣла и потупилась, потомъ вдругъ обняла его, и ихъ губы слились въ первый жгучій поцѣлуй...

Когда они вошли въ столовую, тамъ былъ готовъ чайный столъ, покрытый со всею деревенскою простотой,—даже стоялъ темный, запотѣвшій, горшокъ холоднаго молока, съ деревянною ложкой на немъ, чтобъ снимать сливки. Феллеръ, въ парадной темно-синей жакеткѣ, свѣже-выбритый и оживленный, разсуждалъ съ Вѣрою Артемьевною по-нѣмецки о чемъ-то по части хозяйственной ботаники.

Всѣ размѣстились за столомъ.

Пріятно-добродушное лицо Феллера омрачилось выраженіемъ дѣловитости. Онъ вынулъ изъ кармана балансъ и, деликатно обходя молчаніемъ касавшееся Юрлова, сталъ объяснять дѣйствительное состояніе дѣлъ: имущества было значительно больше, чѣмъ долговъ,—если имѣть въ виду продажу добровольную, а не форсированную, съ торговъ; урожай хлѣба и травъ ожидался очень хорошій, но на уборку требовались немалыя наличныя средства; кредитъ оказывался подорваннымъ, и веденіе хозяйства въ будущемъ признавалось труднымъ, невозможнымъ.

— Чтобъ получить средства на уборку, необходимо запродать ожидающееся зерно,—сказалъ онъ въ заключеніе.

— А сколько надобно наличныхъ средствъ, чтобъ выйти изъ затрудненія?—спросилъ Ступинъ.

— Много надо!—отвѣтилъ Феллеръ, какъ бы съ испугомъ въ голубыхъ глазахъ.—Тысячъ пятьдесятъ рублей надо!

— И тогда что же?

— Тогда... О, тогда!—Онъ даже покраснѣлъ отъ охватившей его эмоціи.—Тогда мы убрали бы хлѣбъ и сѣно, продали бы ихъ во-время, по хорошей цѣнѣ, и наладили бы кредитъ, какъ было при Артеміи Петровичѣ... О, онъ могъ!...

— Да, это *тогда,* Францъ Карловичъ!—обратилась къ нему, съ грустною шутливостью, Вѣра Артемьевна.—А какъ быть *теперь*? Запродавать зерно?

— Да-съ.

— А имѣніе продать?

— Это былъ бы лучшій исходъ. Но гдѣ сыскать покупателя? Онъ... „рѣденькій" очень на такія большія имѣнія! (Несмотря на свое полное обрусеніе, Феллеръ проговаривался иногда).—Можно было бы выгодно продать... распродать, то-есть, участками, крестьянамъ...

— Ну, вотъ видите!—воскликнула обрадованная Вѣра Артемьевна.

— Такъ-то такъ-съ, да на операцію эту цѣлые годы уйдутъ, а кредиторамъ вынь да подай сейчасъ...

Ступинъ между тѣмъ пересѣлъ поближе къ Кэтъ, и у нихъ начался свой разговоръ. Когда Феллеръ откланялся, она тоже вышла.

— Дѣла не представляются мнѣ такими... отпѣтыми, — заговорилъ Ступинъ, обращаясь къ Вѣрѣ Артемьевнѣ.—Разъ что имущества больше, чѣмъ долговъ, то чего же отчаиваться?.. Ахиллесова пята—наличныя средства; безъ нихъ, разумѣется, трудновато вести большое хозяйство...

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, ткнулъ въ горшокъ съ цвѣтами докуренную папиросу.

— Вамъ оборотный капиталъ необходимъ, а у меня деньги лежатъ безъ пользы,—сказалъ онъ, остановившись предъ Вѣрой Артемьевной.—Позвольте предложить...

— Ахъ, что вы! — воскликнула та, пораженная и выпрямляясь въ креслѣ.

— Но если...

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ это можно!

— Да почему же?.. Помилуйте!

Онъ вспыхнулъ, какъ виноватый, не зная, что̀ еще сказать, и ждалъ.

Она взглянула на него сквозь навернувшіяся слезы, тронутая его участьемъ, благородствомъ, радуясь за сестру.

— Можно ли, чтобъ вы рисковали еще деньгами, когда и безъ того ваши интересы... часть Кэтъ...

Онъ не далъ ей докончить, напавъ вдругъ на мысль, на доводы.

— Вотъ именно! Да!—воскликнулъ онъ, пользуясь ея словами.—Я въ моихъ интересахъ долженъ подумать! Долженъ позаботиться о дѣлахъ ради части Кэтъ!.. Неправда развѣ? И какой рискъ? Почему вы говорите: рисковать?

— Надо знать дѣла наши, надо гарантировать себя...

— Ну, хорошо-съ! Слѣдующая недѣля свободна у меня, и я... вмѣстѣ съ Феллеромъ... Словомъ, мы съ нимъ обсудимъ все, выяснимъ! Вы позволяете? Да?

Она хотѣла возразить, но Ступинъ поцѣловалъ у нея обѣ руки и объявилъ, что считаетъ дѣло конченнымъ.

XI.

Въ Ртищевѣ водворилась нежданная радостная идиллія.

Все способствовало этому—отходившія въ даль дѣловыя тревоги, установившаяся прелестная погода, тихій деревенскій образъ жизни въ запертомъ наполовину домѣ.

Ступинъ помѣщался у Феллера, вникая подъ его руководствомъ въ ртищевскія дѣла, составляя смѣту потребностямъ и расходамъ. Все свободное время проводилъ онъ въ домѣ. Катанье на лодкѣ, прогулки въ лѣсъ, верховая ѣзда съ Кэтъ чередовались одно съ другимъ. Когда на сестеръ находило вдохновеніе, онѣ играли въ четыре руки симфоніи Шумана, Гайдна. По вечерамъ,—когда прудъ превращался въ небесную глубь съ тихо качавшеюся на днѣ серебристою луной, а въ вѣтвяхъ старой, развѣсистой черемухи въ углу парка соловей начиналъ „то нѣжно вдругъ ослабѣвать, то мелкой дробью разсыпаться",—всѣ усаживались въ галереѣ — мечтать, перекидываться одинокими словами, грустить тою мягкою, неуловимою грустью, въ которой не бываетъ печальнаго и съ которою сердце сливается само, какъ съ желаннымъ...

Въ концѣ недѣли Ступинъ сказалъ за вечернимъ чаемъ:

— Съ Феллеромъ мы во всемъ согласились, Вѣра Артемьевна. Завтра буду я въ городѣ и привезу вамъ изъ банка чековую книжку на деньги.

— Для чего? — спросила, не совсѣмъ понимая, Вѣра Артемьевна.

— Чтобы вы выдавали деньги Феллеру, на надобности.

— А вы сами развѣ не можете выдавать? Вѣдь вы знаете теперь, сколько и для чего надобно?

Произошло замѣшательство: Ступинъ покраснѣлъ и пробормоталъ, что такъ лучше; Кэтъ потупилась.

— Что съ вами? — спросила Вѣра Артемьевна, оглядывая ихъ удивленно.

Оказалось, что у нихъ созрѣлъ планъ... одинъ изъ тѣхъ плановъ, которые создаются въ блаженныя минуты переполненія души, когда человѣкъ бываетъ такъ склоненъ чувствовать крылья за плечами, предупреждать горделиво событія... Они отправлялись въ Петербургъ, чтобы тамъ повѣнчаться; потомъ совершали свой voyage de noce — черезъ Парижъ въ Біаррицъ, къ Нинѣ Ираклiевнѣ; возвращались въ Пеньки не раньше, какъ къ выборамъ...

XII.

Было уже довольно поздно, когда простился Ступинъ.

Поднявшійся мѣсяцъ на краю синеватаго звѣзднаго неба лилъ ровное, спокойное сіяніе. Тихъ былъ влажный, темноватый воздухъ; не шевелили ни одной вѣткой деревья, высившіяся въ тонкой мглѣ точно призраки; странно лежали темныя длинныя тѣни — точно таившіяся живыя существа... „Вьюнъ“, — прозванный такъ за особенность извиваться на бѣгу отъ пугливости, — бѣжалъ крупною рысью, постукивая звонко копытами по сухой, твердой дорогѣ, пофыркивая отъ щекотавшей ноздри свѣжести, пугаясь собственной тѣни, выскакивавшей передъ нимъ при поворотахъ.

Ступинъ раздумывалъ, ослабивъ поводья и машинально уравновѣшиваясь въ сѣдлѣ въ тактъ бѣгу лошади. И думы тянулись одна за другою — хорошія, свѣтлыя, надрывавшія радостно сердце, томившія сладостною болью...

При спускѣ съ пригорка вырисовались Пеньки съ темнымъ силуэтомъ дома... донесся хриплый лай собакъ... „Вьюнъ“ заржалъ, чуя конюшню, и прибавилъ шагу.

Оставивъ лошадь у крыльца людской и постучавъ въ окно,

чтобъ взяли ее, Ступинъ прошелъ къ дому. Онъ хотѣлъ позвонить, но дверь сама отворилась предъ нимъ, и онъ почувствовалъ за нею кого-то...

— Кто здѣсь?!—крикнулъ онъ, торопясь достать спичечницу изъ кармана.

— Я это... я... Не кричите...—послышался шопотъ Антоновны.—Сердце чуяло, что вы пріѣдете...

— Что случилось?

Антоновна ничего не отвѣтила, заперла торопливо дверь на задвижку и пошла съ нимъ, держась за его локоть.

Онъ чувствовалъ, какъ дрожитъ ея рука, понималъ, что есть важное что-то, и ускорилъ шаги.

Въ кабинетѣ теплилась, сверхъ обыкновенія, лампадка предъ образомъ — отцовскимъ „ангеломъ". При трепетномъ свѣтѣ ея Ступинъ увидѣлъ помертвѣвшее лицо Антоновны.

— Да что такое? въ чемъ дѣло? — повторилъ онъ нетерпѣливо.

Она заговорила прерывистымъ шопотомъ:

— Вчера утромъ пріѣхали какіе-то... въ волости остановились... Бурмистру допросъ о васъ дѣлали... Машутка пошла за ягодами въ лѣсъ,—они ее обступили, разспрашивать стали... Приходили въ домъ—я сказала: уѣхали, не знаю куда...

Ступинъ слушалъ, стараясь осмыслить новость, связать слѣдствіе съ какою-нибудь разумною причиной.

Ставни у окна въ садъ скрипнули и пріотворились.

Ступинъ вздрогнулъ и выпрямился. Неприглядность слѣдственнаго пріема и оскорбила, и возмутила его: кровь закипѣла, застучала въ вискахъ.

Не помня себя, онъ кинулся къ стѣнѣ, гдѣ висѣла кобура съ револьверомъ.

— Ахъ, что вы... что вы!.. Грѣхъ какой!..—зашептала Антоновна, повиснувъ у него на рукѣ.

Онъ тутъ же одумался и самъ,—отступилъ, провелъ медленно рукою по лбу.

Изъ передней донесся рѣзкій, отрывистый звонокъ.

— Иди, отопри имъ!—сказалъ Ступинъ, зажигая свѣчу.

Вошелъ молодой жандармскій офицеръ и съ нимъ три штатскихъ.

Удостовѣрившись, что онъ имѣетъ дѣло съ хозяиномъ, офицеръ сказалъ:

— Я получилъ приказаніе произвести у васъ обыскъ.

— По какому поводу?

— Не знаю.

— Не могу препятствовать сильнѣйшему,--отвѣтилъ Ступинъ глухимъ голосомъ. Мускулы на лицѣ у него подергивались, на лбу выступила краска.

Начался обыскъ.

Спавшая въ чуланчикѣ Маша получила приказъ не выходить, и стражемъ у двери остался одинъ изъ штатскихъ. При обыскѣ въ комнатахъ офицеръ выказывалъ крайнюю педантичность, обыскивалъ все, вплоть до ящиковъ съ провизіей въ кладовой. Въ кабинетѣ отодраны были панели отъ стѣнъ, приподняты половицы, обслѣдована печь. Въ гостиной распороли старинную обивку на мебели. Въ библіотекѣ удалось отыскать „поличное"—нѣсколько нумеровъ „Колокола" и книжекъ „Полярной Звѣзды" лондонскаго изданія, получавшихся покойнымъ Ступинымъ по нравственной обязанности тогдашнихъ помѣщиковъ.

Совсѣмъ уже обутрѣло, когда Антоновна отперла дрожащею рукой послѣднее „закрытое помѣщеніе" въ буфетѣ.

— Одѣвайтесь, намъ время ѣхать,—обратился офицеръ къ Ступину.

— Вы арестуете меня?!—воскликнулъ тотъ съ изумленіемъ.

— Помилуйте...

— Для чего же ѣхать?

— Вамъ надобно будетъ дать показаніе...

— О чемъ?

Офицеръ пожалъ плечами.

— О чемъ спросятъ.

— Я могу отвѣтить теперь же.

— Мнѣ не поручено допрашивать... И допросъ безъ участія прокурора—незаконенъ!—добавилъ онъ съ видомъ человѣка, боящагося и помыслить о незаконности.

Они вышли въ переднюю.

— Вы въ городъ?.. Какъ же такъ-то: надо платье, бѣлье собрать...—заговорила Антоновна, блѣдная и съ горѣвшими, какъ уголья, глазами.

— Для чего? Всего день какой-нибудь потребуется на формальности!—отвѣтилъ за Ступина офицеръ.

Ласковый тонъ его голоса успокоилъ, ободрилъ Антоновну. Она уныло, но уже безъ тревожности отворила дверь.

У крыльца стояли двѣ парныя телѣги...

XIII.

Попутное охранителямъ „вѣяніе“ не только наступало вполнѣ, но и превращалось въ цѣлый ураганъ, грозившій смести съ лица уѣзда все Ветлугинское...

Вслѣдъ за Ступинымъ исчезли земскій агрономъ Кравцовъ и статистикъ Андросовъ. Бельтищеву запрещено было жить въ имѣніи.

Надъ Ртищевымъ вѣсть объ арестѣ Ступина разразилась точно громовый ударъ. Вѣра Артемьевна въ первую минуту ничего не поняла и только оторопѣла; потомъ, вдумываясь, она упала духомъ, пришла въ ужасъ. Кэтъ, выслушавъ извѣстіе отъ сестры, помертвѣла, пробыла съ минуту какъ окаменѣвшая, а затѣмъ сказала твердо:

— Это—недоразумѣніе какое-нибудь! Онъ мнѣ напишетъ!

Она продолжала и потомъ сохранять твердость, не выказывала ни волненія, ни отчаянія. Только на лицѣ у нея стало обозначаться выраженіе какъ бы суровости, а сапфирные глаза утрачивали свой обычный веселый блескъ...

Такъ протянулось съ недѣлю. Извѣстій отъ Ступина не получалось.

Однажды, за утреннимъ чаемъ, сидѣвшая задумчиво Кэтъ хотѣла сказать что-то сестрѣ, но вдругъ вскрикнула и зарыдала истерически.

Ее уложили въ постель.

Призванная земская фельдшерица Сперанская прописала прежде всего покой и немедленно усыпила паціентку какимъ-то порошкомъ.

Было уже время обѣда, когда пробудилась Кэтъ. Въ ногахъ кровати сидѣла Сперанская, сгорбившись и уткнувшись въ книжку. Совсѣмъ еще молодая, но тщедушная, съ безвременными морщинками на безцвѣтномъ лицѣ, она казалась старушкой.

— Аппетитъ чувствуете?—спросила она, замѣтивъ движеніе паціентки.

— Нѣтъ...

— Чаю выпьете?

— Да.

Сперанская быстро и умѣло приготовила чай на спиртовой лампочкѣ, придвинула столикъ къ кровати.

— Я вамъ совсѣмъ слабенькаго налью,—сказала она, принимаясь хозяйничать.

Кэтъ улыбнулась въ знакъ согласія.

Александра Порфирьевна Сперанская служила давно уже въ Ртищевѣ и отличалась преданностью своему дѣлу. Кэтъ очень любила ее, слыша о ней хорошіе отзывы отца. Теперь ей пріятно было принимать ея добрыя, простыя услуги.

— Вы были замужемъ, Александра Порфирьевна?—спросила она, разговорившись.

— Я и теперь замужемъ.

— Гдѣ же вашъ мужъ?

— Тю-тю!

Сперанская засмѣялась, выказавъ рѣденькіе, испорченные зубы, и махнула рукою вдаль.

— Что это значитъ?

— Въ Пелымѣ... пятый годъ!

Кэтъ содрогнулась и посмотрѣла на собесѣдницу, удивляясь мысленно ея равнодушію.

Какъ бы понявъ это и оправдываясь, Сперанская продолжала, со вздохомъ:

— Да, человѣкъ—самое выносливое животное! Все, все выноситъ онъ, со всѣмъ мирится... свыкается съ нарушеніемъ самыхъ естественныхъ своихъ правъ до того, что даже не сознаетъ, не чувствуетъ нарушенія... Мыслители, какъ Эразмъ Роттердамскій, напримѣръ,—и тѣ находятъ, что счастье состоитъ въ довольствѣ своимъ положеніемъ, въ примиреніи съ своею судьбой,—точно подобная благодать не одинаково доступна и молюскамъ, точно для этого стоитъ обладать разумомъ, волей!..

Она налила чашки и пригорюнилась, сжавшись на стулѣ, сощуривъ узенькіе голубенькіе глазки.

За окномъ, въ румяной полосѣ наступавшаго заката, толклись и мелькали точно кружевнымъ узоромъ чуть примѣтныя прозрачныя мошки; изъ парка доносилось торопливое пѣнье птицъ, кончавшихъ свои послѣднія пѣсни.

— О Матвѣѣ Николаевичѣ такъ и неизвѣстно ничего?—спросила вдругъ Сперанская.

Кэтъ покачала отрицательно головой.

— Онъ въ „губерніи"...

— Вы слышали? Знаете что-нибудь? За что арестовали его?—стала спрашивать Кэтъ, не давъ ей договорить.

— Всегда въ „губернію" отвозятъ жандармы,—отвѣтила Сперанская.—Тамъ слѣдствіе ведется, допросы дѣлаются; а потомъ отсылаютъ кого куда надо... Моего мужа—мы въ городѣ жили тогда и онъ уроки давалъ—такимъ же манеромъ схватили,

увезли... Три мѣсяца потомъ проскиталась я въ „губерніи“, пока свиданья добилась...

— Да? Это можно?

— Роднымъ только разрѣшается... Да и невѣстѣ должны дозволить!

Кэтъ привстала и сѣла на постели—оживившаяся, радостная.

— Какъ это дѣлается?—спросила она.

Сперанская закрыла глазки и потрясла плохо причесанной головой, такъ что нѣсколько шпилекъ выпало.

— И вспоминать тошно!

— Трудно?

— Надо узнать, тамъ ли арестованный, гдѣ онъ содержится, въ чемъ обвиняютъ его,—а это все секретъ составляетъ... Потомъ—отъ кого больше зависитъ дѣло: отъ губернатора или отъ жандармовъ?.. А тамъ и пойдутъ, и пойдутъ мытарства! Одного дома нѣтъ никогда, другой не принимаетъ, отъ третьяго ничего не зависитъ, будто бы... Я черезъ монашенокъ хлопотала.

— Черезъ монашенокъ?—переспросила изумленно Кэтъ.

— У нихъ вездѣ знакомства, имъ всюду доступъ... Досугъ у нихъ вѣчный, а женщина чѣмъ меньше бываетъ занята, тѣмъ больше пожирается любопытствомъ; монастырки, поэтому, всегда все знаютъ, все считаютъ касающимся до нихъ... и всегда въ фаворѣ именно у охранителей...

Кэтъ вслушивалась, хмурясь.

— Я поѣду,—сказала она съ рѣшимостью.

— У васъ тамъ знакомые есть?

— Нѣтъ.

— Никого?

— Никого.

— Что же вы будете дѣлать?

— Разыскивать, хлопотать...

— Да Боже ты мой!

Сперанская заломила сперва руки въ отчаяніи, потомъ вскочила и быстро прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Но какъ же такъ?—спросила она, остановившись предъ кроватью и сложивъ руки на груди.—Ну, поѣдете вы, пріѣдете въ городъ... Съ чего же начнете вы? къ кому обратитесь?

— Я хочу... должна его видѣть...—могла только отвѣтить Кэтъ, сдерживая подступавшія слезы.

— Не волнуйтесь... примите капель...

Доставъ изъ аптечки пузырекъ, Сперанская налила въ рюмку капель съ водой и переждала, пока Кэтъ выпила. При-

двинувъ потомъ стулъ свой ближе къ кровати, она сѣла и повела разсказъ о хлопотахъ по свиданію съ мужемъ, о претерпѣнныхъ мытарствахъ...

— Только тогда и дорогу нашла, когда съ монашенками столкнуться случилось!—заключила она.—А вамъ съ этого и начать надо. У меня есть паціентки въ Тихвинскомъ монастырѣ нашемъ: я побываю тамъ, разузнаю...

Кэтъ вспыхнула и обняла ее, роняя радостныя слезы.

XIV.

Для Вѣры Артемьевны настали скорбные, хлопотливые дни. Она вся отдалась ртищевскимъ дѣламъ, вникая во все, придумывая съ Феллеромъ выходы, сама улаживая въ городѣ дѣла съ мелкими неспокойными кредиторами.

Среди этихъ тревогъ не переставала чувствоваться и своя личная тревога. Изъ головы не выходили думы о воспитаніи дѣтей, о собственной дальнѣйшей судьбѣ, о неизбѣжности развода съ мужемъ—когда самаго дорогого, сокровеннаго коснутся судебныя дрязги, бумаги... когда впутается неразлучное съ процедурою грязное,—извѣстное смутно по слухамъ...

Однажды, послѣ завтрака, отправляясь на скотный дворъ, она увидѣла подъѣзжавшій къ усадьбѣ англійскій шарабанъ... Сердце застучало у нея и замерло.

Она поспѣшно вернулась въ домъ и остановилась въ вестибюлѣ, стараясь собраться съ духомъ, съ мыслями.

Юрловъ предсталъ передъ женою совсѣмъ рыцаремъ печальнаго образа—похудѣвшій, унылый, съ повисшими, неподвитыми усами. Онъ съ покорнымъ смиреніемъ поцѣловалъ у нея руку и объявилъ, что заѣхалъ повидать дѣтей и узнать, нѣтъ ли извѣстій о несчастномъ Ступинѣ. При всемъ своемъ охранительствѣ, онъ искренно возмущался подобною простотой расправы съ противниками.

Они прошли въ паркъ, въ галерею.

Относительно Ступина Вѣра Артемьевна знала только черезъ Феллера, что имѣніе взято въ опеку.

Свиданіе съ дѣтьми произошло точно на сценѣ. Юрловъ чинно поцѣловалъ мальчиковъ; они,—всегда стѣснявшіеся при отцѣ, хотя онъ не былъ съ ними строгъ, привыкшіе къ его отлучкамъ,—такъ же чинно остановились около его колѣнъ. Не

зная, что дѣлать дальше, Петя потрогалъ заинтересовавшую его лорнетку отца; Ваня спросилъ:—Ты опять уѣдешь?

— Ваше рѣшеніе неизмѣнно, Вѣра?—спросилъ Юрловъ, отпустивъ мальчиковъ.

Она вздрогнула.

Она сознавала, что, несмотря на совершившійся, давшійся легко переломъ, что-то осталось въ глубинѣ души примолкшимъ только, не разрѣшившимся, и въ чемъ слѣдуетъ разобраться безъ торопливости...

— Быть можетъ, я уѣду въ Англію, чтобъ воспитать тамъ дѣтей,—проговорила она.

— Это будетъ чуждое воспитаніе, Вѣра...

— Оно научитъ добывать хлѣбъ! Нельзя дѣлать изъ дѣтей дворянъ-офицеровъ и... пускать по міру ихъ...

Она умолкла, сдерживаясь, унимая подступившее волненіе.

— Ломка быта... Все сословіе расшатано, колоссальныя состоянія рушатся...—началъ значительно Юрловъ.

— Перестаньте!—перебила она, остановивъ на немъ тоскливый взглядъ.—Точно ломка вчера началась и точно сословіе изъ куколъ какихъ-то неподвижныхъ составлено! Сумѣлъ же papa привести въ порядокъ Ртищево, понять, чего требуетъ новая дѣйствительность... А вы... Вспомните, что вы дѣлали!

Она отвернулась и стала глядѣть на неподвижную гладь пруда, скрывая набѣгавшія слезы.

При другихъ обстоятельствахъ Юрловъ прочелъ бы цѣлый обвинительный актъ противъ „неинтенсивной“ системы тестя, пустился бы въ критику новой дѣйствительности. Теперь онъ только вздохнулъ, бросилъ докуренную папиросу, прицѣлившись ею въ прыгавшаго на дорожкѣ воробья, и сталъ задумчиво качать положенною одна на другую ногой.

— Каждый человѣкъ—смѣсь добра и зла, бѣлаго и чернаго,—сталъ говорить онъ, спустя минуту.—Я не выставляю себя совершенствомъ; не будьте и вы жестоки, не карайте за отступленіе отъ безпримѣрно-идеальной нравственности... Жизнь капризна, и ошибки человѣка не всегда въ его власти... Глѣбово... не спорю, могло бы быть въ лучшемъ порядкѣ; но терять надежду не слѣдуетъ: два-три хорошихъ урожая, и все можетъ быть исправлено... Дѣти не останутся безъ средствъ... Я передумалъ о многомъ... Я готовъ... я буду трудиться!..— Онъ помолчалъ, а потомъ закончилъ, съ театральнымъ жестомъ:— Вѣра, безъ васъ я—какъ безъ рукъ!

Это была истинная правда. Отсутствіе вѣрной, знающей

помощницы давало чувствовать себя въ хозяйствѣ; еще больше чувствовалось оно для самого хозяина, лишавшагося возможности скакать, когда и куда вздумается...

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Вѣра Артемьевна и поняла его.

Сердце забилось у нея сильно, съ болью; краска кинулась въ лицо и тутъ же смѣнилась блѣдностью. Она поникла, какъ бы принимая на себя послѣдній, смертельный ударъ, плечи ея вздрагивали.—„И никогда слова правды... ни одного искренняго чувства!"—пробѣгало въ туманившейся головѣ. Все казалось яснымъ теперь: разбираться было не въ чемъ больше и не для чего... Все ея личное какъ-то вдругъ умалилось передъ нею и отдалилось. Остались только дѣти, ихъ интересы...

— Что вы скажете, Вѣра? — раздался сдержанный голосъ Юрлова.

Она медленно, точно приходя въ себя, повернула голову и посмотрѣла на него.

— Годы связываютъ людей, или развязываютъ...—стала говорить она, съ оттѣнкомъ печальной ироніи.—У насъ случилось, кажется, послѣднее...

— Вѣра...

— Выслушайте до конца.—Она сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы принять спокойный видъ, и продолжала: — И все-таки... какъ бы окончательно ни были развязаны мы *оба*,—онъ замѣтилъ удареніе и вздрогнулъ, уязвленный въ своемъ самолюбіи,—дѣти всегда будутъ связывать насъ... Ради нихъ—но не теперь, а когда придемъ мы съ Феллеромъ къ чему-нибудь окончательному насчетъ ртищевскихъ дѣлъ, — я готова буду оставаться въ Глѣбовѣ...

— Ouf!—воскликнулъ съ комичною веселостью Юрловъ, готовый подняться и облобызать жену.

— Если вы пожелаете принять условія...

Онъ сдѣлалъ видъ, что поправляется на стулѣ, и спросилъ:

— Условія? какія условія?

— Чтобъ вы предоставили мнѣ распоряжаться имѣніемъ и хозяйствомъ, какъ я хочу, и не вмѣшивались бы...

Онъ передернулся и вскинулъ на нее изумленно глаза.

— Обдумайте это серьезно, не торопясь: потому что если вы вмѣшаетесь, выдадите хотя бы одинъ вексель, или сдѣлаете какой-нибудь „учетъ", я возьму дѣтей и уѣду навсегда...

Голосъ у нея дрогнулъ, что-то скорбное, горькое, тронуло судорожно уголки губъ.

Спустя секунду, она овладѣла собою и встала.

Шарабанъ безшумно катилъ по мягкой сельской дорогѣ, то сверкая ярко въ лучахъ солнца, то вдругъ тускнѣя въ тѣни. Мелькавшіе свѣтлыми точками слѣпни прилипали сразмаху къ шеямъ лошадей; тѣ сгоняли ихъ, наморщивая кожу и потомъ быстро распуская ее; изъ встрѣчавшихся болотистыхъ луговинокъ, поросшихъ куртинками низенькой корявой ольхи, налетали темныя станички комаровъ...

Юрловъ обводилъ взглядомъ скучную, однообразную мѣстность, зеленыя полоски полей съ кое-гдѣ чернѣвшимися на нихъ кучками полольщицъ, отвертывался отъ бившихъ въ глаза лучей солнца, отмахивался отъ комаровъ; но мысли его, сознаніе не участвовали въ этомъ.

Онъ думалъ, охватывая мыслями свое прошлое, настоящее, всю свою жизнь... Съ самаго того времени, когда очутился онъ на собственной волѣ, въ кавалерійскомъ училищѣ, получилъ возможность тратить отцовскія деньги и дѣлать долги при недохваткахъ на кутежи, счастье не переставало улыбаться ему. Не стѣсняясь предъявлялъ онъ самые широкіе запросы къ людямъ, къ обстоятельствамъ, къ жизни вообще, даже къ кредиту, и—пожалуй, именно поэтому—получалъ во всемъ свыше заслугъ. Имѣя выдающимися качествами лоскъ и смѣлость, онъ замѣнялъ ими все, никогда ни надъ чѣмъ не задумывался, клалъ въ основу морали „tout est bien, qui finit bien"... И все, дѣйствительно, кончалось хорошо, вплоть до ртищевскаго семейнаго совѣта... Потомъ все фатально пошло подъ-гору, и нѣтъ удержу, остановки... Теперь вотъ съ женою: семейная вспышка, размолвка—у кого и когда не бываетъ ихъ!—превращаются въ скандалъ, въ окончательный разрывъ...

Онъ утѣшалъ себя надеждой, что все „перемелется, мука будетъ", что любящая женщина руководится только сердцемъ; а пробудившееся сознаніе говорило, что пока онъ размѣнивался всячески на мелочь, женщина эта росла и крѣпла нравственно; что теперь она сильнѣе его, и потому больше дорога ему; что его спасеніе—только въ покорности...

XV.

Спустя нѣсколько дней послѣ своего разговора съ Кэтъ, Сперанская, побывавъ въ Тихвинскомъ женскомъ монастырѣ, сообщила ей, что онѣ должны поѣхать туда, къ обѣднѣ, чтобы повидаться съ кѣмъ надо и переговорить.

Онѣ отправились на слѣдующій же день. Кэтъ сама правила парочкою породистыхъ черно-пѣгихъ пони, запряженныхъ въ желтенькую плетеную „корзинку".

Утро выдалось хорошее, ясное. Пони дружно бѣжали по сухой, гладенькой дорогѣ, отмахиваясь и хвостами, и ушами отъ мухъ и слѣпней.

— Съ кѣмъ же мы будемъ видѣться?—спросила Кэтъ.

— Не знаю еще,—отвѣтила Сперанская.—Паціентки мои обѣщали поговорить о васъ матери-казначейшѣ или сестрѣ Клавдіи... Хорошо, кабы ей!

— А что?

— Она первая умница въ монастырѣ и всѣмъ ворочаетъ тамъ; у нея вездѣ знакомства... Она московская, изъ богатой семьи купеческой, и поступила въ монастырь потому, что не могла романъ свой пережить...

— Да что вы!

— Такъ разсказываютъ... Она убѣжала отъ родителей, чтобъ выйти замужъ за любимаго бѣднаго человѣка; а тотъ узналъ, что ее приданаго лишаютъ, и отказался... Вотъ ужъ не заточила бы себя изъ-за этого!

— А если она любила?

— Да какъ же любить такого?

Пони, забывъ про рысь и какъ бы прислушиваясь къ разговору, пошли мелкимъ щеголеватымъ шажкомъ.

Кэтъ щелкнула бичомъ, и они кинулись со всѣхъ ногъ.

По разсчету, надо было пріѣхать къ началу обѣдни. Но усердныя монастырки поднимались рано, не запаздывали со службой: благовѣстили уже къ „Достойно", когда корзинка въѣхала подъ арку точно крѣпостныхъ воротъ, продѣланныхъ въ высокой, зубчатой стѣнѣ.

Во дворѣ, поросшемъ низенькою шелковистою муравой и съ проложенными бѣлыми каменными дорожками, дежурила молоденькая послушница въ новенькомъ кукулѣ.

Она приняла пони и привязала ихъ въ тѣни, у стѣны.

— Мы не думали, что такъ запоздаемъ!—сказала Сперанская.

— Не блажитъ начало, а блажитъ конецъ,—отвѣтила нараспѣвъ послушница.

Въ церкви зажжено было, по случаю какого-то монастырскаго торжества, паникадило. Падавшія изъ оконъ полосы свѣта озаряли богатый золоченый иконостасъ, цвѣты и ленты на образахъ. На клиросахъ странно звучали въ бассовыхъ нотахъ жиденькіе голоса монахинь.

Правильные ряды черныхъ матовыхъ фигуръ мѣрно и одновременно, точно по командѣ, крестились и кланялись...

Кэтъ и Сперанская уединились въ нишѣ окна.

По окончанiи службы, къ нимъ приблизилась не старая еще монахиня съ очень бѣлымъ, красивымъ лицомъ и пытливыми карими глазами. Окинувъ ихъ быстрымъ холоднымъ взглядомъ, она плавно поклонилась, держа руки сложенными въ рукавахъ ряски, и сказала тихимъ, смиреннымъ голосомъ:

— Сестры передавали мнѣ о васъ... Пожалуйте въ убогiй прiютъ нашъ, чайку откушать.

Это была сестра Клавдiя — приближенная игуменьи, первая искусница въ шитьѣ гладью, сборщица на храмъ, побывавшая и въ Кiевѣ, и въ столицахъ.

По узенькимъ дощатымъ мосткамъ, проложеннымъ около церковнаго фундамента, сестра Клавдiя провела гостей въ сосѣднiй выбѣленный двухъ-этажный флигель съ чисто-промытыми большими окнами.

— Не взыщите; прошу васъ...—промолвила она, поднимаясь по деревянной лѣстницѣ, покрытой сѣрымъ опрятнымъ ковромъ.

По обѣимъ сторонамъ широкаго, свѣтлаго корридора съ лакированнымъ поломъ, раскрашеннымъ черными шашками по желтому, и съ чистенькою холщевою дорожкой посрединѣ, располагались кельи. Тѣ, въ которыхъ были гости-мужчины, оставались съ отворенными дверями. Встрѣчавшiяся монашенки низко кланялись сестрѣ Клавдiи, говоря: „Благословите, сестра" (она была рясофорная). Въ воздухѣ виталъ ощутительный запахъ благовоннаго курева.

Въ кельѣ, хлопоча за самоваромъ и перетирая бранымъ полотенцемъ фарфоровыя чашечки, сестра Клавдiя обратилась къ Кэтъ:

— Вы о нареченномъ своемъ болѣете?... Спаси васъ Господь! Унынiя духъ гоните отъ себя!

Кэтъ сказала, что прiѣхала съ просьбой.

— Мiрское это—чужое для насъ, искусительное,—стала говорить сестра Клавдiя, вздохнувъ и опустивъ глаза:—но не грѣховное мiрское, и помогать въ немъ сочетавающимся самъ Господь велитъ... — Она налила чашки, перекрестилась, взявъ свою, и продолжала:—Диво, что никакихъ слуховъ нѣтъ: увезли помѣщика Ступина, да и все тутъ!.. Съ матерью-игуменьей нашей прокурора жена очень хорошо знакома, и я просила вчера сестеръ—въ городъ, по надобностямъ, которыя отправлялись,—чтобъ узнали у ней... Такъ, вѣрите ли, прокурору даже неизвѣстно ничего!

— Административнымъ порядкомъ взяли, — объяснила Сперанская, тономъ знатока.

Сестра Клавдія помолчала, недоумѣвая предъ непонятнымъ словцомъ, потомъ сказала:

— И прокуроръ заключаетъ, что прямо изъ Петербурга вышло распоряженіе.

— Ну, да!—подтвердила Сперанская.

Сестра Клавдія подумала, отхлебывая изъ чашки и перебирая четки, обвивавшія кисть ея бѣлой, красивой руки.

Поднявъ потомъ на Кэтъ свои пытливые холодные глаза, она сказала:

— Въ „губернію“ могу я дать вамъ письмо къ генеральшѣ Струевой: ея мужъ при комитетѣ тюремномъ...

— А монахини знакомой нѣтъ у васъ?—спросила Кэтъ.

— Да на что жъ она вамъ?!—съ удивленіемъ воскликнула сестра Клавдія.

На это стала отвѣчать Сперанская.

Умѣло и съ яркими иллюстраціями, она начала объяснять разницу между „политическими“ и „уголовными“, между судимыми и заточаемыми административно, приводя образчики начальственныхъ строгостей, капризовъ, равнодушія публики „ради страха іудейска“, касаясь собственныхъ мытарствъ...

Сестра Клавдія слушала съ замѣтнымъ волненіемъ и какъ бы съ испугомъ. Тонкіе, трепетавшіе пальцы ея все быстрѣе и быстрѣе скользили по зернамъ четокъ; пытливые, холодные глаза померкли и увлажились. Она похорошѣла какою-то особенною, трогательною красотой,—какъ похорошѣла бы классическая статуя, оживившись вдругъ, согрѣвшись приливомъ чувствъ...

— По наслышкѣ только знакома я съ монастырями тамошними, да это ничего! — отвѣтила она. — Женщины всегда вѣдь какъ бы въ согласіи между собою, а наша сестра и подавно... Я дамъ письмо къ рясофорной матери Дороѳеѣ, въ Троицкій монастырь...

XVI.

Никто въ уѣздѣ не помнилъ такого обильнаго урожая на новости, какой объявился вдругъ весною...

Въ гостиныхъ не переводились темы для самыхъ захватывающихъ разговоровъ. Шипилиха сновала безъ устали по селамъ и деревнямъ, не щадя колесъ тарантаса, чувствуя себя въ томъ радостно-тревожномъ восхищеніи, въ какомъ бываетъ актриса въ

свой удачный бенефисный вечеръ, и создавала сплетню за сплетней—исключительныя, махровыя...

Не успѣла исчерпаться новость о пошатнувшихся ртищевскихъ дѣлахъ, о растаявшемъ „милліонномъ“ Ветлугинскомъ состояніи, какъ посыпались, одна за другою, исторіи выборнаго движенія, переполошило всѣхъ исчезновеніе Ступина, организовавшаго чудовищное „потрясеніе основъ“ и подкопъ изъ Пеньковъ подъ городской каѳедральный соборъ...

Все это покрылось таинственнымъ для уѣзда, романтическимъ исчезновеніемъ Кэтъ, пропавшей безвѣстно и безслѣдно...

Вѣру Артемьевну рѣшеніе сестры и огорчило, и встревожило. Смотря на многое глазами уже установившагося человѣка, принадлежа во многомъ безвозвратно своей средѣ, своей эпохѣ, она видѣла въ подобной самостоятельности благовоспитанной молодой барышни авантюризмъ, непростительность. Она всячески старалась утѣшить сестру, отклонить, отговорить, но та, въ отвѣтъ на ея доводы и укоры, только обнимала ее и повторяла:—„Пойми меня... прости“...

Ртищевскія дѣла тоже не хотѣли радовать. Деньги на приближавшуюся уборку приходилось доставать частями, у ростовщиковъ, за самые невозможные проценты, обязываться неустойками. О засѣвѣ на будущій годъ нечего было и думать при такихъ условіяхъ. Слѣдовало торопиться съ продажею Ртищева, чтобъ не пошло оно съ торговъ въ банкѣ, а покупатели точно въ землю попрятались. Да и вообще трудно было разсчитывать на успѣхъ такой серьезной операціи въ уѣздной глуши.

XVII.

Стала близиться замѣтно осень. Потянулись журавли „на Кіевъ“. Поблѣднѣла щетинистая отава на лугахъ; начинали желтѣть и отливать блѣднымъ золотомъ легкіе, дрожавшіе листья клена; рдѣла яркимъ багрянцемъ рано увядающая осина.

Былъ скучный, ненастный день.

Княжеская усадьба въ Никольскомъ, съ ея башенками, флюгерами на службахъ, съ купами вѣтвистыхъ, полуоблетѣвшихъ деревьевъ, тонула въ дневномъ полусумракѣ, задернутая сѣткой моросившаго дождя. Въ саду, набѣгавшій порывистый вѣтеръ волочилъ по мокрымъ, грязнымъ дорожкамъ опавшіе, скорчившіеся листья; деревья точно дрались, кидаясь одно къ другому, сцѣпляясь оголенными вѣтками.

Шелъ только второй часъ, а въ домѣ было уже почти темно. Мелкій дождь стучалъ въ оконныя стекла, растекаясь по нимъ тонкими перепутанными струйками; уныло завывалъ осенній вѣтеръ въ трубахъ.

Князь сидѣлъ въ кабинетѣ, за чтеніемъ.

Онъ читалъ много, особенно если оставался въ комнатахъ. Любимымъ чтеніемъ его были поэты-классики и книги историческаго содержанія. За многіе годы его одиночества у него составилась изъ нѣмецкихъ, французскихъ и русскихъ изданій огромная, разнообразная библіотека. Съ одиночествомъ онъ освоился до того, что совершенно не зналъ, что̀ такое скука, и не видѣлъ, какъ бѣжитъ время.

Тѣ же годы одиночества пріучили его думать, размышлять. Многое изъ родной дѣйствительности прошло за это время предъ его умственнымъ взглядомъ, очистилось отъ многихъ прикрасъ, отъ неясностей, явилось въ новомъ, истинномъ свѣтѣ... Онъ и въ себѣ многое откинулъ, многое возвысилъ, укрѣпилъ. Онъ не отторгся отъ сословія, ради новыхъ требованій жизни, а предъявилъ требованія къ сословію, къ себѣ,—находя, что кому много дано, съ того многое и спрашивается; что передовое сословіе должно быть впереди...

Еще холостымъ, бывая за границей, онъ знакомился со всякими очередными соціальными вопросами, читалъ появлявшіяся тамъ русскія революціонныя изданія. Переживая совершавшееся въ немъ тогда броженіе, онъ чувствовалъ готовность примкнуть къ движенію, сознать легальность нелегальнаго, стать изъ созерцателя борцомъ... Потомъ—революціонная печать перестала интересовать его; отъ личныхъ сношеній оттолкнули въѣвшіяся въ дѣятелей макіавеллизмъ, конспираторство... Ему стало ясно, что подпольный терроризмъ способенъ быть противовѣсомъ надпольному, способенъ будить страсти, вызывать движеніе, но не можетъ насадить гражданскія качества, — потому что самъ не носитъ ихъ въ себѣ, не можетъ водворить господство *права*,—будучи самъ лишь *силой*.

Онъ остался чѣмъ былъ — прямымъ, благороднымъ человѣкомъ, увѣреннымъ въ себѣ нравственно, не отдѣляющимъ слово отъ дѣла, и только разобрался яснѣе, сознательнѣе въ должныхъ взглядахъ, вопросахъ.

Онъ вѣрилъ, что насажденіе гражданственности — лучшій путь къ идеаламъ; что стойкая легальная солидарность — лучшее оружіе противъ врага.

Этимъ путемъ хотѣлъ онъ идти, этимъ оружіемъ хотѣлъ бо-

роться, становясь замѣстителемъ Ветлугина. Согласно съ этимъ отнесся онъ и къ случившемуся, пославъ губернатору очень вѣжливый по формѣ, но прямой, правдивый протестъ противъ административнаго вторженія въ сферу законныхъ правъ дворянства, противъ каръ.

Предводительская кандидатура его оставалась попрежнему, и движеніе продолжалось.

XVIII.

Въ сюртукѣ широкаго англійскаго покроя,—халатъ онъ считалъ позорнымъ, татарскимъ одѣяніемъ,—и въ особыхъ, „читальныхъ“ очкахъ съ большимъ полемъ зрѣнія, князь сидѣлъ въ старинномъ кожаномъ креслѣ, у цѣльнаго зеркальнаго окна, выходившаго въ садъ.

Топившійся каминъ бросалъ изъ-за экрана неровный отсвѣтъ, озаряя стѣну, увѣшанную всякаго рода оружіемъ, и высившійся на треножникѣ сбоку письменнаго стола портретъ Юліи Арнольдовны, то выступавшей, казалось, изъ рамки, то какъ бы прятавшейся въ нѣжную радужную дымку кружева и шелковъ.

Вошелъ камердинеръ Аѳанасій и прислонился къ косяку двери.

Встрѣтивъ обратившіеся на него очки, онъ доложилъ:

— Со станціи монашенка пришла, желаетъ видѣть васъ.

— Ты знаешь, что ни монаховъ, ни монашенокъ не принимаю я!—отвѣтилъ князь, нахмуривъ брови.—Иди!

Но Аѳанасій только прижался плотнѣе къ косяку и сказалъ:

— Я въ залу пригласилъ ее.

Князь вздрогнулъ.

Положивъ нетвердою рукой книгу на стоявшій около столикъ, онъ всталъ и задумчиво прошелся, ступая неслышно по мягкому ковру. Было понятно, что въ докладѣ есть какая-то недомолвка, что вѣрный слуга не могъ не принять явившуюся... Кто жъ эта особа? Жена—Юлія Арнольдовна? Почему она монашенка и... „пришла“ со станціи?.. Что̀ привело ее?.. Сердце стучало у него, руки холодѣли.

— Проси! — сказалъ онъ, повернувшись рѣзко и вскинувъ голову.

Заслышавъ шаги, онъ ступилъ къ двери.

Навстрѣчу ему показалась женская фигура въ черномъ платьѣ, перетянутомъ кожанымъ поясомъ, и въ грубыхъ башмакахъ, по-

крытыхъ грязью; послушническій порыжѣвшій куколь окаймлялъ молодое блѣдное лицо...

— Катерина Артемьевна! Возможно ли?!—воскликнулъ изумленный князь.—Что случилось?

— Да ничего, князь,—отвѣтила Кэтъ, поднявъ на него сапфирные глаза и улыбаясь.

— Вы—въ такомъ видѣ?

— Маскарадъ-то этотъ? Въ монастырѣ жила я въ „губерніи". (Князь зналъ о ея поѣздкѣ). А на полустанкѣ вашемъ, представьте,—ни одного дилижанса!—и мнѣ пришлось pédestrement... Сколько тутъ? Верстъ пять, не больше?.. Я собственно къ вамъ и ѣхала, съ огромною просьбой!.. А потомъ вы переправите меня въ Ртищево? Да? И я стану блюдомъ для нашихъ „вѣстовщицъ и болтуновъ"!..

Она продолжала говорить шутливымъ тономъ, но ни одинъ мускулъ лица не участвовалъ въ этомъ, и что-то жуткое чувствовалось подъ наружною шутливостью...

— Что же... розыски ваши?—спросилъ князь.

— Сейчасъ разскажу!

Онъ подвинулъ для нея кресло къ камину. Она опустилась въ него съ видимымъ пріятнымъ ощущеніемъ тепла, уютности и сняла куколь; волосы упали густыми слежавшимися прядями. Отъ башмаковъ поднялся легкій паръ.

Поданъ былъ чай.

Разсказъ Кэтъ былъ простъ и коротокъ: Ступинъ дѣйствительно отвезенъ былъ въ губернскій городъ и пробылъ тамъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ. Она уже не застала его. По собраннымъ монахинями справкамъ, оказалось, что онъ сосланъ административно, на три года, въ глушь Сибири...

Князь вскочилъ при этомъ извѣстіи.

— Быть не можетъ! — воскликнулъ онъ. — Вамъ просто наврали.

Онъ быстро прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, то застегивая, то разстегивая сюртукъ, точно ризы на себѣ раздирая. Лицо его пылало гнѣвомъ, негодованіемъ.

— Монашенки справлялись черезъ приближенныхъ къ губернатору, и онъ такъ сказалъ,—объяснила Кэтъ.—Я послала письмо Матвѣю, но извѣстна только губернія, въ которую отправленъ онъ, и тамъ должны еще разыскать его...

— Ужасно! ужасно!—восклицалъ князь, прохаживаясь, что всегда умѣряло въ немъ нервность. — Сколько добраго, честнаго, плодотворнаго мертвитъ произволъ этотъ! Не легіонъ ли

имя жертвамъ! Какъ не рости общественному негодованію; какъ не плодиться всему подпольному!..

Онъ сѣлъ и взялся за свой стаканъ чаю, переводя тяжело духъ, отхлебывая торопливо.

— А просьба у меня къ вамъ вотъ какая, князь,—заговорила Кэтъ. — Губернаторъ сказалъ, что если похлопотать въ Петербургѣ, то можетъ все перемѣниться: Матвѣя могутъ если не совсѣмъ освободить, то перевести во внутреннюю губернію... Гдѣ и какъ надо хлопотать? Не можете ли вы помочь мнѣ?

— Безполезно!—отвѣтилъ сумрачно князь.—Всякій вліятельный человѣкъ скорѣе за убійцу, за проворовавшагося желѣзнодорожника заступится, чѣмъ за „политическаго"... Слизняки нравственные! И чтобъ имѣть успѣхъ, просьба должна быть унизительная самая, съ нелѣпымъ „раскаяніемъ" какимъ-нибудь... Впрочемъ, это мы обсудимъ еще! А пока—вамъ надо отдохнуть, успокоиться. Напишите Вѣрѣ Артемьевнѣ, что вы здѣсь, что я прошу ее отобѣдать.

XIX.

Все оживилось въ усадьбѣ.

Для Кэтъ отворили комнаты наверху. Въ Ртищево поскакалъ верховой съ запискою отъ нея. На кухнѣ поваръ Арсеній—изъ крѣпостныхъ князя, бывавшій съ нимъ за границей,—поднялъ дымъ коромысломъ, готовясь отличиться по части обѣда. Согбенный Пантелеймонъ выпрямился, по возможности, облекся во фракъ и бѣлый жилетъ.

Вѣра Артемьевна прибыла вскорѣ.

Она привезла Кэтъ цѣлое приданое, такъ что та явилась къ столу даже въ брилліантахъ.

Послѣ обѣда, готовя сама кофе и продолжая начатый еще наверху разговоръ съ сестрою, Вѣра Артемьевна сказала:

— Появленіе твое только подниметъ снова всякіе толки уѣздные! Да и Ртищево можетъ продаться не ныньче, такъ завтра... Мой совѣтъ: поѣзжай въ Петербургъ, къ Ивану, пережди тамъ, пока устроятся дѣла.

— И мы отправимся вмѣстѣ, завтра же, если вамъ угодно,—прибавилъ князь, курившій задумчиво папиросу.

— Вы тоже ѣдете! Вотъ кстати!—воскликнула Вѣра Артемьевна, радуясь за Кэтъ.

— Я думаю объ этихъ разразившихся невозможностяхъ,—продолжалъ князь,—и нахожу, что сыръ-боръ горитъ изъ-за меня,

собственно... изъ-за моей предводительской кандидатуры... На мнѣ лежитъ нравственный долгъ вступиться, разъяснить недоразумѣніе, или раздѣлить участь жертвъ... Все зиждется, обыкновенно, на полуграмотныхъ доносахъ „агентовъ"—провокаторовъ, замѣняющихъ собою слѣдственную и обвинительную власть, на административномъ усердіи не по разуму... Я поѣду, буду видѣться лично съ кѣмъ слѣдуетъ; добьюсь пересмотра нашихъ уѣздныхъ вопіющихъ несправедливостей!..

XX.

Въ губернскомъ городѣ Ступинъ былъ заключенъ въ одиночную „секретную" камеру, съ узенькимъ оконцемъ — подъ самымъ потолкомъ и съ матовымъ стекломъ, затемненнымъ еще съ обѣихъ сторонъ желѣзными рѣшетками,—свѣтъ изъ котораго падалъ тусклою наклонною полосой, терявшеюся въ черной высокой панели. Около грязно-желтыхъ стѣнъ размѣщались: столикъ, табуретъ, желѣзная кровать съ тиковымъ мѣшкомъ на ней, набитымъ соломою.

Подъ поломъ скребла и возилась крыса. За матовымъ стекломъ вились ласточки, мелькая на немъ быстрыми тѣнями...

Близились уже сумерки.

Ступинъ повалился на соломенный мѣшокъ. Въ отяжелѣвшей головѣ стоялъ у него какой-то сумбуръ, думалось сразу о всемъ и ни о чемъ въ особенности. Доносившіеся изъ корридора окрики, лязгъ дверныхъ засововъ, звонъ кандаловъ заставляли вздрагивать. Форточка въ окованной желѣзомъ двери то-и-дѣло открывалась, и въ нее заглядывали солдатскія лица; глядѣлъ и самъ надзиратель. Ступинъ отвернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Полоса свѣта отъ окна исчезла. На матовомъ стеклѣ обрисовалась фосфорическою точкой одинокая звѣздочка. Зажегся жестяной узорчатый фонарь въ прорѣзѣ въ верхушкѣ двери и освѣтилъ камеру дрожащимъ свѣтомъ.

Принесли ужинъ — картофель съ лукомъ и подсолнечнымъ масломъ. Ступинъ отказался, не чувствуя голода.

Онъ сосредоточился на мысли, что завтра, при допросѣ, все разъяснится, что его освободятъ, и, незамѣтно, заснулъ.

Когда онъ пробудился, въ камерѣ было душно, и свѣтъ отъ фонаря казался поблекшимъ. Въ желѣзный козырекъ надъ оконцемъ стучали крупныя капли дождя. Блеснула молнія, бросивъ на матовое стекло ослѣпительный голубоватый свѣтъ. Прогрохо-

талъ громъ вдалекѣ... Первымъ чувствомъ было изумленіе, что онъ, Ступинъ, здѣсь, на тюремномъ соломенномъ мѣшкѣ, обвиняемый въ чемъ-то...

Онъ не могъ сообразить, близокъ ли разсвѣтъ (часы и даже запонки отъ рубашки были отобраны у него), и сталъ дремать въ полусонномъ забытьи, пока не заставилъ вздрогнуть загремѣвшій дверной засовъ.

Вошелъ сторожъ и поставилъ на столикъ оловянную кружку съ чѣмъ-то мутнымъ, тепловатымъ, сказавъ, что это чай.

— Который часъ? — спросилъ Ступинъ.

— На что тебѣ?

— Хочу знать.

— На повѣрку готовься!

— Что?

— Караулъ скоро смѣнять будутъ!

Ступинъ не понялъ ничего.

Прозвенѣлъ колоколъ во дворѣ.

— Эй, ты! Какъ тебя?! — крикнулъ кто-то въ форточку.

Ступинъ привскочилъ испуганно.

Но провѣрявшіе уже отмѣтили его на дощечкѣ и двинулись дальше.

Смѣняемый „разводящимъ" солдатикъ забормоталъ за дверью торопливо и однообразно: — „Вотъ тебѣ честь и мѣсто; четверо арестованныхъ, семь дверей, пять замковъ, лѣстница, кадка... Не спать, не дремать, офицерамъ чести не отдавать" [1]).

Смѣнившійся караульный застучалъ сапогами, удаляясь. Новый сталъ „звучно, мѣрными шагами" будить тишину корридора, задѣвая штыкомъ ружья стѣну, дверь...

Прошло нѣсколько такихъ дней, похожихъ, какъ двѣ капли воды, одинъ на другой. Разнообразіе состояло лишь въ томъ, что иногда смотритель распоряжался о комъ-то въ корридорѣ: — „Въ кандалы его, мерзавца!" — Или, ночью, караульный офицеръ показывалъ свою власть, свидѣтельствуя съ громомъ и звономъ замки у дверей, экзаменуя часового насчетъ обязанностей и „разнося" его „на всѣ корки"...

Съ каждымъ утромъ Ступинъ ждалъ, что его потребуютъ къ допросу, но требованіе не приходило. На желаніе прогуляться, хотя бы по корридору, сторожъ отвѣтилъ, что политическимъ жандармскій полковникъ прогулокъ не дозволяетъ.

Физическая бездѣятельность, отсутствіе впечатлѣній, одно-

---

[1]) Внутренніе караулы не отдаютъ чести.

образный, непонятный міръ тюремныхъ звуковъ съ барабаннымъ боемъ, со звономъ колокола, съ доносившеюся со двора хоровою пѣснью „уголовныхъ“ начинали томить, угнетать, будить смутно въ глубинѣ души протестъ, озлобленіе...

А за матовымъ оконцемъ кипѣла и сіяла жизнь; ласточки носились такъ весело, привольно...

XXI.

Однажды утромъ, присланная изъ жандармскаго управленія карета отвезла Ступина на допросъ.

Въ кабинетѣ, когда ввели его, сидѣли по одну сторону стола жандармскій полковникъ и прокуроръ; по другую — былъ свободный стулъ. У стѣны, позади стула, стояли два жандарма.

Въ сосѣдней комнатѣ, дверь въ которую была затворена, происходило что-то. — „Администрація всегда будетъ сильнѣе суда!“—донесся голосъ.

Полковникъ всталъ и постучалъ въ дверь.

— Не угодно ли вамъ дать показаніе?—обратился онъ потомъ, съ нѣсколько преувеличенною вѣжливостью, къ Ступину, указавъ ему на стулъ.

Ступинъ сѣлъ.

Прокуроръ, молодой брюнетикъ въ золотомъ пенснэ, любезно протянулъ ему раскрытый портсигаръ.

Въ тюрьмѣ Ступину запрещалось куреніе. Онъ отказался и теперь.

— Въ чемъ обвиняюсь я? — спросилъ онъ, хмурясь отъ свѣта, казавшагося ослѣпительнымъ послѣ полутемной камеры.

Переглянувшись выразительно съ прокуроромъ, полковникъ вынулъ изъ портфеля какіе-то неопрятные сѣрые листки, оказавшіеся донесеніями „агентовъ“, и сталъ читать ихъ.

Ступину приписывался „неблагонадежный образъ мыслей“, какіе-то „подстрекающіе“ разговоры, которыхъ не могъ слышать никто уже потому, что ихъ не было никогда. Тутъ же фигурировалъ списокъ ходившаго по рукамъ „запретнаго“ стихотворенія, выпрошенный у Ступина,—какъ припоминалъ онъ теперь,— въ городѣ, въ бытность у знакомаго Симонова, какими-то супругами Яковкиными.

— Ваше поведеніе по организаціи дворянской сходки обратило на себя вообще вниманіе администраціи, — сказалъ полковникъ.—Желаете вы дать объясненія?

— Позвольте заявить еще разъ, полковникъ, что я ожидаю опредѣленныхъ вопросовъ, если будетъ угодно предложить ихъ мнѣ, —отвѣтилъ Ступинъ.

— Мы не вынуждаемъ показаній, —вмѣшался прокуроръ.— Но запирательство, какъ вы сами понимаете, можетъ только усугублять виновность.

— И имѣйте въ виду, — заговорилъ рѣшительно и сурово полковникъ,—что непріятность увеличивается еще вашимъ положеніемъ крупнаго собственника, дворянина и офицера...

— И я, какъ дворянинъ и офицеръ... я заявляю, что вторженіемъ въ мой домъ, лишеніемъ меня свободы попраны законы и человѣческія права!—воскликнулъ Ступинъ. Онъ хотѣлъ быть спокойнымъ, думалъ сказать совсѣмъ не то, но раздражительность неожиданно поднялась и закипѣла въ немъ. — То, что прочтено мнѣ, —продолжалъ онъ, —есть гнусный безымянный доносъ, лишенный человѣческаго смысла! Въ немъ нѣтъ и тѣни законнаго повода къ тому, что совершается надо мною, и я думаю, что это должно быть извѣстно г. прокурору!

По знаку полковника, жандармы отдѣлились отъ стѣны и остановились по бокамъ стула.

Прокуроръ поглядѣлъ выразительно на полковника; тотъ поглядѣлъ на прокурора, и всталъ.

— У васъ будетъ достаточно времени подумать, — сказалъ онъ, точно радуя этимъ Ступина.

XXII.

Въ тюрьму вернулся Ступинъ совсѣмъ радостный, успокоившійся, и продолжалъ оставаться потомъ въ этомъ настроеніи. Раскрывшееся обвиненіе казалось ему такимъ вздоромъ, что онъ не хотѣлъ больше и думать о немъ. Необъяснимая спасительная особенность тюрьмы—вселять въ узника чисто шальную надежду на избавленіе случаемъ, чудомъ, могла касаться и Ступина. Но отъ него не отходила и собственная увѣренность, что его, вотъ-вотъ, вызовутъ, отпустятъ...

И его, дѣйствительно, вызвали, спустя нѣсколько дней, но лишь за тѣмъ, чтобъ объявить объ административной ссылкѣ.

Его везли долго — и по желѣзной дорогѣ, и на лошадяхъ; везли затѣмъ на оленяхъ, а подъ конецъ—на собакахъ.

Пріютомъ ему сталъ якутскій „наслегъ“, а самъ онъ превратился въ ничтожную, чуждую для всѣхъ пылинку, смѣшать

которую съ бѣлымъ снѣжнымъ прахомъ не стоило ничего первой пургѣ...Наслегъ составлялъ собою границу людского обитанія— дальше проѣзжій трактъ не шелъ и тамъ было сосѣдство полярнаго круга. Солнце не показывалось въ наслегѣ по нѣскольку сутокъ сряду; „днемъ" ярко сіяли на небѣ звѣзды и свѣтила луна... Въ безбрежной, какъ океанъ, снѣжной пустынѣ отражался фосфорическій свѣтъ; разнообразили ее лишь гряды лѣсовъ, одѣтыхъ морознымъ инеемъ, а мѣстами завѣянныхъ снѣгомъ до самыхъ верхушекъ; какъ живыя существа, видѣлись въ ней только пасшіеся олени да грѣвшіяся на снѣжныхъ пригоркахъ собаки, когда показывалось солнце. Вокругъ десятка разбросанныхъ юртъ чернѣли изъ-подъ снѣга верхушки изгороди. Она составляла какъ бы тюремную ограду: переступать за нее воспрещалось ссыльному, и за нею превращался онъ въ бѣглеца—въ звѣря, лишеннаго послѣдняго покровительства законовъ...

Помѣщеніемъ служилъ уголъ за плетневою загородкой въ юртѣ - мазанкѣ, гдѣ жалкая семья нелюдимыхъ, лукавыхъ якутовъ гнѣздилась вмѣстѣ со скотомъ. Освѣщала уголъ чадившая сальная плошка. Холодъ и сырость заставляли не выходить изъ двойной мѣховой рубахи и такихъ же сапогъ, тѣсниться съ хозяевами у огня, всегда тлѣвшаго на земляномъ полу; дымъ, не успѣвавшій выходить въ отверстіе плоской крыши, душилъ ѣдкимъ, отвратительнымъ запахомъ. Въ скучной, гнетущей тишинѣ слышались только завываніе пурги да движенія и непрестанное жеваніе коровы, грѣвшейся ѣдою.

Изъ якутскаго города, когда стало извѣстнымъ мѣсто ссылки, Ступинъ написалъ Кэтъ. Ожиданіе отвѣта поглотило его, заслонило собою все, а почта приходила всего три раза въ годъ, и назначенное ссыльнымъ переправлялось къ нимъ потомъ—на досугѣ, послѣ досмотра исправникомъ. Никакихъ другихъ ссыльныхъ не было въ наслегѣ. Все „общество" составлялъ надзиратель Грегоръ. Изъ отставныхъ солдатъ, рослый, мускулистый и нескладный, съ красными пятнами на всегда хмельномъ, какъ бы раздраженномъ лицѣ и со впалыми, смотрѣвшими въ землю глазами, Грегоръ — такъ звали его всѣ въ наслегѣ—производилъ самое безотрадное впечатлѣніе. Онъ былъ скорѣе тихъ, чѣмъ буенъ, но и эта тихость только пугала въ немъ: на что-то затаенно-хищное смахивала она... Все будило въ немъ тупую подозрительность. Печатное слово онъ ненавидѣлъ, и однимъ изъ способовъ наказанія ссыльныхъ было у него сжиганіе присылавшихся книгъ.

Уже многое понявшій, освоившійся съ порядками, Ступинъ

зналъ, что тенденція властей — длить ссылку; что предлогомъ, обыкновенно, ставится „дурное поведеніе“. Рѣшивъ быть неуязвимымъ съ этой стороны, онъ смотрѣлъ судьбѣ прямо въ глаза, мирился съ безвыходностью положенія и переносилъ все безъ ропота, съ твердостью. Для него не существовало никакой формы насилія и жестокости, которая могла бы заставить его вскипѣть, потерять самообладаніе, пойти на пробиваніе стѣны лбомъ...

Вскорѣ получилось догнавшее его письмо Кэтъ изъ губернскаго города.

На исписанномъ кругомъ листкѣ спаслось отъ цензорскихъ вымарокъ лишь нѣсколько строчекъ; въ концѣ стояло: „Читалъ исправникъ N“.

Для Ступина оставались тайною ея розыски, ея рѣшеніе пріѣхать къ нему, какъ только онъ гдѣ-нибудь оснуется. Но для него и немногія разрозненныя строчки были огромнымъ событіемъ, свѣтомъ во тьмѣ: онѣ вновь связывали его съ живымъ міромъ, съ личнымъ дорогимъ, казались спасительною рукой, протянутой съ противоположнаго полюса...

XXIII.

Доставлена была ссыльная. Грегоръ помѣстилъ ее въ пустовавшей юртѣ-землянкѣ.

Малорослая, хрупкая, походившая въ дохѣ и пимахъ на какое-то странное существо, носящее съ усиліемъ свой мѣхъ, она въ тотъ же день явилась къ Ступину и сказала, рекомендуясь:

— Содержательница конспиративной квартиры, Бобруйская!

Замѣтивъ вмазанный въ глиняную стѣнку кусочекъ стекла, замѣнявшій зеркало (у нея въ юртѣ не было и такой роскоши), она уткнулась въ него, разглядывая свое сѣрое, изможденное лицо, потомъ повернулась рѣзко, точно опечаленная собственнымъ видомъ, и присѣла къ столику, гдѣ готовился у Ступина чай на спиртовой лампочкѣ.

Выпивая одинъ за другимъ стаканы давно не виданнаго ею напитка, она стала, торопливо и задыхаясь, изливаться передъ давно не встрѣчавшимся живымъ человѣкомъ.

Открытіе, что можно потерпѣть и за участіе въ выборахъ, изумило ее.

Она обречена была довольствоваться казенными шестью рублями въ мѣсяцъ; а все—даже бѣлый хлѣбъ („черный“ приготовлялся изъ какой-то молотой древесины)—стоило баснословно

дорого, и за провизіей приходилось посылать въ городъ, отстоявшій болѣе чѣмъ на сотню верстъ. У Ступина сердце надрывалось отъ одного вида ея всяческихъ лишеній, отъ молчаливой, суровой покорности судьбѣ. Онъ готовъ былъ дѣлиться съ нею всѣмъ, но нелегальныя мытарства, холодъ жизни надорвали уже ее, привили болѣзненную щепетильность, строптивость. Участіе принимало предъ нею видъ обиднаго соболѣзнованія; нужда заставляла только отдаляться, не выходить по цѣлымъ днямъ изъ землянки, имѣвшей видъ снѣжнаго конуса, изъ обледенѣвшей верхушки котораго вился днемъ и ночью сѣроватый дымокъ.

Она тоскливо, до изнеможенія, ждала извѣстій отъ родныхъ, и скоро начала доходить до бреда, до галлюцинацій. Звонъ колокольчика сталъ чудиться ей наяву. Она выбѣгала къ изгороди, отличала звуки, точно плакавшіе въ морозномъ воздухѣ; видѣла оленя въ снѣжной дали, волочившаго за собою нарту, и все ждала, ждала,—пока не переставало дѣйствовать утомившееся воображеніе, пока сознаніе не убѣждало въ обманѣ... Но опытъ не велъ ни къ чему: колокольчикъ чудился, и Бобруйская снова бѣжала къ изгороди, вѣря твердо каждый разъ, что теперь—не обманъ...

Однажды вечеромъ, придя для обычной „провѣрки", Грегоръ не ограничился стукомъ въ дверь и окликомъ, а вошелъ въ юрту и вытребовалъ Ступина изъ-за загородки.

— Ссыльная у тебя?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Я и не видѣлъ ее сегодня...

— Сказывай!—проревѣлъ Грегоръ.

Ступинъ могъ только повторить свой отвѣтъ.

Грегоръ кинулся за загородку, разметалъ своими длинными жилистыми руками все, что лежало на импровизированной, дощатой кровати, заглянулъ подъ кровать.

— Убѣжала!—воскликнулъ онъ въ изступленіи.

Одна мысль, что хилая, изможденная товарка по несчастію бредетъ въ безконечной снѣжной пустынѣ, ночью, повергла Ступина въ ужасъ.

— Вы стучались къ ней?—спросилъ онъ.

— Не отозвалась; и огня нѣтъ въ юртѣ!

Они пошли вмѣстѣ.

Зажженная плошка освѣтила пустую, нахолодѣвшую юрту, съ ледяными сосульками на окнахъ и двери. На покрытыхъ соломою нарахъ лежала брошенная доха. Въ углу висѣла на деревянномъ гвоздѣ вытертая мѣховая шубка; рядомъ видѣлось еще что-то...

Грегоръ приблизилъ плошку: въ трепетномъ свѣтѣ ея обрисовалось посинѣвшее, съ выкатившимися глазами, лицо висѣвшей Бобруйской...

XXIV.

Прошло съ мѣсяцъ.

„Одѣваясь“ однимъ утромъ—что значило утирать лицо смоченнымъ въ ледяной водѣ полотенцемъ и надѣвать доху поверхъ не снимавшейся никогда мѣховой рубахи,—Ступинъ услышалъ за дверью загородки чье-то осторожное покашливанье и сквозь щели замѣтилъ рослую фигуру Грегора.

Онъ поспѣшилъ выйти.

Все хищное какимъ-то чудомъ схлынуло съ Грегора; оставалось только прежнее, солдатское... Точно окаменѣвъ въ подобострастной готовности и держа глаза „на начальство“, онъ впервые вѣжливо сказалъ:

— По приказу ихъ высокоблагородія, освобождаетесь *вы*... полностію...

Затѣмъ онъ поклонился и подалъ казенный пакетъ.

Предъ Ступинымъ все закружилось, въ глазахъ потемнѣло, руки дрогнули. Боясь выказать слабость, онъ молча скрылся за загородку.

Въ бумагѣ исправника было коротенькое извѣщеніе о свободѣ, съ приглашеніемъ въ полицейское управленіе.

Когда Ступинъ, переживъ первую минуту и овладѣвъ собою, вышелъ, Грегоръ былъ еще въ юртѣ, ожидая „приказаній“.

— Я отправлюсь теперь же, Грегоръ,—сказалъ ему Ступинъ.—И если вы желаете помочь мнѣ въ сборахъ, устроить все надобное, то я заплачу вамъ.

Грегоръ „желалъ“.

Судя по пріемамъ, съ которыми началъ онъ оказывать „давленіе“ на переполошившихся якутовъ, можно было подумать, что онъ рѣшилъ не оставить въ наслегѣ ни души живой, перевернуть вверхъ дномъ всѣ мазанки...

Спустя какой-нибудь часъ, все было готово.

Ступинъ оставилъ въ пользу Грегора всѣ свои казенные „раціоны“, отдалъ ему наличныя деньги (благодаря строгостямъ администраціи, ихъ было не очень много) и двинулся на собакахъ къ ближайшему „оленьему“ пункту.

Въ городѣ слѣдовало получить изъ полиціи отобранныя деньги и вещи, дать всякія росписки и подписки. Изъ бумагъ

Ступинъ узналъ, что дѣло освобожденія кипѣло, что переписка шла телеграммами и эстафетами, за чей-то счетъ...

Адресованная лично ему поздравительная телеграмма, показывавшая, что Кэтъ и князь въ Петербургѣ, объясняла все.

Ступинъ покинулъ городъ въ тотъ же день.

Онъ отправилъ Кэтъ телеграмму, извѣщая о выѣздѣ и прося написать ему обо всемъ подробно на его первый будущій привалъ—на узловую желѣзнодорожную станцію.

XXV.

Странныя чувства и мысли волновали Ступина, когда покидалъ онъ свою ледяную могилу. Начиная оттаивать и разбираясь въ оживавшихъ впечатлѣніяхъ, онъ не безъ удивленія сознавалъ, что испытанное было какъ будто блѣднѣе представленія о немъ, что всякіе ужасы страшны только издалека... Даже больше: онъ видѣлъ въ случившемся лучшую, плодотворную школу для себя—обновившую, придавшую силы и крѣпости духовной. Рѣзкое, открытое столкновеніе съ темною стороною дѣйствительности дало опытъ, расширило кругозоръ. Невольное одиночество, раздумье дали возможность осмыслить многое, надъ чѣмъ среди повседневной суеты не пришлось бы и остановиться никогда; позволили разобраться во многомъ, сознававшемся лишь слитно и смутно... Ступинъ почувствовалъ въ себѣ задоръ обстрѣляннаго, окрѣпшаго борца. Съ души у него точно бремя сваливалось. Мысль рвалась на просторъ, охватывала все свободно, широко, и онъ не имѣлъ власти сковать эту своевольную, непослушную мысль...

Опьяненный вѣявшимъ уже въ воздухѣ запахомъ весны, нахлынувшими родными впечатлѣніями, усѣлся онъ въ вагонъ окраиннаго желѣзнодорожнаго поѣзда. Невѣроятнымъ, головокружительно-быстрымъ показался ему бѣгъ, что-то веселящее, побѣдное послышалось въ рѣзкомъ паровозномъ свисткѣ; могучимъ чудовищемъ, несущимся въ волшебную безконечную даль, представилась коротенькая линія малоопрятныхъ дребезжащихъ вагоновъ...

На узловой станціи, рано утромъ, Ступинъ чуть не бѣгомъ кинулся по узенькой платформѣ, торопясь въ городъ, за письмами. Навстрѣчу ему показалась стройная женская фигура вся въ черномъ и взволнованно остановилась передъ нимъ...

— Кэтъ!...—могъ только промолвить изумленный Ступинъ.

Да, это была она, блѣдная и счастливая, съ затуманившимися отъ слезъ глазами...

XXVI.

Въ Пенькахъ Ступины показались лишь спустя годъ. Новость развезла по уѣзду Шипилиха, съ прибавленіемъ, что они и не думали вѣнчаться въ церкви. Свой voyage de noce они совершили заграницей—побывали въ Англіи и Германіи, восхитились Италіей, а потомъ—черезъ Парижъ—проѣхали въ Біаррицъ, гдѣ угасавшая Нина Ираклієвна продолжала оставаться на попеченіи вѣрной миссъ Кэрби.

Немало новостей ждало ихъ дома.

Благодаря поѣздкѣ князя въ Петербургъ, административное неистовство стихло, позволивъ Бельтищеву довести дѣло до конца, и князь былъ избранъ; но бѣда явилась съ другой стороны: губернаторъ не утвердилъ его въ должности. Предводительство перешло къ избранному въ кандидаты Макушеву. Онъ былъ то, что зовется „ни рыба, ми мясо"—не приносилъ особенной пользы либераламъ, но и не усиливалъ охранителей. Зато Дарья Зиновьевна сразу и высоко подняла знамя предводительши: она перестала принимать „безъ доклада"; вмѣсто домодѣльныхъ бриліантиновыхъ капотовъ появились у нея шолковые, отъ модистки; говорить стала она еще изысканнѣе и съ французскимъ произношеніемъ въ носъ.

Ртищево пошло давно съ торговъ за безцѣнокъ и досталось совсѣмъ „сѣрому" фабриканту миткалей Щербакову. Слышно было, что въ голубой гостиной онъ заколотилъ мраморный каминъ досками и устроилъ кафельную печь съ лежанкой; что съ приказчиками и крестьянами онъ „строгъ", что единственное спасеніе для попавшаго въ немилость—дождаться на паперти выхода его изъ церкви и повалиться ему всенародно въ ноги...

Вѣра Артемьевна взяла окончательно верхъ надъ супругомъ и вступила въ полное распоряженіе Глѣбововомъ. Она прекратила шальную игру въ громадные засѣвы и предприняла операцію распродажи земли окрестному крестьянству. Мѣстные кулаки предлагали ей ускорить дѣло—уступить часть земли имъ, но она не согласилась.

Юрловъ какъ-то сразу присмирѣлъ, вступилъ въ фазисъ полноты и облысѣнія, а въ политикѣ повернулъ къ крайнему охранительству, къ брюзжанью. Со свойкомъ, успѣвшимъ за время

отсутствія стать опредѣлившимся, пылкимъ либераломъ, онъ не поладилъ съ первой же встрѣчи. Не замедлила случиться и стычка. Начавъ однажды, за обѣдомъ въ Глѣбовѣ, спорить со Ступинымъ, Юрловъ заговорилъ иронически:

— Либеральныя идеи хороши-съ! Да-съ!.. Только онѣ, какъ шампанское, игристы очень! Ихъ надо того...—онъ показалъ это руками:—надо закупоривать крѣпко и держать...

— Пока бутылку разорветъ...—докончилъ Ступинъ.

За столомъ всѣ расхохотались, а Юрловъ насупился обидчиво и впалъ въ окончательную холодность къ родственнику.

XXVII.

Пеньковскій домъ ожилъ, мобилизировался. Всѣ комнаты были отворены; появились изъ города лакей, камеристка; изъ Петербурга прибыли новенькіе, прекрасные экипажи, дорогой американскій рояль...

Обѣщала возродиться и ртищевская гостиная. Честные, прямые взгляды Ступина, истинный, здоровый аристократизмъ Кэтъ, ея умъ, милая привѣтливость создавали почву, привлекали всякаго, кто искалъ людей съ общественнымъ интересомъ, въ комъ обскурантизмъ и охранительство не заглушили стремленія къ лучшему.

Вмѣсто дѣла съ крестьянами, затерявшагося окончательно въ „порогахъ", Ступинъ предпринялъ организацію цѣлаго учрежденія. Онъ обращалъ надобное количество земли въ „крестьянское поле" и давалъ сѣмена, съ тѣмъ, чтобы общество принимало на себя обработку, подъ экономическимъ надзоромъ, и дѣлало изъ урожая общественный запасъ. Въ молодой березовой рощицѣ, рядомъ съ усадьбой, возводилось зданіе „учебной мастерской". Въ нее предполагалось принимать—безплатно и на полное содержаніе—ежегодно десять мальчиковъ изъ пеньковскаго общества для обученія мастерствамъ: столярному, шорному, сапожному и слесарному. „Обучателями"—Ступину очень понравилось это услышанное имъ слово, и онъ удержалъ его—приглашались изъ Бабина мастера-практики. Кэтъ должна была вести съ учениками бесѣды по исторіи каждаго ремесла и кругу жизненныхъ его примѣненій.

Тутъ же, въ рощицѣ, устраивался лѣтній пріютъ для дѣтей, матери которыхъ уходятъ на полевыя работы. Онъ поступалъ въ полное вѣдѣніе Антоновны.

Былъ теплый лѣтній вечеръ, уже сливавшійся незамѣтно съ ночью. Садъ серебрился въ широкомъ и тихомъ сіяніи поднимавшагося мѣсяца. Не зажигая огня, притихнувъ, Ступинъ сидѣлъ въ кабинетѣ, у раскрытаго окна. На него набѣгала и какъ бы сковывала неясная, безотчетная раздвоенность, когда сознаніе и вѣритъ, и не вѣритъ, сомнѣнія и нарождаются, и отходятъ, и свѣтлыя непонятныя надежды тѣснятся въ душѣ... Наканунѣ обѣдали въ Красныхъ-Пенькахъ князь, Бельтищевъ и нѣсколько дворянъ—„десятниковъ". И одновременный пріѣздъ ихъ, и что-то общее, скрыто-условное, соединявшее ихъ, навели Ступина съ первой же минуты на мысль, что это—не простой визитъ. Такъ и случилось: они представляли собою какъ бы комитетъ будущихъ выборовъ и предложили Ступину быть предводителемъ, посвятить молодыя силы продолженію дѣла, начатаго Ветлугинымъ. Ступинъ отказывался, ссылался на свою неопытность, но его убѣдили и уговорили. Кэтъ была рада, и веселость долго не сходила съ ея лица. Но тогда покончено было только съ формою, съ внѣшностью. Позже придется разобраться по существу, увѣриться въ себѣ... Предстояла не служба, собственно, не трудъ, не приложеніе силъ и способностей; предстояла борьба за право служить и трудиться, прилагать способности, непосильная оппозиція свѣтлаго темному, возможная стезя бѣдствій... И въ себѣ Ступинъ не сомнѣвался: по самой натурѣ своей онъ всегда отдавался всякому дѣлу весь, всѣми силами души. По прежнему былъ онъ и смѣлъ, и повтореніе испытаннаго не страшило его. Не задумывалась и Кэтъ надъ могущими быть невзгодами, и онъ вѣрилъ ея словамъ...

Наверху раздались мощные, торжественные звуки и хлынули потокомъ въ ночной, наполненный сіяніемъ воздухъ, разливая чарующую мелодію, трогая за сердце...

Ступинъ откинулся на спинку кресла и весь обратился въ слухъ.

Звуки затихли и умерли. Чьи-то шаги заставили Ступина повернуть голову: въ дверяхъ остановилась Кэтъ—вся въ бѣломъ, облитая луннымъ сіяніемъ.

— Что это ты играла?—спросилъ Ступинъ.

— Шумана—„Реквіемъ для Миньоны".

— Мнѣ показалось не церковное что-то...

— Въ немъ и нѣтъ ничего церковнаго. Онъ не въ этомъ стилѣ—похоронномъ... Онъ—чистая поэзія...

Онъ взялъ ее за руку, смотря ей въ лицо, замѣчая невиданный еще имъ взглядъ, горѣвшій восторгомъ счастливаго,

удовлетвореннаго чувства... Ему вспомнился другой ея взглядъ — въ городѣ, послѣ случая на хорахъ, — такъ поразившій его тогда, — строгій взглядъ гнѣвной Минервы... И онъ только теперь постигъ этотъ взглядъ, полный непреклонной духовной силы, и понялъ, что съ нею можно смѣло идти въ жизнь...

Н. Сѣверовъ.

СЕМЬ ЛѢТЪ
ВЪ
КРЕСТЬЯНСКОМЪ БАНКѢ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Окончаніе.

III *).

Отношеніе крестьянъ къ дѣлу.

Слишкомъ близко знакомиться съ отношеніемъ крестьянъ къ пользованію банковою помощью мы, конечно, не могли, такъ какъ совѣтъ находился въ большомъ отдаленіи отъ того, что происходило въ разныхъ русскихъ деревняхъ. При всемъ интересѣ къ этому предмету, обо многомъ онъ въ Петербургѣ могъ получать лишь ограниченныя свѣдѣнія, то отъ представителей мѣстныхъ отдѣленій, то отъ являвшихся крестьянъ, то изъ самыхъ дѣлъ. Мимо насъ проходило много характерныхъ явленій изъ области самаго совершенія покупокъ: процессъ переговоровъ съ продавцами, употреблявшіеся при этомъ пріемы, примѣры достаточной сознательности и самостоятельности дѣйствій крестьянъ, случаи, когда масса ихъ проявляла одну пассивность, поддаваясь уговорамъ продавцовъ или вліянію двухъ-трехъ вожаковъ изъ своей среды, и т. под. Къ словамъ самихъ являвщихся кресть-

*) См. выше: августъ, стр. 477.

янскихъ уполномоченныхъ нельзя было не относиться съ нѣкоторою осторожностью, такъ какъ между ними-то встрѣчались иногда подобные вожаки, имѣвшіе при покупкахъ свои виды. Поэтому, хотя выдающихся, типичныхъ примѣровъ доходило до насъ и немало, но все же они были только частицею общей картины, на которой нельзя строить широкихъ обобщеній.

Больше приходилось узнавать при личныхъ объѣздахъ членами совѣта крестьянскихъ деревень въ разныхъ губерніяхъ. Тутъ исторія каждой покупки, отношеніе крестьянъ къ своимъ пріобрѣтеніямъ и порядокъ пользованія послѣдними обрисовывались до мелочей, такъ что изученіе дѣла давалось если не вширь, то вглубь. Для обобщеній получалось уже больше основаній; только все-таки здѣсь было изслѣдованіе меньше чѣмъ десятой доли всѣхъ покупокъ. Поэтому, соблюдая осторожность, ограничусь здѣсь немногими, явственнѣе обозначившимися общими чертами.

Какъ разнообразенъ нашъ деревенскій міръ, среди котораго нерѣдко даже сосѣднія деревни рѣзко отличаются одна отъ другой, такъ же различно бывало и отношеніе крестьянъ къ своему устройству путемъ земельныхъ покупокъ. Иные относились къ нему вполнѣ активно, крѣпко держались за купленную землю, старались исправно вносить платежи и проявляли немало творчества въ организаціи внутренняго порядка по распоряженію землею и вообще по управленію общимъ дѣломъ. У другихъ преобладала пассивность. Землю купили, но къ удержанію ея относились небрежно и, запуская недоимки, не задумывались надъ опасностью продажи этой земли съ торговъ. Нѣкоторые изъ такихъ даже на сходы по общимъ дѣламъ почти не собирались. Это большею частью замѣчалось тамъ, гдѣ иниціатива покупки исходила со стороны продавцовъ, а не отъ крестьянъ. Во многихъ случаяхъ, гдѣ крестьяне и очень стояли каждый за свои интересы, сильно вредили дѣлу внутреннія несогласія среди покупщиковъ, особенно у полтавцевъ, большихъ приверженцевъ личнаго начала. Тамъ, при смѣшеніи въ составѣ участниковъ одной и той же покупки людей различной состоятельности, нерѣдко возникала острая борьба, и болѣе богатые старались вытѣснить бѣдняковъ. Въ подобныхъ случаяхъ на сходахъ выступала такая рознь, что иногда сходы расходились, не придя ни къ какому рѣшенію и оставляя запутавшееся дѣло идти къ развалу. Встрѣчались и примѣры крестьянскихъ злоупотребленій банковымъ кредитомъ: счистить цѣнный лѣсокъ на купленной землѣ, попользоваться землею годъ или два, иногда даже сдавая

пріѣзду крестьяне явились каждый съ особою книжкою, гдѣ было означено: сколько каждый получилъ земли, въ какомъ мѣстѣ находится каждый кусокъ, подъ какимъ нумеромъ онъ значится на планѣ, каковы общественная оцѣнка данной земли, размѣръ полугодового платежа даннаго хозяина и сдѣланныя имъ уже уплаты. Независимо отъ того, велась общая книга съ такими же свѣдѣніями. Недоимокъ не было ни копѣйки, взаимныхъ споровъ — никакихъ. Порядокъ блисталъ не только по существу, но и формально. — Въ другомъ случаѣ, крестьяне также расцѣнили разнокачественную землю съ отводомъ по желанію однимъ лучшей, а другимъ худшей земли, но разсчитались между собою не взаимными приплатами, а тѣмъ, что каждому дано было земли на опредѣленную оцѣночную сумму (худшей—больше, лучшей—меньше), платежи же разверстаны были между хозяевами не по числу полученныхъ ими десятинъ, а пропорціонально оцѣночной стоимости ихъ земельныхъ долей. Вотъ какія придумывались иногда системы!

Однако, даже при всей наличности крестьянской творческой инициативы, она во многихъ случаяхъ держалась, такъ сказать, на воздухѣ, потому что созданія ея не имѣли достаточной формальной опоры. Союзъ покупщиковъ могъ устанавливать какую угодно организацію, могъ утверждать раскладки платежей, понуждать отдѣльныхъ членовъ ко взносу ихъ, рѣшать какія угодно общественныя дѣла, но авторитетъ его рѣшеній былъ только нравственный, не имѣющій принудительной силы, и потому держался лишь до тѣхъ поръ, пока ему добровольно подчинялись. Между тѣмъ, въ составѣ крестьянъ-покупщиковъ появлялось уже немало своевольныхъ людей или кляузниковъ, не хотѣвшихъ признавать общественнаго авторитета и поддававшихся вліянію стороннихъ подговоровъ, а это было крупнымъ зерномъ разлада. Такіе люди не желали повиноваться тому, чего нельзя было заставить ихъ сдѣлать. Когда земля пріобрѣталась цѣлымъ сельскимъ обществомъ, управленіе новымъ земельнымъ дѣломъ могло примкнуть къ готовому сельскому общественному управленію, имѣющему узаконенные сходы, опредѣленныхъ должностныхъ лицъ, обладающему правомъ обязательнаго исполненія рѣшеній, словомъ — могло подчиниться порядку, въ основаніи котораго — законъ, дающій указанія почти по всѣмъ вопросамъ обыденной общественно-хозяйственной деревенской жизни. Но совсѣмъ иное было, когда земельныя покупки совершались товариществами, т.-е. группами только-что соединившихся, собранныхъ изъ разныхъ деревень людей, не составлявшихъ прежде цѣльныхъ общественныхъ единицъ.

Дѣло въ томъ, что „Положеніе“ о банкѣ хотя и установило покупки „товариществами“, но въ законахъ не было ровно ничего опредѣляющаго—что̀ это за товарищества, въ чемъ должна состоять ихъ внутренняя организація, что̀ и какъ они могутъ дѣлать или рѣшать? Законъ зналъ только товарищества коммерческія, промышленныя, да и въ отношеніи къ нимъ давалъ очень поверхностныя указанія, совершенно неспособныя регулировать жизнь тѣхъ многочисленныхъ и разной величины земледѣльческихъ союзовъ, какіе подъ именемъ крестьянскихъ „товариществъ“ создавались дѣятельностью банка. Это былъ крупный пробѣлъ, отчасти характеризующій то отрывочное бумажное законодательство, которое, плохо считаясь съ бытомъ населенія, довольствуется нерѣдко созданіемъ новыхъ названій безъ опредѣленія сущности прикрываемыхъ ими дѣлъ. При такомъ положеніи, исходомъ для разрѣшенія товарищескихъ вопросовъ представлялся развѣ — судъ, а онъ могъ предложить лишь X томъ Свода Законовъ, приспособленный совсѣмъ къ другимъ слоямъ населенія. Прежде, чѣмъ судъ успѣвалъ бы разобрать не терпящіе затяжки внутренніе кресстьянскіе счеты — товарищества успѣвали бы разваливаться отъ неустройствъ и земля ихъ пошла бы въ продажу съ торговъ. Понятно поэтому, что вопросъ о товариществахъ выступилъ однимъ изъ главныхъ для крестьянскаго банка.

До насъ, въ совѣтѣ банка, не разъ доходили вѣсти, что въ жизни товариществъ, особенно переселенческихъ, возникаетъ уже немало неурядицы отъ недостатка опредѣленности ихъ внутреннихъ отношеній, и что если этотъ недостатокъ отчасти восполняется собственнымъ крестьянскимъ творчествомъ, то и оно въ значительной степени парализуется отсутствіемъ поддержки со стороны положительнаго закона. Отдѣльные примѣры указывали разныя черты того, что̀ необходимо. Стало ясно, что нужно изданіе новаго закона. Но какъ его составить? Сочинять его въ Петербургѣ — значило рисковать и неполнотою, и ошибками, тогда какъ задачею этого закона являлось—дать возможно полный и удачный отвѣтъ на запросы, предъявляемые практикою товарищескаго быта. Мы держались того мнѣнія, что содержаніе для новаго закона надо взять изъ самой жизни, а для этого — внимательно и какъ можно ближе изучить то, что̀ происходитъ въ товариществахъ на мѣстѣ ихъ жительства, подробно переговоривъ притомъ съ крестьянскими массами. Исходя изъ такой мысли, мы пришли къ рѣшенію — произвести обстоятельное изслѣдованіе болѣе или менѣе значительной группы товариществъ въ разныхъ губерніяхъ. А такъ какъ въ то же время чувство-

валась надобность выяснить и разныя стороны переселенческаго дѣла, то и товарищества избраны были нами именно переселенческія, какъ обѣщающія большее полученіе искомаго матеріала.

Въ результатѣ, лѣтомъ 1885 года, я и Храповицкій, распредѣливъ между собою районы изслѣдованія, отправились въ губерніи: харьковскую, полтавскую, екатеринославскую и херсонскую, гдѣ посѣтили въ разныхъ углахъ 25 товариществъ.

При изслѣдованіи сразу обнаружился цѣлый рядъ явленій, показывавшихъ, что почти каждый шагъ въ дѣятельности товариществъ встрѣчаетъ тормазы и опасности, угрожающія самому ихъ существованію. Пришли, напримѣръ, на купленную землю переселенцы, записанные въ купчую крѣпость, но пришли, какъ это постоянно бывало, не всѣ, такъ какъ часть ихъ, во время покупки и переселенія, отстала отъ дѣла: одни раздумали переселяться, а другимъ встрѣтились серьезныя препятствія. На мѣсто части отказавшихся, пристало нѣсколько другихъ крестьянъ, но ихъ положеніе непрочно, потому что они въ купчей не означены, а для замѣны остальныхъ отказавшихся не хватаетъ охотниковъ. Многіе сторонніе и рады бы вступить въ товарищество, но останавливаются передъ такими опасеніями. Положимъ, я возьму здѣсь вакантную земельную долю, но тогда мнѣ надо будетъ построиться и распахать цѣлинную землю, заплативъ за это рублей по восьми съ десятины,—такъ какъ для подъема цѣлины нужны быки, мы же имѣемъ только лошадей,—а вдругъ, когда я все это сдѣлаю, вздумаетъ явиться издалека формальный владѣлецъ этой земельной доли и потребуетъ ее на основаніи купчей; вѣдь онъ отниметъ ее у меня и воспользуется всѣми плодами моего труда и затратъ; нѣтъ, приставать къ товариществу опасно! Укрѣпить за собою владѣніе принятою земельною долею вступившему со стороны можно развѣ посредствомъ совершенія съ отсутствующимъ фиктивнымъ владѣльцемъ новаго крѣпостного акта; но кромѣ того, что это дорого и хлопотно, — ищи означеннаго владѣльца гдѣ-то за нѣсколько сотъ верстъ! Притомъ, не будучи заинтересованъ въ сдѣлкѣ, этотъ владѣлецъ можетъ еще закапризничать и предъявлять разныя требованія. Съ другой стороны, и товариществамъ нельзя оставлять много земельныхъ долей нерозданными, такъ какъ распредѣленіе ихъ между остальными членами можетъ оказаться для послѣднихъ непосильнымъ, а пребываніе этихъ долей впустѣ лишаетъ товарищество значительной части средствъ для платежей банку, т.-е. ведетъ къ такой недоимочности, которая грозитъ продажею земли *всѣхъ* и уничтоженіемъ всего товарище-

ства. Становилась вполнѣ ясною крайняя необходимость законно упрочить положенiе вновь принятыхъ членовъ и прекратить формальное право тѣхъ фактически отставшихъ отъ товариществъ, которые не приняли участiя ни въ хлопотахъ, ни въ затратахъ на земельныя покупки. Сверхъ сказаннаго, всякое общее распоряженiе, касающееся купленной земли и требовавшее оформленiя при разрѣшенiи или содѣйствiи внѣшнихъ учрежденiй, представлялось невозможнымъ потому, что эти учрежденiя требовали бы участiя *всего* состава товарищества „по купчей", тогда какъ этотъ составъ нигдѣ не былъ тождественъ съ дѣйствительнымъ, вслѣдствiе объясненныхъ выше отказовъ старыхъ и прiема новыхъ членовъ.—При такихъ условiяхъ, вступленiя въ товарищества новыхъ членовъ хотя и практиковались,—даже съ ихъ жертвами,—но или по невѣдѣнiю, или на рискъ, уменьшавшiй ихъ численность. Словомъ, по *закону*—нельзя было дѣлать ни одного существеннаго шага, а безъ закона—все непрочно и рискованно.

Описанныя путаницы и затрудненiя относились главнымъ образомъ къ товариществамъ переселенческимъ, но тотъ же недостатокъ закона сильно затруднялъ жизнь и всѣхъ прочихъ. Напримѣръ, во всякомъ селенiи нерѣдко встрѣчается необходимость передачи земельной доли или части ея однимъ хозяиномъ другому, и тогда это просто осуществляется разрѣшенiемъ сельско-общественнаго схода, но въ товариществѣ это было невозможно, потому что никакихъ сходовъ и общественныхъ рѣшенiй для нихъ не было установлено. Значитъ, изъ-за каждыхъ двухъ-трехъ десятинокъ подымай громоздкую и непосильную процедуру совершенiя крѣпостныхъ актовъ, съ участiемъ нотарiуса и нотарiальнаго архива находящагося въ губернскомъ городѣ окружного суда. Представится надобность надѣлить кому-нибудь вакантный земельный участокъ, товарищескiй сходъ и сдѣлаетъ это, но его рѣшенiе доступно оспариванiю каждаго на томъ основанiи, что самъ этотъ сходъ не узаконенъ. Вымерла семья какого-нибудь хозяина—въ сельскомъ обществѣ его доля пошла бы въ пользу этого самаго общества, а товарищество подобнаго права наслѣдованiя не имѣетъ,—значитъ, означенная доля должна идти въ пользу того нерѣдко отдаленнаго общества, къ которому умершiй былъ приписанъ; и если возникнетъ два-три случая выморочности, то въ составъ товарищества, на правѣ членовъ, войдутъ два-три находящiяся въ разныхъ мѣстахъ цѣлыя общества, что еще сильнѣе увеличитъ путаницу. Отсутствiе узаконенности сходовъ вело къ юридической необязательности и, слѣдовательно, практической непрочности даже платежныхъ раскла-

докъ, потому что устанавливать ихъ фактически могъ только товарищескій сходъ. Кто-нибудь изъ членовъ не вноситъ платежей—надо взыскать эту недоимку изъ его имущества или передать его землю болѣе исправному хозяину; но недоимщикъ сопротивляется, говоря:—А по какому это закону вы имѣете право съ меня взыскивать? Не хочу я знать ни вашего незаконнаго схода, ни поставленнаго вами старосты, потому что какой же это староста, когда онъ „безъ медали"!—Бывали даже такіе примѣры: безпокойный и упрямый членъ товарищества владѣетъ землею и ничего не платитъ, а на понужденія отвѣчаетъ:—Да я и не думаю платить; взыскивать съ меня вы не имѣете права,—значитъ, я своими недоимками могу довести всю вашу землю до продажи; а если вы боитесь потерять землю—платите за меня сами!—Выходило, что хоть предъявляй судебные иски къ каждому недоимщику изъ-за каждаго полугодового платежа;—да и что бы еще вышло изъ подобныхъ исковъ? Впрочемъ, перечисленіе всѣхъ примѣровъ возникавшихъ ненормальностей потребовало бы слишкомъ много мѣста.

Вотъ къ чему приводило установленіе закономъ поземельныхъ „товариществъ" при забвеніи о необходимости для нихъ внутренней организаціи. До извѣстной степени выручалъ еще здравый смыслъ крестьянъ-товарищей, понимавшихъ, что нельзя жить безъ порядка; однако и этотъ смыслъ часто оказывался безсильнымъ одолѣвать препятствія. Товарищества и сходы составляли, и неформальныхъ старостъ заводили, и приговоры постановляли, и письменныя сдѣлки практиковали, переселенческія—даже и судей для себя выбирали, только все это держалось на воздухѣ.

Послѣ обсужденія въ совѣтѣ банка собраннаго нами матеріала, для насъ съ полною убѣдительностью выступила необходимость безотлагательной выработки спеціальнаго законопроекта „о крестьянскихъ поземельныхъ товариществахъ" и скорѣйшаго представленія его въ государственный совѣтъ. Медлить было невозможно, такъ какъ каждый пропущенный мѣсяцъ длилъ разстройство въ товариществахъ, мѣшая имъ сколько-нибудь успѣшно вести свое дѣло, подвергая ихъ лишнимъ и часто невознаградимымъ потерямъ, а также усиливая образовавшуюся уже недоимочность. Н. Х. Бунге, прочитавъ наши отчеты объ изслѣдованіи и ознакомившись съ разными объясненіями по этому вопросу, тоже безусловно согласился съ совѣтскими предположеніями. Мы и взялись горячо за дѣло. Все добытое изслѣдованіемъ показывало, что наибольшее число возникавшихъ въ то-

вариществахъ вопросовъ могло быть разрѣшаемо предоставленіемъ товариществамъ такихъ же функцій, какія предоставлены сельскимъ обществамъ, владѣющимъ землями надѣльными, т.-е. нужно: узаконеніе сходовъ, дача послѣднимъ права рѣшеній большинствомъ голосовъ, права платежныхъ раскладокъ, принятія мѣръ по взысканію платежей съ отдѣльныхъ членовъ, передачи земельныхъ долей неисправныхъ плательщиковъ исправнымъ, распоряженія вакантными земельными долями, пріема въ товарищества новыхъ членовъ по простымъ приговорамъ безъ соблюденія крѣпостного порядка и т. под. Поэтому, нашъ законопроектъ и состоялъ главнымъ образомъ въ возможно близкомъ уподобленіи товарищескихъ порядковъ—порядкамъ сельскихъ обществъ, установленнымъ „Общимъ Положеніемъ“ 19-го февраля 1861 года. При этомъ, въ подобіе существующимъ въ обществахъ сельскимъ старостамъ, проектировалась въ товариществахъ должность „выборнаго“; предполагалось также прекращеніе земельныхъ правъ отказавшихся отъ товариществъ или неявившихся въ теченіе извѣстнаго срока на купленную землю членовъ, а товариществамъ переселенцевъ, покинувшихъ родину, предоставлялось преобразовываться на мѣстѣ поселенія въ новыя сельскія общества, дѣйствующія на основаніяхъ „Положенія“ 1861 года. Такимъ способомъ имѣлось въ виду вполнѣ легализировать какъ существующій въ каждую данную минуту личный составъ товариществъ, такъ и всѣ необходимыя ему дѣйствія, т.-е. развязать ему руки.

Нужда въ новомъ законѣ была такъ настоятельна, а мотивировка составленнаго проекта представлялась настолько убѣдительною, что противъ него не встрѣтилось возраженій и со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, соглашеніе съ которымъ было необходимо, такъ какъ проектъ подлежалъ представленію въ государственный совѣтъ за подписями двухъ министровъ: финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Зато препятствія встрѣтились иного рода, и отчасти неожиданныя.

Первымъ явилась перемѣна нашего министра. Въ то самое время, когда проектъ былъ уже совершенно готовъ, Н. Х. Бунге долженъ былъ покинуть постъ министра финансовъ (1-го января 1887 года) и получилъ назначеніе въ предсѣдатели комитета министровъ, а на его мѣсто поступилъ И. А. Вышнеградскій—человѣкъ совсѣмъ другого типа. Старый желѣзнодорожный дѣлецъ, ловкій дѣятель промышленныхъ предпріятій, онъ интересовался не крестьянскимъ дѣломъ, а больше другими предметами: счетами съ желѣзнодорожными компаніями, усиленіемъ покрови-

тельственной таможенной системы, подкрашиваніемъ государственныхъ росписей, биржевыми пріемами и т. п. Вмѣстѣ съ Бунге, ушелъ изъ министерства финансовъ и солидарный съ нимъ его товарищъ П. Н. Николаевъ, не пожелавшій оставаться при Вышнеградскомъ. Тутъ интересы крестьянскаго банка, бывшіе прежде предметомъ особой участливости, отодвинулись на задній планъ, дѣла его стали затягиваться, а это, между прочимъ, привело къ тому, что законопроектъ о товариществахъ могъ попасть въ государственный совѣтъ едва къ лѣту 1887 года, когда уже наступилъ обычный сезонный перерывъ законодательныхъ работъ. Но еще бо̀льшія затрудненія встрѣтились въ самомъ государственномъ совѣтѣ. Къ этому времени въ нашихъ правительственныхъ сферахъ возобладало уже большое нерасположеніе къ принципамъ „Положеній“ 19-го февраля 1861 года и вообще къ тому, что̀ ихъ напоминало, а вмѣсто того получили силу старыя мудрованія: искусственное подавленіе въ крестьянской средѣ общественнаго начала личнымъ, стѣсненіе общиннаго владѣнія, сочиненіе для крестьянства новыхъ жизненныхъ нормъ съ пренебреженіемъ бытовыхъ требованій и т. под. Поднялись фонды такихъ идеаловъ, какъ умноженіе крупныхъ земельныхъ участковъ богатыхъ крестьянъ, съ оставленіемъ безъ вниманія участи мелкоты, на манеръ остзейскаго крестьянскаго устройства,—словомъ, тенденціозное сочинительство брало верхъ надъ уваженіемъ къ голосу жизненныхъ нуждъ. Поэтому проектъ нашъ, основанный именно на обращеніи къ основамъ „Положеній“ 19-го февраля, не замедлилъ найти противниковъ, которые хотя и признавали необходимымъ придти на помощь устройству товариществъ, но хотѣли искать для того другихъ образцовъ. Между означенными противниками выдвинулись члены государственнаго совѣта Кахановъ и Дервизъ, которые и приняли на себя предварительное разсмотрѣніе нашего проекта. Начались частныя совѣщанія; Картавцевъ объяснялся съ упомянутыми членами, отстаивая проектъ, но вполнѣ отстоять его уже не удалось.

Вслѣдствіе объясненныхъ выше препонъ, законъ о товариществахъ въ окончательно утвержденномъ видѣ появился только 30-го мая 1888 года, т. е. уже черезъ полтора года послѣ составленія нашего проекта. Въ немъ ничего не упоминалось о „Положеніяхъ“ 1861 года, но вмѣстѣ съ узаконеніемъ порядка необходимыхъ дѣйствій товариществъ вводилось немало сочинительства. Такъ, постановлено было, что товарищества должны владѣть землею согласно съ условіями заключеннаго между ихъ членами при самой покупкѣ „договора“, отъ котораго не могутъ

отступать и впослѣдствіи, даже если изъ товарищескихъ поселеній будутъ образованы новыя сельскія общества. Этимъ имѣлось въ виду закрѣпить навсегда первоначальное распредѣленіе земли и порядокъ пользованія ею, парализовавъ попытки къ общинному владѣнію, но практически тутъ выходили или напрасное стѣсненіе, или безсодержательность. Когда крестьяне только приступаютъ къ покупкѣ, имъ нерѣдко еще самимъ неясно, какъ имъ придется окончательно распорядиться землею; слѣдовательно, безъ вреда дѣлу имъ нельзя сразу и связывать себя договоромъ о владѣніи на всю будущность; а съ другой стороны, такъ какъ содержаніе означеннаго договора опредѣлялось глухо, неясно, съ простором для существенныхъ недоразумѣній, то въ него могли включать вовсе не то, чего искали сочинители закона; да наконецъ крестьяне могли и совсѣмъ не заключать подобныхъ договоровъ. Еще бо̀льшая путаница выходила изъ требованія соблюдать договоръ даже послѣ преобразованія товариществъ въ сельскія общества: какъ это—по всѣмъ дѣламъ дѣйствовать какъ общество, а по поземельнымъ—хранить порядокъ бывшаго когда-то товарищества! Для сходовъ дали крестьянамъ уже заимствованіе изъ законодательства объ акціонерныхъ собраніяхъ: если дѣло не рѣшится большинствомъ голосовъ на первомъ сходѣ, то оно обсуждается на второмъ, рѣшенія котораго становятся обязательными, сколько бы людей ни участвовало въ немъ, т.-е. хотя бы пятая или шестая часть товарищескаго состава. Между тѣмъ, крестьянскія понятія вовсе не мирятся съ возможностью рѣшать общія дѣла малою долею общества и всегда требуютъ большинства. Наконецъ, срокъ для отобранія товариществами земли у своихъ неплательщиковъ новый законъ увеличивалъ до трехлѣтняго, обязывая такимъ образомъ товарищества оказывать своимъ неплательщикамъ больше терпѣнія, чѣмъ „Положеніе“ оказывало самимъ товариществамъ. Особенно стѣснительнымъ это являлось въ отношеніи къ непришедшимъ на переселенческую покупку, которые, какъ извѣстно было, навѣрное не придутъ, а все-таки могли три года числить землю за собою, мѣшая укрѣпить ее за настоящимъ участникомъ товарищества. Вообще, придумыванія обѣщали большія неудобства, но — pereat дѣло, fiat сочинительство!

Впрочемъ, несмотря на объясненную порчу, новый законъ все-таки пособилъ товариществамъ, развязавъ имъ руки въ существенныхъ вопросахъ. Неудачныя же нововведенія можно было обходить на практикѣ. Порча являлась показателемъ тенденцій,

усиливавшихся тогда въ законодательной сферѣ, и спустя годъ эти тенденціи выразились въ еще болѣе откровенномъ видѣ.

При обсужденіи новаго вопроса, касавшагося крестьянскаго банка, государственный совѣтъ уже прямо высказалъ, что задачу банка должна составлять не поправка крестьянскаго устройства, не помощь малоземельнымъ, а напротивъ, банкъ долженъ содѣйствовать распространенію крупныхъ земельныхъ участковъ богатыхъ крестьянъ; въ виду же того, что „Положеніе" о банкѣ къ этому не приспособлено, государственный совѣтъ поручилъ министрамъ войти съ представленіемъ объ измѣненіи означеннаго „Положенія" именно въ смыслѣ помощи богатымъ.—Значитъ, корми сытыхъ и отворачивайся отъ обездоленныхъ! Ломай характеръ учрежденія въ самомъ корнѣ, сдѣлавъ изъ симпатичнаго антипатичное. Забылось даже то, что банкъ и возникъ-то изъ-за вопроса о крестьянскомъ малоземельи, притомъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ. Сколько тутъ проявилось чуткости къ экономической нуждѣ населенія, и какимъ верхоглядньмъ, слѣпымъ и самоувѣреннымъ оказалось отношеніе къ тому крупному дѣлу, положеніе котораго, обостряясь болѣе и болѣе, подготовляло грозный кризисъ! Но—такова была тогдашняя пора. Впрочемъ, предложеніе государственнымъ совѣтомъ столь рѣшительной „реформы", по разнымъ причинамъ, осталось безъ исполненія.

Такъ, крестьянскому банку, борясь съ различными препонами и обходами въ самой сферѣ своей дѣятельности и оставаясь одинокимъ среди другихъ учрежденій, приходилось еще опасаться и возбужденія законодательныхъ вопросовъ, чтобы при семъ удобномъ случаѣ ему не устраивали новаго вреда въ высшей законодательной инстанціи.

Однако, изъ-за того, чтобы досказать исторію вопроса объ организаціи товариществъ, я зашелъ нѣсколько впередъ. Надо вернуться къ тому, что было раньше.

IV.

Министерская перемѣна съ ея послѣдствіями.

Благополучное существованіе крестьянскаго банка, сопровождавшееся добрыми надеждами, длилось нѣсколько дольше первыхъ двухъ лѣтъ. Но затѣмъ стали выступать, одно за другимъ, неблагопріятныя явленія.

Первымъ былъ сильный неурожай 1885 года, поразившій особенно южную половину Россіи. Подрывая средства крестьянъ-покупщиковъ, онъ привелъ къ образованію за немногими изъ нихъ значительныхъ недоимокъ въ платежахъ банку. Неизбѣжными явились отсрочки и разсрочки, увеличивающія будущіе платежи, тогда какъ и съ текущими многимъ справляться было нелегко.

Далѣе наступилъ такъ называвшійся „сельско-хозяйственный кризисъ", состоявшій въ рѣзкомъ пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ, отъ котораго зашатались и земельныя арендныя цѣны. Пониженіе это, въ болѣе слабой степени, чувствовалось и нѣсколько раньше, начавшись, примѣрно, около 1883 года, но тогда еще неясно было, представляетъ ли оно кратковременное, случайное явленіе или хроническое и возрастающее, какимъ оказалось впослѣдствіи. Завопили помѣщики, пошли жалобы въ печати, но отразилось это и на многихъ крестьянахъ. Стала падать выгодность совершенныхъ крестьянами земельныхъ покупокъ, особенно въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ почти вся земля идетъ подъ зерновые посѣвы. Выходило иногда, что оплатить землю банковымъ платежомъ не легче, чѣмъ купить такое же количество хлѣба, какое съ этой земли получалось, а также что арендованіе сосѣдней десятины обходилось не дороже или дешевле, чѣмъ оплата десятины, купленной съ помощью банка. Подобныя условія, кромѣ жалобъ, вызывали въ нѣкоторыхъ крестьянахъ равнодушіе къ удержанію за собою пріобрѣтенной земли, особенно тамъ, гдѣ покупка обошлась сравнительно дороже; а это, въ связи съ другими неблагопріятными обстоятельствами, опять порождало недоимки, въ результатѣ которыхъ являлись неизбѣжныя назначенія купленныхъ земель въ продажу. Такая невзгода тоже всего больше коснулась лучшихъ, черноземныхъ губерній. Понятно, что гдѣ земля производитъ почти исключительно хлѣбное зерно, тамъ кризисъ хлѣбныхъ цѣнъ отражается быстрѣе и чувствительнѣе. Цѣпче держались за землю крестьяне бѣлорусскіе, сѣверные и среднихъ нечерноземныхъ мѣстностей, но у нихъ и положеніе было нѣсколько иное; въ ихъ покупкахъ не было такого рѣшительнаго преобладанія пашенъ и много было другихъ угодій: лужковъ, лѣсковъ, выгоновъ для скота и т. под., а выгодность такихъ и притомъ дешево купленныхъ угодій не такъ подвергалась кризису, какъ выгодность дорогихъ хлѣбныхъ полей. Оттого, между прочимъ, и платежи за землю въ худшихъ мѣстностяхъ не такъ затруднялись, какъ на центральномъ или малороссійскомъ черноземѣ.

Какъ бы то ни было, земельныя продажи и платежное дѣло причиняли намъ много огорченій.

Кромѣ такихъ стихійныхъ вліяній, неблагопріятно отозвалось для насъ еще устройство въ концѣ 1885 года новаго—дворянскаго земельнаго банка. Дѣло не въ томъ, чтобы этотъ послѣдній, по своимъ интересамъ, представлялся противоположнымъ крестьянскому; оба они могли бы существовать параллельно, не мѣшая одинъ другому. Конечно, съ самаго начала было видно, что начинается эпоха неблагоразумнаго „дворянствованія", причемъ дѣло идетъ не о томъ только, чтобы новый банкъ давалъ дворянамъ оборотные капиталы для имѣній или помогалъ имъ замѣнять прежніе обременительные долги нестѣснительнымъ банковымъ долгомъ; напротивъ, уже ясно обрисовывалась перспектива преувеличенныхъ ссудъ подъ дворянскія имѣнія съ безграничными платежными индульгенціями;—однако, при полной разграниченности обоихъ банковъ, крестьянскій могъ бы оставаться свободнымъ отъ всякихъ стѣсненій со стороны своего сосѣда. Но на бѣду, тутъ-то и возникла несчастная мысль о соединеніи управленій дворянскаго и крестьянскаго банковъ. Финансовыя операціи ихъ, правда, поставлены были раздѣльно, но значительная часть должностей по дворянскому банку замѣщена была служившими въ крестьянскомъ, которые, такимъ образомъ, становились дѣятелями двухъ разныхъ дѣлъ. Явился общій управляющій обоими банками, общіе предсѣдатели ихъ мѣстныхъ отдѣленій, даже общій членъ совѣта и т. под.; изъ состава нашего совѣта не пошли въ дворянскій банкъ ни я, ни Храповицкій; не вошли также и нѣсколько предсѣдателей мѣстныхъ отдѣленій. Но въ общей массѣ совмѣстительство приняло такіе размѣры, которые не могли не отозваться чувствительными осложненіями въ жизни крестьянскаго банка. Совмѣстители должны были раздѣлять свой трудъ между служеніями разнымъ цѣлямъ, отчасти обезличивая свою дѣятельность; крестьянскія дѣла неизбѣжно тормазились, а впереди несчастный союзъ банковъ готовилъ еще болѣе скверные сюрпризы. Но онъ утвердился такъ прочно,—приведя впослѣдствіи къ обращенію крестьянскаго банка на службу дворянскимъ интересамъ,—что держится и до настоящаго времени.

Наконецъ, усилились тревоги за прочность положенія самого Н. Х. Бунге, который былъ дорогъ для крестьянскаго банка по его искренней участливости къ дѣятельности послѣдняго.

Бунге пробылъ министромъ финансовъ всего пять лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, но это короткое время успѣло ознаменоваться рядомъ такихъ выдающихся актовъ, которые дали министерству Бунге

несомнѣнное право на одну изъ самыхъ почетныхъ страницъ въ исторіи нашего финансоваго управленія. Достаточно упомянуть уже о томъ, что въ это время состоялись: пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна вѣковой подушной подати съ крестьянъ, основаніе крестьянскаго банка и учрежденіе фабричной инспекціи, которая впослѣдствіи подверглась довольно коренному искаженію. Несмотря на трудность финансоваго положенія, которое принято было Бунге еще подъ свѣжимъ вліяніемъ недавно прошедшей турецкой войны и потомъ ухудшилось возникновеніемъ новыхъ политическихъ осложненій (столкновеніе изъ-за „Кушки", вмѣшательство въ болгарскія дѣла изъ-за тамошней революціи) и неурожаями, Бунге старался не отягощать, а щадить и облегчать платежныя силы населенія, рѣзко оттѣнившись въ этомъ отношеніи отъ своихъ ближайшихъ преемниковъ, не затруднившихся, при общей бѣдности страны, вытянуть ея бюджетъ до непомѣрной величины. Старался онъ также положить предѣлъ нашему застарѣлому финансовому грѣху — неумѣреннымъ обращеніямъ къ выпуску бумажныхъ денегъ, вмѣсто чего даже уничтожалъ наличные излишки кредитныхъ билетовъ. Къ государственнымъ средствамъ относился онъ съ заботливою бережливостью, избѣгая непроизводительныхъ затратъ, насколько это было возможно, хотя тутъ выдерживать борьбу было особенно трудно, при усиливавшихся съ разныхъ сторонъ требованіяхъ, поддерживаемыхъ давними привычками и настойчивостью вліятельныхъ лицъ, бывшихъ сильнѣе его. — Во всемъ этомъ проявлялась заботливость человѣка, ищущаго коренныхъ улучшеній общаго экономическаго и финансоваго положенія страны, руководимая притомъ научными взглядами. Однако все это пріобрѣтало Бунге не много сторонниковъ и очень много противниковъ. При объясненныхъ тенденціяхъ, неудобенъ онъ былъ для тогдашнихъ высшихъ правительственныхъ лицъ; не жаловали его въ промышленныхъ сферахъ, недовольныхъ недостаткомъ простора для спекуляцій и одностороннихъ выгодъ; травила его ретроградно-рептильная печать и жаловались всякіе представители неосновательныхъ притязаній.

На основаніи предшествовавшихъ государственныхъ актовъ, казалось бы, слѣдовало ожидать, что именно люди, подобные Бунге, должны пользоваться поддержкою высшаго государственнаго авторитета. У всѣхъ еще въ свѣжей памяти былъ объявленный въ 1881 году манифестомъ и разъяснительнымъ къ нему циркуляромъ „о взглядахъ правительства" призывъ къ „истребленію неправды и хищеній"; тамъ съ рѣзкимъ укоромъ гово-

рилось о распространенности „равнодушія къ общему благу“ со стороны разныхъ дѣятелей, о „корыстномъ отношеніи къ государственному и общественному достоянію“, о „снисходительномъ отношеніи къ незаконнымъ способамъ наживы“ и о необходимости „пресѣченія хищеній вездѣ, гдѣ бы они ни обнаруживались“. Все это давало право ожидать, что честными людьми, преданными интересамъ общей пользы, а не личной только, будутъ особенно дорожить, — простора же не будутъ имѣть люди противоположныхъ свойствъ и цѣлей или склонные пробиваться интригами, угодничествомъ, безразличные къ правдѣ и добру и т. п. Бунге представлялъ именно одинъ изъ выдающихся образцовъ безукоризненнаго по чистотѣ стремленій государственнаго дѣятеля и самъ искалъ людей соотвѣтствующихъ качествъ, а потому, казалось бы, имѣлъ особенное право и на довѣріе, и на прочность положенія. Но немного потребовалось времени, чтобы показать, какъ торжественно возвѣщаемыя стремленія къ высокимъ цѣлямъ успѣваютъ на нашей почвѣ расходиться съ реальною практикою, особенно когда первый порывъ къ означеннымъ цѣлямъ затихаетъ, уступая дѣйствію времени и новымъ, свойственнымъ означенной почвѣ мотивамъ. Интрига, искательство, подкопы умѣютъ ловко приспособляться ко всякому положенію, когда не встрѣчаютъ прозорливой оцѣнки и соотвѣтствующаго отпора, а затѣмъ дѣлаютъ свое дѣло, не пренебрегая никакими средствами, такъ что, будучи даже ясно видимы всѣмъ со стороны, остаются незамѣтными лишь тому, кому всего болѣе о томъ вѣдать надлежитъ. И скоро пришлось увидѣть немало административныхъ перемѣнъ далеко не въ духѣ упомянутаго выше призыва. Не разъ уходили со своихъ постовъ люди несомнѣнно прямые, руководившіеся интересами общей пользы, а ходъ получали представители какъ разъ иного типа, иногда пользовавшіеся даже сложившеюся уже въ обществѣ неблагопріятною репутаціею, выѣзжавшіе на добытой неразборчивыми средствами протекціи, цѣнимые за безличность и т. п.;—видя это, невольно случалось задаваться вопросомъ: что же осталось отъ призыва, гдѣ его цѣли? Постепенно дошло до того, что увидѣли на министерскомъ посту и Кривошеина, который, какъ-ни-какъ, а пробылъ на немъ слишкомъ два года; на посту же члена государственнаго совѣта—да еще въ департаментѣ законовъ—прославившагося превышеніями власти черниговскаго губернатора Анастасьева.

Слухи о непрочности положенія Бунге стали возникать почти съ самаго начала его министерства и затѣмъ возобновлялись

предъ наступленіемъ каждаго новаго года, только всякій разъ болѣе и болѣе настойчиво, что̀ въ свою очередь было не безсодержательнымъ признакомъ. Кандидатомъ на его постъ сначала называли безцвѣтнаго и податливаго министра государственныхъ имуществъ Островскаго, а потомъ указывали другихъ лицъ, болѣе подходящихъ къ требованіямъ современнаго правительственнаго антуража; только всѣ они какъ-то мало соотвѣтствовали роли руководителя государственныхъ финансовъ, во всякомъ случаѣ требующей нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условій. Слухи возбуждали недружелюбные толки противниковъ Бунге, но нѣсколько разъ оказывались не оправдавшимися; однако это часто объясняли тѣмъ, что не нашелся подходящій замѣститель. Бунге—говорили нѣкоторые — только тѣмъ и держится, что на его мѣсто не выискивается сколько-нибудь удовлетворительный кандидатъ, а тѣ, которые готовы его замѣстить, очень ужъ плохи. Кромѣ иныхъ высшихъ лицъ, не любили Бунге и нѣкоторые чины самого финансоваго вѣдомства, въ прежнее время благоденственно дѣйствовавшіе по старымъ традиціямъ, а при немъ очутившіеся въ положеніи „не въ авантажѣ обрѣтающихся“. Противники односторонне критиковали реформы Бунге и способы его дѣйствій, не скупясь и на недоброжелательныя насмѣшки. Платежныя облегченія населенія выставляли какъ уменьшеніе государственныхъ доходовъ; паденіе курса подъ очевиднымъ вліяніемъ современныхъ внѣшнихъ политическихъ осложненій ставили въ счетъ его неумѣлости; бережливость финансовыхъ средствъ называли проявленіемъ напрасной скупости, и т. д. Одни, насмѣшливо сравнивая Бунге съ экономною монахинею, завѣдывающею въ женскомъ монастырѣ казначейскою частью, прозывали его „мать казначея“; а другіе, не имѣя возможности укорить его какими-нибудь личными поползновеніями и признавая въ немъ несомнѣнную ученость, отзывались, что, можетъ быть, онъ и хорошій „теоретикъ“, но не много понимаетъ въ практикѣ финансовыхъ операцій, — что̀ гораздо важнѣе, — а поэтому лучше бы было, еслибъ на его посту находился хоть не ученый, да болѣе ловкій дѣлецъ. Впрочемъ, нѣтъ надобности распространяться о симптомахъ, показывавшихъ, какъ многимъ желалось тогда министерской перемѣны. И дѣло не ограничивалось злорадствомъ или пассивнымъ выжиданіемъ подобной перемѣны. Среди правительственныхъ лицъ проявлялись и попытки активнаго, агрессивнаго воздѣйствія съ цѣлью поколебать положеніе Бунге. Въ этомъ отношеніи обратила на себя особое вниманіе одна очень характерная вылазка.

Товарищъ оберъ-прокурора св. синода Смирновъ составилъ брошюру съ критическими замѣчаніями на дѣятельность министерства Бунге. Здѣсь односторонне осуждались различныя дѣйствія послѣдняго, въ томъ числѣ и платежныя облегченія для населенія. Брошюра, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, отпечатана была въ синодской типографіи, которая, такимъ образомъ, на ряду съ изданіемъ акаѳистовъ, псалтырей и „житій“, поработала для политической полемики, проще — для личнаго подкопа. Сочиненіе это предназначено было не для публики, а почти исключительно для обращенія въ высшей правительственной сферѣ, почему если теперь у кого-нибудь существуетъ, то въ качествѣ библіографической рѣдкости. О сущности его критическихъ замѣчаній распространяться нечего, такъ какъ они особаго интереса не представляли, да и не въ нихъ была сила. Главная сила была въ одномъ пикантномъ замѣчаніи, гдѣ авторъ, будто попутно, привелъ заключающуюся въ одномъ изъ сочиненій „бывшаго кіевскаго профессора Бунге“ фразу, выражающую мысль, что въ государствахъ съ представительнымъ правленіемъ экономическія и финансовыя дѣла могутъ быть ведены лучше, чѣмъ въ неограниченныхъ монархіяхъ. Фраза была выдернута безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, даже прямо оборвана, но ясно была разсчитана на эффектъ: вотъ каковъ бывшій профессоръ Бунге, ставшій теперь министромъ! Словомъ, выступилъ такой же отвратительный пріемъ, къ какому въ древности прибѣгли іерусалимскіе фарисеи, когда, за недостаткомъ обвинительной убѣдительности, такъ успѣшно приперли Пилата словами: если такъ, то ты „не другъ Кесарю“, ты — политически неблагонадеженъ! Однако, каковы бы ни были подобные пріемы по существу, но въ представленіи нѣкоторой категоріи людей они цѣнны тѣмъ, что при извѣстной обстановкѣ дѣйствуютъ успѣшнѣе самой солидной аргументаціи. Брошюра Смирнова надѣлала не мало шума, о ней сильно заговорили, рѣчи о ней проникли и въ печать; Бунге долженъ былъ отвѣтить на нее своею брошюрою, объясняясь и по поводу упомянутой фразы; вышла особаго рода печатная полемика, — только видимыхъ результатовъ на этотъ разъ все-таки не послѣдовало. Можетъ быть, понизился противъ прежняго политическій баллъ для Бунге, но Смирновскій походъ, во всякомъ случаѣ, явился характернымъ проявленіемъ интриги въ тогдашней высшей сферѣ.

Ретроградная печать, въ свою очередь, вела систематическую травлю на министерство Бунге во все время его существованія, причемъ, разумѣется, главную роль играли „Московскія Вѣдо-

мости“ Каткова, употреблявшаго здѣсь свои извѣстные, характерные пріемы. Горячность этой травли ясно показывала, насколько эта темная сила видѣла въ духѣ означеннаго министерства препону своимъ стремленіямъ и покровительствуемымъ интересамъ, и какъ она жаждала скорѣйшей замѣны Бунге другимъ министромъ, готовымъ согласоваться съ Катковскими тенденціями, какъ съ современною силою. Тутъ давалось Бунге прозваніе „доктринера“. Безоглядочно поддерживая узко-сословные дворянскіе интересы, проповѣдуя широкіе выпуски кредитныхъ билетовъ, какъ самостоятельное средство созданія государственнаго богатства, охраняя выгоды фабрикантовъ и заводчиковъ чрезмѣрными ввозными пошлинами, отстаивая всемѣрное господство нанимателей надъ рабочими и помѣщичьяго класса надъ крестьянствомъ, постоянно вопія объ усиленіи мѣстной власти надъ населеніемъ и объ ограниченіи мѣстнаго самоуправленія,—московская газета громила министерство финансовъ и за осторожность при выдачѣ помѣщикамъ ссудъ изъ государственнаго банка, и за недостаточность таможеннаго покровительства „отечественной промышленности“, и за фабричную инспекцію, и за сокращеніе количества бумажныхъ денегъ, и за дѣятельность крестьянскаго банка, и за податныя реформы, и т. д., и т. д. Не было почти ни одного финансоваго шага, или явленія, въ которомъ бы тогдашній московскій ретроградный пророкъ не находилъ предлога къ обвиненію министерства финансовъ не только въ существенныхъ ошибкахъ, но и прямо въ „противоправительственной политикѣ“. И все это высказывалось такъ рѣшительно, что тутъ слышался тонъ громовержца, разгнѣваннаго существованіемъ не покорившагося доктринера; финансовое же вѣдомство выставлялось уцѣлѣвшимъ при очищеніи другихъ сферъ притономъ вредныхъ для отечества людей. Порядочно доставалось при этомъ и крестьянскому банку: онъ-де и землевладѣніе крестьянизируетъ, и въ народѣ возбуждаетъ вредные инстинкты и надежды. Усердно вторилъ московской газетѣ и петербургскій „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго, только еще легкомысленнѣе и съ большою примѣсью грубости и пошлости, доходившихъ до того, что, порицая дѣйствія министерства, эта газета вышучивала даже наружность Бунге. Прогрессивная часть печати оппонировала означеннымъ темнымъ органамъ, но, разумѣется, это не могло имѣть почти никакого практическаго значенія въ столь реакціонную эпоху; да и тогдашняя цензура довольно явно покровительствовала нападкамъ на министерство финансовъ, не допуская, конечно, и слабой доли подобнаго въ отношеніи, напр., къ министерству

тр. Д. Толстого или другимъ вѣдомствамъ, солидарнымъ съ усиливавшимся реакціоннымъ направленіемъ.

Ростъ и значеніе агитаціи противъ Бунге были такъ замѣтны, что министерство его въ 1886 году представлялось доживающимъ уже свои послѣдніе дни. Весною этого года появился знаменательный признакъ: въ члены государственнаго совѣта назначенъ былъ предсѣдатель правленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ И. А. Вышнеградскій. Это не совсѣмъ подходившее къ обычному порядку назначеніе многими было понято въ томъ смыслѣ, что, вотъ, выдвигается новый кандидатъ на постъ министра финансовъ. И, конечно, Вышнеградскій являлся болѣе вѣскимъ кандидатомъ, чѣмъ всѣ предыдущіе. Человѣкъ несомнѣнно умный, энергичный, ловкій промышленный дѣлецъ, сумѣвшій изъ ничего составить себѣ большое состояніе, пріобрѣвшій, какъ говорили, весьма вліятельную поддержку, не очень разборчивый въ способахъ дѣйствованія и подходящій къ духу современнаго правительства, онъ умѣлъ также искусно считаться со всякими вліятельными силами и требованіями. Въ обществѣ симпатіями онъ не пользовался, и сложившаяся предшествовавшею дѣятельностью его репутація была довольно сложная, но въ данную пору это нисколько не мѣшало его возвышенію. Въ сравненіи съ Бунге, онъ во многомъ представлялся его противоположностью. Неблагопріятное отношеніе къ Бунге въ чуткихъ къ текущимъ вѣтрамъ верхнихъ сферахъ болѣе и болѣе усиливалось, выражаясь, между прочимъ, въ готовности содѣйствовать его паденію проваливаніемъ его представленій—благо кандидатъ уже готовъ. Яркій актъ подобнаго рода состоялся въ декабрѣ 1886 года при разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ одного такого представленія.

Дѣло касалось „Общества взаимнаго поземельнаго кредита“ (такъ называемый „золотой банкъ“). Это общество, основанное въ 1865 году для выдачи помѣщикамъ ссудъ подъ имѣнія, установило у себя веденіе всѣхъ разсчетовъ на золотую валюту. И закладные листы оно выпускало, и купоны оплачивало, и текущіе платежи съ заемщиковъ требовало по разсчету на золото. Нѣсколько лѣтъ, пока цѣнность кредитныхъ билетовъ на золото держалась довольно удовлетворительно или улучшалась, дѣла общества шли сносно; но когда, вслѣдствіе турецкой войны 1877 года, выпущено было много лишнихъ кредитныхъ билетовъ—цѣна послѣднихъ сильно упала и положеніе рѣзко измѣнилось. Заемщикамъ на каждый золотой платежъ приходилось отдавать больше, чѣмъ прежде, кредитныхъ рублей. Поднялись громкія жалобы, а

правительство, изъ участія къ помѣщикамъ, приняло на себя часть ихъ платежей, фиксировавъ размѣръ ихъ въ опредѣленной величинѣ. Существованіе „Общества“, такимъ образомъ, обратилось въ постоянный источникъ казенныхъ жертвъ, хотя, тѣмъ не менѣе, „Общество“ продолжало управлять своимъ дѣломъ самостоятельно. Подобное положеніе являлось совершенно ненормальнымъ, такъ какъ, при отсутствіи надеждъ на скорое и рѣзкое повышеніе курса кредитныхъ билетовъ, „Общество“ выбиться изъ затрудненій собственными силами не могло,—слѣдовательно, казнѣ оставалась перспектива платить въ теченіе очень долгаго времени, не имѣя вліянія на порядокъ управленія дѣломъ, въ которомъ къ тому же образовались крупныя растраты. Выходъ представлялся одинъ—взять дѣла „Общества“ въ управленіе министерства финансовъ, на что согласилось и общее собраніе „Общества“. Бунге представилъ въ государственный совѣтъ о присоединеніи дѣлъ „Общества“ къ дѣлу государственнаго дворянскаго банка. Но здѣсь противъ его представленія рѣшительно возстали два члена государственнаго совѣта: Вышнеградскій и Маркусъ. На этой позиціи положено было дать Бунге рѣшительный бой. Отклоняя сліяніе „Общества“ съ дворянскимъ банкомъ, эти два члена противопоставили проектъ конверсіи закладныхъ листовъ „Общества“ съ нѣкоторыми другими комбинаціями. Возникла новая полемика записками, а затѣмъ произошло горячее засѣданіе государственнаго совѣта, въ которомъ Бунге не былъ поддержанъ рѣшительно никѣмъ. Всѣ стали на противную сторону, и за представленіе Бунге оказывался одинъ только его собственный голосъ. Этотъ инцидентъ представился уже какъ бы послѣднею горькою каплею на вѣсахъ вопроса объ оставленіи имъ министерскаго поста. 1-го января на его мѣсто былъ уже назначенъ Вышнеградскій, а Бунге занялъ постъ предсѣдателя комитета министровъ. Положеніе почетное, но почти безвліятельное.

Добавочное освѣщеніе приведенному инциденту дала послѣдующая судьба „Общества взаимнаго поземельнаго кредита“, съ которымъ пришлось уже справляться Вышнеградскому. Была испытана и конверсія, но настолько неудачно, что все-таки пришлось обратиться къ сліянію съ дворянскимъ банкомъ. Скоро съ проектомъ такого рода выступилъ тотъ же Вышнеградскій, который при Бунге проваливалъ означенное сліяніе. И на этотъ разъ проектъ прошелъ уже совершенно благополучно, не встрѣтивъ сколько-нибудь серьезной оппозиціи, вслѣдствіе чего бывшій „золотой банкъ“ донынѣ продолжаетъ быть особымъ отдѣломъ дворянскаго банка. Правда, на этотъ разъ дѣло не соединялось

съ вопросомъ объ ускореніи паденія одного министра для замѣны его другимъ, пріобрѣтающимъ, гдѣ надобно, силу.

Итакъ, на мѣсто Бунге сталъ Вышнеградскій. При полномъ несходствѣ ихъ личностей, эта перемѣна не могла не отразиться на всей физіономіи министерства.

Для крестьянскаго банка описанная перемѣна, конечно, была очень ощутительна. Изъ предмета особой участливости онъ сталъ едва замѣчаемымъ учрежденіемъ, которое терпится потому, что уже создано и существуетъ, но интересоваться которымъ почти не стоитъ. Это обозначалось уже тѣмъ, что большую часть докладовъ по банку Вышнеградскій предоставилъ своему товарищу, Тернеру, рѣдко принимая ихъ самъ. Къ тому же, въ банкѣ, какъ и вообще въ министерствѣ, распространены были ожиданія не только измѣненій въ политикѣ, но и личныхъ перемѣнъ, такъ какъ, помимо обычности подобнаго явленія при смѣнѣ министровъ, извѣстно было, что къ людямъ, пользовавшимся расположеніемъ Бунге, Вышнеградскій относится совсѣмъ иначе и расположенъ къ другому подбору лицъ, причемъ въ своихъ кандидатахъ у него недостатка не будетъ. Все это вызывало въ нашей средѣ хронически-удрученное состояніе. Исчезала бодрость духа, инціатива теряла энергію, дѣла наши шли по инерціи, по заведенному прежде порядку, въ тревожномъ ожиданіи будущаго, и вообще наступила для насъ сѣрая, тоскливая пора.

Однако Вышнеградскій, больше всего занявшійся новыми налогами для подтягиванія бюджетнаго баланса, конверсіями, введеніемъ новой желѣзнодорожной и биржевой политики и т. д., съ личными перемѣнами не торопился, обнаруживая въ этомъ нѣкоторую выдержку, и приступилъ къ нимъ уже въ концѣ года. Началъ онъ со смѣщенія директора департамента окладныхъ сборовъ А. А. Рихтера—искреннѣйшаго и благороднаго дѣятеля съ большими заслугами по податной реформѣ. Пошли и нѣкоторыя другія перемѣны, стали наплывать въ министерство желѣзнодорожники, служившіе прежде подъ началомъ Вышнеградскаго на юго-западныхъ дорогахъ и представившіе новый типъ и т. под. Но до крестьянскаго банка,—можетъ быть, вслѣдствіе меньшаго въ первое время вниманія къ нему,—очередь не доходила въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ. Объ этомъ времени и распространяться здѣсь не стану. Проходило оно для насъ въ обычной работѣ, не представляя чего-либо особенно выдающагося; мы, по возможности, поддерживали свои традиціи, хотя съ меньшимъ

успѣхомъ, и подозрительно относясь къ каждому завтрашнему дню. Въ это время тяжелое впечатлѣніе произвела у насъ еще и личная потеря. Въ концѣ 1888 года скончался нашъ товарищъ Храповицкій—одинъ изъ членовъ первоначальнаго состава совѣта банка (Пасхаловъ ушелъ еще раньше), шесть лѣтъ искренно, съ увлеченіемъ и неутомимо принимавшій участіе въ работахъ по организаціи и веденію дѣлъ крестьянскаго банка.

Наконецъ, очередь дошла и до насъ. Хотя и прежде появлялись не совсѣмъ опредѣленныя вѣсти о неудовольствіяхъ противъ крестьянскаго банка и его сосѣда—дворянскаго—со стороны разныхъ землевладѣльцевъ, между которыми были и вліятельные, и просто такіе, которыхъ голосъ доходилъ до извѣстныхъ сферъ,—причемъ на крестьянскій преимущественно жаловались за ограниченіе продажныхъ земельныхъ цѣнъ,—хотя иные говорили, что накопленіе подобныхъ неудовольствій способно разразиться большими непріятностями,—но такъ какъ и чувство опасливости отъ затяжки времени притупляется, то при отсутствіи явныхъ тревожныхъ симптомовъ нѣсколько ослабла у насъ острота ожиданій. Среди такого положенія пришелъ 1889 годъ. Начался онъ съ полнымъ наружнымъ спокойствіемъ. Управляющій банками Картавцевъ, въ началѣ этого года, уѣхалъ въ продолжительный отпускъ заграницу, и вслѣдствіе того мнѣ пришлось управлять крестьянскимъ банкомъ около трехъ мѣсяцевъ. Все это время мнѣ приходилось быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Вышнеградскимъ, часто являясь къ нему съ личными докладами; разговоры при этомъ бывали сухіе, не очень продолжительные, но доклады проходили совершенно благополучно и не замѣчалось никакихъ признаковъ неудовольствій или какихъ-либо неодобреній. А когда Картавцевъ вернулся, самъ я уѣхалъ по обычаю въ южныя губерніи и, разъѣзжая тамъ, не имѣлъ даже подозрѣній о приближающихся перемѣнахъ. Но тутъ-то и готовился непріятный сюрпризъ. Около половины августа, возвращаясь изъ своей экспедиціи, какъ только я вышелъ изъ вагона на петербургскій вокзалъ николаевской дороги,—тутъ встрѣтилъ меня одинъ изъ членовъ совѣта съ извѣстіемъ, что Картавцевъ совершенно неожиданно уволенъ отъ службы. За день или за два до того, Вышнеградскій, вернувшись со всеподданнѣйшаго доклада, вызвалъ къ себѣ Картавцева и объявилъ ему, что онъ долженъ немедленно подать прошеніе объ отставкѣ. Отъ всякихъ объясненій о причинахъ Вышнеградскій отказался. Эти причины такъ и оставались загадкою. Говорили, будто тутъ отразились неудовольствія нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, не удовлетворен-

ныхъ по дворянскому банку, но вполнѣ вѣрнаго никто ничего не высказывалъ.

На мѣсто Картавцева, управляющимъ обоими банками назначенъ былъ гр. Голенищевъ-Кутузовъ, чѣмъ закрѣпилась казавшаяся до того лишь случайною личною уніею роковая связь управленій такихъ разнозадачныхъ учрежденій, какъ дворянскій и крестьянскій банки. Въ крестьянскомъ изъ первоначальнаго состава совѣта остался я одинъ.

Завелись новые порядки. Дѣла стали напрасно задерживаться изъ за сомнѣній — слѣдуетъ ли чѣмъ-нибудь измѣнить заключеніе совѣта, или не слѣдуетъ. Рѣшительно стало отвергаться ограниченіе продажныхъ земельныхъ цѣнъ, чѣмъ открывался просторъ прогрессивному росту ихъ съ увеличеніемъ крестьянскихъ доплатъ къ ссудамъ и полагалось начало той игрѣ въ повышеніе цѣнъ, въ которой потомъ до такихъ „блистательныхъ" результатовъ доигрались какъ крестьянскій, такъ и дворянскій банки. Усиливалась поддержка интересовъ продавцовъ за счетъ крестьянскихъ, устранялось преимущественное оказаніе помощи малоземельнымъ предъ болѣе сытыми землею, чѣмъ дѣятельность банка приближаема была къ безцвѣтной кредитной операціи и т. под. Словомъ, — противодѣйствіе оказывалось тѣмъ самымъ началамъ, которыхъ банкъ семь лѣтъ держался, стремясь къ возможному ослабленію малоземелья и предотвращенію невыгодныхъ сдѣлокъ. Отклоняясь отъ первоначальныхъ цѣлей, работа банка становилась вялѣе и безхарактернѣе. При такомъ поворотѣ усилились горячіе споры въ совѣтѣ, и мнѣ пришлось вести неустанную борьбу за банковыя традиціи, испытывая всю остроту оппозиціи, „одного въ полѣ воина" и потому почти не выходя изъ напряженнаго нервнаго состоянія. Возникали и личные непріятные эпизоды.

Но возможность въ совѣтѣ оппозиціи новому управленію признана была неудобною; не мирились съ нею обезличивающія стремленія, и противъ нея придумана была оригинальная мѣра. Министромъ испрошено было Высочайшее разрѣшеніе — предоставить управляющему обоими банками, по своему усмотрѣнію, временно переводить членовъ совѣта крестьянскаго банка въ дворянскій, а дворянскаго—въ крестьянскій. Банкамъ, такимъ образомъ, предстояло временами обмѣниваться своими членами, а практическій результатъ тутъ выходилъ такой: если, напримѣръ, въ крестьянскомъ совѣтѣ оказывается членъ, по своей неподкладистости твердо стоящій на своемъ и тѣмъ затрудняющій искомыя рѣшенія тѣхъ или другихъ дѣлъ, — перевести его на время

въ дворянскій совѣтъ, гдѣ онъ будетъ нейтрализованъ прочими, и замѣстить дворянскимъ членомъ, свободнымъ отъ оппозиціоннаго духа. Для устраненія оппозицій подобное средство, конечно, было пригодно, но помимо всего прочаго въ немъ выражалась даже принципіальная несообразность. Этимъ средствомъ обращались въ игрушку коллегіальное начало и независимость голосовъ, а члены совѣта, изъ людей, призванныхъ самостоятельно и по совѣсти охранять интересы дѣла, обращались въ безразличный привѣсокъ къ единоличнымъ тенденціямъ. Имъ выпадало положеніе мячика, произвольно перебрасываемаго съ одной стороны на другую и обратно. Впрочемъ, гдѣ ужъ тутъ было толковать о коллегіальномъ началѣ и независимости, когда само правительство помогало обходу ихъ въ пользу подбора людей для рѣшеній, въ интересахъ личнаго давленія! Мнѣ самому не довелось подвергаться объясненнымъ перебрасываніямъ, но оставшіеся послѣ моего ухода члены совѣта успѣли достаточно ихъ отвѣдать.

Въ началѣ зимы, мнѣ отъ имени министра было предложено— не пожелаю ли я перейти въ дворянскій банкъ, на мѣсто съ бо́льшимъ жалованьемъ? Такъ какъ у меня не было ни малѣйшей склонности работать для означеннаго банка, то я отвѣтилъ отрицательно, принявъ къ свѣдѣнію, что въ крестьянскомъ банкѣ меня считаютъ неудобнымъ. А немного спустя, мнѣ частнымъ образомъ сообщено было, что Вышнеградскій настроенъ ко мнѣ непріязненно,—значитъ, надо глядѣть въ оба.

Положеніе становилось невозможнымъ. Сознаніе безсилія въ отстаиваніи интересовъ дорогого дѣла, на которое затрачено нѣсколько лѣтъ заботливаго труда, перспектива играть роль объясненнаго выше „мячика“, личныя непріятныя отношенія, постоянное нервное волненіе, да еще при существованіи требованія государственнаго совѣта передѣлать крестьянскій банкъ въ смыслѣ оказыванія помощи богатымъ крестьянамъ, вмѣсто малоземельныхъ,—все это не давало мнѣ возможности выходить изъ удрученнаго состоянія. Чувствовалось, что разрушительная рука заносится на самую суть полезности крестьянскаго банка, — на то, что̀ привлекло меня къ нему. Еслибы дѣло касалось какого-нибудь другого, болѣе безразличнаго дѣла—можно бы замкнуться въ чиновничью скорлупу, ограничившись монотоннымъ исполненіемъ текущей работы; но вѣдь здѣсь дѣло шло о кровныхъ интересахъ живыхъ людей и очень часто отъ того или другого рѣшенія отдѣльнаго дѣла зависѣли или поправка, или разореніе той или другой крестьянской группы. Еслибы было какое-нибудь основаніе

видѣть въ наличномъ состояніи только кратковременный случайный эпизодъ,—можно бы пережидать; но въ этомъ состояніи ясно представлялось отраженіе тѣхъ общихъ темныхъ тучъ, которыя въ данное время нависали надъ крестьянскими интересами вообще и надъ другими внутренними вопросами. Оставаться въ банкѣ значило, такъ или иначе, обрекать себя на участіе въ томъ, что претило душѣ.

Надо было разстаться съ крестьянскимъ банкомъ. И, подыскавъ себѣ способъ выхода, въ началѣ 1890 года, я ушелъ изъ этого банка.

Банкъ пошелъ по новой дорогѣ. Трудно рождался онъ, много нужно было для фактическаго обращенія его въ спеціальное орудіе противъ опаснаго зла малоземелья — въ способъ исправленія прорѣхъ крестьянской реформы,—но сбиваться съ пути къ тому при новыхъ вѣяніяхъ было гораздо легче. И понадобилось дождаться острой аграрной смуты, чтобы спохватиться и вспомнить, чему долженъ былъ крестьянскій банкъ служить непрерывно и неуклонно.

Ѳ. Воропоновъ.

ИММИГРАЦІЯ
ВЪ
С.-А. ШТАТЫ

По новѣйшимъ даннымъ американской статистики.

С.-А. Штаты, какъ раньше, такъ и теперь, служатъ притягательнымъ центромъ для всей европейской эмиграціи. Главный потокъ ея направляется въ эту страну, которая если и не течетъ молокомъ и медомъ, то во всякомъ случаѣ отличается необычайно высокими заработками,—а по нынѣшнимъ временамъ это болѣе существенно.

И въ то время, какъ европейская эмиграціонная статистика не можетъ похвалиться своей точностью, дѣло регистраціи иммигрантовъ въ С.-Штатахъ поставлено въ высшей степени удовлетворительно. Благодаря именно этому, и можно на основаніи данныхъ американской статистики установить черты развитія этого соціальнаго явленія и отмѣтить характерныя измѣненія, происшедшія въ немъ въ наше время. Послѣдній отчетъ объ иммиграціи въ С.-Штаты содержитъ въ себѣ богатый матеріалъ по интересующему насъ вопросу [1]).

Особый интересъ данныя американской статистики представляютъ для насъ еще и потому, что въ Россіи въ самые послѣдніе годы эмиграціонное движеніе приняло колоссальные раз-

---

[1]) Annual report of the Commissioner general of Immigration to the secretary of Commerce and Labour. Washington, 1904.

мѣры. Теперь наше отечество справедливо занимаетъ мѣсто въ ряду странъ, отличающихся особенной интенсивностью эмиграціи.

Цифровой матеріалъ разработанъ въ американскомъ отчетѣ образцово. Кажется, отъ составителей не ускользнуло ни одно сколько-нибудь важное обстоятельство въ иммиграціонномъ движеніи. Отчетъ обильно снабженъ прекрасными діаграммами, картограммами и политипажами.

Правда, нѣкоторымъ картограммамъ можно поставить въ упрекъ слишкомъ уже большую детальность. Разсмотрѣніе ихъ требуетъ отъ читателя напряженнаго вниманія, что объясняется обиліемъ красокъ и сложностью фигуръ.

Общее число иммигрантовъ въ С.-А. Штаты равнялось:

въ 1903 г.	857.046	чел.
„ 1904 „	812.870	„
„ 1905 „	1.026.000	„

(Послѣдняя цифра взята нами изъ телеграфнаго сообщенія изъ Вашингтона. „Прав. Вѣстникъ“, № 253, 1905 г.).

Раньше, особенно интенсивная иммиграція въ Сѣв.-Амер. Штаты наблюдалась въ десятилѣтіе съ 1881 г. по 1890, но и тогда она не превышала, въ среднемъ, ежегодно 524 тыс. чел. Въ слѣдующее десятилѣтіе потокъ иммиграціи замѣтно ослабѣлъ, не превышая, въ среднемъ, въ годъ 386 тыс. Съ началомъ двадцатаго вѣка иммиграція опять поднялась до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ никогда раньше,—такъ что переживаемое нами десятилѣтіе будетъ выдѣляться своими грандіозными размѣрами иммиграціи въ С.-Штаты.

Переселенческое движеніе направляется преимущественно чрезъ портъ Нью-Іоркъ. Въ 1903 г. чрезъ него прошло 73% всей иммиграціи, а въ 1904 г.—75%. Изъ другихъ американскихъ портовъ приходилось на Бостонъ—7%, Балтимору—6%, Филафельфію—3% и т. д.

Иммигранты въ С.-Штаты такъ распредѣлялись въ 1904 г. по странамъ ихъ происхожденія:

итальянцевъ	196.228	чел.
евреевъ	106.236	„
нѣмцевъ	74.790	„
поляковъ	67.757	„

скандинавовъ	61.029	чел.
англичанъ	41.479	„
ирландцевъ.	37.076	„
словаковъ	27.940	„
мадьяръ	23.883	„
хорватовъ и словенцевъ . . .	21.242	„
японцевъ	14.382	„
литовцевъ	12.780	„
грековъ	12.625	„
чеховъ	11.911	„
шотландцевъ	11.483	„
французовъ.	11.557	„
финляндцевъ	10.157	„
др. національностей	70.515	„

Если мы обратимъ вниманіе на географическое распредѣленіе очаговъ эмиграціи въ Европѣ, то можемъ замѣтить, что центръ эмиграціоннаго движенія передвинулся съ запада на востокъ и югъ Европы. Въ разсматриваемомъ году одни славяне дали С.-Штатамъ 272.396 иммигрантовъ, затѣмъ итальянцы около 200 тыс.,—слѣдовательно, на долю этихъ двухъ національностей приходится больше половины всей иммиграціи въ Америку; между тѣмъ въ предшествующія десятилѣтія наибольшее число эмигрантовъ давали Ирландія, Англія и Германія. Теперь открылись новые источники эмиграціи, и кто можетъ предугадать, съ какой могучей силой они развернутся, быть можетъ, даже въ недалекомъ будущемъ. Волна эмиграціи докатилась и до тѣхъ странъ и народовъ, которые еще такъ недавно отличались косностью и неподвижностью.

Не было допущено на территорію С.-Штатовъ на основаніи послѣднихъ законоположеній 7.994 чел. Изъ нихъ 6% пауперовъ, 19% больныхъ заразными болѣзнями и столько же процентовъ законтрактованныхъ рабочихъ. По „Contract labour act“ 1884—85 г. запрещается письменное и словесное заключеніе договоровъ между рабочими и предпринимателями до высадки первыхъ на территорію С.-Штатовъ. Рабочіе, законтрактованные до высадки, не допускаются на территорію. Этотъ актъ, принятый подъ вліяніемъ агитаціи „рыцарей труда“, имѣлъ своей цѣлью, хотя нѣсколько, защитить туземныхъ рабочихъ отъ непосильной конкурренціи иностранцевъ.

Среди недопущенныхъ къ высадкѣ больше всего итальянцевъ, евреевъ и поляковъ. Число недопущенныхъ на террито-

рію С.-Штатовъ замѣтно увеличилось съ 1903 г.; въ этомъ году всѣ отдѣльныя постановленія, касающіяся иммиграціи, были консолидированы въ особомъ актѣ 3-го марта. Были введены нѣкоторыя измѣненія въ процедурѣ осмотра иммигрантовъ и усилены наказанія за нарушеніе ихъ. До 1903 г., въ среднемъ, ежегодно не допускалось къ высадкѣ не больше 2—3 тыс., а въ послѣдніе два года—по 8 тыс.

По отдѣльнымъ мѣсяцамъ больше всего иммигрируютъ въ маѣ, апрѣлѣ, мартѣ и іюнѣ; вторая волна иммиграціи, хотя и болѣе слабая, приходится на осенніе мѣсяцы, сентябрь и октябрь. Минимальная иммиграція наблюдается въ январѣ и февралѣ.

Такое распредѣленіе иммиграціи по отдѣльнымъ мѣсяцамъ года вполнѣ естественно. Весной, съ одной стороны, болѣе удобно морское путешествіе, а съ другой, въ это время года легче можно просуществовать въ чужой, незнакомой странѣ. Къ осени оканчиваются сельско-хозяйственныя работы, и крестьянинъ имѣетъ полную возможность, реализировавъ свой доходъ, отправиться въ морское путешествіе.

Кстати сказать, иммигранты прибываютъ въ Соединенные-Штаты далеко не съ пустыми руками. По даннымъ отчета, сумма денегъ, показанныхъ переселенцами, равнялась почти 21 милл. шиллинговъ, т.-е. свыше 10 милл. рублей.

О ростѣ иммиграціи въ Соединенные-Штаты изъ Россіи, включая и Финляндію, можно составить представленіе на основаніи слѣдующихъ цифръ:

Въ 1860 г. переселилось изъ Россіи въ Америку .	156 чел.
„ 1870 „ „ „ „ „ . .	1.130 „
„ 1880 „ „ „ „ „ . .	7.191 „
„ 1890 „ „ „ „ „ . .	35.598 „
„ 1900 „ „ „ „ „ . .	90.787 „
„ 1904 „ „ „ „ „ . .	145.141 „
„ 1905 „ „ „ „ „ . .	184.682 „

Всего Россія дала Соединеннымъ-Штатамъ иммигрантовъ съ 1820 г.—1.452.414 чел.

Эти цифры указываютъ прямо на сказочный ростъ русской эмиграціи. Еще въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ она была незначительна, и поэтому ее можно было игнорировать. Но уже къ концу XIX столѣтія цифра иммигрантовъ достигла

громадныхъ размѣровъ, которые съ каждымъ годомъ ростутъ и будутъ рости. Съ восьмидесятаго года по 1900 г., наша иммиграція возросла болѣе чѣмъ въ 12 разъ. Въ послѣднее пятилѣтіе, прямо на нашихъ глазахъ, она удвоилась.

Русская иммиграція такъ распредѣлялась между отдѣльными народностями:

	1900 г.	1904 г.
евреевъ	37.011 чел.	77.544 чел.
поляковъ	32.797 „	32.577 „
финновъ	12.515 „	10.077 „
нѣмцевъ.	5.349 „	7.128 „
русскихъ	1.165 „	3.907 „
литовцевъ	—	12.707 „
скандинавовъ	—	871 „

Центръ тяжести нашей эмиграціи лежитъ въ переселенческомъ движеніи среди инородцевъ. На коренное русское населеніе приходился въ 1904 г. всего лишь незначительный процентъ—2%, на долю евреевъ—53%, на долю поляковъ—23%, литовцевъ—8%, финновъ—7%, нѣмцевъ—5%. Сравнительно съ 1900 г. особенно возросла эмиграція среди еврейскаго населенія, увеличившись за три года болѣе, чѣмъ въ два раза; увеличилось въ такой же пропорціи и число русскихъ эмигрантовъ [1]).

Второе мѣсто по размѣрамъ эмиграціи занимаютъ у насъ поляки. Въ 1904 г. большое участіе въ нашей эмиграціи принимали и литовцы.

Для того, чтобы опредѣлить интенсивность эмиграціоннаго движенія среди отдѣльныхъ инородческихъ группъ, вычислимъ пропорцію эмигрантовъ на тысячу.

На 1.000 человѣкъ эмигрировало изъ Россіи въ Соединенные-Штаты: евреевъ—15, въ 1905 г.—18; литовцевъ—10, поляковъ, нѣмцевъ, финновъ по—4. Слѣдовательно, и по относительнымъ размѣрамъ эмиграціи первое мѣсто принадлежитъ евреямъ, а затѣмъ уже идутъ литовцы. Для параллели укажемъ относительную интенсивность эмиграціи въ другихъ европейскихъ странахъ за 1904 г. Въ Норвегіи на 1.000 чел. эмигрировало—10, въ Ирландіи—8, Италіи—6, Швеціи—5, Германіи—0,7. Изъ

[1]) По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Соединенные-Штаты въ 1905 году эмигрировало изъ Россіи 184.682 чел., въ томъ числѣ 92.388 евреевъ.

этого сопоставленія видно, что наши евреи занимаютъ первое мѣсто по силѣ эмиграціоннаго движенія среди всѣхъ европейскихъ народовъ; въ ровень съ ними не могутъ быть поставлены даже шведы и ирландцы, издавна отличавшіеся сильнымъ эмиграціоннымъ движеніемъ. Литовцы также даютъ высокую пропорцію эмигрантовъ. Что касается поляковъ, нѣмцевъ и финновъ, то они отличаются средней для Европы интенсивностью эмиграціоннаго движенія.

Среди еврейскаго населенія эмиграція приняла столь значительные размѣры, что почти поглощаетъ весь естественный приростъ его. Если эмиграція будетъ идти такимъ же темпомъ и дальше, то, безъ сомнѣнія, мы будемъ наблюдать убыль въ Россіи еврейскаго населенія,—нѣчто подобное тому, что наблюдалось въ Ирландіи. Съ такой силой эмиграція не проявлялась ни въ одной странѣ въ эпохи наибольшаго эмиграціоннаго возбужденія, исключая, конечно, одной Ирландіи, гдѣ, напримѣръ, въ началѣ 80-хъ годовъ эмиграція достигла 16 чел. pro mille.

Для полноты статистической картины иммиграціоннаго движенія въ Сѣверо-Американскіе Штаты, необходимо разсмотрѣть распредѣленіе иммигрантовъ по полу, возрасту и занятіямъ.

Въ 1903 г. на долю мужчинъ приходилось 72%, а въ 1904 г.—67%. Среди отдѣльныхъ народностей замѣчаются существенныя отклоненія отъ этихъ цифръ.

Высокій процентъ женщинъ даютъ ирландцы—60%, финляндцы—45%, нѣмцы—41%, скандинавы—40%, евреи—39%, поляки—34%, литовцы—30%, русскіе—24%, итальянцы—22. Только въ одной Ирландіи наблюдается перевѣсъ женской эмиграціи, какъ исключеніе изъ общаго правила. Это явленіе обратило на себя вниманіе ученыхъ изслѣдователей. Извѣстный статистикъ Г. Майръ объясняетъ его тѣмъ, что изъ Ирландіи многіе переселяются семьями. Новѣйшія статистическія данныя показали несостоятельность такого объясненія. Въ ирландской эмиграціи преобладаютъ одиночки, на семейную же эмиграцію приходится не больше 10—12%. Болѣе вѣрное объясненіе этого факта даетъ Майо-Смитъ. Высокій процентъ женщинъ онъ объясняетъ тѣмъ, что изъ Ирландіи эмигрируетъ много женской прислуги, на которую въ С.-Штатахъ предъявляется большой спросъ. Косвенное подтвержденіе этому мы находимъ въ распредѣленіи эмигрантовъ по занятіямъ: на женскую прислугу изъ Ирландіи приходится около 80%.

Любопытно, что подобный перевѣсъ женщинъ явленіе недавняго прошлаго; до начала восьмидесятыхъ годовъ перевѣсъ

былъ на сторонѣ мужчинъ. Кстати сказать, и въ отношенiи Германiи наблюдается тенденцiя къ возрастанiю женской эмиграцiи за счетъ мужской. Очень можетъ быть, что въ этомъ нужно видѣть общую тенденцiю для современнаго эмиграцiоннаго движенiя.

Дѣтей ниже 14 лѣтъ среди всѣхъ иммигрантовъ было 13%; въ возрастѣ свыше 45 лѣтъ—5%; таким образомъ, болѣе 4/5 иммигрантовъ приходится на самый продуктивный возрастъ—отъ 14 до 45 лѣтъ.

Иммигранты отдѣльныхъ народностей такъ распредѣляются по возрасту:

	ниже 14 л.:	45 и выше лѣтъ.
евреи	22%	5%
нѣмцы	17 „	8 „
англичане	14 „	14 „
финляндцы	15 „	3 „
скандинавы	13 „	5 „
итальянцы	13 „	5 „
поляки	12 „	3 „
литовцы	10 „	1 „
русскiе	11 „	4 „
хорваты и словенцы	6 „	3 „

Наиболѣе высокiй процентъ дѣтей даютъ евреи, а стариковъ—англичане. Среди народовъ юга и востока Европы наблюдаются минимальные проценты дѣтей и стариковъ. Отсюда идутъ въ страну долларовъ преимущественно люди молодые, полные силъ и надеждъ.

По занятiямъ иммигранты въ С.-Штатахъ распредѣлялись такъ въ процентныхъ величинахъ: на либеральныя профессiи приходилось всего лишь 2%. Больше всего даютъ иммигрантовъ либеральныхъ профессiй англичане и нѣмцы. Ремесленниковъ и квалифицированныхъ рабочихъ было 25%, простыхъ рабочихъ — 72%. Такимъ образомъ, основное ядро иммигрантовъ составляли чернорабочiе. Иммигранты изъ Россiи распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	либер. профессiи	ремесленники и квал. раб.	простые рабочiе
евреи	1%	66%	32%
поляки	0,2 „	7 „	92 „
литовцы	0,1 „	8 „	91 „

финляндцы	0,7 „	11 „	88 „
русскіе	3 „	17 „	78 „

Максимальный процентъ иммигрантовъ либеральныхъ профессій даютъ русскіе, евреи же даютъ больше всего ремесленниковъ, литовцы и поляки—простыхъ рабочихъ.

Неграмотныхъ среди иммигрантовъ въ С.-Штаты было 25%.

Среди иммигрантовъ изъ Россіи процентъ неграмотныхъ равнялся 27%, изъ Австро-Венгріи—25%; итальянскіе иммигранты давали максимумъ неграмотныхъ—47%.

Среди отдѣльныхъ нашихъ народностей процентъ неграмотныхъ значительно колебался: больше всего неграмотныхъ иммигрантовъ среди литовцевъ—54%, затѣмъ идутъ поляки—36%, русскіе — 26%, евреи — 23%; минимальный процентъ даютъ нѣмцы—4% и финляндцы—1%.

Иммиграція въ С.-Штаты преимущественно направляется въ сѣверный атлантическій округъ—67%—и въ сѣверный центральный—22%. Изъ отдѣльныхъ штатовъ больше всего иммигрантовъ осѣдаетъ въ штатѣ Нью-Іоркѣ — 32%—и Пенсильваніи — 18%.

Вопросъ объ иммиграціи имѣетъ первостепенное значеніе для Соед.-Штатовъ; въ цѣляхъ регулированія этого движенія ими принимаются тѣ и другія мѣры. Между прочимъ, въ прошлогоднемъ посланіи президента Рузевельта къ конгрессу излагаются нѣкоторыя desiderata американской иммиграціонной политики. Основной ихъ мотивъ—оградить Америку отъ наплыва въ нее нежелательныхъ элементовъ. Въ частности президентъ высказывается въ такомъ духѣ: „при допущеніи иммигрантовъ слѣдуетъ обращать вниманіе на ихъ нравственныя качества. Не слѣдуетъ руководствоваться соображеніями національныхъ или религіозныхъ различій, но нельзя допускать анархистовъ и людей, исповѣдующихъ анархистскія ученія, лицъ завѣдомо порочныхъ, неспособныхъ къ труду“ и пр. Подобныя слова въ устахъ руководителя государственной политики звучатъ нѣсколько наивно. Гдѣ найти критерій для оцѣнки нравственной порядочности иммигрантовъ? Нельзя же залѣзть имъ въ душу. Опредѣлять на основаніи внѣшнихъ признаковъ нравственный уровень иммигрантовъ—это значило бы дать мѣсто ничѣмъ не оправдываемому произволу.

Заслуживаетъ полнаго вниманія мысль президента о томъ, чтобы вопросъ объ иммиграціи передать на обсужденіе международной конференціи. Безъ сомнѣнія, эмиграціонный вопросъ

существенно затрагиваетъ интересы многихъ государствъ, и всѣ они такъ или иначе заинтересованы въ его разрѣшеніи.

Въ Россіи эмиграціонный вопросъ, несмотря на значительные размѣры нашего переселенческаго движенія, еще не былъ поставленъ на очередь. Помимо громаднаго экономическаго, соціальнаго и политическаго значенія эмиграціи, даже изъ одного чувства гуманности необходимо поставить ее подъ контроль государства. Думается, что наши народные представители должны разрѣшить и эту весьма важную проблему государственной политики. Иниціатива въ этомъ случаѣ должна идти со стороны представителей тѣхъ губерній, гдѣ особенно сильно проявляется эмиграціонное движеніе.

Принципы для рѣшенія эмиграціоннаго вопроса даны въ богатомъ западно-европейскомъ опытѣ. Можно указать два типа эмиграціоннаго законодательства — нѣмецкій и итальянскій. Въ первомъ сказывается бюрократическій принципъ и отсутствіе спеціализаціи органовъ; наоборотъ, во второмъ—проведенъ принципъ спеціализаціи эмиграціоннаго управленія, и къ широкому участію въ немъ привлечены мѣстныя, общественныя силы. Различаются они и по внутреннему принципу: германское законодательство, помимо защиты интересовъ эмигрантовъ, преслѣдуетъ еще и затаенную цѣль — сохраненіе среди нихъ нѣмецкой національности и направленіе переселенческаго движенія во благо отечества,—иначе говоря, помимо цѣлей эмиграціи оно преслѣдуетъ и цѣли колонизаціи. Напротивъ, итальянское законодательство исключительно имѣетъ въ виду защиту интересовъ эмигрантовъ. Можно указать только два постановленія, гдѣ помимо защиты интересовъ иммигрантовъ преслѣдуются и государственныя цѣли. Первое и главное — эмиграція допускается только чрезъ національные порты; второе — иностранные предприниматели платятъ большій налогъ. По организаціи эмиграціоннаго управленія и эмиграціоннаго судоустройства и судопроизводства, по всесторонней защитѣ интересовъ эмигрантовъ — итальянское законодательство слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, признать наиболѣе совершеннымъ изъ всѣхъ современныхъ эмиграціонныхъ законодательствъ.

Для Россіи ни тотъ, ни другой типъ въ его чистомъ видѣ не подходитъ. Необходимо, при выработкѣ эмиграціоннаго законодательства, принять во вниманіе мѣстныя условія. Въ частности, особенно серьезное вниманіе нужно обратить на эмиграціонныхъ

агентовъ, которые, въ виду отдаленности многихъ русскихъ губерній отъ моря съ одной стороны, а съ другой—въ виду низкаго культурнаго уровня населенія, играютъ у насъ большую роль. Ихъ необходимо поставить подъ строгій контроль. Агентскими записями можно было бы пользоваться, какъ матеріаломъ для статистическаго изученія нашего переселенческаго движенія, какъ это, напримѣръ, и дѣлается въ Швейцаріи.

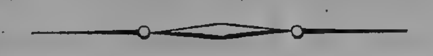
Затѣмъ, настоятельно необходимо открыть спеціально русскую эмигрантскую линію въ одномъ изъ нашихъ портовъ,—скажемъ, напримѣръ, въ Либавѣ. Это дало бы сильный толчокъ развитію торговаго флота и отечественныхъ портовъ. Средняя стоимость эмигрантскаго билета на нѣмецкихъ пароходахъ равняется 80—90 руб. Принимая русскую эмиграцію въ 200 тыс. человѣкъ [1], мы можемъ сказать, что иностранныя пароходныя компаніи зарабатываютъ съ нашихъ эмигрантовъ 16—18 милл. рублей. А сколько же денегъ наши эмигранты оставятъ въ портахъ, ожидая отплытія парохода?

Достаточно сказать, что нѣмцы давно уже оцѣнили экономическое значеніе русской эмиграціи. Въ прошломъ году „Berliner Tageblatt", предостерегая пароходныя общества отъ поощренія дѣятельности эмиграціонныхъ агентовъ, указывалъ, что если существующее положеніе дѣлъ будетъ продолжаться, тяготѣющее къ Гамбургу русское переселенческое движеніе можетъ направиться на Либаву, что тяжело отзовется на интересахъ не только гамбургскихъ пароходныхъ обществъ, но и прусскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Кстати сказать, въ итальянскомъ законодательствѣ прямо запрещается эмиграція чрезъ иностранные порты; она разрѣшается только въ исключительныхъ случаяхъ, точно указанныхъ въ законѣ.

Въ заключеніе приведемъ поучительныя слова Рошера: „Уже одно простое человѣколюбіе, не допускаетъ того, чтобы эмиграція была такъ же свободна, какъ свободенъ полетъ птицъ".

К. Г. Воблый.

[1] По даннымъ англійской статистики, изъ Россіи, въ 1904 г., прибыло въ Англію свыше 40 тыс. эмигрантовъ, а у насъ еще существуетъ эмиграція въ Ю. Америку и въ Ю. Африку.

АМЕРИКА И ЯПОНІЯ

Письмо изъ Америки.

Слишкомъ годъ тому назадъ начался въ Китаѣ бойкотъ на американскіе товары—бойкотъ вначалѣ частный, но съ теченіемъ времени сдѣлавшійся общимъ, такъ что въ настоящій моментъ американская вывозная торговля въ Китай, еще только два года тому назадъ превышавшая значительную сумму въ 30 милліоновъ долларовъ, сошла почти на нуль. Главными статьями вывоза были пшеничная мука, керосинъ и хлопчато-бумажныя издѣлія. Американская пшеничная мука медленно, но вѣрно вытѣсняла рисъ, какъ основу китайской діэты за многія прошлыя тысячелѣтія,—и этотъ вывозъ, быстро усиливавшійся, уже успѣлъ произвести цѣлую революцію на американскомъ пшеничномъ рынкѣ вообще и въ экономикѣ всего тихоокеанскаго побережья въ особенности. Пятнадцать-двадцать лѣтъ тому назадъ, съ паденіемъ цѣнъ на пшеницу на всемірномъ рынкѣ, ея производство на американскомъ тихоокеанскомъ побережьи было почти повсемѣстно оставлено, такъ какъ цѣны здѣсь стояли значительно ниже, чѣмъ на востокѣ Союза, за отдаленностью и дороговизной перевозки въ Англію, тогда главный покупной рынокъ американской пшеницы. Съ возникновеніемъ китайскаго спроса, тихоокеанское побережье опять взялось за воздѣлываніе пшеницы, сначала въ небольшихъ размѣрахъ въ наиболѣе плодородныхъ мѣстностяхъ, а затѣмъ все больше и больше, причемъ были открыты новые обширные пшеницу производящіе районы въ восточныхъ частяхъ штатовъ Вашингтона и Орегона, до тѣхъ поръ пустынныхъ, и съ теченіемъ времени были выстроены большіе мукомольные за-

воды въ городахъ Спокане, Сіэттле, Портлэнде; появился цѣлый флотъ судовъ, занятыхъ перевозкой муки въ Китай, и закипѣла новая жизнь и земледѣльческая, и промышленная, и транзитная, благодаря этому новому спросу, усиливавшемуся съ каждымъ годомъ и вызывавшему затрату огромныхъ капиталовъ. Цѣна на муку стояла довольно высокая, значительно выше цѣнъ на востокѣ Союза, и пшеничные фермеры и мукомолы побережья процвѣтали и благоденствовали. Особенно поразителенъ, даже для обще-американскихъ широкихъ и быстрыхъ размаховъ жизни, былъ ростъ города Спокана и прилегающей къ нему восточной части штата Вашингтона, сказочно быстро обратившейся изъ считавшейся долгое время никуда негодной дикой пустыни въ цвѣтущій, богатѣйшій земледѣльческій и промышленный районъ, въ которомъ привезенные въ долгъ голландскіе фермеры въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ поголовно превратились въ крупныхъ капиталистовъ. Бойкотъ сразу измѣнилъ положеніе; теперь пшеничныя цѣны здѣсь опять значительно ниже восточныхъ; большинство мукомольныхъ заводовъ было вынуждено закрыться, и благосостояніе цѣлыхъ обширныхъ районовъ кажется окончательно подорваннымъ. Бойкотъ, надъ которымъ сначала болѣе или менѣе остроумно подтрунивали, вдругъ сдѣлался серьезнѣйшимъ факторомъ, настоящимъ народнымъ бѣдствіемъ.

Когда начался бойкотъ, въ Китаѣ проживало около 6.000 американцевъ, включая женщинъ и дѣтей. Изъ нихъ около 3.000 были заняты самостоятельными торговыми дѣлами, экспортомъ и импортомъ китайскихъ и американскихъ товаровъ; 1.500 служили въ разныхъ китайскихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ, какъ профессора, инженеры, врачи и т. д., а 1.500 состояли на миссіонерской службѣ разныхъ вѣроисповѣданій [1]).

Само собой разумѣется, сейчасъ же полетѣли донесенія принципаламъ, самымъ крупнымъ дѣловымъ тузамъ американской промышленности и торговли, съ одной стороны, и разнымъ религіознымъ обществамъ и совѣтамъ. съ другой. Въ наше время успѣшная экспортная или импортная торговля требуетъ огром-

---

[1]) Въ Америкѣ глубоко укоренилось убѣжденіе, что только очень незначительная часть ея иностранныхъ миссіонеровъ занята въ дѣйствительности распространеніемъ христіанства,—большинство же ихъ только пользуется этимъ предлогомъ для болѣе успѣшнаго преслѣдованія разныхъ спекулятивныхъ цѣлей, часто прямо эксплоататорски неблаговидныхъ, и доставляетъ своей двойственной дѣятельностью немало самыхъ непріятныхъ хлопотъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ. Это въ сущности не что иное, какъ волки въ овечьей шкурѣ, беззастѣнчивые, безпринципные торгаши въ миссіонерской рясѣ.

ныхъ оборотныхъ капиталовъ, обширныхъ дѣловыхъ развѣтвленій, серьезныхъ и вліятельныхъ международныхъ связей. Вся эта, такъ неожиданно и существенно задѣтая въ своихъ прямыхъ интересахъ, коммерческая знать обрушилась на президента и министерство иностранныхъ дѣлъ. Послѣдовалъ оффиціальный запросъ китайскому правительству. Хорошо извѣстно, что Вашингтонъ, и въ теченіе, и, въ особенности, послѣ международнаго подавленія китайскаго боксерскаго возстанія, открыто мирволилъ Китаю, обезпечивая свои спеціальные коммерческіе интересы, въ будущемъ, и что поэтому онъ счелъ себя вправѣ особенно возмутиться настоящимъ бойкотомъ. Пекинъ немедленно отвѣтилъ, что оффиціально ему ничего неизвѣстно о бойкотѣ, что онъ приметъ всѣ возможныя мѣры къ его прекращенію, но что, въ то же время, онъ не можетъ признать себя отвѣтственнымъ за дѣйствія частныхъ лицъ, въ данномъ случаѣ китайскихъ купцовъ, которые, конечно, вольны покупать гдѣ и что имъ угодно. Въ то же время купцы эти, побуждаемые оставшимися безъ всякаго raison d'être резидентами, представителями американскихъ импортныхъ интересовъ, дали какъ объясненіе прекращенію своихъ заказовъ слишкомъ, якобы, строгое примѣненіе закона Гири о недопущеніи китайскихъ чернорабочихъ въ Соединенные-Штаты. Законъ этотъ дѣйствуетъ уже лѣтъ двадцать, и въ его примѣненіи на практикѣ не было и нѣтъ никакихъ перемѣнъ; тѣмъ не менѣе, Рузевельтъ приказалъ произвести строжайшее изслѣдованіе его примѣненія за послѣдніе года, которое, конечно, закончилось констатированіемъ того факта, что ни малѣйшихъ измѣненій не замѣчается. Было изслѣдовано множество отдѣльныхъ случаевъ, на которые ссылались китайскіе купцы,—якобы имѣвшихъ мѣсто въ разныхъ портахъ тихоокеанскаго побережья,—и ни въ одномъ изъ нихъ не было открыто ни малѣйшей неправильности. Сдѣлалось очевиднымъ, что дѣйствительныя причины бойкота были другія, а ссылка на примѣненіе закона Гири служила только предлогомъ для отвода глазъ [1]). Когда все вышеизложенное выяснилось, извѣстная часть прессы пыталась-было приписать бойкотъ торговымъ интригамъ и острой конкурренціи другихъ европейскихъ странъ, преимущественно Англіи и Германіи,—но тщательное изслѣдованіе того, куда пе-

[1]) Несомнѣнно, что ссылка эта была выбрана съ обычнымъ Дальнему Востоку утонченнымъ коварствомъ: въ Америкѣ хорошо извѣстно, что закону Гири и до сихъ поръ сильно оппонируютъ многіе самые могущественные у насъ капиталистическіе интересы, такъ какъ законъ этотъ былъ проведенъ исключительно по иниціативѣ и требованіямъ рабочихъ элементовъ.

решли бывшіе покупатели американскихъ товаровъ съ своими заказами, установило, что вся эта торговля, насколько возможно, перешла цѣликомъ въ руки Японіи, а что европейцы не воспользовались почти ничѣмъ. Пока шли всѣ эти пререканія и изслѣдованія, произошли извѣстные безпорядки въ Шанхаѣ, Кантонѣ и другихъ мѣстахъ, и нападенія на нѣкоторыя отдаленныя миссіонерскія станціи, причемъ нѣсколько бѣлыхъ поплатились жизнью и учинены были разгромы имущества. Измѣнился мало-по-малу тонъ и американскихъ оффиціальныхъ сообщеній, и частныхъ корреспонденцій и вѣстей изъ Китая; появились одно за другимъ указанія на то, что бойкотъ есть послѣдствіе рѣзкаго измѣненія китайцевъ къ иноземцамъ вообще, что Китай просыпается, что доктрина „Азія для азіатовъ" все болѣе и болѣе овладѣваетъ въ немъ умами. Бойкотъ же тѣмъ временемъ все усиливался и распространялся, такъ что многіе американскіе экспортные торговые дома нашлись вынужденными закрыть въ Китаѣ свои конторы и отозвать своихъ представителей. Особенно неудовлетворительны послѣднія извѣстія изъ Манчжуріи. Портъ-Артуръ совершенно закрытъ для какой-либо иностранной торговли, кромѣ японской, а въ Нью-Чвангѣ, Антунгѣ, Мукденѣ и другихъ коммерческихъ центрахъ оффиціальная и неоффиціальная Японія не останавливаются ни передъ чѣмъ, дабы уничтожить всякую иностранную конкурренцію, въ томъ числѣ, конечно, и американскую. Оказывается, что откровеннѣйшая протекціонистская торговая политика Россіи была несравненно безвреднѣе пресловутыхъ „открытыхъ дверей" Японіи. Эти „открытыя двери" совершенно замкнулись, и, для Америки, напр., уже успѣли сдѣлаться непроницаемыми относительно всего Дальняго Востока. Пресса наша въ теченіе послѣдняго полугода полна „восточнымъ вопросомъ" и извѣстіями изъ Китая, Японіи и Кореи, болѣе или менѣе сенсаціонными въ смыслѣ неизбѣжности скораго, быстраго столкновенія на почвѣ принципа „Азія для азіатовъ". Конечно, всѣ коммерческіе интересы вообще чрезвычайно трусливы, и часто дѣлаютъ изъ мухи слона, какъ только почему-либо урѣзаются ихъ барыши, — а въ данномъ случаѣ бойкотъ несомнѣнно является главной причиной всѣхъ этихъ страховъ; — тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію и то, что и вашингтонское правительство, и всѣ американскія оффиціальныя сферы относятся къ положенію дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ съ большими опасеніями. Хотя Филиппинскіе острова давно оффиціально умиротворены, и военный министръ Тафтъ, и генералъ-губернаторъ Райтъ, и недавно ихъ посѣтившая спеціальная конгрессіональная

коммиссія единогласны въ томъ, что прошлой осенью войскъ тамъ было больше чѣмъ достаточно,—за послѣдніе три мѣсяца туда съ лихорадочной поспѣшностью отправляются и новыя войска, и огромное количество разнообразнѣйшихъ военныхъ припасовъ. Сданные-было по окончаніи испанской войны и филиппинскаго возстанія въ архивъ въ гаваняхъ Санъ-Франциско и Пюджетъ-Соунди военные транспорты всѣ приведены въ порядокъ, и везутъ теперь въ Маниллу одинъ за другимъ все новые полки, возвращаясь обратно пустыми. До 14.000 пѣхоты, кавалеріи и полевой артиллеріи уже отправлены или готовы къ отправленію; туда же только-что уѣхали считающіеся лучшими нашими боевыми генералами Бэтсъ и Уитонъ. И все свѣжія и свѣжія войска прибываютъ въ Санъ-Франциско для отправки туда же. Не отстаютъ отъ сухопутныхъ и военно-морскія приготовленія. Въ Маниллу отправленъ черезъ Суэцкій каналъ огромный пловучій докъ; туда же направлены съ разныхъ морскихъ станцій многія наиболѣе могущественныя военныя суда. На оффиціальные запросы по поводу этой военной лихорадки правительство неизмѣнно отвѣчаетъ „опасеніями за положеніе дѣлъ въ Китаѣ". Американскимъ посланникомъ въ Пекинѣ теперь состоитъ нѣкто Рокгиллъ, прожившій въ разныхъ мѣстностяхъ Китая много лѣтъ въ разныхъ качествахъ и считающійся у насъ однимъ изъ немногихъ серьезныхъ знатоковъ дальне-восточной психологіи. Несомнѣнно, конечно, что всѣ эти огромныя по нашимъ порядкамъ военныя приготовленія идутъ по его совѣтамъ, и что, слѣдовательно, и онъ, и администрація считаютъ положеніе дѣлъ дѣйствительно опаснымъ и даже острымъ. Есть всяческія основанія думать, что настоящее китайское движеніе—и анти-правительственное вообще, и анти-династическое въ особенности, слѣдовательно—и чисто внутреннее, и анти-христіанское и анти-чужеземное въ то же время. Что̀ составляетъ главный факторъ, и какое именно всѣ они имѣютъ между собою соотношеніе и какъ они взаимодѣйствуютъ — сказать очень трудно; но вѣроятно, что американскій бойкотъ—не что̀ иное, какъ случайное внѣшнее проявленіе этого движенія, которое, по всѣмъ видимостямъ, будетъ принимать ту или другую форму, смотря по обстоятельствамъ, и, надо полагать, будетъ рости съ теченіемъ времени, пока не дойдетъ до кризиса. Въ то же время, всѣ частные источники свѣдѣній объ этомъ движеніи указываютъ на то, что позади этого всеобщаго китайскаго недовольства, дѣлающагося все болѣе и болѣе осязательнымъ, стоитъ во всеоружіи Японія съ ея тайнымъ, но напряженнымъ стремленіемъ

къ политической, промышленной и торговой гегемоніи надъ всѣмъ Дальнимъ Востокомъ, и что китайское возбужденіе и началось, и усиливается, и реагируетъ именно въ томъ направленіи, которое предписывалось и будетъ предписываться эгоистичными японскими интересами. А все положеніе дѣлъ въ міровой политикѣ существенно измѣнилось со времени боксерскаго возстанія 1900 года: — общій концертъ всѣхъ военныхъ державъ теперь невозможенъ, такъ какъ Англія состоитъ въ формальномъ союзѣ съ Японіей, и ея руки безнадежно связаны. Этотъ фактъ является такимъ осложненіемъ, которое исключаетъ возможность единодушнаго давленія бѣлыхъ расъ и на Китай, разъ Японія дѣйствительно тайно руководитъ имъ.

Современная Америка такъ вѣритъ въ свою мощь, неуязвимость и непобѣдимость, что преобладающій тонъ разсужденій ея прессы по поводу войны съ Китаемъ и даже Японіей вызываетъ мысль объ очень интересномъ, веселомъ пикникѣ, у котораго можетъ быть только одинъ исходъ: быстрое возстановленіе попранныхъ американскихъ коммерческихъ правъ и преимуществъ, съ приличнымъ вознагражденіемъ за убытки. Не такъ относится къ дѣлу маленькая далекая Австралія, пресса которой за послѣднее время совершенно обуяна страхомъ неизбѣжныхъ японскихъ притязаній и козней. Австралія переживаетъ очень тяжелыя времена. Она еще не успѣла даже отчасти оправиться отъ страшной многолѣтней засухи, совершенно разорившей ея еще неокрѣпшіе земледѣльческіе и въ особенности скотоводственные интересы, когда наступилъ острый политическій кризисъ, вызванный побѣдой рабочей партіи во всѣхъ колоніяхъ. Эта побѣда и послѣдовавшее за нею крутое классовое законодательство обострили и уяснили финансовую несостоятельность Австраліи, тотъ фактъ, что она живетъ за счетъ будущихъ поколѣній. Многолѣтніе эксперименты съ разными новыми общественными теоріями, производившіеся въ счетъ будущихъ благъ цѣною громадныхъ ежегодныхъ дефицитовъ, покрывающихся всецѣло тяжелыми внѣшними займами, обременили далеко еще не окрѣпшую въ хозяйственномъ отношеніи молодую страну съ очень рѣдкимъ населеніемъ совершенно непосильно ея дѣйствительнымъ рессурсамъ и производительности. Внѣшняя задолженность Австраліи per capita вообще, а нѣкоторыхъ ея частей въ особенности, чрезвычайно велика, далеко превышаетъ собою задолженность какого бы то ни было другого государства въ мірѣ и постепенно возрастаетъ, такъ какъ и проценты, и погашеніе по старымъ займамъ неизмѣнно оплачиваются новыми, а экспе-

рименты все расширяются и требуютъ все новыхъ средствъ. Большинство ея желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ многія были выстроены въ послѣдніе года только чтобы дать работу безработнымъ, далеко не оплачиваютъ высокихъ расходовъ по эксплоатаціи и ежегодно прибавляютъ новыя тяжести къ и такъ уже непосильному ярму задолженности. Японскія поползновенія на разныя отрасли австралійской промышленности и торговли начались уже сравнительно давно,—а въ послѣднее время съ такою настойчивостью и послѣдовательностью, что вызываютъ въ ея прессѣ настоящую панику. Австралія думаетъ, что, благодаря ея географическому положенію и изолированности, задолженности и рѣдкости населенія, а главное, господству рабочей партіи, невнимательной и индифферентной къ внѣшнимъ опасностямъ, она представляетъ собою въ настоящее время страну съ наименьшей способностью къ сопротивленію японскимъ притязаніямъ всякаго рода,—причемъ, кромѣ того, англо-японскій союзъ лишаетъ ее нѣкоторыхъ, наиболѣе дѣйствительныхъ путей и средствъ къ такому сопротивленію. Насколько всѣ эти страхи и предположенія основательны, мы въ Америкѣ, конечно, знаемъ только очень мало; намъ ясно, однако, то, что въ послѣднее время они составляютъ главную австралійскую злобу дня, пересиливающую даже всѣ ея внутреннія неурядицы. Несомнѣнно и то, что международные результаты печальнаго исхода русско-японской войны начинаютъ уже осязательно ощущаться въ разныхъ мѣстахъ земного шара. Американскій Союзъ уже поплатился крайне существенно: и утратой своей китайской торговли, и усиленными военными издержками. Хотя правительство еще не требовало спеціальныхъ кредитовъ, благодаря блестящему положенію нашего государственнаго казначейства,—если эти лихорадочныя военныя приготовленія будутъ продолжаться, въ непродолжительномъ времени придется прибѣгнуть и къ особымъ финансовымъ мѣрамъ. Австралія тоже говоритъ о необходимости вооруженія, и даже отчасти уже вооружается — пока медленно, но только потому, что, во-первыхъ, у нея нѣтъ денегъ, а во-вторыхъ, британская гегемонія, конечно, оказываетъ существенное сдерживающее вліяніе.

Все вышеизложенное объяснитъ читателю, почему въ нашей прессѣ произвела огромную сенсацію недавно появившаяся въ „Collier's Weekly" статья Фредерика Пальмера: „Почему Японія заключила миръ". „Collier's Weekly"—еженедѣльный иллюстрированный журналъ, превосходно обставленный во всѣхъ отношеніяхъ, очень серьезный и обстоятельный, съ огромной цирку-

ляціей и пользующійся большимъ авторитетомъ въ глазахъ нашихъ массъ. Во все теченіе войны онъ содержалъ до десятка спеціальныхъ корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ ея театра, не жалѣлъ никакихъ издержекъ, и его статьи и иллюстраціи сразу заняли первенствующее мѣсто во всей громадной журнальной литературѣ предмета, а Пальмеръ выдвинулся особенно, какъ безпристрастный и зоркій наблюдатель. Вѣроятно благодаря точности и обстоятельности своихъ свѣдѣній, „Collier's Weekly" былъ однимъ изъ очень немногихъ крупныхъ американскихъ изданій, которыя не идолопоклонствовали передъ японскими успѣхами и объясняли ихъ не изъ ряду якобы выходящимъ японскимъ военнымъ и морскимъ превосходствомъ, а преступной неподготовленностью Россіи и поразительной деморализаціей всей ея правительственной системы, отозвавшейся крайне пагубно и на ея арміи и флотѣ. Мукденъ и Цусима аналогичны съ Мецомъ и Седаномъ:—не особенное превосходство Германіи, а коренное развращеніе Франціи бонапартизмомъ было причиной результатовъ франко-прусской войны 1870—71 гг. Сущность вышеупомянутой статьи заключается въ слѣдующемъ: небольшая группа японскихъ государственныхъ людей, управлявшая политикой страны, начала войну, будучи увѣрена, что Японія будетъ въ состояніи одержать нѣсколько побѣдъ, но не сможетъ достичь существенныхъ результатовъ въ смыслѣ обезсиленія Россіи; что общественное мнѣніе всего міра относительно Дальняго Востока было искусно направляемо изъ Токіо, и съ такимъ успѣхомъ, что вскорѣ финансовые воротилы всеміряаго рынка сочли Японію непобѣдимой, и всѣ ея денежныя потребности были обезпечены за небольшіе проценты; что послѣ паденія Портъ-Артура Японія уже стремилась къ миру, но боялась заявить объ этомъ, опасаясь ободрить такимъ заявленіемъ Россію; что донесенія Ойямы о русскихъ потеряхъ въ битвѣ подъ Мукденомъ были умышленно невѣрны, и вся публицистическая кампанія для всеобщаго потребленія была руководима изъ Токіо такъ искусно, что весь свѣтъ вѣрилъ лжи Ойямы и не вѣрилъ правдѣ Линевича; что послѣ битвы подъ Мукденомъ иностранные корреспонденты, собранные въ Токіо, были умышленно введены японскимъ правительствомъ въ заблужденіе увѣреніями, что Ойяма тѣснилъ Линевича, тогда какъ въ дѣйствительности ничего подобнаго не было; что корреспондентовъ при арміи кормили недѣлю за недѣлей новостями изъ американскихъ газетъ, что Линевичъ былъ уже „охваченъ безнадежно фланговыми движеніями" Ойямы, и что ежеминутно ожидаются самыя рѣшительныя военныя новости, тогда какъ въ дѣй-

ствительности японская армія стояла на мѣстѣ и не дѣлала даже попытокъ къ наступленію на Линевича; что въ теченіе года, протекшаго послѣ битвы подъ Лаояномъ, Ойяма подвинулся впередъ всего на сто двадцать миль, и что, наконецъ, Японія опасалась, что ей не выиграть слѣдующаго генеральнаго сраженія; битва же подъ Мукденомъ была настолько же нерѣшительна, какъ и битва подъ Антіетамомъ [1]). Въ заключеніе Пальмеръ говоритъ, что хотя весь свѣтъ призналъ Японію побѣдительницей, а Россію побѣжденной, въ дѣйствительности положеніе было отнюдь не окончательно рѣшеннымъ. Японія выиграла войну, благодаря своему умѣнью устраивать свои дѣла и полной несостоятельности русскаго государственнаго и военнаго управленія. Такъ думаютъ теперь многіе въ Америкѣ.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

П. А. Тверской.

---

[1]) Антіетамъ или Шарпсбургъ—одна изъ самыхъ упорныхъ и кровопролитныхъ битвъ междоусобной войны 1861—1865 годовъ, въ которой Ли дрался въ 1862 году съ Макъ-Клелланомъ и отступилъ, причемъ, однако, и Макъ-Клелланъ былъ настолько истощенъ, что не могъ его рѣшительно преслѣдовать, такъ что битва эта не имѣла никакихъ осязательныхъ результатовъ.

НЕ РОДНОЙ СЫНЪ

Романъ Клары Фивихъ.

— Einer Mutter Sohn. Roman von Clara Viebig. Berlin. 1906.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Окончаніе.

XIII *).

Часы въ домѣ стучали страшно громко. Они звучали въ ночной тишинѣ, какъ предостерегающіе голоса. Какъ безумно быстро неслось время! Только-что былъ вечеръ, затѣмъ—полночь, а вотъ сейчасъ часы на каминѣ звонко, рѣзко и коротко пробили часъ.

Одинокая женщина, вздрогнувъ, прижала руки къ головѣ. У нея стучало въ виски, и мучительныя мысли проносились съ безумною быстротою, неудержимо и поспѣшно, подобно немолчному тиканью часовъ.

Всѣ въ домѣ спали — слуга, обѣ дѣвушки, даже мужъ ея. Она одна до сихъ поръ не спала. И внѣ дома все уже было погружено въ сонъ. Сосны неподвижно стояли вокругъ дома, и ихъ темные силуэты рѣзко вырисовывались на серебристомъ ночномъ небѣ. Ни возгласа, ни звука шаговъ, ни грохота колесъ, ни пѣсни, ни смѣха, ни собачьяго лая. Лишь нѣчто похожее на

---

*) См. выше: августъ, стр. 596.

вздохъ проносилось вокругъ бѣлой виллы съ красною крышею и зелеными ставнями.

Мать, ожидавшая сына, прислушалась: кто тамъ? Но это былъ ночной вѣтеръ, пытавшійся пошевелить вѣтви старой сосны... Кэте Шлибенъ стояла теперь у окна; она перегнулась черезъ подоконникъ. Насколько она могла видѣть—ни души не было на улицѣ. Онъ все еще не возвращался. Пробило два. Уже не въ первый разъ Кэте просиживала здѣсь, ожидая Вольфганга, но такъ онъ никогда еще не запаздывалъ. Пауль ничего не имѣлъ противъ того, чтобы предоставить ему свободу. „Душа моя,—говорилъ онъ женѣ,—ты этого не передѣлаешь. Ложись и спи, это будетъ гораздо благоразумнѣе. У юноши есть ключъ, онъ вернется цѣлъ и невредимъ. Нельзя держать его на привязи. Если станешь удерживать его, ты заставишь его возненавидѣть домъ“.

Конечно, она не думаетъ держать его на привязи. Но можетъ ли она спокойно лечь въ постель? Вѣдь она все равно не заснетъ. Гдѣ онъ можетъ быть?

Кэтъ посѣдѣла. За три года, прошедшихъ со времени конфирмаціи сына, она очень измѣнилась наружно. По мѣрѣ того какъ Вольфгангъ росъ и набирался силъ, подобно молодому деревцу, она поникала, какъ растеніе, отягченное дождемъ и готовое завянуть. Ея нѣжныя черты были тѣ же, но кожа, долго сохранявшая дѣвическую свѣжесть, поблекла, глаза потускнѣли отъ слезъ; знакомые находили большую перемѣну въ фрау Шлибенъ. Теперь, смотрясь въ зеркало, Кэтъ не краснѣла отъ удовольствія, радуясь своей моложавости; она даже не любила смотрѣться въ зеркало. Никто не зналъ, что̀ подточило ее; зналъ это лишь Пауль, но тотъ никогда не касался въ разговорѣ съ нею этого предмета. Къ чему растравлять старыя раны?

Онъ остерегался упоминать о днѣ конфирмаціи. Такъ было удобнѣе. Разумѣется, онъ въ то время пробралъ юношу, выяснилъ ему всю его неблагодарность и потребовалъ болѣе любящаго и чуткаго отношенія къ матери. И тотъ, безъ сомнѣнія раскаявшись въ своемъ порывѣ, стоялъ какъ грѣшникъ, не говоря ни слова, не поднимая глазъ. Онъ позволилъ подвести себя къ матери, которая обвила его шею обѣими руками, цѣловала и плакала надъ нимъ. И затѣмъ о прошедшемъ больше не было рѣчи.

Бѣлая вилла, утопавшая въ зелени, всѣмъ бросалась въ глаза своею уютностью. По воскресеньямъ наѣзжавшіе изъ Берлина гуляющіе останавливались у кованой рѣшетки, любуясь множе-

ствомъ цвѣтовъ, чудными розами и вьющимися растеніями; зимою они видѣли сквозь толстыя стекла оранжереи азаліи и камеліи, пестрые тюльпаны и ранніе гіацинты. Дама въ бѣломъ суконномъ платьѣ, съ волнистыми сѣдыми волосами и кроткимъ лицомъ, на которомъ мелькала грустная улыбка, гармонировала съ домомъ, съ цвѣтами, съ уютностью этого уголка. „Прелесть!"— говорили прохожіе.

Когда Вольфгангъ, будучи еще мальчикомъ, слышалъ нѣчто подобное, онъ строилъ рожи этимъ людямъ. Какое было ему дѣло до красоты сада и дома? Теперь ему льстило восхищеніе людей. Да, здѣсь дѣйствительно не дурно. Онъ сталъ это сознавать.

Кэте и Пауль никогда не придавали особой цѣны деньгамъ; они были богаты, и хорошая обстановка казалась имъ естественной; они и не подозрѣвали, что сынъ научился цѣнить богатство. Теперь, когда Вольфгангъ вспоминалъ, какъ онъ, въ мальчишеской необузданности, пренебрегалъ всѣмъ этимъ, бѣжалъ невѣдомо куда, безъ денегъ, безъ куска хлѣба—онъ насмѣшливо улыбался: до чего по-дѣтски! А когда онъ припоминалъ, что, будучи уже старше, онъ потребовалъ того, что̀ было равносильно отреченію отъ пріятной и удобной жизни, онъ качалъ головою: до чего глупо!

Теперь онъ не безъ самодовольства сравнивалъ себя съ другими. Кессельборнъ еще корпѣлъ въ школѣ,—ему предстояло изучать теологію; Леману приходилось помогать отцу при упаковкѣ и отправкѣ мебели; а у Кульриха оказалась, какъ у его матери, чахотка. Печальное наслѣдство!

Вольфгангъ полу-презрительно, полу-сострадательно улыбался, вспоминая школьныхъ товарищей. Развѣ это значитъ жить? А жизнь такъ прекрасна!

У Вольфганга было сознаніе его силы: казалось, онъ могъ бы вырывать съ корнями деревья, ломать стѣны, преграждающія ему путь. Съ его наклонностями нельзя было усидѣть на школьной скамьѣ, у него уже пробивалась бородка.

Сначала Шлибенъ намѣревался отправить сына за границу тотчасъ же по окончаніи курса, но, по совѣту стараго своего друга доктора, отложилъ это на годъ. У юноши—черезчуръ широкая натура,—лучше, чтобъ онъ былъ покуда у нихъ на глазахъ. Въ дѣтствѣ онъ перенесъ тяжелую болѣзнь, она могла отозваться отчасти на его сердцѣ... А вѣдь онъ ни въ чемъ не знаетъ удержу.

Шлибенъ былъ пораженъ.—Вы считаете его больнымъ?

— И не думалъ!—Докторъ даже разсердился.—Что за пре-

увеличеніе? Кто вамъ говоритъ о болѣзни? Нельзя только злоупотреблять здоровьемъ. А въ молодости мы всѣ не святые. Вспомните-ка наше время!

Пріятели переглянулись и разсмѣялись.

Вольфгангу подарили лошадь; онъ долженъ былъ ежедневно ѣздить верхомъ и не слишкомъ засиживаться въ конторѣ: еще успѣетъ пріобрѣсти свѣдѣнія по торговой части. Оба компаньона были въ восторгѣ отъ дышавшаго здоровьемъ юноши, который являлся въ контору съ хлыстикомъ въ рукѣ. Никто не жаловался Шлибену на сына; весь персоналъ служащихъ, люди, служившіе въ ихъ фирмѣ десять, двадцать лѣтъ,—хорошо смазанныя, безукоризненно дѣйствующія машины,—вращались вокругъ молодого человѣка, ихъ будущаго патрона. Все шло гладко.

Родителямъ часто говорили комплименты по поводу сына, и Шлибенъ въ душѣ ощущалъ при этомъ удовольствіе; а Кэте полугрустно улыбалась. Она вообще утратила способность радоваться, какъ радовалась ранѣе, держа на колѣняхъ своихъ ребенка, ставшаго теперь взрослымъ человѣкомъ. Въ теченіе одного дня, одного часа способность эта была вырвана съ корнемъ изъ ея души въ то несчастное мгновеніе, когда онъ сказалъ: „Я пойду, я буду думать о моей матери... Гдѣ-то она теперь?“ Она желала ему всего лучшаго, но она сдѣлалась равнодушнѣе: она устала. Онъ слишкомъ тяжело растопталъ ея сердце словами, тяжелѣе, чѣмъ топталъ своими маленькими, но сильными ножками ея колѣни.

Съ глубокимъ вздохомъ высунулась она изъ окна. Не было ли неслыханнымъ, непростительнымъ съ его стороны такъ поздно возвращаться домой? Развѣ онъ не зналъ, что она ждетъ его? Въ порывѣ несвойственнаго ей гнѣва она сжала руку въ кулакъ. Какъ она глупа, что ждетъ его! Ему уже восемнадцать лѣтъ,—не къ чему ждать его, какъ ребенка, впервые возвращающагося съ елки въ гостяхъ. Онъ засидѣлся съ компаніей молодежи въ какомъ-нибудь берлинскомъ кафэ.

Она топнула ногою. Отъ ея горячаго дыханія въ воздухѣ холодной весенней ночи поднимался паръ; ее лихорадило отъ безсонницы и тревоги. Она вспоминала безсонные часы, проведенные ею изъ-за него, и душа ея переполнялась горечью, ощущавшейся даже на языкѣ. Нѣтъ, она уже не чувствовала любви прошлыхъ лѣтъ. Тогда и самыя страданія изъ-за него—доставляли ей наслажденіе; теперь она ощущала глухой гнѣвъ. Почему онъ вторгся въ ея жизнь? Какою ровною, безтревожною, счастливою,—да, безконечно болѣе счастливою, чѣмъ теперь,—была

эта жизнь! Послѣ того, какъ онъ такъ разбилъ ее, можетъ ли она снова наладиться?

Нѣтъ! короткое жесткое: нѣтъ! Ей вспомнился мужъ. И его онъ отнялъ у нея. Не были ли они ранѣе однимъ существомъ? Но между ними двумя вторгся третій, и пути ихъ разошлись.

Острая боль пронизала ее; жалость къ самой себѣ вызвала слезы на ея глаза; онѣ падали горячими каплями на ея руки, державшіяся за холодный подоконникъ.

Тутъ ея плеча коснулась чья-то рука. Съ быстротою молніи она обернулась.

— Это ты? Наконецъ-то!

— Это я,—сказалъ Шлибенъ. Онъ проснулся и, не видя ея, разсердился: опять сидитъ и ждетъ мальчишку. Этакое безуміе! Отъ досады онъ не могъ заснуть; и набросивъ на себя кое-какое платье, онъ въ туфляхъ, ощупью пошелъ по дому; онъ дрожалъ отъ холода и былъ не въ духѣ. Она не только помѣшала ему спать и наживетъ себѣ на завтра мигрень, но что еще хуже—выведетъ Вольфганга изъ себя подобнымъ наблюденіемъ.

— Что тутъ дурного, еслибы онъ и запоздалъ, Кэте? Это просто смѣшно съ твоей стороны! Всѣ молодые люди покучиваютъ, и со мною это случалось, но, слава Богу, мать моя была достаточно благоразумна. Пойдемъ, Кэте, лягъ!

Она отстранилась.—Ты—другое дѣло,—сказала она, и снова повернулась къ окну.

Шлибенъ постоялъ съ минуту, подождалъ, но, видя, что она даже не оборачивается, покачалъ головою и побрелъ обратно: ее не убѣдишь. Глаза у него смыкались отъ сна и усталости, члены отяжелѣли, и несмотря на это, мысль работала ясно и опредѣленно, безъ всякихъ уклоненій, какъ это иногда бываетъ днемъ. Онъ ощущалъ потребность въ женѣ, кроткой и ласковой спутницѣ его уже немолодыхъ лѣтъ, въ женѣ, улыбка которой не была бы тѣнью улыбки, какъ у его Кэте. Но, увы, Кэте не была такою женой.

Онъ улегся со вздохомъ разочарованія и долго не могъ заснуть. Хотя бы Вольфгангъ скорѣе возвращался! Эти кутежи заходятъ слишкомъ далеко.

Забрезжило утро, когда на улицѣ показались дрожки. Онѣ остановились передъ виллою, и двое мужчинъ высадили третьяго, котораго поддерживали подъ мышки, а кучеръ съ любопытствомъ оборачивался къ нимъ:—Не помочь ли, господа?

Они прислонили товарища къ калиткѣ, дернули за звонокъ и затѣмъ, прыгнувъ въ коляску, приказали кучеру: — Пошелъ!

Звукъ колокольчика пронесся какъ тревожное, слабое дуновеніе, и Кэте его услышала, несмотря на то, что она заснула въ креслѣ. Она испуганно вскочила,—онъ отдался у нея въ ушахъ. Скорѣе къ окну! Къ рѣшеткѣ кто-то прислонился. Вольфгангъ? Да, это онъ! Но почему же онъ не входитъ? Что съ нимъ случилось? Она хотѣла позвать Фридриха, мужа, позвонить... Съ нимъ, навѣрное, что-нибудь случилось,—почему онъ не идетъ?

Онъ такъ тяжело навалился всѣмъ тѣломъ на рѣшетку... Какъ странно! Голова свѣсилась у него на грудь, шляпа съѣхала на затылокъ. Не боленъ ли онъ? Не раненъ ли злодѣями?

Ноги ея похолодѣли;—она едва дотащилась до входной двери, едва могла найти ключъ и вложить его въ отверстіе — такъ у нея дрожали руки. Случилось нѣчто ужасное, какое-нибудь несчастіе,—она это чувствовала.

Наконецъ ей удалось повернуть ключъ въ замкѣ,—она кинулась къ калиткѣ, холодный утренній воздухъ пахнулъ ей въ лицо.

— Вольфгангъ!

Онъ не отвѣчалъ, лицо его она плохо видѣла, онъ не шевелился. Мать схватила его за руку.

— Вольфгангъ! Вольфгангъ!—Въ страхѣ она принялась трясти его; онъ такъ сильно покачнулся, что едва не сбилъ ее съ ногъ, и пролепеталъ заплетающимся языкомъ:—Par... don!

Ей пришлось вести его,—отъ него сильно несло алкоголемъ; невыразимое отвращеніе, болѣе ужасное, чѣмъ тревога, охватило ее. Вотъ оно—то самое страшное, чего она ожидала. Онъ былъ пьянъ, пьянъ!

Кэте никогда не видѣла пьяныхъ вблизи. Отъ ужаса зубы у нея стучали. Какъ отвратительно, какъ грубо! Какъ низко онъ упалъ и унизилъ ее вмѣстѣ съ собою! Это уже не былъ ея сынъ,— это былъ самый обыкновенный грубый человѣкъ съ улицы, съ которымъ у нея не могло быть ничего, рѣшительно ничего общаго! Ей хотѣлось оттолкнуть его, убѣжать въ домъ, затвориться, но онъ тяжело оперся рукою объ ея плечо, словно пригибая ее къ землѣ: приходилось поневолѣ вести его. И она, внутренно возмущаясь, вела его. Она не могла отдать его на посмѣшище слугамъ, цѣлой улицѣ. Что еслибы кто-нибудь увидѣлъ его въ такомъ состояніи? Въ скоромъ времени появятся торговцы молокомъ, булочницы, рабочіе, больные, пьющіе карлсбадскую воду. Не дай Богъ, чтобы кто-нибудь заподозрилъ, до какой глубины паденія онъ дошелъ!

— Обопрись объ меня, крѣпче обопрись,—говорила она дрожащимъ голосомъ,—вотъ такъ!

Онъ былъ до того пьянъ, что у порога хотѣлъ лечь на ступени, но она подняла его, повелительно повторяя: — „Иди! иди!“ — и онъ послѣдовалъ за нею, какъ ребенокъ, „какъ собака“,—подумала она. Они уже были въ передней, и тутъ она снова стала опасаться встрѣчи со слугами. Скоро придетъ въ кожаныхъ туфляхъ Фридрихъ, спустятся внизъ дѣвушки, начнется уборка, открываніе оконъ, и свѣтъ, безжалостный дневной свѣтъ проникнетъ во всѣ уголки. Надо ввести его вверхъ по лѣстницѣ въ его комнату такъ, чтобы никто не слыхалъ. Позвать развѣ мужа? Нѣтъ, никто не долженъ видѣть его такимъ. Съ силою, какой она въ себѣ не подозрѣвала, она втащила его по ступенямъ, не переставая его уговаривать шопотомъ, но настойчиво: — „Не шуми! Тише!“ —Ей приходилось прибѣгать къ ласкѣ, иначе онъ не шелъ: — „Тише, Вольфъ, иди, мой мальчикъ, вотъ такъ! Хорошо“...

Это были муки ада. Онъ спотыкался и оступался, и при каждомъ скрипѣ ступеней она вздрагивала и страхъ парализовалъ ея члены. Слова ея звучали просьбою и вмѣстѣ съ тѣмъ—приказаніемъ. Должно быть, всѣ въ домѣ оглохли, если они не слышали этого шума. Каждый шагъ казался Кэте громовымъ раскатомъ, проникающимъ до отдаленнѣйшихъ уголковъ.

Наконецъ они достигли его комнаты.

— Слава Богу!—прошептала она, доведя его до постели.

Она была такъ же блѣдна, какъ и онъ. Лицо его казалось мертвеннымъ въ полумракѣ занимающагося утра.

Вотъ та комната, гдѣ она—какъ давно это было!—дрожала за дорогую ей жизнь ребенка. Лучше бы онъ умеръ.

Эта мысль—подобно стрѣлѣ, пущенной изъ туго-натянутаго лука,—пронизала ея смятенный мозгъ. Она сама испугалась ея безсердечности, но не могла отдѣлаться отъ нея. Здѣсь она примѣряла юношѣ его костюмъ передъ конфирмаціей. Теперь ей пришлось раздѣвать взрослаго человѣка: стаскивать съ него смокингъ, панталоны, расшнуровать ботинки, что было не легко при полной его безсознательности.

Откуда онъ? Отъ него пахло виномъ, папиросами, духами такъ сильно, что у нея захватывало дыханіе. На стѣнѣ висѣло то самое зеркало, въ которомъ она видѣла рядомъ со своимъ—смуглое лицо мальчика, упрямое и грубоватое, но такое симпатичное въ его дѣтской невинности и непосредственности. А теперь?..

Взоръ ея скользнулъ по его блѣдному, помятому лицу съ раскрытымъ ртомъ, затѣмъ она увидѣла въ зеркалѣ свои собственныя черты, искаженныя тревогою и безсонницей, утратившія всякую мягкость, жесткія и страдальческія. Она вздрогнула и

провела холодною рукою по лбу, разглаживая спутавшіяся сѣдыя пряди волосъ. Глаза ея замигали, но она подавила подступавшія слезы. Теперь не время плакать.

Съ минуту она постояла у его кровати, задерживая дыханіе; онъ крѣпко спалъ, и она на цыпочкахъ пробралась къ себѣ въ спальню. Спать она не могла, но необходимо было лечь въ постель,—иначе что̀ подумаютъ Пауль и прислуга? Надо будетъ встати умыться, одѣться, сойти къ завтраку, говорить, улыбаться, словно ничего не случилось.

Кэте чувствовала себя безнадежно одинокою; она не можетъ искать поддержки у Пауля,—онъ не пойметъ ее, онъ совсѣмъ измѣнился. Страшное опасеніе терзало ее. Что̀, если онъ... этотъ человѣкъ проснется и примется стучать въ дверь?.. Вѣдь она заперла его на ключъ. Дрожа отъ лихорадки, она лежала въ постели, не смѣя встать ранѣе, чѣмъ обыкновенно, чтобы не подать повода къ подозрѣнію.

За завтракомъ Пауль спросилъ ее, поздно ли вернулся Вольфгангъ, и она отвѣтила:

— Вскорѣ послѣ твоего ухода.

Какъ только Шлибенъ уѣхалъ въ городъ, а кухарка ушла на кухню, Кэте довольно рѣзко отослала горничную, копавшуюся нестерпимо долго въ спальной, и пошла къ Вольфгангу. За дверью ничего не было слышно. Неужели онъ все еще пьянъ? Какъ воръ, проскользнула она къ нему и заперла за собою дверь. Она осторожно приблизилась къ постели, но такъ поспѣшно отступила, что опрокинула стулъ. Что̀ это такое?!..

Противный запахъ, наполнявшій запертую комнату, вызвалъ у нея тошноту. Она отшатнулась къ окну, распахнула его—и тутъ она *увидѣла.*

Онъ лежалъ какъ животное,—онъ, пріученный къ такой опрятности, что, будучи ребенкомъ, плакалъ, бывало, когда ему случалось замарать ручки, и требовалъ, чтобы ихъ вымыли. Теперь онъ лежалъ и спалъ свинцовымъ сномъ. Кэте не понимала, что̀ съ нею дѣлается. Ей хотѣлось поднять руку, ударить его въ лицо, бросить ему оскорбительное слово... Изъ открытаго окна струился потокъ солнечнаго свѣта, въ саду звонко и чисто пѣлъ дроздъ. Тамъ было солнце, красота, а здѣсь?..

Ей хотѣлось закрыть лицо и убѣжать,—но кто уничтожитъ слѣды безобразно проведенной ночи? Если она уже не любитъ его,—гордость не позволяетъ ей унизить его передъ слугами. Скорѣе! скорѣе! Стиснувъ зубы, борясь съ подступавшею ей къ горлу тошнотою, Кэте принялась мыть, чистить, таская воду въ

ведрѣ. Боже, съ какимъ шумомъ струилась вода въ ведро, когда она открыла кранъ! Только бы никто ничего не замѣтилъ.

Она отыскала половую тряпку и принялась за работу, какой никогда еще не дѣлала: она ползала на колѣняхъ передъ постелью, вытягивала руки, чтобы достать до стѣны. Все должно быть омыто свѣжею, чистою, уничтожающею всѣ слѣды водою. Все въ комнатѣ казалось ей загрязненнымъ,—она готова была бы сорвать дорогіе обои. Еще ни разу въ жизни она такъ не работала; отъ страха и утомленія нарядный утренній капотъ съ кружевами и шолковою вставкою прилипалъ у нея къ тѣлу; отъ ползанья на колѣняхъ, на шелку платья появились темныя пятна, шлейфъ былъ замоченъ въ водѣ, волосы распустились и безпорядочно падали ей на разгоряченное лицо. Никто не узналъ бы фрау Шлибенъ въ такомъ видѣ.

Наконецъ все въ порядкѣ. Кэте поднялась со вздохомъ облегченія и оглядѣлась кругомъ. Совсѣмъ другой воздухъ былъ теперь въ спальнѣ. Вѣтеръ освѣжилъ его. Только хозяинъ комнаты былъ пятномъ среди окружающей чистоты; лобъ его былъ покрытъ липкимъ потомъ, щеки—землистаго цвѣта, губы распухли, волосы торчали. Она обмыла и его, причесала и пригладила его волосы, опрыскала его туалетною водою. Онъ не просыпался; онъ лежалъ, какъ бревно, и не чувствовалъ, какъ ея дрожащія руки оправляли и обмывали его. Кэте не замѣтила, сколько времени она провозилась съ нимъ, ее привелъ въ себя стукъ въ дверь. Кто тамъ?

— Я, Фридрихъ.

— Что вамъ нужно?

— Барыня, баринъ просятъ васъ къ столу.

— Къ столу?.. Баринъ?..—она схватилась за голову.—Пауль уже вернулся? Обѣденное время? Да который же это часъ?—Ей даже не пришло на умъ взглянуть на часы.

— Половина третьяго, барыня,—отвѣтилъ Фридрихъ и добавилъ почтительнымъ тономъ стараго слуги:—Быть можетъ, молодой баринъ нездоровъ? Не могу ли я помочь барынѣ?

Кэте колебалась. Не посвятить ли ей Фридриха въ свою тайну? Это было бы такимъ облегченіемъ! Но стыдъ заставилъ ее отвѣтить:—Ступайте, ничего не нужно. У молодого барина голова болитъ, онъ полежитъ еще съ часъ.

Кэте бросилась въ свою комнату; переодѣваться было некогда, она подколола волосы, пригладила ихъ и надѣла кокетливый чепчикъ.

— Ты еще въ капотѣ?—не безъ удивленія и даже упрека спросилъ Шлибенъ, любившій порядокъ.

— Ты вернулся сегодня слишкомъ рано,—извинилась Кэтъ, не поднимая глазъ. Ѣсть она не могла,—кусокъ становился у нея поперекъ горла.

— Гдѣ же Вольфгангъ?

Она должна была бы ждать этого вопроса, но онъ, тѣмъ не менѣе, сразилъ ее. Сказать, что онъ боленъ? Но тогда отецъ войдетъ къ нему. Она поблѣднѣла и покраснѣла, губы ея дрогнули, но она ничего не сказала.

— Ага!—Шлибенъ полудобродушно, полунасмѣшливо разсмѣялся и протянулъ ей руку черезъ столъ.

— Нечего волноваться, Кэте, если у мальчика шумитъ въ головѣ со вчерашняго. Каждой матери приходится пережить нѣчто подобное.

— Но не такъ ужасно, не такъ ужасно!—выкрикнула она, не сдержавъ своего гнѣва и отчаянія. Она уцѣпилась холодными руками за руку мужа и прошептала, задыхаясь:—Онъ былъ пьянъ... совсѣмъ пьянъ—до безчувствія.

— Вотъ какъ?—Шлибенъ нахмурился, но улыбка не совсѣмъ сбѣжала съ его губъ.—Ну, я потолкую съ нимъ, когда онъ проспится. До безчувствія, говоришь ты? Ну, вѣроятно, оно не совсѣмъ такъ? Но, конечно, этого не должно быть. Навеселѣ—другое дѣло. Я помню свою первую выпивку. Хорошее воспоминаніе, хотя на другой день плохо мнѣ пришлось.

— Какъ? И ты—ты былъ однажды пьянъ?

— Пьянъ—это не подходящее слово. Навеселѣ!—поправилъ онъ.—Не надо преувеличивать, Кэте.—И онъ продолжалъ ѣсть, словно ничего особеннаго не случилось.

Къ вечеру Кэте услышала шаги Вольфганга, стукъ затворяемаго и отворяемаго окна. Пауль курилъ сигару, прогуливаясь по саду. Кэте еще въ первый разъ нынѣшнею весною сидѣла на верандѣ и слѣдила глазами за мужемъ. Былъ теплый, мягкій вечеръ. Она чувствовала, что идетъ Вольфгангъ, и не хотѣла повернуть головы, но все же повернула ее. Онъ стоялъ въ дверяхъ столовой, ведшихъ на веранду, и щурился, такъ какъ заходящее солнце било ему прямо въ глаза. Отъ этого или, быть можетъ, отъ стыда лицо его было красно? Что онъ скажетъ? Съ чего начнетъ?

— Добрый вечеръ!—сказалъ онъ громко и весело, а затѣмъ прибавилъ, подавляя легкое замѣшательство:—Прости, мама, я

проспалъ; я и не подозрѣвалъ, что такъ поздно. Я былъ страшно уставшимъ.

Кэте ничего не отвѣтила. Ея молчаніе нѣсколько смутило его.

— Дѣло въ томъ, что я очень поздно вернулся домой.

— Да?—она отвернулась отъ него и продолжала смотрѣть въ глубину сада, гдѣ Пауль говорилъ съ Фридрихомъ.

— По крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

Что могъ онъ сказать ей? Сердится она что-ли? Онъ не помнилъ, когда и какъ онъ вернулся. Сначала онъ отвратительно себя чувствовалъ, но теперь ему было такъ хорошо, такъ легко! Ну, пускай себѣ сердится!

Сложивъ губы, словно онъ собирался свистнуть, и засунувъ руки въ карманы модныхъ панталонъ, Вольфгангъ намѣревался сойти съ веранды въ садъ, когда она окликнула его.

— Что прикажешь, мама?

— Ты былъ пьянъ,—сказала она тихо, но рѣзко.

— Я?..—Онъ вдругъ смутился. Неужели онъ дѣйствительно былъ пьянъ? Весьма возможно,—вѣдь онъ не помнитъ, какъ вернулся домой.

— Ты, вѣроятно, опять сидѣла и ждала меня?—Онъ косо взглянулъ на нее, на лбу его залегла такая глубокая складка, что брови почти сошлись къ переносицѣ.—Ты не должна ждать меня,—проговорилъ онъ со скрытою досадой, но дѣлая видъ, что тревожится о ней:—это отнимаетъ у меня всякое удовольствіе. Пожалуйста, мама, больше этого не дѣлай!

— Больше не буду,—отвѣтила она, опустивъ глаза. Она не могла взглянуть на него—до такой степени она его презирала. Какъ развязно пожелалъ онъ ей добраго вечера! Притворялся онъ, или въ самомъ дѣлѣ не помнилъ, что нѣсколько часовъ тому назадъ онъ хотѣлъ идти на четверенькахъ и лечь поперекъ порога, словно онъ былъ собакой или тамъ была его постель. Нѣтъ, никогда она уже не будетъ въ состояніи обнять и поцѣловать его; онъ вдругъ сдѣлался для нея постороннимъ человѣкомъ.

Кэте ничего не сказала, не сдѣлала ему ни одного упрека; она безучастно прислушивалась къ его разговору съ отцомъ.

Шлибенъ строго обратился къ сыну.—Онъ вернулся домой въ пьяномъ видѣ. Неужели ему не стыдно? Все равно, отъ кого бы это ни узналось—фактъ на лицо.

— *Она* сказала?—проговорилъ Вольфгангъ съ горечью:—мама всегда преувеличиваетъ. Вовсе не былъ я пьянъ; такъ,

немножко подъ хмелькомъ... Съ кѣмъ этого не случается? Видишь, я опять молодцомъ?

И онъ такъ потрясъ вишневое деревцо, возлѣ котораго онъ стоялъ, что на дорожку посыпался цѣлый дождь бѣлыхъ цвѣтовъ.

— Оставь мое деревцо въ покоѣ!—сказалъ, улыбнувшись, отецъ.

Какъ могъ Пауль смѣяться? Значитъ, все происшедшее не кажется ему серьезнымъ? Но Кэте уже не могла возмущаться попрежнему; все въ ней словно застыло, замерло. Ей казалось, что голоса ихъ доносятся къ ней откуда-то издали, а между тѣмъ они говорили громко и оживленно. Шлибенъ счелъ долгомъ сдѣлать юношѣ серьезное внушеніе, хотя и думалъ, что Кэте дѣйствительно преувеличила. Смуглыя щеки Вольфганга были такъ свѣжи, его небольшіе, но глубокіе глаза сверкали сегодня такимъ блескомъ, что нельзя было замѣтить въ его наружности никакихъ слѣдовъ кутежа.

Шлибенъ положилъ руку на плечо сына.

— Итакъ, для того, чтобы мы остались друзьями, это не должно повторяться, Вольфгангъ.

Сынъ беззаботно пожалъ плечами.—Право, не знаю, папа, въ чемъ я провинился. Это не совсѣмъ легко для меня, но, разумѣется, такой случай не повторится!—И они пожали другъ другу руку. Что-то шевельнулось въ душѣ Кэте,—ей захотѣлось вскочить, закричать: „Не вѣрь ему, Пауль, онъ снова напьется. Я не могу ему вѣрить. Еслибы ты видѣлъ его такимъ, какимъ я видѣла его!“—И передъ нею внезапно явилось видѣніе: кабакъ въ деревнѣ, мужики, сидящіе вокругъ стола, курящіе вонючій табакъ и напивающіеся до безчувствія. Такъ сидѣли его отецъ, его дѣдъ, весь родъ его. Страшный испугъ овладѣлъ ею: нѣтъ, это не можетъ кончиться добромъ.

— Какъ ты блѣдна, Кэте!—сказалъ Шлибенъ за ужиномъ:— ты слишкомъ долго была на воздухѣ.

— Ты нездорова, мама?—спросилъ вѣжливо-озабоченно Вольфгангъ.

Кэте не отвѣтила сыну, но, взглянувъ на мужа, отрицательно повела головою.—Нѣтъ, я здорова.

Вольфгангъ проявилъ особенный аппетитъ, притомъ сегодня были его любимыя вещи: фрикассе изъ цыплятъ, раки, ростбифъ, масло, сыръ и молодая редиска.

— Не пей такъ много!—сказалъ Шлибенъ, видя, что Вольфгангъ постоянно тянется къ бутылкѣ.

— У меня жажда,—отвѣтилъ сынъ не безъ упрямства и, наливъ себѣ стаканъ до краевъ, однимъ духомъ осушилъ его.

— Послѣдствія увлеченія!—сказалъ отецъ, шутливо погрозивъ ему пальцемъ.

„Послѣдствіе перепоя!"—подумала Кэте и снова содрогнулась отъ отвращенія; прежде она и мысленно не допускала подобнаго выраженія,—теперь же ничто не казалось ей достаточно грубымъ, рѣзкимъ и презрительнымъ.

Несмотря на уютность комнаты, красиво убранный столъ, хрустальную вазу съ цвѣтами и мягкій свѣтъ лампы,—разговоръ какъ-то не клеился. Кэте отвѣчала такъ односложно, что Пауль скоро взялся за газету, а сынъ зѣвалъ сквозь зубы. „Вотъ скучища-то здѣсь сидѣть!" Онъ думалъ, что̀ лучше: снова махнуть въ Берлинъ или лечь въ постель? Онъ самъ не зналъ, на что рѣшиться.

— Ты идешь спать!—Кэте сама чувствовала, что тонъ у нея не вопросительный.

— Разумѣется, спать,—отвѣтилъ отецъ, опустивъ на мигъ газету:—онъ усталъ.—Покойной ночи, Вольфгангъ.

— Я совсѣмъ не усталъ!—Вольфгангъ вспыхнулъ. Что это его укладываютъ спать, какъ маленькаго!

Тонъ матери въ особенности злилъ его. „Ты идешь спать!" Вѣдь это приказаніе.

Въ его темныхъ глазахъ засверкалъ огонь возмущенія, выраженіе дерзкаго упорства исказило его лицо, но отецъ со словами: „спокойной ночи!", не глядя, протянулъ ему руку изъ-за газеты. Мать тоже проговорила:—Спокойной ночи!

Сынъ взялъ и ея руку, съ тѣмъ, чтобы, по обыкновенію, поцѣловать ее, и также произнесъ:

— Спокойной ночи!

XIV.

Шлибенъ былъ очень пораженъ непріятнымъ открытіемъ. У Вольфганга долги? При такомъ изобиліи карманныхъ денегъ? Почему же у него не хватило духу придти и сказать откровенно: „Отецъ, выручи меня!" Неужели онъ, Шлибенъ, былъ такимъ суровымъ отцомъ? А ему еще казалось, особенно за послѣднее время, что сынъ привязался къ нему. Въ дѣтствѣ онъ былъ откровененъ до дерзости,—неужели онъ такъ измѣнился? Что̀ могло вызвать въ немъ такую перемѣну?

Отецъ рѣшилъ не говорить ему покуда о письмѣ своего ста-

раго друга и компаньона, но разспросить его при случаѣ о его денежныхъ дѣлахъ. Что-то онъ отвѣтитъ?

Въ теченіе дня Вольфгангъ два раза ненадолго показывался въ конторѣ. Отецъ былъ, очевидно, не въ духѣ, и сынъ удивлялся, какъ можно быть не въ духѣ въ подобную погоду? Вольфгангъ съ дѣтства любилъ солнце, и въ сильные жары, когда на лбу у него проступалъ каплями потъ, грудь его дышала особенно легко и свободно. Сегодня онъ три раза безъ передышки переплывалъ озеро взадъ и впередъ. Такъ было чудно!

— Очень неблагоразумно! — замѣтилъ Шлибенъ, вспомнивъ, что Гофманъ былъ противъ злоупотребленія плаваніемъ. — Можешь проявлять свои таланты по части спорта во время отбыванія воинской повинности.

Послѣ обѣда Вольфгангъ, бывшій въ костюмѣ для лаунъ-тенниса, остановился въ нерѣшимости на вокзалѣ Зоологическаго сада. Не поѣхать ли ему въ городъ? Тамъ душно и пыльно, но зато не придется сидѣть съ глазу на глазъ съ отцомъ и матерью. Не лучше ли поискать общества въ Берлинѣ? Онъ стоялъ въ нерѣшимости, глядя на извивающуюся змѣею толпу людей, спѣшившихъ въ двери вокзала, когда замѣтилъ впереди себя матросскую шляпку съ синею лентою, лихо посаженную на свѣтлые шелковистые волосы, свернутые съ кажущеюся небрежностью громаднымъ узломъ на затылкѣ. Онъ узналъ голубые глаза и дерзкій носикъ... Фрида Лемке! Какъ долго не видѣлъ онъ ее! Онъ совсѣмъ забылъ о существованіи этихъ добрыхъ людей. И вдругъ онъ сразу почувствовалъ, что ему недостаетъ ихъ. Однимъ прыжкомъ онъ очутился возлѣ нея.

— Здравствуй, Фрида! Какъ поживаешь?

Она вздрогнула, но затѣмъ узнала его, покраснѣла и оттопырила губки. Какимъ бариномъ сталъ Вольфгангъ! И она отвѣтила полунасмѣшливо, полужеманно:

— Благодарю васъ. А вы какъ?

Вольфгангъ не позволилъ ей говорить ему „вы“; тонъ его былъ такой простой и сердечный, что она почувствовала себя съ нимъ на прежней ногѣ, хотя со времени ихъ послѣдняго свиданія прошло болѣе года. Гуляющая въ „Тиргартенѣ“ публика вѣроятно принимала ихъ за влюбленную парочку; они пропустили свой поѣздъ и все больше углублялись въ зеленый сумракъ аллей. Соловьи замолкли, слышался лишь сдержанный говоръ уединившихся парочекъ, порою — взрывы смѣха, и кое-гдѣ вспыхивали, какъ свѣтляки, огоньки папиросъ.

Вольфгангъ съ Фридою говорили о фрау Лемке, начавшей

сильно прихварывать. Вольфгангъ искренно огорчился этимъ извѣстіемъ и упросилъ Фриду взять отъ него ассигнацію на ея леченіе; онъ силою втиснулъ дѣвушкѣ въ руку зеленую бумажку.

Фрау Лемке отнеслась къ этому съ большою простотою, когда Фрида, по возвращеніи домой, со слезами признательности разсказала ей о встрѣчѣ съ товарищемъ дѣтства и о его подаркѣ.

— Ну, что жъ? Отъ пятидесяти марокъ онъ не обѣднѣетъ, дай Богъ ему здоровья, а я съѣзжу погостить къ брату или къ сестрѣ на Рейнъ; поправлюсь немного и отдохну...

Вольфгангъ вернулся домой съ радостнымъ чувствомъ; золотыя очи звѣздъ привѣтливо глядѣли на него съ темнаго неба, стукъ колесъ затихъ, отъ цвѣтовъ распространялось благоуханіе, въ тѣни сосенъ было свѣжо и прохладно, а на душѣ у него было легко отъ сознанія, что онъ помогъ бѣдной фрау Лемке.

Родителей онъ засталъ еще въ столовой, но удивился, что они уже отужинали. Фридрихъ поставилъ передъ нимъ холодную закуску, и тутъ только Вольфгангъ замѣтилъ, до чего онъ проголодался. Неужели уже одиннадцать часовъ? Развѣ за ужиномъ ничего больше не было? Нельзя ли поджарить кусокъ мяса? Гдѣ Мари?

Кэте, подвигая къ нему тарелочку съ закуской, отвѣтила, что Мари легла спать, а Шлибенъ прибавилъ, что, возвращаясь домой въ неопредѣленный часъ, онъ не можетъ требовать, чтобы его ждали съ горячимъ ужиномъ. Прислуга тоже имѣетъ право на отдыхъ. А онъ со своей стороны не такъ уже много работаетъ—заглянетъ на какихъ-нибудь два часа въ контору,—чтобы требовать къ себѣ исключительнаго вниманія со стороны домашнихъ...

Вольфгангъ хотѣлъ что-то возразить, но отецъ прервалъ его.— Нечего артачиться и дерзить! Онъ еще деньги тайкомъ занимаетъ. Только этого недоставало! Браумюллеръ писалъ ему... Какой срамъ!—Дипломатическіе планы Шлибена пошли прахомъ. Въ минуту раздраженія онъ проговорился и сразу почувствовалъ облегченіе. Кэте сидѣла блѣдная и безмолвная. Онъ не только напивается до безчувствія, онъ и на это пошелъ? Взоръ ея съ мольбою обратился къ Вольфгангу. Онъ долженъ это опровергнуть.

— Что за вздоръ, папа! — Вольфгангъ постарался улыбнуться. — Я обратился къ твоему компаньону съ просьбою объ одолженіи, но я намѣревался не далѣе, какъ на дняхъ, отослать ему деньги...

— На дняхъ?—Въ тонѣ Шлибена послышалось легкое недовѣріе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣкоторое успокоеніе. Ему такъ

хотѣлось вѣрить.—Послушай, если я узнаю, что ты меня обманываешь, я... я не знаю, что я съ тобою сдѣлаю! Я откажусь отъ тебя...

Шлибенъ заговорилъ съ несвойственною ему рѣзкостью, и Кэте испугалась. Онъ отрѣзывалъ молодому человѣку всякую возможность сознаться въ его грѣхахъ. Кэте видѣла, какъ поблѣднѣло лицо юноши.

Губы Вольфганга дрогнули; онъ дѣйствительно собирался сказать правду, но отецъ такъ чертовски корректенъ,—онъ не понимаетъ, что, имѣя деньги въ карманѣ, нельзя не тратить ихъ. Что онъ за преступникъ, что отецъ позволяетъ себѣ отчитывать его въ такомъ тонѣ! Ну, что же изъ того, что у него есть долги? И онъ проговорилъ холодно:—Не знаю, изъ-за чего ты такъ волнуешься, папа? У меня нѣтъ никакихъ долговъ.

— Это правда?—Отецъ серьезно взглянулъ въ лицо Вольфганга, но сквозь эту суровость во взорѣ его засвѣтилась надежда. И когда Вольфгангъ повторилъ: — Нѣтъ! — Шлибенъ протянулъ сыну руку черезъ столъ и проговорилъ: — Сердечно этому радуюсь.

Весь этотъ вечеръ родители были очень внимательны къ нему, и Вольфгангъ замѣтилъ это съ самодовольствомъ. Еще бы: они оказывались передъ нимъ виноваты, и потому онъ позволилъ имъ ухаживать за собою. Зато, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, Вольфгангъ почувствовалъ себя крайне удрученнымъ. Ночь ли была такъ нестерпимо душна, или на душѣ у него было такъ скверно? Онъ злился на отца, на мать, на себя за то, что былъ принужденъ лгать имъ. Стоя у окна, онъ простиралъ руки къ чему-то далекому, иному, смутно привлекавшему его... Чего онъ хотѣлъ? Къ чему стремился? Онъ и самъ не зналъ.

Вольфгангъ жадно прислушивался къ поднявшемуся ночному вѣтру, развѣвавшему его волосы. Какъ славно! Сердце стучало у него въ груди. Что это за вѣчныя придирки? Взрослый онъ человѣкъ или нѣтъ? Сынъ ли онъ богатыхъ родителей? Нѣтъ и нѣтъ!

Вдали прогремѣлъ громъ. Сверкнула ослѣпительная молнія. Нѣтъ, онъ не сынъ, онъ чужой въ этомъ домѣ, и еслибы онъ не былъ чужимъ — все было бы иначе. *Что* было бы—онъ не зналъ, но все было бы по иному.

Днемъ Вольфгангу, вслѣдствіе обилія развлеченій, рѣдко приходилось надъ чѣмъ-нибудь задумываться, но въ эту темную, бурную ночь думы прорывались съ тою же силою, какъ вѣтеръ, шумѣвшій въ вершинахъ деревъ. Буря свирѣпствовала безъ удержу.

Въ лѣсу шумѣло, гремѣло, сверкало, грохотало; это былъ настоящій бой, но сколько тутъ было красоты! Вольфгангъ выпрямился, подставляя свою грудь ударамъ вѣтра,—никогда онъ не ощущалъ такого наслажденія. Молодая кровь, неиспользованная сила—били въ немъ ключомъ, требовали исхода. Вольфгангу вдругъ показалась отвратительною его жизнь. Надо зажить по иному, совсѣмъ по иному... Пусть эта жизнь будетъ тяжела, но лучше стать поденщикомъ, чѣмъ сидѣть за счетами въ конторѣ. Онъ не рожденъ купцомъ. Завтра же онъ скажетъ это, онъ порветъ съ прошлымъ. Онъ хочетъ быть свободнымъ во что бы то ни стало.

Вольфгангъ высунулся изъ окна и жадно вдыхалъ свѣжесть дождя, хлынувшаго потоками. Въ душѣ его что-то вдругъ размягчилось, гроза гнѣва улеглась.

— Мать!—шепталъ онъ задумчиво, подставляя руки и лицо съ закрытыми глазами дождю для того, чтобы падавшія съ неба капли освѣжали его сухія вѣки, между тѣмъ какъ горячія губы его жадно пили эти освѣжающія слезы небесъ.

Но на слѣдующее утро, когда песокъ аллей впиталъ въ себя дождевую влагу и воспоминаніемъ о ночной грозѣ остался лишь ароматъ сосенъ, освѣженная трава и осыпавшіеся каштаны съ сосновыми шишками, усѣявшія аллею,—думы Вольфганга приняли другое направленіе. День былъ прекрасный; онъ могъ плавать, ѣздить верхомъ, заглянуть въ контору, поиграть въ теннисъ, сговориться съ пріятелями относительно какой-нибудь поѣздки... Стоило ли портить себѣ и отцу такой чудный день? Онъ отгонялъ серьезныя мысли, но въ душѣ у него была тревога, которую онъ старался заглушить.

Въ эту ночь Кэте опять долго не могла заснуть, хотя она поклялась, что сидѣть и ждать его она больше не будетъ. Опять, какъ тогда, часы стучали необыкновенно громко среди глубокой тишины, и она была увѣрена, что услышитъ, какъ онъ повернетъ ключъ въ замкѣ входной двери.

Но она ничего не слышала; часы проходили; сквозь запертыя ставни въ комнату скользнулъ блѣдный лучъ свѣта, отразившійся на противоположной стѣнѣ. Онъ становился все свѣтлѣе и ярче и наконецъ окрасился золотымъ оттѣнкомъ. Должно быть, она спала, сама этого не сознавая, такъ какъ не видѣла, что наступило утро, и потому не слыхала, какъ онъ вернулся домой.

Это успокоило ее, но все же она поспѣшно одѣлась и по-

шла къ нему, посмотрѣть, спитъ ли онъ? Онъ не спалъ. Испуганными глазами Кэте глядѣла на застланную, заманчиво бѣлѣвшую постель, на которой никто не лежалъ. Постель не была смята, комната была пуста.

Сердце ея застыло въ ледяномъ ужасѣ. Она не спала, она не пропустила его прихода. Тогда онъ, хотя и пьяный, все же вернулся домой; сегодня онъ совсѣмъ не вернулся.

XV.

— Вольфганга опять нѣтъ?—сказалъ Шлибенъ, вернувшись домой изъ города. — Въ контору онъ не является... Гдѣ же онъ?

Онъ вопросительно и раздраженно смотрѣлъ на жену. Кэте пожала плечами. Пурпуровый лучъ заката, виднѣвшагося изъ высокаго окна столовой, заигралъ на ея лицѣ.—Не знаю,—проговорила она тихо, и мужъ почувствовалъ, что мысли ея блуждаютъ гдѣ-то далеко.

— Кэте,—сказалъ онъ обидчиво,—уже восемь часовъ, я пріѣхалъ голодный, усталый и не вижу на твоемъ лицѣ даже привѣтливой улыбки...

Она поспѣшно встала, позвонила, чтобы давали обѣдать, и попыталась улыбнуться, но это было жалкое подобіе улыбки, еще болѣе разстроившее Шлибена. Усталый сѣлъ онъ за столъ и ѣлъ машинально, не понимая, что ѣстъ.

Въ этотъ осенній вечеръ столовая казалась слишкомъ большою для двоихъ. Кэте вздрогнула отъ холода.

— Пора начать топку,—сказалъ Шлибенъ, и это было единственное замѣчаніе, которымъ они обмѣнялись. Послѣ обѣда Шлибенъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, а Кэте осталась наединѣ со своими тревожно-блуждающими мыслями. Она не могла плакать, но внутри у нея кипѣли и подтачивали ея жизнь невыплаканныя слезы.

Есть нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ смерть: это—сознаніе, что мы сами навлекли на себя горе. Почему она упорно желала того, въ чемъ природа отказала ей? Не видѣла ли она, что семейное счастье, любовь, довѣріе, взаимное пониманіе—все это гибнетъ, что съ каждымъ днемъ мужъ отдаляется отъ нея и она сама становится къ нему равнодушнѣе? Сынъ—разлучилъ ихъ. Какъ жалки оказались всѣ ея теоріи о воспитаніи, о „духовномъ рожденіи“! Вольфгангъ не былъ сыномъ отъ плоти и духа

ихъ,—онъ былъ и остался имъ чужимъ. И душа у него была чужая. Бѣдный сынъ!

Въ душѣ, гдѣ цѣлыми годами накоплялись горечь и обида, вдругъ зародилось состраданіе. Какъ она могла негодовать на него, прикованнаго всѣми фибрами своего существа къ родному дому? Онъ инстинктивно чувствовалъ, что домъ его—не здѣсь, и вотъ онъ блуждаетъ въ поискахъ за нимъ и вступаетъ на ложный путь...

Въ этотъ вечеръ Кэте долго плакала, много думала и боролась съ собою и, наконецъ, приняла великое рѣшеніе: она достала изъ ящика документы, относившіеся къ происхожденію Вольфганга, которыхъ она не довѣрила даже своему мужу. Она покажетъ ихъ Вольфгангу, она откроетъ ему свою такъ долго и тщательно оберегаемую ею тайну.

Недовольный женою, Шлибенъ рано ушелъ спать, а Кэте, ожидая Вольфганга, ходила по своей комнатѣ: это утомляло ее физически и успокаивало ее.

Ея тонкая, хрупкая фигура словно выросла, когда она двинулась въ переднюю, навстрѣчу Вольфгангу. Всѣ въ домѣ спали, никто не помѣшаетъ имъ.

Она ласково встрѣтила его и поцѣловала въ щеку; онъ изумился, но его усталые, окаймленные синими кругами, глаза безучастно глянули мимо нея. Онъ страшно усталъ или, быть можетъ, онъ боленъ? Все равно! Теперь все поправится, все пойдетъ хорошо.

Взявъ его за руку, полная радостной надежды, она увлекла его въ свою комнату; онъ повиновался, но проговорилъ, зѣвая:

— Ну, что такое тамъ случилось?

— Я должна что-то сказать тебѣ,—и затѣмъ она прибавила поспѣшно, словно опасаясь, что у нея недостанетъ мужества договорить:—нѣчто важное, касающееся тебя, твоего происхожденія...

Какъ онъ отнесется къ ея словамъ? Она инстинктивно протянула руки, чтобы поддержать его.

Онъ снова зѣвнулъ.—Почему именно сегодня, мама? Завтра вѣдь тоже будетъ день. Я смертельно усталъ. Покойной ночи!—И быстро повернувшись, онъ вышелъ и поднялся по лѣстницѣ въ свою комнату.

Она застыла на мѣстѣ, затѣмъ схватилась за голову. Такъ ли она поняла? Быть можетъ, она ослѣпла, оглохла, потеряла сознаніе? Или наоборотъ,—онъ ослѣпъ, оглохъ, былъ не въ своемъ умѣ? Она пришла къ нему съ открытымъ сердцемъ, желая по-

говорить о его будущности, и какъ онъ отнесся къ этому? Не въ этой ли самой комнатѣ, четыре года тому назадъ, онъ кричалъ: „Мать моя! Гдѣ моя мать?“ А теперь онъ не хочетъ ничего знать о ней?..

Не можетъ быть. Или онъ ее, или она его не поняла. Надо это выяснить сейчасъ, сію минуту.

Въ своемъ сѣромъ платьѣ она, какъ тѣнь, безшумно скользнула наверхъ. Нѣтъ, она не тѣнь,—она несетъ ему счастье.

Кэте вошла безъ стука и присѣла на край его постели.

— Вольфгангъ,—сказала она мягко, и, видя на лицѣ его досаду и даже недоумѣніе, продолжала еще нѣжнѣе:—Дитя мое!

— Ну, что еще тамъ такое?

Онъ, очевидно, сердился, и это лишило ее мужества. Но его когда-то круглое лицо такъ исхудало, удлинилось, онъ страдалъ, и она обязана сказать ему правду.—Вольфгангъ, я должна наконецъ сказать тебѣ... Такъ будетъ лучше... Помнишь ли ты то воскресенье,—это былъ день твоей конфирмаціи,—когда ты... спрашивалъ насъ?..

Сколько предисловій! Она мысленно укоряла себя за малодушіе, но онъ не пошевельнулся, не прервалъ ее ни однимъ словомъ. Кэте избѣгала глядѣть на него. Его молчаніе было страшнѣе взрывовъ его гнѣва, и вдругъ она выкрикнула съ рѣшимостью отчаянія:—Ты не нашъ сынъ, не родной нашъ сынъ!

Онъ продолжалъ молчать и не двинулся. Тогда она взглянула на него и увидѣла, что глаза его невольно смыкаются, что онъ борется со сномъ. Онъ можетъ спать въ такую минуту?!

Она отчаянно встряхнула его, дрожа отъ внутренней лихорадки.

— Слышишь ты или не слышишь? Ты не сынъ нашъ, не родной нашъ сынъ.

— Знаю,—отвѣтилъ онъ устало,—оставь меня!—и онъ сдѣлалъ движеніе рукою, словно отстраняя ее.

— И это тебя не волнуетъ?..—Она сразу осѣла, даже голосъ у нея упалъ.—Ты принимаешь это такъ холодно?

— Холодно?..—Онъ пожалъ плечами, и въ его усталыхъ, тусклыхъ глазахъ вспыхнулъ какой-то огонекъ.—Кто тебѣ сказалъ, что я отношусь, что я относился къ этому холодно? Но прежде вы съ этимъ не считались, а теперь—я ничего не хочу знать... Теперь я усталъ. Я спать хочу.

Онъ повернулся къ стѣнѣ и продолжалъ лежать безъ движенія.

Кэте встала. Онъ уже спалъ или дѣлалъ видъ, что спитъ.

Она простояла надъ нимъ съ минуту, ожидая, что онъ обернется къ ней и скажетъ: „Ну, говори, я слушаю тебя!“—Но онъ не повернулся. Поздно! Слишкомъ поздно!

Эти безнадежныя слова огнемъ жгли ея душу; она знала, что у нея уже не хватитъ духу возобновить этотъ разговоръ.

Шлибены возвращались изъ Шильдгорна, куда Пауль, желая развлечь Кэте, предложилъ ей прокатиться. Надъ озеромъ пламенѣли лучи заката, отъ луговъ и лѣса вѣяло меланхолическимъ покоемъ. Они вздумали пройтись немного по лѣсу, усѣянному сосновыми иглами, но Кэте вдругъ ощутила дрожь: по близости находилось кладбище самоубійцъ, и при этой мысли изъ руки ея выпали собранные ею по дорогѣ послѣдніе цвѣты. Ее осаждали мучительныя предчувствія и опасенія. Вольфгангъ былъ легкомысленъ, но что если онъ станетъ дурнымъ человѣкомъ, что если онъ плохо кончитъ? Спасти его можетъ только чудо, а чудесъ не бываетъ теперь.

Вдругъ ее испугалъ звонкій смѣхъ. Въ саду ресторана, мимо котораго проѣзжало ихъ ландо, всѣ столики были заняты; публика состояла преимущественно изъ бюргеровъ и скромнаго люда. Звонкій женскій смѣхъ повторился, кто-то крикнулъ:—Держи, лови ее!—и сердце Кэте замерло. Она узнала голосъ Вольфганга.

Онъ гнался за дѣвушкою, свѣтлое платье которой мелькало между деревьями. Вѣроятно, онъ поймалъ ее, такъ какъ Кэте услышала, какъ она взвизгнула, и вся эта сцена показалась ей вдругъ безобразною и оскорбительною. Съ какими людьми водитъ онъ знакомство? Коренастый увалень съ толстымъ лицомъ что-то кричалъ вслѣдъ юной парочкѣ, исчезнувшей за деревьями, а худосочный долговязый парень хитро ухмылялся...

Кэте откинулась въ уголъ экипажа. Пауль ничего не замѣтилъ, и когда онъ указалъ женѣ на выплывшую надъ вершинами сосенъ луну и проговорилъ:—Не правда ли, какъ это прекрасно?—она холодно отвѣтила:—Да!

Это его раздосадовало. Какъ любила она прежде природу, доставлявшую ей величайшія и самыя чистыя радости! Теперь и этого нѣтъ. Ничего нѣтъ. Онъ вздохнулъ.

И оба они молчали. Грустными глазами смотрѣли они въ сгущавшійся сумракъ. Наступаетъ вечеръ, и ихъ день также склоняется къ закату.

Вольфгангъ предпринялъ въ обществѣ Фриды Лемке, брата ея и ея жениха, Ганса Флеббе, давно уже предполагавшуюся прогулку. Они объѣхали весь лѣсъ, катались на лодкѣ и на каруселяхъ, брали билетики въ лотерею. Гансъ держался поодаль, и кавалеромъ Фриды былъ все время элегантный молодой господинъ. Сегодня Вольфгангъ ощущалъ потребность вести подъ-руку молодую дѣвушку, хотя бы даже она была и въ половину нетакъ мила, какъ Фрида. Онъ втайнѣ завидовалъ толстому Гансу, надъ которымъ дѣвушка такъ потѣшалась; онъ жаждалъ любви, веселья, наслажденія жизнью. Будь онъ съ Фридою наединѣ, онъ сжалъ бы ее въ объятіяхъ и, сомкнувъ ей губы поцѣлуемъ, не выпустилъ бы ее. За невозможностью этого, онъ обхватилъ Артура и въ порывѣ бѣшенаго веселья принялся кружить его въ вихрѣ вальса, а въ заключеніе два раза приподнялъ его отъ земли, при громкомъ одобреніи остальной компаніи.

Сердце Вольфганга сильно билось. На возвратномъ пути они зашли въ садъ, гдѣ подъ звуки рояля кружились на деревянномъ помостѣ танцующія пары, и онъ два раза протанцовалъ съ Фридою. Онъ долженъ былъ прикусить губы, чтобы удержать рвавшійся изъ его груди крикъ восторга. Его такъ и подмывало на какую-нибудь безумную выходку, но вдругъ его смутилъ глухой кашель. Можно ли такъ страшно кашлять?! Онъ невольно посторонился.

— А извозчика нѣтъ, — проговорилъ пожилой человѣкъ, на руку котораго опирался больной.—Ну что, можешь ли ты идти?

— Могу,—хрипло отвѣтилъ молодой, и Вольфгангъ сразу узналъ этотъ голосъ. Кульрихъ! Какъ страшно онъ измѣнился!

— Здравствуй, Кульрихъ! — проговорилъ онъ, подходя къ нему.

— Шлибенъ!—Больной улыбнулся безкровными губами, обнаруживъ длинные бѣлые зубы, и протянулъ непріятно влажную руку. Вольфгангъ слышалъ, что у Кульриха чахотка, и поспѣшилъ спросить его о здоровьи, выразивъ надежду, что товарищъ уже поправляется. О, да, онъ скоро уѣдетъ отсюда на югъ!..

— И вернется совсѣмъ здоровымъ,—вмѣшался отецъ.—Сегодня онъ слишкомъ понадѣялся на свои силы, но я полагаю, что это не повредитъ ему... Тебѣ не холодно? Не хочешь ли покуда присѣсть?—съ тревогою обратился онъ къ сыну.—Присядь, Фрицъ, покуда не подъѣдетъ извозчикъ.

— Не могу ли я сбѣгать за извозчикомъ? — предложилъ Вольфгангъ, съ эгоизмомъ юности невольно отстраняясь, чтобы дыханіе больного не коснулось его; этотъ кашель произво-

дилъ на него удручающее впечатлѣніе. Каково бѣдному отцу его слушать!

Старый Кульрихъ разсыпался въ благодарностяхъ, когда Вольфгангъ, запыхавшійся и едва переводившій дыханіе, привелъ извозчика. Онъ усадилъ сына, укуталъ его пледомъ; кучеръ далъ еще попону, которою Вольфгангъ прикрылъ ноги больного.

— Спасибо,—прошепталъ тотъ совсѣмъ беззвучно, между тѣмъ какъ отецъ просилъ г. Шлибена навѣстить ихъ.

— Только приходи скорѣе!—сказалъ больной, улыбнувшись своею странною улыбкой.—Прощай!..

— Прощай!—Вольфгангъ стоялъ и глядѣлъ вслѣдъ каретѣ, увозившей Кульриха—къ его матери.

Веселость его отлетѣла, когда остальная компанія нашла его. Гансъ, вѣроятно, цѣловалъ свою Фриду, такъ какъ шляпка ея съѣхала набокъ, а глазки блестѣли. Вольфгангъ поспѣшилъ съ ними проститься. Смерть какъ бы коснулась его своимъ дыханіемъ.

Дома ему неожиданно пришлось выдержать сцену. Кэте не утерпѣла: разсказала мужу о томъ, что̀ видѣла, и Шлибенъ разсердился сильнѣе, чѣмъ она ожидала. Вотъ въ какое общество онъ попалъ! Что̀ это за женщина, съ которою онъ таскается?

— „Таскается"? „Женщина"?.. Такія слова въ примѣненіи къ Фридѣ Лемке—вывели Вольфганга изъ себя.—Во-первыхъ, она не женщина, во-вторыхъ,—онъ и не думалъ таскаться.

— Ну, словомъ, та, съ которою мы тебя видѣли,—поправился Шлибенъ.

Вольфгангъ густо покраснѣлъ. Они подсматриваютъ за нимъ?

— Кто же она, смѣю спросить?

— Моя пріятельница.

— Пріятельница, ну, да! Но для тебя еще рано имѣть такихъ подозрительныхъ пріятельницъ.

— Она не подозрительная!—Глаза Вольфганга засверкали; ему вспомнились слова фрау Лемке, говорившей: „Не ходите къ намъ слишкомъ часто, Вольфгангъ. Фрида — бѣдная дѣвушка". Онъ набросился на отца. Какъ онъ можетъ такъ говорить о порядочной, безупречной дѣвушкѣ? Какъ онъ осмѣлив...

— „Осмѣливается"?—Шлибенъ готовился вспылить, но честное негодованіе, выражавшееся на лицѣ юноши, обезоружило его. Нѣтъ, онъ еще не былъ испорченъ,—такія особы привязываются преимущественно къ неиспорченнымъ молодымъ людямъ. Онъ смягчилъ тонъ и посовѣтовалъ сыну поскорѣе раздѣлаться съ этою исторіей. Онъ даже готовъ помочь ему.

— Благодарю!—Вольфгангъ засунулъ руки въ карманы панталонъ и дерзко смотрѣлъ на отца. Отъ его размягченнаго состоянія ничего не осталось; онъ не могъ имъ простить того, что они опорочили Фриду.

Что сдѣлалось съ нимъ? Кэте съ ужасомъ глядѣла на него. Онъ сталъ совсѣмъ, совсѣмъ инымъ.

И вдругъ она проговорила съ любовью:—Вольфгангъ, не будь такимъ, прошу тебя... Вольфгангъ, вѣдь мы желаемъ тебѣ добра.

Онъ смѣрилъ ее неподдающимся описанію взглядомъ и отвелъ глаза.

— Лучше мнѣ уйти отсюда, — произнесъ онъ вдругъ сорвавшимся голосомъ, и вызовъ, звучавшій въ его тонѣ, былъ заглушенъ острымъ сознаніемъ того, что онъ правъ, что такъ оно и есть.

XVI.

— Вы говорите, его уже цѣлыхъ два дня нѣтъ дома?

Кэте стояла совсѣмъ растерянная передъ хозяйкою меблированныхъ комнатъ, въ которыя переѣхалъ Вольфгангъ послѣ того, какъ они сообща рѣшили, что ему лучше жить отдѣльно. Онъ не баловалъ родителей своими посѣщеніями; съ отцомъ онъ видался въ конторѣ, а Кэте изъ гордости не давала ему понять, что она желала бы чаще видѣть его дома. Но зато она постоянно забѣгала къ нему, заботилась о его туалетѣ, и это была не ея вина, если онъ за послѣднее время какъ-то опустился. Онъ уже цѣлую недѣлю не былъ на виллѣ, подъ предлогомъ простуды; наконецъ, сегодня она не выдержала—заѣхала къ нему передъ театромъ. Они съ мужемъ собирались на „премьеру“ Гауптмана, но она еще поспѣетъ къ началу спектакля; Вольфгангъ съ минуты на минуту можетъ вернуться. Слова улыбавшейся не безъ злорадства квартирной хозяйки совершенно поразили ее. Гдѣ же онъ пропадаетъ? Въ конторѣ онъ бываетъ часа на два,—гдѣ же онъ проводитъ остальные дни и ночи, въ особенности—ночи?

Не будь здѣсь этой женщины съ жесткими любопытными глазами, Кэте громко вскрикнула бы отъ боли; теперь она вонзила свои ногти въ ладонь руки, для того, чтобы физическимъ страданіемъ заглушить свою муку; голосъ ея понизился до шопота:

— А вы... не имѣете ли вы какого-нибудь понятія о томъ, гдѣ онъ можетъ быть?

— Ужъ, право, не могу сказать, сударыня...—Она прищурила глаза и, казалось, соображала.—Вотъ развѣ что... Барышня одна къ нему частенько заходила: въ театръ, говорятъ, отправлялись... Можетъ быть, и въ театръ. Бѣлокурая такая, хорошенькая...

— Съ очень свѣтлыми, зачесанными на уши волосами?—Кэте вспомнила блондинку въ Шильдгорнѣ.

— Вотъ именно. Волоса самые что ни на есть свѣтлые, на затылкѣ—толстымъ узломъ связаны. Они говорили другъ другу: „ты", и онъ называлъ ее Фридою.

— Фридою?!

— Да, Фридою... Это уже я навѣрно помню. Да постойте... Нѣтъ ли отъ нея письмеца?

Женщина вытащила изъ-подъ стола корзину и принялась шарить въ ней опытной рукою. — Такъ и есть... Не угодно ли поглядѣть?—и она съ торжествомъ протянула матери лоскутки разорваннаго письма. Нѣсколькихъ кусочковъ не хватало, но, тѣмъ не менѣе, имъ удалось разобрать содержаніе:

„...больше не приходишь...
сержусь на тебя...
на дняхъ зайду къ тебѣ
„твоя ,
„Фрида Лемке".

— Фрида Лемке?—Кэте громко вскрикнула. Этого она не ожидала. Дѣвочка, игравшая у нея въ саду?... Положимъ, у нея всегда были дерзкіе глаза.

— Вы знаете ее?—спросила хозяйка, глаза которой засверкали любопытствомъ.

Кэте не отвѣчала. Она сидѣла, устремивъ глаза на узоръ ковра. Лучше это или хуже? Она какъ-то ничего не могла сообразить. Одно было ясно ей: скорѣе туда, къ Лемке!

— Хорошо, благодарю васъ,—машинально проговорила она, вставая, и почти выбѣжала изъ комнаты мимо пораженной изумленіемъ хозяйки.

Кэте никогда не бывала ночью одна на улицѣ; она выѣзжала съ мужемъ, или Фридрихъ сопровождалъ ее, и теперь ей стало страшно, хотя Фридрихштрассе была ярко освѣщена. Сколько мужчинъ, сколько женщинъ! Они увлекли ее въ своемъ потокѣ. Шуршащія, пропитанныя запахомъ крѣпкихъ духовъ платья и мужскія фигуры — молодые люди, старики, почти мальчики... Куда они всѣ стремились? Неужели это называется веселыми

берлинскими ночами? Это ужасно и отвратительно. Подъ шляпкою не видно, что у нея сѣдые волосы. Что если и ее примутъ за одно изъ такихъ созданій, какъ-нибудь оскорбятъ?..

Дрожа отъ страха, она подозвала экипажъ и велѣла ѣхать домой. Скорѣе—туда, въ свой порядочный, чистый домъ, стѣны котораго служатъ оплотомъ отъ уличной грязи! Какъ тащится экипажъ! Кэте забыла о своемъ намѣреніи ѣхать къ Лемке; она жаждала одного: укрыться въ объятіяхъ мужа, который, вѣроятно, безпокоится о ней, отъ всего этого кошмара. Уже поздно. У Лемке она найдетъ мать,—быть можетъ, такую же несчастную и одинокую, какъ она сама. Погибшія дѣти—что можетъ быть ужаснѣе? Погибшій сынъ,—погибшая дочь?

Подъѣзжая къ дому, Кэте начала успокоиваться. Она овладѣла собою и рѣшила, что покуда ничего не скажетъ мужу, но сначала сама попытается спасти утопающаго.

На слѣдующій день она отправилась къ Лемке. Ноги у нея подкашивались, она не знала, съ чего начнетъ разговоръ: тамъ видно будетъ.

Ощупью спускалась Кэте въ подвальное помѣщеніе Лемке. Постучалась и, не дожидаясь отвѣта, вошла.

Фрау Лемке мыла полъ.

— Барыня, фрау Шлибенъ?!

Совершенно смутившаяся блѣдная женщина, торопливо оправляя высоко поднятое платье, ясными, недоумѣвающими глазами спокойно смотрѣла на входившую.

— Здравствуйте, фрау Лемке, — ласково сказала Кэте. — Ваша дочь Фрида дома? Мнѣ надо съ ней поговорить.

— Нѣтъ, Фриды нѣтъ дома!—Женщина смотрѣла, все болѣе удивляясь: что понадобилось барынѣ? вѣдь ей никогда не было дѣла до Фриды!—Фрида на службѣ!

— Такъ; и вы въ этомъ вполнѣ увѣрены?

Фрау Лемке не почувствовала язвительности вопроса.

— Фрида никогда не опаздываетъ; у нея два свободныхъ часа на обѣдъ, по вечерамъ она возвращается около десяти... Если барыня пожелаетъ, Фрида можетъ зайти къ ней послѣ обѣда. Она сдѣлаетъ это очень охотно.

Любопытство мучило фрау Лемке: зачѣмъ понадобилась Фрида?

— Если вы позволите, я подожду,—сказала Кэте.

— Будьте добры присѣсть!

Быстро вытерла фрау Лемке стулъ своимъ чернымъ передникомъ и сердечно освѣдомилась о здоровьи молодого барина:

вѣдь, спускаясь къ Фриде въ подвалъ, мать Вольфганга оказывала имъ все-таки почетъ!

Кэте не отвѣчала: какая невѣроятная дерзость! Какъ смѣетъ эта женщина, не содрогаясь, еще спрашивать? Но... можетъ быть, она вообще ничего не подозрѣваетъ,—ея взоръ такъ ясенъ! Эта женщина здѣсь такъ же обманута, какъ она сама. У Кэте нѣтъ духу разоблачить истину—несчастная мать!

Обѣ молчали, чувствуя неловкость. Фрау Лемке чистила къ обѣду картофель, искоса поглядывая на госпожу. Кэте, блѣдная, подавляла зѣвоту: ея возбужденіе смѣнилось невѣроятнымъ утомленіемъ. Она ждала напрасно, и эта мать также будетъ ждать напрасно! Лицемѣрная дѣвчонка вѣдь не идетъ! И мысль о бѣлокурой дѣвушкѣ приводила ее въ ярость. „Всегда твоя—твоя Фрида Лемке“—кокетство чуялось ей въ словахъ письма; онъ, видимо, хотѣлъ отдалиться, но—„если ты не придешь, я приду къ тебѣ“—о, съ такой не развяжешься, она сумѣетъ удержать!

Кэте не вѣрила, что Фрида можетъ придти. Уже шелъ второй часъ: мать лгала и, можетъ быть, сама была заодно.

Но послышались на лѣстницѣ шаги, и мать радостно сказала:

— Вотъ и Фрида!

Напѣвая пѣсенку, вошла дѣвушка.

Взволнованная вскочила Кэте и горящими глазами смотрѣла на дѣвушку. Она дѣйствительно пришла! Она—здѣсь, но Вольфгангъ, онъ гдѣ?!

— Знаете вы, гдѣ сынъ мой Вольфгангъ, — Вольфгангъ Шлибенъ?!

Ошеломленная Фрида поблѣднѣла. Она хотѣла что-то сказать, запнулась, закусила губы и густо покраснѣла.

— Почему я должна знать? Я вовсе не знаю!

— Вы прекрасно знаете! Не лгите!

И госпожа Шлибенъ съ жаромъ схватила дѣвушку за руки. Она бы хотѣла вцѣпиться ей въ бѣлокурые волосы и кричать: „Мальчикъ мой! Отдай мнѣ моего мальчика!“ Но у нея не было силъ трясти стройныя руки дѣвушки такъ долго, чтобы добиться признанія.

Голубые глаза Фриды смотрѣли открыто, совершенно искренно, хотя въ глубинѣ ихъ сквозило легкое безпокойство.

— Я давно его не видала, сударыня,—сказала Фрида честно, и затѣмъ прибавила болѣе слабымъ голосомъ, слегка озабоченно:— Прежде онъ заходилъ, а теперь совсѣмъ его не видно,—правда, мать?!

Фрау Лемке покачала головой.—Да, совсѣмъ его не видно. Ей было не по себѣ, все было такъ странно: госпожа Шли-

бенъ здѣсь, въ подвалѣ,—и чтò ей, наконецъ, надо отъ Фриды? Что-то неладно! Но какъ бы ни было, ея Фрида невиновна,—пусть госпожа Шлибенъ это помнитъ.

— Вы очень ошибаетесь, сударыня, въ чемъ-то подозрѣвая мою Фриду! Моя Фрида уже давно помолвлена съ Флеббе—Гансомъ Флеббе, сыномъ кучера—и вообще Фрида совсѣмъ приличная дѣвушка,—чтò вы, право, воображаете о моей дочери? Богъ мой, это всегда такъ: молодой дѣвушкѣ нашего круга не полагается быть приличной,—нѣтъ!—Оскорбленная мать становилась теперь запальчивой.—Моя Фрида была очень хорошей пріятельницей вашего Вольфганга, и я вѣдь къ нему также очень расположена. Когда я лѣтомъ болѣла, онъ мнѣ прислалъ пятьдесятъ марокъ, чтобы я могла на три недѣли уѣхать поправиться,—но пусть бы онъ попробовалъ теперь придти,—я его хорошо выставлю, болвана!

Блѣдное лицо ея ярко покраснѣло отъ неопредѣленнаго страха, что о ея Фридѣ могутъ что-нибудь сказать.

Фрида бросилась къ ней и обняла ее.

— Не сердись, мать, не волнуйся! Это тебѣ вредно.

Къ Фридѣ вернулась вся ея энергія; держа еще мать въ объятіяхъ, она повернула свою бѣлокурую голову къ госпожѣ Шлибенъ.

— Сударыня, вамъ слѣдовало бы обратиться по другому адресу. Я ничего не могу сказать вамъ о вашемъ сынѣ. Еще на дняхъ мы говорили съ матерью, что онъ насъ совсѣмъ забылъ. И я ему даже написала записочку, чтобы онъ къ намъ зашелъ,—потому что я его цѣлую вѣчность не видала,—а прежде онъ охотно со мною бывалъ! Но онъ мнѣ даже не отвѣтилъ. А я вѣдь ему ничего не сдѣлала! Онъ теперь очень измѣнился!—Фрида прибавила не по лѣтамъ озабоченно:—Сударыня, я думаю, было бы лучше, еслибы онъ жилъ у васъ.

Кэте посмотрѣла на нее пристально: чтò она предчувствовала—чтò она знала—знала ли она вообще что-нибудь?! Сомнѣнія возникали, и наконецъ явилась увѣренность: не эта дѣвушка была виной ея горя,—иначе она не могла бы такъ говорить! Испорченная не могла бы отнестись такъ чистосердечно! А эта вѣдь сама такъ откровенно подтвердила, что на дняхъ писала Вольфгангу... Нѣтъ, такой дурной она не была; то была, несомнѣнно, другая блондинка! Но гдѣ искать ту,—гдѣ, гдѣ найти Вольфганга?

Поднявъ руки, какъ бы съ мольбой, жалобно обратилась она къ дѣвушкѣ:

— Но неужели же вы ничего не знаете, неужели у васъ нѣтъ предчувствія, гдѣ онъ можетъ быть? Вчера ровно два дня, какъ онъ пропалъ—совсѣмъ пропалъ—его хозяйка не знаетъ, куда.

— Совсѣмъ пропалъ—уже два дня?!—Фрида широко открыла глаза.

— Я же вамъ это говорю—потому я васъ и спрашиваю—онъ совсѣмъ, совсѣмъ пропалъ!

Дикое нетерпѣніе овладѣло матерью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, острое сознаніе своего горя,—она закрыла лицо руками и громко застонала.

Мать и дочь Лемке посмотрѣли другъ на друга сочувственно. Фрида поблѣднѣла, затѣмъ покраснѣла, какъ будто у нея что-то хотѣло сорваться съ губъ, но промолчала.

— Онъ все-таки не негодяй, нѣтъ, онъ все-таки не негодяй,—прошептала фрау Лемке.

— Кто же это говоритъ?!—Кэте опустила руки; все страданіе многихъ лѣтъ, вся безнадежность отразились въ ея голосѣ:—Онъ обманутъ, запутанъ,—погубленъ, погубленъ!

Фрида громко плакала.—Ахъ, не говорите этого! Онъ справится съ этимъ, онъ навѣрное съ этимъ справится! Еслибы я только...—она запнулась и задумчиво сдвинула брови:—еслибы я навѣрное знала!

— Помогите мнѣ! Ахъ, неужели вы мнѣ не можете помочь?!

Услышавъ эти слова, фрау Лемке всплеснула руками и задрожала отъ волненія: какъ ужасно переживать все это изъ-за собственнаго ребенка, котораго рождаешь въ страданіяхъ! Она схватила холодную, ослабѣвшую руку Кэте и горячо заговорила:

— Боже мой, какъ мнѣ это горько, ужасно горько! Но утѣшьтесь! Вы знаете, у матери есть особая сила, совсѣмъ особая, и дитя не можетъ забыть мать навсегда!—Лицо ея прояснялось при этой мысли.

— Но это совсѣмъ не мой сынъ—не мой родной сынъ,—я вѣдь совсѣмъ не его настоящая мать!

То, въ чемъ Кэте никогда не могла признаться, теперь выговорила она. Это признаніе вырвалось отъ страха и надежды услышать, что и не родная мать навѣрное не будетъ забыта!

Но фрау Лемке промолчала. Съ сомнѣніемъ покачала она головой: ей вѣдь ни на минуту не приходило на мысль, чтобы это не была настоящая мать Вольфганга!

Въ тяжелое молчаніе погрузилась комната. Слышалось лишь прерывистое дыханіе, пока, наконецъ, Фрида не проговорила яснымъ голосомъ:

— А сегодня вы развѣ уже заходили къ хозяйкѣ? Нѣтъ?

Кэте молча покачала головой.

— Но тогда, сударыня... вчера было два дня, вы говорите?... Онъ могъ возвратиться сегодня! Надо еще разъ освѣдомиться. Я живо сбѣгаю!

И она была уже у двери, не слушая, что мать кричала ей вслѣдъ:—Фрида, Фрида, ты бы хоть немного перекусила, ты вѣдь не пообѣдала!

Фрида съ добродушной торопливостью, полная сердечнаго сочувствія, уже взбѣгала по ступенямъ лѣстницы.

Кэте бросилась вслѣдъ за нею.

Но на Фридрихштрассе онѣ не узнали ничего новаго. Хотя комнаты были вытоплены, пыль вытерта и даже приготовленъ завтракъ, — какъ будто молодой баринъ могъ каждую минуту войти,—хозяйка ожидала особаго вознагражденія за свои заботы,—но молодой баринъ все еще не показывался.

Кэте лежала больная. Докторъ пожалъ плечами: помочь было трудно,—это была полнѣйшая апатія. Еслибы явилось что-нибудь, что встряхнуло бы и заставило ее встать, то дѣло пошло бы на поправку! Пока же онъ прописалъ укрѣпляющія средства—пульсъ былъ очень слабъ.

У постели жены сидѣлъ Шлибенъ; онъ только-что возвратился домой изъ города. Теперь сидѣлъ онъ съ опущенной головой, съ сдвинутыми бровями.

— Все никакихъ вѣстей о немъ? Что сказала женщина? Попрежнему ничего не извѣстно? — прошептала Кэте слабымъ голосомъ.

Онъ сказалъ только:—Намъ придется-таки обратиться къ полиціи!

— Нѣтъ, нѣтъ, только не къ полиціи! Искать его какъ преступника?! Ты жестокъ, Пауль! Молчи же, Пауль!

Ея слабый голосъ становился почти крикомъ.

Онъ пожалъ плечами:—Намъ ничего другого не остается,—озабоченно взглянулъ на нее и молча поникъ головою.

Его горе казалось ему безграничнымъ. Уже восемь дней, какъ Вольфгангъ исчезъ — ужасъ, ужасъ, сколько заботъ доставилъ имъ этотъ человѣкъ! Чѣмъ все это кончится?! Повышенная нервозность жены была опасна, особенно при такомъ упадкѣ силъ! Кэте никогда не была богатыремъ, но теперь она стала такъ тонка, такъ худа; за эти восемь дней ея рука, безжизненно

лежавшая на одѣялѣ, стала почти прозрачной. И какъ посѣдѣли ея волосы!

Грустными глазами искалъ мужъ на лицѣ жены слѣдовъ былой красоты: горе избороздило это лицо слишкомъ многими складками и глубокими морщинами. Онъ готовъ былъ плакать,—такъ горько ему было видѣть ее больною. Отвернувшись, онъ закрылъ глаза рукою.

Онъ сидѣлъ, не шевелясь; она лежала неподвижно, какъ бы спала.

Постучали. Испуганный Шлибенъ взглянулъ на больную: не потревожили бы ее? Но она не раскрыла глазъ.

Онъ подошелъ на цыпочкахъ къ двери и открылъ. Фридрихъ принесъ почту, разныя письма и газеты. Только по привычкѣ взялъ ихъ Шлибенъ,—теперь все его мало интересовало. Первые дни послѣ исчезновенія Вольфганга, Кэте все боялась, что прочтетъ о немъ въ газетѣ,—страшныя предчувствія ее мучили; теперь она перестала спрашивать. Но у мужа глубоко въ душѣ поднималась тревога, хотя онъ и старался сдѣлаться черствымъ: что̀ еще предстоитъ пережить?! Онъ не могъ взяться за газету безъ нѣкотораго содроганія.

— Не шурши же такъ нестерпимо!—сказала раздраженно слабая женщина. Тогда онъ поднялся, чтобы выскользнуть изъ комнаты: лучше онъ уйдетъ,—она, видимо, тяготится его присутствіемъ! Взглядъ его остановился на одномъ изъ писемъ. Почеркъ неустановившійся, ученическій? Должно быть, просьба о пособіи? Письмо было адресовано его женѣ, но ей теперь не до писемъ; это побуждало его открыть именно это письмо. Не изъ любопытства, но онъ чувствовалъ необходимость это сдѣлать.

Онъ открылъ письмо быстрѣе, чѣмъ обыкновенно. Писала женщина, по всей вѣроятности дѣвушка: невыписанныя, вычурныя буквы; стремленіе измѣнить почеркъ бросалось въ глаза.

„Если вы хотите что-нибудь узнать о вашемъ сынѣ, вы должны отправиться на Путкаммерштрассе, 140, и подняться въ третій этажъ, во дворѣ, и найти у звонка надпись „Кнаппе“. Тамъ живетъ она!“

Подписано было: „Добрый другъ“.

У Шлибена было такое чувство, какъ будто бумага горѣла у него въ рукахъ—обыкновенная бумага, только нѣжно-розовая и съ запахомъ дешеваго мыла, — анонимное письмо, фи! Онъ уже хотѣлъ его смять, когда послышался голосъ Кэте:—Что̀ у тебя тамъ, Пауль? Письмо? Покажи-ка сюда!

При его робкомъ приближеніи, она кинулась къ нему и вы-

рвала у него изъ рукъ письмо. Она прочла и громко закричала:
—Это написала Лемке! Я увѣрена, что она. Она вѣдь хотѣла его искать—и ея братъ, ея женихъ—они навѣрное его нашли! Путкаммерштрассе,—гдѣ это? 140... мы должны туда отправиться! Сейчасъ, сію минуту! Позвони дѣвушку! Мои башмаки, мои вещи—ахъ, я ничего не могу найти! Да позвони же! Она должна меня причесать... Ахъ, да оставь же, я вѣдь все сама сдѣлаю!

Она соскочила съ постели, дрожа отъ торопливости; сидя у туалетнаго столика, она сама причесывала свои длинные волосы. Они были спутаны отъ лежанія въ постели, и она рвала ихъ въ безжалостной поспѣшности.

— Только бы намъ не опоздать! Мы должны торопиться. Онъ навѣрное, навѣрное тамъ! Ну, что ты стоишь и на меня такъ смотришь? Собирайся же! Я сейчасъ готова, мы сейчасъ можемъ идти. Пауль, милый Пауль, мы его навѣрное тамъ найдемъ... О, Господи!—Отъ слабости у нея кружилась голова, но воля преодолѣвала слабость. Теперь она уже твердо держалась на ногахъ.

Никто бы не повѣрилъ, что она только-что лежала совсѣмъ безпомощная! Шлибенъ не рѣшался ее удерживать: что худшее могло еще случиться?! Худшаго нельзя было ждать, и, по крайней мѣрѣ, она не упрекнетъ его больше, что онъ недостаточно любитъ мальчика.

Когда менѣе чѣмъ черезъ полчаса они садились въ экипажъ, который былъ вызванъ Фридрихомъ по телефону, Кэте была не такъ блѣдна и казалась менѣе старой, чѣмъ Пауль.

XVII.

Когда Фрида Лемке встрѣчалась теперь съ Вольфгангомъ, онъ опускалъ глаза и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ее. Онъ на нее сердился: проклятая маленькая жаба—выдала его! Только она, она одна могла направить родителей на его слѣдъ! Какъ иначе могли они это узнать? Онъ готовъ былъ побить себя за то, что намекнулъ этой змѣѣ о своемъ знакомствѣ на Путкаммерштрассе. Эта Фрида со своей дружбой... пусть бы попробовала она ему еще разъ сказать объ его дружбѣ! Женщины вообще всѣ ничего не стоятъ!

Юноша былъ полонъ свирѣпаго презрѣнія къ женщинамъ. Женщины всѣ... грошъ имъ цѣна,—о, теперь онъ хорошо ихъ знаетъ, досыта, даже до отвращенія!

Еще не достигшій девятнадцатилѣтняго возраста, Вольфгангъ

чувствовалъ себя усталымъ и старымъ. Когда онъ вспоминалъ о недавно пережитомъ, ему оно казалось какимъ-то сномъ. И когда ему встрѣчалась Фрида Лемке—а избѣгнуть ея было трудно, такъ какъ онъ аккуратно ѣздилъ въ контору и обратно,—это было ему всегда ножъ въ сердце. Онъ не могъ заставить себя даже поклониться ей.

Еслибы только сбросить тяжесть, которую онъ на себѣ чувствовалъ! Они вѣдь ему ничего не дѣлали,—нѣтъ, они были даже очень добры, но онъ не могъ отдѣлаться отъ чувства, что онъ только терпимъ. Это его раздражало и въ то же время печалило. Они его не упрекали, но отецъ былъ постоянно серьезенъ и холоденъ, а взглядъ матери былъ даже мучителенъ. Обидное недовѣріе испытывалъ онъ: отчего они прямо не скажутъ, что презираютъ его?

По ночамъ, когда Вольфгангъ не могъ спать, его терзало почти раскаяніе. Началось сильное сердцебіеніе, онъ садился—лежать былъ не въ силахъ—и едва дышалъ. Въ тревогѣ, широко раскрытыми глазами смотрѣлъ онъ въ темноту: о, какое это было отвратительное состояніе! Утромъ, когда припадокъ проходилъ, когда кошки,—„моральныя кошки“, какъ онъ это называлъ шутя, — переставали скрести сердце, онъ сердился на свою сентиментальность. Что̀ же дурного онъ сдѣлалъ? Не больше того, что̀ дѣлаютъ сотни другихъ молодыхъ людей,—только тѣ не такъ глупы, какъ онъ! Эта Фрида, эта проклятая сплетница! Онъ бы ее задушилъ.

Послѣ тяжелыхъ ночей Вольфгангъ становился еще нелюбезнѣе, неразговорчивѣе, сердитѣе, еще болѣе уходилъ въ себя.

„Онъ возстановленъ противъ насъ!“ —рѣшилъ Шлибенъ. Женѣ онъ этого не сказалъ,—зачѣмъ ее еще болѣе волновать? А что она уже тревожилась,—это онъ видѣлъ по тому, какъ она баловала Вольфганга. Не словами и ласками,—эти времена прошли,—но особенно заботливо относилась она къ его питанію; его положительно откармливали. Человѣкъ его лѣтъ долженъ былъ вѣдь быть гораздо сильнѣе! Спина казалась недостаточно широкой, грудь мало выпуклой, черные глаза впали и были окружены темной полосой. Онъ плохо держался и настроеніе его было угрюмое. Настроеніе, да, настроеніе! Это былъ корень всей бѣды, но тутъ никакой уходъ, никакое лекарство не могли помочь. Юноша былъ собой недоволенъ,—развѣ это удивительно?! Онъ стыдился!

И передъ глазами Шлибена ярко вставала вся картина, во всемъ ея безобразіи.

Онъ оставилъ Кэте внизу,—хотя она и думала непремѣнно

подняться съ нимъ вмѣстѣ, но онъ настоялъ, чтобы она осталась внизу, на дворѣ, на этомъ узкомъ и темномъ дворѣ, гдѣ пахло плѣсенью и щебнемъ. Онъ поднялся одинъ. Третій этажъ. Ему показалось очень высоко, еще никогда его колѣни такъ не уставали отъ лѣстницы. Вотъ и „Кнаппе". Онъ взялся за колокольчикъ и вздрогнулъ, когда онъ зазвонилъ. Зачѣмъ въ сущности онъ здѣсь? По анонимному письму, вторгается онъ къ чужимъ людямъ, онъ, Пауль Шлибенъ?!—Кровь бросилась ему въ голову, но женщина уже открывала ему, женщина въ свѣтлоголубомъ халатѣ, совсѣмъ немолодая, но роскошная, съ добродушными глазами. При свѣтѣ скверной кухонной лампочки, которою даже въ полдень освѣщалось непроглядно-темное помѣщеніе, онъ увидалъ на вѣшалкѣ элегантное пальто и изящную войлочную шляпу; это были вещи Вольфганга. Значитъ, онъ дѣйствительно здѣсь?! Здѣсь?! Итакъ, анонимное письмо не обмануло?!

Что было потомъ—онъ въ точности не помнилъ; онъ зналъ только, что остался безъ денегъ. Потомъ онъ за руку свелъ внизъ по лѣстницѣ молодого человѣка,—скорѣе, впрочемъ, стащилъ, чѣмъ свелъ. Уже на половинѣ лѣстницы встрѣтила ихъ Кэте. Время тянулось для нея томительно; вокругъ нея собрались дѣти съ открытыми ртами, изъ оконъ выглядывали женщины. Она приходила въ отчаяніе: отчего Пауль такъ возмутительно долго пропадаетъ?!—Ей вѣдь въ голову не приходило, что ему пришлось разбудить сына, непробудно спавшаго на безпорядочной кровати. Этого она не должна была никогда узнать.

И вотъ мальчикъ опять дома,—но принесло ли это имъ радость? Какъ ни былъ примирительно настроенъ Шлибенъ, но ему приходилось себѣ рѣзко отвѣтить: „нѣтъ". Радости нельзя было ждать. Быть можетъ, только въ далекомъ, далекомъ будущемъ передъ ними блеснетъ лучъ свѣта! Самое лучшее теперь, чтобы молодой человѣкъ отбылъ воинскую повинность!

Вольфгангъ всегда мечталъ поступить въ гусары, но, наведя справки, Шлибенъ нашелъ болѣе подходящимъ устроить его въ пѣхотѣ.

Прежде сынъ горячо воспротивился бы — въ кавалерію онъ хочетъ, во что бы то ни стало,—теперь онъ объ этомъ и не подумалъ. Если надо непремѣнно служить, то не все ли равно гдѣ?! Онъ былъ смертельно утомленъ. У него было одно только желаніе—хоть разъ хорошенько выспаться. Кульрихъ умеръ — около Рождества отецъ его прислалъ увѣдомленіе,—а онъ? Онъ прогулялъ слишкомъ много ночей.

Вольфгангъ не былъ принятъ на службу; это былъ большой

ударъ для Шлибена. „Негоденъ“ — жестокое слово; но почему негоденъ?!

„Порокъ сердца“ — прочли родители; они не вѣрили своимъ глазамъ, читали снова...

Вольфгангъ возвратился послѣ испытанія совсѣмъ разбитымъ, но незамѣтно было, чтобы онъ былъ взволнованъ своей негодностью. Онъ ничѣмъ это не выражалъ, — но такъ ли это было?!

Правда, докторъ, послѣ изслѣдованія, старался изобразить все какъ можно утѣшительнѣе: — Неправильность сердца, Боже ты мой! Да много ли есть людей, у которыхъ совсѣмъ нормальное сердце! Если вы немного за собой послѣдите, Вольфгангъ, и будете вести правильную жизнь, — вы можете дожить до глубокой старости!

Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ.

Шлибены осыпали доктора упреками: зачѣмъ онъ ихъ не предупредилъ раньше? Онъ вѣдь не могъ этого не знать! Зачѣмъ оставлялъ онъ ихъ въ невѣдѣніи?!

Гофманъ защищался: развѣ онъ не твердилъ всегда объ осторожности? Послѣ скарлатины, бывшей у мальчика, онъ всегда боялся за его сердце и не скрывалъ своихъ опасеній. Но правда, онъ никакъ не могъ предположить, чтобы дѣло могло такъ обостриться. Мальчикъ былъ слишкомъ предоставленъ самому себѣ.

„Порокъ сердца“ — это звучало смертнымъ приговоромъ. Вольфгангъ былъ сраженъ. Онъ вдругъ потерялъ силы бороться съ ночными припадками. То, что̀ прежде онъ переживалъ одинъ въ постели, даже не зажигая огня, теперь заставляло его вставать, бросаться къ окну, распахивать его, выбѣгать изъ комнаты, пока онъ не находилъ успокоенія въ креслѣ. Страданіе заставило его звать родителей: — Вы спите? Мнѣ такъ страшно! Побудьте со мною!

Мучительныя ночи повторялись долгое время. Вольфгангъ страдалъ, и мать вмѣстѣ съ нимъ. Какъ могла она спать, когда она знала, что рядомъ съ ней кто-нибудь мучится?!

Наконецъ стало ему лучше. Лекарства стараго друга помогли, Вольфгангъ прошелъ правильный курсъ леченія: ванны, растираніе, массажъ, особая діэта помогли; онъ прибавился въ вѣсѣ, глаза заблестѣли, и лицо посвѣжѣло. Всѣ стали надѣяться — только онъ не чувствовалъ желанія жить.

Апрѣль былъ суровый и бурный, необычайно холодный; выздоравливавшій не могъ проводить на воздухѣ столько времени, какъ было желательно, тѣмъ болѣе, что согрѣвающія движенія — теннисъ, ѣзда на велосипедѣ и верхомъ — пока были для него

утомительны. Докторъ предложилъ отправить Вольфганга на Ривьеру, чтобы воспользоваться нѣсколькими недѣлями до наступленія тамъ жаровъ.

Шлибенъ былъ готовъ устроить путешествіе юноши: если это ему полезно, такъ и прекрасно! Кэте выразила желаніе его сопровождать.

— Но зачѣмъ же? Мальчикъ прекрасно можетъ поѣхать одинъ,—возразилъ докторъ.

Но она настаивала, она должна его сопровождать. Это больше не тревога, что онъ пропадетъ, теперь это ея обязанность, если даже онъ будетъ недоволенъ. Къ этому присоединялось едва сознаваемое собственное желаніе побывать на югѣ. Еслибы поѣхать, напримѣръ, въ Сестри, гдѣ они когда-то провели съ мужемъ по-истинѣ счастливѣйшіе дни? Тамъ у синяго моря широкія пиніи зеленѣе и тѣнистѣе, чѣмъ южныя пальмы; тамъ, при всей мягкости воздуха, вѣетъ что-то освѣжающее; тамъ нѣтъ ничего заснувшаго, а всюду жизнь!

Мужъ улыбнулся: конечно, они могли бы туда поѣхать! Его такъ радовало оживленіе жены.

Вечеромъ наканунѣ отъѣзда Вольфгангъ долго убиралъ свою комнату. Кэте, безпокоясь, чтобы онъ не утомился укладкой, послала ему на помощь Фридриха. Но юноша отослалъ его обратно: онъ хотѣлъ все сдѣлать одинъ!

Когда Вольфгангъ все уложилъ, онъ задумчиво оглядѣлъ комнату. Здѣсь онъ выросъ, эту комнату онъ такъ часто называлъ клѣткой,—вернется ли онъ опять сюда?

„Нѣтъ у насъ здѣсь отчизны—мы ищемъ ее въ грядущемъ“.

Передъ нимъ на стѣнѣ въ дорогой рамѣ висѣло его конфирмаціонное изреченіе. Давно онъ на него не заглядывалъ. Теперь онъ его прочелъ, слегка улыбаясь, насмѣшливо, но съ нѣкоторой грустью. Да, онъ опять вернется сюда, — онъ уже привыкъ къ клѣткѣ!

И вдругъ онъ рѣшилъ сдѣлать послѣднее, то, что оставалось сдѣлать — пойти къ Фридѣ.

Фрау Лемке онѣмѣла отъ удивленія, почти испугалась, когда къ ней вошелъ молодой Шлибенъ. Она совсѣмъ растерялась: „Нѣтъ, Фриды нѣтъ,—Артура также,—отецъ въ швейцарской,— но еслибы вы пока у меня присѣли!“ — И она съ большимъ шумомъ пододвинула ему стулъ.

Онъ придвинулъ стулъ близко къ столу, у котораго она шила. Вотъ онъ опять здѣсь сидитъ, какъ нѣкогда. Онъ такъ ясно помнилъ первое приглашеніе къ Лемке — это было десять

лѣтъ назадъ, въ день рожденія Фриды:—тогда онъ сидѣлъ здѣсь съ дѣтьми, и кофе со сластями казался ему такимъ вкуснымъ.

Воспоминанія тѣснились — все пріятныя воспоминанія, — но разговоръ съ фрау Лемке не вязался. Волновала ли его предстоящая встрѣча съ Фридой? Или что другое тревожило его здѣсь?! Да, и здѣсь онъ былъ лишній.

Печаль сквозила въ его голосѣ, когда, протянувъ руку фрау Лемке, онъ сказалъ:—Ну, такъ прощайте!

— Добраго здоровья,—до свиданья!

Онъ еще разъ пожалъ ея руку и пошелъ; лучше онъ встрѣтить Фриду на дорогѣ, чѣмъ здѣсь сидѣть. Сердце у него билось. Она шла ему навстрѣчу.

Хотя было темно, освѣщеніе было не такъ ярко, какъ въ центрѣ города, но онъ узналъ ее издали.

У нея была все та же матросская шапочка съ синей лентой, которая къ ней такъ шла. Фрида была удивительно свѣжа.

Они поровнялись. Вольфгангу вдругъ показалось, что до нея онъ никогда не зналъ ни одной женщины: братскую глубокую нѣжность почувствовалъ онъ къ ней. Ахъ, она вѣдь только добра ему желала!

Онъ молча поклонился. Она весело сказала: „Ахъ, Вольфгангъ, это ты?!“—и протянула ему руку.

Онъ пошелъ съ ней рядомъ, какъ бывало; она невольно замедлила шагъ. Она не совсѣмъ знала, какъ себя съ нимъ держать, одно она опредѣленно чувствовала: онъ на нее не сердится.

— Мы завтра ѣдемъ,—сказалъ онъ.

— Что такъ, куда же?

И онъ все ей разсказалъ.

Она его прервала. — Ты на меня не сердишься?—прошептала она.

Онъ покачалъ головой, но не заговорилъ объ этомъ.

Ей хотѣлось сказать Вольфгангу, что иначе она не могла поступить, что Гансъ его выслѣдилъ, что она обѣщала его матери найти его, и сама за него боялась,—но все, что камнемъ лежало у нея на душѣ, — все осталось невысказаннымъ. Все было ненужно. Прошлое умерло для него, какъ будто онъ его совсѣмъ позабылъ.

Когда онъ разсказывалъ ей о Ривьерѣ, его снова охватило желаніе жить. Ахъ, скорѣй бы только отсюда, скорѣй! Тамъ все опять пойдетъ хорошо! Онъ еще неясно представлялъ себѣ, какъ все тамъ будетъ; къ разсказамъ матери о югѣ онъ оста-

вался равнодушенъ. Ему самому пріятно было сознавать въ себѣ прежнюю радость жизни.

— Пришли ты мнѣ оттуда открытку, съ красивымъ пейзажемъ!—просила она.

— Конечно, множество!—Онъ обнялъ рукой ея узкія плечи и привлекъ ее къ себѣ.

Она не противилась.

Они стояли на улицѣ, по краямъ которой на кустахъ уже распускались почки и зацвѣтала сирень,—они стояли крѣпко обнявшись.

— Пріѣзжай опять здоровымъ!—всхлипывала она.

Онъ нѣжно цѣловалъ ея щеки. — Фрида! о, какъ я тебѣ благодаренъ!...

Когда на другой день утромъ Фрида уходила на службу — была половина восьмого, — она сказала матери: —Ну, вотъ онъ уѣхалъ! —Она была задумчива весь день. Долго она не видѣлась съ Вольфгангомъ—и ей это было безразлично—но со вчерашняго вечера у нея болѣла душа. Она много думала о немъ, она не могла его забыть.

XVIII.

Теперь Кэте была одна съ сыномъ. Наконецъ онъ принадлежалъ ей вполнѣ. Ей было дано все, чего она такъ ревниво домогалась. Его не могла привлечь даже роскошная природа, которая такъ заманчиво смотрѣла въ ихъ окна. Кэте удивлялась его равнодушію, почти сокрушалась имъ. Они проѣхали по Швейцаріи,—онъ видѣлъ ее впервые, но то, что трогало до слезъ — эти высокія горы, съ снѣговыми вершинами, пропадавшими въ облакахъ, все это едва привлекало его вниманіе. Время отъ времени онъ взглядывалъ въ окно, но по большей части сидѣлъ, забившись въ уголъ, и грезилъ, устремляясь взоромъ въ пространство.

— Ты усталъ?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ; короткое „нѣтъ", но безъ рѣзкой краткости, обычной у него въ послѣднее время. Въ его тонѣ не было нелюбезной уклончивости.

Озабоченными глазами смотрѣла Кэте на сына: повидимому, путешествіе его утомляло. Хорошо, что она съ нимъ. Ей казалось, что она необходима, и чувство внутренняго удовлетворенія брало верхъ надъ тяжестью далекаго пути.

Въ Миланѣ, гдѣ они остановились на день, Вольфгангъ мало

интересовался соборомъ. — Да, великолѣпенъ, — сказалъ онъ, когда она восхищалась замѣчательнымъ сооруженіемъ. Но онъ не захотѣлъ подняться на верхнюю площадку, откуда сегодня, въ ясный день, раскрывалась богатѣйшая панорама далекихъ Альпъ. — Пойди одна, оставь меня здѣсь!

Ей казалось смѣшнымъ, что она, старая женщина, одна поднимется, когда онъ, юноша, останется внизу. Но она не могла преодолѣть желаніе еще разъ увидѣть ту красоту, которой она нѣкогда наслаждалась. Она отправилась, а онъ разложилъ складной походный стулъ и опустился на него, прислонясь спиной къ мраморной колоннѣ.

Ахъ, какъ онъ хорошо здѣсь отдыхалъ! Послѣ базарнаго шума на площади, пестрыхъ разнообразныхъ красокъ, здѣсь его охватила пропитанная ладаномъ сумеречная атмосфера. Ему не мѣшали ни хлопаніе дверей, ни группы людей, которыя то входили, то выходили... Ничто не мѣшало ему, онъ ничего не замѣчалъ. Чудныя сумерки овладѣвали имъ, усыпляли его, онъ погружался въ блаженное оцѣпенѣніе. Его затуманившимся взорамъ такъ ласково улыбались святыя, сладчайшія Маріи и толстощекіе, похожіе на амуровъ ангелы. Ему было здѣсь чудно. Чудо свѣта, миланскій соборъ терялъ для него свое чуждое величіе, далекія стѣны сдвигались и становились близкими, хотя и обнимали міръ, міръ умиротворенный, гдѣ колѣнопреклоненные грѣшники встаютъ очищенными. Вольфгангъ почувствовалъ страстное желаніе также опуститься здѣсь на колѣни. Опять вернулся къ нему порывъ его дѣтскихъ лѣтъ! Какъ онъ любилъ тогда ту церковь, куда его свела дѣвушка Цилла! Онъ ее еще любилъ, онъ любитъ ее опять; сегодня онъ ее любитъ болѣе страстно, чѣмъ когда-либо. Здѣсь онъ былъ дома, здѣсь было у него теплое чувство, что онъ свой.

— „Qui vivis et regnas in saecula saeculorum!“ — высоко свѣтилась золотая дарохранительница, низко кланялись молящіеся, божественные звуки парили подъ высокимъ куполомъ все прекраснѣе и прекраснѣе, слабѣе, слабѣе. Вѣки его закрылись.

Онъ увидѣлъ Циллу. Свѣжую, прекрасную, какъ жизнь. О, какую прекрасную! Она прежде была не такая?! Онъ сознавалъ, что грезитъ, но не хотѣлъ проснуться. Она приближалась къ нему — все ближе! Она перекрестила его — слышались нѣжные звуки органа — что она говоритъ, что она шепчетъ ему? Онъ хотѣлъ схватить ея руку, разспросить ее, но его разбудилъ другой голосъ:

— Вольфгангъ, ты спишь?

Рука Кэте нѣжно легла на его руку.—Я, должно быть, долго пробыла наверху? Ты не соскучился?

— О, нѣтъ, нѣтъ!—Онъ сказалъ это съ увлеченіемъ.

Они вмѣстѣ вышли изъ собора, откуда разносились далеко звуки органа. Кэте была совсѣмъ подъ впечатлѣніемъ чудеснаго вида, и потому не замѣчала таинственнаго блеска глазъ Вольфганга. Онъ затихъ и былъ на все согласенъ.

Его манера начинала безпокоить мать. То, что прежде ее осчастливило бы — какъ она въ былые годы мечтала о болѣе мягкомъ ребенкѣ!—теперь разстраивало ее болѣзненно. Неужели онъ боленъ серьезнѣе, чѣмъ всѣ предполагали?

Они прибыли на берегъ моря, въ Сестри. Это были еще тѣ самыя пиніи, подъ которыми, восемнадцать лѣтъ назадъ, она рисовала, совсѣмъ молодой женщиной. Кэте хотѣла совсѣмъ уединиться и жить для одного Вольфганга; но время отъ времени у нея являлась потребность поболтать съ тѣмъ или другимъ, потому что, оставаясь съ Вольфгангомъ, она чувствовала себя одинокой. О чемъ онъ думалъ? Что онъ думалъ, это было видно по его лбу и глазамъ; но онъ не высказывалъ своихъ думъ. Былъ ли онъ озабоченъ—безпеченъ? веселъ—грустенъ? Мучило ли его что-нибудь и скорбѣлъ ли онъ о чемъ—а можетъ быть онъ скучалъ здѣсь?! Этого она не знала.

Нѣсколько капризно удалялся онъ отъ всѣхъ. Напрасно уговаривала его Кэте поиграть въ теннисъ съ молодыми дѣвушками, искавшими партнера; его звали кататься на парусахъ, но, казалось, онъ сталъ совсѣмъ равнодушенъ къ спорту.

Большую часть времени проводилъ онъ на дамбѣ, о скалистый конецъ которой синее море неутомимо разбивалось бѣлой пѣной; онъ подолгу смотрѣлъ вдаль на берегъ, окутанный красно-лиловой дымкой, или назадъ, на голыя вершины Апеннинъ, по склонамъ которыхъ ютились бѣлые и красные домики Сестри. Когда лодки рыбаковъ, какъ усталыя птицы, возвращались со спущенными парусами въ гавань, онъ вставалъ и медленно шелъ къ пристани, имъ навстрѣчу. Онъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ рыбаки выгружали рыбу. Если уловъ былъ невеликъ, онъ давалъ имъ все, что у него было въ карманѣ.

О, еслибы мать знала, о чемъ думалъ сынъ! Еслибы она могла предвидѣть, что его душа стремилась далеко, далеко, какъ чайка черезъ безграничное море!

Тоска по родинѣ томила Вольфганга. Здѣсь ему не прави-

лось. Здѣсь было черезчуръ мягко, красиво; это ему надоѣдало. Только благовонныя пиніи радовали его; онѣ были лучше, чѣмъ сосны въ Грюнвальдѣ. Но не по Грюнвальду онъ тосковалъ. И здѣсь, и тамъ мучило его стремленіе. Къ чему—куда?! Онъ скорбѣлъ. И чаще, чѣмъ когда-либо въ жизни, у него вырывалось ласковое слово.

Наконецъ, наконецъ-то! Кэте часто наблюдала за нимъ украдкой: неужели это былъ тотъ, кто когда-то былъ такъ ей враждебенъ? Этотъ юноша, взглядъ котораго необычайно тронулъ ее въ миланскомъ соборѣ, неужели это тотъ же, который лежалъ на порогѣ пьяный? Тотъ самый, который такъ низко палъ... ахъ, лучше не вспоминать!

Кэте хотѣла забыть: она хотѣла, даже старалась забыть. Когда она нашла его въ соборѣ, прислоненнымъ къ колоннѣ, со сложенными руками и мечтательно закрытыми глазами, онъ показался ей трогательно юнымъ; его лобъ былъ гладокъ и чистъ. Она невольно подумала: не многаго ли отъ него требовали? Были ли всегда къ нему справедливы? Всегда ли былъ онъ понятъ? Въ ея душу закрадывалось сомнѣніе. Она считала себя хорошей матерью; но послѣ того дня, въ соборѣ, ей казалось, что за ней были также ошибки. Какія—она не могла сказать. Но къ удовлетворенію, что сынъ къ ней возвращается, примѣшивалась горечь и много сердечной боли. Теперь онъ былъ добръ, былъ, по крайней мѣрѣ, доступенъ, былъ такимъ, какъ она хотѣла, болѣе мягкимъ, притягательнымъ,—но... чего же не доставало?!

„Вольфгангъ меня заботитъ,—писала она мужу.—Здѣсь такъ прекрасно, но онъ этого не замѣчаетъ. Мнѣ часто становится жутко".

Когда Шлибенъ предложилъ ей поѣхать всѣмъ вмѣстѣ,—онъ это сдѣлалъ, думая облегчить многое женѣ,—Кэте отклонила это предложеніе. Она предпочла быть вдвоемъ съ Вольфгангомъ; она считала, что это для нихъ обоихъ будетъ лучше. Теперь она много думала о своемъ мужѣ и писала ему почти ежедневно. У нея явилась потребность обмѣняться съ нимъ хотя бы нѣсколькими строками. Онъ восхищался бы съ ней вмѣстѣ всѣмъ, что казалось ей такимъ прекраснымъ, чѣмъ они восхищались когда-то вмѣстѣ! Теперь, на прогулкахъ, ей такъ нужна была его твердая рука. Ахъ, тогда были лучшіе, счастливые года!

Кэте совсѣмъ забыла, чего она въ то время такъ страстно желала, и какъ омрачала мужу лучшіе часы. Теперь она, забывая о сынѣ, грустно смотрѣла вдаль взоромъ, въ которомъ горѣлъ

еще лучъ утраченной молодости: ея бѣдный мужъ былъ такъ одинокъ! Думалъ ли онъ о ней такъ, какъ она о немъ?!

Вечеромъ, когда Вольфгангъ уходилъ къ себѣ въ комнату,—что онъ тамъ дѣлалъ, она не знала,—она писала мужу.

Не то радовало Шлибена, что письма ея были длинны и обстоятельны,—она изъ Франценсбада писала ему также длинныя письма,—нѣтъ, теперь между строкъ онъ читалъ невыраженное желаніе, потребность, стремленіе его видѣть. И онъ рѣшилъ также поѣхать на югъ: прожито столько лѣтъ, что желаніе быть вмѣстѣ понятно, одинъ безъ другого слишкомъ одинокъ!

Съ большимъ рвеніемъ принялся Шлибенъ за текущія дѣла. Онъ надѣялся не позже, какъ черезъ недѣлю, быть готовымъ къ отъѣзду, но рѣшилъ ничего не писать впередъ, не предупреждать,—пусть это будетъ совершенно неожиданно!

Въ полдень солнце жгло въ Сестри, но къ вечеру, при закатѣ, несмотря на яркіе лучи его, было пріятно и живительно. Все кругомъ благоухало. Сердце Кэте переполнилось: слава Богу, она еще не окончательно разбита и разслаблена, она еще сохранила способность чувствовать прекрасное! О, еслибы здѣсь былъ Пауль! На крайнемъ выступѣ берега, гдѣ ненасытное море, разбиваясь бѣлой пѣной о скалы, казалось, хотѣло подняться высоко къ кипарисамъ и пиніямъ, къ вѣковымъ дубамъ, къ благоухающимъ розамъ, раскинулся садъ богатаго маркиза. Здѣсь молча сидѣли мать съ сыномъ. Они смотрѣли, какъ исполинское солнце медленно, задумчиво и торжественно заходило за море.

Кэте вздрогнула: о, вѣдь это то самое громадное солнце, которое когда-то медленно опускалось въ просторъ безбрежной степи!

Ахъ, прочь это воспоминаніе! Зачѣмъ оно теперь? Съ боязливой заботой посмотрѣла она на Вольфганга — о, еслибы онъ зналъ!? Но онъ сидѣлъ совершенно равнодушно на камнѣ, положивъ ногу на ногу, полузакрывъ глаза. О чемъ онъ грезилъ?! Она должна его пробудить.

— Какъ величественно, прекрасно?!

— О, да!

— Оно опускается — смотри, какъ оно опускается!—Кэте вскочила, протянувъ впередъ руку, вдохновленная пурпурнымъ моремъ, блестящимъ свѣтиломъ, которое умирало въ такомъ великолѣпіи. Ея глаза стали влажны, они были ослѣплены. Когда она отвела ихъ отъ солнца, ее поразила блѣдность Вольфганга.

— Тебѣ холодно?—Внезапная прохлада повѣяла съ моря.

— Нѣтъ, но я бы хотѣлъ, — онъ широко открытыми темными глазами въ упоръ посмотрѣлъ на нее,—я бы хотѣлъ что-нибудь узнать о моей матери. Ты можешь говорить—я слушаю!

— О твоей—твоей...—она запнулась, все было такъ неожиданно. О, солнце, о, степное солнце! Теперь она охотно бы молчала, она потеряла прежнее мужество.

Но онъ настаивалъ.—Разскажи!—Было что-то жалкое въ его голосѣ.—Какъ ее зовутъ?—гдѣ она живетъ?—жива ли она еще?!

Боязливо оглядывалась Кэте. „Жива ли она еще?"—на это она не могла отвѣтить. Но конечно—навѣрное—она жива!

Она разсказала ему все. Разсказала, какъ они его взяли, какъ бѣжали съ нимъ, будто съ добычей.

Краска заливала ей лицо — о, какъ онъ разразится, какъ страстно онъ взволнуется! И будетъ сердиться на нее. Позаботились развѣ они о его матери хоть разъ, съ тѣхъ поръ, какъ взяли его?! Больше ей разсказывать было нечего.

Онъ больше и не спрашивалъ. Но онъ и не взволновался, какъ она думала; ей не пришлось защищаться и извиняться. Онъ дружелюбно поглядѣлъ на нее и только сказалъ:—Ты думала, что хорошо дѣлаешь, я увѣренъ!

Когда они выходили изъ парка и поднимались по каменной лѣстницѣ въ городокъ, онъ предложилъ Кэте руку. Повидимому, онъ ее велъ, но ей думалось, что онъ самъ нуждается въ поддержкѣ; онъ шелъ пошатываясь.

Позади сада маркиза было кладбище. Бѣлые памятники выдѣлялись въ вечернемъ сумракѣ; надъ каменной оградой поднимались крылья громаднаго ангела. Кэте оглянулась: вѣяло ли оттуда предчувствіемъ или надеждой? То ли испытывалъ Вольфгангъ, и испытывалъ ли онъ что-либо—она не знала, но она нѣжно сжала его руку, и онъ ласково слабо отвѣтилъ пожатіемъ.

Въ тотъ вечеръ она слышала, какъ онъ тревожно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Она собственно рѣшила предоставить его самому себѣ, — прежде она слишкомъ о немъ заботилась,—но теперь она подумала, что онъ еще выздоравливающій, и волненіе послѣ ея разсказа могло ему повредить. Она хотѣла къ нему войти, но дверь его была заперта. Только по ея настоятельной просьбѣ онъ открылъ.

— Что тебѣ надо?—спросилъ онъ сухо, какъ бывало прежде.

— Я думала, что ты хотѣлъ бы еще поговорить о томъ,— сказала она мягко.

— Что мнѣ дѣлать?! — вскрикнулъ онъ, заломилъ руки и сталъ опять быстро ходить по комнатѣ.—Еслибы хоть кто-нибудь

могъ сказать, что мнѣ дѣлать! Но вѣдь этого никто не знаетъ! Никто и знать не можетъ! Что мнѣ дѣлать—что мнѣ дѣлать?!

Ошеломленная стояла Кэте: такъ вотъ о чемъ онъ думаетъ! Она видѣла, что онъ плакалъ. Съ горячимъ сочувствіемъ подошла она къ нему; она его поцѣловала, чувствуя упрекъ въ его словахъ, и, глубоко имъ потрясенная, она заговорила:—Не мучь себя! Не томи себя! Если хочешь, мы туда поѣдемъ — мы ее найдемъ—мы навѣрное ее найдемъ!

Но онъ покачалъ головою и простоналъ:—Теперь поздно — слишкомъ поздно! Что мнѣ теперь тамъ дѣлать?—Негоденъ ни на что! О, мать, мать!—Обнявъ Кэте обѣими руками, онъ тяжело упалъ передъ ней и обнялъ ея колѣни.

Онъ горько рыдалъ.

— О, еслибы я зналъ, что мнѣ дѣлать!

Онъ громко всхлипывалъ, и она плакала съ нимъ вмѣстѣ. Еслибы Пауль былъ тутъ! Сама она не находила словъ утѣшенія, но чувствовала себя такой разстроенной, что не ждала успокоенія. Передъ ней вставалъ одинъ страшный вопросъ: „Чѣмъ все это кончится?!"

Кэте не знала, вызвать ли ей мужа. Вольфгангъ несомнѣнно былъ опять боленъ. Онъ не жаловался, онъ говорилъ только, что не можетъ спать, и что это его утомляетъ. Она не могла рѣшить, болѣлъ ли онъ душою или тѣломъ. Она была въ большой тревогѣ, но пока не вызывала мужа. Зачѣмъ звать его въ такой дальній путь? Здѣсь ничѣмъ не поможешь! Ей пока не было ясно, что она хочетъ его пріѣзда для себя.

Вольфгангъ подолгу лежалъ на кушеткѣ съ закрытыми ставнями; онъ даже не читалъ. Она часто заходила къ нему, чтобы его развлечь,—но мысли его были не здѣсь.

Когда она изъ глубины комнаты наблюдала за нимъ, ей казалось, что онъ уже не такъ боленъ. Еслибы она только сумѣла вывести его изъ оцѣпенѣнія! Но какія заманчивыя развлеченія она ни предлагала ему, на все онъ отвѣчалъ: „Право, я сегодня слишкомъ утомленъ!"

Она приходила въ отчаяніе. Съ каждымъ днемъ убѣждалась она все болѣе, что поѣздка сюда была напрасна. Прелесть новизны оживила его всего на нѣсколько дней. Теперь все прежнее вернулось. Даже стало хуже.

Онъ постоянно чувствовалъ недостатокъ воздуха. Во время прогулокъ онъ то-и-дѣло останавливался, чтобы вздохнуть. Часто

ей становилось жутко: „Вернемся домой, тебѣ нехорошо?!“ Но эти короткіе припадки быстро проходили, такъ что она укоряла себя даже въ преувеличенной заботливости.

Но однажды ночью съ нимъ сдѣлался такой сильный припадокъ, какого раньше не бывало.

Около полуночи Кэте разбудилъ стукъ въ дверь и жалобный стонъ:—Мать, ахъ, мать!—Она бросилась къ Вольфгангу:—Что съ тобой?—Онъ стоялъ раздѣтый у дверей и дрожалъ:—Мнѣ такъ дурно!—Онъ посмотрѣлъ на нее взглядомъ, полнымъ ужаса, и упалъ прежде, чѣмъ она успѣла его поддержать.

Кэте отчаянно звонила. Прибѣжала прислуга.—Скорѣе телеграфируйте моему мужу: „Пріѣзжай немедленно!“

Больного перенесли на кровать, послали за докторомъ. Горничная рыдала. Хозяинъ гостинницы принесъ лучшаго шампанскаго и коньяку изъ своего погреба. Всѣмъ было безконечно жаль молодого человѣка, а онъ лежалъ въ глубокомъ забытьи.

Кэте не могла плакать, какъ добродушная горничная, у которой отъ жалости слезы текли ручьями. Кэте надо было довести заботу до конца. До конца — теперь она это знала. Не надо было доктору качать головой и таинственно перешептываться съ хозяиномъ гостинницы. Принесли лекарства, голову больного положили низко, ноги выше, сдѣлали подкожныя впрыскиванія—сердца не могли подогнать.

Кэте не покидала больного. Во всемъ великолѣпіи вставало золотое солнце, вѣчное свѣтило степи. Вольфгангъ немного пошевелился. Она наклонилась къ нему такъ близко, какъ наклонялась, бывало, къ тому спавшему мальчику, которому хотѣла вдохнуть свою душу, дать жизнь отъ своей жизни. Теперь она его отпускала. И когда сейчасъ она такъ близко приникала къ его губамъ, то только для того, чтобы уловить его послѣднее желаніе...

„Мать?!...“ Это было его послѣднее слово. Онъ еще разъ открылъ глаза, посмотрѣлъ вокругъ, простоналъ и заснулъ навѣки.

Солнце ярко блистало. У окна стояла женщина съ сухими глазами и въ глубокой задумчивости смотрѣла на блестящій свѣтъ чуднаго утра. Взоръ ея тонулъ въ безконечномъ величіи природы. Долго, долго стояла Кэте, погруженная въ тяжелыя мысли: тамъ, извнѣ была яркая жизнь, а здѣсь—мрачная смерть. Правда, есть страданія больше смерти. Глубоко вздохнула она, подошла къ кровати, опустилась на колѣни, сложила руки покойнаго и поцѣловала ихъ.

Она не слыхала легкаго стука въ дверь.

Просунулась голова горничной:—Мадамъ!—Кете не слышала.

— Мадамъ!—повторила дѣвушка.—Баринъ, баринъ пріѣхалъ!

— Мой мужъ?!

Шлибенъ отстранилъ дѣвушку и вошелъ блѣдный, въ сильнѣйшемъ волненіи. Бѣдная женщина! Все это пришлось пережить ей одной! Мальчикъ умеръ! Его встрѣтили этимъ извѣстіемъ, когда онъ, ничего не подозрѣвая, думалъ застать своихъ за утреннимъ кофе.

— Пауль!—Это былъ крикъ блаженной радости, истиннаго избавленія. Она бросилась въ его объятія. — Пауль, Пауль!... Вольфгангъ умеръ.—Она залилась слезами, горячими, неудержимыми, но благотворными.

Эти слезы унесли всю горечь, которую причинялъ ей при жизни сынъ.—Бѣдный, бѣдный нашъ дорогой мальчикъ!

Эти слезы омыли его такъ чисто, что онъ казался опять невиннымъ младенцемъ, который съ ясными глазенками лежалъ въ цвѣтущей степной травѣ и радовался блестящему солнцу. О, лучше бы она оставила его тамъ! О, она никогда не избавится отъ этого тяжелаго упрека, который у нея вырвался!

— Пауль, Пауль!—рыдала она.—Слава Богу, что ты здѣсь! Могли ли мы все это предвидѣть! Да, ты предчувствовалъ! Еслибы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело!—И какъ много лѣтъ назадъ, она обняла его въ юношескомъ порывѣ: — О, еслибы не ты... Ахъ, дитя, бѣдное дитя!

— Не убивайся!—Онъ хотѣлъ ее утѣшить, но у него самого текли по щекамъ слезы.

— Лучше бы я его оставила тамъ!..

Терзанія жены глубоко проникали въ душу Шлибена, но онъ указалъ на умершаго, лицо котораго было прекрасно, какъ-то облагородилось, и, казалось, онъ нашелъ покой,—такимъ умиротвореннымъ лежалъ онъ.

— Не плачь! Ты все-таки сдѣлала его человѣкомъ,—не забывай этого!

— Ты думаешь? Ахъ, Пауль! — съ горечью она покачала головой.—Этимъ я его не сдѣлала счастливѣе!

Ей надо было выплакаться... Дрожащей рукой схватила она руку мужа; тѣсно обнявшись, опустились они на колѣни у постели сына.

Въ глубокомъ раскаяніи прошептали они:

— Прости намъ прегрѣшенія наши!

Съ нѣм. О. Ч.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О

Н. И. КОСТОМАРОВѢ И С. М. СОЛОВЬЕВѢ.

4-го октября 1904 г. исполнилось *четверть вѣка* со дня кончины С. М. Соловьева, а въ апрѣлѣ и маѣ 1905 года минуло *двадцать лѣтъ*, какъ не стало среди насъ Н. И. Костомарова и К. Д. Кавелина. Всѣ эти имена вписаны неизгладимыми чертами въ исторію русской образованности XIX-го в., а потому припомнить нѣкоторые факты изъ ихъ жизни и дѣятельности теперь, когда русское общество стремительно рвется на новые пути, и интересно, и поучительно.

Предлагаемыя вниманію читателей воспоминанія касаются Костомарова и Соловьева, съ которыми я познакомился въ 1867 г., съ первымъ въ январѣ, а со вторымъ—въ апрѣлѣ, въ бытность мою въ этомъ году въ Петербургѣ и въ Москвѣ [1]). О Кавелинѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я сообщилъ и свои воспоминанія, и извлеченія изъ его переписки [2]). Общественно-политическимъ воззрѣніямъ его я намѣренъ въ недалекомъ будущемъ посвятить особый очеркъ.

Моимъ воспоминаніямъ о Костомаровѣ и Соловьевѣ считаю нелишнимъ предпослать общія характеристики этихъ двухъ выдающихся русскихъ историковъ XIX-го в., потому что для теперешней „интеллигенціи“,—для людей 90-хъ годовъ прошлаго

[1]) Въ этомъ году я велъ дневникъ, которымъ и пользуюсь для воспроизведенія подробностей моихъ разговоровъ съ Костомаровымъ и Соловьевымъ.

[2]) „Вѣстн. Европы“ 1886, 1887 и 1888 гг. и „Русская Мысль“ 1892, 1895, 1896, 1897 и 1899.

вѣка и для дѣятелей начала XX-го вѣка,—личности Костомарова и Соловьева представляются далеко не въ столь опредѣленныхъ и ясныхъ чертахъ, въ какихъ запечатлѣлись онѣ въ памяти насъ, людей „шестидесятыхъ годовъ“.

I.

Нервный, впечатлительный, увлекающійся, съ необыкновенно живымъ воображеніемъ и широкимъ *художественнымъ* творчествомъ, Костомаровъ перенесъ въ своей личной жизни, съ самаго ранняго дѣтства, множество невзгодъ и злоключеній. Я не стану приводить ихъ здѣсь, такъ какъ они подробно разсказаны имъ въ его автобіографіи, къ которой читатель и можетъ обратиться для провѣрки приводимыхъ выводовъ [1]). Вслѣдствіе отмѣченныхъ нравственныхъ свойствъ и подъ вліяніемъ обстоятельствъ жизни складывались общее міросозерцаніе и историческія воззрѣнія Костомарова, которыя были у него въ высшей степени *субъективны*, болѣе чѣмъ у кого-либо изъ русскихъ историковъ XIX-го вѣка. Костомаровъ можетъ быть по справедливости названъ *историкомъ-лирикомъ* по преимуществу. Его натура и жизнь не могли создать въ немъ почвы для того равновѣсія душевныхъ силъ, которое опредѣляетъ столь необходимое для объективнаго историческаго изслѣдованія *эпическое спокойствіе*. Но зато Костомаровъ вносилъ жизнь и движеніе въ прошлое, и міръ исторіи не былъ для него отжившимъ міромъ археологическихъ обломковъ, преданій и хартій, а переживаемой имъ дѣйствительностью прежнихъ вѣковъ. Всѣ неровности своего нервнаго темперамента, всѣ увлеченія, переносилъ онъ въ прошлое, которое его волновало столь же сильно, какъ происходившее на его глазахъ. Онъ симпатизировалъ однимъ историческимъ дѣятелямъ и отрицательно относился къ другимъ. Въ его живой фантазіи возникали яркіе историческіе образы, лица и цѣлыя событія, отъ которыхъ онъ неспособенъ былъ отрѣшиться. Когда онъ занятъ былъ какимъ-нибудь историческимъ вопросомъ, когда работалъ надъ какой-нибудь монографіей,—онъ любилъ вести бесѣды на историческія темы, его занимавшія, не только съ близкими ему людьми, но и съ посторонними; любилъ и въ интимномъ кругу, и въ общественныхъ собраніяхъ разсказывать цѣлые эпизоды изъ своихъ работъ и передавать результаты своихъ домысловъ и со-

---

[1]) См. сборникъ „Литературное наслѣдіе“. Спб. 1890 г.

ображеній: такая устная бесѣда выясняла Костомарову многое, о чемъ молчали историческіе источники.

Близкій по своему рожденію къ южно-русскимъ народнымъ массамъ, онъ отражалъ въ своей психикѣ характерныя душевныя свойства этихъ массъ. Еще въ дѣтствѣ и юности онъ возмущался произволомъ помѣщичьяго крѣпостного права, которое въ Малороссіи, въ правобережной, осложнялось тѣмъ, что тамъ помѣщиками были польскіе паны, а крестьянство было русскимъ народомъ; отсюда происходила усиленная ненависть Костомарова ко всему, что̀ давило въ Малороссіи русскій народъ: къ польскому панству, шляхетству, къ польскому римско-католическому духовенству, а также и къ евреямъ, столь жестоко эксплоатировавшимъ православное населеніе Малороссіи. Ненависть къ притѣснителямъ невольно возбуждала въ его впечатлительной душѣ чувство состраданія, а затѣмъ любовь къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, т.-е. къ малорусскому хлопу-крестьянину. Къ великорусскому крестьянину Костомаровъ также относился сочувственно; но всегда отдавалъ предпочтеніе южноруссу. Костомаровъ не симпатизировалъ великорусскому общественному и государственному укладу, видя и тутъ и тамъ произволъ и насиліе высшихъ надъ низшими. Но глубоко ошибаются тѣ противники и недруги Костомарова, которые обвиняютъ его въ *тенденціозномъ* предубѣжденіи противъ великоруссовъ. „Тенденція“ непремѣнно обусловливается разсудочностью, теоретичностью воззрѣній, къ чему Костомаровъ не былъ совершенно способенъ, какъ историкъ-художникъ, историкъ-лирикъ.

Такое міросозерцаніе сложилось у Костомарова къ тридцатилѣтнему его возрасту, ко времени его первой профессуры въ Кіевѣ, послѣ того, какъ онъ написалъ *двѣ магистерскія* диссертаціи, изъ которыхъ первая, о западно-русской церковной уніи, была уничтожена, а вторая, объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи, не встрѣтила одобренія, какъ со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ харьковскаго университета, такъ и со стороны корифея тогдашней русской критики Бѣлинскаго [1]). Послѣдующія обстоятельства жизни Костомарова всего менѣе могли измѣнить такой образъ мыслей; они, напротивъ, еще болѣе его укрѣпляли. Въ 1847 г., наканунѣ своей свадьбы, онъ былъ арестованъ за принадлежность къ панславистскому „Кирилло-Меѳодіевскому обществу“, вывезенъ изъ Петербурга, а затѣмъ

---

[1]) Сочин. Бѣлинскаго, изд. К. Солдатенкова и М. Щепкина. М. 1860 г., т. IX, стр. 111—112.

водворенъ на жительство въ Саратовъ, съ запрещеніемъ печатать свои сочиненія и заниматься преподаваніемъ. Въ Саратовѣ онъ пробылъ до 1856 г., и лишь въ 1859 г., т.-е. черезъ тринадцать лѣтъ послѣ первой своей профессуры, ему снова привелось занять каѳедру русской исторіи, на этотъ разъ въ столичномъ, петербургскомъ университетѣ, но на очень короткій срокъ: въ 1862 г. Костомаровъ долженъ былъ оставить каѳедру вслѣдствіе замѣшательства среди учащейся молодежи. Съ тѣхъ поръ, до конца жизни, въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ, онъ занятъ былъ исключительно такъ называемыми историческими работами.

Еще во второй своей магистерской диссертаціи—„Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи"—въ 1843 г., Костомаровъ выставляетъ три тезиса, въ которыхъ выражается сущность его историческихъ воззрѣній: 1) народная поэзія особенно важна для историка, потому что въ ней виденъ *взглядъ народа на свою жизнь*; 2) *жизнь народа*, разсматриваемаго въ его произведеніяхъ, можетъ быть раздѣлена на духовную, историческую и общественную; 3) народъ русскій раздѣляется на двѣ коренныя отрасли: южноруссовъ, или малоруссовъ, и сѣвернорусовъ, или великоруссовъ; а потому подъ именемъ русской народной поэзіи должно разумѣть чисто народныя произведенія, какъ малорусскія, такъ и великорусскія. Въ этихъ трехъ тезисахъ заключаются все историческое міровоззрѣніе Костомарова и вся програма его послѣдующихъ историческихъ изысканій. Этнографическое изученіе русскаго народа, и, главнымъ образомъ, юго-западной его вѣтви, малорусской, нравовъ, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій и поэтическихъ произведеній малоруссовъ, кладется имъ въ основу изученія минувшей судьбы этого племени, его исторіи. Увлеченный поэтическими „думами" и преданіями о малорусскомъ казачествѣ и въ особенности о героѣ этого казачества, „батькѣ Хмельницкомъ", борцѣ за независимость Украйны отъ поляковъ и за неприкосновенность православной религіи народа,—Костомаровъ еще на студенческой скамьѣ занимался этими вопросами. Его „Сава Чалый", изданный въ 1838 г., является результатомъ первоначальныхъ его полу-литературныхъ, полу-историческихъ занятій.

Подъ вліяніемъ отмѣченныхъ выше симпатій и антипатій, въ художественной фантазіи Костомарова возстала идеализированной древняя южная Русь, съ ея народно-вѣчевой свободой, съ ея будто бы федеративнымъ строемъ и затѣмъ съ казачествомъ, борцомъ за ту же народную свободу. Исходя изъ такого идеализи-

рованнаго представленія, Костомаровъ написалъ лучшее свое произведеніе „Богданъ Хмельницкій“, въ основу котораго положены народныя пѣснопѣнія о „старомъ батькѣ“. Этой же идеализаціей вызваны на свѣтъ Божій его статьи: „Черты народной южнорусской исторіи“, „О федеративномъ началѣ въ древней Россіи“ и „Двѣ русскія народности“. Затѣмъ, увлекшись значеніемъ южно-русской народности, онъ всякое проявленіе народной свободы въ русской жизни неизбѣжно связывалъ съ южной Русью. Такъ сильное развитіе вѣчевого строя въ Новгородѣ и Псковѣ онъ иначе не могъ объяснить, какъ ближайшимъ расовымъ родствомъ ильменскихъ славянъ съ полянами-Русью, не замѣтивъ совершенно въ „сѣвернорусскихъ народоправствахъ“ руководящаго значенія богатаго землевладѣльческо-торговаго класса новгородскихъ земскихъ бояръ, этихъ заправилъ новгородскаго вѣча. Въ повстаньѣ донского казака Разина онъ усмотрѣлъ, по аналогіи съ южно-русскимъ казачествомъ, борьбу за свободу великорусской народной массы. Симпатіи и антипатіи Костомарова особенно ярко выражены въ двухъ его монографіяхъ: „Смутное время Московскаго государства“ и „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“. Обѣ монографіи нельзя почесть строго научными историческими изслѣдованіями, потому что онѣ проникнуты ненавистью къ польской шляхтѣ, понятною въ Костомаровѣ человѣкѣ, но не допустимою въ историческомъ изслѣдованіи.

Такимъ же субъективнымъ писателемъ является Костомаровъ и въ своихъ полемическихъ статьяхъ. Высказывая новое положеніе въ русской исторіи, смотря на историческое явленіе или историческую личность съ новой, своей субъективной точки зрѣнія, Костомаровъ съ замѣчательной энергіей, даже упорствомъ, всегда отстаивалъ свои воззрѣнія, отвѣчая на дѣлаемыя ему возраженія. Съ кѣмъ и изъ-за чего не полемизировалъ онъ! Онъ бралъ съ бою каждое свое воззрѣніе, устраивая даже публичныя словесныя состязанія, какъ, напримѣръ, въ 1860 году съ Погодинымъ о происхожденіи Руси. Этотъ духъ полемики, жаръ спора, во многихъ случаяхъ оставлялъ истину на сторонѣ его противниковъ, но полемика выясняла вопросъ и ставила новые вопросы на разрѣшеніе. Костомаровъ своими полемическими статьями возбуждалъ мысль къ изслѣдованію, къ работѣ. Въ числѣ его полемическихъ статей на первомъ планѣ должна быть поставлена полемика съ поляками изъ-за историческаго и современнаго назначенія и положенія русскаго народа и изъ-за отношеній къ нему Польши. Въ этой полемикѣ Костомаровъ всегда являлся истинно-русскимъ патріотомъ, въ большинствѣ

случаевъ даже слишкомъ преувеличивая историческія и политическія неправды Польши по отношенію къ Россіи.

Художественная сторона историческихъ произведеній Костомарова внѣ всякаго спора. Она признана даже его противниками и врагами. Во главѣ этихъ историко-художественныхъ произведеній долженъ быть поставленъ „Богданъ Хмельницкій", появившійся въ 1857 г. Послѣдующія изученія личности и эпохи Хмельницкаго (главнымъ образомъ Кулиша, Карпова, Будзинскаго и самого Костомарова) доказали неопровержимыми фактами, сколь много пробѣловъ и какъ много увлеченія находится въ этомъ трудѣ Костомарова. Но какъ бы строго ни относилась историческая критика къ этимъ промахамъ Костомарова, его книга о Хмельницкомъ, по картинности изложенія историческихъ событій и живости характеристики самого Богдана и другихъ дѣятелей его эпохи занимаетъ почетное мѣсто среди художественныхъ историческихъ произведеній не только русскихъ (каковыхъ весьма немного), но и обще-европейскихъ. Столь же яркіе портреты историческихъ дѣятелей и живыя изображенія историческихъ событій переполняютъ страницы многочисленныхъ „монографій и изслѣдованій" Костомарова. Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ Удалой, Иванъ III, Иванъ Грозный, первый Лжедимитрій, Василій Шуйскій и цѣлая галерея живыхъ образовъ новгородскихъ „владыкъ" и подвижниковъ пустынножителей— памятны хорошо всѣмъ, кто знакомъ съ историческими трудами Костомарова. Множество историческихъ сценъ изъ древней южнорусской исторіи, какъ, напримѣръ: появленіе Мстислава Удалого въ Новгородѣ, осада Новгорода войсками Андрея Боголюбскаго и Ивана III, въѣздъ перваго Лжедимитрія въ Москву, осада Смоленска Сигизмундомъ III-мъ и народныя сцены въ Москвѣ во время смутъ и лихолѣтья—это цѣлая картинная историческая галерея. Костомаровъ своими многочисленными историко-художественными этюдами распространилъ знаніе по русской исторіи такъ широко, какъ никто до него. Многотомная „Исторія государства Россійскаго" Карамзина, впервые познакомившая широкіе слои русской публики съ общимъ ходомъ исторіи и расходившаяся по тому времени въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, несмотря на свои несомнѣнныя литературныя достоинства, въ описаніи историческихъ событій и изображеніи лицъ не можетъ сравниться съ портретной и жанровой исторической живописью Костомарова: характеристики историческихъ дѣятелей у Карамзина риторичны и дидактичны; это не живые образы, а манекены съ приколотыми къ нимъ ярлыками, на которыхъ обозна-

чены или порицаніе, или похвала, а изложеніе событій—риторическое краснорѣчіе.

Та же художественная жилка влекла Костомарова къ исторической драмѣ, историческому роману и повѣсти. Что не поддавалось болѣе точной формулировкѣ въ исторической монографіи, для того онъ избиралъ форму драмы, романа, повѣсти. Его „Кудеяръ" исполненъ цѣлаго ряда поэтическихъ красотъ и въ бытовомъ отношеніи представляетъ даже важное пособіе для изученія русскаго XVI-го в. Точно также талантливо сгруппированы бытовыя черты изъ жизни русскаго служилаго человѣка XVII-го в. въ его исторической повѣсти „Сынъ".

II.

Совершенно другой типъ историка представляетъ собой Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Въ противоположность Костомарову, онъ, какъ великоруссъ по происхожденію, является носителемъ типическихъ чертъ этого племени, которыя онъ столь чутко подмѣтилъ въ характерѣ сѣверо-восточныхъ русскихъ лѣтописцевъ. Соловьевъ—прежде всего человѣкъ стойкаго, постояннаго труда, спокойный наблюдатель, аналитикъ и систематикъ, „думающій думу безъ шуму". Это—ученый, всецѣло преданный интересамъ науки и далеко стоящій отъ современной ему общественной жизни. Для него занятіе русской исторіей было главнѣйшимъ жизненнымъ долгомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, службой государству и народу. Большая публика не знакома съ совокупностью всѣхъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ Соловьева, который извѣстенъ ей лишь по своей многотомной „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ", да по учебнику русской исторіи, выдержавшему со второй половины XIX-го в. до начала XX-го — одиннадцать изданій. Поэтому большая публика не имѣетъ вѣрнаго представленія о Соловьевѣ, какъ историкѣ. Она смотритъ на него, какъ на передатчика фактической, внѣшней, государственной исторіи Россіи, притомъ передатчика весьма скучнаго, тяжелымъ слогомъ и подробно излагающаго крупныя и мелкія событія изъ исторіи Русскаго государства. На самомъ дѣлѣ, Соловьевъ гораздо шире и глубже понималъ задачи исторической науки.

По его воззрѣнію, исторія есть наука народнаго самопознанія, которое достигается путемъ сравненія исторіи одного, даннаго, народа съ исторіей другихъ народовъ, а потому, чтобы изучить исторію русскаго народа, чтобы опредѣлить его „само-

познаніе", необходимо сравнить его исторію съ исторіей другихъ народовъ (что̀ Соловьевъ и исполнилъ въ цѣломъ рядѣ ученыхъ монографій). „Народъ" понимался Соловьевымъ не въ смыслѣ только низшихъ слоевъ того или другого племени, а въ смыслѣ совокупности всѣхъ слоевъ.

Воззрѣнія на народную исторію Соловьева можно формулировать такъ: народъ, какъ живой организмъ, родится, живетъ и наконецъ вымираетъ. Такъ было съ древними народами востока и запада; такъ, очевидно, произойдетъ и съ теперешними европейскими народами, и на смѣну имъ могутъ занять мѣсто цивилизованныхъ народовъ народы монгольскаго, малайскаго или негритянскаго племени. Географическія условія страны, въ которой разселяется народъ, опредѣляютъ ходъ его исторіи, а правительство народа является существенной стороной его жизни, произведеніемъ его исторіи; вслѣдствіе этого для историка представляютъ важное значеніе личные характеры правителей, какъ въ монархіяхъ, неограниченныхъ и ограниченныхъ, такъ и въ республикахъ. Народная масса доступна для наблюденія историка только въ лицѣ ея вождей, во время массовыхъ народныхъ движеній. Историческая личность есть продуктъ своего народа, времени и среды, въ которыя она жила и дѣйствовала. Такъ называемые великіе люди въ исторіи—это такія историческія личности, которыя являются представителями своего народа въ извѣстное время, носителями и выразителями народной мысли, которыя, вслѣдствіе этого, удовлетворяя сильной народной потребности, выводятъ свой народъ на новую дорогу, необходимую для продолженія его исторической жизни. Въ этомъ смыслѣ „великимъ человѣкомъ" въ нашей исторіи былъ Петръ I. Такимъ образомъ, въ основу научныхъ историческихъ изученій Соловьевъ ставитъ *сравнительный методъ* и пониманіе „народа" въ смыслѣ соціальнаго организма. Вслѣдствіе того сущность историческаго процесса заключается, по его воззрѣнію, въ *развитіи*, въ *прогрессѣ* народнаго организма, и изученіе исторіи народа должно быть *физіологическое*, а не анатомическое (т.-е. внѣшне-описательное), какъ было прежде. При такомъ пониманіи исторіи Соловьевъ не могъ не придавать важнаго значенія исторической критикѣ. Свои сужденія историкъ—по его требованію—долженъ основывать на строгомъ критическомъ изученіи источниковъ и воззрѣній историческихъ писателей, ибо каждый изъ этихъ писателей указывалъ на новую сторону историческаго развитія и тѣмъ способствовалъ лучшему пониманію его.

Въ общемъ ходѣ исторіи Россіи Соловьевъ, прежде всего,

обращаетъ вниманіе на *географическія условія* русской государственной области, восточной европейской равнины, условія совершенно противоположныя съ западно-европейскими горными странами; затѣмъ разсматриваетъ *разселеніе*—колонизацію по этой восточной европейской равнинѣ славянъ среди инородческихъ племенъ литовскихъ, финскихъ и тюркскихъ,—процессъ, посредствомъ котораго сформировался *русскій народъ*,—и опредѣляетъ изъ этихъ двухъ факторовъ—географическихъ условій и колонизаціи славянъ среди инородцевъ—противоположность хода исторіи западно-европейскихъ народовъ съ исторіей русскаго народа и самобытность его исторіи. Эту самобытность онъ видитъ въ *родовомъ бытѣ*, который легъ въ основу славянской общественности и, развиваясь въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, постепенно смѣнялся бытомъ *государственнымъ*, возникшимъ въ Москвѣ и опредѣленнымъ выразителемъ котораго явился московскій царь Іоаннъ IV. До московскаго великаго князя Іоанна III, государство Московское и всея Руси жило замкнутою жизнью, оторванною отъ жизни западно-европейскихъ народовъ; съ Іоанна III, мало-по-малу, стали проникать къ намъ западно-европейскіе элементы, которые восторжествовали при Петрѣ Великомъ, такъ какъ общественность русскаго народа, усложняясь все болѣе и болѣе, не могла уже удовлетворяться своими, такъ сказать, доморощенными основами. Торжество западно-европейскихъ началъ въ жизни Россіи опредѣляетъ весь послѣдующій ходъ русской исторіи.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, схема органическаго развитія исторической жизни русскаго народа, какъ она представлена Соловьевымъ. Въ ней нѣтъ ничего случайнаго; одно начало органически вытекаетъ изъ другого и въ общей послѣдовательности представляетъ прогрессивное измѣненіе содержанія и формъ русской общественности. Сравнительно съ царившими во время начала ученой дѣятельности Соловьева, въ исходѣ 40-хъ годовъ XIX в., историческими воззрѣніями Карамзина, Погодина и Устрялова—его воззрѣнія на общій ходъ русской исторіи безспорно являлись значительнымъ и очень смѣлымъ шагомъ впередъ, но они не охватывали всего содержанія исторической жизни русскаго народа. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на слабыхъ сторонахъ исторической схемы Соловьева, своевременно указанныхъ ему его противниками, главнымъ образомъ изъ лагеря московскихъ славянофиловъ. Достаточно замѣтить лишь нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его упущеній.

Соловьевъ преувеличилъ значеніе географическихъ условій

въ исторической жизни русскаго народа и мало обратилъ вниманія на этнографическія различія трехъ отраслей русскаго народа: великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ; онъ не вникъ въ жизнь народныхъ массъ всѣхъ этихъ отраслей, преувеличилъ значеніе родовыхъ началъ въ жизни русскаго народа и неполно представилъ развитіе у него государственнаго начала. Онъ не признаетъ этого начала въ эпоху удѣльную, не видитъ его ни въ Кіевѣ, ни въ Новгородѣ, исключаетъ изъ семьи русскаго народа государство Литовское и государственное начало усматриваетъ исключительно лишь въ московской Руси. Вслѣдствіе этого много весьма важныхъ политическихъ и общественныхъ явленій, какъ въ удѣльной Руси, такъ и въ позднѣйшихъ политическихъ организаціяхъ—новгородской, московской, литовской и южно-русской—совершенно ускользнули изъ поля его историческихъ наблюденій. Русская община, городская и сельская, вѣче, земскій соборъ—остались имъ совершенно невыясненными въ ходѣ русской исторической жизни, а соединеніе Литвы съ Польшей, казачество—поняты и опредѣлены односторонне.

III.

16-го декабря 1866 г. я выѣхалъ изъ Казани въ Петербургъ, для занятій въ тамошнихъ библіотекахъ и совѣщанія со спеціалистами по вопросамъ, занимавшимъ меня въ то время, при моихъ работахъ по диссертаціи на степень магистра русской исторіи. Тема этой диссертаціи была историко-этнографическая. Меня привлекала къ себѣ задача разъяснить „зачинъ“ великорусскаго племени путемъ колонизаціи славянъ среди финскихъ племенъ; при этомъ я съ особеннымъ интересомъ останавливался на первоначальной колонизаціи славянъ въ верховьяхъ Волги, среди финскаго народца мери, такъ какъ путемъ этой колонизаціи образовалось то ядро великорусскаго племени, изъ котораго впослѣдствіи выросло Московское государство.

20-го декабря я прибылъ въ Петербургъ. Я жаждалъ познакомиться съ Костомаровымъ, историческими монографіями котораго я восторгался еще въ университетѣ, на студенческой скамьѣ, и считалъ его мнѣніе о моихъ замыслахъ по диссертаціи особенно для меня важнымъ, потому что Костомаровъ ставилъ въ основу своихъ историческихъ изученій этнографическія данныя.

Въ это время Костомаровъ, покинувшій каѳедру въ петербургскомъ университетѣ въ началѣ 1862 года, стоялъ *внѣ* то-

гдашнихъ общественныхъ теченій Петербурга и замкнулся въ тѣсный кружокъ немногихъ своихъ знакомыхъ, усердно работая въ Публичной библіотекѣ надъ исторіей смутнаго времени въ Московскомъ государствѣ въ началѣ XVII в. Когда я прибылъ въ Петербургъ, трудъ этотъ уже печатался въ новомъ журналѣ „Вѣстникъ Европы", возникшемъ въ 1866 году. Въ исходѣ 1865 года М. М. Стасюлевичъ задумалъ издавать спеціальный журналъ историко-политическихъ наукъ „Вѣстникъ Европы", который являлся „возобновленіемъ" Карамзинскаго „Вѣстника Европы" и, по примѣру англійскихъ трехмѣсячныхъ обозрѣній, долженъ былъ выходить четыре раза въ годъ. Въ со-редакторы Стасюлевичъ пригласилъ Костомарова, имѣвшаго въ то время громкое имя среди русскихъ историковъ. „Если русская исторія и вообще исторія славянъ будутъ у насъ отдѣлены отъ всеобщей— читаемъ мы въ объявленіи о „возобновленіи" „Вѣстника Европы" съ 1866 г.,—то только въ силу закона о раздѣленіи труда. Всѣмъ тѣмъ, что̀ относится къ исторіи Россіи и исторіи славянъ вообще, будетъ завѣдывать нашъ постоянный сотрудникъ-учредитель, Н. И. Костомаровъ, при главномъ содѣйствіи котораго мы возобновляемъ нынѣ „Вѣстникъ Европы" [1]).

Приближались рождественскіе праздники. Петербургскіе архивы и библіотеки были закрыты, такъ что въ Императорскую Публичную Библіотеку я попалъ только 10-го января 1867 г. Я началъ заниматься въ рукописномъ ея отдѣленіи и предполагалъ познакомиться тамъ съ Костомаровымъ, зная, что онъ занимается также въ рукописномъ отдѣленіи, для своей новой монографіи о „послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой", которая должна была появиться въ „Вѣстникѣ Европы". Но проходили дни, а Костомарова не было въ библіотекѣ, и я рѣшился наконецъ, безъ всякой рекомендаціи, прямо отправиться къ нему. Жилъ въ то время Костомаровъ на Васильевскомъ Островѣ, на углу набережной и 1-й линіи, въ домѣ Карамановой. Опредѣленныхъ дней или, правильнѣе, вечеровъ, впослѣдствіи столь оживленныхъ вторниковъ, у него тогда не было,—и я отправился къ нему 30-го января 1867 г., въ понедѣльникъ вечеромъ, часу въ восьмомъ.

Не безъ волненія остановился я у двери и прочелъ на мѣдной дощечкѣ надпись: „Н. И. Костомаровъ". Я робко позво-

---

[1]) См. объявленіе объ изданіи „Вѣстника Европы" въ 1866 г., стр. VI, при 1-мъ изд. „Опыта историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи" М. М. Стасюлевича. Спб. 1866 г.

нилъ. Мнѣ отперъ человѣкъ средняго роста, пожилой, въ золотыхъ очкахъ, худощавый, немного сутуловатый, съ красноватымъ цвѣтомъ лица, съ темнокаштановыми съ просѣдью усами, такого же цвѣта небольшой бородой и волосами на головѣ; волосы на головѣ были плохо причесаны и падали прядями на лобъ и затылокъ. Я догадался, что передо мной самъ Костомаровъ, хотя онъ и мало былъ похожъ на незадолго передъ тѣмъ изданный Мюнстеромъ его портретъ (въ „Галлереѣ русскихъ дѣятелей", Спб. 1862 г.). Въ началѣ 1867 года Костомарову шелъ пятидесятый годъ, но выглядѣлъ онъ гораздо старше.

— Имѣю честь рекомендоваться,—сказалъ я,—и назвалъ себя.

— Прошу покорно, — сказалъ Костомаровъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:—Что вамъ угодно?

Мы вошли въ его кабинетъ. То была довольно большая комната, съ тремя окнами въ стѣнѣ, противоположной отъ входа; направо отъ входа стоялъ диванъ, обитый темнымъ сафьяномъ; противъ него—круглый столъ съ керосиновой лампой подъ абажуромъ; вокругъ стола нѣсколько креселъ, а надъ диваномъ висѣлъ большой гравированный портретъ Т. Г. Шевченки. Налѣво отъ входной двери помѣщался письменный столъ; около него нѣсколько стульевъ, а за письменнымъ столомъ—два небольшихъ шкафа съ книгами.

Костомаровъ былъ, повидимому, удивленъ неожиданнымъ появленіемъ совершенно незнакомаго ему молодого человѣка.

— Занимаясь на магистра русской исторіи, — сказалъ я, когда Костомаровъ сѣлъ на диванъ, а я возлѣ него на кресло,— я желалъ бы услыхать ваше мнѣніе о нѣкоторыхъ вопросахъ изъ предполагаемой мною диссертаціи...

Прежде чѣмъ повести бесѣду на историческія темы, Костомаровъ спросилъ меня, курю ли я.

На утвердительный отвѣтъ съ моей стороны, Костомаровъ, быстро вставъ, почти побѣжалъ къ маленькому круглому столику, стоявшему гдѣ-то въ углу кабинета, взялъ съ него ящикъ съ папиросами и, возвращаясь ко мнѣ, задѣлъ за стулъ, уронилъ ящикъ,—папиросы разсыпались на полъ; я бросился подбирать ихъ, Костомаровъ тоже. Я обратилъ вниманіе на ящикъ; то былъ довольно большой черный лакированный ящикъ работы извѣстнаго Лукутина, съ портретомъ царя Алексѣя Михайловича на крышкѣ.

Я сталъ кратко излагать мои соображенія о мерянахъ и о Ростовѣ, какъ первомъ славянскомъ поселеніи среди нихъ. Долго Костомаровъ какъ бы нехотя отвѣчалъ на мои вопросы, обращенные къ нему; наконецъ, мало-по-малу, разговорился. Онъ вы-

сказалъ нѣсколько мыслей и соображеній весьма интересныхъ. Теперь многія изъ нихъ сдѣлались уже общеизвѣстными, а иныя не оправдались позднѣйшими научными изысканіями,—но тогда, во второй половинѣ 60-хъ годовъ, они были новы. Въ 1863 г. вышла книга Костомарова „Сѣверно-русскія народоправства", а потому для него новгородская славянорусская колонизація была болѣе знакома, чѣмъ колонизація другихъ великорусскихъ областей, и онъ, въ разговорѣ со мной, большею частью затрогивалъ культурную исторію Новгорода. Вотъ главнѣйшія изъ мыслей, высказанныхъ Костомаровымъ.

1) Ростовъ — это колонія новгородцевъ въ землѣ мерянъ, которая, повидимому, въ IX в. уже была колонизирована выходцами изъ Новгорода, а можетъ быть и отъ кривичей (бѣлоруссовъ). Это, между прочимъ, доказывается тѣмъ, что въ преданіи о призваніи трехъ братьевъ, варяжскихъ князей, упоминается союзъ изъ новгородцевъ, кривичей и мерянъ. Послѣдніе являются въ данное время только географическимъ терминомъ; въ землѣ мерянъ въ половинѣ IX в. было, по всей вѣроятности, уже немало славянскихъ насельниковъ, а финны не могли стоять по своей культурѣ наравнѣ съ племенами славянскими—ильменскими новгородцами и кривичами. Новгородцы рано начали свои поѣздки по Волгѣ, къ чему ихъ побуждала прежде всего ихъ торговля съ камской Болгаріей. Вслѣдствіе этого слѣдуетъ предположить, что до Ростова они основали какую-нибудь торговую факторію на Волгѣ, изъ которой рѣчнымъ путемъ и достигли озера Неро, при которомъ и возникъ Ростовъ. Иначе Ростовъ не могъ появиться въ такой глуши, какой было въ то время озеро Неро съ окрестностями. Первоначальное новгородское поселеніе на Волгѣ могло быть на мѣстѣ теперешняго Ярославля, откуда новгородцы и проникли рѣкою Нерлью въ озеро Неро. Въ IX в. мы видимъ три главнѣйшихъ, *крайнихъ*, пограничныхъ пункта поселеній славянъ среди финновъ. Это Новгородъ, Бѣлоозеро и Ростовъ; но они далеко не *единственныя* ихъ поселенія; ими опредѣлялась только *восточная граница* того времени разселенія славянъ среди финновъ.

2) Ростовскихъ рукописей дошло до насъ немного, хотя, повидимому, въ XII—XIII вв. въ Ростовѣ стала развиваться книжная дѣятельность. Но все это погибло въ татарскихъ и междукняжескихъ опустошеніяхъ, которыя въ такомъ изобиліи испыталъ Ростовъ, наряду съ другими сѣверо-восточными русскими городами. Новгородъ не испыталъ такихъ опустошеній, а потому въ немъ и его пригородахъ и монастыряхъ сохранилось до

нашихъ дней гораздо болѣе древнихъ рукописей. Таковы, напримѣръ, новгородскіе служебники, въ которыхъ находится много отличій отъ теперешнихъ православныхъ церковныхъ обрядовъ, житіе псковскаго князя Всеволода-Гавріила, представляющее не мало важныхъ данныхъ для внутренней исторіи Пскова. Впрочемъ, къ житіямъ русскихъ святыхъ, какъ къ историческому источнику, слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью. Всѣ житія святыхъ, а въ томъ числѣ и русскихъ, составлены по одному рецепту; для изображенія чудесъ святого брались готовые образцы чудесъ ветхаго и новаго завѣта. Такъ, напримѣръ, эпизодъ съ пророкомъ Іоной во время плаванія корабля по морю являлся образчикомъ и для чудесъ св. Николая, Мѵрликійскаго чудотворца, и для чудесъ Исидора Твердислава, ростовскаго святого. То же вліяніе видно и въ другихъ житіяхъ ростовскихъ святыхъ: Леонтія, Исаіи, Авраамія, Петра, царевича Ордынскаго и проч. Ветхозавѣтныя и новозавѣтныя чудеса усвоивались и народнымъ былиннымъ творчествомъ. Слѣды вліянія сказаній о пророкѣ Іонѣ мы можемъ наблюдать, напримѣръ, въ былинѣ о „Садкѣ, гостѣ новгородскомъ“.

3) Ростовская древность вся исчезла и указанія на ея обломки, какіе только уцѣлѣли до нашего времени, собраны въ книгѣ графа М. В. Толстого „Древнія святыни Ростова Великаго“, М. 1847 г. — Лѣтомъ 1866 года Костомаровъ былъ въ Ростовѣ и не нашелъ тамъ ничего старѣе XVI и XVII вв. Исключеніе составляетъ весьма интересный и очень древній католическій служебникъ св. Исидора Твердислава, лежащій на его ракѣ съ мощами. Какъ онъ попалъ въ Ростовъ? По преданію, Исидоръ Твердиславъ былъ иностранецъ римско-католическаго вѣроисповѣданія и потомъ принялъ православіе.

Послѣ нѣсколькихъ словъ о торговлѣ Ростова, объ участіи его въ торговлѣ новгородской, — я пришелъ къ заключенію, что мое непрошенное посѣщеніе утомляетъ Костомарова, и сталъ съ нимъ прощаться.

— Нѣтъ, посидите еще, — сказалъ Костомаровъ.

Разговоръ перешелъ отъ Ростова къ Казани. Костомаровъ разсказывалъ, какъ онъ прошлымъ лѣтомъ (т.-е. въ 1866 году) совершилъ поѣздку по Волгѣ и проѣзжалъ мимо Казани, какъ на пароходѣ онъ познакомился съ одной барыней, давшей ему свой фотографическій портретъ и просившей прислать ей его, съ очень „смѣшнымъ“ казанскимъ помѣщикомъ Г—нымъ, желавшимъ блеснуть передъ Костомаровымъ своей ученостью, и сумасшедшимъ симбирскимъ помѣщикомъ М—мъ, который увѣ-

рялъ его, что онъ, М—въ, открылъ наконецъ „настоящій, дѣйствительный рай на землѣ“.—Костомаровъ разсказывалъ очень хорошо, съ большимъ юморомъ. Онъ сталъ оживляться. Безпрестанно вскакивалъ и скоро ходилъ, почти бѣгалъ по комнатѣ во время разсказа; много курилъ и очень смѣялся, постоянно поправляя очки. Рѣчь Костомарова была очень оригинальна. Говорилъ онъ неровно, то отрывисто, то нѣсколько растягивая фразы, слегка картавя (вмѣсто *р*—произносилъ *х*) и не совсѣмъ ясно выговаривая нѣкоторыя слова. Голосъ его былъ хриплый. Лицо его подергивало, особенно правую сторону и правый глазъ.

Подали чай.—Вскорѣ пришелъ Е. А. Бѣловъ съ своей маленькой дочкой. Бѣловъ былъ давній знакомый Костомарова по Саратову и заслуживаетъ, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

Е. А. Бѣловъ былъ тоже историкъ, но труды его совершенно неизвѣстны большой публикѣ. Нижегородецъ родомъ, товарищъ по тамошней гимназіи съ двумя русскими историками—С. В. Ешевскимъ и К. Н. Бестужевымъ - Рюминымъ, Е. А. Бѣловъ вмѣстѣ съ ними былъ ученикомъ П. И. Мельникова, извѣстнаго изслѣдователя русскаго раскола и беллетриста, писавшаго подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго. Мельниковъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка былъ учителемъ исторіи въ нижегородской гимназіи и сумѣлъ вселить любовь къ этому предмету въ своихъ ученикахъ. Бѣловъ, окончивъ курсъ въ казанскомъ университетѣ въ 1849 г. кандидатомъ историко-филологическихъ наукъ, вступилъ на педагогическое поприще среднеучебныхъ заведеній. Началъ онъ свое учительство въ Пензѣ, въ Дворянскомъ институтѣ, а затѣмъ въ Саратовѣ въ мужской гимназіи и въ женскомъ институтѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ перебрался онъ въ Петербургъ, получивъ уроки исторіи въ двухъ тамошнихъ женскихъ гимназіяхъ — Покровской и Васильеостровской. Позднѣе Бѣловъ преподавалъ исторію въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ. Скончался онъ въ Петербургѣ 2 ноября 1905 г., на 70-мъ году отъ роду. — Бѣловъ былъ прекрасный учитель, много знающій и снискавшій любовь своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ; но какъ ученый онъ отличался двойственностью воззрѣній и парадоксальностью выводовъ. Онъ стоялъ на перепутьи между ученьемъ школы родового быта и народническими теоріями. Примыкая къ государственной теоріи Соловьева, Бѣловъ являлся неумѣреннымъ панегиристомъ Іоанна Грознаго и бичомъ московскаго дворянства, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ревностнымъ заступникомъ массы русскаго народа, съ оттѣнкомъ націонализма, что сближало его съ славянофилами. Пи-

салъ онъ довольно много,—и учебники для средней школы, по русской и всеобщей исторіи, и отдѣльныя монографіи—но двойственность своихъ историческихъ воззрѣній полнѣе всего выразилъ въ двухъ трудахъ: 1) Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII в. (Ж. М. Н. Пр. 1886 г., кн. 1, 2 и 3 и отд. изд. тамъ же); 2) Курсъ русской исторіи, Спб., 1895 г., т. I. (Продолженія по смерти автора не появлялось).

Зашелъ разговоръ о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Костомаровъ еще болѣе оживился. Глаза его заблистали. Онъ весьма краснорѣчиво выражалъ сочувствіе польскому мужику и громилъ шляхту, порицалъ русское правительство за то, что оно не желаетъ различить римско-католическаго религіознаго пониманія польскаго народа отъ шляхетско-католическаго воззрѣнія высшихъ классовъ. Между тѣмъ и другимъ—утверждалъ Костомаровъ—нѣтъ ничего общаго. Польскій крестьянинъ и польскій сельскій ксендзъ религіозны, но не фанатичны и не клерикальны, что составляетъ особенность шляхты. Такъ, напримѣръ, около Кельца народъ очень религіозенъ въ католическомъ смыслѣ, но совсѣмъ не знаетъ „Рѣчи Посполитой“; многіе польскіе ксендзы, при нарушеніи русскимъ правительствомъ конкордата съ Римомъ, выразили желаніе вступить въ бракъ.

— Это вы, великоруссы,—обратился Костомаровъ ко мнѣ и къ Бѣлову,—насильно желаете внѣдрять ваше „обрусеніе“ въ польскій народъ, смѣшивая его со шляхтой, и навязать ему и свой языкъ, и ваше православіе.—Костомаровъ со злобой говорилъ о такихъ „обрусителяхъ“ Польши, съ Н. А. Милютинымъ и кн. В. А. Черкасскимъ во главѣ.

Затѣмъ разговоръ отъ великоруссовъ и Польши незамѣтно перешелъ къ Іоанну Грозному: въ то время только-что была поставлена на Маріинской сценѣ трагедія графа А. К. Толстого: „Смерть Іоанна Грознаго“. Въ первое представленіе трагедіи (12 января 1866 г.) роль Іоанна IV игралъ П. В. Васильевъ, а роль Бориса Годунова—Нильскій. Костомаровъ не вполнѣ былъ доволенъ игрой Васильева, который, дѣйствительно, не имѣлъ природныхъ данныхъ для полнаго воспроизведенія характера грознаго царя. Костомаровъ справедливо находилъ, что у Васильева очень удачно вышли—сцена 2-й картины 1-го дѣйствія, гдѣ Іоаннъ IV, въ монашеской рясѣ, вспоминаетъ свои прегрѣшенія, а также покаяніе царя передъ боярами. Хорошъ былъ также Васильевъ—по мнѣнію Костомарова—въ концѣ 3-го дѣйствія, когда Іоаннъ IV, сидя на престолѣ и выведенный изъ себя посломъ Стефана Баторія Гарабурдой, получивши

извѣстіе о пораженіи своихъ войскъ,—задыхается отъ гнѣва и прерывающимся и упавшимъ голосомъ, хрипло кричитъ:

...Смерть всякому, кто скажетъ,
Что *я* разбитъ! Не могутъ быть разбиты
Мои полки! Вѣсть о *моей* побѣдѣ
Должна придти! И нынѣ же молебны
Побѣдные служить по всѣмъ церквамъ!

—послѣ чего падаетъ въ изнеможеніи на престольныя кресла.

Костомаровъ находилъ Васильева очень слабымъ, а иногда даже просто нехорошимъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ царь Іоаннъ былъ грозенъ, надмененъ, золъ и гордъ,—эти черты у него совсѣмъ не выходили. Что касается до Нильскаго, то, по справедливому мнѣнію Костомарова, тотъ совсѣмъ не понялъ Бориса Годунова и изобразилъ его какимъ-то шаблоннымъ трагическимъ злодѣемъ изъ переводныхъ французскихъ мелодрамъ.

Замѣчу здѣсь кстати, что 18-го марта 1867 г., въ годовщину смерти царя Іоанна IV, Костомаровъ собирался въ новгородское имѣніе графа А. К. Толстого, справлять, по его приглашенію, „тризну“ по Грозномъ, но опоздалъ на поѣздъ. Это впослѣдствіи разсказывалъ мнѣ самъ Костомаровъ.

Бѣловъ собирался уходить, я тоже сталъ прощаться, но Костомаровъ меня во второй разъ удержалъ.

Бесѣда моя съ Костомаровымъ снова перешла къ спеціальнымъ вопросамъ, связаннымъ съ моей диссертаціей. Эту бесѣду прервалъ новый гость: А—скій, южноруссъ, старинный знакомый Костомарова.

А—скій былъ спиритъ, и разговоръ перешелъ на животный магнетизмъ и спиритизмъ. Костомаровъ очень былъ заинтересованъ магнетизированіемъ, какъ реальнымъ фактомъ, но необъяснимымъ для него, и сталъ разсказывать, какъ въ Саратовѣ онъ съ успѣхомъ занимался магнетизированіемъ, какъ онъ тамъ усыплялъ неоднократно магнетическими пассами Тихменева [1]), который въ магнетическомъ сомнамбулизмѣ разсказывалъ весьма интересныя вещи, и сталъ предлагать мнѣ тотчасъ же меня усыпить. Я, разумѣется, отказался отъ такого опыта.

А—скій говорилъ, что посредствомъ такъ-называемаго спиритизма лучше всего доказывается, что въ природѣ человѣка два начала: физическое и духовное, и что духовное начало—душа—безсмертно.

---

[1]) Тихменевъ, филологъ, окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ въ 50-хъ годахъ; въ началѣ 60-хъ годовъ издалъ въ Петербургѣ сочиненія Веневитинова.

Костомаровъ сталъ горячо возражать, что спиритизмъ не можетъ его убѣдить въ безсмертіи души, что для него магнетическій сонъ очень любопытенъ, какъ фактъ, но того, что говорятъ во время его усыпленные, онъ не можетъ принять на вѣру.

— Привыкши заниматься исторіею, я на все ищу реальныхъ фактовъ, служащихъ для меня доказательствомъ, а рѣчами разныхъ „медіумовъ" вы меня не убѣдите. Дайте мнѣ доказательство,—и я вамъ повѣрю.

— Ищите сами,—заявилъ ему А—скій.—Вы вотъ, ученые,—продолжалъ онъ,—ничему не вѣрите. Вѣрите вы въ душу?—обратился онъ къ Костомарову.

— Я не могу вѣрить въ то, чего не знаю,—отвѣчалъ тотъ,—и продолжалъ:—Я бы желалъ думать, что я не умру на землѣ; я бы желалъ знать, какъ я буду жить за гробомъ; я бы желалъ знать, что такое душа; но покуда я этого не знаю, и вашъ спиритизмъ мнѣ ничего не докажетъ...

А—скій, бросивши нѣсколько укоровъ Костомарову за его неустойчивость, удалился. Костомаровъ долго въ раздумьи ходилъ по комнатѣ. Я снова сталъ прощаться, но онъ опять меня удержалъ, и мы проговорили до 12-ти часовъ ночи. Разговоръ вертѣлся на разныхъ историческихъ темахъ. Вотъ что говорилъ Костомаровъ:

— Я убѣжденъ, что славянскія племена ближе всѣхъ арійцевъ къ грекамъ. Это доказывается, какъ сходствомъ старославянскаго, такъ-называемаго „церковнаго" языка, съ древне-греческими діалектами, такъ и сходствомъ первоначальнаго общественнаго строя у славянъ и грековъ. Семейно-родовой бытъ одновременно съ общиннымъ строемъ легли въ основу „народоправствъ" (республикъ) и древне-греческихъ, и древле-славянскихъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ западной Европѣ. Нѣтъ у славянъ и аристократіи въ западно-европейскомъ смыслѣ; у славянъ аристократія вездѣ является въ соціальномъ, общественномъ значеніи, а не въ политическомъ. У великоруссовъ, въ Московскомъ государствѣ, аристократія существовала только въ смыслѣ высшаго служилаго класса, который былъ учрежденъ правительствомъ для его военныхъ и административныхъ цѣлей. Изъ всѣхъ русскихъ племенъ нашего времени самый чистый славянскій типъ сохранился на Волыни. Въ южной Руси, въ Кіевщинѣ и въ лѣво-бережной Украйнѣ замѣчается сильная примѣсь племенъ тюркскихъ и татарскихъ. Бѣлоруссы (кривичи)—одного племени съ первоначальными великоруссами, въ которыхъ впослѣдствіи

вошло немало крови финской и татарской. Позднѣйшіе великоруссы—это метисы изъ славянъ, финновъ и татаръ, и въ народномъ характерѣ великоруссовъ, и въ ихъ общественно-политическомъ строѣ, выразителемъ котораго явилась Москва, имѣется большое сходство съ древнимъ Римомъ: недаромъ московскіе книжники XVI в. называли Москву „третьимъ Римомъ". Финны имѣли свои *города*, т. е. *огороженныя* населенныя мѣста, и славянскіе колонисты, завладѣвая ими, могли перемѣнять ихъ названія на свои, славянскія. Возможно, что на мѣстѣ теперешняго Ростова былъ какой-нибудь первоначальный финскій городъ-поселокъ, которымъ завладѣли новгородскіе славяне и назвали его по своему „Ростовъ", по имени какого-нибудь своего предводителя *Роста*. Это было у славянъ въ обычаѣ. Ярославль—отъ Ярослава, городъ Ярослава; Ростиславль—отъ Ростислава; Мстиславль—отъ Мстислава; Ростовъ—городъ Роста. Города Ростовско-Суздальской земли—всѣ происхожденія славянскаго; это доказывается тѣмъ, что во всѣхъ городахъ этой земли, даже княжескихъ, были вѣча—старинное славянское общинное учрежденіе.

Затѣмъ Костомаровъ сталъ распространяться о важности изученія для бытовой народной исторіи мѣстныхъ говоровъ, названій населенныхъ мѣстъ, рѣкъ, озеръ, урочищъ и вещественныхъ памятниковъ. Наблюденія надъ теперешнимъ бытомъ народа той мѣстности, гдѣ нѣкогда обитали меряне, также весьма важны,—говорилъ онъ;—но это источникъ уже не прямой, а, такъ сказать, дополнительный, провѣрочный. Необходима крайняя осторожность въ выводахъ при заключеніи отъ *теперешняго* къ явленіямъ прошлой жизни. Общественный укладъ ростовско-суздальской земли очень интересенъ по своей самобытности. Въ этой землѣ не было прочной территоріальной связи; всѣ подъудѣльныя княжества Ростова и Суздаля отпадали отъ этихъ городовъ, отваливались, какъ отростки отъ главнаго корня, какъ корешки. Въ ростовско-суздальской землѣ младшій городъ постоянно бралъ перевѣсъ надъ старшимъ и въ политическомъ и въ церковномъ отношеніи, и младшіе города враждовали другъ съ другомъ. Тамъ давалъ всему перевѣсъ князь. Вотъ отъ Новгорода Великаго отпалъ политически только одинъ Псковъ, но до конца былъ зависимъ отъ него въ церковномъ отношеніи.

Костомаровъ говорилъ на этотъ разъ съ большимъ увлеченіемъ.

— Надѣюсь, что не въ послѣдній разъ бесѣдую съ вами,—сказалъ онъ, подавая мнѣ на прощанье руку,—я къ вашимъ услугамъ во всякое время.

Костомаровъ проводилъ меня въ переднюю и ушелъ. Когда я надѣлъ уже шубу, онъ скорымъ шагомъ опять вышелъ изъ кабинета и, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Просмотрите хорошенько „Списки населенныхъ мѣстъ", изданные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по тѣмъ губерніямъ, гдѣ было и отчасти есть и въ настоящее время финское населеніе, и провѣрьте всѣ финскія названія рѣкъ, урочищъ и населенныхъ мѣстъ по словарямъ финскихъ языковъ,—это будетъ громадная заслуга съ вашей стороны. Это крайне важно и интересно, но этого еще никто не касался въ наукѣ.

Мы снова простились. Костомаровъ ушелъ въ кабинетъ. Лакей Костомарова отворилъ уже передо мною выходную дверь на лѣстницу, но вдругъ Костомаровъ опять показался въ передней.

— По моему, въ письменныхъ памятникахъ вы мало найдете себѣ пищи. Все общеизвѣстно!.. До свиданія! — сказалъ онъ скороговоркой.

IV.

Черезъ день послѣ моего перваго визита къ Костомарову, 1-го февраля 1876 года, я засталъ его въ Публичной библіотекѣ, въ рукописномъ отдѣленіи. Здѣсь работалъ я съ нимъ за однимъ столомъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, до 29-го марта включительно. Это, такъ сказать, книжное сосѣдство очень сблизило меня съ Костомаровымъ; съ тѣхъ поръ наши отношенія съ каждымъ годомъ становились все прочнѣе и прочнѣе.

Рукописное отдѣленіе Публичной библіотеки—это своего рода руда научныхъ драгоцѣнностей, доселѣ еще не разработанная должнымъ образомъ. Кромѣ хранящихся тамъ подлинниковъ двухъ древнихъ нашихъ рукописныхъ памятниковъ—Остромирова Евангелія и Лаврентьевской лѣтописи, рукописныхъ коллекцій изъ „Древлехранилища" М. П. Погодина и собранія графа Ѳ. А. Толстого, въ немъ находятся рукописныя собранія чуть ли не на всѣхъ языкахъ міра, цѣлые архивы и автографы замѣчательныхъ русскихъ государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, рѣдкія рукописи изъ собранія польскаго графа Залусскаго и изъ архива парижской Бастиліи, добытыхъ польскимъ ученымъ Дубровскимъ и принесенныхъ имъ въ даръ нашей Публичной библіотекѣ. Въ главной залѣ отдѣленія господствуетъ какой-то священный покой, наводящій религіозное настроеніе, близкое къ настроенію, получаемому въ старинныхъ монастыр-

скихъ храмахъ. Въ такой обстановкѣ поневолѣ отрѣшаешься отъ „злобы дня", отъ суеты мірской, несмотря на то, что зала рукописнаго отдѣленія помѣщается на очень бойкомъ мѣстѣ Петербурга: въ нижнемъ этажѣ библіотеки, на углу Невскаго и Садовой, близъ Гостинаго Двора. Невольно погружаешься въ этомъ хранилищѣ въ древнія и старинныя хартіи, невольно припоминаешь русскихъ монаховъ лѣтописцевъ давно прошедшихъ „времянныхъ" лѣтъ,—и иконописные облики преподобнаго Нестора, монаха Лаврентія и Пушкинскаго Пимена — живо возстаютъ въ воображеніи и вдохновляютъ на занятія „стариной" и „дѣяніями" минувшихъ лѣтъ.

Рукописное отдѣленіе въ то время находилось подъ начальствомъ Аѳ. Ѳеод. Бычкова, знатока не только славяно-русской старой письменности, но палеографіи вообще, человѣка въ высшей степени обязательнаго и авторитетнаго руководителя въ ученыхъ занятіяхъ.

Костомаровъ вступалъ иногда въ весьма оригинальные диспуты съ А. Ѳ. Бычковымъ, котораго въ шутку любилъ называть „Бычокъ". Разъ онъ присталъ къ Аѳанасію Ѳеодоровичу съ такимъ предложеніемъ:

— Аѳанасій Ѳеодоровичъ, когда я умру, похороните меня здѣсь въ рукописномъ отдѣленіи, подъ поломъ.

Тотъ, съ смѣющимися изъ-подъ золотыхъ очковъ глазами, уставился на Костомарова и, конечно, ничего не отвѣчалъ.

— Вы думаете, я шучу? — продолжалъ Костомаровъ.—Нисколько. Позвольте васъ спросить: чѣмъ Публичная библіотека хуже Успенскаго собора или Чудова монастыря? Вѣдь библіотека—храмъ науки; а чѣмъ я хуже московскихъ митрополитовъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа?

Эту шутку Костомаровъ выражалъ серьезнымъ тономъ, такъ что всякаго, кто его не зналъ близко, она могла ввести въ невольное заблужденіе.

Костомаровъ, просматривая рукописные фоліанты и дѣла, любилъ вступать въ бесѣды по поводу находимыхъ имъ историческихъ фактовъ, и иногда, вслѣдствіе своей живой фантазіи, уходилъ въ сторону и предавался „историческимъ мечтаніямъ", которыя принимали у него ярко-художественные образы. Взявши какую-нибудь связку оффиціальныхъ бумагъ, онъ не давалъ себѣ труда просматривать ее послѣдовательно, документъ за документомъ, а невольно останавливалъ свое вниманіе лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые подтверждали ему уже заранѣе составившееся у него мнѣніе о томъ или другомъ вопросѣ. Такъ, очень хо-

рошо помню, какъ 16-го марта 1867 года, онъ принесъ и положилъ на столъ толстую кипу бумагъ въ картонѣ и нетерпѣливо, лихорадочно, сталъ ихъ перелистывать. Быстро просматривалъ Костомаровъ бумаги, то въ началѣ кипы, то въ концѣ, торопливо дѣлая отмѣтки карандашомъ на отдѣльныхъ листочкахъ... Лицо его подчасъ принимало злобное выраженіе. Наконецъ онъ захохоталъ, и откинулся на спинку стула.

— Вотъ вамъ,—обратился онъ ко мнѣ:—въ этомъ картонѣ вся исторія Польши!—и хлопнулъ рукой по картону.

Я смотрѣлъ на него съ недоумѣньемъ.

— Начинается картонъ—продолжалъ Костомаровъ—велерѣчивой рѣчью Станислава Понятовскаго къ польскимъ жолнерамъ, а кончается подорожной, за подписью Екатерины II, поляку русской службы, полковнику Сѣраковскому. Тутъ все—и польская шляхетская спѣсь, и пустота Понятовскаго, и распаденіе „Рѣчи Посполитой", результатъ польскаго безправія и отсутствія у поляковъ государственнаго смысла, чѣмъ ловко воспользовалась Екатерина II.

— Умная была баба!—въ восторгѣ восклицалъ Костомаровъ:—мастерски надула поляковъ! А Станиславъ Понятовскій — этотъ послѣдній ихъ „круль"—типическій представитель польскаго шляхетскаго неразумія и разврата! Я увѣренъ, что, говоря льстивую благодарственную рѣчь „храброму польскому воинству", онъ не заплатилъ солдатамъ жалованья, по крайней мѣрѣ, за два мѣсяца!.. Вотъ интересный источникъ для характеристики Понятовскаго! Какъ ярко рисуется психика Понятовскаго въ его перепискѣ!—Въ его дружескихъ письмахъ, обнимающихъ большой періодъ времени, — въ молодости онъ распространяется о кокоткахъ, а въ старости—о типахъ мадоннъ у разныхъ извѣстнѣйшихъ живописцевъ и скульпторовъ.—Не правда ли, характерно?

Затѣмъ Костомаровъ сталъ рѣзко бичевать польскую шляхту и духовенство.

— Русскій народъ, мѣткій въ своихъ приговорахъ и выраженіяхъ, говоритъ полякамъ: „Вы про...*моргали* Польшу", а я прибавляю: „и про...*развратничали*!"—восклицалъ онъ.

Костомаровъ выразился гораздо рѣзче. Вообще, онъ любилъ употреблять весьма рѣзкія и несправедливыя выраженія для характеристики поляковъ, и охотно разсказывалъ о нихъ прямо скандальные анекдоты. Такихъ анекдотовъ онъ передалъ мнѣ на этотъ разъ нѣсколько...

Рѣчь зашла объ отношеніяхъ Польши къ малоруссамъ и запорожскимъ казакамъ. Костомаровъ всталъ, выпрямился, сталъ

даже какъ будто выше ростомъ и быстро зашагалъ взадъ и впередъ по довольно узкому пространству рукописнаго отдѣленія, гдѣ стоялъ нашъ столъ,—и рѣчь его лилась плавно и увлекательно, когда онъ заговорилъ о столь близкой его сердцу „Украйнѣ“. Массу анекдотовъ разсказалъ онъ изъ разныхъ эпохъ исторіи Запорожья. Особенно остался у меня въ памяти одинъ, изъ эпохи Екатерины II, относящійся къ концу ея царствованія, т.-е. къ закату и прекращенію „Січи Запорожской“.

Радѣтелемъ „казацкихъ вольностей“ въ это время былъ одинъ изъ видныхъ представителей запорожской „старшины“, Ант. Вас. Головатый, ловко умѣвшій пользоваться обстоятельствами, заслужившій одновременно и расположеніе Екатерины II съ Потемкинымъ, а позднѣе Павла I, и своихъ „лыцарей казаковъ“. Онъ нѣсколько разъ посылался отъ запорожцевъ депутатомъ къ императрицѣ Екатеринѣ, хлопотать о нуждахъ войска, и наканунѣ уничтоженія „Сѣчи“, передъ самымъ 1775 г., и въ девяностыхъ годахъ, когда остатки „Сѣчи“ перешли на западное черноморское побережье. Повидимому, анекдотъ относится къ депутаціи конца 1791 г., когда Головатый былъ уже черноморцемъ и имѣлъ чинъ полковника.

Послѣ пріема запорожской депутаціи, оставшись, по обыкновенію, очень довольна умомъ и тактомъ Головатаго, Екатерина II сама надѣла на него какой-то крупный орденъ. Депутація должна была еще пробыть нѣсколько времени во дворцѣ. Головатому надоѣло ждать, и онъ вышелъ, безцеремонно разсматривая парадныя комнаты. Одинъ изъ дежурныхъ камеръ-юнкеровъ былъ пораженъ такимъ поведеніемъ „казака“, свободно разгуливавшаго по дворцовымъ аппартаментамъ. Головатый это сразу замѣтилъ.

— Эй, хлопецъ! — обратился онъ къ расфранченному придворному: — а какъ пройти у васъ...? (Онъ захотѣлъ осмотрѣть на досугѣ разныя дворцовыя помѣщенія).

— Какъ смѣешь ты, мужикъ, такъ со мной разговаривать! — оборвалъ Головатаго камеръ-юнкеръ.

Головатый лукаво усмѣхнулся и, отворотивъ лацканъ своего чекменя, указалъ на орденъ и сказалъ:

— А эту птицу знаешь?

Камеръ-юнкеръ совершенно былъ уничтоженъ такой неожиданностью. Низко кланяясь и извиняясь, онъ немедленно исполнилъ желаніе Головатаго.

Въ другой разъ Костомаровъ долго бесѣдовалъ со мной о польскихъ дѣлахъ при Екатеринѣ II и передалъ мнѣ свѣдѣніе изъ

какого-то польскаго мемуариста эпохи раздѣловъ Польши (автора мемуаровъ я не помню) о покушеніи со стороны поляковъ на жизнь императрицы во время поѣздки ея въ Бѣлоруссію послѣ перваго раздѣла Польши.

— А вѣдь какъ бы все измѣнилось въ Россіи, а въ особенности сложились бы иначе наши послѣдующія отношенія къ Польшѣ, еслибы покушеніе исполнилось!—воскликнулъ Костомаровъ.—Императоръ Павелъ, тогда молодой человѣкъ, почти юноша и еще не испорченный послѣдующими тлетворными на него вліяніями Екатерининскихъ „фаворитовъ", по всей вѣроятности совсѣмъ бы иначе взглянулъ на задачи внутренней и внѣшней политики Россіи; и къ Польшѣ отнесся бы онъ не такъ, какъ Екатерина II: это можно заключить изъ его позднѣйшихъ отношеній къ Станиславу Понятовскому и Костюшкѣ.

„Историческая" фантазія Костомарова разгорѣлась, и онъ сталъ вышивать по реальной канвѣ послѣдующихъ событій русской политической исторіи самые разнообразные узоры...

Затѣмъ его воображеніе нарисовало эффектную картину погребенія Екатерины II. Подробно разсказывая всю процессію, какъ будто онъ былъ ея очевидцемъ, Костомаровъ остановился надъ разрѣшеніемъ детальныхъ вопросовъ, вродѣ, напримѣръ, такого: кто бы изъ тогдашнихъ придворныхъ несъ въ похоронной процессіи ту или другую изъ императорскихъ регалій.

— Императорскую корону, по-моему, непремѣнно несъ бы Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, — убѣжденно утверждалъ Костомаровъ.

Личности Екатерины II и Станислава Понятовскаго особенно интересовали Костомарова. Онъ постоянно къ нимъ возвращался. Помню, разъ—это было 14-го марта 1867 г., незадолго передъ вышеприведеннымъ мною эпизодомъ съ картономъ польскихъ документовъ — Костомаровъ велъ со мной въ Публичной библіотекѣ продолжительный разговоръ о послѣднемъ королѣ польскомъ и объ его отношеніяхъ къ Екатеринѣ II.

— А видали вы могилу Станислава Понятовскаго?—вдругъ обратился ко мнѣ Костомаровъ.—Вѣдь онъ погребенъ здѣсь, въ католической церкви на Невскомъ проспектѣ.

— Нѣтъ, не видалъ,—отвѣчалъ я.

— Такъ пойдемте.—Костомаровъ быстро всталъ и побѣжалъ къ выходу изъ библіотеки. Я послѣдовалъ за нимъ.

Было часа три пополудни. День былъ пасмурный, ненастный.

Когда мы подошли къ католической церкви,—она оказалась запертой. Намъ не удалось найти никакого клирика или сто-

рожа, чтобы отпереть церковь. Костомаровъ выражалъ нервное нетерпѣніе, началъ ворчать, затѣмъ браниться вслухъ: жестоко нападалъ сначала на непорядки въ петербургскомъ католическомъ приходѣ, потомъ на католическихъ ксендзовъ вообще и польскихъ въ частности; наконецъ, на поляковъ, на ихъ политическое неустройство и на Станислава Понятовскаго. Говорилъ онъ громко, почти кричалъ.

Около насъ стала собираться кучка любопытныхъ. Снѣгъ валилъ хлопьями. Мѣховая шапка Костомарова и мѣховой воротникъ на его пальто были совсѣмъ мокры.

— Кто этотъ господинъ, который такъ сердится, и за что сердится?—обратился ко мнѣ какой-то человѣкъ изъ толпы.

— Это Костомаровъ,—отвѣчалъ я.

— Какой Костомаровъ? Неужели извѣстный историкъ?—спросилъ кто-то другой.

— Онъ самый.

Мои разъясненія были, очевидно, услышаны многими. Толпа начала рости. Мы съ Костомаровымъ поспѣшили удалиться.

Мои отношенія съ Костомаровымъ по Публичной библіотекѣ были бы не вполнѣ очерчены, еслибы я пропустилъ трактиръ Балабина на Садовой, почти рядомъ съ библіотекой. Въ этотъ трактиръ Костомаровъ издавна, съ самаго своего появленія въ Петербургѣ, ходилъ завтракать и обѣдать. Онъ не замедлилъ и меня сводить къ Балабину.

Въ зиму 1866—1867 года въ этомъ трактирѣ собиралась особая „компанія" близкихъ Костомарову лицъ, которую онъ прозвалъ „освященнымъ соборомъ". Въ „компаніи", въ подражаніе такому же шутливому учрежденію Петра Великаго, всѣ участники именовались монастырскими чинами: о. архимандритомъ (настоятелемъ), іеромонахами, іеродіаконами, о. казначеемъ, рядовыми монахами,—братіею и послушниками. Не было только въ этомъ „соборѣ" винопитія; въ противоположность „собору" Петра Великаго, „соборъ" Костомарова отличался трезвенностью и умѣренностью въ пищѣ. Костомаровъ не пилъ вообще никакого цѣльнаго вина; онъ чаю даже не пилъ, а замѣнялъ его „теплотой", какъ онъ выражался, т.-е. теплой водой, съ прибавленіемъ краснаго вина. Настоятелемъ, о. архимандритомъ собора, состоялъ С. В. Максимовъ, извѣстный этнографъ-беллетристъ, авторъ „Года на сѣверѣ", „Бѣлаго моря и его прибрежій" и „Сибири и каторги"; въ его отсутствіе обязанности „настоятеля" исполнялъ Костомаровъ.

Когда мы вошли съ Костомаровымъ въ залу Балабинскаго трактира 15-го марта 1867 г., Максимова тамъ не было; на лицо находились только Д. Е. Кожанчиковъ и Яковлевъ. Кожанчиковъ († 1877 г.)—купецъ, родомъ изъ Рязани, открылъ въ Петербургѣ, въ концѣ 1850-хъ годовъ, книжную торговлю и сталъ издавать входившія въ то время въ моду книги по русской старинѣ и исторіи. Онъ составилъ себѣ устойчивую репутацію въ публикѣ весьма солидными и дорогими изданіями, а среди ученыхъ и литераторовъ сумѣлъ свести даже короткія и дружескія отношенія. Въ челѣ изданій Кожанчикова стояли впервые вышедшія изъ-подъ типографскаго станка подлинныя сочиненія нашихъ раскольниковъ-старообрядцевъ, какъ „Исторія Выговской пустыни" и другія, и столь дорогія и изящно-изданныя книги, какъ „Очерки изъ исторіи русской народной словесности и искусства" Ѳ. И. Буслаева. Кожанчиковъ явился издателемъ и сочиненій Костомарова, и вскорѣ сталъ съ нимъ на дружескую, очень короткую ногу. Имъ были изданы въ 1859 г. „Богданъ Хмельницкій" и „Бунтъ Стеньки Разина", въ 1863 г. „Сѣверно-русскія народоправства" и два первыхъ тома „Монографій и изслѣдованій"; въ началѣ 1867 г. печатался Кожанчиковымъ 3-й томъ „Монографій" Костомарова. Яковлевъ—одинъ изъ неудачниковъ ученыхъ. Занимался онъ въ то время „Домостроемъ", затѣмъ былъ доцентомъ исторіи русской литературы въ Дерптѣ, Одессѣ и Варшавѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Костомаровъ занялъ во главѣ длиннаго стола предсѣдательское мѣсто.

— Младенецъ!—крикнулъ онъ, стуча ножомъ о тарелку, одному изъ мальчиковъ-прислужниковъ въ сѣрыхъ курточкахъ:— „теплоты"!

Костомарову была сейчасъ подана чашка краснаго вина, сильно разбавленнаго водой, и небольшой ломтикъ бѣлаго хлѣба.

— Отче Димитріе! — обратился онъ ко мнѣ.—Трапеза наша скудна есть, монастырская. Кое брашно угодно тебѣ, отче?

Я что-то заказалъ,—кажется, бифштексъ.

— Отче Димитріе!—снова обратился ко мнѣ Костомаровъ,— а не хотите ли сдѣлать экзаменъ „младенцамъ" изъ исторіи Смутнаго времени?—Костомаровъ, собирая матеріалы для своей монографіи о Смутномъ времени, разсказывалъ въ Балабинскомъ трактирѣ разные эпизоды изъ исторіи Смуты и разсуждалъ объ этой эпохѣ съ членами „освященнаго собора", вслѣдствіе чего многіе изъ прислуги трактира запомнили его разсказы.

— Ну, разскажи намъ,—обратился Костомаровъ къ маль-

чику, принесшему мнѣ порцію,—какія сохранились преданія о томъ, кто былъ первый Лжедимитрій?

Мальчикъ весьма обстоятельно передалъ эти преданія очень близко къ тексту Костомаровской монографіи.

Я задалъ мальчику вопросы о Маринѣ Мнишекъ и ея свадьбѣ съ Лжедмитріемъ, и также получилъ весьма обстоятельные отвѣты.

Костомаровъ, войдя въ роль „настоятеля“, сталъ разсказывать на правильномъ церковно-славянскомъ языкѣ разныя „житія“ и описанія чудесъ русскихъ святыхъ, преимущественно новгородскихъ. Онъ прекрасно *говорилъ* по церковно-славянски и могъ импровизировать на этомъ старо-книжномъ русскомъ языкѣ цѣлыя повѣствованія, которыя плохо знакомый со старинной русской книжностью принялъ бы за пересказъ подлинныхъ писаній.

Изученіе житій русскихъ святыхъ и вообще старинной русской церковной письменности давало обильный матеріалъ для роскошной поэтической фантазіи Костомарова. Такъ изъ житія Св. Ефросина Псковскаго, въ которомъ разсматривается вопросъ о правильности „сугубой аллилуіи“ и о неправильности „трегубой“,— Костомаровъ составилъ программу для „феерiи“. Подробности этой программы не сохранились въ моей памяти. Помню только, что „сугубая аллилуія“ олицетворена была въ образѣ Саламандры, которая и вылетаетъ въ эпилогѣ феерiи изъ пламени...

Бѣсовскія „искушенія“, которымъ обыкновенно подвергаются святые подвижники, очень занимали Костомарова. Вопросъ о „бѣсѣ“, съ религіозной и психологической точки зрѣнія, привлекалъ особенно его вниманіе, и развитіе представленія „бѣса“, какъ въ Священномъ писаніи, такъ и въ преданіяхъ разныхъ народовъ и русскаго народа въ частности—составляли одну изъ любимѣйшихъ темъ его разговоровъ. И какъ живо и картинно передавалъ онъ всѣ приключенія „бѣсовъ“, которые у него выходили прямо художественными обликами съ индивидуальными чертами! Особенно запечатлѣлись въ моей памяти повѣствованія Костомарова на церковно-славянскомъ языкѣ о бѣсовскихъ искушеніяхъ свв. Варлаамія Хутынскаго и Прокопія Устюжскаго и цѣлый рядъ народныхъ разсказовъ о бѣсахъ великорусскихъ и малорусскихъ. Въ этихъ разсказахъ бѣсы являлись и мрачными злодѣями, сокрушителями человѣчества, и благодушными шалунами, которыхъ народъ въ шутку называетъ „Захарками“ и „Савоськами“. Да не подумаетъ кто-либо изъ читателей, что Костомаровъ глумился надъ православными религіозными кни-

гами и преданіями. Наоборотъ. Онъ былъ не только очень религіозный человѣкъ въ истинно христіанскомъ смыслѣ, но придавалъ большое значеніе всѣмъ православнымъ церковнымъ обрядамъ и церковнымъ службамъ, которые зналъ превосходно. Но обрядъ не застилалъ передъ нимъ сущности религіи. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на временную, преходящую формулу внѣшняго выраженія религіи. Не иронія руководила имъ при его „творчествѣ“ въ религіозной области, а присущіе ему юморъ и пылкая фантазія. Костомаровъ близко былъ знакомъ съ обрядовой стороной православія и изучалъ ея исторію. Это доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ:

19-го марта 1867 г. я отправился къ обѣднѣ въ греческую церковь св. Димитрія Солунскаго, находящуюся на Лиговской площади. Послѣ этого посѣщенія я видѣлся съ Костомаровымъ, который былъ близко знакомъ съ настоятелемъ этой церкви, греческимъ архимандритомъ, если не ошибаюсь, Неофитомъ, и мы разговорились о различіи въ церковныхъ обрядахъ у грековъ и у русскихъ. Обиходъ церковнаго служенія у грековъ, какъ извѣстно, отличается въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отъ сложившагося обихода въ русской церкви. Такъ, напримѣръ, Евангеліе читается діакономъ, обращеннымъ лицомъ къ молящимся, а не къ алтарю, какъ у насъ (въ иныхъ греческихъ церквахъ, какъ въ церкви св. Георгія въ Венеціи, діаконъ читаетъ Евангеліе не съ солеи, а съ боковой каѳедры на сѣверной стѣнѣ храма); „Символъ вѣры“ и „Отче нашъ“ не поются, какъ у насъ, а читаются, и т. д.

— Литургія есть основное христіанское богослуженіе, — говорилъ Костомаровъ,—и первоначально имѣла задачей *воспроизвести въ дѣйствіи* земную жизнь Іисуса Христа и символически выразить сущность этой жизни—искупленіе Имъ отъ первороднаго грѣха рода человѣческаго. Это, однимъ словомъ, христіанская драма. Василій Великій, Григорій Двоесловъ и Іоаннъ Златоустъ именно и поняли такъ литургію и ея задачу. Но теперь, не говоря уже о литургіи римско-католической, въ греко-восточной церкви символика литургіи стала непонятной для молящихся въ храмѣ, вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ. Первая изъ нихъ — это хронологическая отдаленность нашего времени отъ первыхъ вѣковъ христіанства; вторая — различіе въ тогдашнемъ строѣ христіанскихъ обществъ отъ теперешняго состоянія православной церкви, и наконецъ третья—различіе въ религіозномъ пониманіи грековъ и русскихъ. Русскій человѣкъ, въ особенности великоруссъ, придаетъ чрезмѣрное значеніе обряду:

онъ изъ-за него не видитъ сущности христіанства. Но съ этимъ необходимо бороться. Реформа обрядовой стороны православія неизбѣжна. Теперь, для русскаго вѣрующаго человѣка, литургія— не общедоступная религіозная христіанская драма, а механическое сцѣпленіе какихъ-то обрядовъ, чуждыхъ его обыденной жизни. Вслѣдствіе всего этого необходимо измѣнить литургію сообразно теперешнимъ нашимъ жизненнымъ условіямъ и пониманію. Нужно, чтобы литургія вновь стала христіанской общедоступной драмой.

Костомаровъ сообщилъ мнѣ, что у него имѣется набросокъ литургіи, составляющій именно такую передѣлку самой распространенной православной литургіи св. Іоанна Златоуста.

V.

Послѣ моего перваго посѣщенія Костомарова я бывалъ у него неоднократно по вечерамъ въ теченіе февраля и марта 1867 г. Посѣтителей встрѣчалъ я у него немного: онъ жилъ въ то время, какъ уже замѣчено выше, уединенно, — да и тѣ, кого я у него видалъ, являлись какъ бы случайно. Не всѣ изъ его гостей принадлежали къ литературнымъ и ученымъ кругамъ; были среди нихъ его знакомые и по Саратову и нѣкоторые кіевляне-помѣщики. Чаще всего въ это время я встрѣчалъ у Костомарова А. Н. Пыпина, Е. А. Бѣлова, Д. Л. Мордовцева, Н. П. Барсукова, Д. Е. Кожанчикова. Иногда бывали: Н. В. Калачевъ, въ то время директоръ московскаго архива министерства юстиціи, наѣзжавшій въ Петербургъ, С. И. Палаузовъ, болгаринъ родомъ, служившій въ одномъ изъ министерствъ и авторъ нѣсколькихъ весьма интересныхъ монографій по исторіи Болгаріи и Румыніи, и самоучка-археологъ В. А. Прохоровъ, издававшій „Христіанскія древности".

На этихъ вечерахъ разговоры касались не столько вопросовъ текущей жизни, сколько разныхъ эпизодовъ изъ русской исторіи. Костомаровъ нерѣдко читалъ вслухъ литературныя произведенія, связанныя съ исторіей, иногда разсказывалъ историческіе анекдоты и сообщалъ о своихъ похожденіяхъ въ московскихъ архивахъ и своихъ отношеніяхъ къ русскимъ ученымъ, иногда выражалъ свои воззрѣнія на нѣкоторыя явленія русской исторической жизни.

Читалъ Костомаровъ вслухъ весьма выразительно, сопровождая чтеніе замѣчаніями и объясненіями. Таково, напримѣръ, было

его чтеніе по корректурѣ сценъ изъ пьесы Островскаго: „Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“, помѣщенной въ I т. „Вѣстника Европы“ за 1867 годъ.

Изъ анекдотовъ, разсказанныхъ Костомаровымъ, особенно памятны мнѣ три, относящіеся къ императору Павлу I. Разсказывалъ онъ ихъ превосходно, съ большимъ юморомъ. Вотъ эти анекдоты.

I. Разъ императору Павлу графъ Паленъ доложилъ, что имъ арестованъ важный „политическій“ преступникъ. Императоръ велѣлъ немедленно доставить его къ себѣ во дворецъ.

Когда того доставили, Павелъ, сурово взглянувъ на него, спросилъ:

— Умѣешь играть въ шахматы?

— Умѣю, государь.

— Кутайсовъ!—крикнулъ императоръ:—подай шахматы!

Павелъ усадилъ „политическаго“ преступника передъ шахматной доской—и самъ сѣлъ играть съ нимъ.

Тотъ выигралъ у императора подрядъ три партіи.

— Да ты прекрасно играешь!—воскликнулъ Павелъ въ восхищеніи:—*даже* меня обыгралъ! (онъ считалъ себя прекраснымъ шахматнымъ игрокомъ).

Преступникъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

— Кутайсовъ!—крикнулъ опять Павелъ. Когда тотъ явился, императоръ сказалъ ему:

— Немедленно освободить! Такой прекрасный шахматный игрокъ не можетъ быть преступникомъ!

II. Въ началѣ марта, въ скверную погоду, когда на петербургскихъ улицахъ уже стояла весенняя распутица и рыхлый снѣгъ смѣшивался съ грязью, — поздно вечеромъ, возвращался императоръ Павелъ отъ А. П. Лопухиной, въ открытыхъ саняхъ. Проѣзжая передъ одной изъ гауптвахтъ, онъ былъ пораженъ аккуратнымъ исполненіемъ всѣхъ вычурныхъ пріемовъ введеннаго имъ воинскаго артикула выбѣжавшимъ изъ кордегардіи карауломъ. Императоръ пришелъ въ восторгъ и, приказавъ остановиться своему кучеру, съ похвалой обратился къ офицеру, начальнику караула.

— Какъ фамилія?—спросилъ императоръ.

По тогдашнему этикету, офицеръ подошелъ къ санямъ и преклонилъ передъ императоромъ колѣна, несмотря на страшную грязь.

— Лопухинъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Родственникъ?—лаконически спросилъ Павелъ.

— Такъ точно, ваше императорское величество,—сказалъ офицеръ, продолжая стоять на колѣняхъ въ грязи.

— Есть имѣніе?

— Небольшое у отца, въ такой-то губерніи, при громадной семьѣ.

— Чинъ?—продолжалъ Павелъ свой допросъ.

— Поручикъ,—отвѣчалъ офицеръ.

— Жалую триста душъ крестьянъ твоему отцу, а тебѣ приказываю встать и служить мнѣ и впредь столь же усердно.

Ошеломленный офицеръ продолжалъ стоять на колѣняхъ.

Быть можетъ, онъ вовсе не былъ родственникомъ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной,—прибавилъ Костомаровъ,—и испугался серьезной отвѣтственности.

— Встань, *генералъ-поручикъ!*—уже сердитымъ голосомъ произнесъ императоръ.

Произведенному такъ оригинально изъ поручиковъ въ генералы и „награжденному“ тремя стами душъ крестьянъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ исполнить это высочайшее повелѣніе, облобызавъ предварительно милостиво протянутую ему руку.

III. Въ другой разъ императоръ днемъ ѣхалъ по Петербургу верхомъ въ сопровожденіи одного изъ своихъ адъютантовъ,—кажется, Кутлубицкаго. Повстрѣчалъ онъ гдѣ-то въ переулкѣ во весь карьеръ мчавшагося верхомъ какого-то офицера. Лошадь офицера очень понравилась Павлу, а быстрая ѣзда по улицамъ Петербурга всѣмъ вообще, а офицерамъ въ частности, была строго воспрещена. Павелъ рѣшилъ во что бы то ни стало догнать офицера и подвергнуть его должному взысканію; но быстрый конь выносилъ ловко офицера, искусно скрывавшагося отъ преслѣдовавшаго его императора, на поворотахъ улицъ и въ переулкахъ. Такъ и не удалось императору догнать офицера. Павелъ, не привыкши къ быстрой верховой ѣздѣ, очень утомился и былъ страшно разсерженъ тѣмъ, что офицеръ отъ него ускакалъ.

Тотчасъ же былъ отданъ приказъ собраться на другой день на вахтъ-парадъ всѣмъ офицерамъ того полка, къ которому принадлежалъ провинившійся.

На вахтъ-парадѣ негодующій императоръ Павелъ обратился къ офицерамъ съ грознымъ требованіемъ выдать вчерашняго виновника; въ противномъ случаѣ всѣхъ офицеровъ этого полка грозился сослать въ Сибирь.

Виновный офицеръ, чиномъ подпоручикъ, весьма хорошо понявшій, что такая угроза будетъ приведена въ исполненіе,—выходитъ изъ строя и падаетъ передъ Павломъ на колѣна...

Такой поступокъ тронулъ императора. Онъ моментально пришелъ въ отличное расположеніе духа.

— Прекрасная у тебя лошадь!—обратился онъ къ офицеру.— У меня такой нѣтъ. Продай мнѣ ее. Что она стоитъ?

— Ваше величество!—восклицаетъ пораженный офицеръ:— я сочту за особое счастіе, если вы изволите соблаговолить принять отъ меня лошадь въ подарокъ.

— Я не принимаю подарковъ отъ подпоручиковъ,—возразилъ Павелъ.—Встань, *полковникъ!*—повелительно произнесъ онъ.

Разсказывалъ Костомаровъ съ большой горечью о недружелюбныхъ къ нему отношеніяхъ московскихъ историковъ—Погодина, Соловьева и Бѣляева, въ бытность его въ Москвѣ, для его ученыхъ занятій, въ 1863 и 1864 гг. Особенно раздражали Костомарова нападки на него Г. Ѳ. Карпова, занимавшагося исторіею юго-западной и южной Россіи. Въ половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка Карповъ только словесно, въ разговорахъ, выражалъ свое недовольство на Костомарова за пристрастіе его къ южной Руси, за неправильное пониманіе имъ историческихъ заслугъ великоруссовъ и Москвы и за отсутствіе въ его историческихъ трудахъ строгой исторической критики и должной научной объективности. Три года спустя, въ 1870 году, Карповъ представилъ въ московскій университетъ свою печатную докторскую диссертацію: „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время съ 8 генваря 1654 по 30 мая 1672 г.“, въ которой Костомаровъ могъ впервые прочесть въ печати нападки на себя этого московскаго историка. Нападки были выражены въ столь рѣзкой и неподходящей формѣ, что историко-филологическій факультетъ московскаго университета былъ вынужденъ просить Г. Ѳ. Карпова перепечатать нѣкоторыя страницы [1]).

— Да, вообще, въ Москвѣ меня не любятъ,—говорилъ Костомаровъ,—считаютъ меня заядлымъ украинофиломъ, сепаратистомъ и ненавистникомъ Москвы. Но не могу же я называть черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Исторія—не панегирикъ. Я никогда не стану отрицать историческаго значенія ни Москвы, ни великорусскаго племени, но восторгаться московскими „порядками“ и

---

[1]) Фактъ перепечатки прямо доказывается страницами, вклеенными послѣ брошюровки книги и набранными разгонисто на шпонахъ, а не тѣмъ наборомъ, какимъ набраны остальныя страницы.

великорусской культурой я не могу! Хуже московской общественности XVI и XVII вв. я ничего не могу себѣ представить.

— А въ московскихъ архивахъ не приведи Богъ заниматься, — продолжалъ Костомаровъ. — Такъ, напримѣръ, работая надъ Богданомъ Хмельницкимъ для новаго изданія, я, конечно, не могъ обойти московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ, какъ извѣстно, хранятся обширныя собранія „Малороссійскихъ дѣлъ". Но меня не допустилъ до просмотра этихъ дѣлъ тогдашній директоръ архива, князь М. А. Оболенскій. Сперва онъ отлынивалъ подъ разными предлогами, а подъ конецъ не сумѣлъ ничего умнѣе придумать, какъ утверждать, что онъ *потерялъ будто бы ключи* отъ того отдѣленія, въ которомъ хранятся малороссійскія дѣла, а потому-де очень сожалѣетъ, что не можетъ меня допустить заняться ими. Вотъ причина, почему во второмъ изданіи моей книги о Хмельницкомъ имѣется очень много пробѣловъ, за которые корили и корятъ меня многіе мои противники съ московскими историками во главѣ, обвиняя меня въ *намѣренномъ замалчиваніи нѣкоторыхъ фактовъ*.

— Московскій архивъ министерства юстиціи, съ тѣхъ поръ какъ управляетъ имъ Н. В. Калачевъ, — это совсѣмъ не то, что архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ при кн. Оболенскомъ, — говорилъ Костомаровъ въ другой разъ. — Но съ Калачевымъ у меня вышло затрудненіе совершенно иное, чѣмъ съ кн. Оболенскимъ. Калачевъ безусловно всегда предупредителенъ и внимателенъ. Я и вздумалъ, будучи въ Москвѣ въ 1863 г. и приступая къ занятіямъ по исторіи Смутнаго времени, поинтересоваться количествомъ писцовыхъ книгъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи. Показали мнѣ нѣсколько комнатъ, наполненныхъ писцовыми книгами XVII в. Я съ ужасомъ посмотрѣлъ на огромныя связки, наполнявшія комнату сверху до низу, и отказался отъ заманчивой мысли воспользоваться столь важнымъ и обширнымъ матеріаломъ для общественной исторіи Московскаго государства.

Изъ „историческихъ" разговоровъ на вечерахъ у Костомарова особенно памятны мнѣ два: 1) объ отношеніяхъ Новгорода къ Москвѣ и 2) объ Іоаннѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ.

Въ этихъ разговорахъ Костомаровъ становился на любимую имъ почву „историческихъ мечтаній". Въ первомъ изъ нихъ долго разсуждалъ онъ на тему: что было бы, еслибы не Москва осилила Новгородъ, а Новгородъ Москву. Не припомню всѣхъ фантастическихъ предположеній Костомарова, но помню лишь, какъ онъ утверждалъ, что при такомъ поворотѣ исторіи Россіи

не могло бы быть ни Іоанна Грознаго, ни Смутнаго времени, да и сближеніе Московскаго государства съ западной Европой произошло бы не въ такомъ видѣ, какъ оно проявилось въ реформѣ Петра Великаго.

Ни Іоанну Грозному, ни Петру Великому Костомаровъ не симпатизировалъ, находя въ нихъ много общихъ чертъ. Воззрѣнія его на Іоанна Грознаго извѣстны изъ его монографіи „Личность царя Іоанна Грознаго", но о Петрѣ Великомъ нашъ историкъ не имѣлъ времени высказаться столь же опредѣленно и полно: очеркъ жизни и дѣятельности перваго русскаго императора въ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей" напоминаетъ черновой набросокъ не обдѣланной монографіи, а въ нѣкоторыхъ изъ своихъ монографій, какъ напримѣръ: „Царевичъ Алексѣй Петровичъ" и „Екатерина I", Костомаровъ касается лишь мимоходомъ личности и реформы Петра.

Костомаровъ, считавшій Іоанна Грознаго человѣкомъ ненормальнымъ, разнузданнымъ, безвольнымъ и съ болѣзненной фантазіей, не могъ, разумѣется, видѣть тѣхъ же чертъ въ Петрѣ Великомъ, сильные умъ и воля котораго были для него внѣ всякаго сомнѣнія. Общими чертами въ характерахъ Іоанна IV и Петра I онъ, по справедливости, признавалъ: жестокость, самодурство и склонность къ женщинамъ.

— Оба они были женолюбивы, аки Соломонъ, какъ выразился нашъ древній лѣтописецъ о св. Владимірѣ!—восклицалъ Костомаровъ.

Интересно слѣдующее соображеніе Костомарова, относящееся къ Петру Великому.

— Обратите вниманіе,—говорилъ онъ,—на то, что Петръ въ началѣ своей самостоятельной политической дѣятельности слѣдовалъ традиціонному пути русскаго народа — стремленію съ сѣвера къ югу, къ Черному морю. Сначала онъ хотѣлъ попасть „въ Греки", и только послѣ неудачи азовскихъ походовъ устремилъ свое вниманіе на балтійское побережье, на начало великаго воднаго пути, который лѣтописецъ ведетъ „изъ Варягъ въ Греки". Удайся Петру азовскіе походы, онъ укрѣпился бы на Черномъ морѣ, сокрушилъ бы власть Крыма и основалъ бы свою столицу гдѣ-нибудь на Таврическомъ полуостровѣ, вродѣ Севастополя, или на черноморскомъ побережьи, гдѣ при Екатеринѣ II возникла Одесса.

— А вѣдь по другому бы пошелъ ходъ русской исторіи XVIII в.,—сталъ фантазировать Костомаровъ,—еслибы свой „парадизъ" Петръ Великій основалъ въ Черноморьи, а не на гни-

ломъ сѣверномъ болотѣ: южный „Санктъ-Питербурхъ" былъ бы не чета теперешнему, и вопросы балтійскій, польскій и самый важный для Россіи — восточный — разыгрались бы совершенно иначе, да и европеизированіе-то Россіи, по всей вѣроятности, пошло бы другимъ путемъ!.. Петръ I могъ бы тогда войти въ близкія сношенія съ юго-славянскими народностями.

VI.

Послѣ моего знакомства и сближенія съ Костомаровымъ въ 1867 г., — наши сношенія не прекращались до самой его кончины.

Въ 1872 г. я получилъ доцентуру русской исторіи въ казанскомъ университетѣ, а съ 1873 г. почти ежегодно ѣздилъ или въ Петербургъ, или заграницу. Во всѣ эти поѣздки я навѣщалъ Костомарова. Онъ продолжалъ усердно трудиться надъ русской исторіей, но замѣтно съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе утрачивалъ прежнюю бодрость духа и работоспособность: событія въ его личной жизни за послѣднее время, недомоганія и естественная усталость организма—брали свое. Съ 1873 года зрѣніе Костомарова, плохое и раньше, ухудшалось все болѣе и болѣе, такъ что онъ не всегда могъ писать статьи самъ, а вынужденъ былъ диктовать ихъ. Въ 1873 г. лѣтомъ Костомаровъ пріѣхалъ въ Кіевъ для участія въ предварительномъ комитетѣ III-го археологическаго съѣзда, имѣвшаго быть въ Кіевѣ, и встрѣтился тамъ съ бывшей своей невѣстой. Алина Леонтьевна Крагельская въ 1873 году уже была вдовой Кисель съ тремя дочерьми-подростками. Эта встрѣча не могла, разумѣется, не взволновать до глубины души впечатлительнаго и нервнаго Костомарова. Въ январѣ 1873 г. Костомаровъ перенесъ сильный тифъ, во время котораго умерла также тифомъ его мать, жившая съ нимъ. Эта утрата и собственная болѣзнь также имѣли на него удручающее вліяніе.

Кромѣ посѣщеній Костомарова въ Петербургѣ, я встрѣтился съ нимъ въ іюлѣ 1874 г. на III-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, и эта встрѣча открыла передо мной въ Костомаровѣ новыя стороны, которыя я не имѣлъ возможности наблюдать въ немъ въ Петербургѣ.

На кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ Костомаровъ былъ предсѣдателемъ отдѣленія исторической географіи и этнографіи и предложилъ мнѣ быть секретаремъ его отдѣленія. Мы усердно

разбирали съ нимъ рефераты, поступавшіе къ намъ, и распредѣляли ихъ по засѣданіямъ. Разъ, занимаясь такой работой, Костомаровъ взялъ въ руки одну очень толстую тетрадь, листовъ въ пятьдесятъ писчей бумаги, сталъ ее нервно перелистывать и, передавая ее мнѣ, сказалъ, смѣясь:

— *Господинъ секретарь!* Потрудитесь просмотрѣть эту книжицу—я надъ ней глазъ портить не намѣренъ—и затѣмъ *доложите мнѣ* ваше заключеніе.

„Книжица" оказалась твореніемъ NN, члена „Одесскаго Общества исторіи и древностей", и разсматривала вопросъ о „полюдьи" южнорусскихъ князей по Константину Багрянородному. То была забракованная профессоромъ В. И. Григоровичемъ медальная работа. Масса фактовъ, безъ должныхъ критики и освѣщенія, и многословіе составляли ея отличительныя качества. Въ этомъ смыслѣ я и представилъ своему „предсѣдателю" заключеніе о работѣ. Рефератъ былъ забракованъ.

Костомаровъ очень мило шутилъ со мной, называя себя моимъ „начальствомъ" и требуя отъ меня, какъ секретаря, подчиненной субординаціи.

Придешь къ нему, бывало, до засѣданія, или встрѣтишься съ нимъ гдѣ-нибудь въ помѣщеніи съѣзда (засѣдавшаго въ зданіи университета),—онъ немедленно спрашиваетъ:

— Ну, что новаго въ „нашемъ" отдѣленіи, „господинъ секретарь"?—и при этомъ весело смѣется.

Между рефератами, доложенными на кіевскомъ съѣздѣ, по отношенію къ Костомарову, остались мнѣ особенно въ памяти три:

1) Сообщенія кіевскаго профессора М. П. Драгоманова о малороссійскихъ думахъ и историческихъ пѣсняхъ, вызвавшія очень интересныя и оживленныя пренія по вопросу: почему былины о богатыряхъ Владимірова цикла забыты въ Кіевѣ и на югѣ Россіи вообще и, наоборотъ, доселѣ живутъ въ устахъ народа на русскомъ сѣверѣ, главнымъ образомъ въ губерніяхъ архангельской и олонецкой? 2) Сообщеніе Я. Ѳ. Головацкаго о галицiйскихъ русинахъ и 3) Сообщеніе самого Костомарова: объ образованіи южно-русской княжеской дружины.

Первое изъ означенныхъ сообщеній было особенно интересно. Оно касалось одного изъ коренныхъ вопросовъ южнорусской культурной исторіи: происхожденія теперешней отрасли русскаго народа — малоруссовъ и ихъ отношенія къ древнимъ насельникамъ кіевскаго поднѣпровья—полянамъ-Руси, и въ срединѣ 70-хъ годовъ XIX в. было вопросомъ жгучимъ и моднымъ. Въ то время

В. В. Стасовъ отрицалъ совершенно самобытность кіевскихъ былинъ Владимірова цикла, что повело къ очень оживленной полемикѣ, а Некрасовъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній высказался по поводу этой полемики въ слѣдующихъ многознаменательныхъ строфахъ:

..Мудреными путями Богъ ведетъ тебя, многострадальная Россія:
Попробуй, усомнись въ богатыряхъ доисторическаго вѣка,
Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье два-три человѣка...

Костомаровъ, само собою, живо интересовался вопросами сообщенія М. П. Драгоманова: вопросы эти слишкомъ близко касались его долголѣтнихъ изученій и самыхъ дорогихъ его симпатій къ южнорусскому народу и его пѣсенному творчеству. Внимательно изучая изданную къ съѣзду книжку кіевскихъ профессоровъ, М. П. Драгоманова и В. Б. Антоновича: „Историческія пѣсни малорусскаго народа", Костомаровъ припоминалъ всѣ предыдущія изданія по южнорусскому пѣсенному творчеству, между которыми, какъ извѣстно, находится и „Запорожская Старина", сборникъ, изданный въ исходѣ тридцатыхъ годовъ XIX в. ученымъ славистомъ Изм. Ив. Срезневскимъ. Изм. Ив. Срезневскій, родомъ изъ рязанской губерніи (фамилія его произошла отъ названія села „Срезнева", въ которомъ, если не ошибаюсь, дѣдъ его былъ священникомъ), принимался многими, не знавшими его происхожденія, по окончанію его фамиліи, за южноруса. Это мнѣніе находило себѣ серьезное подтвержденіе въ его занятіяхъ южнорусскимъ народнымъ бытомъ, народной поэзіей и стариной. Кіевскіе ученые и Костомаровъ, знавшіе дѣйствительное происхожденіе Срезневскаго, обвиняли его въ *неточной* передачѣ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсней, занесенныхъ имъ въ „Запорожскую старину", и доказывали, что многія якобы „народныя" пѣсни и былины въ этомъ сборникѣ происхожденія книжнаго.

Готовясь къ одному изъ рефератовъ Драгоманова, Костомаровъ говорилъ мнѣ, смѣясь:

— А я готовлюсь къ предстоящему сегодня „*штурму Измаила*",—т. е. къ обличенію ошибокъ Измаила Ивановича Срезневскаго.

Но „штурма" не послѣдовало. Отчасти онъ былъ ловко отклоненъ самимъ Срезневскимъ, отчасти „штурмъ" не произошелъ вслѣдствіе принятаго преніями направленія. Преніями завладѣлъ петербургскій профессоръ Орестъ Ѳеод. Миллеръ, преувеличенно комментировавшій нашъ былинный эпосъ въ смыслѣ „самобыт-

наго“ русскаго народнаго творчества и написавшій объ Ильѣ Муромцѣ книгу страницъ въ 800. Въ этомъ изслѣдованіи проф. Миллеръ силился выяснить цѣлый рядъ „наслоеній“ русскаго былиннаго эпоса.

Въ связи съ рефератами о южнорусскомъ пѣсенномъ творчествѣ находятся пѣснопѣнія одного изъ послѣднихъ украинскихъ „кобзарей“, слѣпца Остапа Вересая. Вересай былъ приглашенъ вечеромъ, послѣ одного изъ засѣданій археологическаго съѣзда, въ университетскій садъ.

Съ восхищеніемъ вспоминаю я этотъ теплый іюльскій южный малорусскій вечеръ. На площадкѣ, окруженной тополями, стояла густая толпа, состоявшая изъ лицъ разныхъ возрастовъ, профессій и различныхъ славянскихъ племенъ. Тутъ были и штатскіе „генералы“, академики, профессора, учителя среднихъ учебныхъ заведеній, мѣстные литераторы и люди изъ „всенародья“; были старцы, убѣленные сѣдинами, люди среднихъ лѣтъ и юноши, были и великоруссы, и бѣлоруссы, и поляки, и чехи, но преобладали южноруссы. И вся эта разнообразная толпа внимала крестьянину-слѣпцу, который сидѣлъ въ полукругѣ, среди толпы, и дребезжащимъ, но весьма симпатичнымъ старческимъ теноромъ пѣлъ, аккомпанируя на своей бандурѣ, разныя южнорусскія думы и пѣсни. Нѣкоторые южноруссы просили Вересая пропѣть ту или другую извѣстную имъ думу, произнося первыя ея строки, другіе—слегка подпѣвали... Костомаровъ сосредоточенно, въ глубокой задумчивости внималъ Вересаю... Что-то торжественно-величавое было во всей этой обстановкѣ и въ тѣхъ словахъ, которыя пѣлъ „кобзарь“.

Я. Ѳ. Головацкій, родомъ галицкій русинъ, нѣкогда католическій патеръ, а затѣмъ принявшій православіе и превратившійся въ русскаго статскаго и послѣдовательно въ дѣйствительнаго статскаго совѣтника — былъ въ 30-хъ годахъ XIX в. виднымъ представителемъ того патріотическаго направленія въ австрійской Галиціи, которое впослѣдствіи стало извѣстно подъ именемъ „старорусовъ“, „твердыхъ русинъ“, или „москвофиловъ“. Это направленіе исповѣдывало общность малорусскаго племени съ племенемъ великорусскимъ и, подъ вліяніемъ австрійскихъ „порядковъ“, направленныхъ въ пользу польской шляхты, всѣми своими симпатіями стояло на сторонѣ русскаго правительства и почитало великорусскій языкъ и его литературу общерусскимъ культурнымъ языкомъ. Къ этому языку Головацкій желалъ приблизить народный языкъ галицкихъ русиновъ, и съ этой цѣлью издавалъ во Львовѣ, въ шестидесятыхъ годахъ XIX в.,

газету „Слово“, являвшуюся органомъ вышеозначеннаго направленія. Языкъ „Слова“ былъ механически сфабрикованнымъ языкомъ и не имѣлъ ничего общаго съ русинскимъ, украинскимъ языкомъ народнымъ [1]). Позднѣе, когда началось послѣ польскаго повстанья 1863 года такъ называемое „обрусеніе“ русскаго сѣверо-западнаго края, въ 70-хъ годахъ XIX в., Головацкій изъ католическихъ патеровъ перешелъ на русскую гражданскую службу и сталъ ревностнымъ проводникомъ этого обрусенія. Костомаровъ не могъ, конечно, ни въ чемъ сочувствовать Головацкому.

Головацкій читалъ длинный и скучный рефератъ о бытѣ галиційскихъ русиновъ вообще, обставивъ свое сообщеніе цѣлымъ рядомъ фотографій и географическихъ картъ.

Сообщеніе самого Костомарова происходило при особыхъ условіяхъ. Я былъ у Костомарова, когда онъ собирался идти на засѣданіе съѣзда, въ которомъ онъ долженъ былъ дѣлать сообщеніе въ присутствіи Алины Леонтьевны Кисель и ея трехъ дочерей... Онъ очень волновался. Долго не могъ завязать галстуха, и то клалъ въ карманъ фрака рукопись реферата, то снова вынималъ ее. Лицо его носило на себѣ печать глубокой и скорбной думы. Онъ привѣтствовалъ меня лишь короткимъ восклицаніемъ: „здравствуйте“. Затѣмъ сталъ быстро ходить, почти бѣгать по комнатѣ и курить папиросу за папиросой; лицо его судорожно подергивало... Очевидно, вся его молодость и послѣдующая жизнь проносились передъ нимъ въ эти минуты.

— Пойдемте однако,—вдругъ обратился онъ ко мнѣ, быстро взглянувъ на часы,—а то опоздаемъ.

Онъ остановился и снова задумался.

— Да,—сталъ Костомаровъ мыслить вслухъ:—двадцать-восемь лѣтъ тому назадъ, въ тѣхъ же самыхъ стѣнахъ, гдѣ я буду сейчасъ докладывать мой рефератъ,—я читалъ свою вступительную лекцію...

На томъ же кіевскомъ съѣздѣ я былъ очевидцемъ одного любопытнаго эпизода, непосредственно связаннаго съ молодостью Костомарова,—съ его арестомъ въ Кіевѣ въ 1847 году.

Члены археологическаго съѣзда направились какъ-то вечеромъ въ одинъ изъ общественныхъ кіевскихъ садовъ. Много было въ саду и посторонней публики, съ любопытствомъ глазѣвшей на пріѣзжихъ ученыхъ гостей. Я стоялъ въ небольшой группѣ членовъ съѣзда и постороннихъ лицъ, въ которой находился и

---

[1]) Подробности см. въ книгѣ проф. *М. Грушевскаго*: „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. Спб. 1904 г., стр. 343—361.

Костомаровъ. Вдругъ подходитъ къ Костомарову старикъ, совершенно сѣдой, но еще бодрый на видъ, и, протягивая къ нему обѣ руки, громко восклицаетъ:

— Ахъ, Николай Ивановичъ, какъ я радъ съ вами встрѣтиться! Давненько мы не видались.

Костомаровъ злобно, въ упоръ посмотрѣлъ на старика.

— Да, давно,—сухо произнесъ онъ.—Но руки-то вамъ я все-таки не подамъ!—и онъ быстро повернулъ спину передъ старикомъ и удалился.

Старикъ этотъ былъ Ю... Въ сороковыхъ годахъ онъ занималъ видный административный постъ въ управленіи кіевскимъ учебнымъ округомъ и сыгралъ весьма неблаговидную роль въ дѣлѣ ареста Костомарова въ 1847 году.

На засѣданіяхъ съѣзда, въ частныхъ собраніяхъ у разныхъ мѣстныхъ кіевскихъ ученыхъ и литераторовъ, на ученыхъ экскурсіяхъ съѣзда,—мнѣ приходилось наблюдать Костомарова среди такъ называемыхъ украйнофиловъ разныхъ поколѣній. Украйнофилы старшихъ поколѣній, ближайшіе къ Костомарову по возрасту, чтили въ немъ своего вождя. Но такихъ было немного. Большинство состояло изъ „нео-украйнофиловъ" шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. „Нео-украйнофилы" разныхъ оттѣнковъ относились къ Костомарову съ почтеніемъ, какъ къ писателю и ученому, не только много сдѣлавшему для выясненія самобытности украинской, но и сильно пострадавшему за свои убѣжденія. Но онъ уже былъ для нихъ человѣкомъ прошлаго—они сознавали отлично, что пошли дальше его, что онъ принадлежитъ къ другому, старому поколѣнію украйнофиловъ, а потому въ тонѣ ихъ отношеній къ Костомарову проглядывало нѣкоторое покровительство: такъ русская военная молодежь эпохи Наполеоновскихъ войнъ смотрѣла на своихъ отцовъ, сражавшихся подъ знаменами Румянцева-Задунайскаго и Суворова. Нео-украйнофилы называли Костомарова „дідъ" и „старче".

Отлично помню экскурсію въ с. Гатное для раскопки кургана. Въ то время какъ курганъ раскапывался подъ руководствомъ графа А. С. Уварова, группа членовъ археологическаго съѣзда, состоявшая изъ нео-украйнофиловъ и изъ нѣкоторыхъ стороннихъ ученыхъ, осталась въ рощѣ, вдали отъ кургана, и расположилась подъ тѣнью деревъ въ разныхъ непринужденныхъ позахъ: кто сидѣлъ, кто лежалъ на сочной травѣ, кто стоялъ. Въ центрѣ группы былъ Костомаровъ; въ числѣ „стороннихъ" членовъ съѣзда находился и я. Очень оживленно шли разговоры на разныя темы, и прежде всего, разумѣется, о важности архео-

логическихъ раскопокъ для южно-русской исторіи и о задачахъ и цѣляхъ т.-наз. украйнофильства. Молодежь украинская очень горячилась... Костомаровъ тоже...

VII.

Съ 1875 г. началъ выходить въ Петербургѣ историко-этнографическій и археологическій ежемѣсячный журналъ „Древняя и Новая Россія", подъ редакціей Сергѣя Николаевича Шубинскаго. Костомаровъ явился усерднымъ сотрудникомъ этого журнала, главнымъ образомъ по вопросамъ изъ русской исторіи XVIII в. Статьи его въ этой, сравнительно мало знакомой ему, области писались имъ по предложенію С. Н. Шубинскаго, по поводу разныхъ явленій тогдашней современности. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 70-хъ годовъ появилась картина Н. Н. Ге: „Петръ Великій, допрашивающій царевича Алексѣя Петровича по доставленіи его изъ-за-границы". Картина эта обратила на себя большое вниманіе петербургской публики. Такъ какъ „Древняя и Новая Россія" была журналомъ съ иллюстраціями, то С. Н. Шубинскій, весьма естественно, пожелалъ дать читателямъ снимокъ съ картины Ге и предложилъ Костомарову написать объяснительный текстъ къ картинѣ. Статья Костомарова: „Царевичъ Алексѣй Петровичъ", появившаяся въ 1-й тетради „Древней и Новой Россіи" на 1875 г., сразу упрочила успѣхъ новаго журнала.

Имя Костомарова продолжало быть весьма популярнымъ въ большой публикѣ, которая съ жадностью прочитывала все, что̀ выходило изъ-подъ пера талантливаго историка. Въ подтвержденіе этого могу привести слѣдующій фактъ. Сижу я какъ-то разъ въ редакторской комнатѣ при конторѣ „Древней и Новой Россіи" и веду разговоръ съ С. Н. Шубинскимъ. Все это время шла подписка на „Древнюю и Новую Россію" (если не измѣняетъ мнѣ память, то было осенью 1876 года), и въ контору являлось немало лицъ, желавшихъ подписаться. Услыхавъ разговоры публики съ завѣдующимъ конторой, С. Н. Шубинскій поспѣшилъ туда, и до меня долетѣли слѣдующія фразы:

— А что въ наступающемъ году въ вашемъ журналѣ будетъ статья Костомарова?—спрашивалъ кто-то.

— Будетъ, непремѣнно будетъ,—отвѣчалъ С. Н. Шубинскій.

— Такъ позвольте подписаться.

За „Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ" появились въ

„Древней и Новой Россіи" монографіи Костомарова: „Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица", въ 1877 г., и „Самодержавный отрокъ" (Петръ II) въ 1878 г. Всѣ эти статьи изъ русской исторіи не отличались тщательностью изученія источниковъ и писались наскоро.

Съ 1875 г. Костомаровъ продолжалъ заниматься излюбленными имъ вопросами изъ южно-русской исторіи и изъ народной поэзіи, какъ южно-русской, такъ и великорусской. Въ количественномъ отношеніи работы Костомарова съ 1875 г. увеличились, сравнительно съ предыдущими годами: онъ участвовалъ въ большинствѣ тогдашнихъ журналовъ и газетъ; но въ качественномъ отношеніи эти работы стояли несравненно ниже его трудовъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ [1]). Въ 1879 г. началась печатаніемъ въ „Вѣстникѣ Европы" большая монографія Костомарова „Руина", обнимающая собою время бурное и смутное въ малорусской исторіи и весьма мало разработанное,— время трехъ гетмановъ: Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича, съ 1663 по 1687 г. Костомаровъ торопился съ печатаніемъ и уже былъ не въ силахъ должнымъ образомъ обработать собранный имъ матеріалъ. Монографія тянулась въ пяти книгахъ „Вѣстника Европы" 1879 года и затѣмъ продолжалась еще въ трехъ книгахъ того же журнала 1880 года.

Въ 1876 г., въ концѣ лѣта, я былъ въ Петербургѣ, на предварительномъ комитетѣ IV-го, казанскаго, археологическаго съѣзда и, посѣтивъ Костомарова, познакомился съ супругой его, Алиной Леонтьевной, рожденной Крагельской. Въ моихъ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ не могу не посвятить хоть нѣсколькихъ строкъ этой почтенной особѣ.

Судьба разлучила ее съ любимымъ человѣкомъ во дни ихъ общей молодости и снова соединила съ нимъ почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ того. Они встрѣтились наканунѣ ихъ общей старости, и Алина Леонтьевна явилась заботливымъ другомъ и

[1]) Въ *одиннадцать* лѣтъ, съ 1875 по 1885 годъ включительно, напечатано Костомаровымъ *сто* монографій и статей, а съ 1838 по 1875 г., въ *тридцать-семь лѣтъ—сто-девять*. Съ 1875 по 1885 г. включительно Костомаровъ печатался въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: „Вѣстникѣ Европы", „Порядкѣ", „Древней и Новой Россіи", „Русской Старинѣ", „Новомъ Времени", „Газетѣ Гатцука", „Сѣверномъ Вѣстникѣ", „Русской Мысли", „Историческомъ Вѣстникѣ", „Кіевской Старинѣ", „Южномъ Краѣ", „Нови", „Книжкахъ Недѣли".—Кромѣ того, за эти года помѣщались историческіе документы подъ редакціей Костомарова въ спеціальныхъ ученыхъ изданіяхъ, какъ напр. „Сборникъ Русскаго Историческаго Общества", и въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи и при отдѣльныхъ книгахъ, въ видѣ предисловій и объясненій.

усердной помощницей Костомарова въ тѣ дни, когда его жизнь и его талантъ стали клониться къ закату. Когда онъ былъ боленъ тифомъ — она была неустанной при немъ сидѣлкой; когда глаза его все болѣе и болѣе слабѣли — она стала его секретаремъ; а во время постояннаго недомоганія Костомарова въ послѣдніе годы его жизни она заботливо отстраняла всѣ случайности, которыя могли имѣть плохое вліяніе на его здоровье, на его все болѣе и болѣе ослабѣвавшій организмъ...

7-го апрѣля 1885 г. Костомарова не стало.

VIII.

Съ С. М. Соловьевымъ я познакомился при иныхъ условіяхъ, чѣмъ съ Н. И. Костомаровымъ. Уѣзжая изъ Петербурга въ исходѣ марта 1867 г., я получилъ рекомендательное письмо къ нему отъ составителя нѣкогда столь распространенной „Христоматіи по русской словесности", А. Д. Галахова. Въ сороковыхъ годахъ XIX в. Галаховъ проживалъ въ Москвѣ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ тогдашними московскими учеными и литераторами, въ томъ числѣ и съ Соловьевымъ.

Первое мое посѣщеніе Соловьева было вечеромъ 12 апрѣля 1867 г. Въ то время онъ былъ проректоромъ московскаго университета и занималъ казенную квартиру въ старомъ университетскомъ зданіи. Отправился я къ Соловьеву довольно поздно, въ девять часовъ вечера. До того побывалъ у него съ утреннимъ визитомъ, въ началѣ апрѣля, но не засталъ дома; отдалъ свою визитную карточку и письмо Галахова. Такимъ образомъ Соловьевъ былъ уже предупрежденъ обо мнѣ. 12-го апрѣля я засталъ Соловьева и былъ принятъ имъ въ кабинетѣ.

Кабинетъ Соловьева не заключалъ въ себѣ никакого особаго убранства. Даже шкафовъ съ книгами не было. То была довольно большая комната, съ оштукатуренными стѣнами, выкрашенными клеевой краской (цвѣта ея я не могъ разсмотрѣть при вечернемъ и весьма слабомъ освѣщеніи). Налѣво отъ двери, въ которую я вошелъ, у оконъ, перпендикулярно къ нимъ, помѣщался большой письменный столъ. За нимъ у стѣны было наложено нѣсколько тюковъ книгъ въ зеленыхъ бумажныхъ обложкахъ, перевязанныхъ бичевками, — то были экземпляры разныхъ томовъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Прямо противъ входной двери въ лѣвомъ углу висѣла большая икона въ окладѣ, и передъ ней теплилась лампадка. Немного отступя отъ пись-

меннаго стола сидѣлъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ въ креслѣ и внимательно читалъ какую то книгу (какъ мнѣ показалось—французскую), при двухъ свѣчахъ подъ абажуромъ, стоявшихъ на маленькомъ столикѣ.

Соловьевъ поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ на встрѣчу и молча пригласилъ меня сѣсть на кресло, стоявшее около того, на которомъ онъ только-что сидѣлъ. Наружность Соловьева, его манеры, поступь—все было оригинально и типично. Въ коротко обстриженныхъ бѣлокурыхъ волосахъ на головѣ была замѣтна сѣдина. Лицо было гладко выбрито—ни усовъ, ни бороды (позднѣе, въ 70-хъ годахъ Соловьевъ отростилъ усы и бороду); широкій, выступавшій впередъ лобъ, сосредоточенное выраженіе голубыхъ глазъ, вдумчиво смотрѣвшихъ изъ-за золотыхъ очковъ, и глубокія линіи около тонкихъ губъ свидѣтельствовали о сильномъ умѣ и твердомъ характерѣ. На щекахъ игралъ здоровый румянецъ. Соловьевъ былъ средняго роста, довольно полнаго, но не тучнаго сложенія. Поступь Соловьева была медленная, размѣренная; столь же медленно и размѣренно онъ говорилъ.

Изъ письма Галахова Соловьевъ зналъ о цѣли моего посѣщенія, но повелъ бесѣду очень издалека, а именно началъ разговоръ „о погодѣ", о климатѣ петербургскомъ и казанскомъ. Конечно, ни тотъ, ни другой климатъ не заслужили моего одобренія; петербургскій климатъ не похвалилъ и Соловьевъ.

— Да, по вашимъ словамъ,—сказалъ Сергѣй Михайловичъ,—климатъ въ Казани не завидный. И вѣдь гдѣ построили свою столицу ваши татары,—продолжалъ онъ:—въ ложбинѣ, на луговой сторонѣ Волги! Что̀ бы имъ построить на горѣ, на горной сторонѣ. Всѣ эти инородцы, татары, финны,—не умѣли положительно отыскивать удобныхъ мѣстъ для своихъ поселеній. Вотъ славяне—такъ тѣ умѣли. Москва, Ярославль, Кострома, Нижній-Новгородъ—посмотрите, на какихъ славныхъ мѣстахъ выстроены; а Ростовъ, финскій городъ, въ какой глуши появился! Озеро, при которомъ онъ построенъ, мерзѣйшее, тинистое... Туманы все вокругъ него... сырость.

Дальнѣйшія разсужденія Соловьева относительно темы моей диссертаціи сводились къ слѣдующимъ: онъ признавалъ вопросъ о точномъ опредѣленіи географическихъ границъ различныхъ финскихъ инородцевъ между собой и всего финскаго племени съ племенемъ славянскимъ — вопросомъ чрезвычайно труднымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣднымъ результатами. Трудность эта заключается, по его мнѣнію, прежде всего въ изученіи названій урочищъ и поселеній. Для этого нужно основательно изучить всѣ

финскія нарѣчія и предпринять цѣлый рядъ ученыхъ экскурсій. Это задачи многолѣтнія, для многихъ ученыхъ лингвистовъ, — заявлялъ Сергѣй Михайловичъ, — и ученыхъ обществъ. А теперь въ какомъ хаотическомъ положеніи находятся эти изученія! Полагаются на утвержденія мѣстныхъ „дилеттантовъ-самоучекъ“. А развѣ это возможно съ серьезной научной точки зрѣнія? Недавно, напримѣръ, на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (въ рецензіи на „Списки населенныхъ мѣстъ Архангельской губерніи“) появилась замѣтка, изъ которой видно, что редакторъ этой книги открылъ гдѣ-то въ архангельской губерніи особый народъ „Чудь“. Такого народа, разумѣется, никогда не было. Теперь мы можемъ высказывать только рядъ предположеній, а эти предположенія зачастую бываютъ болѣе чѣмъ произвольны. Свои поселенія славяне *могли* ставить на мѣстѣ прежнихъ финскихъ поселковъ, но иногда перемѣняли прежнее финское названіе на свое славянское, а иногда удерживали чуждое имъ финское. Самый разительный примѣръ такого названія—*Москва;* развѣ это славянское имя? По моему, гораздо плодотворнѣе была бы работа изъ исторіи вашего Поволжья, Казанскаго края.

— Впрочемъ, —добавилъ Соловьевъ, —магистерскія темы не задаются. Занимающійся работаетъ, ему бросаются въ глаза новыя стороны вопроса, новые „углы“, новые вопросы возникаютъ въ его умѣ — и такимъ образомъ создается тема магистерской диссертаціи. Я и не задаю вамъ темы...

Такъ разсуждалъ ученый, придававшій громадное значеніе колонизаціи славянъ среди финскихъ инородцевъ и поступательному движенію путемъ этой колонизаціи русскаго народа на востокъ. Мнѣ очень интересно было выслушать отъ него болѣе подробныя воззрѣнія именно на этотъ вопросъ, и я продолжалъ бесѣду съ нимъ на эту тему.

Вотъ сущность того, что говорилъ мнѣ Соловьевъ.

Очень важно прослѣдить разселеніе русскаго народа на сѣверо-востокѣ среди финновъ и татаръ; тщательно изучить построеніе русскими городовъ на этомъ пути, до взятія Казани и послѣ. Первымъ славяно-русскимъ поселеніемъ на этомъ пути является Ростовъ, а затѣмъ главнымъ колонизаціоннымъ узломъ былъ Нижній-Новгородъ. Исторія Нижняго и его княжества очень интересна и въ политическомъ, и въ торгово-промышленномъ отношеніи.

Соловьевъ высказывался противъ „гаданій“ и „историческихъ гипотезъ“. „Историкъ, — говорилъ онъ, — всегда долженъ имѣть твердую, фактическую почву подъ ногами. Мало ли что инте-

ресно? Надо соображать — достижимо ли, стоитъ ли работать. Вотъ „умная" Академія (наукъ) тоже вообразила, что *должно быть* очень „интересно" изученіе византійскихъ историковъ по отношенію къ русской исторіи. Покойный профессоръ Зернинъ [1]) сколько времени и труда убилъ на изученіе этого вопроса по предложенію Академіи—и ни до чего не добился..."

Затѣмъ Соловьевъ сталъ меня разспрашивать о К. Д. Кавелинѣ, о которомъ за послѣднее время не имѣлъ никакихъ свѣдѣній.

— А знакомы вы съ Пекарскимъ? — спросилъ съ улыбкой Соловьевъ.—Онъ вашъ, казанскій [2]).—Соловьевъ сталъ припоминать извѣстныхъ ему ученыхъ русскихъ историковъ и историческихъ писателей изъ питомцевъ казанскаго университета. Упомянулъ о Шишкинѣ и спросилъ меня: — А не знаете, куда онъ дѣвался?

Въ то время я не зналъ печальной судьбы Шишкина, а потому и не могъ отвѣчать на вопросъ Соловьева. Я узналъ о ней впослѣдствіи. Личность Шишкина мало извѣстна, но она стоитъ, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ.

Іакинфъ Ивановичъ Шишкинъ, кандидатъ историко-филологическихъ наукъ казанскаго университета, выпуска начала 50-хъ годовъ, помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Русскомъ Словѣ" рядъ талантливыхъ монографій по русской исторіи XVIII-го в. Монографіи эти—„Панегиристы и порицатели Петра Великаго", „Событія въ Петербургѣ въ 1740 и 1741 г.", „А. П. Волынскій" и др., по живости изложенія и по новости матеріала—главнымъ образомъ, рѣдкихъ въ то время свидѣтельствъ иностранцевъ и неизданныхъ архивныхъ документовъ—обратили на себя вниманіе не только читающей публики, но и спеціалистовъ-историковъ. Къ несчастью, І. И. Шишкинъ предавался пороку, столь свойственному многимъ талантливымъ русскимъ людямъ—алкоголизму, который и свелъ его въ могилу: проживая постоянно въ Петербургѣ, онъ глухою осенью 1862 г. вышелъ изъ своей квартиры и... пропалъ безъ вѣсти [3]).

— А вотъ еще нашъ казанецъ, — замѣтилъ я,—А. И. Артемьевъ, магистръ русской исторіи нашего университета.

---

[1]) Профессоръ всеобщей, а затѣмъ русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ съ 1847 по 1866 годъ.

[2]) П. П. Пекарскій—академикъ по отд. русск. яз. и словесности, извѣстный изслѣдователь русскаго просвѣщенія въ XVIII в.; кандидатъ камеральныхъ наукъ казанскаго университета, выпуска 1850 года, род. въ маѣ 1828, ум. 12 іюля 1872 г.

[3]) Подробности о Шишкинѣ см. въ книгѣ „Знакомые", альбомъ М. И. Семевскаго, стр. 21.

— А о чемъ его диссертація?—спросилъ Соловьевъ.

— О варягахъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Имѣли ли варяги вліяніе на славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло?“ Она вышла въ 1845 году.

На лицѣ Соловьева выразилось удивленіе.

— Совершенно мнѣ неизвѣстна!—воскликнулъ онъ.—Въ одинъ годъ вышла съ моей магистерской диссертаціей: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ московскимъ великимъ князьямъ“. Этотъ Артемьевъ, стало быть, немолодой человѣкъ. Гдѣ онъ теперь?—спросилъ Соловьевъ.

— Да,—отвѣчалъ я,—ему подъ пятьдесятъ. Служитъ онъ теперь въ Петербургѣ, въ центральномъ статистическомъ комитетѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

Послѣдовала значительная пауза. Затѣмъ Соловьевъ сталъ мнѣ предлагать отдѣльные вопросы. Послѣ каждаго моего отвѣта наступала снова пауза. Привожу для примѣра нѣсколько такихъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Соловьевъ. А скоро Бестужевъ напишетъ свою диссертацію?

Я. Не знаю... Онъ все болѣетъ.

Соловьевъ. Видали ли вы Костомарова?

Я. Да, мы занимались съ нимъ вмѣстѣ въ Публичной библіотекѣ. Онъ работаетъ теперь надъ вторымъ и третьимъ раздѣлами Польши.

Соловьевъ. Онъ постоянно въ Публичной библіотекѣ сидитъ... А не знаете, почему онъ не съ перваго раздѣла Польши началъ, а со второго?

Я отвѣчалъ, что не знаю.

Соловьевъ. Тамъ (въ Публичной библіотекѣ) для исторіи польскихъ раздѣловъ имѣются только польскіе источники; главнѣйшіе—русскіе, находящіеся въ здѣшнемъ, московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Я. Костомаровъ, вѣрно, воспользуется этими источниками послѣ. Говорятъ, доступъ въ московскіе архивы труденъ, въ особенности въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Соловьевъ. Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ я совершенно свободно занимаюсь, да и другіе тоже: Карповъ и многіе еще.. Занимающихся всегда много.

Послѣ этого Соловьевъ заговорилъ со мной о современныхъ молодыхъ дѣятеляхъ на поприщѣ русской исторіи.

Только-что появившіяся въ свѣтъ магистерскія диссертаціи— Н. Я. Аристова „Промышленность въ древней Россіи“ и Н. А.

Ѳирсова „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ“ — признавалъ хорошими, но не талантливыми. О Г. Ѳ. Карповѣ отзывался уклончиво; Щапова считалъ талантомъ, но сбившимся съ пути. Очень невысокаго мнѣнія былъ о Плат. Вас. Павловѣ, весьма популярномъ въ 60-хъ годахъ среди молодежи историкѣ Россіи.

— Въ томъ-то и бѣда наша,—заключилъ авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ свой критическій разборъ современныхъ русскихъ историковъ,—что люди талантливые или задаются ложною, предвзятою идеею, или лѣнятся. Вотъ, напримѣръ, Костомаровъ—человѣкъ безспорно талантливый... А Иловайскій—тоже талантъ, да залѣнился. Говоритъ, „боленъ, не могу лекцій читать“!..

На этихъ характеристикахъ бесѣда наша кончилась. Я распрощался.

20-го апрѣля я былъ снова у Соловьева, тоже вечеромъ, но не очутился уже съ нимъ съ глазу-на-глазъ въ полуосвѣщенномъ кабинетѣ, а засталъ въ его гостиной большое общество, состоявшее главнымъ образомъ изъ профессоровъ и молодыхъ ученыхъ московскаго университета. То былъ одинъ изъ пріемныхъ дней Соловьева. Изъ прежнихъ моихъ знакомыхъ находилось среди этого общества только трое: Нилъ Александровичъ Поповъ, преподававшій русскую исторію въ казанскомъ университетѣ съ 1858 по 1860 г., Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, бывшій профессоръ политической экономіи въ томъ же университетѣ, и почти въ тѣ же года, и Евгеній Ѳеодоровичъ Коршъ, въ то время только-что начинавшій свою преподавательскую дѣятельность, приватъ-доцентъ римской словесности въ московскомъ университетѣ, а въ настоящее время академикъ. Остальными гостями Соловьева, которыхъ я встрѣтилъ впервые, были профессора московскаго университета: всеобщей исторіи Вл. Ив. Герье, юристы—Б. Н. Чичеринъ и М. Н. Капустинъ, натуралистъ С. А. Рачинскій, впослѣдствіи оригинальный педагогъ, основатель и руководитель школъ особаго типа въ смоленской губерніи, славистъ Дювернуа, и молодые тогда ученые—магистръ всеобщей исторіи Трачевскій и магистрантъ русской—В. О. Ключевскій; затѣмъ: извѣстный историкъ стараго московскаго быта И. Е. Забѣлинъ, преподаватель исторіи искусствъ въ московскомъ университетѣ К. К. Герцъ; медикъ по профессіи и переводчикъ Шекспира по влеченію, другъ Герцена и Грановскаго—Кетчеръ и Александръ Влад. Станкевичъ, родной братъ знаменитаго вдохновителя Бѣлинскаго и друга Грановскаго, Ник. Вл. Стан-

кевича. Въ то время Ал. Вл. Станкевичъ собиралъ матеріалы для біографіи Грановскаго, которая и вышла въ свѣтъ черезъ три года—въ 1869 году. Только одинъ гость не былъ оффиціально, такъ сказать, причастенъ наукѣ и литературѣ—то былъ братъ Б. Н. Чичерина, служившій, если не ошибаюсь, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, я очутился въ интересномъ обществѣ московскихъ представителей знанія и мысли нѣсколькихъ поколѣній, начиная съ „людей сороковыхъ годовъ“ и кончая моими сверстниками, выступавшими на поприще умственнаго труда въ шестидесятыхъ годахъ.

Гости Соловьева оживленно разговаривали между собою, то раздѣляясь на группы, то ведя общую бесѣду. Самъ Сергѣй Михайловичъ мало принималъ участія въ разговорѣ, изрѣдка вставляя отдѣльныя замѣчанія и отрывочныя фразы.

Въ 1867 г. въ Москвѣ произошло два событія, которыя и составляли главнѣйшія темы разговоровъ: 1) въ началѣ 1867 г. въ московскомъ университетѣ разыгралась такъ называемая „Лешковская исторія“. В. Н. Лешковъ, профессоръ полицейскаго права, или общественнаго права, какъ онъ любилъ называть эту „науку“, баллотировался, согласно новому университетскому уставу 1863 г., на пятилѣтіе, по выслугѣ 25-ти лѣтъ. Эта баллотировка повела къ цѣлому ряду „недоразумѣній“ среди членовъ московскаго университетскаго совѣта, и результатомъ недоразумѣній былъ выходъ въ отставку нѣсколькихъ профессоровъ, съ Б. Н. Чичеринымъ, Ѳ. М. Дмитріевымъ и С. А. Рачинскимъ во главѣ. Соловьевъ, сколько помнится, тоже подавалъ въ отставку, но она не была принята. 2) Устройство этнографической выставки въ Москвѣ и ожидавшійся тамъ по этому поводу съѣздъ „братьевъ-славянъ“, представителей славянской науки и литературы. По выставкѣ много хлопоталъ Н. А. Поповъ, организовавшій на ней славянскій отдѣлъ.

IX.

Послѣ 1867 г. я видался съ С. М. Соловьевымъ еще нѣсколько разъ, а именно: въ 1872, 1876 и 1878 годахъ.

Въ 1872 г. я находился въ Москвѣ по случаю празднованія двухсотлѣтняго юбилея дня рожденія Петра Великаго. Въ то время Соловьевъ состоялъ ректоромъ московскаго университета и директоромъ Оружейной Палаты. По этой послѣдней должности онъ пользовался лѣтнимъ казеннымъ помѣщеніемъ въ

„Нескучномъ“, одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, нѣкогда помѣстьѣ графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго.

Къ Петровскому юбилею была снова устроена въ Москвѣ выставка—на этотъ разъ такъ называемая политехническая съ „историческимъ“ отдѣломъ, посвященнымъ исключительно памяти императора Петра Великаго. Въ этомъ отдѣлѣ были собраны вещи, принадлежавшія первому императору Россіи и доставленныя изъ Петербурга. Во главѣ ихъ находился знаменитый „ботикъ“. Къ торжеству открытія выставки, назначеннаго на 30 мая, день рожденія Петра Великаго, прибылъ изъ Петербурга генералъ-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ. Соловьевъ былъ очень озабоченъ пріемомъ великаго князя и объясненіемъ ему „Петровскаго“ павильона на выставкѣ, всюду сопровождая его въ мундирѣ придворнаго вѣдомства, съ звѣздой и лентой Бѣлаго Орла.

Вечеромъ въ тотъ же день, въ актовомъ залѣ университета, происходило торжественное собраніе, посвященное памяти Петра Великаго. На этомъ собраніи присутствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ и, по свойственному ему такту, такъ сказать, подчеркивалъ высокое значеніе ректора университета: попечитель московскаго учебнаго округа, князь Ширинскій-Шихматовъ, хотя и присутствовалъ на актѣ, но совершенно былъ незамѣтенъ. Великій князь прибылъ въ университетъ въ коляскѣ съ Соловьевымъ, вошелъ въ актовый залъ рядомъ съ нимъ, любезно разговаривая, и ушелъ точно такъ же. Соловьевъ читалъ на актѣ рѣчь о Петрѣ Великомъ и—что̀ меня поразило—читалъ по тетради, съ большимъ затрудненіемъ разбирая собственный почеркъ (весьма, впрочемъ, мелкій) и постоянно приближая листы рукописи то къ одному, то къ другому канделябру, стоявшимъ на каѳедрѣ. Очевидно, Соловьевъ затруднялся публично *говорить* о хорошо извѣстномъ ему вопросѣ. Онъ ли не зналъ вопроса о Петрѣ Великомъ и его реформѣ, напечатавши до 1872 г. не только нѣсколько монографій по исторіи Петра, но цѣлыхъ четыре тома исторіи всего его царствованія, а въ началѣ 1872 г. читавши о немъ рядъ публичныхъ лекцій.

Въ Нескучномъ я былъ у Соловьева два раза. Особенно памятно мнѣ послѣднее изъ этихъ посѣщеній, въ которое я обѣдалъ у Сергѣя Михайловича. Здѣсь было въ сборѣ все его семейство, и тогда я впервые познакомился съ сыномъ его, философомъ Влад. Серг. Соловьевымъ. Во время обѣда Сергѣй Мих. почти все время молчалъ, изрѣдка только вставляя фразы въ общій разговоръ. За-то не умолкалъ его зять, Нилъ Александровичъ Поповъ.

Проѣздомъ черезъ Москву въ Петербургъ, въ августѣ 1876 г., я посѣтилъ Соловьева. Въ этотъ разъ я видѣлъ его въ исключительномъ для него расположеніи духа: онъ вышелъ изъ своего обычнаго спокойствія и былъ очень раздраженъ. Что же могло такъ возмутить его, этого уравновѣшеннаго человѣка? Соловьевъ только-что вернулся изъ Петербурга, съ засѣданія университетской коммиссіи, которая, подъ предсѣдательствомъ И. Д. Делянова, имѣла задачей уже въ то время передѣлку университетскаго устава 1863 г. Соловьевъ въ волненіи ходилъ по своему кабинету, передавая мнѣ подробности изъ дебатовъ въ коммиссіи, и съ горечью въ голосѣ произнесъ:

— Я *имъ* сказалъ, что чиновниковъ вродѣ тѣхъ, которые у *нихъ* пользуются особымъ довѣріемъ и сидятъ въ ихъ коммиссіи, они всегда найдутъ, а профессоровъ найти не такъ легко!..

Онъ назвалъ фамилію чиновника министерства народнаго просвѣщенія, который, занимая въ то время высокій служебный постъ въ министерствѣ, игралъ въ коммиссіи особо вліятельную роль.

Вскорѣ послѣ этого Соловьевъ оставилъ службу въ московскомъ университетѣ, но продолжалъ въ немъ чтеніе лекцій въ качествѣ частнаго преподавателя.

Зиму 1877—1878 гг. я провелъ въ Петербургѣ, занимаясь въ тамошнихъ архивахъ, главнымъ образомъ въ государственномъ, для моей докторской диссертаціи о воцареніи императрицы Анны Іоанновны. Соловьевъ работалъ въ томъ же архивѣ по эпохѣ Екатерины II для продолженія своей „Исторіи Россіи", выпустивъ въ свѣтъ въ 1877 году 27-й томъ этой исторіи. Соловьевъ интересовался моими занятіями и спрашивалъ меня неоднократно, что я нахожу „новаго" по тому вопросу, который онъ уже разсмотрѣлъ въ своей исторіи.

— Я не имѣлъ возможности останавливаться на многихъ деталяхъ, которыя очень важны,—говорилъ онъ,—потому что вообще планъ моей „Исторіи Россіи" не позволялъ этого. Хочется закончить обзоромъ царствованія Екатерины II и дать общій очеркъ царствованія Павла Петровича, остановивъ наконецъ свою работу на порогѣ XIX вѣка. Усталъ. Но не знаю, удастся ли мнѣ это!

Соловьеву не удалось выполнить его программы: 29-й томъ „Исторіи Россіи" былъ изданъ его семействомъ уже послѣ его кончины. Въ немъ внѣшнія событія доведены до Кучукъ-канарджійскаго мира, а внутреннія—до кануна Пугачевщины.

По вопросамъ изъ моей докторской диссертаціи изрѣдка разговаривали мы съ Соловьевымъ въ государственномъ архивѣ, но

то не были тѣ оживленныя и непринужденныя бесѣды, какія велись у меня, десять лѣтъ тому назадъ, съ Костомаровымъ въ Публичной библіотекѣ. Медленно, спокойно входилъ Соловьевъ въ залу государственнаго архива; садился за свой столикъ и молча дѣлалъ выписки и отмѣтки изъ лежавшихъ передъ нимъ документовъ. Ни слова не проронитъ онъ во время своихъ занятій. Только, бывало, слышишь шелестъ перевертываемыхъ имъ листовъ. Когда онъ окончитъ очевидно заданный себѣ дневной урокъ, сдѣлаетъ опредѣленныя на день выписки, тогда онъ встанетъ, аккуратно сложитъ документы въ картонъ и столь же спокойно, не торопясь, какъ вошелъ въ залу, такъ и уходитъ изъ нея.

Короткіе разговоры то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ работавшихъ въ архивѣ, въ томъ числѣ и со мной, происходили обыкновенно или до начала его занятій, или по окончаніи ихъ.

Послѣдній разъ я видѣлся съ Соловьевымъ въ Москвѣ, лѣтомъ 1878 года. Санъ-стефанскій миръ, закончившій турецкую войну, былъ заключенъ, и „освобожденная“ Болгарія должна была начать самостоятельную политическую жизнь въ формѣ конституціоннаго княжества. Помню, какъ у Соловьева вечеромъ собралось довольно большое общество. Находился тутъ и его старшій сынъ, Всеволодъ Сергѣевичъ, авторъ многочисленныхъ историческихъ романовъ; въ то время онъ служилъ, сколько помнится, или въ государственной канцеляріи, или въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Разговоръ касался преимущественно только-что оконченной войны и дальнѣйшей политической жизни Сербіи, Болгаріи и Румыніи. Рѣчь, разумѣется, зашла и о болгарской конституціи.

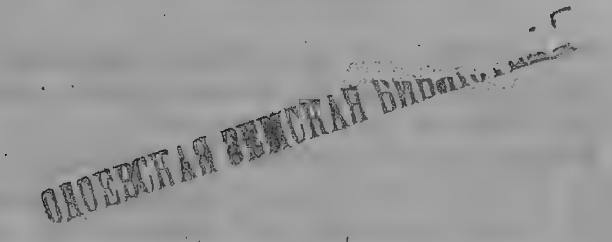
— Трудное это дѣло — сказалъ кто-то.—Какъ-то устроится на правовыхъ политическихъ основахъ народъ, не только не привыкшій ни къ какой государственной формѣ, но еще сегодня только вышедшій изъ рабства.

— А это вотъ вы у *нихъ* спросите, — обратился Сергѣй Михайловичъ къ сыну.—*Они* тамъ въ канцеляріи,—продолжалъ онъ иронически, — пишутъ болгарскую конституцію, взявши за образецъ бельгійскую.

Въ 1879 году, лѣтомъ, я снова былъ въ Москвѣ, но уже не могъ видѣть Сергѣя Михайловича: онъ былъ опасно боленъ и скончался 4-го октября этого года.

Д. Корсаковъ.

Казань, 1906.

ДЕБРИ

РОМАНЪ.

— Upton Sinclair. The Jungle. London 1906 (W. Heinemann).

V *).

Домъ былъ купленъ, но прежде, чѣмъ переѣзжать въ него, нужно было обзавестись мебелью и хозяйствомъ. Это не представляло никакой трудности. Стоило пройтись по главной улицѣ фабричнаго района, читая вывѣски и объявленія, или же проѣхаться въ электрическомъ трамваѣ, чтобы узнать точнѣйшимъ образомъ, что̀ нужно для полнаго человѣческаго благополучія во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Заботы разныхъ благодѣтелей о здоровьи и удобствахъ ближнихъ были положительно трогательны. Хотите курить—на каждомъ шагу вамъ мозолятъ глаза объявленія о лучшихъ въ мірѣ сигарахъ и папиросахъ: „пятипроцентныя перфекто Джеферсона"; зачѣмъ же покупать другія! Хотите бросить курить?—вотъ объявленіе о порошкахъ съ ручательствомъ, что восемь дозъ вылечатъ васъ навсегда. И такъ относительно всего: всѣ потребности, всѣ желанія пріѣзжаго предусмотрѣны, всѣ мѣры приняты къ тому, чтобы ему жилось легко и пріятно. Стиль объявленій въ фабричномъ районѣ Чикаго—совершенно особый, приспособленный къ характеру населенія, необыкновенно участливый.—Ваша жена блѣдна?—спрашиваютъ васъ.—Подавлена, едва волочитъ ноги, все не по ней, не правда ли? Почему же не попробуете полечить ее „жизненнымъ эликсиромъ" д-ра Ланагана? Другое объявленіе шуточное; въ немъ васъ точно по плечу хлопаютъ: „Не зѣвайте, бѣгите скорѣе купить мозольную

---

*) См. выше: августъ, стр. 687.

мазь Голіаѳа!". Или же: „Да ну, прибавьте шагу! Чего ползете какъ черепаха? Ходить быстро не мудреная штука; нужно только носить сапоги Эврика въ два съ полтиной".

Наши литовскіе друзья особенно заинтересовались однимъ объявленіемъ: на немъ была картинка съ изображеніемъ двухъ хорошенькихъ птичекъ, вьющихъ себѣ гнѣздо. Марія попросила одну знакомую прочесть, что̀ написано подъ картинкой, и разсказала своимъ, что это объявленіе магазина, гдѣ можно купить домашнюю обстановку по очень сходной цѣнѣ. „Свейте себѣ гнѣздышко", говорилось въ объявленіи, „вы можете купить полную обстановку для четырехъ комнатъ за семьдесятъ-пять долларовъ". Вначалѣ, какъ излагалось подробно въ объявленіи, нужно было внести только небольшую часть этой суммы, а затѣмъ выплачивать по нѣскольку долларовъ въ мѣсяцъ. Это имъ оказалось очень на руку. Они всѣ порастратили свои маленькія сбереженія, такъ что могли купить обстановку только на выплату. Этотъ выходъ былъ для нихъ спасительнымъ. Домъ былъ вскорѣ обставленъ всѣмъ необходимымъ—отъ мебели до посуды включительно. Когда все было разставлено, развѣшано и разложено по мѣстамъ, когда Юргисъ перенесъ самъ на плечахъ весь ихъ скарбъ отъ пани Аньели,—ему пришлось два раза продѣлать довольно длинный путь съ тяжелыми узлами платья, тюфяковъ и подушекъ на спинѣ,—вся семья почувствовала себя наверху блаженства. Несмотря на всѣ свои недостатки, ихъ домикъ имѣлъ теперь очень привлекательный, уютный видъ — совсѣмъ какъ на картинкѣ. Кузина Марія сочла необходимымъ посидѣть поочередно на каждомъ стулѣ и заставила Юргиса продѣлать то же самое; одинъ стулъ даже затрещалъ подъ его тяжестью, и всѣ очень перепугались. Дѣти прыгали отъ радости по комнатамъ, а Юргисъ и Она долго сидѣли рядышкомъ, держась за руку, и радовались близкому осуществленію своихъ надеждъ. Теперь уже можно будетъ скоро отпраздновать свадьбу. Маленькая комната наверху предназначена была для нихъ.

И долго еще послѣ переѣзда вся семья занималась украшеніемъ домашняго очага, прикупая то то̀, то другое по хозяйству. И какая бы это мелочь ни была, — солонка ли, или нѣсколько самыхъ простыхъ стакановъ,—покупка торжественно разсматривалась всѣми и возбуждала дикіе восторги дѣтей. Покупать ходили всегда Юргисъ и Она, и конечно, только по субботамъ, послѣ работы. Много веселой суматохи было съ вбиваніемъ гвоздей; вся семья обсуждала, гдѣ ихъ вбить въ спальняхъ и въ кухнѣ. Затѣмъ нужно было рѣшить, гдѣ кому спать, такъ какъ отдѣль-

мѣсто: условія, на которыхъ ему доставили работу, были возмутительныя. Однажды вечеромъ Антонъ Рудкусъ пришелъ домой сильно возбужденный и разсказалъ слѣдующее: на фабрикѣ Дургэма, въ корридорѣ у коптильни, къ нему подошелъ человѣкъ и сказалъ, что опредѣлитъ старика на мѣсто, если онъ согласенъ отдавать ему треть своего заработка. Старикъ спросилъ его, состоитъ ли онъ служащимъ на фабрикѣ, но онъ отвѣтилъ, что это никого не касается; обѣщаніе свое онъ можетъ сдержать, и этого достаточно.

Юргисъ узналъ отъ знакомыхъ, главнымъ образомъ отъ музыканта Тамошиса Кушлейки, работавшаго въ убойной камерѣ, что таковъ обычный пріемъ надзирателей. Они обираютъ черезъ своихъ посредниковъ рабочихъ, чтобы увеличить такимъ путемъ свои доходы. Подкупы, эксплуатація, шантажъ практикуются здѣсь всѣми служащими. Система у всѣхъ одна и та же: выжимать наибольшее количество работы изъ человѣка за наименьшую плату и пользоваться всякой возможностью эксплуатировать подчиненныхъ. Рабочіе тоже относятся другъ къ другу недовѣрчиво и недоброжелательно: каждый боится потерять работу, если другой его обгонитъ. Каждая фабрика—котелъ, гдѣ кипятъ низменныя страсти соперничества и ненависти. Человѣческое достоинство ни въ грошъ не ставится, честности въ поминѣ нѣтъ. Такъ велось дѣло съ самаго основанія фабрики, отцомъ теперешняго владѣльца, а сынъ его унаслѣдовалъ принципы отца вмѣстѣ съ его милліонами. Кушлейка увѣрялъ Юргиса, что онъ самъ современемъ убѣдится въ правдѣ его словъ. Онъ увидитъ, что здѣсь могутъ преуспѣть только негодяи и обманщики. Если же человѣкъ хочетъ приносить пользу и честно работать, то ему не мѣсто на чикагскихъ фабрикахъ. Здѣсь наживаются только такіе люди, какъ тотъ, который предлагалъ мѣсто старику Антону, или же доносчики и лгуны. А человѣка честнаго, работящаго здѣсь будутъ „подгонять“ и выжмутъ изъ него всѣ силы.

Юргисъ пришелъ въ ужасъ отъ обличеній Тамошиса, но утѣшалъ себя тѣмъ, что это онъ говоритъ какъ плохой работникъ. Онъ играетъ по цѣлымъ ночамъ на свадьбахъ да на вечеринкахъ, и конечно работа ему въ тягость. Потому онъ и ругается. Къ тому же онъ такой тщедушный,—гдѣ ему угнаться за настоящими работниками! Однако съ каждымъ днемъ Юргисъ узнавалъ все больше и больше подробностей, приводившихъ его въ большое уныніе, и сталъ думать, что Тамошисъ-то, пожалуй, правъ.

Отецъ Юргиса не послушался совѣтовъ сына и согласился

платить посреднику. Тогда его въ тотъ же день опредѣлили на мѣсто въ коптильнѣ—въ подвальномъ этажѣ фабрики. Тамъ было очень сыро. Во всей комнатѣ не было сухого мѣста, гдѣ поставить ноги, и весь заработокъ первой недѣли ушелъ у старика на покупку сапогъ съ толстыми подошвами. Работа эта заключалась въ томъ, чтобы ходить съ губкой, насаженной на длинную палку, и вытирать полъ.

Антонъ Рудкусъ былъ человѣкъ мягкій по природѣ, но и онъ уже послѣ двухъ дней работы принялся ругать и проклинать Дургэма и его фабрику. Когда онъ сталъ разсказывать дома подробности своей работы, вся семья пришла въ ужасъ. Ему поручена была чистка траповъ, въ которые спускались отбросы съ верхняго этажа. Работалъ онъ въ комнатѣ, гдѣ мясо препарировалось для консервовъ. Мясо стояло въ чанахъ съ химическими растворами; его оттуда вынимали большими вилками и клали на тачки для перевоза въ отдѣленіе, гдѣ оно варилось. Вынувъ изъ чановъ все, что можно было ловить вилками, рабочіе опрокидывали чаны на полъ, подбирали лопатами остатки съ полу и тоже клали на тачки. Полъ покрывался густымъ слоемъ грязи, и Антонъ долженъ былъ вылавливать губкой отбросы изъ этой грязи и спускать ихъ черезъ отверстіе въ трубу, ведущую въ особый бассейнъ; тамъ ихъ подбирали и снова выжимали. Кромѣ того, въ самой трубѣ устроена была еще сѣтка, задерживающая твердыя частицы. Трубу эту старикъ долженъ былъ вычищать разъ въ два-три дня, собирать отбросы въ ней и класть ихъ на телѣжки съ мясомъ для консервовъ.

Вотъ что пришлось наблюдать Антону, работавшему въ подвалѣ. Остальные члены семьи тоже возвращались каждый съ разсказами о разныхъ ужасахъ. Марія работала на одной изъ мелкихъ фабрикъ и чрезвычайно гордилась тѣмъ, что такъ много зарабатываетъ, раскрашивая жестянки. Но однажды ея землячка, блѣдная, болѣзненная Ядвига Марцикусъ, разсказала ей, когда онѣ вмѣстѣ возвращались домой, какъ ей досталось ея мѣсто. Предшественница Маріи, по словамъ Ядвиги, была ирландка. Она работала на этой фабрикѣ съ самаго ея основанія, уже лѣтъ пятнадцать. Теперь у нея развилась чахотка, и ея постоянный кашель мѣшалъ другимъ работать. У нея былъ незаконный сынъ, калѣка, котораго она безумно любила. Когда Марія пришла просить работы, надзирательница обрадовалась возможности замѣнить плохую работницу другой, болѣе сильной и здоровой,— ей вѣдь тоже дана была инструкція „подгонять“. Ей, конечно, не было никакого дѣла до того, что ирландка нажила свою

болѣзнь на этой же фабрикѣ,—она даже, быть можетъ, не знала этого, такъ какъ сама служила тутъ года два-три, не больше. О томъ, что̀ сталось теперь съ бѣдной ирландкой, Ядвига не могла сказать, такъ какъ сама все хворала. У нея образовалась какая-то внутренняя болѣзнь отъ того, что она по цѣлымъ днямъ держала въ рукахъ жестянки въ четырнадцать фунтовъ вѣсомъ.

Іонасъ тоже обязанъ былъ своимъ мѣстомъ несчастію другого человѣка. Его работа заключалась въ томъ, чтобы доставлять повозки съ окороками изъ коптильни на элеваторъ, а оттуда въ упаковочную. Повозки были тяжелыя, желѣзныя, и окорока накладывались на нихъ въ три ряда, такъ что въ общемъ получалась тяжесть болѣе чѣмъ въ четверть тонны. Къ тому же при неровности половъ самое трудное было сдвинуть повозку съ мѣста. Сдвинувъ ее, уже нужно было стараться довезти до мѣста, не останавливаясь, чтобы не начинать самаго труднаго сызнова. Надзиратели подгоняли, ругались, давали кулакомъ въ спину, если рабочіе были литовцы или словаки. Повозки поэтому катились съ невообразимой быстротой, и одна изъ нихъ задавила по пути предшественника Іонаса, придавивъ его къ стѣнѣ.

Все это было ужасно,—но то, что̀ Юргисъ вскорѣ увидалъ самъ, было еще гораздо хуже. Въ качествѣ „потрошителя" онъ съ перваго же дня былъ посвященъ въ одно изъ мошенничествъ, практикуемыхъ на фабрикѣ. Извѣстно, что мясо тельной коровы не годится въ пищу. Каждый день среди пригоняемаго на убой скота были и такія непригодныя коровы. Можно было бы, конечно, продержать ихъ на скотномъ дворѣ, пока онѣ отелятся. Но это было бы излишней возней, и во избѣжаніе ея ихъ приводили въ убойную камеру вмѣстѣ съ другими. Объ этомъ только предупреждали надзирателя; въ надлежащій моментъ онъ начиналъ разговаривать съ инспекторомъ и уводилъ его пройтись,—а тельную корову тѣмъ временемъ убивали и потрошили. На обязанности Юргиса лежало сплавлять внутренности—вмѣстѣ съ теленкомъ—въ нижній этажъ, гдѣ и мясо, и кожа теленка подвергались надлежащей обработкѣ.

Разъ одинъ рабочій поскользнулся и повредилъ себѣ ногу; Юргису поручено было замѣстить его въ исполненіи какого-то дѣла, которое совершалось послѣ ухода всѣхъ рабочихъ. Было уже поздно, почти темно, инспектора ушли, и рабочихъ оставалось всего человѣкъ двадцать, не больше. Въ этотъ день убито было около четырехъ тысячъ головъ скота; всѣ они привезены были изъ далекихъ штатовъ и многіе были изувѣчены. У однихъ были сломаны ноги, у другихъ изранены бока, и нѣкоторые уже

пали отъ неизвѣстныхъ причинъ. А теперь ихъ всѣхъ подняли по особому элеватору въ убойную камеру и всѣхъ зарѣзали и выпотрошили съ полнымъ спокойствіемъ и обычной быстротой; — видно было, что это было привычнымъ дѣломъ. Часа черезъ два туши уже были въ холодильнѣ, и ихъ нарочно такъ размѣстили промежъ другихъ, здоровыхъ, чтобы онѣ не бросались въ глаза. Послѣ этой работы Юргисъ вернулся домой очень мрачный, убѣдившись наконецъ, что его вѣра въ Америку дѣйствительно должна казаться смѣшной людямъ, знающимъ здѣшніе порядки.

VI.

Юргисъ и Она очень любили другъ друга и уже два года ждали возможности жениться. Все, что происходило, даже безобразія на скотныхъ дворахъ, интересовали Юргиса лишь поскольку они касались его женитьбы. Онъ бы давно обвѣнчался, но тетя Ельзбета и старикъ Антонъ ни за что не соглашались на скромное вѣнчаніе безъ свадебнаго пира. Они и такъ опасались, что молодежь совершенно забудетъ завѣты родины. Тетя Ельзбета настояла поэтому на томъ, чтобы вся семья ходила по воскресеньямъ въ церковь, и кромѣ того она купила и поставила на каминъ въ гостиной гипсовое изображеніе ясель Господнихъ съ фигурами Богоматери съ Младенцемъ и волхвовъ. Ей казалось, что деньги, потраченныя на это украшеніе, не потерянныя, что онѣ какимъ-нибудь таинственнымъ образомъ будутъ имъ возмѣщены.

Они, конечно, считали, что расходы по свадьбѣ тоже покроются потомъ взносами гостей, но все-таки нужно было имѣть деньги на предварительныя затраты,—кредита вѣдь у нихъ здѣсь не могло быть. Юргисъ и Она сдѣлали самый точный подсчетъ, — и оказалось, что меньше двухъ сотъ долларовъ свадьба не можетъ обойтись. Кое-что имъ могъ одолжить Шедвила, затѣмъ Іонасъ и Марія охотно давали имъ въ долгъ всѣ свои сбереженія, но этого не хватало; приходилось ждать мѣсяца четыре или пять, прежде чѣмъ удастся собрать недостающую сумму. Тогда и Она рѣшила поискать занятій гдѣ-нибудь на фабрикѣ, считая, что своими заработками она сможетъ ускорить свадьбу на два мѣсяца. На этомъ они порѣшили и успокоились, готовясь терпѣливо ждать. Но вдругъ новая катастрофа надолго разсѣяла ихъ надежды.

По сосѣдству съ ними жила одна литовская семья—восьми-

десятилѣтняя „бабушка Маюшкене“ съ сыномъ. Они свели знакомство, и старуха стала имъ разсказывать вещи, отъ которыхъ у нихъ стыла кровь. Она-то сама такъ долго жила среди постоянныхъ несчастій, что свыклась съ ними и говорила, о голодѣ, болѣзни и смерти, какъ другіе говорятъ о свадьбахъ и праздникахъ. Она стала мало-по-малу разоблачать имъ правду, и съ каждымъ ея словомъ рушилась какая-нибудь изъ ихъ надеждъ. Прежде всего оказалось, что домъ ихъ вовсе не новый, а построенъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ; его только перекрашивали заново каждый годъ или каждые два года, такъ какъ краска дольше не держалась. Такіе дома строились всегда по цѣлому ряду сразу—все съ цѣлью грабить бѣдныхъ людей. Вотъ съ нихъ берутъ за ихъ домикъ полторы тысячи, а хозяину онъ новый стоилъ не болѣе пятисотъ долларовъ. Бабушка Маюшкине говорила объ этомъ съ полной увѣренностью, такъ какъ знала подрядчика, строившаго эти дома; онъ принадлежалъ къ той же политической организаціи, въ которой состоялъ членомъ сынъ старушки. Матеріалъ для постройки брался самый дрянной,—старались только придать постройкѣ красивую внѣшность. Вѣдь она-то это хорошо знаетъ,—они купили свой домъ на тѣхъ же основаніяхъ. Но они надули хозяина. Сынъ ея зарабатываетъ сто долларовъ въ мѣсяцъ и не женатъ; поэтому они смогли выплатить весь долгъ хозяину.

На вопросъ, почему выплатить значитъ надуть хозяина, старуха объяснила, что предприниматели разсчитываютъ главнымъ образомъ на то, что покупатели не смогутъ выплатить до конца мѣсячные взносы, — а если пропустить хоть одинъ мѣсяцъ, то всѣ сдѣланные взносы потеряны, и домъ снова переходитъ къ прежнему владѣльцу. — Неужели же это бываетъ? — спросила съ ужасомъ тетя Ельзбета. — Еще бы! Да вотъ хоть бы ихъ домъ. — Бабушка вѣдь знала всѣхъ жившихъ въ немъ до нихъ. Четыре семьи пытались пріобрѣсти его въ собственность, но ни одной это не удавалось, и домъ опять переходилъ къ прежнему хозяину. Она имъ подробно разсказала про прежнихъ жильцовъ. Всѣ они были иностранцы,—фабрики стараются черезъ своихъ агентовъ собрать сюда бѣдняковъ со всѣхъ странъ, нѣмцевъ, ирландцевъ, а еще охотнѣе поляковъ, литовцевъ и словаковъ, потому что они самые безпомощные изъ всѣхъ эмигрантовъ, и ихъ можно эксплуатировать сколько угодно. Ихъ приманивали разсказами о большихъ заработкахъ—про дороговизну жизни имъ не говорили. А пріѣхавъ сюда, они уже были въ западнѣ; изъ нихъ выжимали всѣ силы, а потомъ вы-

гоняли на всѣ четыре стороны. Первые покупатели дома, который перешелъ теперь къ Рудкусамъ, были нѣмцы. Отецъ былъ честный, хорошій работникъ. Онъ уже выплатилъ больше половины долга, но потомъ погибъ, упавъ съ элеватора на фабрикѣ Дургэма. Домъ купленъ былъ послѣ того ирландцами. Ихъ была огромнѣйшая семья. Мужъ запивалъ, колотилъ дѣтей, и тамъ по цѣлымъ ночамъ стоялъ крикъ и вой. Ирландецъ этотъ занимался политикой, принадлежалъ къ мѣстному клубу, гдѣ скупаютъ голоса. Поэтому полиція его никогда не трогала. Когда его разъ поймали на томъ, что онъ увелъ корову у бѣдныхъ сосѣдей, онъ отдѣлался тремя днями тюрьмы и даже не потерялъ мѣста на фабрикѣ. Но онъ погибъ отъ пьянства; сынъ его поддерживалъ семью года два, потомъ умеръ отъ чахотки. Домъ этотъ какой-то злосчастный. Почему-то всѣ въ немъ заболѣвали чахоткой. Такихъ домовъ въ этомъ районѣ Чикаго множество. Иногда бываетъ такъ, что одна изъ комнатъ въ домѣ приноситъ несчастье. Кто въ ней поспитъ,—заболѣваетъ и умираетъ. Въ этомъ же домѣ было еще больше смертныхъ случаевъ, чѣмъ въ другихъ. Въ каждой семьѣ кто-нибудь умиралъ, большей частью дѣти,—и неизвѣстно, отъ чего. Впрочемъ, всѣ дѣти, работающія на фабрикахъ, не выживаютъ. Въ тѣ времена не было еще закона о дѣтскомъ трудѣ, и дѣтей брали на работу совсѣмъ крошками. Теперь, вотъ, постановлено, что до шестнадцати лѣтъ не принимаютъ на фабрики.

— Да неужели?—спросилъ Юргисъ. Они было-собирались пристроить гдѣ-нибудь маленькаго Станислава. Старуха ихъ успокоила.—Законъ ничего не мѣняетъ,—объяснила она.—Его обходятъ, прибавивъ нѣсколько лѣтъ ребенку. Какъ не посылать дѣтей на работу при такой нищетѣ?—Къ тому же дѣтямъ легче достать работу на фабрикахъ, чѣмъ взрослымъ. Тамъ постоянно ставятъ какія-нибудь новыя машины, которыми можетъ управлять каждый ребенокъ, и хозяева предпочитаютъ пользоваться болѣе дешевымъ дѣтскимъ трудомъ.

Старуха принялась снова разсказывать ужасы о всѣхъ дальнѣйшихъ обитателяхъ „новаго“ дома. Слушатели ея не знали, правда ли все это, или она преувеличиваетъ, но имъ становилось страшно. Вотъ она все про чахотку говоритъ. Они ничего не знали о чахоткѣ, кромѣ того, что отъ нея кашляютъ,—а дѣдъ Антонъ вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ не перестаетъ кашлять. Но все это поблѣднѣло передъ тѣмъ, что они узнали въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ бабушкой Маюшкене. Они стали ее разспрашивать, почему никто изъ прежнихъ покупателей не смогъ выпла-

тить всего долга, и стали доказывать цифрами, что это вполнѣ возможно. Но старуха заспорила:—Вы считаете только двѣнадцать долларовъ въ мѣсяцъ,—сказала она—А проценты?

— Какіе проценты?—съ ужасомъ спросили они хоромъ.— Мы условились платить двѣнадцать долларовъ въ мѣсяцъ—и ни гроша больше.

Она разсмѣялась.—Ну, конечно,—сказала она.—Васъ обмошенничали, какъ и всѣхъ до васъ. Старая исторія! Вѣдь за разсрочку платежа всегда взимаются проценты. Прочтите хорошенько условіе.

Тетя Ельзбета, охваченная ужасомъ, вынула бумагу, доставившую имъ уже и до того столько горя, и дала старухѣ, которая сейчасъ же нашла, чего искала.—Ну, конечно, посмотрите,—сказала она.—Вотъ же тутъ стоитъ: „съ мѣсячной уплатой процентовъ изъ семи годовыхъ".

— Что это значитъ?—прошепталъ Юргисъ послѣ долгаго молчанія.

— Это значитъ, что въ слѣдующій мѣсяцъ, кромѣ двѣнадцати долларовъ, вамъ еще придется заплатить процентовъ восемь долларовъ и сорокъ центовъ.—Опять всѣ долго молчали отъ ужаса. Они точно упали на дно пропасти, и почувствовали себя въ когтяхъ безпощадной судьбы. Они попали въ западню и осуждены на погибель. Наконецъ тетя Ельзбета начала громко стонать, а Марія заломила руки и стала рыдать. А бабушка Мајошкене, явившаяся къ нимъ какъ воплощеніе горькой судьбы, продолжала втолковывать имъ о томъ, какъ ихъ надули. Наконецъ зловѣщая гостья ушла, но они провели весь вечеръ въ слезахъ и жалобахъ на судьбу. Дѣти проснулись и тоже стали плакать.

Но слезами, конечно, нельзя было помочь горю. Съ утра всѣ пошли на работу,—на фабрикахъ никому не было дѣла до ихъ печалей. Тетя Ельзбета и Она отправились къ агенту, и стали громко осыпать его упреками. Онъ спокойно заявилъ имъ, что проценты, конечно, должны быть уплачены, и что онъ объ этомъ не говорилъ раньше, такъ какъ это само собой разумѣлось. Около полудня Она пошла на фабрику Дургэма и во время обѣденнаго перерыва сообщила Юргису о печальномъ результатѣ свиданія съ агентомъ. Юргисъ уже заранѣе предвидѣлъ это и выслушалъ ее спокойно.—Я буду больше работать,—сказалъ онъ, повторяя свою обычную успокоительную фразу. Но они тутъ же рѣшили, что и маленькаго Станислава нужно будетъ опредѣлить куда-нибудь, и что сама Она тоже поищетъ работы.

Одинъ Юргисъ, очевидно, не могъ справиться за всѣхъ. Прежде онъ бы протестовалъ, но теперь долженъ былъ согласиться, въ виду обстоятельствъ.

Вскорѣ Марія узнала отъ одной знакомой, что можно достать мѣсто для Оны на фабрикѣ Броуна,—но надзирательница тамъ изъ такихъ, которымъ нужно сунуть десять долларовъ въ руку, прежде чѣмъ начать переговоры. Юргисъ уже не возмущался; онъ только освѣдомился о размѣрахъ платы, и рѣшилъ, что стоитъ попытаться. Послѣ перваго разговора съ надзирательницей Она вернулась домой обнадеженная. Надзирательница была съ ней очень любезна, сказала, что поручитъ ей шить чехлы для окороковъ; этимъ она сможетъ заработать около десяти долларовъ въ недѣлю. Послѣ обсужденія вопроса на семейномъ совѣтѣ, рѣшено было принять предложеніе, и Она отправилась на вторичное свиданіе съ надзирательницей, зажавъ въ рукѣ десять долларовъ.

Маленькаго Станислава тетя Ельзбета повела прежде всего къ священнику, чтобы получить отъ него свидѣтельство о томъ, что мальчику шестнадцать лѣтъ,—хотя ему въ дѣйствительности было на два года меньше. И съ этимъ свидѣтельствомъ мальчикъ вступилъ въ жизнь. Случилось какъ разъ, что у Дургэма завели новую машину для собиранія сала, и къ ней-то былъ приставленъ Станиславъ. Пройдя черезъ длинный каменный корридоръ и поднявшись на лѣстницу, мальчикъ очутился въ комнатѣ, освѣщенной электричествомъ, гдѣ стояли новыя машины для нацѣживанія сала въ жестянки. Сало приготовлялось этажемъ выше и стекало маленькими струйками, на подобіе красивыхъ, извивающихся бѣлоснѣжныхъ змѣекъ съ непріятнымъ запахомъ. Струи были разнаго вида и разной величины, но каждая автоматически останавливалась послѣ того, какъ вытекало опредѣленное количество; диковинная машина дѣлала затѣмъ поворотъ и подставляла жестянку подъ другую струю, и такъ далѣе, пока сосудъ не наполнялся до края. Для управленія этой машиной и для того, чтобы наполнить нѣсколько сотъ жестянокъ въ часъ, достаточно было двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ умѣлъ бы ставить пустую жестянку на опредѣленное мѣсто каждыя нѣсколько секундъ, а другой—снимать готовыя жестянки и ставить ихъ на подносъ. Когда маленькій Станиславъ явился туда, къ нему подошелъ смотритель и спросилъ, сколько ему лѣтъ; не удовольствовавшись его отвѣтомъ: „шестнадцать", онъ взялъ у него свидѣтельство, чтобы удостовѣриться. Во избѣжаніе всякихъ непріятностей, на фабрикахъ слѣдовали

буквѣ закона; дѣйствительная правда ихъ не касалась. Смотритель показалъ мальчику, куда ставить жестянку, когда пустая ручка машины повернется къ нему, и въ эту минуту опредѣлено было мѣсто маленькаго Станислава во вселенной и его участь до конца его дней. Часъ за часомъ, изо дня въ день онъ будетъ по волѣ судебъ стоять на опредѣленномъ мѣстѣ въ этой комнатѣ отъ семи часовъ утра до двѣнадцати, и отъ половины перваго до половины шестого, не дѣлая ни одного свободнаго движенія и занятый исключительно нацѣживаніемъ сала въ жестянки. Лѣтомъ запахъ сала вызывалъ тошноту, зимой жестянки почти примерзали къ пальцамъ мальчика въ нетопленномъ погребѣ. Полгода онъ не видѣлъ по буднямъ дневного свѣта. И за все это въ концѣ недѣли онъ приносилъ домой три доллара—свою долю въ общей суммѣ того, что зарабатываютъ два милліона дѣтей, работающихъ на фабрикахъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Но пока все-таки Юргисъ и Она опять нѣсколько воспрянули. Они разсчитали, что заработокъ Станислава покроетъ лишній расходъ по уплатѣ процентовъ, что такимъ образомъ положеніе ихъ не ухудшилось. Мальчикъ же радовался тому, что работаетъ и зарабатываетъ столько денегъ.

VII.

Послѣ лѣта, проведеннаго семьей Рудкусовъ въ упорной работѣ, поздно осенью въ ноябрѣ отпразднована была наконецъ свадьба Юргиса и Оны, послѣ чего у нихъ оказалась тысяча долларовъ долгу. Это было ужасно. Молодое ихъ счастье было сразу омрачено. Бичъ нужды превратилъ ихъ жизнь въ безъисходные будни. На слѣдующее же утро всѣ должны были къ семи часамъ явиться на работу, въ томъ числѣ и маленькій Станиславъ, совсѣмъ больной послѣ того, какъ онъ объѣлся тухлой колбасой на свадьбѣ. Онъ едва держался на ногахъ, стоя у своей машины; смотритель, нѣсколько разъ толкавшій его въ бокъ, когда у него слипались глаза, чуть было не выгналъ его совсѣмъ.

Прошло около недѣли, прежде чѣмъ жизнь вошла въ обычную колею; всѣ ходили по дому подавленные и раздраженные. Юргисъ былъ еще сравнительно кротокъ, благодаря Онѣ. Одинъ ея взглядъ тушилъ въ немъ всякій гнѣвъ, если онъ даже иногда и готовъ былъ вспылить. Всѣ его мысли заняты были теперь

молодой женой. Онъ зналъ, что онъ—ея единственная опора въ жизни, и готовъ былъ вступить въ бой съ цѣлымъ міромъ для того, чтобы оградить ее отъ печали и страданій. Онъ уже утратилъ прежнюю вѣру въ людей. Онъ зналъ, что жизнь заключается въ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, и что слабые должны погибнуть въ этой борьбѣ. Нужно поэтому относиться ко всѣмъ съ подозрѣніемъ и ненавистью, знать, что всюду обманываютъ и грабятъ, и быть на сторожѣ. Всѣ рекламы въ лавкахъ—завѣдомая ложь. Заборы, фонари, телеграфные столбы обвѣшаны объявленіями, на которыхъ тоже все выдумано съ начала до конца. Хозяева фабрикъ лгутъ, надуваютъ рабочихъ, продаютъ покупателямъ поддѣльный товаръ, надуваютъ и обираютъ всю страну. Все здѣсь—ложь и обманъ.

Юргисъ это зналъ и былъ готовъ къ борьбѣ, но шансы его на побѣду были слишкомъ слабы. Несмотря на всѣ его заботы о женѣ, она уже черезъ недѣлю пострадала—и очень чувствительно—отъ обстоятельствъ, съ которыми онъ былъ безсиленъ бороться. Она отправилась на работу въ холодный декабрьскій ливень. Дождевого плаща у нея, конечно, не было. Юргисъ посадилъ ее въ трамвай. Но оказалось, что на полъ-пути была пересадка,—причемъ мошенничество трамвайнаго общества заключалось въ томъ, что кондуктора выдавали пересадочные билеты только по требованію пассажировъ. Застѣнчивая Она не заявила своевременно о томъ, что хочетъ пересѣсть, и не получила билета на проѣздъ по второй линіи. Ей пришлось пройти остальной путь пѣшкомъ подъ дождемъ, потомъ работать въ подвальномъ помѣщеніи, и послѣ этого она проболѣла цѣлыхъ двѣ недѣли. Но она, все-таки, приходила на работу больная, такъ какъ ей не дали ни одного дня отпуска. Надзирательница стала относиться къ ней очень сурово послѣ свадьбы.

Было еще много другихъ непобѣдимыхъ бѣдствій. Почему-то всѣ дѣти постоянно болѣли. Старшіе не знали, что въ домѣ имѣется постоянный источникъ заразы въ виду отсутствія канализаціи и того, что за пятнадцать лѣтъ подъ домомъ образовалась выгребная яма, заражавшая воду. Не знали они также, что синеватое молоко, которое они покупали въ ближайшей молочной, было подкрашено химическимъ составомъ. У себя на родинѣ тетя Ельзбета лечила дѣтей травами,которыя собирала и сушила сама, а здѣсь приходилось покупать лекарство въ аптекѣ. И откуда ей было знать, что все, что тамъ продавалось, было поддѣльное, а также что и все остальное, чай, сахаръ, кофе, мука, было съ примѣсью всевозможныхъ вредныхъ суррогатовъ, что консервы зеленаго горошка подкрашива-

лись мѣдными солями, варенье—анилиномъ, и что вообще ничего настоящаго нельзя было достать въ лавкахъ? Они купили зимнюю одежду, но она ихъ не грѣла, потому что ткань была сдѣлана изъ стараго тряпья, прошедшаго вторично черезъ ткацкій станокъ. А еслибы они и заплатили дороже, разница была бы въ болѣе нарядной отдѣлкѣ,—матеріалъ всегда употреблялся самый дрянной. Во всѣхъ лавкахъ старались обмануть покупателей. Одинъ знакомый Шедвилы, приказчикъ большого магазина, разсказывалъ со смѣхомъ, какъ у нихъ надули какого-то довѣрчиваго покупателя. Ему нуженъ былъ будильникъ, и ему показали два совершенно одинаковыхъ, запросивъ за одинъ на полъ-доллара дороже на томъ основаніи, что будто бы онъ звонитъ вдвое дольше. Чтобы убѣдить въ этомъ покупателя, одинъ будильникъ завели полнымъ заводомъ, а другой—половиннымъ. Покупатель не понялъ обмана, и купилъ болѣе дорогой, говоря, что у него крѣпкій сонъ и что его нужно долго будить.

Поэты утверждаютъ, что страданія возвышаютъ человѣка,—но они, конечно, не имѣютъ при этомъ въ виду страданій, связанныхъ съ нуждой. Эти страданія до того унизительны и уродливы, что на языкѣ поэзіи для нихъ нѣтъ и словъ. Какъ, напримѣръ, разсказалъ бы поэтъ о томъ, что домъ несчастной литовской семьи кишѣлъ паразитами, отъ которыхъ не было возможности избавиться? Они покупали разные порошки, но такъ какъ все это были патентованныя средства, то они были совершенно безвредны для насѣкомыхъ.

Много горя было со старикомъ Антономъ. Кашель его отъ работы въ сыромъ подвалѣ усиливался. Кромѣ того, ноги у него промокали, несмотря на толстыя подошвы, и впитывали всѣ сильные химическіе составы, которые выливали тамъ на полъ. Отъ этого онъ былъ весь покрытъ нарывами и язвами. Докторъ призналъ „профессіональное отравленіе крови“ и совѣтовалъ немедленно бросить работу, а то ноги у него будутъ совсѣмъ разъѣдены и пальцы станутъ сами собой отпадать. Антонъ не сдавался; обвязавъ ноги тряпками, онъ продолжалъ работать. Но это не долго продолжалось; онъ вскорѣ слегъ и у него хлынула кровь горломъ. Онъ крѣпился, и все еще надѣялся, что оправится; его увѣрили, что мѣсто осталось за нимъ, хотя въ дѣйствительности его сейчасъ же замѣнили другимъ, здоровымъ рабочимъ. Вскорѣ припадокъ кашля повторился, опять хлынула кровь, и наконецъ разъ утромъ его нашли уже холоднымъ въ постели. Времена были очень плохія, и, къ великому огорченію тети Ельзбеты, старика не пришлось даже похоронить съ надле-

жащей торжественностью. Похороны были самыя скромныя, и то Юргисъ провелъ цѣлое воскресенье въ томъ, что торговался съ гробовщикомъ и могильщикомъ—въ присутствіи свидѣтелей, чтобы потомъ съ него не потребовали больше, чѣмъ было условлено. Онъ уже привыкъ къ американскимъ нравамъ и зналъ, что это необходимо. Впрочемъ, для Юргиса было даже лучше, что ему пришлось торговаться и думать о дешевомъ устройствѣ похоронъ. А то бы онъ еще острѣе чувствовалъ потерю отца.

Наступила зима съ снѣжными метелями—страшное время для населенія фабричнаго района. Болѣзни, воспаленія легкихъ, инфлуэнца, выискивали для своей разрушительной работы слабые организмы. Особенно плохо приходилось теперь чахоточнымъ. Страшно было ходить на работу, не имѣя теплой одежды,—но стоило пропустить одинъ день, чтобы уже мѣсто было занято кѣмъ-нибудь изъ толпы безработныхъ, приходившихъ каждое утро къ воротамъ фабрикъ, какая бы ни была погода. Они отмораживали себѣ руки и ноги, но приходили неизмѣнно каждый день—больше вѣдь имъ некуда было идти. Когда Дургэмъ помѣстилъ въ газетахъ объявленіе, что требуется двѣсти человѣкъ для рубки льда, то цѣлый день и всю слѣдующую ночь толпы бездомныхъ и голодныхъ людей потянулись на фабрику со всѣхъ сторонъ, съ трудомъ пробираясь по глубокому снѣгу. Они заполнили станцію городской желѣзной дороги, всѣ корридоры и пріемныя, спали, сбившись въ кучу, чтобы согрѣться. На утро у воротъ Дургэма оказалось три тысячи человѣкъ. Изъ нихъ выбрали двадцать наиболѣе сильныхъ,—оказалось, что „двѣсти" было опечаткой. Объявляли только о двадцати. Въ нѣсколькихъ миляхъ къ востоку было озеро, и оттуда дули страшые вѣтры. Морозъ доходилъ иногда до двадцати градусовъ ниже нуля и по утрамъ улицы были засыпаны снѣгомъ до оконъ перваго этажа. Пробираться по снѣгу было страшно тяжело, особенно безъ теплой одежды.

Женщинамъ и дѣтямъ было еще тяжелѣе, чѣмъ сильнымъ мужчинамъ. Иногда они ѣздили по трамваю, но при заработкѣ въ пять центовъ въ часъ маленькому Станиславу не хотѣлось платить столько же за проѣздъ. Дѣтей обматывали платками, такъ что ихъ совсѣмъ не видать было,—и все-таки случались несчастія. Разъ въ суровую стужу, въ началѣ февраля, мальчикъ, приставленный вмѣстѣ съ Станиславомъ къ машинѣ для собиранія сала, пришелъ часомъ позже на работу и сталъ кричать отъ боли. Его развернули и стали растирать изо всѣхъ силъ уши,—но они совсѣмъ отмерзли, и когда ихъ стали тереть,

они отпали. Съ тѣхъ поръ Станиславъ сталъ страшно бояться мороза, и каждое утро поднималъ вой, когда его отправляли на работу. Юргису пришлось водить его съ собой и потомъ возвращаться съ нимъ домой, неся его на плечахъ, когда снѣгъ былъ слишкомъ глубокій. Но иногда Юргисъ работалъ въ убойной камерѣ до поздняго вечера, и мальчику приходилось поджидать его въ корридорѣ, или въ углу убойной камеры, гдѣ онъ могъ бы легко заснуть и замерзнуть.

Убойныя камеры не отапливались, и люди работали въ нихъ какъ на морозѣ. Все зданіе не отоплялось, кромѣ помѣщеній для варки и копченія,—и работавшіе тамъ подвергались наибольшей опасности простудиться, проходя по холоднымъ корридорамъ безъ куртки и жилета, иногда даже въ рубахѣ безъ рукавовъ. А въ убойныхъ камерахъ кровь животныхъ примерзала къ рукамъ рѣзниковъ. Нельзя было прислониться къ стѣнѣ или коснуться лезвія ножа безъ того, чтобы не содрать себѣ кожу. Рабочіе заворачивали ноги въ газетную бумагу и старые мѣшки, но все это пропитывалось кровью и примерзало; поверхъ промокшей бумаги наворачивалась новая, которая опять промокала. Къ концу рабочаго дня ноги у мясниковъ были какъ у слоновъ. Тайкомъ отъ надзирателей они грѣли ноги, ставя ихъ въ дымящіяся внутренности зарѣзаннаго быка, или же подъ краны горячей воды. Самое ужасное было то, что рѣзники должны были работать съ голыми руками. Руки у нихъ были бѣлыя отъ мороза, а пальцы коченѣли,—и это было причиной несчастныхъ случаевъ. Къ тому же въ воздухѣ стояла полумгла отъ испареній кипятка и горячей крови, и нельзя было видѣть на нѣсколько шаговъ впереди себя. И если представить себѣ, что среди этой полумглы работа шла съ головокружительной быстротой, и что у каждаго въ рукѣ былъ острый ножъ, то можно было только удивляться, какъ это людей не погибаетъ здѣсь столько же, сколько скота. Но со всѣмъ этимъ можно было бы еще примириться, еслибы хоть было куда пойти поѣсть во время обѣденнаго перерыва. Юргису приходилось или съѣдать принесенный съ собой обѣдъ тутъ же, среди грязи и зловонія убойной камеры, или же идти, какъ и всѣ, въ одинъ изъ кабаковъ по сосѣдству. Вдоль Ашлэндъ-Авенью, составлявшей западную границу дворовъ, шелъ непрерывный рядъ кабаковъ; ее такъ и называли „водочнымъ рядомъ". На сѣверъ, по Сорокъ-седьмой улицѣ, было тоже по нѣскольку кабаковъ на кварталъ. А на перекресткѣ этихъ двухъ улицъ находилась „водочная площадь"—пространство акровъ въ пятнадцать-двадцать, на которомъ помѣщался

желатиновый заводъ и около двухсотъ кабаковъ. Изъ нихъ можно было выбрать любой, смотря по тому, гдѣ больше нравилось меню обѣда: „Тушеная капуста и горячія франкфуртскія. Пожалуйте". „Гороховый супъ и тушеная баранина. Милости просимъ", и т. д. Все это напечатано было на нѣсколькихъ языкахъ, и названія кабаковъ были тоже заманчивыя: „Уютный уголокъ", „Домашній очагъ" или же „Дворецъ наслажденій", „Замокъ грезъ" и т. д. Всюду усталый рабочій находилъ пріютъ, мѣстечко у печки и пріятелей. Условіе было только одно: пить. Кто приходилъ и ничего не заказывалъ, того безжалостно выгоняли на морозъ, да еще иногда пускали ему бутылкой въ голову, если онъ медлилъ уходить. Но это было извѣстно, и потому каждый пилъ. За одинъ стаканъ можно было съѣсть хорошій горячій обѣдъ—казалось какъ будто даже, что ѣда дается даромъ. Но, конечно, однимъ стаканомъ дѣло не ограничивалось. Обыкновенно пріятель подносилъ стаканчикъ, потомъ нужно было его поподчивать, а потомъ приходилъ еще кто-нибудь знакомый, и съ нимъ нужно было выпить,—лишній стаканчикъ вѣдь рабочему только впрокъ идетъ. Онъ возвращался на работу бодрѣе, забывъ про однообразіе и безнадежность своей трудовой жизни. А на дорогѣ домой послѣ работы онъ тоже заходилъ въ одинъ, другой кабачокъ погрѣться. А такъ какъ тамъ и ѣсть давали, то незачѣмъ было торопиться къ ужину домой, и онъ оставался въ кабакѣ на весь вечеръ. Тогда жена приходила за нимъ — иногда одна, иногда съ однимъ или двумя дѣтьми, — имъ тоже хотѣлось согрѣться,—такъ вся семья постепенно и спивалась. Для довершенія несчастія, на фабрикахъ платили не деньгами, а чеками. А гдѣ размѣнять чекъ, какъ не въ кабакѣ, гдѣ хозяину платили за любезность тѣмъ, что часть денегъ расходовали тутъ же.

Юргиса отъ этихъ опасностей спасала Она. За обѣдомъ онъ выпивалъ одинъ стаканъ — и не больше. На него за это косились, считали дурнымъ товарищемъ. По вечерамъ онъ прямо шелъ домой, предварительно посадивъ въ трамвай Опу и Станислава. А придя домой, онъ еще иногда шелъ по снѣгу за углемъ и тогда только возвращался отдыхать и ужинать. Но дома было не очень уютно въ эту суровую зиму. На весь домъ была только одна маленькая печка въ кухнѣ, и вокругъ нея всѣ тѣснились по вечерамъ, и тутъ же ужинали, ставя каждый тарелку на колѣни. Юргисъ и Іонасъ выкуривали свои трубки и потомъ всѣ ложились спать, не раздѣваясь и прикрываясь всѣмъ, что у нихъ было теплаго въ домѣ. Но холодъ былъ такой, что часто невозможно

было уснуть, и ихъ охватывало тогда полное отчаяніе. А утромъ нужно было вставать чуть свѣтъ и отправляться на работу. Съ каждымъ днемъ силы ихъ падали, и казалось, что скоро и они дойдутъ до полнаго изнеможенія,—какъ и другіе до нихъ.

VIII.

Но и среди этой тяжелой зимы у нихъ проснулась какая-то надежда на лучшія времена; спасительницей была на этотъ разъ Марія. Въ жизни ея произошло радостное событіе—въ нее влюбился Тамошисъ Кушлейка. Маленькаго, тщедушнаго скрипача Марія привлекла сначала своей силой и энергіей. Онъ сталъ приходить по воскресеньямъ къ тетѣ Ельзбетѣ, и, приглядѣвшись къ Маріи, онъ увидѣлъ, что у нея чистая, дѣтская душа, и тѣмъ болѣе привязался къ ней. Онъ былъ очень застѣнчивъ и все больше молчалъ, сидя на кухнѣ у Рудкусовъ по воскресеньямъ. Но когда его просили поиграть на скрипкѣ, онъ изливалъ свою любящую и страдающую душу въ печальныхъ страстныхъ звукахъ.

Дружба съ Тамошисомъ представляла для Маріи и болѣе матеріальныя выгоды. Его часто приглашали играть на вечерахъ за плату, или звали просто въ гости, зная, что онъ принесетъ скрипку и не откажется поиграть, когда молодежь захочетъ танцовать. Разъ онъ попросилъ Марію пойти съ нимъ на такой вечеръ, и былъ неимовѣрно счастливъ, когда она согласилась. Послѣ того онъ уже никогда не ходилъ на вечера безъ нея, а если вечеринка была у кого-нибудь изъ его друзей, то онъ бралъ съ собой всю семью. Но и когда Марія ходила съ нимъ одна, это было праздникомъ для всѣхъ. Она возвращалась съ карманами, набитыми сластями для дѣтей, а взрослыхъ занимала разсказами о вкусныхъ вещахъ, которыми она сама угощалась въ теченіе вечера. Это было въ сущности ея единственнымъ удовольствіемъ на вечерахъ, потому что Тамошисъ былъ очень ревнивъ и не позволялъ ей танцовать ни съ кѣмъ, кромѣ стариковъ и женатыхъ людей. Но во всякомъ случаѣ все это вносило разнообразіе въ жизнь семьи. Они жили до того особнякомъ, не имѣли знакомыхъ, а теперь черезъ Марію узнавали подробности о сосѣдяхъ; она разсказывала, какъ кто одѣвается, сколько кто зарабатываетъ, кто въ кого влюбленъ, кто обманулъ свою невѣсту, кто пьянствуетъ и колотитъ жену. Все это, конечно, были сплетни,—но онѣ давали интересный матеріалъ для бесѣдъ въ субботу вечеромъ. Въ одну такую субботу, возвращаясь съ Ма-

ріей со свадебной вечеринки у знакомыхъ, Тамошисъ собрался съ духомъ и сказалъ Маріи о своей любви къ ней. Она пришла въ восторгъ, на радостяхъ обняла его и на слѣдующій день сообщила радостную вѣсть о своей помолвкѣ. Тамошисъ сталъ приходить по вечерамъ и сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, обнявшись съ Маріей въ уголку въ кухнѣ; остальные дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ихъ. Рѣшено было, что свадьба будетъ весной и что имъ отведутъ комнатку наверху. Тамошисъ заработывалъ довольно много, а семья Юргиса понемногу выплачивала свой долгъ Маріи, такъ что въ общемъ у нихъ была возможность основать семью. Марія къ тому же очень усовершенствовалась въ раскрашиваніи жестянокъ, — ей платили четырнадцать центовъ за каждыя сто жестянокъ, а она изготовляла ихъ по двѣ въ минуту. Въ виду такого благополучія, она чувствовала себя наверху блаженства, и ея веселый смѣхъ и пѣніе слышны были всѣмъ сосѣдямъ.

Но ея знакомые покачивали головами и совѣтовали ей не слишкомъ полагаться на временную удачу: мало ли какія бываютъ случайности и несчастія. Марія не слушала ихъ и строила радужные планы, а когда дѣйствительно произошла катастрофа,— она пришла въ такое отчаяніе, что на нее жалко было глядѣть. Случилось, дѣйствительно, нѣчто ужасное: закрыли фабрику, на которой она работала. Этого Марія никакъ не могла предвидѣть— огромное заведеніе казалось ей незыблемымъ, вѣчнымъ, какъ свѣтила небесныя. А тутъ вдругъ конецъ,—сразу, безъ малѣйшаго предупрежденія. Въ одну субботу вывѣсили объявленіе, что послѣ работы всѣхъ разсчитываютъ по случаю прекращенія производства. Подруги объяснили Маріи, что послѣ праздниковъ наступило затишье, какъ это иногда случается, и что, можетъ быть, работы не будетъ до самаго лѣта. По слухамъ всѣ склады были переполнены товаромъ и на всѣхъ фабрикахъ разсчитали больше половины рабочихъ. Это значило, что нѣтъ заказовъ, такъ что безработица можетъ продолжиться очень долго.

— Вѣдь здѣсь все обманъ!—говорили Маріи ея подруги.— Ты, вотъ, радовалась, что заработываешь четырнадцать долларовъ въ недѣлю и можешь откладывать половину. Но всѣ твои сбереженія уйдутъ во время безработицы,—такъ что въ сущности заработокъ-то на половину меньше, чѣмъ кажется.

Марія вернулась домой, вся дрожа отъ негодованія. Чтобы употребить на что-нибудь свой избытокъ энергіи, она сначала предприняла генеральную чистку всего дома, а потомъ стала искать мѣста—безъ всякаго успѣха. Всѣ консервныя фабрики закрывались. Она пробовала искать мѣсто служанки въ трактирѣ или гдѣ-

нибудь въ семьѣ, но безъ знанія англійскаго языка ее никуда не принимали.

Застой въ дѣлахъ отозвался и на рабочихъ, служившихъ на бойняхъ. Но тамъ это сказывалось иначе, и, какъ вскорѣ убѣдился Юргисъ, съ еще бо̀льшимъ безучастіемъ къ интересамъ рабочихъ; ихъ не разсчитывали, но часы работы сокращались. Рѣзники обязаны были являться попрежнему въ семь часовъ, хотя скотъ приводили на бойню только часовъ въ одиннадцать, а иногда даже только въ послѣобѣденные часы. Имъ приходилось такимъ образомъ проводить безъ дѣла цѣлые часы въ температурѣ двадцати градусовъ ниже нуля, и когда наконецъ приводили скотъ, они едва могли начать работу окоченѣлыми отъ холода руками. А тогда сразу закипала работа и надзиратели принимались „подгонять". Бывали недѣли, когда Юргисъ приносилъ домой не болѣе шести долларовъ, такъ какъ оплаченной работы выходило не болѣе шести часовъ въ день, хотя онъ проводилъ весь день въ убойной камерѣ, поджидая привоза скота, иногда очень поздняго въ виду снѣжныхъ заносовъ на всѣхъ дорогахъ. Несмотря на всѣ просьбы, хозяева не соглашались ничего мѣнять и держали людей на холоду въ ожиданіи работы. Юргису пришлось провести на бойнѣ сочельникъ и въ первый день Рождества быть на мѣстѣ съ утра—въ ожиданіи возможнаго подвоза скота. И при этомъ рабочихъ немилосердно обсчитывали при платѣ денегъ. Одно изъ фабричныхъ правилъ заключалось въ томъ, что если рабочій опаздывалъ на минуту, у него высчитывали часъ работы, но если онъ начиналъ работать раньше назначеннаго часа,—ему ничего не платили за лишнее рабочее время. А между тѣмъ надзиратели нерѣдко сгоняли рабочихъ съ мѣста за четверть часа до свистка. Затѣмъ, за неполный часъ совсѣмъ не платили. Если человѣкъ работалъ полныхъ пятьдесятъ минутъ, но ему не хватало дѣла на остальныя десять минутъ, то за пятьдесятъ минутъ ему ничего не платили. Такъ что разсчетъ былъ всегда какой-то лотереей. Между рабочими и надзирателями шла открытая борьба: рабочіе старались растянуть время, надзиратели — сократить. Они-то, конечно, не были виноваты: они исполняли только инструкціи хозяевъ.

Теперь наконецъ Юргисъ сталъ понимать необходимость борьбы рабочихъ за свои права. Ему самому хотѣлось принять дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, и когда ирландецъ, членъ союза рѣзниковъ, вторично предложилъ ему примкнуть къ нимъ, онъ уже иначе отнесся къ его предложенію, чѣмъ въ первый разъ.—Вѣдь правда, — говорилъ онъ себѣ,—что, сплотивъ свои

силы, рабочіе могутъ одолѣть хозяевъ. И кому это первому пришло въ голову? Когда ему объяснили, что въ Америкѣ всегда такъ дѣлается, онъ впервые сталъ понимать, что̀ значитъ жить въ свободной странѣ. Ему объяснили организацію союза, и Юргисъ согласился стать членомъ. Не прошло и мѣсяца, какъ вся его семья присоединилась къ союзу; они носили свои членскіе значки съ особой гордостью и въ теченіе цѣлой недѣли чувствовали себя на седьмомъ небѣ: имъ казалось, что со вступленіемъ въ союзъ всѣмъ ихъ несчастьямъ конецъ. Но какъ разъ черезъ десять дней послѣ того, какъ и Марія вступила въ союзъ, закрылась ея фабрика. Этотъ ударъ сразилъ всю семью. Они не могли понять, почему союзъ не предотвратилъ бѣдствія. На первомъ же собраніи союза, на которое она пришла, Марія встала и произнесла громовую рѣчь по этому поводу. Собраніе было дѣловое и всѣ говорили по-англійски, но Маріи до этого не было дѣла. Она высказала все, что̀ у нея было на сердцѣ, не обращая вниманія на знаки предсѣдателя и на протесты въ залѣ. Помимо личнаго горя, она вся кипѣла негодованіемъ противъ эксплуатаціи рабочихъ и высказала свои взгляды на фабрикантовъ и на то, что ихъ дѣйствія принимаются безъ протеста. Кончивъ, она сѣла съ краснымъ отъ волненія лицомъ, а собраніе перешло къ текущимъ дѣламъ и занялось выборомъ новаго секретаря.

У Юргиса тоже вышло приключеніе на первомъ же собраніи, куда онъ попалъ,—но совершенно помимо его желанія. Онъ пришелъ съ тѣмъ, чтобы сидѣть въ сторонкѣ и посмотрѣть, что̀ тутъ дѣлается; но эта скромная поза сдѣлала его жертвой одного изъ ораторовъ, ирландца Финегана, который любилъ излагать свои своеобразныя общественныя теоріи, но никогда не могъ найти слушателей. Онъ схватилъ Юргиса за пуговицу и дыша ему прямо въ лицо, — это было весьма непріятно въ виду его испорченныхъ зубовъ, — сталъ ему говорить про духовъ и про ихъ вліяніе на рѣшеніе общественныхъ вопросовъ. Юргисъ испугался до того, что у него выступилъ холодный потъ на лбу, и онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать. Наконецъ кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ его испугъ и поспѣшилъ избавить его отъ приставшаго къ нему краснорѣчиваго ирландца. Юргисъ еще долго сидѣлъ забившись въ уголъ, боясь вторичнаго нападенія.

Но все-таки съ тѣхъ поръ Юргисъ не пропускалъ ни одного собранія. Онъ уже сталъ понимать по-англійски, а чего не понималъ—ему объясняли земляки. На собраніяхъ бывало очень шумно, — много людей говорили заразъ, на самыхъ разнообраз-

ныхъ англійскихъ нарѣчіяхъ, но ораторы были люди убѣжденные, искренніе, и Юргисъ очень волновался, слушая ихъ; вѣдь дѣло шло о защитѣ его же интересовъ. Прежде онъ никому не довѣрялъ, кромѣ членовъ собственной семьи, а теперь увидѣлъ, что у него есть товарищи, что ихъ общее спасеніе въ единеніи, и предстоящая борьба представлялась ему святымъ дѣломъ — крестовымъ походомъ. Юргисъ былъ равнодушенъ къ церкви, исполняя обряды только въ угоду женѣ и ея матери. А теперь онъ познаʌъ новую религію, которой отдался со всѣмъ рвеніемъ новообращеннаго. Онъ даже сталъ убѣждать другихъ литовцевъ, еще не вступившихъ въ союзъ, и когда они не сдавались на его доводы, онъ часто выходилъ изъ себя и готовъ былъ обратить ихъ въ спасительную вѣру при помощи кулаковъ.

IX.

Поступивъ въ союзъ, Юргисъ рѣшилъ научиться англійскому языку, чтобы понимать все, что происходитъ на собраніяхъ, и самому въ нихъ участвовать. Онъ началъ прислушиваться и учиться отъ кого только могъ, — въ особенности отъ дѣтей, научившихся въ школѣ свободно болтать по-англійски. Кромѣ того, Она читала ему вслухъ изъ книжки, которую одолжилъ ему одинъ пріятель. Потомъ Юргисъ захотѣлъ и самъ научиться читать и сталъ посѣщать вечерніе классы; каждый вечеръ онъ ходилъ въ школу хотя бы на полчаса, если не было больше времени. Тамъ его учили читать и писать—и научили бы еще многому другому, будь у него больше досуга.

Принадлежность къ союзу оказала вліяніе на Юргиса еще въ одномъ отношеніи: онъ сталъ присматриваться къ американской жизни, и ему понемногу выяснилось, что такое демократическое правленіе. Рабочій союзъ былъ своего рода маленькимъ государствомъ, республикой въ миніатюрѣ, гдѣ каждый принималъ участіе въ общихъ дѣлахъ. Другими словами, Юргисъ научился говорить о политикѣ. У себя на родинѣ онъ въ политику не вмѣшивался; на правительство и на его дѣйствія на родинѣ Юргиса смотрѣли какъ на грозу, на губительный градъ.— „Согни спину, притаись, братецъ,—говорили тамъ старики,—авось пройдетъ, не задѣвъ!“—И въ первое время по пріѣздѣ въ Америку Юргисъ думалъ, что и тутъ то же самое. И здѣсь все принадлежало богатымъ, а не имѣя работы, бѣдные люди такъ же голодали, какъ и тамъ, откуда онъ пріѣхалъ.

Послѣ того, какъ Юргисъ проработалъ недѣли три на фабрикѣ Дургэма, къ нему подошелъ во время обѣденнаго перерыва человѣкъ, служившій ночнымъ полицейскимъ, и спросилъ, не хочетъ ли онъ сдѣлаться американскимъ гражданиномъ. Онъ объяснилъ ему всѣ выгоды, которыя онъ могъ бы изъ этого извлечь. Во-первыхъ, это ему ровно ничего не будетъ стоить и сейчасъ же дастъ право не работать полъ-дня, не теряя платы за это время. А затѣмъ, когда настанетъ время выборовъ, онъ будетъ имѣть право голоса, а это весьма выгодная штука. Юргисъ, конечно, согласился; тогда полицейскій сказалъ нѣсколько словъ надзирателю, и Юргиса отпустили на весь день. Когда онъ просилъ отпуска на одинъ день по случаю свадьбы, ему отказали, а тутъ отпустили, да еще безъ вычета за пропущенные часы работы,—ему это показалось прямо-таки чудомъ. Юргисъ пошелъ за полицейскимъ, который по дорогѣ захватилъ съ собой еще нѣсколько новоприбывшихъ эмигрантовъ,—поляковъ, литовцевъ, словаковъ. Всѣхъ ихъ онъ усадилъ въ ожидавшій ихъ большой дилижансъ, запряженный четверкой лошадей. Тамъ уже сидѣли человѣкъ пятнадцать, двадцать. Ихъ прокатили по всему городу, угощали пивомъ и подвезли наконецъ къ огромному гранитному зданію. Тамъ ихъ ждалъ чиновникъ, уже приготовившій для всѣхъ документы,—нужно было только вписать имена. Каждый долженъ былъ принести присягу, т.-е. произнести какія-то непонятныя слова, и затѣмъ ему вручили очень внушительный документъ съ печатью и національнымъ гербомъ Соединенныхъ Штатовъ. Ему объявили затѣмъ, что онъ—гражданинъ американской республики, равный самому президенту.

Мѣсяца два спустя, тотъ же человѣкъ объяснилъ Юргису, куда онъ долженъ пойти записаться. А когда пришелъ день выборовъ, во всѣхъ фабрикахъ вывѣсили объявленія, что желающіе подавать голоса могутъ пойти и не возвращаться раньше девяти въ это утро. Тотъ же полицейскій забралъ Юргиса и остальныхъ, повелъ ихъ въ отдѣльную комнату въ ближайшемъ кабакѣ и объяснилъ процедуру подачи голосовъ. Затѣмъ онъ далъ каждому по два доллара и повелъ ихъ туда, гдѣ происходила подача голосовъ. Юргисъ очень гордился своей удачей,—а по дорогѣ домой онъ встрѣтилъ Іонаса, который разсказалъ, что онъ предложилъ полицейскому подать три раза свой голосъ за четыре доллара, и что его предложеніе было принято.

Товарищи по союзу объяснили Юргису всю эту непонятную для него организацію выборовъ. Онъ узналъ, что Америка отличается отъ его родины тѣмъ, что въ ней демократическій образъ

правленія. Чиновники, которые ею управляютъ и обираютъ населеніе въ свою пользу, — выборные. Существуютъ двѣ соперничающія компаніи грабителей — это такъ называемыя политическія партіи. Какой партіи удастся купить больше голосовъ, та и захватываетъ власть. Иногда борьба очень обостряется, и тогда начинаютъ ухаживать за бѣдными людьми. Въ фабричномъ районѣ это случается только при общегосударственныхъ выборахъ, въ мѣстныхъ же демократическая партія все равно всегда побѣждаетъ.

Въ фабричномъ районѣ хозяйничалъ демократъ — маленькій ирландецъ Скелли, — видный человѣкъ въ своей партіи. Онъ очень гордился своимъ положеніемъ и говорилъ, что можетъ всѣхъ купить. Онъ былъ страшно богатъ, такъ какъ имѣлъ крупную долю въ грабительствѣ, которое совершалось въ фабричномъ районѣ. Ему принадлежало огромное мѣсто для свалки нечистотъ въ сосѣдствѣ съ фабриками, а также и кирпичный заводъ, построенный тамъ: онъ сначала бралъ оттуда глину и дѣлалъ кирпичи, затѣмъ заставлялъ городъ сваливать туда мусоръ, чтобы заполнить ямы; а на выровненной почвѣ онъ строилъ дома и продавалъ ихъ бѣднякамъ на мошенническихъ условіяхъ. Ему же принадлежалъ прудъ со стоячей водой рядомъ съ свальнымъ мѣстомъ. Тамъ онъ кололъ ледъ. Кирпичи же онъ продавалъ городу по установленной имъ же цѣнѣ, и они увозились съ завода на счетъ города. Всѣ постройки на его землѣ дѣлались городскими рабочими на счетъ города, а когда какая-нибудь изъ его продѣлокъ становилась извѣстной, и о ней начинали говорить въ газетахъ, онъ всегда находилъ кого-нибудь, кто бралъ вину за себя — за соотвѣтственную плату — и потомъ исчезалъ. Онъ умѣлъ выходить всегда сухимъ изъ воды, — да и никому не хотѣлось ссориться съ Мэйкомъ Скелли. Одного его слова или записки за его подписью было достаточно, чтобы найти работу на любой фабрикѣ, и у него самого было много рабочихъ; они работали не больше восьми часовъ въ день и за очень хорошую плату. Поэтому у него было много сторонниковъ, и всѣ они состояли членами основанной имъ политической лиги. Она имѣла отличное помѣщеніе и тамъ устраивались состязанія на призы, бои пѣтуховъ и даже собачьи бои. Всѣ полицейскіе въ околоткѣ принадлежали къ лигѣ Скелли и членовъ ея называли „краснокожими“. Въ дни выборовъ они ходили сотнями по улицамъ, съ карманами, набитыми деньгами, и съ правомъ пить сколько угодно даромъ во всѣхъ кабакахъ. Говорили, что всѣ кабатчики были тоже „краснокожіе“, — иначе имъ закрывали бы ихъ заведенія по

воскресеньямъ и не допускали бы никакихъ азартныхъ игръ. Вся пожарная часть была тоже въ рукахъ у Скелли, и вообще все, изъ чего можно было извлечь пользу. Всѣ должности въ округѣ, инспекторы водопроводовъ, смотрители улицъ и тротуаровъ заняты были „краснокожими", и всѣ торговцы старались ладить съ Скелли, чтобы не подвергаться постояннымъ штрафамъ.

Даже собственники скотныхъ дворовъ боялись Скелли, и рабочіе этимъ до нѣкоторой степени гордились; Скелли былъ свой человѣкъ, и во время выборовъ хвасталъ своимъ происхожденіемъ изъ простого класса. Нуженъ былъ очень, напримѣръ мостъ на Ашлэндъ-Авенью, но хозяева скотныхъ дворовъ не могли добиться этого, пока не вошли въ соглашеніе съ Скелли. Точно также относительно „Шипучей рѣчки". Городъ хотѣлъ заставить фабрикантовъ засыпать ее, и опять-таки ихъ выручилъ Скелли. „Шипучей рѣчкой" называли рукавъ рѣки Чикаго, составлявшій южную границу скотныхъ дворовъ. Туда стекали отбросы фабрикъ, и такъ какъ вода въ рѣкѣ была стоячая, то грязь тамъ оставалась уже навсегда. Жиръ и химическіе составы, попадавшіе туда, подвергались всевозможнымъ реакціямъ, и вода была въ состояніи постояннаго кипѣнія. Оттуда и названіе „Шипучей рѣчки". На поверхности ея постоянно лопались пузыри углерода. Въ иныхъ мѣстахъ жиръ и грязь сгущались въ нѣчто вродѣ лавы, на которой разгуливали цыплята. Иногда туда проваливались прохожіе, незнакомые съ мѣстностью. Случалось, что поверхность рѣки загоралась, и пожарные пріѣзжали тушить. Кто-то разъ сталъ снимать жиръ, покрывавшій рѣчку, и топить сало. По настоянію фабрикантовъ, дѣлать это было воспрещено всѣмъ, кромѣ фабрикантовъ.

Существовали еще бòльшія злоупотребленія: на фабрикахъ были потайныя трубы, которыми у города крали милліарды ведеръ воды. Газеты подняли-было шумъ, но дѣло было затушено, и кража воды продолжалась попрежнему. Но самое ужасное — это былъ способъ изготовленія мясныхъ консервовъ. Населеніе Чикаго знало, что на фабрикахъ есть правительственные инспекторы, и видѣло въ этомъ гарантію доброкачественности продуктовъ. Но всѣ какъ-то забыли, что эти сто-шестьдесятъ-три инспектора назначены были по просьбѣ самихъ фабрикантовъ. Они состояли на жалованьи у Соединенныхъ-Штатовъ только для успокоенія другихъ странъ. Они свидѣтельствовали, что порченное мясо не вывозится, а остается въ самой странѣ. Этимъ исчерпывались ихъ обязанности, а также права. Они были отвѣтственны за

доброкачественность консервовъ, предназначенныхъ для вывоза; такъ было совершенно опредѣленно сказано въ правилахъ наблюденія за скотными дворами и фабриками консервовъ. А что касается осмотра мяса для внутренней торговли, то этимъ завѣдывали три члена мѣстной политической партіи. Одинъ изъ нихъ, врачъ по профессіи, увидѣлъ разъ, какъ завѣдомо туберкулезную тушу везли на продажу въ городъ, и потребовалъ, чтобы злокачественныя туши вспрыскивались по крайней мѣрѣ керосиномъ для дезинфекціи. За это его сейчасъ же отставили отъ должности. Возмущенные владѣльцы скотныхъ дворовъ потребовали, чтобы городъ уничтожилъ инспекціонное бюро, и съ тѣхъ поръ уже никто не вмѣшивался въ ихъ дѣла. Говорили, что хозяева дворовъ уплачивали до двухъ тысячъ долларовъ въ недѣлю за пропускъ туберкулезныхъ бычачьихъ тушъ. И столько же—за свиней, павшихъ отъ холеры по дорогѣ на бойни; ихъ каждый день отправляли цѣлыми вагонами въ городъ Глобъ въ Индіанѣ для выдѣлки сала.

Обо всемъ этомъ Юргисъ узнавалъ изъ разговоровъ съ рабочими, очевидцами ужасовъ, происходящихъ на консервныхъ фабрикахъ. Одинъ литовецъ, рѣзникъ на той фабрикѣ, гдѣ работала Марія, разсказывалъ, что у нихъ спеціально скупаютъ для консервовъ больной, искалѣченный скотъ. Для скупки его имѣются особые агенты, разъѣзжающіе по всей Америкѣ. На бойни приводятъ, напримѣръ, быковъ, вскормленныхъ отбросами изъ пивоваренъ; они ужасны на видъ, такъ какъ покрыты нарывами, которые лопаются, когда въ нихъ всадить ножъ. Гной брызжетъ въ лицо, рѣзникъ не имѣетъ даже возможности утереться,—рукава рубахи у него въ крови. И вотъ изъ этого отвратительнаго мяса приготовляютъ консервы для войскъ, и отъ него въ Соединенныхъ-Штатахъ погибло вдвое больше солдатъ, чѣмъ отъ испанскихъ пуль, — тѣмъ болѣе, что въ армію доставлялись даже не свѣжіе консервы, а старые, лежавшіе въ погребахъ уже нѣсколько лѣтъ.

Разъ въ воскресенье вечеромъ, куря трубку въ кухнѣ, у печки, Юргисъ разговорился съ однимъ старымъ рабочимъ, пришедшимъ въ гости къ Іонасу; онъ узналъ отъ него много любопытнаго про знаменитые по всей странѣ консервы Дургэма. Оказалось, что фабриканты—настоящіе алхимики. Они продаютъ, напримѣръ, грибные экстракты, а рабочіе, изготовляющіе ихъ, никакихъ грибовъ и въ глаза не видятъ. Или же они пускаютъ въ продажу „консервы изъ цыплятъ“, которые дѣлаются изъ бычачьихъ кишекъ, свиного сала, бычачьяго жира, потроховъ и

обрѣзковъ телятины, если таковые имѣются. Смѣсь дѣлается въ различныхъ пропорціяхъ и продается по различнымъ цѣнамъ, причемъ составъ всегда одинъ и тотъ же. И то же самое относительно „консервовъ изъ дичи“, „консервовъ изъ рябчиковъ“ и т. д. Все приготовляется изъ потроховъ, окрашенныхъ химически въ какой угодно цвѣтъ, изъ картофельной шелухи, обрѣзковъ ветчины, всяческихъ другихъ отбросовъ—и приправляется разными пряностями для вкуса. За изобрѣтеніе новой поддѣлки Дургэмъ готовъ заплатить очень много, — но ужъ гдѣ тамъ придумать что-нибудь новое для фабрики, гдѣ столько людей работало въ этомъ направленіи много лѣтъ и гдѣ ничѣмъ не брезгали для мошенническихъ цѣлей, предпочитая туберкулезный скотъ здоровому, потому что онъ скорѣе жирѣетъ, скупая прогорклое масло и химически устраняя его запахъ, дѣлая консервы изъ конины и козлятины, которыя выдавались за баранину!

Другая печальная сторона мясного дѣла заключалась въ болѣзняхъ рабочихъ. Когда Юргисъ осматривалъ въ первый день скотные дворы съ Шедвилой, онъ поражался разнообразіемъ производствъ, связанныхъ съ бойнями; теперь же онъ увидѣлъ, что каждая отдѣльная отрасль мясной торговли—своего рода адъ въ миніатюрѣ, не менѣе ужасный чѣмъ центръ и источникъ всего—бойни. Въ каждой отдѣльной мастерской свирѣпствовала своя спеціальная болѣзнь, и если посѣтитель могъ еще сомнѣваться въ мошенническихъ пріемахъ производства, невидимыхъ для постороннихъ, то въ болѣзняхъ рабочихъ сомнѣнія быть не могло: каждый носилъ явные признаки отравленія на своемъ тѣлѣ; достаточно иногда было взглянуть на ихъ руки, чтобы придти въ ужасъ.

Въ коптильняхъ, гдѣ заболѣлъ старикъ Антонъ, рабочіе были всѣ въ язвахъ. Стоило тамъ оцарапать себѣ руку, вывозя повозки съ мясомъ, чтобы образовалась язва, иногда сводившая въ могилу. Всѣ сочлененія были изъѣдены кислотами. Рѣзники большей частью не могли двигать большимъ пальцемъ; отъ постоянныхъ порѣзовъ онъ превращался въ безформенный комокъ мяса. Всѣ они теряли ногти въ работѣ надъ тушами, а суставы рукъ вспухали такъ, что пальцы были растопырены какъ вѣеръ. Въ помѣщеніяхъ для варки мяса всѣ болѣли ревматизмомъ и очень многіе умирали отъ чахотки. Была еще другая страшная работа: носить туши въ двѣсти фунтовъ въ холодильники. Работа начиналась въ четыре часа утра, и самый сильный рабочій не выдерживалъ ее больше чѣмъ два-три года. Ужасной работой было также сниманіе шерсти съ овечьихъ тушъ: кислоты, которыми

при этомъ мочили шерсть, съѣдали пальцы. У рабочихъ, готовившихъ жестянки для консервовъ, руки были сплошь изрѣзаны, и каждый порѣзъ могъ повлечь за собой зараженіе крови. Были рабочіе, приводившіе въ дѣйствіе штемпельныя машины, и быстрота работы нагонялась такая, что при малѣйшей неосмотрительности у рабочаго отрубало кусокъ руки. Другіе рабочіе нажимали рычагъ, поднимающій убитую тушу съ пола. Они должны были бѣжать вдоль галереи и все время глядѣть внизъ, сквозь паръ высматривая туши. Чтобы не стукаться о балки надъ головами, они ходили согнувшись и пріобрѣтали сгорбленную поступь; черезъ нѣсколько лѣтъ такой работы они ходили какъ шимпанзе. Но хуже всего было рабочимъ по изготовленію искусственнаго удобренія и затѣмъ работавшимъ въ отдѣленіи для варки мяса. Ихъ посѣтителямъ не показывали, потому что запахъ человѣка, приготовлявшаго искусственное удобреніе, былъ невыносимъ на разстояніи ста ярдовъ. А что касается тѣхъ, которые работали въ комнатахъ для варки, въ густыхъ клубахъ пара, причемъ иногда у самыхъ дверей стояли чаны съ кипяткомъ, то ихъ главной заботой было не упасть въ какой-нибудь изъ этихъ чановъ. А когда случалось, что они все-таки попадали, то оттуда извлекали ужъ только небольшія частицы ихъ. Иногда ихъ оставляли тамъ цѣлыми днями,—и тогда все въ нихъ, кромѣ костей, шло на изготовленіе знаменитаго „Дургэмовскаго чистаго сала".

X.

Въ началѣ зимы семья Юргиса имѣла достаточно денегъ, чтобы жить, не голодая, и выплачивать часть долговъ; но когда заработки Юргиса упали съ десяти долларовъ въ недѣлю до пяти или шести, то уже ничего не оставалось сверхъ самаго необходимаго. Къ веснѣ стало совсѣмъ плохо; Марія была тоже въ отчаяніи, потому что ея фабрика все еще была закрыта, и почти всѣ ея сбереженія ушли. О свадьбѣ уже не могло быть и рѣчи. Она не могла оставить родныхъ въ нуждѣ,—но и такъ она боялась стать имъ теперь обузой. Когда у нея уже выйдутъ всѣ деньги, то имъ придется содержать ее въ уплату ихъ долга ей. Юргисъ, Она и тетя Ельзбета все совѣтовались, думали, но совсѣмъ не могли придумать, какъ справиться со всѣми несчастіями, которыя одно за другимъ обрушивались на нихъ.

Каждый день являлись совершенно непредвидѣнные расходы. Вдругъ, напримѣръ, замерзли водопроводныя трубы, а когда тетя

Ельзбета стала по неопытности грѣть ихъ, чтобы онѣ оттаяли, то весь домъ залило водой. Пришлось позвать водопроводчика, который потребовалъ съ нихъ семьдесятъ-пять центовъ въ часъ для себя, столько же для человѣка, который пришелъ съ нимъ и смотрѣлъ, какъ онъ работалъ, да еще поставилъ имъ въ счетъ какіе-то матеріалы. Потомъ, когда въ январѣ тетя Ельзбета пошла платить агенту, онъ сказалъ, что они должны застраховать домъ на свой счетъ, что̀ будетъ стоить семь долларовъ. Въ тотъ же вечеръ Юргисъ пришелъ къ агенту очень сердитый и попросилъ сказать ему наконецъ, какіе еще поборы будутъ съ нихъ взиматься.—Вѣдь ужъ условіе подписано, такъ можно говорить безъ опасенія,—прибавилъ Юргисъ съ горькой усмѣшкой. Агентъ не обидѣлся его тономъ и спокойно отвѣтилъ, что они должны платить каждый годъ страховку и затѣмъ около десяти долларовъ въ годъ налоговъ, и уже больше ничего сверхъ мѣсячныхъ взносовъ и процентовъ. Конечно, можетъ еще случиться, что городъ рѣшитъ устроить канализацію, и тогда всѣ хозяева должны участвовать въ расходахъ.

Юргисъ пошелъ домой, нѣсколько облегченный тѣмъ, что ужъ хоть не предстоитъ никакихъ неожиданностей. Онъ теперь ясно видѣлъ, что они попались, и рѣшилъ, что нужно бороться и не поддаваться.

Пришла весна, избавившая ихъ отъ стужи. Но оказалось, что тепло принесло въ свою очередь новыя бѣдствія. Каждое время года оказывалось источникомъ особыхъ испытаній. Весной приходилось плохо отъ холодныхъ дождей, превращавшихъ улицы въ непролазныя лужи. Нельзя было идти на работу, не промочивъ себѣ ногъ, и это было въ особенности тяжело для женщинъ и дѣтей. А потомъ наступало лѣто, страшная духота, превращавшая бойни у Дургэма въ настоящій адъ,—иногда по нѣскольку человѣкъ въ день умирали отъ солнечнаго удара. Весь день текли рѣки горячей, дымящейся крови, и смрадъ ея подъ палящими лучами солнца могъ сразить на мѣстѣ. Всѣ застарѣлые запахи разливались въ воздухѣ отъ зноя: въ бойняхъ никогда не мыли стѣнъ и потолковъ, и грязь накоплялась годами. Рѣзники пропитывались насквозь этимъ страшнымъ смрадомъ и уносили его съ собой. Запахъ рѣзника чувствовался на пятидесяти футахъ разстоянія. Содержать себя въ чистотѣ не было никакой возможности, и самые опрятные рабочіе должны были въ концѣ концовъ примириться съ грязью. Негдѣ было даже вымыть рукъ, и часто приходилось обѣдать съ запачканными кровью руками. Во время работы нельзя было вытереть лица,—некогда и нечѣмъ.

А когда лицо покрывалось потомъ, то его облѣпляли мухи, которыя здѣсь лѣтомъ были положительно египетской казнью, и въ домахъ, и на фабрикахъ. Лѣтомъ работа шла такъ же безостановочно, какъ и зимой, и рабочее населеніе никогда въ глаза не видѣло свѣжей зелени, не дышало свѣжимъ воздухомъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ нихъ были голубыя воды Мичиганскаго озера, но онѣ были такъ же недоступны имъ, какъ еслибы были на другомъ краю свѣта. Въ воскресенье рабочіе были слишкомъ измучены для далекихъ прогулокъ, а всю недѣлю у нихъ не было ни одного свободнаго часа.

Въ концѣ весны фабрика, на которой работала Марія, снова возобновила производство. Опять стало раздаваться веселое пѣніе Маріи, и музыка Тамошиса звучала менѣе меланхолично. Но это не долго длилось — черезъ два мѣсяца въ жизни Маріи произошла катастрофа: ей отказали отъ мѣста. Произошло это очевидно оттого, что Марія слишкомъ выдѣлялась на собраніяхъ въ рабочемъ союзѣ своими мятежными рѣчами и возстановляла своихъ земляковъ противъ фабрикантовъ. Объ этомъ фабричная инспекція знала черезъ своихъ шпіоновъ, которые аккуратно доносили о всемъ, что дѣлалось въ рабочей средѣ. Непріятности начались у Маріи изъ-за того, что ее разъ обсчитали, не доплативъ за триста раскрашенныхъ жестянокъ. Она подняла скандалъ. Научившись уже свободно говорить по-англійски, она энергично поругалась съ надзирательницей. Когда и на слѣдующую недѣлю повторилась та же исторія,— Марія была увѣрена, что надзирательница не просто ошибается, а нарочно обсчитываетъ ее,—она пожаловалась завѣдующему отдѣленіемъ, хотя ей совѣтовали промолчать и покориться. Завѣдующій сказалъ, что справится, но былъ съ ней очень суровъ,—и въ концѣ слѣдующей недѣли надзирательница заявила ей, что фабрика не нуждается больше въ ея работѣ. Марія была ошеломлена и прямо не хотѣла вѣрить своимъ ушамъ. Она стала браниться, грозить, что никого не пуститъ на свое мѣсто, на которомъ работала болѣе года, но, конечно, ея бѣшенство ни къ чему ни привело. Видя свое безсиліе, она сѣла на полъ среди комнаты и стала громко рыдать.

Этотъ новый ударъ случился какъ разъ въ самое неподходящее время, такъ какъ у Оны ожидался ребенокъ, и Юргисъ старался отложить хоть немного денегъ на ея роды. Онъ слыхалъ всякіе ужасы про мѣстныхъ бабокъ и рѣшилъ призвать къ Онѣ настоящаго доктора, сколько бы это ни стоило, и хотя бы ему пришлось голодать самому, чтобы уплатить доктору. У Маріи

оставалось всего около двадцати-пяти долларовъ; она ходила повсюду просить работы, но совершенно не надѣялась на удачу. Она могла работать не хуже сильнаго мужчины, когда все было благополучно, но упадокъ духа подкосилъ ея физическія силы. Ей дорого достался первый жизненный опытъ. Она теперь поняла—и вся ея семья вмѣстѣ съ нею,—что здѣсь нельзя давать волю своимъ чувствамъ. Если досталъ человѣкъ работу, то ужъ долженъ не упускать ее, что бы ни случилось.

Прошелъ мѣсяцъ, и она все еще была безъ мѣста. За это время она прекратила взносы въ союзъ, проклиная день, когда на свою бѣду вступила въ него. Наконецъ, уже недѣль черезъ пять, она получила мѣсто на бойняхъ, — ей поручили счищать мясо съ бычачьихъ костей. Это была мужская работа, и ее взяли потому, что у нея были мускулы какъ у мужчины, а платить ей нужно было гораздо меньше. Она оказалась выгоднымъ пріобрѣтеніемъ для хозяевъ. Прежде Марія отказалась бы отъ той работы, какую ей дали на новомъ мѣстѣ; ее именно приставили къ работѣ надъ больными тушами. Ее запирали въ одномъ изъ тѣхъ помѣщеній, куда никогда не проникалъ дневной свѣтъ. Подъ нею были холодильни, гдѣ замораживали мясныя туши, а надъ ея головой были помѣщенія для варки мяса, такъ что она стояла весь день на холодномъ какъ ледъ полу, а головѣ было такъ жарко, что она едва могла дышать. Работа же ея заключалась въ томъ, что она съ утра до поздняго вечера срѣзывала съ костей мясо сотнями фунтовъ, съ постояннымъ страхомъ лишиться работы во время застоя производства, и работая за ту же плату много лишнихъ часовъ въ горячее время. Напряженность работы была такая, что отъ нервности и спѣшки легко было ежеминутно порѣзаться и погибнуть отъ зараженія крови. Таковы были условія работы Маріи, но она не унывала и была весела. Она могла теперь опять платить за свое содержаніе и еще помогать своимъ, а все остальное ее не безпокоило. Что касалось свадьбы, то вѣдь они такъ долго ждали, что не бѣда подождать еще немного. На одно жалованье Тамошиса они вѣдь не могли прожить, и кромѣ того родные ея не могутъ обойтись безъ ея помощи. Тамошисъ приходилъ къ Маріи по вечерамъ, сидѣлъ въ кухнѣ, держа ее за руку, и долженъ былъ этимъ довольствоваться. Но съ каждымъ днемъ музыка его становилась все болѣе страстной и печальной, а Марія иногда слушала его, сжавъ руки, съ мокрыми отъ слезъ щеками и дрожа всѣмъ тѣломъ,—ей слышался въ его печальныхъ мелодіяхъ плачъ неродившихся дѣтей, взывающихъ къ ней о жизни.

Печальный опытъ Маріи послужилъ урокомъ и для Оны. Она тоже была недовольна своимъ мѣстомъ—и съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ Марія. Чтобы не мучить напрасно Юргиса, она не разсказывала ему о томъ, что ей приходилось терпѣть. Оказалось, что невзлюбившая ее надзирательница, миссъ Гендерсонъ, была очень темной личностью. Она состояла прежде въ связи съ управляющимъ одного изъ отдѣленій фабрики, и онъ доставилъ ей мѣсто надзирательницы, чтобы избавиться отъ нея. Но это ему не удавалось. Она устраивала ему и теперь сцены, и ссоры ихъ слышны были въ мастерскихъ. Она была очень злая, сварливая женщина и бушевала въ своемъ отдѣленіи съ утра до вечера. Нѣкоторыя работницы угождали ей, доносили на другихъ, такъ что тамъ всегда былъ настоящій адъ. Но хуже всего было то, что у нея, кромѣ мѣста на фабрикѣ, былъ еще другой источникъ дохода. Она имѣла пріятеля, пьянаго ирландца; они вдвоемъ содержали въ городѣ притонъ и сманивали туда работницъ. Иногда жилицы притона поступали на фабрику и работали рядомъ съ честными дѣвушками,—часто даже честныхъ дѣвушекъ смѣщали, чтобы освободить мѣсто для тѣхъ. Работая въ мастерскихъ, нельзя было не помнить о домѣ въ городѣ, такъ какъ все здѣсь находилось въ связи съ тѣмъ, что происходило тамъ. Работницы постоянно говорили о „городскомъ домѣ“ и поглядывали при этомъ на непосвященныхъ. Еслибы не призракъ нищеты и безработицы, Она бы сама не оставалась на такомъ мѣстѣ,—а теперь, напротивъ того, она же боялась, что ей откажутъ. Она теперь поняла, что миссъ Гендерсонъ дурно относится къ ней, потому что она честная замужняя женщина, и что по той же причинѣ ее не любятъ всѣ остальныя работницы. Но она знала, что на всѣхъ фабрикахъ происходитъ то же самое, что вездѣ продажной женщинѣ безконечно легче удержаться на мѣстѣ, чѣмъ честной работницѣ. На фабрикахъ работали нищія женщины, жизнь которыхъ была во власти грубыхъ людей, ничѣмъ не отличавшихся отъ прежнихъ работорговцевъ. Полное растлѣніе нравовъ было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такихъ условій, и на всѣхъ фабрикахъ происходили ужасы, которыми даже никто не возмущался. Они казались нормальнымъ явленіемъ. Это только не такъ бросалось въ глаза, какъ торговля неграми, въ виду того, что рабыни не отличались по цвѣту кожи отъ рабовладѣльцевъ.

Наступило утро, когда Она не могла пойти на работу. Юргисъ призвалъ доктора, и жена его родила здороваго мальчика. Юргисъ прямо не вѣрилъ своему счастью, глядя на пре-

лестнаго ребенка съ черными глазами. Съ этого дня онъ окончательно превратился въ примѣрнаго семьянина, и уже совсѣмъ не ходилъ послѣ работы пить въ кабакъ, а проводилъ все свободное время дома, мечтая о томъ, какъ сынъ его выростетъ и будетъ болѣе счастливъ въ жизни, чѣмъ его отецъ. Юргисъ гордился своимъ ребенкомъ и въ первое время относился къ уходу за нимъ какъ къ священнодѣйствію. Ему бы хотѣлось няньчить ребенка самому,—но это было невозможно. Онъ даже рѣдко видѣлъ своего сына. Ребенокъ уже спалъ, когда онъ возвращался съ работы, а утромъ онъ тоже едва успѣвалъ взглянуть на него передъ уходомъ на фабрику; только воскресенья онъ могъ посвящать своему ребенку. Но еще печальнѣе было то, что и Она не имѣла возможности кормить ребенка и няньчить его;—она должна была уходить на работу, оставляя маленькаго Антошу на попеченіе тети Ельзбеты, которая кормила его жидкой синеватой отравой, покупаемой въ лавочкѣ подъ названіемъ молока. Послѣ родовъ Она пробыла дома одну только недѣлю. Ей бы отказали отъ мѣста за большую отлучку, а это было бы страшнымъ несчастьемъ именно теперь, когда у нихъ увеличились расходы изъ-за ребенка. Они чувствовали на себѣ теперь бо́льшую отвѣтственность—нужно вѣдь обезпечить сыну лучшее существованіе, чѣмъ ихъ, и поэтому нужно было работать еще съ удвоеннымъ усердіемъ, чтобы успѣшно бороться противъ враждебныхъ жизненныхъ обстоятельствъ.

Поэтому Она и поспѣшила вернуться къ работѣ, не успѣвъ какъ слѣдуетъ оправиться. Этимъ она сразу же нажила внутреннюю болѣзнь—одно изъ множества недомоганій, обычныхъ у женщинъ рабочаго класса. Она даже не знала, въ чемъ сущность ея болѣзни, потому что никогда не лечилась у спеціалиста. Но она страдала отъ головныхъ болей, и когда приходилось идти на работу въ дождь, у нея сильно болѣла спина и становилось дурно. Большинство женщинъ, работавшихъ на фабрикахъ, страдали тѣми же болѣзнями, и ни одна не обращалась изъ-за этого къ доктору. Какъ и другія, Она пробовала лечиться разными патентованными лекарствами, а такъ какъ они всегда приготовлялись съ примѣсью наркотическихъ средствъ или алкоголя, то на время помогали и придавали надежды на полное выздоровленіе.

XI.

Лѣтомъ работа на фабрикѣ снова закипѣла во всю, и Юргисъ сталъ опять больше заработывать. Но все-таки заработки его уменьшились сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, потому что хозяева стали нанимать больше рабочихъ, съ тѣмъ чтобы продержать ихъ до слѣдующаго застоя въ производствѣ. Благодаря этой системѣ заработки каждаго отдѣльнаго рабочаго понижались, но почти все рабочее населеніе Чикаго научалось фабричной работѣ, и въ случаѣ стачки всегда было достаточное количество новыхъ рабочихъ силъ.

Но увеличенное количество рабочихъ рукъ ничуть не облегчало работу. Смотрители всячески подгоняли скорость работы и придумывали разные способы навалить какъ можно больше дѣла на каждаго въ отдѣльности. То они нанимали новыхъ силачей, которые „подгоняли“ работу за высокую плату, то ставили новыя машины, требовавшія ускоренной работы. Закалываніе свиней шло опредѣленнымъ темпомъ, и темпъ этотъ незамѣтно усиливали, ускоряя ходъ часоваго механизма, который регулировалъ работу. Поштучную работу тоже ускоряли, ухитряясь въ то же время уменьшать плату за нее въ виду большей скорости производства. Эта система доводила рабочихъ иногда до взрыва отчаянія. Черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ Маріи отказали отъ мѣста на ея бывшей фабрикѣ, жалованье работницамъ урѣзали на половину; онѣ взбунтовались, вышли всей толпой на улицу и подняли шумъ. Одна изъ работницъ гдѣ-то читала, что въ такихъ случаяхъ носятъ красный флагъ; она привѣсила красную тряпку къ палкѣ, и вся компанія помчалась по улицамъ съ криками негодованія. Но эта стачка ни къ чему не привела, такъ какъ на слѣдующее утро цѣлая толпа другихъ работницъ готова была замѣстить взбунтовавшихся. И въ концѣ концовъ дѣвушка, которая ходила съ краснымъ флагомъ, поступила куда-то въ большой магазинъ въ городѣ, съ жалованьемъ въ два съ половиной доллара въ недѣлю.

Юргисъ и Она съ ужасомъ слѣдили за всѣмъ этимъ, боясь несчастія и для себя. Уже шли слухи о томъ, что у Дургэма плату рабочимъ на бойняхъ хотятъ понизить до пятнадцати центовъ въ часъ, и Юргисъ уже зналъ, что плата устанавливается одна для всѣхъ фабрикъ, такъ какъ это вовсе не отдѣльныя

предпріятія, а одинъ большой „скотопромышленный трёстъ", державшій все въ своихъ рукахъ.

Одна только Марія была опять въ самомъ лучшемъ настроеніи. Она усовершенствовалась въ своей работѣ, и положеніе ея было твердое, въ виду ея исключительной работоспособности. У нея опять завелись деньги. За лѣто Юргисъ и Она выплатили ей все, что были должны, и у нея лежали деньги въ банкѣ. У Тамошиса тоже уже былъ банковый счетъ, и они опять стали разсчитывать и мечтать о возможности свадьбы. Но оказалось, что и богатство влечетъ за собой большія заботы. Марія въ скоромъ времени убѣдилась въ этомъ. Всѣ ея деньги лежали въ банкѣ на Ашлэндъ-Авеню. Она не знала, что это за банкъ и можно ли довѣрить ему свои сбереженія,—она видѣла только, что зданіе банка—очень большое и внушительное. Все-таки она постоянно дрожала за свой капиталъ, и утромъ, по дорогѣ на фабрику, проходила всегда мимо банка, чтобы удостовѣриться, что все обстоитъ благополучно. Больше всего она боялась пожара, такъ какъ внесла деньги банковыми билетами и думала, что если онѣ сгорятъ, то банкъ не выдастъ ей другихъ. Юргисъ смѣялся надъ ней и объяснилъ ей, что у нихъ имѣются несгораемые шкапы; но она ничего не поняла и продолжала тревожиться.

И вдругъ, когда она разъ проходила мимо банка рано утромъ, она къ ужасу своему увидѣла стоявшую тамъ толпу народа, и вся похолодѣла отъ страха. Она бросилась въ толпу, спрашивая, въ чемъ дѣло, и узнала, что „ломятся въ банкъ". Въ чемъ дѣло— неизвѣстно, такъ какъ банкъ откроется только черезъ три часа. Марія стала спрашивать, выдадутъ ли ей ея деньги, но этого ей не могли сказать; можетъ быть, и не выдадутъ—сколько вѣдь тутъ вкладчиковъ собралось требовать деньги обратно. Марія въ ужасѣ стала проталкиваться черезъ толпу, чтобы стать одной изъ первыхъ у дверей, но потомъ вспомнила, что не взяла съ собой чековой книжки, и помчалась домой. Черезъ полчаса она уже опять была на мѣстѣ вмѣстѣ съ тетей Ельзбетой; имъ пришлось стать въ хвостѣ длиннаго ряда людей. Человѣкъ пятьдесятъ полицейскихъ слѣдили за порядкомъ. Съ девяти часовъ банкъ открылся, и началась выплата вкладовъ; цѣлый день до закрытія тянулся рядъ ожидавшихъ на дождѣ и холодѣ людей,— ихъ было нѣсколько тысячъ. Марія рѣшила, что не уйдетъ, пока не получитъ денегъ,—и рѣшила стоять ночь. Юргисъ принесъ ей вечеромъ поѣсть и теплый платокъ, чтобы укрыться на ночь. Но такъ какъ и вся остальная толпа не уходила, то къ утру Марія не подвинулась ближе къ дверямъ. Къ утру собралась

еще большая толпа и пришло больше полицейскихъ изъ города. Марія получила свой вкладъ только уже поздно послѣ полудня на слѣдующій день. Когда она получила деньги въ серебряныхъ долларахъ и завязала ихъ въ платокъ, весь ея страхъ исчезъ, и ей захотѣлось сейчасъ же положить деньги обратно. Но человѣкъ у кассы былъ очень сердитъ и сказалъ, что отъ тѣхъ, кто взяли назадъ деньги, не примутъ вкладовъ. Отойдя отъ кассы съ деньгами, Марія стала еще больше бояться, чтобы ее не ограбили. Дома она зашила деньги въ платье и пошла съ этой тяжестью на фабрику—въ ужасѣ, что она уже потеряла свое мѣсто. Но, къ счастью, ей не отказали, такъ какъ около десяти процентовъ рабочихъ всего района были вкладчиками этого банка и не пришли на работу во время переполоха. Всѣхъ разсчитать не хотѣли, и рѣшили оставить дѣло безъ послѣдствій. Причиной паники была попытка полицейскаго арестовать пьянаго въ кабакѣ рядомъ съ банкомъ. Рабочіе, проходившіе мимо по дорогѣ на фабрики, стали останавливаться и глазѣть; собралась толпа—и такимъ образомъ возникла тревога.

Около того же времени у Юргиса и Оны тоже поправились обстоятельства. Они отдали весь долгъ Іонасу и Маріи, выплатили за мебель и имѣли еще кое-что въ банкѣ. Пока каждый изъ нихъ приносилъ домой долларовъ по десяти въ недѣлю, жаловаться было нечего—хватало на все. Затѣмъ наступили опять выборы, и Юргисъ заработалъ въ одинъ день половину недѣльнаго жалованья. Выборы были очень бурные, и каждая изъ двухъ партій старалась привлечь на свою сторону рабочихъ; устраивали вечеринки, фейерверки, произносили рѣчи. Юргисъ хотя и не разбирался хорошенько въ политикѣ, однако уже понималъ, что торговать своимъ голосомъ нехорошо. Но такъ какъ всѣ это дѣлали, и его отказъ ничего бы не измѣнилъ, то ему и въ голову не приходило отказаться отъ выгодной сдѣлки.

Вскорѣ настали холодные вѣтры и дни сдѣлались зимѣтно короче: наступала зима. Передышка была такъ коротка, что они не успѣли приготовиться какъ слѣдуетъ къ ожидавшимъ ихъ бѣдствіямъ. У маленькаго Станислава снова появилось выраженіе страха въ глазахъ. И Юргису было страшно; онъ зналъ, какъ слаба Она, и какъ трудно ей будетъ переносить холодъ и метели. А если будутъ снѣжные заносы и перестанутъ ходить трамваи, ей придется оставаться дома,—и мѣсто могутъ передать другой работницѣ, которая живетъ ближе и сможетъ аккуратно являться на работу.

Первая метель разразилась за недѣлю до Рождества, и

тогда только Юргисъ понялъ, что̀ значитъ дѣйствительно бороться съ судьбой. Всѣ прежнія трудности были дѣтской игрушкой сравнительно съ тѣмъ, что̀ наступило для него теперь. Но онъ рѣшилъ не сдаваться—и боролся противъ судьбы съ львиной отвагой. Въ теченіе четырехъ дней на Ашлэндъ-Авэнью не ходили трамваи. Въ первый день Юргисъ завернулъ Ону въ одѣяла и взвалилъ ее себѣ на плечи, какъ куль муки, а Станиславъ, закутанный такъ, что онъ ничего не видѣлъ передъ собой, крѣпко держался за него. Ледяной вѣтеръ дулъ Юргису прямо въ лицо, а снѣгъ доходилъ почти до колѣнъ. Вѣтеръ такъ взметалъ снѣгъ, что на каждомъ шагу образовывалась стѣна, и Юргисъ врѣзывался въ нее съ яростью дикаго звѣря. Такъ онъ пробивалъ себѣ путь шагъ за шагомъ и добрался наконецъ до Дургэма, шатаясь отъ напряженія, почти ослѣпнувъ отъ снѣга, засыпавшаго ему глаза. Хорошо еще, что въ этотъ день позже пригнали скотъ на бойню: подвозъ опоздалъ изъ-за снѣжныхъ заносовъ. Юргисъ не могъ бы стать сразу на работу. Вечеромъ приходилось возвращаться тѣмъ же порядкомъ. А такъ какъ Юргисъ не зналъ, когда кончится работа, то попросилъ знакомаго кабатчика пустить Ону къ нему обогрѣться и ждать его. Разъ имъ пришлось возвращаться уже въ одиннадцатомъ часу, среди полной тьмы, но они все-таки кое-какъ добрались до дому. За время этой метели многіе рабочіе лишились мѣста, такъ какъ не могли явиться во̀-время на работу; хозяева же не дѣлали ни малѣйшей льготы. А Юргисъ побѣдилъ судьбу, и могъ гордиться своей побѣдой. Но, одолѣвъ врага въ открытомъ бою, онъ вскорѣ попался въ предательскую западню.

Однимъ изъ очень опасныхъ моментовъ работы на бойнѣ былъ тотъ, когда быкъ вырывался изъ рукъ рѣзниковъ. Иногда первый ударъ молота не вполнѣ оглушалъ его. Онъ падалъ, но сейчасъ же вскакивалъ и бросался бѣжать. Тогда поднимался страшный крикъ, всѣ бросали работу и бѣжали прятаться за колонны, сваливая съ ногъ другъ друга. Это было опасно и лѣтомъ,—и тѣмъ болѣе зимой, когда среди морознаго пара ничего не видать было передъ собой. Быка, конечно, нечего было бояться—онъ ни на кого не нападалъ и старался только удрать. Но какъ легко было напороться на ножъ: у всѣхъ въ рукахъ были остро наточенные ножи. Кромѣ того, иногда вбѣгалъ надзиратель съ ружьемъ, чтобы пристрѣлить быка,—и никто не былъ застрахованъ отъ его шальныхъ пуль.

Во время одной изъ такихъ суматохъ и случилось несчастіе съ Юргисомъ. Сначала дѣло казалось пустякомъ: убѣгая отъ

быка, онъ слегка повредилъ себѣ ногу, оступясь. Было больно, но Юргисъ продолжалъ работать, не обращая вниманія на боль. Но когда онъ пошелъ пѣшкомъ домой, боль усилилась, а къ утру нога такъ распухла, что онъ не могъ надѣть сапогъ. Юргисъ злился, бранился, но все-таки завернулъ ногу въ тряпки, сѣлъ въ трамвай и кое-какъ добрался до фабрики. Какъ разъ въ этотъ день было очень много работы; Юргису становилось все больнѣе, и какъ онъ ни крѣпился, все-таки пришлось сказать надзирателю, что ему плохо. Призвали фабричнаго врача. Онъ осмотрѣлъ ногу и сказалъ Юргису, что онъ долженъ немедленно лечь въ постель. Онъ сказалъ также, что напрасно Юргисъ велъ себя такъ легкомысленно и продолжалъ работать съ поврежденной ногой. Теперь ему придется цѣлые мѣсяцы лежать въ постели. Но такъ какъ фабричное начальство не отвѣчало за такія случайности, то врачу нечего было больше дѣлать. Юргисъ вернулся домой, невыразимо страдая отъ боли въ ногѣ, но еще больше отъ сознанія надвинувшейся на нихъ всѣхъ бѣды. Тетя Ельзбета уложила его въ постель, перевязала ногу и старалась не обнаружить передъ нимъ своей тревоги. Когда остальные вернулись домой послѣ работы, то, послѣ предупрежденія тети Ельзбеты, тоже входили къ нему съ бодрымъ видомъ и успокаивали его, говоря, что черезъ недѣльку-другую все пройдетъ. Но, собравшись потомъ въ кухнѣ, они стали шептаться о случившемся съ полнымъ ужасомъ. Они очутились въ безъисходномъ положеніи. У Юргиса въ банкѣ было долларовъ шестьдесятъ, не больше. Іонасъ и Марія заработывали теперь не больше того, что стоило ихъ содержаніе, такъ что все остальное должно будетъ покрываться заработками Оны и маленькаго Станислава. Изъ этого нужно будетъ платить за домъ, еще немного за мебель, за уголь, за страховку. А теперь средина зимы, самое страшное время. Кто будетъ провожать Ону на работу? А маленькій Станиславъ тоже сталъ хныкать и говорить, что не можетъ идти одинъ на работу.

Юргисъ, конечно, понималъ все это, какъ ни старались скрыть отъ него правду. Онъ чувствовалъ, что семья его близка къ голодной смерти, и это его такъ мучило, что онъ черезъ нѣсколько дней имѣлъ совершенно обезумѣвшій видъ. Неподвижное лежаніе на спинѣ было полнымъ ужасомъ для силача Юргиса. Тяжелыя мысли приходили ему теперь въ голову. Прежде онъ любилъ жизнь и никогда не приходилъ въ отчаяніе; онъ вѣрилъ, что человѣкъ можетъ все одолѣть, если только захочетъ. А теперь оказалось, что бѣда побѣждаетъ человѣка, какъ бы онъ ни бо-

ролся. Онъ убѣдился теперь, что въ этомъ огромномъ городѣ, гдѣ накоплено столько богатствъ, человѣческія существа могутъ быть затравлены на смерть стихійными силами, дикими звѣрями, какъ и въ пещерный періодъ.

Жена Юргиса заработывала около тридцати долларовъ, Станиславъ—около тринадцати. Къ этому прибавлялось еще долларовъ сорокъ-пять отъ Маріи и Іонаса за содержаніе. За вычетомъ платы за домъ, за проценты, мебель и уголь, у нихъ оставалось пятьдесятъ долларовъ въ мѣсяцъ. Они сократили расходы до послѣдней возможности, носили лохмотья, и Она ходила пѣшкомъ на работу, страшно вредя себѣ этимъ. Они, буквально, ничего не покупали, кромѣ пищи, — и все-таки пятьдесятъ долларовъ не хватало, главнымъ образомъ, потому, что имъ продавали поддѣльные продукты за безбожно дорогую цѣну. Какъ иностранцевъ, ихъ обманывали на каждомъ шагу. Дома они привыкли ѣсть колбасу—и продолжали ѣсть ее и на своей новой родинѣ. Но они не знали, что колбаса здѣсь поддѣльная, что цвѣтъ ея произведенъ химически, а начинка сдѣлана почти исключительно изъ картофельной муки—того, что остается въ картофелѣ послѣ извлеченія изъ него крахмала и алкоголя. Въ ней столько же питательности, какъ въ деревѣ, и такъ какъ въ Европѣ продажа этого суррогата запрещается закономъ, то тысячи тоннъ отправляются ежегодно въ Америку. И, конечно, нужны огромныя количества такого рода пищи для семьи изъ одиннадцати голодныхъ человѣкъ. Деньги таяли, и Она должна была каждую недѣлю брать понемногу изъ ихъ сбереженій. Такъ какъ деньги положены были въ банкъ на ея имя, то она могла не говорить Юргису, и терзалась, скрывая отъ него свою тревогу.

Юргису было тѣмъ болѣе тяжело, что больная нога не лишала его возможности думать. Онъ томился, раздражался, иногда отъ нетерпѣнія пробовалъ вставать, и бѣдной тетѣ Ельзбетѣ трудно было управиться съ больнымъ, который часто кричалъ на дѣтей, жалуясь, что они своей возней не даютъ ему никогда заснуть. Единственной отрадой бѣдной женщины былъ въ эти дни маленькій Антоша, прелестный, кроткій ребенокъ, который вѣчно улыбался. Для Юргиса тоже ребенокъ былъ большимъ утѣшеніемъ. Его люльку придвигали къ его постели, и онъ часами любовался своимъ Антошей, радовался его сходству съ собой и примирялся съ жизнью, глядя на улыбку ребенка.

XII.

Юргисъ пролежалъ три недѣли, и ему все не становилось лучше. Опухоль не опадала, и боль продолжалась попрежнему. Наконецъ онъ не могъ больше выносить бездѣйствія, и сталъ каждый день подниматься съ постели и дѣлать нѣсколько шаговъ, стараясь увѣрить себя, что ему лучше. Черезъ четыре дня, несмотря на общіе протесты, онъ рѣшилъ пойти на работу. Хромая и едва двигаясь, онъ добрался до трамвая и явился къ Броуну. Оказалось, что смотритель оставилъ мѣсто за нимъ,—т.-е. готовъ былъ выгнать на морозъ несчастнаго, котораго нанялъ на это время. Юргисъ сталъ на работу, но отъ времени до времени ему приходилось останавливаться отъ нестерпимой боли въ ногѣ; онъ все-таки проработалъ весь день и только за часъ до окончанія работъ долженъ былъ перестать, чувствуя, что ему дѣлается дурно. Онъ былъ такъ опечаленъ, что плакалъ, какъ ребенокъ, прислонившись къ столбу. Два товарища проводили его до трамвая, а когда онъ сошелъ на улицѣ, гдѣ жилъ, то сѣлъ на снѣгъ, въ ожиданіи, что пройдетъ кто-нибудь знакомый и доведетъ его до дому. Его опять уложили въ постель и послали за докторомъ. Оказалось, что ему нужна была хирургическая помощь, безъ которой онъ бы никакъ не поправился. Докторъ сталъ вправлять ему его вывихъ, и цѣлыхъ полчаса Юргисъ терпѣлъ невообразимую боль. Онъ крѣпко сжалъ губы при этомъ и ни разу не застоналъ. Докторъ ушелъ, заявивъ, что Юргису необходимо пролежать два мѣсяца, и что если онъ раньше станетъ на работу, то останется хромымъ на всю жизнь.

Черезъ три дня послѣ того опять поднялась метель. Іонасъ, Марія и маленькій Станиславъ вышли всѣ вмѣстѣ за часъ до разсвѣта, чтобы попасть на скотные дворы не около полудня. Станиславъ и Она вернулись. Они не доѣхали, и метель ихъ чуть не занесла. Станиславъ, повидимому, отморозилъ себѣ пальцы, и тетя Ельзбета стала отогрѣвать ихъ у огня. Ему, конечно, сдѣлалось только хуже отъ этого, и онъ прыгалъ по комнатѣ, крича отъ боли, пока Юргисъ не пригрозилъ въ сердцахъ, что убьетъ его, если онъ не перестанетъ ревѣть. Весь день они всѣ были въ тревогѣ, боясь, что Она и мальчикъ потеряли мѣсто. На утро мальчикъ заупрямился и отказался идти на работу,—морозъ нагонялъ на него паническій страхъ. Юргису пришлось побить его, чтобы сломить его упрямство; бѣдный мальчикъ не

понималъ еще, что лучше ему замерзнуть во время метели, чѣмъ упустить свою работу у машины, нацѣживающей сало. Къ счастью, Она не потеряла мѣста; сама надзирательница не смогла попасть въ мастерскую изъ-за метели и принуждена была оказать снисхожденіе и работницамъ.

Послѣдствіемъ этого эпизода было то, что у Станислава повреждены были верхніе суставы на трехъ пальцахъ, и что теперь его приходилось каждый день бить по утрамъ для того, чтобы онъ отправлялся на работу. Это было обязанностью Юргиса, и онъ изливалъ иногда на несчастномъ мальчикѣ свое озлобленіе противъ превратностей судьбы. У него все болѣе ожесточался характеръ, — какъ у пса на привязи. Но стоило, однако, Онѣ только взглянуть на него печальными глазами, чтобы гнѣвъ его проходилъ. Онъ былъ теперь такой жалкій, обросшій бородой, худой, съ провалившимися щеками. У него не было никакого аппетита, и онъ говорилъ, что это тѣмъ лучше, — по крайней мѣрѣ экономія на его ѣду. Въ концѣ марта ему попалась на глаза банковая книжка Оны, — и онъ узналъ, что у нихъ осталось всего три доллара денегъ.

Самое печальное послѣдствіе этой серіи несчастій было исчезновеніе Іонаса. Въ одну субботу онъ не вернулся домой вечеромъ и исчезъ навсегда. У Дургэма сказали, что онъ взялъ жалованье и послѣ того не показывался. Можетъ быть, это была неправда. Часто про рабочихъ, погибшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, говорили, что они пропали. Если, напримѣръ, человѣкъ попалъ въ чанъ и вошелъ въ составъ наилучшаго сала или патентованнаго химическаго удобренія, то зачѣмъ печалить его семью, сообщая ей такой фактъ? Но все-таки гораздо вѣроятнѣе было то, что Іонасъ отправился искать счастья гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Онъ былъ недоволенъ устройствомъ своей жизни. Платилъ онъ достаточно за свое содержаніе, а долженъ былъ жить въ голодающей семьѣ. Но онъ не могъ отказаться отъ своей доли въ общихъ расходахъ, въ виду того, что Марія давала столько же, сколько и онъ. Ему надоѣлъ дѣтскій плачъ, нищета вокругъ, захотѣлось тишины, удобствъ — вотъ онъ и рѣшилъ попытать счастья гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Два года онъ работалъ какъ лошадь, перевозя туши на тяжелыхъ повозкахъ у Дургэма, не зная отдыха и свободнаго дня, кромѣ воскресеній, и вѣчно выслушивая ругань надзирателей. Теперь пришла весна, — и стоило пройти пѣшкомъ одинъ день, чтобы очутиться вдали отъ фабричнаго дыма, среди зелени и цвѣтовъ.

Но съ его исчезновеніемъ семья лишилась трети своего при-

хода, и это было большимъ несчастіемъ. Они опять стали брать деньги у Маріи, тратя ея сбереженія; брали деньги и у Кушлейки, такъ что опять вопросъ объ ихъ свадьбѣ отодвинулся на неопредѣленное время. Пришлось даже взять изъ школы младшихъ дѣтей. Кромѣ Станислава, у тети Ельзбеты была дѣвочка Котрина, двѣнадцати лѣтъ, и два мальчика, Вильмасъ одиннадцати и Николай десяти лѣтъ. Они были очень смышленыя дѣти, и рѣшено было послать ихъ продавать газеты. Разъ утромъ имъ дали по куску хлѣба съ колбасой и отправили въ городъ съ наставленіями, какъ продавать газеты. Первый день былъ неудачный—они вернулись въ слезахъ; у нихъ отобрали всѣ деньги, ихъ поколотилъ взрослый газетчикъ, потому что они, по невѣдѣнію, стали продавать въ его районѣ; но все-таки они кое-что продали, такъ что тѣ деньги, которыя имъ дали на дорогу, они принесли обратно. Черезъ недѣлю они приноровились къ своему дѣлу, узнали названія газетъ, узнали, гдѣ продавать, кому предлагать. Уходя изъ дома въ четыре часа утра, бѣгая весь день по улицамъ, сначала съ утренними, потомъ съ вечерними газетами, они приносили вечеромъ домой по двадцати-тридцати центовъ. Съ этой суммы приходилось отсчитывать за проѣздъ по трамваю въ городъ; но понемногу они научились мошенничать, вскакивать въ вагонъ, когда тамъ была такая толпа, что кондукторъ не требовалъ у нихъ билетовъ; или же, въ случаѣ если онъ требовалъ плату, они дѣлали видъ, что потеряли кошелекъ, и такъ плакали, что иногда какая-нибудь сердобольная дама платила за билетъ. Всѣ эти продѣлки они считали совершенно дозволенными,—вѣдь собственники трамвая принадлежали все къ той же шайкѣ грабителей, управляющей городомъ,—и надуть ихъ не грѣхъ.

Съ наступленіемъ весны сдѣлалось легче и Юргису, который ужъ какъ-то свыкся съ положеніемъ больного, не выходящаго изъ дома. Жена его это замѣтила и старалась не нарушать его душевнаго покоя; она скрывала отъ него свои душевныя страданія. Наступили весенніе дожди, и Она должна была непремѣнно ѣздить по трамваю; ей однако было все-таки непріятно, что Юргисъ даже не замѣчаетъ, до чего она больна и истощена. Ей казалось, что онъ охладѣлъ къ ней, потому что она всегда внѣ дома, а когда возвращается, то говоритъ только объ ихъ несчастіяхъ. Иногда ей становилось невыразимо тяжело; она ночью будила мужа и со слезами спрашивала, любитъ ли онъ ее попрежнему. Бѣдный Юргисъ, подавленный нуждой,ересталъ понимать болѣе тонкія чувства. Онъ растерялся, ста-

рался припомнить, не сказалъ ли онъ женѣ что-нибудь сердитое невзначай. А Она долго еще рыдала и не могла заснуть.

Въ концѣ апрѣля Юргисъ сходилъ къ доктору. Докторъ далъ ему бандажъ для бинтованія ноги, и сказалъ, что онъ можетъ опять работать. Но оказалось, что мѣсто его у Броуна уже занято,—т.-е., что нашелся человѣкъ, работающій не хуже его, и надзирателю не хочется смѣщать его. Юргисъ постоялъ въ дверяхъ, поглядѣлъ, какъ работали его бывшіе товарищи, и почувствовалъ себя выброшеннымъ за бортъ. Онъ ушелъ и сталъ въ толпѣ безработныхъ у воротъ. Теперь онъ уже не былъ такъ увѣренъ въ себѣ, какъ прежде. У него былъ больной, измученный видъ—такой же, какъ у множества другихъ, искавшихъ мѣсяцами работы на скотныхъ дворахъ. Это былъ тяжелый моментъ въ жизни Юргиса, и будь онъ послабѣе, онъ бы погибъ, какъ и всѣ. Большинство стояло каждое утро у воротъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не разгонялъ полицейскій. Тогда они разсыпались по сосѣднимъ кабакамъ. Мало кто рѣшался проникнуть во внутрь фабрикъ, чтобы повидаться съ смотрителями,—они знали, что ихъ ждетъ отказъ. Имъ оставалось одно—сидѣть по кабакамъ весь день и весь вечеръ, чтобы съ утра начать снова ждать у воротъ. Юргиса спасала отъ такой жизни мысль о женѣ. Онъ видѣлъ передъ собой блѣдное личико Оны, и рѣшалъ бороться до конца. Онъ долженъ найти мѣсто и отложить деньги, чтобы въ слѣдующую зиму ей уже не пришлось такъ страдать.

Но онъ не находилъ работы. Онъ обратился сначала къ членамъ рабочаго союза, прося ихъ похлопотать за него, потомъ обращался ко всѣмъ знакомымъ, побывалъ на всѣхъ фабрикахъ,—но нигдѣ никакой работы для него не оказалось. Кончилось тѣмъ, что его всѣ надзиратели запомнили въ лицо, и выгоняли съ угрозами, когда онъ вторично приходилъ. Ему ничего другого не оставалось, какъ стоять съ толпой по утрамъ и ждать, а потомъ онъ возвращался домой и развлекался, играя съ маленькой Котриной и со своимъ младенцемъ.

Юргисъ зналъ, почему его не нанимали,—и это было самое горькое. Вначалѣ онъ получилъ работу въ первый же день,—потому что онъ былъ сильный работникъ, и всѣ рады были взять его. Теперь онъ уже сталъ похуже сортомъ, и никто въ немъ не нуждается. Изъ него вытянули всѣ силы, а теперь его выбросили на улицу. Разговаривая съ товарищами по несчастью, Юргисъ убѣдился, что всѣ прошли черезъ то же самое. Нѣкоторые пришли сюда издалека, съ другихъ фабрикъ, гдѣ потеряли всѣ силы; иные были сами виноваты въ своихъ несчастьяхъ

тѣмъ, что поддались соблазну и стали пить, но большинство были, какъ и онъ, использованными до конца и выброшенными за ненадобностью частями машины, изготовляющей мясные консервы. Многіе изъ нихъ работали съ той скоростью, которая требовалась на фабрикахъ, въ теченіе десяти, иногда по двѣнадцати лѣтъ,—а когда они уже не могли работать въ ногу съ другими, имъ откровенно заявляли, что они слишкомъ стары, и что на ихъ мѣсто нуженъ человѣкъ болѣе сильный. Нѣкоторые—очень немногіе—лишались мѣста по собственной винѣ, по неисполнительности или неумѣнью работать. Но большинство было въ такомъ же положеніи, какъ Юргисъ. Они такъ долго работали сверхъ силъ и не доѣдали, что первая случайная болѣзнь окончательно сваливала ихъ съ ногъ. Или же съ ними случалось несчастье—зараженіе крови послѣ порѣза ножомъ, и они мѣсяцами лежали въ постели. Если послѣ такой болѣзни человѣкъ приходилъ обратно просить мѣста, ему неизмѣнно отказывали,—кромѣ того случая, когда онъ пострадалъ по винѣ фабрики. Тогда къ нему подсылали адвоката и старались убѣдить его не подавать жалобы въ судъ. Если же онъ оказывался не дуракомъ и настаивалъ на своихъ правахъ, то его уговаривали не поднимать исторіи, обѣщая за это доставлять работу ему и его семьѣ. Это обѣщаніе держали ровно два года. Этимъ исчерпывался срокъ, въ теченіе котораго можно было жаловаться,—и тогда съ нежелательнымъ слабымъ рабочимъ быстро кончали разсчеты. Позднѣйшая участь рабочаго, утратившаго способность къ труду, зависѣла отъ обстоятельствъ. Если онъ принадлежалъ къ разряду искусныхъ спеціалистовъ, то обыкновенно успѣвалъ достаточно отложить, чтобы жить потомъ, не работая. Самую высокую плату получали рабочіе, „разсѣкающіе тушу“; они заработывали по пяти-шести долларовъ въ день въ горячее время и не менѣе двухъ въ самое плохое. На это можно было жить и еще откладывать. Но такихъ „разсѣкателей“ было человѣкъ шесть на каждой бойнѣ,—не больше. А обыкновенный средній рабочій заработывалъ около десяти долларовъ въ недѣлю въ горячее время и около пяти во время застоя дѣлъ; его судьба зависѣла отъ того, какая у него была семья. Неженатый человѣкъ могъ дѣйствительно откладывать, — но только въ томъ случаѣ, если онъ былъ не пьющій и, кромѣ того, былъ совершенно равнодушенъ къ судьбѣ голодающихъ родителей, маленькихъ братьевъ и сестеръ и къ товарищамъ, умирающимъ отъ голода рядомъ съ нимъ.

Съ англ. З. В.

„РЕВОЛЮЦІОННОЕ ВЫСТУПЛЕНІЕ“ ДУМЫ

и

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

I.

Со времени роспуска Государственной Думы прошелъ первый мѣсяцъ. Какъ ни быстро въ переживаемое время текутъ событія и мѣняются настроенія, роспускъ Думы все же продолжаетъ быть центральнымъ вопросомъ дня. И такимъ онъ останется еще долго.

Иначе, конечно, быть не можетъ. Въ ходѣ русской революціи роспускъ первыхъ представителей народа, какъ бы ни оцѣнивать этотъ актъ, навсегда останется событіемъ глубокаго историческаго значенія. Все равно—оправдаются ли надежды министерства, что за нимъ наступитъ успокоеніе, которое дастъ возможность начать черезъ полъгода мирное обновленіе государственнаго строя, обратившагося въ разсыпанную храмину, или надежды реакціи—что имъ будетъ положенъ конецъ попыткамъ выйти изъ рутины археологическихъ „исконныхъ русскихъ началъ“, или надежды революціонеровъ—что онъ приблизитъ, съ ихъ точки зрѣнія неизбѣжный и потому необходимый, боевой періодъ.

Но мѣсяцъ времени сгладилъ остроту впечатлѣній. Роспускъ Думы, самъ по себѣ—независимо отъ послѣдствій—отошелъ назадъ и его можно обсуждать, если не съ безстрастностью историка, то, во всякомъ случаѣ, хоть съ условной объективностью.

Почему Государственная Дума была распущена 8 іюля? На комъ лежитъ отвѣтственность за ея роспускъ или—что то же—чье имя будетъ покрыто за роспускъ Думы славой, если будущее покажетъ, что роспускъ ея былъ фактомъ положительнымъ, а не отрицательнымъ? Падаетъ ли эта отвѣтственность—о славѣ мы не думаемъ, о ней пусть думаютъ другіе—на бывшихъ членовъ Государственной Думы?

Ни одинъ изъ бывшихъ членовъ Думы не можетъ по совѣсти сказать на послѣдній вопросъ: нѣтъ. Какія бы слова ни выходили изъ его устъ или изъ-подъ его пера, это все будутъ объясненія и оправданія. Въ глубинѣ души онъ долженъ испытывать ощущенія горькаго,

ничѣмъ неизгладимаго осадка: доля отвѣтственности упала на „меня“. Людямъ, бойкотировавшимъ выборы и говорившимъ, что учрежденіе Думы страдаетъ органическимъ порокомъ, вслѣдствіе котораго Думѣ предстоитъ скорый „разгонъ“ и больше ничего, онъ отвѣчалъ: это неправда. Въ людяхъ, вѣрившихъ въ жизнеспособность Думы, онъ поддерживалъ эту вѣру. Онъ, наконецъ, принялъ отъ нихъ избраніе, сознавая, что Дума, въ ихъ глазахъ, послѣдній авторитетъ и могущественный якорь спасенія, знаменующій конецъ безысходнаго горя, голодной нужды и безпросвѣтной темноты. Дума распущена—значитъ, онъ былъ неправъ. Значитъ—онъ переоцѣнилъ реальную силу воли народа, выраженной его первыми избранниками, или ошибся въ опредѣленіи внѣшнихъ условій дѣятельности представительства. Или: онъ не сумѣлъ побѣдить эти условія, у него не хватило для того силы убѣжденія, такта, знаній...

Съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть, политическая отвѣтственность передъ родиной за послѣдствія роспуска Думы лежитъ не только—и не столько даже—на министрахъ—Горемыкинѣ или Столыпинѣ, все равно,—сколько на коллективномъ „я“ бывшихъ членовъ Думы. Горемыкина и Столыпина народъ не зналъ и своимъ довѣріемъ не облекалъ. Народъ облекъ величайшимъ довѣріемъ членовъ Думы и ихъ послалъ, чтобы они мирнымъ, легальнымъ путемъ добились для него воли и земли. Они ничего не добились и распущены. Близость разрѣшенія правового и экономическаго кризисовъ отодвинулась. Отъ отвѣтственности за это ничто не можетъ освободить ни трудовиковъ, ни октябристовъ, ни польское коло, ни кадетовъ, ни представителей всѣхъ другихъ парламентскихъ группъ.

Автору настоящихъ строкъ особенно приходится испытывать чувство отвѣтственности. Ему принадлежала инициатива обращенія отъ лица Думы къ населенію, т.-е. совершенія того дѣйствія, которое въ манифестѣ 9 іюля названо „явно незаконнымъ“ и которое, какъ показываютъ даты, послужило поводомъ для роспуска Думы.

Да, мы, бывшіе избранники, отвѣтственны за всѣ неизвѣстныя еще слѣдствія роспуска Думы. Мы отвѣтственны за то, что, работая надъ рѣшеніемъ земельнаго вопроса, хотѣли непосредственно сказать народу, какими мѣрами имѣемъ мы въ виду утолить земельный голодъ крестьянской деревни. Мы отвѣтственны за то, что въ моментъ, когда аграрный пожаръ готовъ былъ разгорѣться, обратились къ населенію съ призывомъ не терять вѣры въ мирный и успѣшный для него исходъ борьбы съ внуками крѣпостниковъ. И намъ предстоитъ судъ,—судъ потомства—во-первыхъ,—судъ избирателей—во-вторыхъ. Что скажемъ мы при предстоящихъ новыхъ выборахъ?

II.

Что представляло собою вотированное 6 іюля обращеніе отъ лица Думы къ населенію? Знаменовало ли оно намѣренное „революціонное выступленіе" большинства членовъ Думы—по формѣ и по содержанію? Съ другой стороны, было ли оно, по замыслу того же большинства, только боевымъ ударомъ въ борьбѣ съ министерствомъ—ударомъ, въ которомъ сила средства не была согласована съ цѣлью?

Въ первомъ смыслѣ обращеніе трактовалось внѣ стѣнъ Думы въ теченіе всѣхъ десяти дней, прошедшихъ отъ внесенія предложенія о немъ и до принятія его текста, и трактуется до сихъ поръ въ оффиціальныхъ и реакціонныхъ кругахъ. Петербургскій губернаторъ, напримѣръ, рекомендуетъ земскимъ начальникамъ говорить крестьянамъ, что „такія обращенія и воззванія ни въ какихъ, даже республиканскихъ, странахъ не допускаются; по нашимъ законамъ въ подобномъ образѣ дѣйствій можно видѣть только преступную измѣну присягѣ".

Во второмъ—его трактовали съ думской каѳедры нѣкоторые изъ октябристовъ и изъ представителей польскаго кола. Особенно характерна была въ этомъ отношеніи рѣчь г. Скирмунта. „Еслибы — говорилъ онъ—Государственная Дума ограничилась, согласно предложенію отъ 23 іюня, представленіемъ срочнаго запроса министерству по поводу правительственнаго сообщенія, то я не просилъ бы слова, чтобы возражать противъ этого. Но теперь дѣло идетъ о совершенно иномъ. Мы находимся въ остромъ недоразумѣніи съ властью. Оказалось желательнымъ нанести ударъ министерству. Да, но не всякіе удары дозволены; нельзя убивать назойливую муху на чужой щекѣ. Передъ подобной борьбой необходимо тщательно и осторожно избрать для нея почву" [1]).

Прежде чѣмъ разбирать оба воззрѣнія, возстановимъ факты.

20 іюня на страницахъ „Правительственнаго Вѣстника" появилось „правительственное сообщеніе". Оно начиналось словами: „Исполняя Высочайшее повелѣніе Государя Императора о немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію быта земельнаго крестьянства, правительство внесло въ Государственную Думу свои предположенія о способахъ улучшенія и расширенія крестьянскаго землевладѣнія и объ измѣненіи порядка землепользованія крестьянъ на ихъ надѣльныхъ земляхъ". Послѣ этой вступительной фразы и краткихъ мотивовъ, перечисля-

---

[1]) Не имѣя въ рукахъ оффиціальнаго стенографическаго отчета засѣданія 4 іюля, цитирую по отчету „Страны" (№ 116).

лись въ десяти пунктахъ „предположенныя правительствомъ и внесенныя имъ на разсмотрѣніе Государственной Думы мѣры для улучшенія земельнаго быта крестьянъ“. Среди предположенныхъ мѣръ были упомянуты и слѣдующія двѣ, болѣе чѣмъ рискованныя: а) „вслѣдствіе недостаточности казенныхъ земель для удовлетворенія земельной нужды всей малоземельной части крестьянства, купить для той же цѣли за счетъ государства отъ частныхъ владѣльцевъ добровольно продаваемыя ими земли, и б) продавать пріобрѣтенныя за счетъ государства земли нуждающимся въ ней малоземельнымъ крестьянамъ по цѣнамъ, доступнымъ для крестьянъ, *съ принятіемъ, въ случаѣ надобности, разницы между цѣной, по которой земля пріобрѣтена отъ частныхъ владѣльцевъ, и цѣной, по которой она будетъ предоставлена крестьянамъ, на счетъ общихъ государственныхъ средствъ*“. Въ заключеніе перечня, сообщеніе оповѣщало, что „для того, чтобы, не теряя времени, немедленно облегчить положеніе наиболѣе нуждающейся части крестьянства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянская нужда особенно настоятельно требуетъ удовлетворенія, одновременно съ симъ *учреждены* особыя коммиссіи изъ мѣстныхъ людей, въ составъ которыхъ войдутъ и крестьяне, выбранные на волостныхъ сходахъ“. Но кѣмъ и на основаніи какого закона „одновременно съ симъ учреждены особыя коммиссіи изъ мѣстныхъ людей“—сообщеніе умалчивало.

Вся вторая часть сообщенія носила рѣзко полемическій характеръ. Сперва, главнымъ образомъ при помощи произвольно комбинируемыхъ среднихъ цифръ, правительство оспаривало „распространяемое (безъ указанія кѣмъ) среди сельскаго населенія убѣжденіе, что земля не можетъ составлять чьей-либо собственности, а должна состоять въ пользованіи только трудящихся на ней, и что поэтому необходимо произвести принудительное отчужденіе *всѣхъ* частновладѣльческихъ земель“. А затѣмъ—„распространяемые въ народѣ слухи, будто правительство не соглашается на принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, отстаивая выгоды помѣщиковъ“. „Это—говорилось въ сообщеніи—невѣрно: правительство охраняетъ законныя права всѣхъ и каждаго, но въ данномъ случаѣ полагаетъ, что не землевладѣльцамъ нанесло бы ущербъ принудительное отчужденіе отъ нихъ земель, а самому крестьянству. Землевладѣльцы получатъ за свою землю выкупъ по справедливой оцѣнкѣ, т.-е. превратятъ свое земельное имущество въ деньги, которыя будутъ приносить имъ одинаковый и даже болѣе вѣрный доходъ, нежели хозяйство на землѣ. Пострадаетъ отъ предположенной мѣры земледѣльческое сословіе. Болѣе обезпеченные крестьяне лишатся части своей земли, малоземельные получатъ незначительную прибавку. Все крестьянство лишится зара-

ботковъ во владѣльческихъ экономіяхъ и, слѣдовательно, лишится значительной части получаемыхъ имъ нынѣ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, мѣра эта ввергла бы все населеніе страны въ безысходную нищету, а въ годы неурожая обрекла бы его на вѣрный голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями".

Наконецъ, въ третьей части вспоминались „прошлыя заботы русскихъ Государей о земельной нуждѣ крестьянства", которыя „неопровержимо свидѣтельствуютъ, что и въ будущемъ всякія мѣры, направленныя къ этой цѣли и отвѣчающія народной пользѣ, будутъ неуклонно осуществляться исполняющимъ Царскую волю правительствомъ". Послѣдней фразой въ сообщеніи стояло: „Русское крестьянство должно знать и помнить, что не отъ смутъ и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ о немъ заботъ Государя Императора".

По поводу правительственнаго сообщенія отъ 20-го іюня, 116 членовъ конституціонно-демократической партіи, трудовой и соціалъ-демократической группъ внесли въ Государственную Думу срочное заявленіе о запросѣ. Авторы заявленія исходили изъ признанія сообщенія незакономѣрнымъ—„въ виду того, что министерство отнюдь не можетъ претендовать на исключительное единеніе съ верховной властью послѣ учрежденія Государственной Думы и отождествлять себя съ правительствомъ" — и изъ утвержденія, что сообщеніе „можетъ, при современномъ положеніи государства, повести лишь къ обостренію земельныхъ отношеній".

Утвержденіе это они обосновывали, во-первыхъ, на томъ, „что широкому оглашенію преданы основы аграрной реформы, находящіяся въ полномъ и явномъ противорѣчіи съ заявленными Государственною Думою предположеніями". Во-вторыхъ, на томъ, что слова сообщенія, будто „прибавленіе земли крестьянамъ можетъ ихъ разорить, а уничтоженіе помѣщичьихъ имѣній грозитъ крестьянамъ голодомъ и вѣчной нищетой, равно предостереженія его о якобы грядущемъ отнятіи у крестьянъ ихъ земель и отчужденіи всей земли въ пользу государства, являясь съ одной стороны совершенно произвольными, съ другой—имѣютъ нескрываемую цѣль опорочить въ глазахъ населенія работу Государственной Думы по земельному вопросу".

Въ резолютивной части заявленія предлагалось запросить предсѣдателя совѣта министровъ: „1) На какомъ основаніи сдѣлано означенное сообщеніе отъ имени правительства? 2) Приняты ли мѣры къ тому, чтобы означенное сообщеніе, какъ не исходящее отъ правительства, было немедленно изъято изъ обращенія и опровергнуто въ органахъ печати, его опубликовавшихъ? 3) Сдѣлано ли распоряженіе о томъ, чтобы подобные акты болѣе не повторялись?"

Формулируя запросъ въ этихъ выраженіяхъ, авторы заявленія, очевидно, имѣли въ виду буквальный смыслъ ст. 66 основныхъ законовъ, допускающій запросы не по существу совершеннаго дѣйствія, а по поводу его формальной закономѣрности. Для этого они и въ мотивахъ выдвинули на первое мѣсто неправильное, по ихъ мнѣнію, наименованіе сообщенія „правительственнымъ“, и въ выводахъ сочли себя вынужденными остаться въ предѣлахъ отрицанія за министрами права говорить отъ имени правительства.

Но такая конструкція дѣлала запросъ явно искусственнымъ. Министерство распубликовало сообщеніе исключительной важности и построило его такъ, что при поверхностномъ чтеніи получалось впечатлѣніе, будто въ немъ излагаются не воззрѣнія на способы рѣшенія земельнаго вопроса, высказывавшіяся въ Думѣ гг. Стишинскимъ и Гурко, а воля Монарха. Эту волю оно умѣло и ловко противопоставило намѣреніямъ представителей народа. Оно дало понять, что не отъ Думы народъ можетъ получить и долженъ ожидать дѣйствительнаго удовлетворенія его жгучей нужды; оно заявило, что помимо законодательной власти имъ учреждены какія-то мѣстныя коммиссіи... А Дума будетъ играть словами и спрашивать: почему къ заголовку сообщенія прибавленъ эпитетъ „правительственное“, почему оно не названо просто „сообщеніемъ“ или не выпущено безъ всякаго заголовка?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторы заявленія упустили изъ виду, что дѣйствующій законъ вообще не опредѣляетъ понятія „правительство“ и что въ манифестѣ 17-го октября правительствомъ было названо впервые образованное объединенное министерство. А потому текстъ вопросовъ, съ которыми предлагалось обратиться къ предсѣдателю совѣта министровъ, заранѣе обрекалъ запросъ на безрезультатность. Г. Горемыкинъ несомнѣнно, отвѣчая на первый вопросъ, сослался бы на манифестъ 17-го октября и оставилъ бы безъ отвѣта коварные второй и третій. Такимъ образомъ, получилось бы нѣчто вродѣ выстрѣла изъ орудія большого калибра въ пустое пространство. Шумъ, грохотъ, остроуміе—и больше ничего.

26-го іюня Государственная Дума выслушала передъ тѣмъ напечатанное и розданное заявленіе. Я предложилъ перередактировать его резолютивную часть. Вошедшій послѣ меня на каѳедру, членъ Думы Обнинскій, первымъ подписавшій заявленіе, присоединился къ моему предложенію. Онъ просилъ отложить принятіе запроса до слѣдующаго засѣданія, высказавъ при этомъ, однако, опасенія, что въ распоряженіи министерства для отвѣта на запросъ остается, въ силу закона, цѣлый мѣсяцъ, и что въ теченіе этого мѣсяца оно „успѣетъ сдѣлать много такихъ правительственныхъ сообщеній“. „Я положи-

тельно теряюсь—говорилъ г. Обнинскій,—какія можно изобрѣсти средства, чтобы парализовать вредную дѣятельность министерства" [1]).

Слѣдующій ораторъ, А. А. Мухановъ, высказался одинаково со мною противъ принятія запроса въ предложенной редакціи и за необходимость реагировать на правительственное сообщеніе отъ 20-го іюня, но въ другой формѣ. „По моему,—сказалъ онъ,—незакономѣрность этого правительственнаго сообщенія лежитъ вовсе не въ его названіи, а въ его существѣ. Всякое правительственное сообщеніе имѣетъ опредѣленную цѣль—выяснить извѣстное опредѣленное отношеніе. Правительственное сообщеніе въ области политики международной имѣетъ цѣлью выяснить отношеніе императорской власти къ другому государству. Въ области внутренней политики правительственное сообщеніе должно преслѣдовать двѣ цѣли, если въ нихъ имѣется надобность: разъяснить какой-нибудь вопросъ, или успокоить населеніе, взволнованное какимъ-нибудь событіемъ. Въ данномъ правительственномъ сообщеніи разъясненія никакого нѣтъ; нѣтъ также и успокоенія; напротивъ, вносится смута въ самый острый, жгучій вопросъ. Народъ нашъ можетъ не видѣть разницы между правительствомъ и министерствомъ, и, такимъ образомъ, это сообщеніе можетъ быть имъ понято, какъ сообщеніе, исходящее отъ Монарха, Государственной Думы и министровъ, словомъ, отъ всей совокупности правительства. Такимъ образомъ, вмѣсто разъясненія вопроса и успокоенія взволнованной народной массы, мы видимъ здѣсь попытку (я не стану распространяться послѣ рѣчи члена Государственной Думы Кузьмина-Караваева) внести новую смуту, потому что въ сообщеніи дѣлаются указанія на планы правительства, противорѣчащіе тому, что̀ говорила Государственная Дума передъ лицомъ всей страны и что̀ она сказала Монарху. Народъ подумаетъ, что Дума его обманула и отступила отъ своихъ обѣщаній" [2]).

Послѣ рѣчи А. А. Муханова, я, сославшись на внесенный издательской коммиссіей, но еще Думой не разсмотрѣнный проектъ „распубликованія и разсылки отдѣльныхъ постановленій и рѣчей", заявилъ, что положеніе, безвыходное по мнѣнію члена Думы Обнинскаго, въ сущности таковымъ не представляется. Я разбилъ свое первоначальное предложеніе на два: „передать запросъ въ постоянную коммиссію 33-хъ (образованную спеціально для этой цѣли) для передактированія, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручить той же коммиссіи, или коммиссіи аграрной, какъ болѣе компетентной въ настоящемъ дѣлѣ, выработать проектъ мотивированнаго постановленія Государственной Думы — по-

[1]) Оффиціальный стенографическій отчетъ, стр. 1750.

[2]) Тамъ же, стр. 1751.

становленія или формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, это все равно—во всякомъ случаѣ, по содержанію проектъ контръ-сообщенія,—такого контръ-сообщенія, которое могло бы быть распубликовано отъ лица Государственной Думы“.

Далѣе говорилъ В. Е. Якушкинъ. Указавъ на то, что наблюдавшееся въ послѣднее время усиленіе аграрнаго движенія въ тульской и курской губ. было въ прямой связи съ министерской декларацией отъ 13 мая, онъ отмѣтилъ однородность по мысли правительственнаго сообщенія съ декларацией, почему есть полное основаніе ожидать, что однородны же будутъ и послѣдствія. „Мы обязаны—закончилъ г. Якушкинъ—отвѣтить на это сообщеніе, которое возмущаетъ народъ, такимъ сообщеніемъ отъ имени Государственной Думы, которое должно его успокоить, чтобы народъ видѣлъ, что она, Государственная Дума, не отказалась отъ своихъ начинаній, что она стремится достигнуть возможности удовлетворенія земельной нужды народа“ [1]). На баллотировку была поставлена слѣдующая формула: „передать запросъ для редактированія въ коммиссію 33-хъ и поручить аграрной коммиссіи представить проектъ сообщенія отъ Думы“. Возраженій никто не заявилъ, и формула была объявлена принятой.

III.

Вотъ точное воспроизведеніе по стенограммѣ обстоятельствъ и мотивовъ принятаго 26 іюня рѣшенія.

На слѣдующій день, 27 іюня, Государственная Дума слушала докладъ издательской коммиссіи. Коммиссія отвергла, въ виду крайней дороговизны и громоздкости матеріала, разсылку полныхъ стенографическихъ отчетовъ во всѣ волостныя правленія. Отвергла она также печатаніе и разсылку извлеченій изъ отчетовъ, справедливо находя, что „сокращеніе преній, исключивъ ихъ живость и всѣ особенности противорѣчій во взглядахъ, сдѣлало бы ихъ не только сухими и безжизненными, но придало бы имъ внѣшнюю кажущуюся безсодержательность“. „Съ другой стороны, необходимость измѣненій, непремѣнно связанная съ отсутствіемъ точности, создастъ—докладывала коммиссія—возможность обвиненій въ предвзятости и односторонности, какую бы тщательность ни прикладывали редакторы, которымъ поручался бы пересказъ“. Но въ то же время коммиссія полагала, „что если Дума сочтетъ нужнымъ, она можетъ установить существующій единственно во Франціи изъ парламентскихъ странъ обычай

[1]) Тамъ же, стр. 1752.

распубликованія и разсылки по всей странѣ такихъ законопроектовъ, рѣшеній или даже рѣчей, которые она сочтетъ выдающимися и пожелаетъ довести до свѣдѣнія народа“. Сообразно съ этимъ коммиссія внесла въ проектъ подъ пунктомъ первымъ второго отдѣла слѣдующее опредѣленіе: „Когда Дума признаетъ необходимымъ поставить все населеніе имперіи въ извѣстность о своемъ постановленіи, или о принятомъ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, или объ отдѣльной, по поводу одного изъ этихъ событій, рѣчи,—она постановляетъ о распубликованіи ихъ“.

Разъясняя проектъ, докладчикъ, М. А. Стаховичъ, сказалъ немного: „По пункту первому коммиссія имѣла въ виду не исключительно одинъ изъ перечисляемыхъ для примѣра случаевъ, а, конечно, всю полноту рѣшеній Думы. Дума можетъ постановить распубликовать полный стенографическій отчетъ цѣлаго засѣданія или отдѣльные его моменты, или отдѣльные законопроекты, или одну какую-либо рѣчь, или мотивированный переходъ къ дѣламъ. Это перечисленіе имѣетъ только примѣрное значеніе и не исключаетъ возможности распубликовать полностью все засѣданіе, буде Государственная Дума о томъ постановитъ“. Никто не представилъ возраженій, и проектъ коммиссіи былъ принятъ [1]). А такъ какъ вопросъ разсматривался въ порядкѣ наказа, т.-е. не подлежалъ ни передачѣ въ Государственный Совѣтъ, ни послѣдующей санкціи Государя, то изложенное выше опредѣленіе немедленно вступило въ силу. Министры въ засѣданіи Думы 27 іюня по обычаю отсутствовали.

Работа аграрной коммиссіи по составленію проекта обращенія отъ Государственной Думы замедлилась. Докладъ былъ представленъ 3 іюля, и тогда же Дума опредѣлила обсудить его 4 іюля. Коммиссія предложила повторить въ обращеніи касающуюся аграрнаго вопроса часть отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, затѣмъ указать, что Дума послѣ министерской деклараціи выразила министрамъ недовѣріе „и немедленно приступила сама къ выработкѣ новаго земельнаго закона“ и перечислить принятыя уже въ коммиссіи главныя начала этого закона. Далѣе предлагалось напомнить, „что по манифесту 17 октября 1905 г. никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ одобренія Государственной Думы“. А въ заключеніе проектировалось сказать: „Что же касается до принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, то Государственная Дума отъ сего основанія новаго земельнаго закона не отступитъ, отклоняя всѣ предположенія, съ этимъ началомъ не согласованныя. Указывая, наконецъ, что только тщательно обдуманный и правильно составленный

---

1) Тамъ же, стр. 1774.

законъ можетъ дать народу земельное обезпеченіе, Государственная Дума надѣется, что населеніе будетъ покойно и мирно ожидать окончанія ея работы по изданію такого закона".

Все засѣданіе 4 іюля, затянувшееся почти до 12 ч. ночи, было посвящено общимъ преніямъ по докладу аграрной коммиссіи. Въ началѣ засѣданія, кажется, присутствовалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Столыпинъ, но участія въ преніяхъ не принималъ.

Наиболѣе энергичныя возраженія противъ проекта обращенія къ народу состояли въ указаніи на несоотвѣтствіе между значеніемъ предложенной мѣры и преслѣдуемой ею цѣлью. Съ точки зрѣнія однихъ, содержаніе проекта не отвѣчало цѣли потому, что было слишкомъ блѣдно и слабо. Съ точки зрѣнія другихъ—если не проектируемый текстъ, то самый фактъ обращенія отъ лица Государственной Думы къ населенію представлялся, сравнительно съ тѣмъ, что̀ имѣлось въ виду, какъ цѣль, чрезмѣрно крупнымъ.

Кромѣ г. Скирмунта, среди этихъ другихъ были кн. Волконскій, кн. Друцкой-Любецкій, г. Ярцевъ, гр. Гейденъ, Л. І. Петражицкій. „Я представляю себѣ—говорилъ Л. І. Петражицкій—такое обращеніе къ народу, какъ актъ великой важности, какъ обращеніе съ новымъ и великимъ словомъ для достиженія великаго эффекта, великой цѣли. И вотъ, съ этой точки зрѣнія, меня прежде всего поражаетъ крайнее несоотвѣтствіе между характеромъ задуманнаго акта—обращеніемъ Думы къ народу, ко всѣмъ народамъ, населяющимъ имперію,—и тѣмъ, что̀ въ этомъ сообщеніи говорится. Какое великое слово сообщается отъ Думы народу? Здѣсь сообщается о разныхъ постановленіяхъ аграрной коммиссіи Думы. Въ этихъ сообщеніяхъ не имѣется ничего существенно новаго по сравненію съ тѣмъ, что̀ Дума въ торжественной формѣ выразила въ отвѣтѣ на тронную рѣчь. Сообщеніе, говоря лишь о работахъ аграрной коммиссіи, будетъ представлять нѣчто весьма скромное и неновое". Ораторъ заявлялъ, что разъясненіе фактическаго положенія дѣла, искаженнаго въ правительственномъ сообщеніи, можетъ быть достигнуто иначе: „можно, напримѣръ, постановить, чтобы аграрная коммиссія представила отчетъ о работахъ, и этотъ отчетъ опубликовать" [1]). Гр. Гейденъ, раздѣляя тотъ же взглядъ, полагалъ, что было бы болѣе правильно рѣшить сообщать во всеобщее свѣдѣніе о ходѣ работъ по аграрному вопросу регулярно—одинъ или два раза въ мѣсяцъ.

Блѣднымъ и слабымъ находили внесенный проектъ гг. Жилкинъ, Ледницкій, Рамишвили, Сафоновъ, Галецкій. Ораторы этой группы, кромѣ г. Ледницкаго, смотрѣли на обращеніе къ народу, какъ на

---

[1]) Эта и дальнѣйшія цитаты—см. „Страна", №№ 116, 117, 118 и 119.

средство установленія живой связи Думы съ народомъ. Г. Жилкинъ особенно возражалъ противъ послѣднихъ словъ проекта. „Миръ и спокойствіе!—говорилъ онъ.—Но развѣ Государственная Дума явилась благодаря миру и спокойствію?.. По моему мнѣнію, нужно подчеркнуть мысль, что не миръ и спокойствіе, а безпокойство въ хорошемъ и великомъ смыслѣ этого слова можетъ организовать массы, сплотить ихъ около Думы и добиться вмѣстѣ съ Думой осуществленія и другихъ широкихъ и великихъ народныхъ законовъ". Рѣчь г. Ледницкаго носила условный характеръ. Если имѣть въ виду цѣль, намѣченную г. Жилкинымъ, то текстъ проекта, по словамъ г. Ледницкаго, „является ничтожнымъ". Если становиться на путь воззванія къ народу, „то нужно его выработать въ такой формѣ, чтобы она дѣйствительно отвѣчала намѣченной цѣли". Но становиться на этотъ путь г. Ледницкій не рекомендовалъ, а предложилъ ограничиться принятіемъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ „съ надлежащей рѣзкой мотивировкой, какъ дѣйствій министерства, такъ и положенія страны".

На оба фронта отвѣчали гг. Котляревскій, Гредескулъ, Якушкинъ, Кокошкинъ. Всѣ они стремились ввести вопросъ въ рамки рѣшенія, принятаго Думою 26 іюня. „Прежде всего — такъ началъ г. Котляревскій—я хотѣлъ бы ввести наше теперешнее обсужденіе въ рамки того вопроса, который насъ занимаетъ. Я думаю, что, предпринимая этотъ шагъ, мы ни на какой новый путь не вступаемъ. Ничего революціоннаго въ нашемъ актѣ нѣтъ уже потому, что всякій революціонный призывъ есть призывъ къ дѣйствіямъ, а здѣсь этого нѣтъ. Мы должны просто разсѣять тотъ туманъ, который сталъ между нами и населеніемъ. Никакой перемѣны тактики здѣсь нѣтъ, новаго тоже ничего нѣтъ. Это сообщеніе имѣетъ лишь цѣлью извѣстить населеніе о томъ, что̀ происходитъ, и главное, что̀ есть въ этомъ актѣ, — это широкое освѣдомленіе народа. Разъ это такъ, то, въ сущности говоря, форма не играетъ особенной роли. Здѣсь самое важное, самое главное, чтобы не было никакой неопредѣленности, никакой недоговоренности, но чтобы въ каждомъ нашемъ словѣ чувствовался безусловный авторитетъ истинности и правдивости".

6 іюля Дума перешла къ обсужденію доклада аграрной коммиссіи во второмъ чтеніи, т.-е. по частямъ. И. И Петрункевичъ отъ имени партіи народной свободы внесъ поправку, заключавшую въ себѣ новую редакцію всего текста обращенія. Онъ мотивировалъ необходимость отказаться отъ редакціи аграрной коммиссіи ея недостаточной опредѣленностью, что̀ подтвердили пренія 4 іюля, и вообще слѣдующими соображеніями: „Мнѣ кажется, было бы въ высшей степени важно, еслибы Дума своимъ постановленіемъ ясно и опредѣленно

показала, что въ ея задачу вовсе не входитъ въ настоящій моментъ ни захватъ исполнительной власти, ни вообще революціонизированіе страны. Дума всегда до сихъ поръ стремилась, напротивъ, къ разрѣшенію той смуты, которая создана въ странѣ, къ разрѣшенію исключительно мирными путями. Въ этомъ была ея задача и ея заслуга. Тѣмъ болѣе важно, что она встрѣтила на своемъ пути противодѣйствіе правительства, которое по странности своего режима шло въ этомъ случаѣ на перерѣзъ Думѣ, и, вмѣсто того, чтобы принимать мѣры, которыя могли бы успокоить страну, оно принимало цѣлый рядъ мѣръ, которыя, напротивъ, вносили волненія и смуту“.

Г. Жилкинъ, „вмѣсто двусмысленнаго и опаснаго—какъ онъ сказалъ—призыва къ спокойствію и миру“, предложилъ отъ имени трудовой группы включить въ обращеніе слѣдующія слова: „Государственная Дума выражаетъ увѣренность, что населеніе съ прежнимъ довѣріемъ будетъ относиться къ ея работамъ и обезпечитъ ей своей мощной, организованной поддержкой полную возможность провести начинанія Государственной Думы въ жизнь“.

Открылись горячія пренія между представителями двухъ наиболѣе многочисленныхъ думскихъ партій. Принимали въ нихъ участіе также, съ одной стороны, соціалъ-демократы, съ другой — октябристы. Съ обычнымъ остроуміемъ возражалъ г. Жилкину гр. Гейденъ, заявившій въ концѣ, что „слѣдуетъ поддержать поправку, которая внесена партіей народной свободы“.

Прежде всего баллотировалась поправка г. Жилкина и была отвергнута. Эта баллотировка вызвала со стороны соціалъ-демократовъ мотивированный отказъ отъ участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи проекта обращенія. „Въ виду того—заявилъ отъ имени ихъ г. Ишерскій,— что большинство Думы приняло такой текстъ обращенія, главный смыслъ котораго сводится къ укору народа и призыву его къ спокойствію, а не къ обличенію тѣхъ правительственныхъ насильниковъ, которые сдѣлали Думу безсильной и не оставляютъ народу другого пути, какъ путь насильственной борьбы за свободу и землю, мы видимъ себя вынужденными отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ обсужденіи проекта обращенія, а при окончательномъ голосованіи будемъ голосовать противъ него, оставляя за собой право самостоятельнымъ обращеніемъ выяснить народу истинное положеніе дѣлъ“.

Послѣ этого пренія сразу приняли дѣловой характеръ и сосредоточились на частныхъ измѣненіяхъ текста поправки г. Петрункевича. Болѣе существенно было отвергнутое Думой предложеніе г. Гралевскаго, отъ лица польскаго кола, включить въ обращеніе слова: „будетъ примѣнено устройство земельнаго дѣла согласно съ мѣстными условіями, по волѣ мѣстнаго населенія“. Принятіемъ этой вставки

члены кола обусловливали голосованіе за редакцію партіи народной свободы.

Въ конечномъ результатѣ большинство 124 голосовъ противъ 53, при 101 воздержавшихся, приняло слѣдующій текстъ съ заголовкомъ „Отъ Государственной Думы“:

„20 іюня министерство опубликовало правительственное сообщеніе, въ которомъ оно объявляетъ свои предположенія о земельномъ законѣ.

„Это сообщеніе подрываетъ въ населеніи вѣру въ правильное разрѣшеніе земельнаго вопроса законодательнымъ путемъ.

„Государственная Дума стремилась и стремится къ мирному установленію новаго порядка въ странѣ. Дума надѣется, что разъясненіе истиннаго положенія, въ которомъ находится вопросъ о земельномъ законѣ, дастъ возможность населенію покойно и мирно ждать окончанія работы по изданію земельнаго закона.

„Прежде всего Государственная Дума считаетъ необходимымъ напомнить, что, согласно манифесту 17 октября 1905 года, никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ одобренія Государственной Думы.

„Еще 5 мая, въ отвѣтѣ на тронную рѣчь Государя Императора, Дума слѣдующими словами высказалась о земельномъ вопросѣ:

„Наиболѣе многочисленная часть страны—трудовое крестьянство съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая Русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, еслибы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ“.

„На это выраженіе воли народныхъ представителей совѣтъ министровъ заявилъ, что принудительное отчужденіе частно-владѣльческихъ земель безусловно недопустимо. Тогда Государственная Дума выразила министерству свое недовѣріе и немедленно приступила къ составленію новаго земельнаго закона. Особая коммиссія, образованная Думою изъ представителей всѣхъ мѣстностей Россіи, разрабатываетъ теперь этотъ законъ.

„Въ основаніе новаго земельнаго устройства полагаются начала, указанныя Государственной Думой въ отвѣтномъ адресѣ Государю Императору. Принудительное отчужденіе должно совершиться на основаніи особаго о томъ закона, имѣющаго цѣлью надѣленіе отчуждаемою землею трудящагося крестьянства.

„По вопросу о томъ, какія земли подлежатъ принудительному отчужденію, коммиссія предположила, что, во всякомъ случаѣ, не

должны быть отчуждаемы „надѣльныя земли всѣхъ наименованій“, а затѣмъ также и мелкія владѣнія.

„Въ той же коммиссіи вырабатывается законъ объ особыхъ мѣстныхъ земельныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ населеніе черезъ своихъ выборныхъ приметъ участіе въ правильномъ и справедливомъ устройствѣ земельныхъ дѣлъ.

„Отъ предположенныхъ Государственной Думою основаній новаго земельнаго закона Государственная Дума не отступитъ и никакія предположенія, съ ними несогласованныя, не могутъ быть ею одобрены“.

IV.

Я не безъ умысла привелъ текстъ обращенія „отъ Государственной Думы“ полностью, безъ всякихъ сокращеній, и изложилъ съ подробностью, быть можетъ утомительной, сущность преній, происходившихъ 4-го и 6-го іюля. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ дѣятельности Думы, общество ежедневно получало, въ видѣ газетныхъ отчетовъ, такое множество матеріала захватывающаго интереса, что положительно не имѣло возможности слѣдить съ достаточнымъ вниманіемъ за всѣмъ, что̀ въ Думѣ говорилось и что̀ Думою рѣшалось. Газеты по необходимости прочитывались на̀-спѣхъ, и прежде, чѣмъ усвоивались одни извѣстія, печать несла уже другія. Отъ чтенія оставалось только общее впечатлѣніе, причемъ рѣшенія естественно смѣшивались съ предложеніями и рѣчами—и наоборотъ.

Какъ справедливо говорилъ 4-го іюля С. А. Котляревскій, всякій революціонный призывъ непремѣнно предполагаетъ призывъ къ дѣйствіямъ. Ибо идейная революція не есть революція въ обычномъ смыслѣ понятія: въ такомъ смыслѣ она составляетъ одинъ изъ элементовъ развившагося общественнаго движенія—не больше. Къ какимъ же дѣйствіямъ призывала Дума населеніе? Можно ли, примѣняя самые изощренные сыщическіе пріемы, разыскать въ строкахъ и между строкъ думскаго обращенія призывъ къ какому бы то ни было дѣйствію? Можно ли назвать революціоннымъ по содержанію такой актъ, въ которомъ учрежденіе, его выпускающее, говоритъ, что оно „стремилось и стремится къ *мирному* установленію новаго порядка въ странѣ“ и затѣмъ выражаетъ надежду на *покойное и мирное* ожиданіе населеніемъ окончанія законодательной работы? Дума даже позаботилась о томъ, чтобы и мысли не возникло у народа о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель въ порядкѣ самовольнаго захвата и сказала: „принудительное отчужденіе должно совершиться на основаніи *особаго о томъ закона*“.

Правда, Думѣ сдѣлано было предложеніе придать обращенію иной характеръ. Трудовая группа желала видѣть въ его текстѣ слова, которыя, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, возможно считать замаскированнымъ призывомъ къ революціи. Но это предложеніе было отвергнуто. И то, что оно было внесено и, несмотря на энергичную поддержку, было отвергнуто, развѣ не служитъ лучшимъ доказательствомъ, что большинство Государственной Думы—т.-е. Дума, какъ учрежденіе—вполнѣ сознательно отнеслось къ каждому слову обращенія и отнюдь не имѣло ни явнаго, ни скрытнаго намѣренія сходить съ пути конституціоннаго на путь революціонный? Правда, по поводу обращенія нѣкоторые ораторы и группа соціалъ-демократовъ въ своемъ мотивированномъ заявленіи шли еще дальше, чѣмъ предложеніе г. Жилкина. Одинъ изъ ораторовъ говорилъ: „Государственная Дума должна взять въ свои руки временную исполнительную власть". Но отразились ли и въ чемъ эти слова и это заявленіе въ принятомъ Думою рѣшеніи?

„Революціонное выступленіе", выразившееся въ письменномъ актѣ,—безсмыслица, если содержаніе акта не революціонно. Какъ отдѣльный человѣкъ, совершившій дѣйствіе, формально неправильное, но не революціонное по содержанію, не можетъ быть обвиненъ въ посягательствѣ на ниспроверженіе существующаго государственнаго строя, такъ нельзя называть революціоннымъ выступленіемъ нарушеніе учрежденіемъ его компетенціи или установленныхъ закономъ формъ отправленія дѣятельности. Иначе пришлось бы преслѣдовать, какъ революціонера, всякаго, оказывающаго сопротивленіе органамъ власти, или даже каждаго вора, и признавать революціоннымъ выступленіемъ приговоръ суда, постановленный съ отступленіемъ отъ правилъ подсудности, или формально неправильное постановленіе административной коллегіи.

Такимъ образомъ, уже одно отсутствіе революціоннаго содержанія въ принятомъ Думою обращеніи къ народу устраняетъ возможность его трактованія, какъ „революціоннаго выступленія". Но и по формѣ его отнюдь нельзя назвать революціоннымъ, въ смыслѣ прямого отрицанія опредѣленныхъ закономъ рамокъ дѣятельности Думы, или тѣхъ границъ, которыя, не будучи начертаны въ законѣ, обозначаются основами конституціоннаго строя.

По словамъ петербургскаго губернатора, подобныя „обращенія ни въ какихъ, даже республиканскихъ, странахъ не допускаются". Это мнѣніе, какъ явно основанное на незнаніи фактовъ, не требуетъ опроверженій. Что же касается того, что во Франціи—не конституціонная монархія, а республика, то въ данномъ случаѣ важно только соотношеніе между представительной палатой и министерствомъ, для чего

безразлична организація верховной власти. По словамъ того же губернатора, „по нашимъ законамъ въ подобномъ образѣ дѣйствій можно видѣть только преступную измѣну присягѣ“. Авторъ руководства для бесѣдъ земскихъ начальниковъ съ крестьянами умалчиваетъ, по какимъ „нашимъ законамъ“, и ни одного изъ общеизвѣстныхъ текстовъ присяги не приводитъ. И, конечно, онъ самъ не станетъ спорить, что предлагаемая имъ къ внѣдренію въ умы крестьянъ фраза — просто наборъ „страшныхъ“ словъ. Преступно только то, что воспрещено уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія. Обращеніе же отъ Государственной Думы къ населенію ни одной статьей уголовнаго уложенія и уложенія о наказаніяхъ не предусмотрѣно. А подъ измѣною законъ разумѣетъ нѣчто совсѣмъ другое.

Не только обложеннаго уголовной карой запрета обращаться отъ Государственной Думы къ населенію не существуетъ, но и вообще такое дѣйствіе закономъ не запрещено. Дѣйствительно, нѣтъ въ законѣ указаній и на право дѣлать такого рода обращенія. Но гдѣ указанія, что это право принадлежитъ правительству—въ лицѣ отдѣльныхъ министровъ или объединеннаго министерства? Вновь созданной Государственной Думѣ приходилось, безъ сложившихся практикой обычаевъ, опредѣлять пріемы своей работы. Обязательными для нея были лишь прямыя указанія и запреты основныхъ законовъ и учрежденія Думы. Она рѣшила полныхъ стенографическихъ отчетовъ въ исключительно большомъ количествѣ экземпляровъ не печатать и не распространять, но для особыхъ случаевъ усвоить обычай, существующій во Франціи. Это рѣшеніе не вызвало протеста, и Дума послѣ 27-го іюня распущена не была. А между тѣмъ обращеніе, вотированное 6-го іюля, было не чѣмъ инымъ, какъ первымъ примѣненіемъ рѣшенія 27-го іюня.

Абсолютно нельзя понять, въ чемъ была бы разница, еслибы Государственная Дума придала обращенію характеръ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, какъ предлагалъ А. Р. Ледницкій, или отчета аграрной коммисіи, какъ предлагалъ Л. І. Петражицкій. Суть въ томъ, что Дума постановила распубликовать обращеніе особо отъ стенографическаго отчета. И именно этимъ, а вовсе не заголовкомъ и не внѣшнимъ характеромъ изложенія, объясняется, почему министерство, не реагировавшее на принимавшіяся раньше гораздо болѣе рѣзкія переходныя формулы, объявило обращеніе недопустимымъ по формѣ актомъ. Также точно оно отнеслось бы, разъ желало найти поводъ для роспуска Думы, и къ постановленію объ особомъ распубликованіи мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, отчета аграрной коммиссіи и т. п. Слишкомъ наивно думать, что измѣненіе внѣшняго вида „обращенія“ сыграло бы какую-либо роль. Какъ разъ-

яснялъ М. А. Стаховичъ, принятый 27-го іюня перечень подлежащихъ распубликованію актовъ — постановленіе, мотивированный переходъ, рѣчь—имѣлъ примѣрное значеніе. И независимо отъ этого разъясненія, развѣ принятіе обращенія не было въ техническомъ смыслѣ постановленіемъ?

Что обращеніе отъ Государственной Думы не было, по замыслу подавшихъ за него голосъ, только боевымъ ударомъ въ борьбѣ съ министерствомъ—объ этомъ, послѣ воспроизведенія текста обращенія и сущности преній, едвали нужно особенно распространяться. Всѣ говорившіе въ пользу обращенія высказывали гораздо болѣе глубокія мысли. Подрывъ авторитета Думы, разрушеніе вѣры народной въ Думу — вотъ что считали они главнымъ зломъ правительственнаго сообщенія 20-го іюня. Для нихъ, конечно, было ясно, что обращеніе явится ударомъ по адресу министерства, но въ ихъ глазахъ это было обстоятельство попутное—послѣ всѣхъ вотумовъ недовѣрія неизбѣжно-обычное и по послѣдствіямъ малозначащее, такъ какъ нравственный авторитетъ бюрократическаго министерства уже помимо Думы многолѣтними предшественниками гр. Витте, И. Л. Горемыкина и П. А. Столыпина давно низведенъ къ нулю. Специфическій характеръ боевого удара неизмѣримо болѣе имѣло правительственное сообщеніе, чѣмъ отвѣтное на него обращеніе Думы. Прочтите второе непосредственно послѣ перваго и скажите: гдѣ полемическій тонъ, гдѣ субъективизмъ, гдѣ краснорѣчивые кивки и намеки?.. Правительство, забывъ, что одному Монарху принадлежитъ право аппеляціи къ народу въ конфликтѣ съ представителями—путемъ ихъ роспуска и назначенія новыхъ выборовъ,—своимъ сообщеніемъ передавало на усмотрѣніе народа его споръ съ Думой. А Дума самое бо́льшее, что говорила по адресу правительства — что она ему не довѣряетъ, за нимъ не пойдетъ и ему не уступитъ.

Глубоко неправъ былъ г. Скирмунтъ, положившій въ основу своей рѣчи слова: „оказалось желательнымъ нанести ударъ министерству". Нѣтъ, оказалось необходимымъ сдѣлать шагъ для предотвращенія того, чтобы правительственное сообщеніе не произвело вреднаго дѣйствія, чтобы оно не уронило авторитета Думы и чтобы извѣрившееся крестьянство не дошло логически—при содѣйствіи революціонной агитаціи—до мысли: „мы сами возьмемъ". И чувство ни на кого не перелагаемой отвѣтственности подсказало большинству Думы, что оно должно обратиться къ крестьянамъ съ искреннимъ и правдивымъ словомъ успокоенія. Для этого ему пришлось напомнить смыслъ манифеста 17-го октября, повторить твердое рѣшеніе не отступать отъ начала принудительнаго отчужденія земель, находящихся въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, и сказать, что между Думой и министерствомъ лежитъ непереходимая

бездна. Въ разсчеты большинства Думы не входилъ призывъ народа къ активной революціонной борьбѣ съ правительствомъ—и она такого призыва не сдѣлала. Но въ его разсчеты также не входило—нанести только лишній ударъ министерству.

И не одни „зловредные“ члены распущенной Государственной Думы въ концѣ іюня и въ началѣ іюля полагали, что насталъ моментъ для Думы обратиться къ крестьянству. Та же мысль была даже у представителей администраціи. 27 іюня, на другой день послѣ внесенія мною предложенія о такомъ обращеніи, я получилъ изъ Воронежа отъ управлявшаго губерніей вице-губернатора слѣдующую телеграмму, поданную тогда, когда въ Воронежъ еще не могли придти извѣстія ни о моемъ предложеніи, ни о рѣшеніи Думы. „Во имя любви къ многострадальному народу, умоляемъ Думу издать воззваніе къ крестьянамъ. Призовите ихъ къ терпѣнію, твердой вѣрѣ въ плодотворность работы Думы. Потухающая надежда, безысходная нужда толкаютъ ихъ на безумства. Только-что вернулся съ аграрныхъ безпорядковъ. Сердце сжимается отъ пережитого. Едва сдерживаешь рыданія. Одной лаской, любовью можно предотвратить предстоящія кровопролитія, въ чемъ лично убѣдился. Другого способа нѣтъ. Спѣшите. Пожалѣйте родину. Вице-губернаторъ Кохъ“ [1]).

V.

Что поводомъ роспуска Думы послужило обращеніе къ населенію, или, вѣрнѣе, что министерство ухватилось за обращеніе, чтобы создать поводъ для роспуска—это стоитъ внѣ спора. Но дѣйствительная причина, почему 8-го іюля Государственная Дума была распущена, лежитъ, конечно, ни въ обращеніи, какъ анти-конституціонномъ актѣ, ни въ его содержаніи. Она коренится глубоко: еще не настало время для реализаціи объявленнаго перехода Россіи къ новому государственному строю и для обновленія законодательства—въ частности регламентирующаго соціально-экономическія отношенія. Это время

[1]) Ни тогда, ни потомъ я не дѣлалъ изъ этой телеграммы тайны, но и не предполагалъ, само собою разумѣется, ее печатать. Дѣлаю это только потому, что она уже была напечатана — не знаю, кто доставилъ текстъ—въ „Воронежскомъ Словѣ“ и оттуда была заимствована нѣкоторыми другими изданіями. Кстати: эта телеграмма послужила поводомъ къ тому, что г. Кохъ былъ немедленно вызванъ въ Петербургъ и затѣмъ уволенъ отъ должности. Любопытно, что г. Коху въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была предъявлена ея копія. Я никому телеграммы г. Коха для снятія копіи не давалъ; онъ, надо думать,—также. Какъ же она попала въ министерство? Остается предположить, что и корреспонденція управляющихъ губерніями не свободна отъ перлюстраціи.

настанетъ—и настанетъ скоро,—но пока необходимая эволюція еще не завершилась.

Бюрократія, особенно высшая, всегда стояла внѣ жизни — и такою же она осталась послѣ созыва Думы. Въ Думѣ оказались призванными для совмѣстной работы люди, абсолютно чуждые другъ другу, говорившіе на разныхъ языкахъ и потому другъ друга не понимавшіе. Избранные народомъ представители пришли перестроить съ фундамента все зданіе государства. А встрѣтившіе ихъ министры, — быть можетъ, совершенно искренно желавшіе обновленія,—и въ мысляхъ не имѣли, что невозможно ограничиться чисткой фасада, перемѣной балокъ и отдѣльныхъ камней изъ фундамента.

Въ отвѣтномъ адресѣ Государю Дума сказала, что она „почитаетъ неотложно необходимымъ обезпечить страну точнымъ закономъ о неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати, свободѣ союзовъ, собраній и стачекъ". Министерство въ декларацiи 13-го мая на это заявленіе не возражало, но поспѣшило оговорить: „при выполненіи этой законодательной работы необходимо вооружить административную власть дѣйствительными способами къ тому, чтобы и при дѣйствіи законовъ, разсчитанныхъ на мирное теченіе государственной жизни, правительство могло предотвращать злоупотребленія дарованными свободами и противодѣйствовать посягательствамъ, угрожающимъ обществу и государству". Министры явно этимъ говорили: пусть живущіе милостью начальства обыватели обратятся въ гражданъ, обладающихъ свободой и правами; но пусть въ рукахъ администраціи, все-таки, останется право на произволъ,—это есть единственно дѣйствительный способъ управленія. Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ и его товарищъ, г. Макаровъ, не разъ сообщали Думѣ, какъ нѣчто, что должно ее удовлетворить, что о тысячѣ слишкомъ административно сосланныхъ и арестованныхъ дѣла въ министерствѣ пересматриваются и что нѣсколько сотъ лицъ уже освобождено. И имъ, очевидно, въ голову не приходило, насколько больно бьютъ по нервамъ членовъ Думы ихъ слова. Они не понимали, что въ глазахъ представителей народа, пришедшихъ установить начала гражданской свободы, не то важно, что X былъ посаженъ въ тюрьму, а Y сосланъ, а то, что они были арестованы и сосланы безъ суда и безъ вины, по произвольному усмотрѣнію, и затѣмъ по тому же усмотрѣнію освобождены.

Бюрократія, катясь по наклонной плоскости уступокъ, докатилась до возвѣщенія гражданской свободы, до конституціоннаго строя и до признанія необходимости широкихъ коренныхъ реформъ. Но всего значенія поставленныхъ на очередь вопросовъ она, если была искренна въ торжественныхъ обѣщаніяхъ и возвѣщеніяхъ, не усвоила. Ей и

послѣ созыва Думы казалось, и теперь, повидимому, кажется, что ни отношенія ея къ населенію, ни отношенія къ ней населенія не измѣнились, что не предстоитъ переворота въ понятіяхъ, отказа отъ старыхъ пріемовъ управленія и перехода къ совершенно инымъ — словомъ, что ничего особеннаго не произошло и не предстоитъ. Въ помощь министрамъ былъ прежде Государственный Совѣтъ изъ старцевъ-сановниковъ. Теперь Совѣтъ—наполовину изъ старцевъ, наполовину изъ дворянъ, земцевъ, и т. д., и Государственная Дума изъ представителей отъ всѣхъ сословій и классовъ. И прежній Государственный Совѣтъ, случалось, журилъ министровъ, но, главное, онъ имъ помогалъ въ *ихъ* отвѣтственномъ дѣлѣ. Призывомъ Думы къ помощи и закончилъ свое величаво-поучительное чтеніе И. Л. Горемыкинъ 13-го мая: „Совѣтъ министровъ питаетъ увѣренность, что Государственная Дума, въ убѣжденіи, что мирное преуспѣяніе Россійскаго государства зависитъ отъ разумнаго сочетанія свободы и порядка, своей спокойной созидательной работой *поможетъ ему внести столь необходимое для страны успокоеніе во всѣ слои населенія*“.

Не разъ приходилось въ Думѣ вспоминать обстоятельства, предшествовавшія первому земскому съѣзду въ ноябрѣ 1904 года. Благожелательный къ проявленіямъ общественной самодѣятельности, князь Святополкъ-Мирскій, сначала съѣздъ разрѣшилъ, и начальникъ управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства предлагалъ даже устроителямъ съѣзда для засѣданій залы министерства. Но когда была представлена программа намѣченныхъ для обсужденія вопросовъ, все сразу измѣнилось. Разрѣшеніе было взято обратно, и, какъ разсказывали, начальникъ управленія, увидя программу, съ горечью говорилъ тѣмъ же устроителямъ: „а я думалъ, соберемся, потолкуемъ о земскихъ нуждахъ и дѣлахъ, вы намъ поможете своимъ опытомъ и знаніями“... Такъ и на Государственную Думу хотѣла смотрѣть бюрократія.

VI.

Земельный вопросъ въ современной Россіи—самый грандіозный, жгучій и больной, и не случайно конфликтъ произошелъ на почвѣ этого вопроса. По отношенію ко всему остальному, что̀ было выражено въ отвѣтномъ адресѣ Думы, совѣтъ министровъ ограничивался оговорками. А по отношенію къ земельному вопросу заявилъ, что разрѣшеніе его на предположенныхъ Думою основаніяхъ „безусловно недопустимо“. Какъ только имъ былъ изготовленъ проектъ земельной реформы, совѣтъ министровъ счелъ нужнымъ издать „правительствен-

ное сообщеніе“ и разослать его кипами земскимъ начальникамъ, чтобы оно дошло до каждаго крестьянина.

Въ чемъ же состояла основа разногласія между Думой и министерствомъ по земельному вопросу? Почему министерство придавало столь исключительное значеніе этому разногласію и во всеоружіи власти ополчилось на предположенія Государственной Думы?

Предметомъ разногласія былъ голый принципъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Именно голый,—потому что за два мѣсяца работы Думы почти ничто изъ средствъ проведенія его въ жизнь еще не опредѣлилось. Въ отвѣтномъ адресѣ Дума сказала: „первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, еслибы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности (трудового крестьянства), путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и *принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ*“—и поставила точку. Имѣла ли Дума въ виду отчужденіе возмездное или безвозмездное, всѣхъ частновладѣльческихъ земель или нѣкоторыхъ, въ зависимости ли отъ возможности удовлетворить иными мѣрами мѣстную нужду крестьянъ въ землѣ или нѣтъ, предполагала ли она передачу отчужденныхъ земель на правѣ собственности или на правѣ арендномъ, и т. д., и т. д.,—все это еще оставалось въ области открытыхъ вопросовъ. Безконечно долгія пренія, предшествовавшія образованію аграрной коммиссіи, напротивъ, показали, что, при единодушномъ отношеніи къ принципу, внутри самой Думы существуетъ крайнее различіе взглядовъ на средства его проведенія, и что всякій радикализмъ въ развитіи принципа скорѣе будетъ отвергнутъ, нежели получитъ торжество. Подтвержденіемъ послѣдняго не могъ также не служить условный и далекій отъ радикализма характеръ аграрной программы главенствовавшей въ Думѣ партіи.

Чисто принципіально мотивировало свои знаменитыя слова: „безусловно недопустимо“ и министерство въ декларадіи 13-го мая. Оно говорило: „Не можетъ государственная власть отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество“. „Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является, во всемъ мірѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни, краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и общественнаго развитія, кореннымъ устоемъ государственнаго бытія, безъ коего немыслимо и самое существованіе государства“. Но это были, очевидно, болѣе слова, чѣмъ доводы. Ни одинъ изъ устоевъ государственнаго бытія не чуждъ ограниченій, ибо жизнь никогда не укладывается цѣликомъ въ рамки отвлеченныхъ теоретическихъ формулъ. Начало неотъемлемости и неприкосновен-

ности собственности мирно живетъ рядомъ съ экспропріаціей имущества на общественныя надобности—для проведенія желѣзныхъ дорогъ, устройства крѣпостей, даже войсковыхъ стрѣльбищъ. Оно не помѣшало освободить въ 1861 г. крестьянъ съ землею,—позже—издать лѣсоохранительный законъ, рѣзко нарушившій „краеугольный камень народнаго благосостоянія и общественнаго развитія“.

Но вскорѣ затѣмъ министерство раскрыло свои карты. Въ засѣданіи Думы 19-го мая товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Гурко, говорилъ: „Не думайте, господа, что выгоды землевладѣльцевъ я отстаиваю, стремясь доказать пагубность для нашей страны предположенной мѣры. Наоборотъ, я того мнѣнія, что если стать исключительно на точку зрѣнія личныхъ, преходящихъ выгодъ землевладѣльцевъ, то предложенная мѣра, въ томъ видѣ, какъ она изложена въ запискѣ 42-хъ членовъ Государственной Думы, въ высокой степени соотвѣтствуетъ этимъ интересамъ. Дѣйствительно, что̀ предположено? Купить у землевладѣльцевъ принадлежащія имъ земли по справедливой цѣнѣ. Но вѣдь это именно то, что̀ они нынѣ всѣ желаютъ сдѣлать. Всѣмъ извѣстно, что въ настоящую минуту предложеній о продажѣ земель поступаетъ въ крестьянскій банкъ свыше мѣры. При современныхъ обстоятельствахъ едвали кто-либо признаетъ, что владѣніе землей составляетъ завидное преимущество, по сравненію съ владѣніемъ деньгами. Если же говорить, что многіе помѣщики дорожатъ своими усадьбами, доставшимися имъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, то въ этомъ отношеніи имъ опасаться нечего. Эти усадьбы за ними благосклонно сохраняются предложеніемъ, внесеннымъ въ Думу. Нѣтъ, не ради выгодъ землевладѣльческаго сословія я стою на той точкѣ зрѣнія, что мѣра эта пагубна, а ради выгодъ всей страны, ради сохраненія мощи Россіи, и прежде всего ради интересовъ сельскихъ народныхъ массъ. Не землевладѣльцевъ эта мѣра ввергнетъ въ нищету и обездолитъ, а тѣ самыя сельскія массы, участь которыхъ вамъ такъ близка и васъ столь серьезно озабочиваетъ. Увы, нашихъ землевладѣльцевъ приходится убѣждать не въ необходимости разстаться со своей землей, а наоборотъ, въ томъ, что ихъ патріотическій долгъ состоитъ въ сохраненіи хотя бы части ихъ земельныхъ владѣній, не взирая на тѣ тяжелыя условія, въ которыя они нынѣ поставлены“ [1]).

Эти слова говорилъ г. Гурко, формально не входившій въ составъ кабинета, но это были мысли всего министерства. 20-го іюня оно ихъ повторило, частью въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ правительственномъ сообщеніи. Г. Гурко повѣдалъ Думѣ давно извѣстную истину:

---

[1]) Оффиц. стенографическій отчетъ, стр. 522.

нашихъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ „убѣждать въ необходимости разстаться со своей землей не приходится". Они завалили предложеніями крестьянскій банкъ. Въ общемъ правилѣ, они всѣ хотятъ продать земли—только продать какъ можно дороже. Но все остальное въ словахъ г. Гурко—рядъ сплошныхъ софизмовъ, которые не въ силахъ прикрыть, что онъ—а за нимъ министерство—отстаиваетъ именно „личныя преходящія выгоды землевладѣльцевъ".

Правительственное сообщеніе, не безъ кивка въ сторону кадетской программы и составлявшихъ ее помѣщиковъ-земцевъ, иронизировало надъ выкупомъ по „справедливой" оцѣнкѣ. А само противопоставляло ей цѣну добровольно продаваемой земли, т.-е. оцѣнку продавца. Не вѣря въ патріотизмъ землевладѣльцевъ и ограждая крестьянъ отъ передачи имъ земель по „справедливой" оцѣнкѣ, оно объявляло, что государство должно покупать лишь добровольно продаваемыя земли—значитъ, по цѣнамъ продавцовъ. Да вѣдь всѣ землевладѣльцы, какъ говорилъ г. Гурко, только и мечтаютъ продать земли. И неужели они ихъ не продадутъ по ими самими назначенной цѣнѣ? А если продадутъ,—для чего проектъ, изложенный въ правительственномъ сообщеніи, раскрываетъ не двери, а ворота,—то причемъ окажутся заботы о сохраненіи частнаго землевладѣнія въ интересахъ крестьянъ, дабы они не лишились заработковъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ?

Бюрократія неисчислимымъ количествомъ нитей связана съ служилымъ сословіемъ—дворянствомъ—и съ крупнымъ землевладѣніемъ. Она въ теченіе десятилѣтій всячески поддерживала помѣстное дворянство. Она не останавливалась и нынѣ не останавливается передъ тѣмъ, что дворянскій и крестьянскій банки вздули цѣны на землю до того, что вынужденное ее покупать крестьянство платитъ больше процентовъ, чѣмъ получаетъ чистаго дохода. Она готова пожертвовать за счетъ государства всѣмъ, только бы дворяне-землевладѣльцы могли продать земли по дорогой цѣнѣ. Принудительное отчужденіе означаетъ полученіе платы по „справедливой" для двухъ сторонъ оцѣнкѣ. Добровольно же „я" продамъ за то, чего потребую. Очевидно—первое „безусловно недопустимо". А дабы не пострадалъ „мужичокъ", разницу между дѣйствительной стоимостью земли и покупною министерство предупредительно принимаетъ „на счетъ общихъ государственныхъ средствъ". Подобнымъ образомъ не разъ воспособлялось дворянство. Только впередъ этимъ воспособленіямъ за счетъ государственной казны, т.-е. того же мужицкаго кармана, уже „заказаны пути". Какова бы ни была Дума второго созыва, она не пойдетъ за гг. Горемыкинымъ, Столыпинымъ, Стишинскимъ, Гурко и не покроетъ себя позоромъ принятія правительственнаго земельнаго проекта.

Итакъ, вотъ какъ проста причина „безусловной недопустимости"

принудительнаго отчужденія земель! Вотъ почему министерство со всѣмъ могло мириться, но разъ только Дума рѣшила сказать крестьянамъ, что отъ этого начала земельной реформы она не отступитъ—для министерства явился поводъ Думу распустить. И что бы ни говорили внѣ министерскихъ круговъ наши аграріи въ защиту той же „недопустимости“, главное ихъ соображеніе—какъ бы выгоднѣе и дороже ликвидировать имѣнія. Для немногихъ — еще присоединяется сознаніе, что мѣстное вліяніе и значеніе состоятельныхъ классовъ стоятъ въ прямой зависимости не отъ обладанія капиталомъ въ процентныхъ бумагахъ или городской недвижимостью, а именно отъ обладанія землей. Для этихъ немногихъ ясно, что только съ потерею состоятельными классами земли наступятъ новыя соціально-экономическія отношенія и дѣйствительная демократизація общества. Отъ нихъ приходилось слышать: „Да, это будетъ, будетъ неизбѣжно, но зачѣмъ дѣлать сегодня, если можно еще отложить до завтра?“

Среди сторонниковъ сохраненія крупной частной земельной собственности стоятъ почти поголовно землевладѣльцы царства польскаго и западнаго края. Справедливость требуетъ признать, что они занимаютъ между единомышленниками обособленное мѣсто. Всѣ мѣропріятія мудраго бюрократическаго режима всегда давали обратный результатъ. Сорокъ лѣтъ правительство ограждало интересы помѣстнаго дворянства въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, — а оно безудержно таяло и остатки его „не приходится убѣждать въ необходимости разстаться съ землей“. Сорокъ лѣтъ правительство не стѣснялось мѣропріятіями, дабы вырвать земли изъ рукъ польскаго дворянства въ царствѣ и особенно въ западномъ краѣ,—а польское землевладѣніе тамъ окрѣпло и стало высоко-культурнымъ. Подъ вліяніемъ мѣръ правительства, тамъ сохраненіе имѣній стало долгомъ чести и связало владѣльцевъ съ землей не одними узами воспоминаній о пирахъ, охотахъ и вольготной жизни въ дѣдовскихъ и прадѣдовскихъ усадьбахъ. Понятно, поэтому, что принципъ принудительнаго отчужденія землевладѣльцевъ царства польскаго и западнаго края бьетъ не только по карману, а по самымъ дорогимъ чувствамъ привязанности къ гонимому въ теченіе столѣтія родному краю. И понятно также, почему ихъ представители въ Думѣ всѣми силами стремились къ тому, чтобы рѣшеніе аграрнаго вопроса было передано изъ центра на мѣста: они видѣли, что ихъ отношеніе къ землѣ и отношеніе къ землѣ массы русскихъ землевладѣльцевъ—не единицъ—глубоко различны.

Понять—конечно, не значитъ согласиться. Я отмѣчаю данное явленіе, какъ фактъ, не входя въ его разборъ и оцѣнку и не дѣлая изъ него выводовъ.

Государственная Дума распущена потому, что тѣ, кто еще достаточно сильны, дабы фактически распоряжаться судьбами Россіи, не докатились по пути уступокъ до сознанія, что они должны, если не уйти совсѣмъ, то отойти въ сторону. Вина бывшихъ членовъ первой Государственной Думы—въ томъ, что они повѣрили въ искренность намѣренія стараго режима добровольно капитулировать. За это—они отвѣтственны передъ исторіей и передъ избирателями.

Въ эволюціонномъ ходѣ событій ничто не совершается быстро, но и ни одинъ моментъ предшествующій не пропадаетъ безслѣдно для послѣдующихъ. Два мѣсяца дѣятельности Думы были могучимъ толчкомъ для ускоренія наступленія времени обновленія Россіи. Дума въ идейномъ отношеніи сдѣлала колоссально большое дѣло. Второй созывъ народныхъ представителей не замедлитъ это обнаружить.

Долженъ ли роспускъ первой Думы повлечь разрывъ съ прошлыми идеалами и прежними недавними надеждами на мирную эволюцію? По совѣсти говорю: нѣтъ! Идеѣ единенія царя съ народомъ, какъ основѣ государственнаго строя, судьба сулила и послала тяжкое испытаніе, но она ее не низвергла. Роспускъ Думы лишь показалъ, что для торжества этой идеи нужна большая по напряженію и болѣе долгая по времени борьба, чѣмъ казалось.

Старый режимъ не можетъ не капитулировать и капитулируетъ непремѣнно. Насиліе только подниметъ его энергію, которая выразится въ тысячахъ жертвъ. Насиліе, располагая милліономъ организованныхъ штыковъ, онъ раздавитъ. Мирнаго же хода освободительнаго движенія онъ не имѣетъ средствъ остановить.

Путь мирной эволюціи тяжелъ и труденъ. Мысли и слову приходится бороться съ силой. За то конечная побѣда на этомъ пути всегда остается за правдивымъ словомъ и прочувствованной мыслью. Они шагъ за шагомъ отнимаютъ у силы ея позиціи, бьютъ ее и принуждаютъ къ уступкамъ. Частные успѣхи силы никогда не долговѣчны.

Дай Богъ, чтобы предстоящіе мѣсяцы прошли безъ крайнихъ эксцессовъ съ обѣихъ сторонъ! Дай Богъ, чтобы народъ нашелъ въ себѣ силы для спокойнаго терпѣнія и ожиданія! Тѣмъ вѣрнѣе онъ обезпечитъ успѣхъ, когда мощнымъ голосомъ скажетъ во второй разъ своимъ новымъ избранникамъ: „земли и воли!“.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1906.

Тяжелое время.—Единственный выходъ изъ ужаснаго положенія.—Высочайшій указъ 12-го августа.—Несостоявшееся либеральное министерство.—Возможно ли теперь измѣненіе избирательнаго закона?—Партія мирнаго обновленія и отношеніе къ ней другихъ конституціонныхъ партій.—Партія народной свободы и крайніе лѣвые.—Думскій законопроектъ о неприкосновенности личности.—Ѳ. Г. Тернеръ †. — Post-scriptum.

Три военныхъ бунта, серія исполненныхъ смертныхъ приговоровъ, безконечная цѣпь политическихъ убійствъ и покушеній на убійство—вотъ итогъ немногихъ недѣль, истекшихъ со времени распущенія Государственной Думы. Два вывода вытекаютъ съ поразительною ясностью изъ трагическихъ событій, прошедшихъ и проходящихъ передъ нашими глазами: безсиліе полицейскихъ и судебныхъ репрессій и безплодность революціоннаго террора. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли теперь сомнѣваться въ томъ, что угроза смертной казнью ничего не останавливаетъ, никого не устрашаетъ, менѣе всего дѣйствуя на тѣхъ, кто рискуетъ жизнью въ самый моментъ совершенія преступленія? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что каждая совершившаяся казнь, возбуждая чувства отчаянія или мщенія, влечетъ за собою рядъ новыхъ посягательствъ? Не очевидно ли, что до крайности ограниченна предупредительная сила самой напряженной полицейской охраны и что противъ средствъ разрушенія, въ настоящее время, слишкомъ часто оказываются недостаточными средства защиты?... Съ другой стороны, что достигается смертью должностныхъ лицъ, офицеровъ, солдатъ, полицейскихъ чиновъ? Рѣшительно ничего: мѣсто погибшихъ тотчасъ же заступаютъ другіе, и все идетъ по старому или еще хуже; для глубокихъ перемѣнъ нужны столь же глубоко проникающія причины. То же самое можно сказать и о военныхъ бунтахъ: сколько ихъ ни было въ послѣднее время, они всегда находили отпоръ въ той самой средѣ,

въ которой возникали, и жертвы съ обѣихъ сторонъ падали напрасно, увеличивая только сумму взаимнаго озлобленія.

Элементомъ, до крайности усложняющимъ и обостряющимъ положеніе, является форма, въ которую такъ часто облекаются теперь политическія убійства. Чтобы уничтожить одного, обрекаемаго ими на смерть, террористы не отступаютъ передъ дѣйствіями, угрожающими жизни десятковъ, сотенъ ни въ чемъ, и съ ихъ точки зрѣнія, неповинныхъ людей. „Какое потрясающее впечатлѣніе“ — писали мы три мѣсяца тому назадъ — „производитъ телеграмма изъ Севастополя, изображающая послѣдствія покушенія на жизнь генерала Неплюева! Генералъ и другія начальствующія лица остались невредимыми, но изъ публики, пришедшей посмотрѣть на церковный парадъ, убито 6, тяжело ранено 14, легко 40—человѣкъ. Какой неизгладимый слѣдъ должны оставить въ народной памяти эти клочья человѣческихъ тѣлъ, покрывавшіе площадь, церковную ограду, сосѣдніе дома! Какъ низко упала цѣнность жизни, если для бросанія бомбъ избирается какъ разъ то мѣсто и тотъ моментъ, гдѣ и когда должна была собраться и дѣйствительно собралась толпа“! Теперь ужасы севастопольской катастрофы превзойдены ужасами той, которая произошла, 12-го августа, на Аптекарскомъ островѣ, въ дачномъ помѣщеніи министра внутреннихъ дѣлъ. Покушеніе на жизнь П. А. Столыпина было произведено именно тогда, когда въ его домѣ, кромѣ его семьи и прислуги, находилось множество лицъ, собравшихся на пріемъ министра. Отсюда, при громадной силѣ брошеннаго или упавшаго снаряда, страшное число убитыхъ и тяжело раненыхъ, всякаго возраста, всякаго общественнаго положенія. Бòльшаго пренебреженія къ человѣческой жизни нельзя себѣ и представить. Повторяясь почти изо дня въ день, такія гекатомбы не могутъ не отражаться на настроеніи народа. Въ однихъ онѣ притупляютъ отзывчивость къ чужому страданію, опасно понижая, тѣмъ самымъ, уровень общественной нравственности; въ другихъ онѣ возбуждаютъ вражду къ освободительному движенію, идеями котораго, извращенными до неузнаваемости, мотивируется ни передъ чѣмъ не останавливающаяся жестокость. Не въ продолженіи политическихъ убійствъ, а въ ихъ прекращеніи — залогъ наступленія новой жизни, которой такъ жаждетъ Россія.

Пойдемъ далѣе: спросимъ себя, къ чему привели бы успѣхъ военнаго бунта или крушеніе всего существующаго, подъ ударами безпрерывно повторяющихся политическихъ убійствъ? Въ первомъ случаѣ намъ предстоялъ бы длинный рядъ военныхъ пронунціаменто, несовмѣстныхъ съ нормальнымъ теченіемъ народной жизни. Россію постигла бы судьба Испаніи, въ которой на одного Ріего приходится столько Нарваэсовъ. Сдѣланное вооруженною рукою ею же передѣ-

ственныхъ вопросовъ. Въ то время, когда для высшихъ сферъ крестьянство представлялось преимущественно объектомъ административныхъ экспериментовъ, Ѳ. Г. Тернеръ не переставалъ изучать его нужды, заботиться о подъемѣ его благосостоянія. Свои труды по этому предмету Ѳ. Г. помѣщалъ, главнымъ образомъ, въ нашемъ журналѣ. Сюда относятся слѣдующія статьи, впослѣдствіи вошедшія, отчасти, въ составъ книги „Государство и Землевладѣніе" (2-ое изд. 1901): „Общинное владѣніе и частная собственность" (1895, май и іюнь), „Крестьянскіе платежи и способъ ихъ взысканія" (1895, октябрь), „Переселенческое дѣло" (1897, мартъ, апрѣль и май), „Экономическое положеніе крестьянъ въ Россіи" (1898, іюль), „Крестьянскій кредитъ" (1899, январь), „Крестьянское законодательство и его движеніе за послѣднія десять лѣтъ" (1900, январь). Три статьи Ѳ. Г. были посвящены дворянству и землевладѣнію (1903, мартъ; 1905, августъ и сентябрь). Много лѣтъ тому назадъ онъ напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы" (май, 1870) описаніе своей поѣздки на Суэзскій каналъ.—Если литературная дѣятельность Ѳ. Г. Тернера была особенно велика въ 90-хъ годахъ, это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что раньше все его время поглощала служебная работа въ министерствѣ финансовъ: онъ былъ единственнымъ товарищемъ министра, тогда какъ теперь занятія по этой должности раздѣлены между нѣсколькими лицами. Очень много ему приходилось трудиться и въ самые послѣдніе годы, послѣ назначенія его предсѣдателемъ департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ. По словамъ „Новаго Времени", послѣ Ѳ. Г. остались записки, представляющія большой историческій интересъ.

P. S.—Наше обозрѣніе было уже отдано въ печать, когда въ „Странѣ" (№ 134) появилась статья кн. Е. Н. Трубецкого: „Къ вопросу о предвыборномъ союзѣ". Разбирая мнѣніе „Рѣчи" о невозможности сближенія между партіей мирнаго обновленія и партіей народной свободы, глубокоуважаемый авторъ приходитъ къ выводамъ, совершенно сходнымъ съ тѣми, которые изложены нами выше. „Правительство и крайніе" — говоритъ кн. Трубецкой — „толкаютъ конституціоналистовъ, правыхъ и лѣвыхъ, къ взаимному сближенію... Не надо провозглашать *невозможнымъ* союзъ, который въ недалекомъ будущемъ можетъ стать *неизбѣжнымъ*... Та полемика, которая ведется на страницахъ „Рѣчи", въ высокой степени вредна для дѣла освобожденія. Въ минуту, когда приходится напрягать всѣ силы въ борьбѣ противъ правительства и противъ крайнихъ, опасно поддерживать расколъ въ либеральномъ лагерѣ... Для правительства не можетъ быть болѣе страшнаго удара, нежели блокъ между кадетами и обновленцами...

Рѣчь идетъ о спасеніи или гибели русской культуры, о жизни или смерти русскаго либерализма. Отъ насъ зависитъ предупредить грозящій ему послѣдній и окончательный крахъ". Неужели не будетъ услышанъ этотъ правдивый и сильный голосъ — первый, открыто заговорившій, два года тому назадъ, о „дортуарѣ въ участкѣ"?...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1906.

I.

— Андреевъ, Л.—Мелкіе разсказы. Томъ третій. Изд. товарищества „Знаніе". Спб. 1906 г.

Изъ трехъ томиковъ, составляющихъ къ нашему времени собраніе сочиненій г. Л. Андреева, настоящій своимъ подборомъ разсказовъ выражаетъ наиболѣе яркія и симпатичныя стороны писателя. Въ нихъ нѣтъ той крикливой претенціозности, которой отличались нѣкоторыя его литературныя начинанія, нѣтъ и того нагроможденія всякаго рода ужасовъ и ненормальностей, которое, выступая за предѣлы художественности, часто приводило писателя къ образамъ изступленнымъ, полнымъ насильственныхъ эффектовъ и безцѣльно терзавшимъ душу. Въ этомъ томикѣ почти сплошь — вдумчивость, простота и правда непосредственнаго воспріятія, которая, удерживая отъ погони за яркими красочными тонами, въ то же время подкупаетъ мѣткостью наблюденія и кристальной, подчасъ суховатой прозрачностью изображеній.

Писатель задумался не надъ жизнью вообще, надъ которой задумывались мыслители и поэты всѣхъ временъ и народовъ, и тайны которой не могли разрѣшить въ тысячахъ глубочайшихъ системъ и міросозерцаній,—но надъ отдѣльными, конкретными ея проявленіями, такъ, какъ они даются наблюдательному глазу и чуткому сердцу. И въ эти наблюденія свои онъ такъ много вложилъ стремленія пробиться сквозь призму видимости, конкретнаго факта, къ тому, что, какъ лава подъ земной корой, кипитъ и клокочетъ внутри, или, какъ эфирно-воздушнымъ поясомъ, окутавшимъ землю, согрѣваетъ ее, принося живительные лучи солнца,—къ той сущности всѣхъ вещей, ко-

торая связала человѣческое существованіе гордіевымъ узломъ страданій, роковыхъ случайностей и неразрѣшимыхъ загадокъ... И такимъ состраданіемъ и сочувствіемъ согрѣлъ писатель свои наблюденія, что они, по духовному сродству, единящему всѣхъ людей въ одну братскую семью, исполнились живого человѣческаго интереса, стали близки всякому отзывчивому сердцу. Дума о жизни автора „мелкихъ разсказовъ“ — отнюдь не философія, которую такъ любятъ подчасъ отыскивать охотники до эффектныхъ заглавій и громкихъ словъ у мало-мальски популярныхъ писателей, но чисто человѣческая, сердечная и потому близкая людямъ дума о томъ, какъ непостижима та великая и роковая сила, которая дробится въ безконечно малыхъ проявленіяхъ всего видимаго и ощущаемаго міра. Она ложится въ основу всего міросозерцанія г. Леонида Андреева.

Прежде всего, по г. Леониду Андрееву, роковая сила эта, представляя собою міровую сущность и дѣйствительность, не есть то, что мы видимъ. То, что мы видимъ, — это *очевидность*, — ею довольствуются всѣ ординарные люди, не проснувшіеся для высшихъ запросовъ души и разума, и потому имѣющіе возможность быть ординарно счастливыми и несчастными, добрыми и злыми, а *дѣйствительность*—это нѣчто другое, тревожное, немолчно зовущее, какое-то бездонное, безвременное и безпространственное. Люди, пробившіеся духовнымъ взоромъ къ смутному постиженію ея, не знаютъ покоя: она дразнитъ и пытаетъ мысль, опустошаетъ душу и наполняетъ ее призраками какого-то другого, нездѣшняго міра, дѣлая ее безразличной къ „очевиднымъ“ благамъ и удобствамъ непосредственнаго существованія. Чтобы вернуть себѣ полноту будничныхъ ощущеній и отзывчивость къ будничнымъ наслажденіямъ и печалямъ, нужно погасить въ себѣ малѣйшіе лучи этой дѣйствительности, разлагающей, подобно лучамъ спектра, безформенный душевный комокъ на его составныя части, нужно оглушить себя шумомъ и суетой повседневности, отуманить виномъ и стать „какъ всѣ“. Естественно, что люди далекіе отъ всякихъ проклятыхъ вопросовъ должны или инстинктивно ненавидѣть ее, какъ своего злѣйшаго врага, или отрицать ее—равнодушно и безпечно. Молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго Толпенниковъ защитилъ, по порученію своего патрона, генеральшу фонъ-Брезе отъ обвиненія въ томъ, въ чемъ по существу она была виновна. Но съ формальной стороны были поводы къ оправданію,—и онъ взялся оправдать ее, но затѣмъ въ немъ заговорила совѣсть, заговорила неувѣренно, ненадолго, но душа дрогнула слабымъ порывомъ къ дѣйствительности. Опытный и солидный патронъ поддержалъ юношу въ трудную минуту и помогъ загасить порывъ. „Но вѣдь въ дѣйствительности она виновна?“—„Въ дѣйствительности!—нетерпѣливо

сказалъ Алексѣй Семеновичъ. — Откуда мы можемъ знать, что происходитъ въ дѣйствительности? Можетъ быть, тамъ чортъ знаетъ что, въ этой дѣйствительности. И нѣтъ никакой дѣйствительности, а есть очевидность".

„Дѣйствительность" неуловима не только для своего постиженія, но даже и для своего опредѣленія, которое хотя отдаленнымъ образомъ соотвѣтствовало бы ея сущности, а не отраженіямъ на процессахъ нашихъ мысли и чувства. Между ней и очевидностью существуетъ столь же неуловимая и тонкая грань, при которой явленія послѣдней безпрестанно принимаются за дѣйствительныя, т.-е. единственно реальныя, единственно необходимыя и важныя для сознательной человѣческой жизни. Въ неуловимости этой грани и заключена роковая загадка нашего бытія. Въ чемъ его важность и цѣнность? Въ томъ ли, что имѣетъ для насъ положительное значеніе своей очевидностью, своей осязаемостью и непосредственнымъ воспріятіемъ? или въ смутныхъ порывахъ души къ чему-то неясному, безконечно глубокому, мучительному и манящему? Въ страстныхъ ли поискахъ, томящихъ душу таинственными призывами ея родной стихіи, вѣчности, отъ которой она оторвана капризнымъ мгновеніемъ? И полно, можно ли считать эту вѣчно-неясную область гаданій чѣмъ-то объемлющимъ міръ нашихъ ощущеній, извнѣ давящимъ на него, вліяющимъ на ихъ характеръ и формы? Не цѣлесообразнѣе ли, не отдаваясь во власть гаданій, сосредоточить всю силу нашего вниманія и способностей на безконечно разнообразной области очевидностей, на которыя размѣнивается все наше существованіе, разобраться въ массѣ взаимоотношеній и, признавъ одни изъ явленій цѣнными и важными для жизни, выступить за нихъ борцомъ противъ явленій отрицательнаго порядка?

Но грань между конкретной очевидностью и метафизической дѣйствительностью (по г. Андрееву) слишкомъ тонка, почти неощутима,— и въ этомъ причина мукъ нашего сознанія, двойственности нашихъ чувствъ. Мы постоянно сознаемъ или, если можно такъ выразиться, испытываемъ сознаніе, что наша жизнь—„не то". Отчего это происходитъ и какъ сдѣлать ее тѣмъ, чѣмъ она должна быть, мы не знаемъ. Какъ быть и что дѣлать?—стоитъ передъ нами неотступный вопросъ, на который такъ и нѣтъ общаго отвѣта. Приходится допустить одно, что и міръ „очевидностей", даже если очертить свою жизнь ихъ магическимъ кругомъ, не даетъ удовлетворенія человѣческому сознанію, которое жалкимъ повседневнымъ опытомъ убѣждается, что и сами эти очевидности не Богъ вѣсть какой положительной цѣны, что и онѣ, если всмотрѣться въ нихъ попристальнѣе, преходящи, какъ формы, и призрачны по существу. И отсюда все то, что

мы называемъ человѣческой жизнью, является призрачнымъ, суетнымъ, по мудрому слову притчей, болѣзненнымъ и жалкимъ... Писатель Владиміръ Михайловичъ, въ разсказѣ „Другъ“, жилъ только очевидностями и только за ними и гнался. Единственному другу своему, собакѣ, онъ сулилъ въ ласковыя минуты печенку, а самъ стремился къ знаменитости, къ славѣ. И, стремясь къ ней, жилъ „какъ всѣ“— нервно работалъ, пилъ водку, проводилъ угарныя ночи, — и, наконецъ, дождался. Свѣтлымъ призракомъ пришла слава, а съ ней и любовь къ красивой дѣвушкѣ. Все пошло по иному въ пустой квартирѣ Владиміра Михайловича. „Шаги тетки тонули въ топотѣ дружескихъ ногъ, призракъ одиночества исчезъ и замолкъ тихій шопотъ. Исчезла и водка, этотъ зловѣщій спутникъ одинокихъ, и Владиміръ Михайловичъ болѣе не оскорблялъ ни тетки, ни друзей. Радовалась и собака“. Но не прочно было счастье Владиміра Михайловича. Прошли годы, и слава ушла отъ него такъ же, какъ и пришла, загадочная и жестокая. „Онъ обманулъ надежды, которыя возлагали на него, и всѣ были злы на этотъ обманъ и выместили его негодующими рѣчами и холодными насмѣшками. А потомъ, точно крышка гроба, опустилось на него мертвое, тяжелое забвеніе. Женщина покинула его: она также считала себя обманутой“. Околѣла и собака, такъ и не дождавшись печенки, и снова потянулись „угарныя, чадныя ночи и безпощадно карающіе бѣлые дни“... „Призракъ одиночества“ чаще другихъ является въ творчествѣ г. Леонида Андреева, которое можно опредѣлить, по преимуществу, какъ грустную, сумеречную поэзію сиротливости, болѣзненнаго раздвоенія слишкомъ углубленной въ себя и мучительно чуткой ко всѣмъ своимъ переживаніямъ души.

Жизнь—царство роковыхъ и неизбѣжныхъ случайностей. Отъ нихъ зависитъ все—и счастье, и спокойствіе духа, и свобода, и самое существованіе. Ихъ нельзя предусмотрѣть, отъ нихъ нельзя избавиться, и всѣ усилія разума и воли — ничто передъ ихъ прихотью и капризомъ. Случай завелъ, читаемъ въ одномъ изъ разсказовъ, заѣзжаго денежнаго молодца въ компанію двухъ оборванцевъ и гулящей дѣвки Таньки Бѣлоручки. Имъ показывалъ молодецъ кошель съ деньгами, а на другой день былъ найденъ на огородахъ задушеннымъ и ограбленнымъ. И Танька, и оборванцы были задержаны—и вотъ ихъ будутъ судить. Молодой адвокатъ Колосовъ будетъ защищать Таньку, которая, какъ онъ увѣрился на предварительномъ свиданіи, была, дѣйствительно, въ убійствѣ неповинна. Однако защита казалась ему очень трудною. „Ну, что онъ скажетъ на судѣ? Вѣдь надо разсказать все, что есть горькаго и несправедливаго на свѣтѣ, разсказать о вѣч-

ной, неумолкающей борьбѣ за жизнь, о стонахъ побѣжденныхъ и побѣдителей, одной грудой валяющихся на кровавомъ полѣ... Но развѣ объ этихъ стонахъ можно разсказать тому, кто самъ ихъ не слышалъ и не слышитъ?"

Подготовка къ защитѣ была удачна. Возбудивъ себя крѣпкимъ чаемъ и папиросами, Колосовъ составилъ горячую, убѣдительную рѣчь и легъ спать, увѣренный въ своей побѣдѣ. Но къ моменту защиты явился на сцену цѣлый рядъ случайностей, который все испортилъ. Безсонница сдѣлала Колосова вялымъ. Рѣчь, сказанная безъ воодушевленія, оказалась искусственной—и банальной. Таня, вмѣсто откровеннаго и истиннаго разсказа о томъ, что было на самомъ дѣлѣ, давала явно лживыя и ненужныя показанія. Всѣ эти случайности соединились какъ бы въ одно темное пятно и, послѣ логики прокурора, „лживѣе которой нѣтъ ничего на свѣтѣ, когда ею мѣряютъ человѣческую душу", превратились въ грозовую тучу, а туча разразилась десятью годами каторги для несчастной дѣвушки, явившейся *случайной* соучастницей преступленія, по *случайнымъ* обстоятельствамъ не сумѣвшей обнаружить свою невиновность и ставшей жертвой новаго преступленія, *случайнымъ* соучастникомъ котораго сдѣлался ея неудачный защитникъ.

И какими ужасами полна человѣческая жизнь, если присмотрѣться къ ней поближе! Ужасъ сторожитъ одинокаго безпріютнаго человѣка, какъ ту собаку, у которой нѣтъ единственной отрады быть собственностью человѣка („Кусака"). Ужасъ безпомощности и заброшенности отравляетъ послѣднія минуты жизни портняжнаго мальчика Сенисты, брошеннаго въ больницу и забытаго загулявшимъ другомъ. Безысходнымъ ужасомъ полны порывы темной и сильной души, у которой нѣтъ своихъ словъ ни для молитвъ, ни для жалобъ и которая всѣми фибрами жизни рвется выразить свои муки въ подымающихся къ небу мощныхъ звукахъ бездушной мѣди. И страданія такъ велики, и такъ напрягается воля страстными усиліями задавленной жизни, что металлъ проникается ими, и звуки его сливаются въ сплошной безутѣшный вопль о нечеловѣческихъ страданіяхъ и скорби. Такъ изливалъ свою душу темный, совсѣмъ темный кузнецъ Меркуловъ, свои лучшіе часы проводившій на колокольнѣ и звонившій такъ, что вся его душа рвалась на части отъ желанія сбросить съ себя опутавшія ее сѣти темноты и рабства и подняться вмѣстѣ со стонущими звуками къ голубому, безпредѣльному небу. „Меркуловъ звонилъ руками, звонилъ сердцемъ, которое судорожно и часто ворочалось въ его груди; звонилъ всей тоской и горемъ наболѣвшей человѣческой души, одинокой и всѣми забытой. Онъ звонилъ всей своей жизнью и о всей своей темной жизни звонилъ онъ—и все

яростнѣе и требовательнѣе билъ онъ желѣзомъ по мѣднымъ бокамъ. Будто разбудить онъ хотѣлъ кого-то, кто находится въ невѣдомой голубой дали и спитъ непробудно и не слышитъ, какъ плачетъ и стонетъ земля. — Отзовись, невѣдомый! — гудѣлъ и надрывался дрожащій колоколъ.—Отзовись, могучій и жалостливый! Взгляни на прекрасную землю; печальна она, какъ вдовица, и плачутъ ея голодныя, обиженныя дѣти. Каждый день всходитъ надъ землей солнце и въ радости совершаетъ кругъ свой, но весь великій свѣтъ его не можетъ размять великой тьмы, которой полно страдающее сердце человѣка"...

И только мелькомъ тоскливую мглу одиночества и скорби прорѣзываютъ свѣтлые лучи, проносятся призраки счастья тоже загадочные—и капризные. Свое ли, чужое ли счастье—не все ли равно?—оно освѣщаетъ душу, согрѣваетъ ее любовью и лаской, а тамъ—призракъ проносится, и снова сдвигаются тѣни, и снова наступаетъ ненастная осенняя ночь, вродѣ той, въ которую одинокій измученный путникъ — въ разсказѣ „Мелькомъ" — вдругъ изъ-за чащи лѣса увидалъ тоскливо освѣщенный полустанокъ и, пріютившись подъ его кровлей, сталъ невольнымъ свидѣтелемъ безпечной бесѣды двухъ молодыхъ и юныхъ, мужественныхъ и любящихъ людей. „Милый, тебѣ не холодно? — Конечно, нѣтъ, — отвѣтилъ онъ съ тѣмъ пренебреженіемъ, какимъ мужчины отвѣчаютъ на женскую заботливость.— А мнѣ (продолжаетъ разсказчикъ) уже становилось холодно, и я зябко ежился въ своемъ одинокомъ и жесткомъ углу." — Ему было холодно холодомъ одиночества и тоски, а ихъ грѣла любовь, молодость, здоровье... Но долго ли они будутъ любить другъ друга, вѣчно ли будутъ молоды и знаютъ ли они, какія испытанія, невзгоды и болѣзни сулитъ имъ завтрашній день? И не тѣ ли же жалкія очевидности создаютъ счастье молодыхъ людей, счастье, которое исчезнетъ, какъ призракъ, какъ мечта, лишь только за яркими цвѣтами внѣшности дастъ себя почувствовать скрытая „дѣйствительность", таинственная, жестокая, равно смѣющаяся и уму, и безумію людей?

Но и въ юдоли случайныхъ призрачностей и мимолетностей художникъ сумѣлъ найти одну изъ силъ, движущихъ міромъ и, можетъ быть, связующихъ оба конца—сущаго и воображаемаго, дѣйствительнаго и очевиднаго. Эта сила удержала художника на краю бездны отчаянія и пессимизма и помогла ему сберечь, можно думать, угасавшую вѣру въ человѣка и его призваніе въ жизни, какова бы она ни была. Сила эта—любовь человѣка къ человѣку, старая, какъ преданіе о сотвореніи міра, и вѣчно новая, какъ созиданіе новой жизни, какъ символъ побѣды свѣта надъ тьмой. Г. Леонидъ Андреевъ, во

слѣдъ прозорливымъ истолкователямъ духовныхъ глубинъ человѣческой жизни, сумѣлъ отыскать ее на днѣ безконечныхъ ужасовъ, страданій и тьмы, тамъ, откуда люди обыкновенно выносятъ окаменѣлое сердце, жажду мести, ненависть и злобу. „Высокій, толстый, сильный, громогласный Баргамотъ составлялъ на полицейскомъ горизонтѣ видную фигуру, и давно, конечно, достигъ бы извѣстныхъ степеней, еслибы душа его, сдавленная толстыми стѣнами, не была погружена въ богатырскій сонъ“. А Гараська былъ бездомный пьяница, бродяга и скандалистъ. Отношенія между нимъ и Баргамотомъ установились давно и прочно. Гараська скандальничалъ, и пилъ, и ругался съ такой утонченной язвительностью, что никто изъ обитателей Пушкарной не могъ бы сравняться съ нимъ въ этомъ искусствѣ, а Баргамотъ хваталъ его властной рукой, билъ и тащилъ въ участокъ,—словомъ, все совершалось обычнымъ порядкомъ. Но въ ночь подъ свѣтлый праздникъ сонная душа Баргамота, стоявшаго на посту, была какъ-то особенно настроена: она была полна ласковой тишины, согрѣвавшейся радостными думами о предстоявшемъ розговѣньи, о томъ, какъ онъ преподнесетъ яичко, „настоящее, мраморное“, своему Ванюшкѣ. И въ эту минуту подвернулся пьяный Гараська, направлявшійся къ нему нетвердой поступью, съ какимъ-то неяснымъ намѣреніемъ. Долгъ повелѣвалъ тащить безобразника въ участокъ, но по дорогѣ оказалось, что у Гараськи было желаніе похристосоваться съ Баргамотомъ и поднести ему крашеное яичко, которое, по несчастью, разбилось при паденіи Гараськи, отчего онъ завопилъ слезами оскорбленія и горя. Сердце городового дрогнуло: „похристосоваться хотѣлъ, по христіанскому обычаю, яичкомъ, а онъ, Баргамотъ, его въ участокъ пожелалъ отправить. Можетъ, откуда онъ это яичко несъ, а теперь вонъ разбилъ его. И плачетъ. Баргамоту представилось, что мраморное яичко, которое онъ бережетъ для Ванюшки, разбилось, и какъ это ему, Баргамоту, было жаль“... И вмигъ, подъ вліяніемъ тихой предпраздничной ночи и ласковыхъ думъ, все величіе городового исчезло, сердце его залилось любовью брата къ брату, и онъ, неожиданно для самого себя, повинуясь лишь смутному инстинкту встрепенувшейся души, повелъ Гараську къ себѣ домой разговляться, и тамъ семейный праздникъ скрасился умилительнымъ по своей обстановкѣ событіемъ любви и всепрощенія. Первый разъ въ жизни согрѣлась Гараськина душа лаской и кроткимъ признаніемъ и въ немъ человѣческаго достоинства, и онъ, можетъ быть, тоже впервые заплакалъ горячими слезами умиленія, а не униженія и обиды. Конечно, на завтра Гараська будетъ снова пьянъ и начнетъ безобразничать, а Баргамотъ приступитъ къ своимъ обязанностямъ съ прежнимъ сознаніемъ долга, но то, что совершилось надъ сердцемъ Гараськи, въ

ночь подъ свѣтлый праздникъ, въ избушкѣ городового, останется въ его душѣ яркимъ воспоминаніемъ, свѣтлымъ призракомъ, который въ лучшія Гараськины минуты будетъ вызывать тѣ же умиленныя слезы. Свѣтлый призракъ... о, еслибы этихъ свѣтлыхъ призраковъ было побольше въ жизни, какъ бы просвѣтлѣла и сама жизнь, и какъ побѣжали бы отъ нея владѣющіе ею темные кошмары, тяжелые сны, ужасы одиночества, ненависти и злобы!..

Но какъ бы ни стремился г. Леонидъ Андреевъ выбраться изъ гущи очевидностей, ища способовъ прорваться въ тотъ міръ, который представляется ему дѣйствительнымъ, — именно, эти очевидности и даютъ всѣ краски и тона его художнической палитрѣ. И если бы г. Андреевъ давалъ этимъ „очевидностямъ" свѣтиться самимъ собою, и не слишкомъ старался налагать на нихъ печать подчеркнутыхъ индивидуальныхъ настроеній, идущихъ изъ постиженія „дѣйствительности",— его краски, можно думать, могли бы быть гораздо богаче, а кисть сочнѣе. Когда неразбавляемые психологическими отвлеченіями образы непосредственной жизни овладѣваютъ писателемъ, онъ даетъ превосходныя, жизненныя и яркія изображенія. Подобныя изображенія составляютъ отличительную черту именно третьяго томика разсказовъ, написанныхъ, въ большинствѣ, въ первые годы литературной дѣятельности г. Андреева. Судя по хронологіи его послѣдующихъ произведеній, онъ уходилъ отъ непосредственныхъ впечатлѣній все дальше и дальше въ міръ тѣхъ отвлеченностей и экстатическаго своеволія, гдѣ образы переставали быть послушнымъ орудіемъ художника и уносили его въ міръ искусственной, реторически-холодной, вымученной аффектаціи и полной разнузданности творческой воли. Читателю всегда слѣдуетъ имѣть въ виду, что г. Андреевъ отъ „Баргамота и Гараськи" шелъ къ „Стѣнѣ", къ „Молчанію", къ „Василію Ѳивейскому", и по мѣрѣ этого шло обезцвѣчиваніе красокъ очевидности. Онъ началъ „Весенними обѣщаніями", гдѣ было много жизни, движенія, солнца, но „обѣщанія" эти такъ и останутся обѣщаніями, если г. Андреевъ отъ осеннихъ и мглистыхъ блужданій „Въ туманѣ" „дѣйствительности" не вернется къ изображеніямъ той жизни, которая, пусть сквозь прорывы весеннихъ облаковъ, даже грозовыхъ тучъ, все же бываетъ освѣщена солнцемъ, дарующимъ ей и краски, и радость.

И какъ мастерски освѣщались г. Леонидомъ Андреевымъ въ его первыхъ разсказахъ различные бытовые мірки! Напомнимъ очерки хотя бы дѣтскаго быта, образчикомъ которыхъ могутъ служить сценки изъ „Весеннихъ обѣщаній". „А дѣтей было много на Стрѣлецкой, и нельзя было понять, куда прячутся они зимой такія живыя, громкія

и неудержимыя. Какъ муха на солнцѣ, они бѣгали, ползали, кружились, и каждый въ своей живой подвижности походилъ на троихъ, а смѣхъ ихъ былъ какъ неумолчное жужжанье. И тутъ же вертѣлись собаки, расхаживали озабоченныя куры и на припекѣ грѣлись бѣлыя тощія кошки, и все это жило шумной, безпокойной и веселой жизнью. На солнечной сторонѣ, подъ заборомъ, уже слегка зеленѣла трава, и по ней безъ призора катался крохотный круглый мальчишка, едва начавшій ходить. Его уже успѣла испугать собака, потомъ воробей, онъ долго и громко плакалъ, но прилетѣло откуда-то бѣлое легонькое перышко и сѣло по близости, шевелясь и собираясь съ силами для новаго полета. И онъ старался накрыть его маленькой грязной рукой и задумчиво бормоталъ:

— Голубосекъ. Миленькій. Подозди. — Но перышко поднялось и улетѣло, и онъ опять вспомнилъ страшнаго вертляваго воробья, и заплакалъ. Подошла дѣвочка немного побольше, чѣмъ онъ, въ большихъ материнскихъ башмакахъ, наклонилась, опершись ладонями на колѣни, и спросила:

— Мишка! Ты что плачешь?

— Кусается.

— Собака кусается?

— Собака кусается и птичка кусается.

Дѣвочка подумала и презрительно отвѣтила:

— Дуракъ!"

Нарисовавъ эту сценку, г. Андреевъ словно спохватывается, какъ бы не стать самопроизвольно художникомъ-бытовикомъ, и, вспомнивъ о „дѣйствительности", тотчасъ забирается отъ яркаго солнца въ маленькую, темную душу „крохотнаго круглаго мальчишки". Призракъ одиночества, какъ Мефистофель, является предъ г. Андреевымъ и заслоняетъ собой прежній образъ Мишки.

„И опять Мишка остался одинъ, ему хотѣлось ѣсть, и домъ былъ страшно далекъ и не было возлѣ близкихъ людей,—и все это было такъ ужасно, что онъ поднялся, всхлипнулъ и, опустившись на четвереньки—для быстроты,—поползъ, куда глаза глядятъ".

Одиночество породило ужасъ,—и онъ вскорѣ застелетъ искрами „солнечнаго безумія" небосклонъ надъ Василіемъ Ѳивейскимъ,—и превратитъ землю въ сплошную „бездну" страданій и скорби, гдѣ муки „молчанія" разрѣшатся истерическимъ „краснымъ смѣхомъ" безумія и смерти.

Еслибы г. Андреевъ не далъ психическимъ судорогамъ „крохотнаго Мишки" развиться въ пожаръ, отъ котораго сгорѣлъ Василій Ѳивейскій, докторъ Керженцевъ, герой „Краснаго смѣха", онъ все равно не остался бы на роли только наблюдателя-бытовика. Вдумчи-

вость, углубленность—вотъ тѣ свойства, которыя сдѣлали бы не менѣе „дѣйствительными" тѣ „очевидности", которыя онъ изображалъ, чѣмъ очевидною изображаемую имъ теперь „дѣйствительность",—лишь бы онъ не отрывалъ своихъ глазъ отъ того, что дается его непосредственному воспріятію. И здѣсь, въ этой области, г. Андреевъ могъ сдѣлать наглядность изображенія углубленной и вызывающей у читателя глубокія эмоціи мысли и чувства. За примѣрами ходить недалеко. Въ цитированномъ нами разсказѣ „Первый гонораръ" къ адвокату Толпенникову, тотчасъ же послѣ оправданія генеральши фонъ-Брезе, подошелъ ея приказчикъ. „Это пестро одѣтый человѣкъ, съ острымъ лицомъ, острой рыжеватой бородкой и толстымъ перстнемъ-печаткой на указательномъ пальцѣ, покрытомъ, какъ и вся рука, частыми крупными веснушками. Острые глаза его косятъ и весь онъ дышитъ фальшью, угодничествомъ и нестерпимой фамильярностью". Не чувствуется ли здѣсь связь уже между этимъ внѣшнимъ видомъ пройдохи приказчика, одобряющаго защиту пройдохи-генеральши, и сознаніемъ, мучащимъ адвоката, „дѣйствительной цѣны" одержанной имъ побѣды? И когда по душѣ читателя прошла волна впечатлѣнія, освѣжающихъ ее думой о жизни, извѣстнымъ осмысленіемъ ощущаемыхъ вокругъ жизненныхъ процессовъ, съ образомъ, навѣявшимъ отвращеніе и тоску, можно разстаться и вызвать изъ разсказовъ г. Андреева колоритныя представленія иного порядка, яркія, свѣжія, благоуханныя. Вотъ, напр., курсистка изъ очерка „Нѣтъ прощенія",—„молоденькая, такая молоденькая,—совсѣмъ еще дѣвочка. Носъ тонкій красивый, но по-дѣтски еще незаконченный, не то онъ прямой, не то съ горбинкой, не то просто вздернутый; и такія же незаконченныя, пухлыя губы, отъ которыхъ какъ будто пахнетъ шоколадными конфектами и красной карамелью. И такъ щедры, такъ пышны тонкіе волосы, густой и ласковой волной окутавшіе голову, что при взглядѣ на нихъ приходятъ мысли обо всемъ самомъ хорошемъ и свѣтломъ, что есть на землѣ: о золотомъ утрѣ на голубомъ морѣ, о весеннихъ жаворонкахъ, о ландышахъ и пахучей разросшейся сирени. Безоблачное небо и сирень, огромные, безконечные кусты сирени и жаворонки надъ ними. Или вотъ еще вспоминается что. Когда въ майскій полдень проходишь подъ цвѣтущими яблонями, то съ нихъ падаютъ бѣлорозовые лепестки и нѣжно ложатся на плечо, на шляпу, на черный рукавъ—бѣлорозовые нѣжные лепестки".

Образъ смѣняется образомъ,—одинъ другого нагляднѣе. Читатель такъ и видитъ этого толстаго дряблаго генерала, который въ разсказѣ „Оригинальный человѣкъ" наставительно раскрываетъ предъ подчиненнымъ свое profession de foi: „Э, вы не стѣсняйтесь, мой милый,—я люблю въ моихъ подчиненныхъ проявленія самостоятель-

ности и, вообще, самодѣятельности, если онѣ, конечно, не переходятъ извѣстныхъ законныхъ границъ". Черточки юмора весьма удачно иногда проскальзываютъ въ изображеніяхъ г. Андреева и вызываютъ у читателя невольную улыбку, которая, однако, никогда не переходитъ въ добродушный смѣхъ. Вообще юморъ не составляетъ сильной стороны въ творчествѣ г. Андреева, и тамъ, гдѣ писатель пытается выдвинуть его на первый планъ, попытки эти выходятъ напряженными и нѣсколько напоминаютъ, по манерѣ, русскіе переводы англійскихъ юмористовъ. Юморъ г. Андреева мѣткій, но какой-то грустный и тусклый... „Денщикъ Кукушкинъ стягиваетъ съ капитана сапоги и, увлекаемый усердіемъ, тащитъ съ кровати и капитана. Капитанъ упирается и побѣждаетъ усердіе денщика. Нѣжно прижимая къ себѣ сапоги, конфузливо смотрящіе на свѣтъ продыравленной подошвой, Кукушкинъ на цыпочкахъ выходитъ". Здѣсь ничтожная черточка быта, но она выражена съ той отчетливой выпуклостью, которая обличаетъ въ писателѣ большую чуткость къ тѣмъ „очевидностямъ", которыя онъ все стремится подмѣнить формулами отвлеченной „дѣйствительности".

Темна проходитъ туча въ небесахъ,
Но въ ней таится пламень роковой...

Г. Андреевъ чувствуетъ этотъ пламень, но пламень не прорывается у него изъ-за тучъ, отраженіе которыхъ въ его творчествѣ даетъ превосходные, въ высокой степени выразительные этюды. Но самое ощущеніе огня въ душѣ писателя согрѣваетъ его изображеніе и приводитъ къ признанію тѣхъ началъ, которыя вносятъ свѣтъ и тепло въ людскія отношенія,—началъ любви, равенства, братства.

Темна проходитъ туча въ небесахъ... медленно и тягуче развертывается въ жизни ея тоска, ея скука, когда люди не живутъ, но влачатъ на себѣ колесо жизни. И здѣсь г. Леонидъ Андреевъ умѣетъ согрѣть ее своими предвосхищеніями „рокового пламени", и сердце читателя отзывается на нихъ состраданіемъ и жалостью. Въ чемъ проходила жизнь учителя математики Митрофана Васильевича Крылова? — г. Андреевъ на этомъ подробно не останавливается, но даетъ одно изъ частныхъ и ярко-типичныхъ изображеній, одинъ моментъ, въ которомъ отражается все,—и бытъ, и прошлое, и будущее. „Возвращался Митрофанъ Васильевичъ изъ своей гимназіи, послѣ пятаго урока, былъ утомленъ и очень голоденъ, а вагонъ былъ набитъ биткомъ и негдѣ было присѣсть и почитать газету. И погода была скверная, ноябрьская, и городъ былъ надоѣвшій, скверный, и дешевая

жизнь—какъ коночный билетъ съ надорваннымъ угломъ. Отъ дома до гимназіи и обратно: всѣ дни можно сосчитать по билетамъ, а сама жизнь похожа на клубокъ, изъ котораго грязные пальцы вытягиваютъ бумажную ленту и отрываютъ по билету,—по дню". И не трагична ли, сама по себѣ, однимъ прочувствованнымъ изображеніемъ „очевидности" жизнь „оригинальнаго человѣка" Семена Васильевича, котораго только тогда и замѣтили, когда за обѣденнымъ столомъ, среди минутной тишины, услышали отъ него некстати выплывшую изъ общаго разговора фразу: „А я люблю негритянокъ!.." „И тутъ только впервые всѣ увидѣли",—разсказываетъ г. Андреевъ,—„дробное личико съ рыжими усиками, концы которыхъ намокли въ водкѣ и щахъ и темнѣли, безцвѣтные маленькіе глазки и тщательно причесанную головку Семена Васильевича Котельникова. Пять лѣтъ служили они вмѣстѣ съ Котельниковымъ, каждый день здоровались съ нимъ и прощались, и о чемъ-то говорили, всякое двадцатое число послѣ получки жалованья вмѣстѣ съ нимъ обѣдали въ ресторанѣ, какъ сегодня,—и первый разъ увидѣли его. Увидѣли его и изумились. Оказалось, что Семенъ Васильевичъ даже не дуренъ, если не считать усиковъ и веснушекъ, похожихъ на грязные брызги отъ резиновой шины, что онъ хорошо одѣвается, и высокій бѣлый воротничокъ у него самый чистый, хотя и бумажный" („Оригинальный человѣкъ").

И развѣ трагизмъ жизни бываетъ болѣе ужасенъ, когда его отвлекаютъ отъ тѣхъ конкретныхъ формъ, въ которыхъ онъ выражается, и нужно ли прибѣгать къ формамъ метафизическихъ построеній или лирико-философскимъ изліяніямъ, какъ это дѣлаетъ г. Андреевъ въ „Мысли", „Стѣнѣ", „Красномъ смѣхѣ", если наиболѣе сильная сторона его таланта заключается не въ глубинѣ философски-психологическаго анализа, а въ яркости, мѣткости и логической экспрессіи изображенія? Развѣ не трагичнѣе судьба денщика Кукушкина, который, только благодаря исключительному случаю, явился на мгновеніе человѣкомъ передъ капитаномъ, видѣвшимъ его около себя мѣсяцы и годы и ни разу не давшимъ себѣ до той поры труда подумать, какая душа таилась въ этомъ неповоротливомъ съ виду и туповатомъ человѣкѣ? Наконецъ, г. Леониду Андрееву превосходно знакомъ міръ людей, отверженныхъ обществомъ, обиженныхъ судьбой, ютящихся по трущобамъ и притонамъ, гдѣ ужасы и трагизмы рождаются каждую минуту и встрѣчаются на каждомъ шагу. Вообще, кругъ наблюденій г. Леонида Андреева чрезвычайно великъ,—среда адвокатская, военная, чиновничья и просто обывательская изображается имъ съ большимъ мастерствомъ и типичностью. Но трагизмы жизни, поскольку они не глядятъ изъ конкретныхъ фактовъ, повидимому, не удовлетворяютъ писателя, и онъ схематизируетъ ихъ, словно

пытаясь свести къ той психической первооснове, которая проявляетъ себя въ безконечномъ разнообразіи формъ. И въ своихъ безплодныхъ попыткахъ представить молнію безъ тучъ, чистую психику внѣ времени и пространства, г. Андреевъ неразсчетливо теряетъ тѣ богатыя средства изобразительности, которыми онъ владѣетъ съ такимъ искусствомъ. Онъ словно отъ соблазновъ міра бѣжитъ въ Палестину и тамъ въ выжженной солнцемъ пустынѣ рождаетъ болѣзненные образы, которые мерещатся путнику, изнемогающему отъ жажды и зноя, образы безъ линій и контуровъ,—нечеловѣческіе, кровавые...

И чѣмъ болѣе разрабатываетъ г. Андреевъ свои сюжеты внѣ времени и пространства, тѣмъ блѣднѣе и блѣднѣе становятся его образы. Упрощая ихъ, схематизируя, онъ стремится обнаружить ихъ духовную сущность, и во всемъ живущемъ дѣйствуетъ и проявляется у него одна и та же міровая душа. И эта міровая душа звучитъ въ стонущихъ раскатахъ колокола, въ который ударяютъ сотни Меркуловыхъ, рвущихся темной душою на просторъ изъ своей душной и жалкой жизни, отражается она въ понятливомъ взорѣ собаки, жаждущей человѣческой отзывчивости и ласки, она вездѣ, гдѣ только есть сознаніе и сердце, способныя радоваться и страдать. Она угадывается въ той непостижимой связи, какая ощущается между человѣкомъ и природой, не безучастная и нѣмая, но, напротивъ, полная живого и дѣятельнаго участія, она поетъ его радостью, скорбитъ его слезами. Вѣяніемъ таинственныхъ силъ, связующихъ человѣка съ міромъ внѣшнихъ явленій, такъ поэтически проникнутъ одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ г. Андреева—„Воръ“, напечатанный въ сборникѣ „Знанія“. Подъ звуки такта вагонныхъ колесъ складывалась мелодія природы—гибкая и прозрачная волна звуковъ. Такъ казалось Юрасову, и онъ не могъ не слиться съ этой мелодіей своимъ сердцемъ,—и запѣлъ тою же пѣсней, какою запѣли бы зеленыя поля, еслибы имъ дать голосъ. „Юрасовъ пѣлъ, и багровый отсвѣтъ заходящаго солнца горѣлъ на его лицѣ... Онъ пѣлъ, провожая солнце, и все грустнѣе становилась его пѣсня: какъ будто почувствовала птица всю звонкую ширь небеснаго пространства, содрогнулась невѣдомою тоскою и зоветъ кого-то: прійди!

„Солнце зашло, и сѣрая паутина легла на тихую землю и тихое небо. Сѣрая паутина легла на лицо, меркнутъ на немъ послѣдніе отблески заката и мертвѣетъ оно. Прійди ко мнѣ! Отчего ты не приходишь? Солнце зашло, и темнѣютъ поля. Такъ одиноко и такъ больно одинокому сердцу. Такъ одиноко, такъ больно. Прійди. Солнце зашло. Темнѣютъ поля. Прійди же, прійди!

„Такъ плакала его душа. А все темнѣло“...

Въ концѣ этого разсказа, конечно, ужасъ и трагическая развязка:

связь съ міровой душой порывается, и весь человѣкъ превращается въ одинъ безформенный комокъ смятенья и страха, а вмѣстѣ съ тѣмъ порывается и та сердечная связь съ читателемъ, которая создается на первыхъ страницахъ разсказа. Эта связь—лучшее, чѣмъ дороги читателямъ разсказы третьяго томика. При другихъ своихъ художественныхъ достоинствахъ, они въ большинствѣ случаевъ отличаются чувствомъ мѣры. Это чувство ведетъ къ тому, что правда жизни невольно передается изъ нихъ, окрашенная ровнымъ, мягкимъ колоритомъ тонко-чувствующей и грустно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любовно настроенной души. И о какихъ бы ужасахъ ни разсказывалъ г. Леонидъ Андреевъ, о безуміи ли „очевидности" или непостижимости „дѣйствительности", печальное раздумье, сквозь призму котораго проходитъ настроеніе читателя, разрѣшается у него не страхомъ или отвращеніемъ къ жизни, но еще большей привязанностью къ ней, желаніемъ сдѣлать ее свѣтлѣе и чище. Въ этомъ заключена одна изъ тѣхъ, пока еще не постигнутыхъ тайнъ творчества, которая является существеннѣйшимъ признакомъ несомнѣннаго дарованія.

II.

— Довнаръ-Запольскій, М. В.—Мемуары декабристовъ. (Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла, съ вводной статьей). Кіевъ, 1906.

Изданіе „Мемуаровъ декабристовъ", насколько о немъ можно судить безъ сличенія съ подлинникомъ, сдѣлано очень внимательно и сопровождено обстоятельной вводной статьей, которая даетъ общее понятіе о характерѣ издаваемыхъ документовъ и ихъ отношеніи къ основнымъ вопросамъ изученія декабрьскаго заговора. Г. Довнаръ-Запольскій остановился на тѣхъ мемуарахъ, которые, вмѣстѣ съ отвѣтами на вопросы слѣдственной коммиссіи находились въ самомъ слѣдственномъ дѣлѣ. Въ этихъ мемуарахъ авторы излагали исторію тайныхъ обществъ съ своей точки зрѣнія, степень участія въ дѣлѣ, какъ своего, такъ и другихъ лицъ, раскрывали свои побужденія, планы и т. д. Нѣкоторые облекали свои объясненія въ форму писемъ къ имп. Николаю Павловичу, къ предсѣдателю суда вел. кн. Михаилу Павловичу или къ ген. Левашову, черезъ руки котораго проходили эти письма. Записки эти писались съ цѣлью или дать одинъ общій отвѣтъ на многочисленные частные вопросы, или же выяснить тѣ возвышенные патріотическіе идеалы, ради которыхъ создалось тайное общество; нѣкоторыя лица не могли отказаться отъ мысли обратить вниманіе государя еще разъ на необходимость тѣхъ реформъ, вве-

деніе которыхъ было возможно даже при сохраненіи самодержавнаго строя.

Такимъ образомъ мемуары, печатаемые г. Запольскимъ, слѣдуетъ отличать отъ многочисленныхъ, извѣстныхъ уже мемуаровъ, написанныхъ впослѣдствіи, каковы мемуары Бѣляева, Розанова, Басаргина, Якушкина, Лорера, Фонъ-Визина и др. Г. Запольскій умаляетъ ихъ значеніе сравнительно съ записками, извлеченными имъ изъ слѣдственнаго дѣла. Несомнѣнно заключающійся въ мемуарахъ названной группы лицъ фактическій матеріалъ богаче, разнообразнѣе, подлиннѣе, но, какъ безпристрастное осмысленіе, много лѣтъ спустя, всего дѣла 14-го декабря, какъ „мемуары" (г. Запольскій не совѣмъ точно примѣняетъ это слово) гг. Якушкина, Штейнгеля, Фонъ-Визина, и т. д. представляютъ для историка, изучающаго общій характеръ эпохи, интересъ не меньшій, чѣмъ пространныя показанія, данныя слѣдственной коммиссіи. Вотъ что, впрочемъ, говоритъ г. Запольскій о важности печатаемыхъ имъ документовъ изъ слѣдственнаго дѣла: „Эти мемуары были написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшедшихъ событій. Они писались въ казематѣ и для неправаго и немилостиваго суда. Но мы сейчасъ увидимъ, что есть причины отнестись ко многимъ показаніямъ съ большимъ довѣріемъ, а во всякомъ случаѣ, независимо отъ фактической точности того или иного показанія, записки эти представляютъ собою огромный интересъ. Разумѣется, не всѣ декабристы считали нужнымъ ввести слѣдственную коммиссію въ сложный лабиринтъ исторіи хода общества. Далеко не всѣ были настроены такъ, чтобы излить волновавшія ихъ чувства. Многіе, огромное большинство даже, только отвѣчали на вопросы. Такого рода отвѣты, конечно, имѣютъ большое значеніе, какъ историческій матеріалъ но они не столь интересны въ качествѣ самостоятельныхъ произведеній. Въ издаваемомъ I-мъ выпускѣ матеріаловъ для исторіи декабристовъ мы выбрали именно наиболѣе интересные матеріалы и притомъ такіе, которыми еще не пользовались изслѣдователи".

Матеріалъ перваго выпуска частью обнимаетъ цѣликомъ дѣла первыхъ декабристовъ, частью же извлеченія изъ нихъ, которыя представлялись издателю наиболѣе интересными и существенными. Историческую критику документовъ г. Запольскій предполагаетъ дать въ особомъ трудѣ, посвященномъ изложенію исторіи тайныхъ обществъ. Тѣмъ не менѣе, онъ даетъ въ той же вводной статьѣ нѣсколько частныхъ замѣчаній о тѣхъ лицахъ, чьи записки издаются въ настоящей книгѣ. Эти замѣчанія цѣнны въ томъ отношеніи, что они представляютъ попытку помочь разобраться въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ впечатлѣній, производимыхъ документами.

Останавливаясь на вопросѣ о томъ, какъ держали себя декабристы

всѣхъ категорій на слѣдствіи, авторъ изображаетъ общія условія, при которыхъ велось слѣдствіе, и, въ частности, на личномъ участіи императора Николая въ занятіяхъ коммиссіи. Впечатлѣніе г. Запольскаго, вынесенное изъ пересмотра документовъ, любопытно въ томъ отношеніи, что въ печати нерѣдко отмѣчалось „рыцарское отношеніе" императора къ декабристамъ. „Пріемы самого верховнаго слѣдователя" приводятъ г. Запольскаго къ нѣсколько инымъ заключеніямъ. „Передъ этими пріемами, говоритъ онъ, поневолѣ останавливаешься съ изумленіемъ. Императоръ Николай I-й виртуозъ въ дѣлѣ выпытыванія откровенныхъ признаній. Является во дворецъ Булатовъ и отдаетъ императору свою шпагу. Николай I-й его цѣлуетъ, благодаритъ, называетъ товарищемъ. Каховской, въ отвѣтъ на свои пламенныя рѣчи о любви къ Россіи и всему русскому, слышитъ изъ устъ императора заявленіе, что и онъ — тоже русскій. Штейнгелю онъ напоминаетъ о многочисленномъ его семействѣ и обѣщаетъ взять на свое попеченіе. Розену обѣщаетъ спасти его. Гангеблова беретъ подъ руку и дружественно расхаживаетъ по комнатѣ съ юнымъ поручикомъ. Якушкина велитъ заковать въ оковы, Трубецкого выталкиваетъ пинкомъ изъ кабинета. Обѣщанія „заступничества", „спасенія", „покровительства" разсыпались широко. Все это сильно дѣйствовало. Многимъ просто могло казаться: надо быть откровеннымъ, и тогда никто не пострадаетъ. Нѣкоторые и не пострадали".

Остановившись затѣмъ на психическомъ состояніи подсудимыхъ и на уловкахъ слѣдственной коммиссіи, не останавливавшейся ни передъ чѣмъ, чтобы вызвать допрашиваемыхъ на откровенныя признанія, г. Запольскій дѣлаетъ попытку отвѣтить на вопросъ, былъ ли судъ надъ декабристами правымъ и милостивымъ. Знакомство съ судопроизводствомъ приводитъ г. Запольскаго къ тому выводу, что судъ надъ декабристами былъ и не правымъ, и не милостивымъ. „Не говоримъ о формѣ судопроизводства, о тѣхъ уловкахъ, къ которымъ прибѣгали слѣдователи, о системѣ письменнаго допроса и осужденія по этимъ допросамъ. Всѣ эти недостатки—были общими недостатками тогдашняго суда; здѣсь они были еще усугублены. Но даже при такой формѣ судопроизводства нельзя не признать, что при осужденіи не была принята во вниманіе относительная виновность подсудимыхъ. Въ этомъ отношеніи судъ исторіи надъ судопроизводствомъ коммиссіи, надъ ея отношеніями къ подсудимымъ, совершенно совпадаетъ съ тѣмъ убѣжденіемъ въ неправотѣ суда, которое о немъ вывели сами декабристы. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя лица были совершенно отпущены и избавлены отъ суда, тогда какъ менѣе замѣшанные подверглись осужденію... Можно было бы указать и на случайность отнесенія подсудимыхъ въ тотъ или другой разрядъ, очевидно по соображеніямъ посторонняго хара-

ктера. На примѣръ такой случайности можно указать снисходительное отношеніе къ Александру Бестужеву и явную несправедливость по отношенію къ Батенькову. Первый былъ однимъ изъ руководителей Сѣвернаго Общества и вывелъ солдатъ на площадь; между тѣмъ какъ вина Батенькова заключалась лишь въ томъ, что онъ зналъ о существованіи общества и о подготовлявшейся революціи, но ни въ обществѣ, ни въ революціи активнаго участія не принималъ: онъ былъ осужденъ за тѣ мысли, въ которыхъ онъ признался коммиссіи, но которыхъ онъ даже никому не высказывалъ; о самомъ существованіи общества онъ узналъ не болѣе какъ за мѣсяцъ до 14-го декабря".

Документальный текстъ книги составился изъ показаній, записокъ, писемъ и проектовъ Н. Комарова, Н. Муравьева, С. Трубецкого, А. Бестужева, Батенькова, Поджіо, Булатова, М. Муравьева-Апостола, Бобрищева-Пушкина.

Среди интереснѣйшихъ матеріаловъ, имѣющихъ различную цѣну, какъ для изученія дѣла о декабристахъ, такъ и для сужденія объ общемъ характерѣ эпохи, остановимся на разсказѣ подполковника А. Поджіо о началѣ своего „вольнодумства". Путь, пройденный имъ отъ полнѣйшаго индифферентизма до протеста изъ общественныхъ побужденій, былъ тѣмъ путемъ, которымъ шли тысячи молодыхъ людей, образовывавшихъ своими стремленіями и идеями опредѣленное направленіе въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи характеристика, данная Поджіо, очень типична. Она—подлинный документъ къ тому общему представленію о причинахъ и источникахъ идей протеста, которое стало историческимъ достояніемъ, какъ результатъ обобщенія свѣдѣній, шедшихъ съ различныхъ сторонъ. Въ показаніи Поджіо мы имѣемъ сжатый, но чрезвычайно полный разсказъ современника о конкретныхъ причинахъ возникшаго и разросшагося въ немъ общественнаго недовольства. „До 1819 года,—сообщаетъ Поджіо,—всѣ сіи мысли мнѣ были чужды, равно какъ все, что только требовало занятій и размышленій. Въ 1819 году начался мой ропотъ, а съ 1820 первоначальное мое вольнодумство. Сношенія мои со многими изъ членовъ способствовали къ сему. Въ сихъ сношеніяхъ однакожъ я усматривалъ не одно негодованіе, не одно роптаніе, но и устремленіе понятій и занятій ихъ къ изслѣдованію худого и лучшаго. Сравненіями предметовъ человѣкъ познаетъ и опредѣляетъ цѣну имъ; но прежде сего необходимо ему извѣдать сущность и свойство предметовъ сихъ, каждаго порознь, чтобы не впасть въ сравненіе однихъ съ другими, въ заключенія неосновательныя и часто неотносительныя къ своимъ началамъ. Въ кругу людей образованныхъ, всегда разсуждающихъ и разсуждающихъ словомъ ученымъ, я не имѣлъ ни о чемъ понятій, видя себя невѣждой во многихъ предметахъ, утративъ время, посвятивши

на безплодныя занятія и со всѣмъ тѣмъ пылая къ пользѣ, — я тутъ обратился самъ къ предметамъ симъ, сталъ вникать, обращать все вниманіе къ нимъ и напрягать всѣ усилія къ познанію всего, что счелъ я нужнымъ, чтобъ не отставать въ благомысленныхъ преніяхъ тѣхъ людей, коихъ однихъ сталъ изыскивать мнѣніе о себѣ. Такимъ образомъ, я сталъ отклоняться отъ общества, сближаться съ людьми, съ мнѣніями и съ цѣлью общества тайнаго. Съ симъ предубѣжденіемъ уже взялся я за ученіе всего, что только могъ, и тутъ книги возымѣли свое вліяніе надъ умомъ, получившимъ уже *направленіе*. Политическая экономія, права, однимъ словомъ все, что касается до составленія и управленія общества вообще, все это я пожиралъ съ умомъ жаднымъ и любопытнымъ. Послѣ сего перешелъ я къ управленію государствъ, каждаго порознь; сталъ вникать въ образъ правленія каждаго изъ нихъ, для чего и прибѣгнулъ къ Делалану, Констану, Филанджіери и прочимъ. Предубѣжденный уже, впалъ въ сравненія и тутъ сталъ убѣждаться въ необходимости видѣть и свое отечество, какъ бы какимъ волшебствомъ стать на ряду съ просвѣщеннѣйшими народами! Обратилъ вниманіе къ политикѣ тѣхъ временъ, увидѣлъ время, гдѣ духъ переобразованія взволновалъ народы. Испанія, Неаполь, Пьемонтъ, Грецiя въ слѣдъ одно за другими приняли образъ свободнаго правленія. Съ тѣхъ поръ журналы съ рукъ моихъ не сходили, и я съ величайшимъ вниманіемъ слѣдовалъ до малѣйшаго происшествія. Слѣдовалъ всѣ пренія палаты депутатовъ во Франціи и всѣмъ сужденіямъ издателей Constitutionnel, не упускалъ ходъ аглицкаго парламента; однимъ словомъ, я былъ въ духѣ тогда монархическаго представительнаго правленія. Скажу къ сему, что при желаніи моемъ введенія сего образа правленія въ Россіи, я нисколько тогда еще не помышлялъ въ содѣйствіи, а еще менѣе въ возможности какого-нибудь у насъ возстанія, но стану продолжать съ такою же откровенностью, дабы пояснить Высочайшему учрежденному комитету, какимъ образомъ сіи мысли измѣнились и по мѣрѣ оныхъ измѣнялись и правила мои".

Затѣмъ Поджіо разсказываетъ о томъ, какое значеніе имѣли для его міросозерцанія отечественная война, послѣдовавшія позже событія во Франціи и вообще политическое положеніе Европы. Въ дальнѣйшемъ, довольно сбивчивомъ изложеніи интересны указанія на тѣ причины въ современномъ ему государственномъ строѣ, которыя возбуждали недовольство и распространяли ропотъ. Мы остановились на запискѣ Поджіо въ виду ея выдающагося интереса; своеобразно интересны и записки С. П. Трубецкого, и письмо М. И. Муравьева-Апостола. Вообще книга, изданная г. Довнаръ-Запольскимъ, чрезвычайно содержательна.

III.

— Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства. Подъ редакціей А. К. Бороздина. Спб., 1906.

„Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства"—подзаголовокъ не вполнѣ точный для того отрывочнаго матеріала изъ исторіи общественнаго движенія, связаннаго съ 14 декабря, изъ котораго составилась книга. Матеріалъ этотъ, въ своей большей части, уже извѣстенъ въ печати въ большихъ или меньшихъ извлеченіяхъ, иное же помѣщено было цѣликомъ, какъ это и указывается въ предисловіи г. Бороздина. Заслуга редактора сводится къ извлеченію изъ государственнаго архива, въ полномъ видѣ, тѣхъ документовъ, которыми пользовались уже различные изслѣдователи, какъ русскіе, такъ и иностранные. И въ этомъ смыслѣ работа г. Бороздина можетъ быть признана полезной, хотя отсутствіе обобщающаго очерка и широкихъ историческихъ примѣчаній утверждаетъ за ней только значеніе сборника матеріаловъ, ничѣмъ внѣшнимъ образомъ не объединенныхъ въ „критику современнаго состоянія Россіи".

А сами по себѣ матеріалы чрезвычайно любопытны, особенно письма Каховскаго къ императору Николаю Павловичу и генералъ-адъютанту Левашеву. Въ нихъ прежде всего обрисовывается личность благороднаго, порывистаго, самоотверженнаго, искренняго и въ то же время загадочнаго Каховскаго, одного изъ пяти декабристовъ, повѣшенныхъ Николаемъ Павловичемъ. Глубокій и разносторонній умъ Каховскаго свидѣтельствовавшій объ основательныхъ познаніяхъ въ области политическихъ наукъ и исторіи, былъ направленъ на сопоставленіе современной ему Россіи съ тою, какою она могла бы быть, не связанная рабствомъ, не подчиненная произволу, свободная и просвѣщенная. Самодержавіе было тѣмъ Рубикономъ между дѣйствительностью и идеаломъ, черезъ который ему не удалось перешагнуть. Идеалъ этотъ казался близокъ Каховскому: стоило только „доброму" Николаю Павловичу пожелать осчастливить своихъ подданныхъ и обезпечить осуществленіе въ нашемъ отечествѣ стремленія людей, преданныхъ идеямъ свободы и культуры, — и преображеніе Россіи осуществится. Въ высокой степени трогательны и вмѣстѣ съ тѣмъ простительны для человѣка своего времени сердечныя, пламенныя убѣжденія, съ которыми обращался Каховскій къ самодержцу, забывая въ своемъ увлеченіи, что, идя навстрѣчу идеаламъ свободнаго развитія, самодержецъ переставалъ существовать. Есть извѣстіе, что Каховскій

произвелъ сильное впечатлѣніе на государя, но въ имп. Николаѣ самодержецъ слишкомъ уничтожалъ человѣка, чтобы конфликтъ двухъ началъ, выразившихся въ борьбѣ абсолютизма съ декабристами, могъ выйти изъ рамокъ принципіальныхъ отношеній, изъ которыхъ одно неминуемо стремилось къ уничтоженію другого. Письма Каховскаго поразительны своей преданностью освободительной идеѣ, своей горячей любовью къ родинѣ, которой отдавалось все—и завѣтнѣйшія стремленія кипучей мысли, и лучшіе порывы горячей самоотверженной души.

Яркой отличительной чертой писемъ Каховскаго служитъ ихъ обстоятельность и сила изложенія. Онъ мыслитъ конкретно и каждое свое положеніе подтверждаетъ фактами, которые, на первый взглядъ, могутъ показаться мелочными, но, если всмотрѣться въ нихъ глубже, чрезвычайно характерными для режима своего времени. Мы позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ извлеченіяхъ, не безынтересныхъ, можетъ быть, и въ томъ смыслѣ, что они невольно напрашиваются на сопоставленіе съ тѣми успѣхами, какихъ достигло наше отечество въ переживаемое нами время. Останавливаясь, въ письмѣ къ Левашеву, на повсемѣстныхъ превышеніяхъ власти и соединенныхъ съ ними правонарушеніяхъ, Каховскій касается вопроса о томъ, какую роль при этомъ играютъ генералъ-губернаторы. „Большія суммы денегъ,—говоритъ онъ,—истрачиваются на жалованье генералъ-губернаторамъ и на содержаніе ихъ штатовъ. Признаюсь, сколько ни старался вникнуть, никакъ не могъ понять, къ чему служатъ вновь возстановленные генералъ-губернаторы, во внутреннихъ губерніяхъ государства. Пользы отъ нихъ нигдѣ не замѣтилъ; равно вездѣ видѣлъ и слышалъ, что они тяготятъ лично собой, какъ лишней безполезной властью и раздорами съ гражданскими губернаторами губерній. Дѣла отъ нихъ, какъ и изъ губернскихъ правленій, поступаютъ въ Сенатъ, да и можно ли одному лицу допустить рѣшать ихъ? Если генералъ-губернаторы учреждены для новаго образованія присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ, то выборъ сдѣланъ весьма неудачно: и отличный дивизіонный начальникъ можетъ быть весьма плохимъ генералъ-губернаторомъ“.

Далѣе, указавъ на разницу между интересами государства, „казны“ и народа, въ частномъ случаѣ финансовой политики, и восходя отсюда къ причинамъ общимъ, Каховскій ставитъ возстаніе 14 декабря въ прямую связь съ самодержавнымъ правительствомъ имп. Александра I. Безплодными представляются ему усилія правительства открыть всѣхъ членовъ тайнаго общества, задавшагося цѣлью измѣнить управленіе страной. „Начало и корень общества должно искать,—пишетъ Каховскій,—въ духѣ времени и положенія, въ которомъ мы находимся. Я

съ немногими членами тайнаго общества былъ знакомъ и вообще думаю, число ихъ невелико. Но изъ большого числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ никакимъ тайнымъ обществамъ, очень немногіе были противнаго со мной мнѣнія. Смѣло говорю, что изъ тысячи молодыхъ людей не найдется ста человѣкъ, которые бы не пылали страстью къ свободѣ. И юноши, пламенѣя чистой, сильной любовью къ благу отечества, къ истинному просвѣщенію, дѣлаются мужами.

„Народы,—продолжаетъ Каховскій,—постигли святую истину, что не они существуютъ для правительства, но правительства для нихъ должны быть устроены. И вотъ причина бореній во всѣхъ странахъ; народы, почувствовавъ сладость просвѣщенія и свободы, стремятся къ нимъ; правительства же, огражденныя милліонами штыковъ, силятся оттолкнуть народы въ тьму невѣжества. Но тщетны ихъ всѣ усилія: впечатлѣнія, разъ полученныя, никогда не изглаживаются. Свобода, сей свѣточь ума, теплотворъ жизни! была всегда и вездѣ достояніемъ народовъ, вышедшихъ изъ грубаго невѣжества. И мы не можемъ жить подобно предкамъ нашимъ, ни варварами, ни рабами".

Съ замѣчательной для своего времени смѣлостью мысли и ясностью представленія изображаетъ Каховскій, въ письмѣ къ имп. Николаю Павловичу отъ 4-го апрѣля 1826 г., состояніе Россіи въ правленіе Александра I. „Покойный Императоръ, объѣзжая области государства, вникнулъ ли гдѣ въ состояніе народное? Нѣтъ, онъ смотрѣлъ лишь войска. Мѣстное начальство старалось представить Его Величеству все въ лучшемъ видѣ, чѣмъ есть оно на самомъ дѣлѣ; въ нѣкоторыхъ городахъ цѣлыя улицы заносились заборами, чтобы скрыть лачуги бѣдныхъ жителей отъ взора Императора. Были частныя лица за ничто, за притворное привѣтствіе награждаемы, а несчастный народъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проѣзжалъ Его Величество, раззорялся тяжкими земскими повинностями. И общее негодованіе громко говорило во всей Россіи: Императоръ занимается лишь солдатами, играетъ ими, какъ игрушкой, не печется о благосостояніи нашемъ, тратитъ сотни милліоновъ на арміи, безполезнымъ содержаніемъ въ мирное время милліона войскъ изсушаетъ источники богатства народнаго. У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли,—что составятъ для насъ штыки внутри Государства? Они не прокормятъ насъ, мы чрезъ нихъ голодаемъ. Что винить министровъ? Они что значутъ? У насъ правленіе самодержавное. Государственный Совѣтъ—игрушка! Мы знаемъ мнѣнія, съ которыми соглашаются и которыя отвергаютъ. Государь не подчинилъ себя ему, а посредствомъ учрежденія онаго сжалъ лишь власть сената. Поѣздки на конгрессы какую принесли намъ прибыль? Развѣ только то, что деньги наши вывозятъ изъ отечества. Мы не можемъ страшиться внѣшнихъ враговъ, но у насъ внутренніе

враги терзаютъ Государство: отсутствіе закона, справедливости, убытокъ торговли, тяжкіе налоги и повсемѣстная бѣдность".

Отмѣтивъ, въ томъ же письмѣ, что вмѣсто ожидаемаго закона „постановительнаго и преобразованія судопроизводства, послѣднія двѣнадцать лѣтъ царствованія Александра I принесли лишь перемѣну формы чиновъ гражданскихъ, въ теченіе же двадцати лѣтъ его величество ни разу не удостоилъ, бывая ежедневно у развода, верховное правительствующее мѣсто государства—сенатъ, Каховскій останавливается на томъ впечатлѣніи, какое было произведено на людей либеральныхъ и благонамѣренныхъ вѣстью о смерти Александра. Мнѣніе о наслѣдникахъ его было столь невысоко, что, по словамъ Каховскаго, общія слова были: „вотъ въ какомъ мы положеніи, что и императора Александра жалѣть должно!"—„Такъ, государь,—продолжаетъ Каховскій,—мы равно страшились всѣхъ его наслѣдниковъ,—причина сему вамъ должна быть извѣстна; я только доложу вамъ, что и самые люди къ вашему величеству преданные не оправдываютъ въ васъ страсти къ фрунту. Сіе занятіе государей нашихъ въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно. Самыя войска чрезмѣрно тяготятся имъ и ужасно ропчутъ"...

Читая эти открытыя чистосердечныя строки, трудно отдѣлаться отъ чувства невольнаго оскорбленія за Каховскаго и тѣхъ изъ его единомышленниковъ, которые, при всемъ личномъ достоинствѣ своего тона, умоляли имп. Николая Павловича перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, т.-е. самовластнымъ фрунтовикомъ, окруженнымъ льстецами, и обратиться лицомъ къ лицу къ нуждамъ многомилліоннаго народа; было бы лучше, казалось, еслибы они не унижались до выраженій мольбы и сошли въ могилу съ гордостью побѣжденныхъ, но не сдавшихся борцовъ. Однако, вспомнимъ невыносимо тяжкія условія ихъ дѣятельности, когда ясною представлялась одна конечная цѣль, средства же борьбы были далеко не опредѣлены, и мы поймемъ, что въ этихъ предсмертныхъ попыткахъ томившихся въ тюрьмахъ энтузіастовъ вспыхивалъ послѣдній пламень угасавшей надежды, послѣдній актъ личнаго самопожертвованія во имя идеи.

Извѣстно, чѣмъ отвѣтило на эти горячія мольбы сердце имп. Николая. Чистосердечныя признанія и просьбы объ улучшеніи способовъ правленія были приняты какъ „вранье", за которое виновные поплатились—одни головою, другіе—многолѣтней ссылкой въ сибирскіе рудники.

Тотъ же интересъ историческихъ матеріаловъ имѣютъ и помѣщенныя далѣе письма и записки А. А. Бестужева, Г. С. Батенькова, В. И. Штейнгеля, А. И. Якубовича, показанія П. И. Пестеля, К. Ф. Рылѣева, извлеченія изъ бумагъ гр. Мамонова, а также „катехизисъ

и воззваніе" С. И. Муравьева-Апостола. Въ сжатой и удивительно ясной формѣ Якубовичъ изложилъ практическія задачи необходимыхъ реформъ и слѣдующимъ образомъ резюмировалъ свой выводъ: „Десять лѣтъ мирнаго спокойствія не облегчило Россіи отъ налоговъ, не введены лучшіе способы взиманія податей и тягость государственныхъ обязанностей не уравнена между всѣми сословіями, прочные законы не обезпечили каждаго, торговля не процвѣла, изящныя искусства не украсили отечества; но народная образованность значительно подвинулась впередъ, и желаніе лучшаго содѣлалось первымъ чувствомъ каждаго...... Ветхое зданіе государственнаго управленія требуетъ важныхъ измѣненій. Имперія, слишкомъ сто лѣтъ вышедшая изъ мрака грубаго невѣжества, всякіе четверть вѣка совершенно измѣняется въ образованности идей, и нравственныхъ потребностяхъ. Облегчите и обезпечьте состояніе хлѣбопашца. Сравняйте преимуществами вашихъ воиновъ, уменьшивъ срокъ службы, рѣшительными законами и строгимъ ихъ исполненіемъ введите каждаго въ его обязанности, распространите свѣтъ наукъ и просвѣщенія, дайте ходъ торговой дѣятельности, ободрите вашимъ благоволеніемъ робкую добродѣтель, и недовольные, или карбонаріи, исчезнутъ, какъ тьма передъ лицомъ солнца".

Предоставляемъ любителямъ архивныхъ изысканій рѣшить, насколько точно воспроизведены у г. Бороздина тексты документовъ. Сличая записку Штейнгеля въ книгѣ „Общественныя движенія" и въ настоящемъ изданіи, мы замѣтили нѣкоторыя, несущественныя впрочемъ, разночтенія. Но въ гораздо большее недоумѣніе повергаетъ читателя сличеніе текстовъ письма А. Бестужева къ имп. Николаю Павловичу у г. Бороздина и у г. Довнаръ-Запольскаго („Мемуары декабристовъ"), гдѣ довольно многочисленныя разночтенія наполовину имѣютъ отношеніе къ смыслу отдѣльныхъ фразъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя. Такъ, у г. Бороздина: „правду безъ прикраски", „кликъ русскаго монарха" (стр. 35), „опять тиранятъ", „способіемъ", „голодили" (стр. 36), „слѣдствіемъ сего былъ еще бо́льшій упадокъ" (стр. 38). У г. Запольскаго: „правду безъ прикрасъ", „коихъ (?) русскаго монарха", „вновь тиранятъ", „пособіемъ", „голодали другіе края", „слѣдствіемъ сего сталъ еще бо́льшій упадокъ". У г. Бороздина: „указъ, чтобы мѣщане и мелкіе торговцы или записывались *въ полиціи*, или платили бы налогъ". У г. Запольскаго: „...или записывались *въ гильдіи*"... У г. Бороздина: „слѣдственно, мы, дѣйствуя въ лицѣ народа, шли *на противу* вашего величества"... У г. Запольскаго: „слѣдовательно, мы, дѣйствуя въ лицѣ народа, шли *не противу* вашего величества"... Наконецъ, у г. Бороздина на стр. 36, пропущена, сравнительно съ текстомъ г. Запольскаго, цѣлая фраза. Такъ, за фразой: „притѣсненіе начальствомъ заслуженныхъ офицеровъ разгорячало (у

г. Запольскаго „разгорало“) умы“ у г. Запольскаго читаемъ: „Предпочтеніе нѣмецкихъ фамилій передъ русскими обижало народную гордость“. У г. Бороздина этой фразы нѣтъ. Мы останавливаемся на этихъ, на первый взглядъ, мелочахъ — съ единственной цѣлью отмѣтить, насколько весьма понятное стремленіе опубликовать какъ можно поспѣшнѣе интересные документы подчасъ отражается вредно на ихъ точности, если въ основу изданія не положено самое тщательное изученіе текста.

IV.

— Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694). Съ портретомъ Петра Великаго и многими иллюстраціями. Изслѣдованіе Н. В. Чарыкова. Спб., 1906.

Роскошно изданное г. Суворинымъ изслѣдованіе Н. В. Чарыкова представляетъ собой одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ исторіи нашего просвѣщенія въ ту эпоху, когда оно совершалось по преимуществу при посредствѣ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію. Въ изслѣдованіи этомъ разсмотрѣны и критически освѣщены документы, касающіеся жизни и дѣятельности шотландца Павла Менезія, бывшаго на московской службѣ, исполнявшаго посольскую миссію отъ царя Алексѣя Михайловича въ 1672 г. къ папѣ Клименту X, для переговоровъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ государствъ противъ турокъ, и позже игравшаго нѣкоторую роль при малолѣтнемъ царевичѣ Петрѣ. Авторъ собралъ свѣдѣнія о Менезіи, какія имѣлись въ печатныхъ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ, а также въ архивахъ Рима, Парижа, Венеціи, Вѣны, Эдинбурга и Абердина и въ русскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи въ Москвѣ и военнаго министерства въ Петербургѣ. Многочисленныя неизданныя рукописи упомянутыхъ архивовъ, непосредственно касающіяся Менезія, или упоминающія о немъ, дѣйствительно очень интересны для исторіи эпохи, и опубликованіе ихъ составляетъ прежде всего крупную заслугу автора. Заключающійся въ нихъ историческій матеріалъ невольно вызываетъ на мысль о широкихъ историческихъ построеніяхъ, но авторъ скромно ограничилъ свою задачу детальнымъ изученіемъ фактовъ, относящихся къ предмету его біографіи, лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ останавливаясь на различныхъ моментахъ русской внѣшней политики въ изучаемую эпоху. Такой характеръ носитъ его обширная статья, уже напечатанная лѣтъ шесть тому назадъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и служащая объяснительнымъ текстомъ къ напечатаннымъ матеріаламъ. Въ качествѣ особаго этюда, авторъ присоеди-

нилъ критическій обзоръ извѣстій о Павлѣ Менезіи, содержащихся въ извѣстномъ „Сказаніи о Московіи" Невиля.

Біографія Павла Менезія, любопытная сама по себѣ, интересна еще въ томъ отношеніи, что онъ, какъ объ этомъ уже предполагали нѣкоторые историки, былъ первымъ наставникомъ Петра Великаго, къ которому приблизилъ его, въ послѣдніе годы своей жизни, царь Алексѣй Михайловичъ. Если это было такъ—а выводы г. Чарыкова подтверждаютъ это положеніе,—то нельзя не признать, что лучшаго выбора Алексѣй Михайловичъ не могъ бы сдѣлать. Много путешествовавшій, образованный, обходительный, знатный по происхожденію, Менезій обладалъ всѣми качествами человѣка, который могъ сообщить мыслямъ царевича облагораживающее культурное направленіе и удовлетворить его любознательность съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Такое впечатлѣніе оставилъ, между прочимъ, Менезій въ Римѣ, гдѣ былъ оцѣненъ его тактъ, свободный и умный разговоръ на многихъ языкахъ, вѣжливость, а также преданность царю Алексѣю Михайловичу, котораго онъ восхвалялъ и характеризовалъ, какъ государя любознательнаго и пламенно желавшаго цивилизовать свой народъ.

Разсмотрѣвъ различныя свидѣтельства и мнѣнія историковъ о возможной роли Менезія при Петрѣ, еще недостаточно разъясненной вслѣдствіе неразработанности нашихъ архивовъ, авторъ справедливо указываетъ на важность опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса. Вѣдь еслибы было доказано, что Алексѣй Михайловичъ приблизилъ Менезія къ четырехъ-лѣтнему Петру, въ качествѣ наставника, то отсюда слѣдовало бы, что первое знакомство Петра съ „нѣмцемъ" не было дѣломъ случая, но осуществленіемъ намѣренія его отца, вообще весьма расположеннаго къ иностранцамъ. Въ то же время выяснилось бы, что первымъ иноземцемъ-наставникомъ Петра былъ не Зоммеръ и не Циммерманъ, а одинъ изъ выдающихся иностранцевъ того времени, дипломатъ, опытный военачальникъ, человѣкъ благороднаго характера. Изысканіе привело г. Чарыкова къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: „Вдумываясь въ характеръ Менезія, невольно кажется, что еслибы мягкій и разсудительный Павелъ остался дольше вблизи царевича, многія шероховатости характера Петра Великаго не проявились бы, и его знакомство съ Нѣмецкой слободой принесло бы ему больше пользы и меньше вреда. Кажется также, что легкость, съ которой Петръ сталъ сближаться съ иностранцами изъ Нѣмецкой слободы, нельзя не приписать, хоть отчасти, доброй памяти, оставленной иноземцемъ Менезіемъ въ душѣ Петра, на разсвѣтѣ его сознательной жизни, и тому обстоятельству, что важнѣйшіе изъ этихъ иностранцевъ—Гордонъ, Лефортъ, Страсбургъ и др. — были друзья и родственники Менезія.

„Можно также предположить, что Алексѣй Михайловичъ, предугадывая въ Петрѣ будущую опору государства, преобразованіе котораго озабочивало царя и было въ извѣстной мѣрѣ имъ начато, задумалъ, по совѣту Матвѣева и Нарышкиныхъ, дать царевичу воспитаніе болѣе широкое, чѣмъ то, которымъ пользовались старшія царскія дѣти, и черезъ большее ознакомленіе Петра съ Западной Еропой лучше подготовить его къ новымъ потребностямъ государственнаго управленія. Весьма вѣроятно, что допущеніе къ царевичу иностранца-наставника было самымъ смѣлымъ изъ тѣхъ нововведеній, дальнѣйшее осуществленіе коихъ было прервано преждевременной кончиной Алексѣя Михайловича. Въ Россіи, въ отличіе отъ Запада, реформы всегда начинались съ верху. Соотвѣтственно этому, надлежало основать преобразованіе государства на образованіи преобразователя". Авторъ выражаетъ увѣренность, что тою же мыслью руководствовался и самъ Петръ Великій, назначивъ въ 1701 г. наставникомъ къ своему сыну Алексѣю Нейгебауера, воспитанника лейпцигскаго университета, а черезъ два года другого иностранца—барона Генриха Гизена, человѣка выдающагося ума и образованія. Къ сожалѣнію, здѣсь результатъ оказался другой, но, какъ замѣчаетъ авторъ, — „біографія Менезія можетъ выяснить, что въ этомъ отношеніи Петръ Великій не былъ новаторомъ: онъ сдѣлалъ для сына то, что для него было начато его отцомъ".

Текстъ книги сопровождается превосходно выполненными иллюстраціями на отдѣльныхъ таблицахъ и въ текстѣ. Вообще работа г. Чарыкова представляетъ собой богатый вкладъ въ нашу историческую литературу, и желательно, чтобы знакомство съ ней не ограничилось однимъ небольшимъ кружкомъ спеціалистовъ.—Евг. Л.

V.

— Карлъ Каутскій. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи. Опытъ изслѣдованія. Одесса. 1906.

Положенія, которыя защищаетъ Каутскій, такъ общеизвѣстны, что останавливаться на нихъ самихъ по существу—не представляется никакой надобности. Но примѣненіе этихъ положеній врядъ ли у него основательно. Популяризируя марксистскую доктрину, авторъ упрощаетъ не способъ ея изложенія, а ее самоё, отчего она становится вульгарной, поверхностной и научно-несостоятельной. Для того, чтобы свести всѣ духовныя явленія нашего бытія къ производственнымъ отношеніямъ,—какъ это, вотъ уже двадцать лѣтъ, дѣлаетъ Каут-

скій,—необходимо прослѣдить цѣлый рядъ посредствующихъ причинъ, необходимо наблюсти тотъ долгій и сложный процессъ, который привелъ подземные корни экономики къ пышнымъ и нѣжнымъ цвѣтамъ нашей психической жизни. Но Каутскому хочется, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ,—какъ бы сложенъ онъ ни былъ,—экономика вникала тотчасъ же, сію минуту, безъ промедленія.

Такъ, когда заходитъ у него рѣчь о взаимномъ отношеніи половъ, онъ, по старой привычкѣ, объясняетъ разную степень почета, которымъ пользуется въ обществѣ тотъ или иной полъ,—его участіемъ въ хозяйственной дѣятельности. Нужно ли говорить, что даже сторонники экономическаго матеріализма не согласятся съ такой его интерпретаціей? Форма, въ которой выражается причитающійся полу почетъ, несомнѣнно вся лежитъ въ области хозяйственной,—*но только форма*: рыцарь-феодалъ оказываетъ почетъ своей дамѣ совершенно иначе, чѣмъ оказываетъ его современный промышленникъ. Самый же фактъ этого почета объясняется внѣ-соціальными причинами; поскольку же онъ является фактомъ соціальнымъ, онъ обладаетъ далеко не тѣми предпосылками, которыя указываетъ Каутскій. Уваженіе къ данному полу находится въ обратной зависимости отъ количественнаго отношенія этого пола къ другому полу, что въ свою очередь устанавливается многими причинами, въ числѣ которыхъ главную роль играютъ войны, процентъ рождаемости, иммиграція, эмиграція и т. д. А послѣднія въ свою очередь порождаются причинами, которыя—съ этимъ никто не споритъ—имѣютъ несомнѣнную хозяйственную подкладку.

Только такимъ кропотливымъ путемъ можно подойти къ тѣмъ основаніямъ, на которыя указываетъ авторъ „Этики". Ему же некогда провѣрять себя, онъ увѣренъ въ правотѣ своей заранѣе, ему бы только создать иллюзію, будто онъ „изслѣдуетъ", будто онъ на глазахъ у читателя подходитъ къ тѣмъ или другимъ выводамъ. Порою такой методъ „ложной дедукціи" жестоко мститъ за себя: такъ, напр., Каутскій объясняетъ равнодушіе къ смертной казни со стороны нѣмецкой интеллигенціи—возобновленіемъ въ Германіи всеобщей воинской повинности, — чего немедленнымъ опроверженіемъ служитъ страстный протестъ противъ смертной казни со стороны русской интеллигенціи, которая тѣмъ не менѣе вся прошла сквозь всеобщій рекрутскій наборъ.

Но еще худшія послѣдствія такого „субъективнаго метода" постигли книжку Каутскаго въ расправѣ съ Кантомъ. Расправа у него, дѣйствительно, коротка: тутъ, конечно, и „общественный застой", и „пріостановка развитія", и „притупленіе общественныхъ противорѣчій", вмѣсто „ихъ преодолѣнія въ борьбѣ",—словомъ, всѣ элементы самаго непривлекательнаго „фундамента". Но при этомъ обнаружи-

вается, что авторъ, по мѣрѣ надобности, можетъ замѣнить одинъ фундаментъ другимъ,—и метафизика Канта попеременно является у него то протестомъ противъ весьма конкретнаго феодальнаго общества, съ его отношеніями личной зависимости (стр. 31), то—безсильнымъ отказомъ отъ протеста противъ этого общества (стр. 24).

Два „фундамента"—это не снилось даже автору „Zur Kritik"!

Сильная сторона Каутскаго—въ его біологическихъ предпосылкахъ соціализма; въ его работахъ всегда чувствуется блестящій авторъ статей „Darwin und der Socialismus". Классовая борьба у него всегда идетъ рука объ руку съ борьбой за существованіе. Такъ это и быть должно, но, къ сожалѣнію, и здѣсь конечные выводы Каутскаго далеко не такъ совершенны, какъ исходные его пункты. И здѣсь онъ не разъ обрушивается на тѣ явленія, которыя, *сообразно его же критеріямъ*, мы готовы признать закономѣрными и полезными.

Для примѣра попробуемъ развить хотя бы одно изъ подобныхъ положеній — само по себѣ чрезвычайно банальное — и посмотримъ, куда оно приведетъ насъ. Оно гласитъ: „У тѣхъ животныхъ семействъ, для которыхъ общественный союзъ становится серьезнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, эта борьба развиваетъ общественные инстинкты. Эти инстинкты достигаютъ у нѣкоторыхъ семействъ и нѣкоторыхъ индивидуумовъ изумительной силы, такъ что они въ состояніи преодолѣть даже инстинкты самосохраненія и продолженія рода, разъ они приходятъ съ ними въ конфликтъ". Иными словами, руководимый инстинктомъ самосохраненія, „общественный" индивидуумъ можетъ — при извѣстныхъ условіяхъ — отречься *именно отъ этого инстинкта*. Стремленіе къ личному благополучію можетъ принудить его отречься именно отъ этого стремленія. И чѣмъ болѣе будетъ тѣхъ орудій, отъ которыхъ отречется личность, тѣмъ болѣе могучимъ станетъ то орудіе, ради котораго произошло это отреченіе—общество. Средство усиливается, если его сдѣлать цѣлью. Служите орудію, станьте сами орудіями его бытія и процвѣтанія—и вы усилите, усовершенствуете его. Борьба за существованіе поэтому-то и вырабатываетъ, укрѣпляетъ, поддерживаетъ въ насъ представленіе объ этихъ орудіяхъ нашего бытія, какъ о чемъ-то, чего мы сами являемся орудіями, чему мы должны служить, не ожидая никакихъ выгодъ, даже наперекоръ выгодамъ, даже побуждаемые отсутствіемъ выгодъ. Наука, справедливость, богатство, мораль—все это мощныя орудія, требующія огромныхъ неустанныхъ жертвъ со стороны тѣхъ, кому они служатъ, и жертвоприношеніе это возможно только тогда, если орудійность ихъ будетъ скрыта. Отсюда *вся необходимость, весь утилитарный смыслъ* науки для науки, искусства для искусства. „Чистая наука", „естественное право", „категорическій императивъ" — вотъ

рядъ нужныхъ, выгодныхъ, утилитарныхъ иллюзій, которыя всячески укореняетъ и поддерживаетъ въ насъ ревнующая нашему благу борьба за существованіе. При ростѣ общественности всякая вещь является Ding für uns именно тогда, когда она въ наибольшей мѣрѣ кажется намъ Ding für sich. Оттого-то чѣмъ больше въ обществѣ фетишей, чѣмъ больше въ немъ несуществующихъ цѣнностей и ложныхъ самоцѣлей, тѣмъ оно совершеннѣе, тѣмъ оно могущественнѣе въ борьбѣ за бытіе и благо личности. Сила организма—въ томъ, чтобы каждый органъ стремился къ самостоятельному развитію. (См. хотя бы G. Adler, „Die Zukunft der Socialen Frage").

Итакъ, тотъ же самый утилитарный принципъ, изъ котораго вышелъ Каутскій, неизбѣжно приводитъ къ признанію и къ утвержденію абсолютныхъ, самодовлѣющихъ идей и представленій. Посмотримъ же, какъ относится къ нимъ нашъ авторъ. Вотъ его мнѣніе объ абсолютной морали: „Какъ только моральныя предписанія получаютъ самостоятельное бытіе, они этимъ самымъ перестаютъ служить элементомъ общественнаго прогресса. Они застываютъ, становятся консервативнымъ элементомъ, тормазомъ дальнѣйшаго развитія".

Выводъ совершенно непослѣдовательный. Моральныя предписанія только тогда и дѣйствительны, только тогда и властны надъ нами, когда мы мыслимъ ихъ застывшими, вѣчными, самостоятельными. Самостоятельность (иллюзорная, мнимая) моральныхъ предписаній, независимость ихъ отъ нуждъ и цѣлей человѣка—именно и является могучимъ стимуломъ ихъ вліянія,—а Каутскій считаетъ ихъ „тормазомъ". Вѣдь это же отрицаніе своихъ собственныхъ положеній. Точно такимъ же отрицаніемъ могутъ быть названы нападки Каутскаго на чистое познаніе: „Познаніе вещей въ себѣ—иронизируетъ онъ — можетъ казаться иному философу важной задачей; для нашего же существованія совершенно безразлично, что бы ни понималось подъ вещью въ себѣ". Точно также, только забывая свои же положенія, можно было заявить, что „раздѣленіе труда не должно никогда заходить такъ далеко, чтобы отдѣльныя части организма становились самостоятельнѣе: это повело бы къ распаденію индивидуума". Напротивъ: къ его усиленію. Ибо при самостоятельномъ развитіи каждый органъ, каждое орудіе укрѣплялось бы, закалялось,—а что же нужно организму, какъ не закаленныя орудія? Противъ этого-то „самостоятельнаго развитія" и возстаетъ книжка Каутскаго—и въ этомъ вся ея недальнозоркость. „Самостоятельное развитіе" — это абсолютная истина, абсолютное добро, абсолютная справедливость,—а вѣдь только ради нихъ, только ради этихъ абсолютовъ, Сократы могутъ выпивать цикуту, Джордано Бруно идти на костры, Галилеи повторять: „а все таки вертится!"—и тѣмъ самымъ укрѣплять, усиливать утилитарное

значеніе этихъ цѣнностей, закалять ихъ для нашей борьбы. Каутскій скажетъ, что это усиленіе, этотъ закалъ покупается слишкомъ большими жертвами, что эта застывшая, абсолютная самоцѣль является тормазомъ въ соціальномъ развитіи (стр. 113, 114). Онъ скажетъ, что еслибы не было, напр., мнимо-абсолютной, застывшей морали, то переходъ къ новымъ общественнымъ условіямъ совершался бы безъ жертвъ, безъ крови, безъ мучительной ломки. Онъ скажетъ, что самоцѣль вредна для динамической стороны общественнаго бытія, такъ какъ она способствуетъ—на нѣкоторое время—развитію уже устарѣвшихъ, вредныхъ элементовъ—и во всемъ этомъ, несомнѣнно, онъ будетъ правъ. Но зачѣмъ же упускать изъ виду статическую сторону жизни? Съ этой стороны самоцѣль, „самостоятельное развитіе"—могущественнѣйшій стимулъ для бытія этихъ нормъ, для ихъ осуществленія, условіе ихъ полноты и силы. Она влечетъ огромную трату энергіи, это правда, но что значитъ въ экономіи природы эта трата, сравнительно съ тѣмъ, что пріобрѣтается ею. Влюбленный увѣренъ, что любитъ ради любви, а не ради созданія потомства. И только благодаря такой иллюзорной самоцѣльности—любовь служитъ истинной своей цѣли — продолженію рода. Правда, слѣдствіемъ этой мнимой „самостоятельности" любви, слѣдствіемъ ложной ея абсолютности явилась проституція, но что значитъ этотъ „тормазъ общественнаго развитія" въ сравненіи съ его величайшей ролью — ролью императива къ продолженію рода?

Такимъ образомъ, мы видимъ, что на тѣхъ основаніяхъ, изъ которыхъ вышелъ Каутскій, ему никакъ не выполнить своей задачи: абсолютная мораль, благодаря этимъ основаніямъ, пріобрѣтаетъ только бóльшую силу и значительность. Только благодаря этимъ основаніямъ, понятна *соціальная полезность* величавой максимы Канта: „если завтра наступитъ кончина міра, послѣдній преступникъ долженъ быть казненъ сегодня, во имя абсолютной справедливости".

Противъ собственной воли Каутскій своими предпосылками не разрушилъ, а подтвердилъ эту максиму.—К. Ч—скій.

Въ теченіе августа мѣсяца поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бернштейнъ, Эд.—Парламентаризмъ и соціалъ-демократія. Перев. съ рукописи.—Задачи соціалистической культуры. Изд. Б. Ревзина и І. Постмана въ Берлинѣ. 68 стр. Ц. 15 к.

Блосъ, В. — Французская революція. Перев. съ нѣмецкаго Н. С. Тютчева. Спб. Книгоизд. „Паллада". 1906 г. 48 стр. Ц. 65 к.

Бѣлоконскій, И. П. — За что и почему? Изд. Н. Парамонова. „Донская Рѣчь". Ростовъ-на-Дону. 31 стр.

——— Фейга. Изд. Н. Парамонова. „Донская Рѣчь“. Ростовъ-на-Дону. 20 стр.

Вандервельде, Эм.—Соціалистическій строй. Перев. съ рукописи. — Задачи соціалистической культуры. Изд. и переводъ Б. Ревзина и І. Постмана въ Берлинѣ. 50 стр. Ц. 15 к.

Вингоферъ, А. — Цѣнность человѣческой жизни. Книгоизд. „Югъ“. 15 стр. Ц. 5 к.

Галина, Г.—Предразсвѣтныя пѣсни. Спб. 906. стр. 112. Ц. 1 р.

Гиппіусъ, З.—Алый Мечъ. Спб. 906. Стр. 480. Ц. 2 р.

Жеффруа, Густавъ. — Бланки, его жизнь и революціонная дѣятельность. Переводъ А. Серебряковой. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. 311 стр. Ц. 1 р.

Койгенъ, Д., д-ръ. — Міровоззрѣніе соціализма. — Задачи соціалистической культуры. Изд. І. Постмана и Б. Ревзина въ Берлинѣ. 146 стр. Ц. 25 к.

Красинскій, З.—Небожественная комедія. М. 906. Стр. 102. Ц. 60 к.

Крассовскій, С. С.—О языкахъ и нравахъ. О душевныхъ ощущеніяхъ, связанныхъ съ членораздѣльными звуками. Опытъ отыскиванія законовъ слова. Вып. I. Спб. 906. Стр. 64. Ц. 50 к.

Ларенко, П.—Страдные дни Портъ-Артура. Изд. П. А. Артемьева. Ч. II.— 319 стр. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Либровичъ, С. Ф.—Не русская кровь въ русскихъ писателяхъ. Спб. 906. Стр. 98. Ц. 40 к.

Луи, Поль.—Будущее соціализма. Книгоизд. „Дѣло“. Переводъ съ франц. И. Биллика и Я. Кернеса. 206 стр. Ц. 60 к.

Мельшинъ, Л.—*Бравскій*, Р.—Вмѣсто Шлиссельбурга. Книгоизд. „Русское Богатство“. 40 стр. Ц. 8 к.

Мерингъ, Фр.—Сущность научнаго коллективизма. Эскизъ эконом. ученія К. Маркса. Перев. съ нѣм. А. Козлова. Изд. книжн. магаз. С. И. Иванова и К°. Кіевъ. 20 стр. Ц. 5 к.

Плетневъ, Алексѣй.—Исповѣдь террориста. Книгоизд. „За право и правду“. 63 стр. Ц. 30 к.

Пшибышевскій, Станиславъ.—Заупокойная Месса. М. 906. Стр. 154. Ц. 1 р.

Ренанъ, Эрнестъ. — Жизнь Іисуса Христа. Изд. книжнаго магазина С. И. Иванова и К°. Кіевъ. 336 стр. Ц. 50 к.

Рубежный, В.—Борьба со зломъ. Книгоизд. „Югъ“. Харьковъ. 1906. Изд. Грекова. 23 стр. Ц. 10 к.

Рудинскій, Н.—Записки земскаго врача. Спб. 906. Стр. 198. Ц. 1 р.

Рѣдинъ, Е. К. — Портретъ Козьмы Индикоплова въ русскихъ лицевыхъ спискахъ его сочиненія. Спб. 905. Стр. 20. Ц. 75 к.

——— Искусство и археологія. Библіографія. Спб. 906. Стр. 24. Ц. 40 к.

Селигманъ, Эдвигъ.—Экономическое объясненіе исторіи. Перев. съ англійск. Н. Козеренко. Изд. книжн. магаз. С. И. Иванова и К°. 91 стр. Ц. 15 к.

Чеховъ, М. П. — Очерки и разсказы. Изд. 3-е. 285 стр. Изд. А. С. Суворина. Спб. 906. Ц. 1 р.

Шабліовскій, В. К.—Школьныя воспоминанія о каменецъ-подольской гимназіи. Каменецъ-Подольскъ, 906. Стр. 68. Ц. 40 к.

Шершенко, А. И.—Правовое и экономическое положеніе иногороднихъ на Сѣверномъ Кавказѣ въ связи съ хозяйственнымъ развитіемъ края. Статистич. очеркъ. Вып. I. Кубанская область. Съ 13 діаграммами и хронологическимъ указателемъ узаконеній и распоряженій объ иногороднихъ. Екатеринодаръ, 906. Стр. 131. Ц. 1 р.

Штаммлеръ, Рудольфъ.—Теоретическія основы анархизма. Перев. съ нѣм. Книгоизд. „Свободная мысль". М. 906. 70 стр. Ц. 35 к.

Штаудингеръ, Ф., проф.—Этика и политика. Перев. съ рукописи.—Задачи соціалистической культуры. — Изд. I. Постмана и Б. Ревзина въ Берлинѣ. 37 стр. Ц. 15 к.

— Дешевая библіотека товарищества „Знаніе":

1. *Горькій*, М.: Тюрьма. 47 стр, Ц. 8 к. — Двадцать шесть и одна. 18 стр. Ц. 5 к.—Пѣсня о соколѣ. Пѣсня о буревѣстникѣ. Легенда о Марко. 8 стр. Ц. 2 к.— Человѣкъ. 8 стр. Ц. 2 к. — Макаръ Чудра. 16 стр. Ц. 3 к. — О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ, любителѣ истины. 8 стр. Ц. 2 к.—Дѣдъ Архипъ и Ленька. 27 стр. Ц. 5 к.—Емельянъ Пиляй. 15 стр. Ц. 3 к. — Челкашъ. 42 стр. Ц. 7 к. — Старуха Изергиль. 28 стр. Ц. 5 к. — Однажды осенью. 10 стр. Ц. 3 к. — Мой спутникъ. 37 стр. Ц. 6 к. — Дѣло съ застежками. 15 стр. Ц. 3 к. — Проходимецъ. 44 стр. Ц. 7 к. — Скуки ради. 21 стр. Ц. 5 к. — Ярмарка въ Голтвѣ. 15 стр. Ц. 3 к. — Каинъ и Артемъ. 40 стр. Ц. 6 к. —Дружки. 19 стр. Ц. 4 к. — Разсказъ Филиппа Васильевича. 19 стр. Ц. 5 к. — Васька Красный. 20 стр. Ц. 5 к.—Кирилка. 16 стр. Ц. 3 к.—Зазубрина. 10 стр. Ц. 3 к.—Мальва. 62 стр. Ц. 10 к.—Въ степи. 16 стр. Ц. 3 к.—Товарищи. 18 стр. Ц. 4 к. — Озорникъ. 23 стр. Ц. 5 к. — Бывшіе люди. 80 стр. Ц. 12 к — Супруги Орловы. 72 стр. Ц. 12 к. — Ханъ и его сынъ. 8 стр. Ц. 2 к.—Коноваловъ. 64 стр. Ц. 10 к.—Тоска. 54 стр. Ц. 10 к. — На плотахъ. 16 стр. Ц. 3 к. — Болесь. 6 стр. Ц. 2 к. — 2. *Скиталецъ*: Сквозь строй. 77 стр. Ц. 12 к. — Стихотворенія. Книга I, 24 стр. Ц. 5 к. — Стихотворенія. Книга II, 30 стр. Ц. 6 к. — За тюремной стѣной. 23 стр. Ц. 5 к.—Октава. 70 стр. Ц. 12 к.— *Серафимовичъ*, А.: На льдинѣ. 19 стр. Ц. 4 к. — Сцѣпщикъ. 16 стр. Ц. 3 к. — Ночью. 12 стр. Ц. 3 к. — На заводѣ. 22 стр. Ц. 5 к.—Подъ землей. 34 стр. Ц. 6 к. — Подъ уклонъ. 14 стр. Ц. 3 к. — Въ камышахъ. 15 стр. Ц. 3 к. — Месть. 21 стр. Ц. 4 к. — 3. *Гусевъ-Оренбургскій*, С.: Злой духъ. 20 стр. Ц. 4 к. — Въ приходѣ. 62 стр. Ц. 12 к.—Ометъ. 12 стр. Ц. 3 к.—На родину. 18 стр. Ц. 4 к. — Сквозь преграды. 9 стр. Ц. 2 к. — Кахетинка. 13 стр. Ц. 3 к. — Послѣдній часъ. 34 стр. Ц. 6 к. — Миша. 8 стр. Ц. 2 к. — Конокрадъ. 8 стр. Ц. 2 к. — Жалоба. 21 стр. Ц. 5 к.—Бѣдный приходъ. 10 стр. Ц. 2 к. — 4. *Андреевъ*, Л.: Въ темную даль. 18 стр. Ц. 4 к. — Валя. 16 стр. Ц. 3 к.—На рѣкѣ. 19 стр Ц. 4 к. — Въ подвалѣ. 14 стр. Ц. 3 к. — Петька на дачѣ. 13 стр. Ц. 3 к.—У окна. 28 стр. Ц. 5 к. — Жили были. 27 стр. Ц. 5 к. — Молчаніе. 16 стр. Ц. 3 к. — Набатъ. 5 стр. Ц. 2 к. — 5. *Купринъ*, А.: Дознаніе. 17 стр. Ц. 3 к. — 6. *Сомовъ*, О.: Справедливый налогъ. 70 стр. Ц. 12 к.—7. *Ольминскій*, М.: Права Государственной Думы. 21 стр. Ц. 5 к. — Свобода печати. 76 стр. Ц. 12 к. — 8. *Энгельсъ*, Ф.: Статьи 1871—1875 г. Съ нѣмецкаго пер. Б. Смирнова. 77 стр. Ц. 12 к. — 9. *Марксъ*, К.: Либералы у власти. Съ нѣмецк. перев. А. Р., подъ редакц. и съ предисловіемъ А. Луначарскаго. 48 стр. Ц. 8 к.—10. *Телешовъ*: Пѣснь о трехъ юношахъ. 10 стр. Ц. 3 к.—Противъ обычая. 16 стр. Ц. 3 к. — Домой. 16 стр. Ц. 3 к.—Хлѣбъ-Соль. 11 стр. Ц. 3 к. — 11. *Михайловичъ*, С.: Что такое рабочая партія. 8 стр. Ц. 3 к. — 12. *Елпатьевскій*, С.: Пожалѣй меня. 8 стр. Ц. 2 к. — Присяжнымъ засѣдателемъ. 16 стр. Ц. 3 к. — Спирька. 50 стр. Ц. 8 к. — 13. *Бальмонтъ*, К.: Стихотворенія. 15 стр. Ц. 2 к. — 14. *Клейнбортъ*, Л.: Русскій имперіализмъ въ Азіи. 47 стр. 8 к. — О партіяхъ и партійности. 30 стр. Ц. 5 к. — 15. *Бебель*, Августъ: Профессіональное движеніе и политическія партіи. Съ нѣмец. перев. Мих. Ольгина, подъ редакц. В. Величкиной. 40 стр. Ц. 5 к.—Интеллигенція и соціализмъ. Рефератъ, прочитанн. въ публичн. собраніи студентовъ 14 дек. 1897 г. въ Берлинѣ. 32 стр. Ц. 5 к.—16. *Юшкевичъ*, С.: Убійца. 10 стр. Ц. 3 к. — Невинные. 17 стр. 4 к. — Кабатчикъ Гейманъ. 40 стр. Ц. 7 к.—Евреи. 169 стр. Ц. 30 к. — 17. *Процессъ противъ* комитета рейнскихъ демократовъ по поводу призыва къ вооруженному сопротивленію (9-го февр. 1849 г.). Изъ „Новой Рейнской газеты". Съ предисловіемъ Фридриха Энгельса. 62 стр. Ц. 10 к.

— Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1904 годъ. Изд. департамента таможенныхъ сборовъ. Спб. 906. In folio. Стр. 110+906.

— Обзоръ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка за 1883—1904 гг. Спб. 906. Стр. VIII+294. — Таблицы къ обзору дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка за 1883—1904 гг. Стр. 131.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1906 г.

Годовщина Портсмутскаго мира.—Перемѣны въ общемъ международномъ положеніи, подъ вліяніемъ упадка русскаго могущества.—Либеральная политика Англіи.—Личная роль короля Эдуарда VII.—Особыя преимущества его конституціоннаго положенія.—Вильгельмъ II и его министры.—Неудобства безотвѣтственности правительства.—Церковный вопросъ во Франціи.—Балканскія дѣла.

Ровно годъ тому назадъ, русское общество съ чувствомъ облегченія и надежды встрѣтило вѣсть о подписаніи Портсмутскаго мира. Казалось, что страшные удары тяжелой войны, затѣянной съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ, должны положить конецъ безконтрольному владычеству придворныхъ кружковъ и привести къ кореннымъ государственнымъ преобразованіямъ во имя спасенія Россіи и всего ея будущаго; предъ нами открывалась перспектива мирной внутренней работы, и всѣ видѣли благопріятный для насъ симптомъ въ неожиданномъ дипломатическомъ успѣхѣ С. Ю. Витте, считавшагося уже призваннымъ къ руководящей роли въ дѣлѣ нашего политическаго обновленія и возрожденія. Нѣтъ надобности напоминать о горькихъ испытаніяхъ, пережитыхъ русскимъ обществомъ и народомъ въ этотъ короткій срокъ, съ конца августа 1905 года. Мы успѣли за это время получить конституцію 17 октября и тотчасъ же потерять ее; мы имѣли первый конституціонный кабинетъ, оказавшійся на дѣлѣ кабинетомъ департамента полиціи; мы видѣли позорное паденіе репутаціи графа Витте, какъ государственнаго человѣка; мы дождались созыва первой Государственной Думы и опять лишились ея,—и это движеніе взадъ и впередъ, съ безплодными порывами въ разныя стороны, стоило намъ огромнаго количества жертвъ. Желанная развязка мучительнаго внутренняго кризиса столь же далека отъ насъ въ настоящее время, какъ и въ моментъ подписанія Портсмутскаго мира.

Въ области внѣшней политики русско-японскій миръ вызвалъ значительную перемѣну въ группировкѣ великихъ державъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Съ одной стороны Германія чувствуетъ себя свободною отъ прежнихъ опасеній, связанныхъ съ существованіемъ франко-русскаго союза, а съ другой—Англія избавилась отъ многолѣтней боязни честолюбивыхъ плановъ и наступательныхъ дѣйствій Россіи; Франція осталась фактически безъ союзника, сохранивъ только огромную массу его денежныхъ обязательствъ, отчасти падающихъ въ

цѣнѣ. Упадокъ русскаго могущества въ одно и то же время развязываетъ руки Вильгельму II и либеральному британскому правительству; а такъ какъ между Англіею и Германіею существовали натянутыя отношенія, вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія и соперничества въ колоніальныхъ дѣлахъ и вопросахъ, то предпріимчивость германской дипломатіи не могла получить значительнаго простора и замѣтно парализовалась противодѣйствіемъ лондонскаго кабинета, какъ это ясно обнаружилось на мароккской конференціи. Англія еще болѣе сблизилась съ Франціею, и англо-французское соглашеніе, имѣющее въ нѣкоторыхъ случаяхъ характеръ молчаливаго союза, составляетъ безспорно одну изъ существенныхъ особенностей современнаго международнаго положенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ подготовилась почва для англо-русскаго сближенія, которое не облеклось еще въ реальныя дипломатическія формы единственно лишь въ виду отсутствія у насъ прочнаго отвѣтственнаго правительства. Будучи несравненно сильнѣе Германіи на моряхъ и не опасаясь уже враждебныхъ замысловъ Россіи на сушѣ,—тѣмъ болѣе, что новый союзный договоръ съ Японіею распространяется и на защиту Индіи,—Великобританія извлекаетъ наибольше выгодъ изъ совершившейся перемѣны политическихъ условій; она сразу сокращаетъ предположенные расходы по морскому вѣдомству на 2½ милліона фунтовъ стерлинговъ (около 25 милліоновъ рублей) и рѣшительно высказывается, въ лицѣ своихъ руководящихъ министровъ, за общее сокращеніе вооруженій и военныхъ бюджетовъ путемъ формальнаго международнаго соглашенія въ Гаагѣ. Статсъ-секретарь адмиралтейства, Робертсонъ, представилъ палатѣ общинъ любопытныя дѣловыя соображенія въ пользу новой морской программы, опираясь на техническіе доводы спеціалистовъ и на авторитетное заключеніе „морскихъ лордовъ". Обыкновенно британское адмиралтейство вырабатывало свои проекты усиленія флота съ такимъ разсчетомъ, чтобы морскія вооруженныя силы Англіи всегда превосходили соединенные боевые флоты двухъ первоклассныхъ континентальныхъ державъ—прежде Франціи и Россіи, теперь—Франціи и Германіи; поэтому въ Англіи всегда сообразовались съ планами морскихъ сооруженій, принятыми въ другихъ государствахъ. Теперь же Россія не имѣетъ активнаго флота и надолго лишена возможности дѣйствовать въ какомъ бы то ни было отношеніи враждебно противъ англичанъ; Франція никогда не соединится съ Германіею противъ Англіи, съ которою, напротивъ, ищетъ болѣе тѣснаго сближенія, соотвѣтствующаго интересамъ обѣихъ націй, и слѣдовательно Англія не имѣетъ повода стремиться непремѣнно къ тому, чтобы флотъ ея превосходилъ соединенные флоты Германіи и Франціи,—такъ что программа вооруженій, принятая при прежнемъ консервативномъ кабинетѣ, можетъ

быть сокращена въ соотвѣтственной мѣрѣ. Конечно, всякое другое правительство, не озабоченное добросовѣстнымъ соблюденіемъ финансовыхъ интересовъ государства и народа, продолжало бы сооружать установленное количество броненосцевъ, хотя и признанное чрезмѣрнымъ и ненужнымъ,—особенно если съ такимъ сооруженіемъ связаны могущественные частные интересы и крупныя денежныя выгоды должностныхъ лицъ; но министерство сэра Кемпбелля-Баннермана сочло своимъ долгомъ сдѣлать изъ данныхъ обстоятельствъ практическій выводъ, полезный для страны, вопреки обычнымъ возраженіямъ одностороннихъ патріотовъ - имперіалистовъ. Оппозиція въ парламентѣ осуждала предложенія Робертсона и „морскихъ лордовъ адмиралтейства", хотя и не признавала ихъ опасными для морского могущества Великобританіи; господство англичанъ на моряхъ остается пока неприкосновеннымъ, но многіе указывали на неудобство и преждевременность принятыхъ мѣръ, которыя лучше было бы, по ихъ мнѣнію, отложить въ ожиданіи результата предстоящей Гаагской конференціи. Однако либеральная партія приняла власть не для того, чтобы откладывать осуществленіе своей программы, и она дѣйствуетъ вообще съ замѣчательнымъ прямодушіемъ и послѣдовательностью во всѣхъ областяхъ внутренней и внѣшней національной политики.

Имперіализмъ, такъ долго питаемый „русскою опасностью" и находившій въ ней свое главное оправданіе, замѣтно теряетъ почву въ Англіи, и широкіе либеральные принципы—принципы справедливости и дальновиднаго разсчета—смѣло примѣняются и тамъ, гдѣ прежде возлагались всѣ надежды на превосходство военной силы. Вопросъ о введеніи конституціи въ Трансваалѣ разрѣшенъ согласно желаніямъ побѣжденныхъ буровъ: бывшая республика получила не только свой особый парламентъ, но и право имѣть правительство, отвѣтственное передъ этимъ мѣстнымъ парламентомъ. Министръ по дѣламъ колоній, лордъ Эльджинъ, и товарищъ его, Черчилль, сообщая объ этомъ важномъ рѣшеніи обѣимъ палатамъ британскаго парламента, 31-го іюля, старались объяснить необходимость возможно полнаго и дѣйствительнаго умиротворенія южно-африканскихъ колоній, а вѣрнѣйшимъ способомъ умиротворенія считается у англичанъ удовлетвореніе справедливыхъ національныхъ требованій подвластныхъ народностей. Бывшій консервативный кабинетъ также предоставлялъ Трансваалю свободное народное представительство, но безъ прямого участія въ управленіи, которое должно было лежать всецѣло на органахъ британской власти; буры волновались по этому поводу, и непріязненныя чувства ихъ къ англичанамъ поддерживались въ прежней силѣ, выражаясь иногда въ крайне рѣзкихъ формахъ; это тревожное настроеніе въ свою очередь побуждало англійскихъ консерваторовъ отказы-

вать въ дальнѣйшихъ уступкахъ, и взаимный антагонизмъ между бурами и англичанами въ южной Африкѣ обострялся все болѣе и болѣе, несмотря на то, что буры въ сущности пользовались всѣми политическими и гражданскими правами и ни въ какомъ смыслѣ не могли считать себя угнетенными. Дѣло шло не о какихъ-нибудь элементарныхъ правахъ, въ родѣ свободы мнѣній, печати и собраній, а о предѣлахъ мѣстной автономіи, о свободѣ политическаго самоуправленія Трансвааля. Право „дѣйствительной" личной неприкосновенности безспорно принадлежало бурамъ и раньше, съ самаго момента признанія ихъ подданными короля Эдуарда VII; никто не отнималъ у буровъ свободы слова, печати и сходокъ, послѣ покоренія ихъ силою оружія, — ибо Англія вовсе не предполагала навязать себѣ путемъ побѣдоносной войны новый бурскій вопросъ, а напротивъ, имѣла въ виду предупредить на будущее время повтореніе такихъ національно-политическихъ конфликтовъ, какъ трансваальскій. Опасною для англичанъ оказалась государственная самостоятельность Трансвааля и Оранжевой республики, а не автономія ихъ; самостоятельность уничтожена войною, но автономія должна была остаться для пользы самой Англіи. Разница между консерваторами и либералами въ этомъ отношеніи заключалась лишь въ томъ, что первые ограничивались полумѣрами и думали постепенно расширять конституціонныя права бывшихъ республикъ, а вторые предпочитали сразу успокоить буровъ предоставленіемъ имъ полнаго политическаго самоуправленія, съ отвѣтственнымъ парламентскимъ министерствомъ, подъ верховнымъ контролемъ Англіи. Авторитетный знатокъ южно-африканскихъ дѣлъ, лордъ Мильнеръ, рѣшительно возражалъ въ палатѣ лордовъ противъ радикальной реформы лорда Эльджина, опираясь на свой многолѣтній административный опытъ, и этотъ голосъ признается чрезвычайно вѣскимъ въ значительной и вліятельной части англійскаго общества, какъ можно видѣть, между прочимъ, изъ отзывовъ и разсужденій газеты „Times"; но въ дѣйствительности именно лордъ Мильнеръ всего менѣе могъ считаться безпристрастнымъ авторитетомъ въ такомъ вопросѣ, котораго онъ не сумѣлъ разрѣшить въ свое время и который, благодаря его прямолинейному упорству, при содѣйствіи Чемберлэна, разыгрался кровавой эпопеей, оставившею до сихъ поръ глубокіе и печальные слѣды въ южной Африкѣ. Для того, чтобы прочно привязать бурскую народность къ Англіи, нужно было дѣйствовать не по совѣтамъ лорда Мильнера, а въ духѣ прямо противоположномъ, какъ и поступило правительство сэра Кемпбелля-Баннермана; оттого и предостерегающіе доводы консервативной оппозиціи въ обѣихъ палатахъ не могли произвести большого впечатлѣнія на массу англійской публики. Впрочемъ, для успокоенія противниковъ была включена въ

трансваальскую конституцію одна существенная охранительная пристройка, въ видѣ верхней палаты изъ пятнадцати членовъ, назначенныхъ короною; но это учрежденіе, которымъ очень недовольны буры, имѣетъ только временный характеръ и не можетъ оказывать серьезное вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ странѣ, при господствѣ принципа министерской отвѣтственности предъ выборнымъ народнымъ представительствомъ. Въ томъ же истинно-либеральномъ, благотворномъ для государства направленіи намѣчается правительственная реформа и для Индійской имперіи, по почину одного изъ старыхъ сотрудниковъ Гладстона, весьма извѣстнаго писателя и публициста, Джона Морлея, занимающаго нынѣ постъ статсъ-секретаря по дѣламъ Индіи. Предполагается привлечь туземныя народности къ участію въ управленіи на общихъ началахъ представительства, и это нововведеніе, въ какихъ бы формахъ оно ни осуществилось, должно оживить традиціонный государственный бытъ Индіи, укрѣпляя въ то же время внутреннюю политическую связь ея съ метрополіей. Сэръ Кемпбелль-Баннерманъ могъ съ спокойною совѣстью предложить парламенту, 4-го августа, отсрочить засѣданія до 23-го октября: съ начала года палата общинъ сдѣлала не особенно много крупныхъ перемѣнъ въ области законодательства, но она успѣла съ достаточною ясностью показать, въ какомъ духѣ будутъ вестись государственныя дѣла Великобританіи при новомъ либеральномъ кабинетѣ.

Миролюбіе, доходящее до идеи постепеннаго разоруженія, и общій подъемъ либерализма—таковы для Англіи несомнѣнные положительные результаты паденія русскаго могущества въ Европѣ. Король Эдуардъ VII является теперь главнымъ оффиціальнымъ представителемъ идеи мира между государствами; его путешествія пріобрѣтаютъ значеніе событій, усердно обсуждаемыхъ во всей европейской печати, и личная роль его во многихъ случаяхъ гораздо болѣе значительна, чѣмъ принято думать. При всей кажущейся ограниченности своихъ конституціонныхъ функцій, англійскій король, въ согласіи съ своими оффиціальными парламентскими совѣтниками, можетъ фактически весьма существенно вліять на общій ходъ политики и въ частности на разрѣшеніе щекотливыхъ международныхъ вопросовъ, что не всегда доступно такъ называемымъ неограниченнымъ или самодержавнымъ правителямъ, лишеннымъ живого и правильнаго общенія съ своимъ народомъ. Свиданіе короля Эдуарда VII съ императоромъ Вильгельмомъ II въ Кронбергѣ и Фридрихсгофѣ, 15 августа (нов. ст.), должно было имѣть серьезное политическое значеніе уже потому, что оно сопровождалось совѣщаніями, въ которыхъ участвовали оффиціальные дипломаты,—постоянный секретарь англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, бывшій посланникъ въ Петербургѣ, сэръ Чарльзъ

Гардингъ, британскій посланникъ въ Берлинѣ, сэръ Ласелль, и имперскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, Чиршкій. Комментаріи оффиціозной прессы усиливали интересъ этого свиданія въ глазахъ европейской публики и давали матеріалъ для различныхъ догадокъ и предположеній, болѣе или менѣе правдоподобныхъ, а иногда совершенно произвольныхъ и фантастическихъ. Естественнѣе всего предположить, что оба монарха имѣли въ виду улучшить взаимныя отношенія своихъ государствъ и правительствъ, устранить раздѣлявшія ихъ недоразумѣнія или разногласія и положить начало оффиціальному сближенію между Англіею и Германіею въ интересахъ общаго мира. Король Эдуардъ VII обладаетъ всѣми данными для успѣшнаго выполненія миссіи миротворца: по своимъ родственнымъ связямъ онъ является авторитетнымъ дядюшкою главныхъ европейскихъ монарховъ, а своими личными качествами,—добродушіемъ, общительностью, житейскимъ опытомъ и тактомъ,—онъ легко вызываетъ симпатіи и сглаживаетъ всякія шероховатости въ личныхъ и національныхъ отношеніяхъ. Англійскій король, по конституціи, не можетъ сдѣлать ничего дурного или несправедливаго; если же отъ его имени совершается какая-нибудь неправда, то за нее отвѣчаютъ министры, безъ участія которыхъ не обходится ни одинъ оффиціальный актъ королевской воли. Огражденный такимъ образомъ отъ всякой отвѣтственности за ошибки или упущенія своего правительства, онъ стоитъ внѣ и выше партійной борьбы, внѣ политическихъ споровъ и общественной критики, такъ какъ за самый выборъ министровъ отвѣчаетъ не онъ, а выдвинувшій ихъ парламентъ. Король Эдуардъ VII свободенъ отъ закулисныхъ совѣтниковъ, самозванныхъ спасителей отечества, льстивыхъ честолюбцевъ и интригановъ, обыкновенно окружающихъ неограниченнаго монарха; онъ не можетъ—и даже не можетъ желать—внезапно уволить министровъ, пользующихся довѣріемъ парламента и общественнаго мнѣнія, и замѣнить ихъ какими-нибудь ничтожными креатурами придворной клики; онъ не можетъ устраивать международныя дѣла и предпріятія по внушенію случайныхъ фаворитовъ, не можетъ самовольно затѣять разорительную войну, обременять государство долгами и отдавать народъ въ безконтрольное распоряженіе своихъ офицеровъ;—въ этомъ смыслѣ онъ ограниченъ не только законами и обычаями, но и своимъ собственнымъ чувствомъ долга передъ націею и отечествомъ; но, будучи ограниченъ въ правѣ причинять вредъ государству и народу по наущенію дурныхъ совѣтниковъ, онъ зато обладаетъ широкою свободою личной жизни и ничѣмъ не стѣсненъ въ исполненіи своихъ королевскихъ обязанностей. Послѣ дипломатическихъ бесѣдъ съ своимъ германскимъ племянникомъ, послѣ поѣздокъ на автомобилѣ въ Гомбургъ и по окрестностямъ

Фридрихсгофскаго замка, король Эдуардъ VII отправился для леченія въ Маріенбадъ, наравнѣ съ простыми смертными, и могъ тамъ спокойно совершать свои ежедневныя прогулки, безъ всякихъ исключительныхъ мѣръ охраны. Номинально неограниченный и самовластный турецкій султанъ фактически лишенъ этихъ важныхъ личныхъ правъ и преимуществъ; онъ вынужденъ жить затворникомъ въ своемъ Ильдизъ-кіоскѣ, въ обществѣ покорныхъ евнуховъ и исполнительныхъ слугъ, въ вѣчномъ страхѣ заговоровъ и покушеній. Кто изъ нихъ обоихъ въ сущности болѣе ограниченъ въ правахъ—турецкій султанъ или англійскій король? Не завиднѣе ли въ тысячу разъ свободное существованіе короля Эдуарда, чѣмъ горделивое добровольное затворничество султана Абдулъ-Гамида? Вся Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за извѣстіями о передвиженіяхъ и разговорахъ конституціоннаго англійскаго короля; неужели его дѣйствія возбуждали бы еще большій интересъ или имѣли бы больше значенія, еслибы онъ оставался чуждъ своему народу и не признавалъ никакихъ народныхъ правъ, подобно турецкому падишаху? Король Эдуардъ VII, конечно, не промѣнялъ бы своего нынѣшняго спокойнаго и безопаснаго положенія на мнимую неограниченную власть правителя, вынужденнаго бояться своихъ собственныхъ подданныхъ; для самого монарха конституціонныя ограниченія только спасительны, и если они для кого-нибудь невыгодны, то только для его приближенныхъ. Англійскій король не располагаетъ ни государственнымъ казначействомъ, ни роскошно оплачиваемыми должностями; а не будь конституціи и парламента, онъ свободно раздавалъ бы великія казенныя милости своимъ придворнымъ, чиновникамъ и слугамъ. Но такъ какъ свободная раздача казенныхъ денегъ и мѣстъ нужна только тѣмъ, которые окружаютъ монарха, то всѣ страстные споры о конституціи вертятся въ сущности около предметовъ, не имѣющихъ никакой связи съ вопросомъ о монархическихъ или антимонархическихъ чувствахъ; истинные друзья монархіи, не имѣющіе заднихъ мыслей относительно безпрепятственнаго распредѣленія государственныхъ благъ, должны непремѣнно стоять за конституцію. И въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого всеобщаго уваженія и даже благоговѣнія къ царствующей династіи, какъ въ конституціонной Англіи, и ни одинъ монархъ не чувствуетъ себя такъ хорошо въ своемъ отечествѣ, какъ король Эдуардъ VII; — и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ народъ не управляется такъ справедливо и разумно, какъ англичане.

Вильгельмъ II, несомнѣнно, пользуется болѣе значительною реальною властью и играетъ болѣе крупную политическую роль, чѣмъ его англійскій дядя; но и личность его сама по себѣ—несравненно болѣе выдающаяся и самостоятельная, и потому проводить какую-нибудь

параллель между обоими монархами было бы не совсѣмъ удобно. Можно сказать только, что болѣе отвѣтственное и самостоятельное положеніе германскаго императора сопряжено съ такими трудностями и опасностями, какихъ не знаетъ англійскій король, и что значительная доля этихъ трудностей зависитъ отъ недостатковъ германской конституціи и отъ слабости прусскаго парламентаризма. Въ Пруссіи существуетъ парламентъ, но нѣтъ отвѣтственнаго правительства; то же самое видимъ мы и въ имперіи. И не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ порядокъ вещей вредно отражается и на составѣ и дѣятельности правительства, и на интересахъ народа, и на положеніи самого монарха. Вмѣсто того, чтобы министры отвѣчали за короля, какъ въ Англіи, здѣсь наоборотъ, король отвѣчаетъ за министровъ и за всю администрацію. Всякая неудачная или непопулярная мѣра правительства, проводимая съ нѣкоторымъ упорствомъ, приписывается въ послѣднемъ счетѣ королю, ибо онъ назначаетъ министровъ по своему усмотрѣнію и внушаетъ имъ извѣстный способъ дѣйствій; если министръ или какой-нибудь крупный чиновникъ оказывается не на высотѣ положенія, то опять-таки невольно поднимаются толки о личныхъ ошибкахъ и слабостяхъ Вильгельма II, — и это вполнѣ естественно и неизбѣжно, пока король и императоръ беретъ на себя выборъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, не заботясь объ общественномъ мнѣніи. Король выбираетъ своихъ должностныхъ лицъ преимущественно изъ чиновничьяго класса и изъ привилегированнаго дворянства, причемъ отдаетъ предпочтеніе военнымъ чинамъ передъ гражданскими; часто военные генералы назначаются на важные министерскіе посты, не имѣющіе ничего общаго съ военнымъ дѣломъ, и если большинство этихъ служебныхъ дѣятелей недурно справляется съ своими обязанностями и ведетъ себя умѣло даже передъ парламентомъ, то это объясняется прежде всего общимъ высокимъ образовательнымъ уровнемъ высшихъ классовъ нѣмецкаго общества. Съ другой стороны, крѣпкія традиціи честности и добросовѣстности, сохраняющіяся въ рядахъ прусскаго чиновничества, не позволяютъ укорениться сознательнымъ злоупотребленіямъ и отчасти парализуютъ недостатки и увлеченія отдѣльныхъ лицъ; тѣмъ не менѣе, постоянно случаются непріятные инциденты, малозначительные сами по себѣ, но свидѣтельствующіе о какомъ-то скрытомъ антагонизмѣ между высшею администраціею и общественнымъ мнѣніемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нѣмецкая печать усердно занимается обсужденіемъ неправильныхъ поступковъ прусскаго министра земледѣлія, Подбѣльскаго, который, какъ раскрылось недавно, участвуетъ въ дѣлахъ одной коммерческой фирмы, получившей монополію на поставку разныхъ издѣлій и предметовъ обмундированія для колоніальныхъ войскъ; по

этому дѣлу уже арестованъ ближайшій организаторъ такихъ незаконныхъ поставокъ, служившій въ колоніальномъ управленіи, маіоръ Фишеръ, но Подбѣльскій даже считалъ лишнимъ отвѣчать на настойчивыя обвиненія печати, ибо, въ качествѣ гусарскаго генерала, онъ пользуется особымъ покровительствомъ короля и не боится за прочность своего положенія. Произошелъ даже явный разладъ между канцлеромъ Бюловомъ и генераломъ Подбѣльскимъ, и временное торжество осталось за послѣднимъ: Бюловъ напечаталъ уже въ своемъ оффиціозномъ органѣ, „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", что въ отвѣтъ на его предложеніе объясниться по поводу участія въ фирмѣ Типпельскирхъ Подбѣльскій заявилъ свою готовность выйти въ отставку; но Подбѣльскій печатно же опровергъ это сообщеніе въ другомъ оффиціозномъ органѣ, утверждая, что министръ-президентъ невѣрно понялъ его письмо, и что онъ, Подбѣльскій, вовсе не думалъ предлагать свою отставку, которая всецѣло и исключительно зависитъ отъ высшей власти. Канцлеръ Бюловъ, въ качествѣ прусскаго министра-президента, имѣлъ о дѣлѣ министра земледѣлія особый докладъ у короля и долженъ былъ послѣ этого самъ же сообщить въ газетахъ, что пока рѣшено отложить вопросъ о Подбѣльскомъ до окончанія судебнаго слѣдствія по дѣлу Фишера и Типпельскирха; такимъ образомъ, Подбѣльскій остался министромъ, несмотря на разоблаченія и нападки печати и даже вопреки печатному заявленію министра-президента. Понятно, что газетная полемика обратилась затѣмъ противъ самого короля,—конечно, съ соблюденіемъ извѣстной мѣры, чтобы не давать повода къ преслѣдованіямъ за оскорбленіе величества,—и не только законный авторитетъ короны, но и личная популярность Вильгельма II страдаетъ въ данномъ случаѣ, безъ всякой къ тому надобности. Изъ этого можно видѣть, что отсутствіе парламентской системы управленія представляетъ собою большое практическое неудобство и отчасти также источникъ серьезныхъ опасностей для монархіи.

Французскіе клерикалы поставлены въ крайне затруднительное положеніе прямолинейной отрицательной политикой римскаго папы: новая энциклика, отъ 10 августа, запрещаетъ примѣнять законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, какъ законъ безбожный и преступный, и признаетъ безусловно недопустимымъ образованіе „вѣроисповѣдныхъ ассоціацій" въ какой бы то ни было формѣ, а между тѣмъ только этимъ ассоціаціямъ могутъ быть по закону переданы церковныя зданія, религіозныя принадлежности и имущества. Папа не предлагаетъ отъ себя никакого опредѣленнаго способа дѣйствій, чтобы обезпечить открытіе храмовъ для богослуженія въ теченіе установленнаго

закономъ годичнаго срока; онъ совѣтуетъ только „бороться въ защиту церкви, съ настойчивостью и энергіею, но безъ мятежнаго насилія“, однако „съ твердостью, способною сломить упорство враговъ“; для этого всѣ католики должны сплотиться воедино, по примѣру своихъ противниковъ: „подобно тому какъ тѣ съумѣли наложить на націю клеймо этого позорнаго закона, наши сотрутъ его и заставятъ его исчезнуть силою своего согласія“. Но какъ достигнуть этой цѣли, какъ уничтожить законъ, предписывающій передачу храмовъ только ассоціаціямъ извѣстнаго рода, и какъ вести упорную борьбу безъ мятежа и насилія,—объ этомъ ничего не говорится въ папскихъ инструкціяхъ. Общій тонъ энциклики—необыкновенно рѣзкій и даже грубый, нисколько не напоминающій мягкаго и изящнаго стиля прежняго папы, Льва XIII; это скорѣе ругательный стиль знаменитаго Пія IX, котораго теперешній папа принялъ какъ будто за образецъ. Французскіе епископы были вообще склонны подчиниться закону, осуждая его въ принципѣ; они придумывали уже такія формы религіозныхъ ассоціацій, которыя совмѣстимы были бы съ интересами и идеями римской церкви, и архіепископъ Безансонскій выработалъ въ этомъ духѣ обстоятельный проектъ, который и подлежалъ обсужденію на общемъ епископскомъ конгрессѣ. Эти попытки компромисса сразу устраняются папской энцикликою, безъ замѣны ихъ какими-нибудь другими комбинаціями, и церковная борьба, казавшаяся уже затихшею во Франціи, обѣщаетъ опять разгорѣться съ новою силою. Авторитетъ римскаго папы не подвергается сомнѣнію въ массѣ французскихъ католиковъ и признается безусловно обязательнымъ для вѣрующихъ; французскіе епископы заранѣе объявили, что покорно примутъ къ точному руководству указанія святѣйшаго отца, и такимъ образомъ данный изъ Рима боевой сигналъ можетъ въ ближайшемъ будущемъ привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ,—печальнымъ не только для французской республики, но и для римской церкви. Воззваніе Пія X, обращенное къ французскимъ гражданамъ, представляетъ собою въ сущности чисто революціонную прокламацію; оно третируетъ французскихъ правителей и всѣхъ вообще республиканцевъ, какъ враговъ, съ которыми необходимо воевать безпощадно; оно требуетъ отъ французовъ прямого неповиновенія законамъ и выражаетъ ничѣмъ не прикрытыя злобныя чувства къ людямъ, не раздѣляющимъ убѣжденій и взглядовъ римской католической іерархіи. Папа Пій X обязываетъ французовъ заступиться не за христіанскую вѣру, не за свободу религіознаго богослуженія, а преимущественно за церковныя имущества, за неприкосновенность правъ духовенства и римской церкви; во всей энцикликѣ не чувствуется ни слѣда истинной религіи, и она производитъ вообще тягостное впечатлѣніе на всякаго

безпристрастнаго читателя. Французское правительство, разумѣется, не можетъ отнестись равнодушно къ такому воинственному вызову римскаго папы; большинство французскихъ республиканцевъ охотно займется изобрѣтеніемъ дальнѣйшихъ мѣропріятій противъ духовенства и іезуитовъ—и никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ взаимнаго и всеобщаго раздраженія, при этомъ не предвидится. Религіозное чувство также не поднимется отъ подобныхъ призывовъ къ борьбѣ, и церковь рискуетъ оставить свою паству безъ храмовъ и безъ богослуженія, если останется вѣрною возвѣщенной Ватиканомъ программѣ. Весьма возможно, что вліятельные французскіе клерикалы постараются истолковать папскія инструкціи безъ ущерба для интересовъ религіознаго мира и что на этой почвѣ возникнетъ внутренній разладъ среди различныхъ элементовъ французскаго духовенства,—разладъ, болѣе или менѣе опасный для внѣшняго единства католической церкви во Франціи.

На Балканскомъ полуостровѣ національно-политическія отношенія все болѣе запутываются: взаимное соперничество и вражда различныхъ племенъ оттѣснили на задній планъ старый вопросъ объ освобожденіи отъ турецкаго гнета. Болгарія попрежнему играетъ руководящую роль въ балканскихъ дѣлахъ; она съ терпѣливою упорною энергіею расширяетъ свое вліяніе въ пограничныхъ турецкихъ областяхъ, внимательно слѣдитъ за движеніемъ въ Македоніи, дѣятельно охраняетъ свои интересы передъ Турціею и другими державами, и заставляетъ вообще забывать о своей вассальной зависимости отъ турецкаго султана. Сербія перестала спорить о первенствѣ съ Болгаріею; будучи номинально независимою, она постоянно чувствуетъ на себѣ давленіе могущественнаго австрійскаго сосѣдства и вынуждена подчиняться даже явно неправильнымъ и произвольнымъ требованіямъ вѣнскаго кабинета: недавно еще австрійское правительство, при переговорахъ о новомъ торговомъ трактатѣ съ Сербіей, ставило обязательнымъ условіемъ, чтобы сербское военное вѣдомство дѣлало свои военные заказы въ Австріи, и уклоненіе отъ этихъ невыгодныхъ заказовъ было признано достаточнымъ поводомъ къ принятію такой чувствительной для сербовъ мѣры, какъ закрытіе австрійской границы для ввоза сербскихъ свиней, составляющихъ главный предметъ сербскаго экспорта. Само правительство Сербіи не обнаруживаетъ признаковъ политической устойчивости и выдержки, что зависитъ отчасти и отъ личнаго характера короля Петра; до сихъ поръ еще не сходитъ со сцены странный вопросъ о привилегированномъ положеніи офицеровъ, участвовавшихъ въ убійствѣ короля Александра, и въ проектъ новаго закона о печати—если вѣрить появившимся о немъ газетнымъ

сообщеніямъ—включенъ даже особый параграфъ, запрещающій обсуждать въ ту или другую сторону этотъ кровавый эпизодъ новѣйшей сербской исторіи. Неудивительно поэтому, что о Сербіи приходится теперь рѣдко говорить по поводу общаго балканскаго кризиса, который въ послѣднее время принимаетъ характеръ какой-то озлобленной племенной борьбы.

Въ Македоніи и въ другихъ мѣстахъ происходятъ уже не стычки возставшихъ христіанъ съ турецкими солдатами и вообще мусульманами, а жестокія битвы христіанъ между собою, сраженія грековъ съ болгарами и куцо-валахами, истребительные набѣги греческихъ отрядовъ на болгарскія села, и наоборотъ, нападенія болгаръ на грековъ; организаторами и подстрекателями этой убійственной національной травли являются во многихъ случаяхъ представители греческаго духовенства, которое примѣшиваетъ къ политическому соперничеству свои старые счеты съ отдѣлившеюся отъ вселенскаго патріаршества болгарскою церковью. Недавно, на территоріи Болгарскаго княжества, было почти уничтожено мѣстечко Анхіало, недалеко отъ Бургаса, у Чернаго моря, послѣ неоднократныхъ кровавыхъ столкновеній между мѣстными греками и болгарами; греческій монастырь, находящійся поблизости, былъ занятъ военнымъ болгарскимъ отрядомъ, захватившимъ въ немъ значительные запасы оружія; окрестные болгарскіе крестьяне стали посѣщать монастырь, который прежде былъ для нихъ закрытъ, и этимъ вызвали негодованіе греческаго населенія Анхіало; греки устроили засаду по дорогѣ къ монастырю и стрѣляли въ проходившихъ болгаръ; собралась большая толпа болгарскихъ крестьянъ, чтобы преслѣдовать грековъ, скрывшихся въ церкви и другихъ зданіяхъ мѣстечка; стрѣльба съ обѣихъ сторонъ окончилась настоящимъ штурмомъ со стороны болгаръ; произошелъ пожаръ, истребившій болѣе восьмисотъ домовъ, двѣ церкви и одну мечеть. Многіе греки погибли, и въ числѣ оставшихся въ живыхъ оказался руководитель всего дѣла, горячій защитникъ монастыря отъ болгарскихъ посягательствъ, епископъ Василій. Болгарское княжество не можетъ справиться съ разгорѣвшимся національнымъ движеніемъ противъ грековъ; Греція съ своей стороны безсильна, а международный европейскій контроль фактически не существуетъ. Европѣ теперь не до балканскихъ дѣлъ,— а между тѣмъ дипломатія великихъ державъ все-таки имѣетъ извѣстныя обязательства относительно народностей ближняго Востока.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— *John Galsworthy.* „The Man of Property“. Стр. 376. London, 1906. (W. Heinemann).

Въ Англіи появился въ текущемъ году романъ, заслуживающій особаго вниманія искреннимъ и своеобразнымъ изображеніемъ англійскаго національнаго характера. Это „The Man of Property“ („Собственникъ“) молодого еще писателя, Джона Гольсворси. Если слѣдуетъ говорить о „школѣ“, разсматривая писателя вполнѣ самобытнаго, преслѣдующаго свои обособленныя идейныя цѣли, то Гольсворси слѣдуетъ причислить къ послѣдователямъ Мередита. Подобно Мередиту, онъ занятъ психологіей самоувѣренныхъ преуспѣвающихъ англичанъ зажиточныхъ классовъ. Онъ изображаетъ ихъ національныя черты, т.-е., главнымъ образомъ, цѣльность этихъ островитянъ, ихъ рѣзкій и твердый индивидуализмъ, столь различный отъ болѣе сложной психологіи континентальныхъ націй, съ ихъ противорѣчіями, неожиданностями въ дѣйствіяхъ и чувствахъ, съ ихъ безотчетными порывами. Цѣльность англичанъ проявляется съ наибольшей силой въ людяхъ, не поглощенныхъ борьбой за существованіе, имѣющихъ досугъ и просторъ для жизни, соотвѣтствующей ихъ понятіямъ и традиціямъ. Поэтому Мередитъ изучаетъ англичанъ въ лицѣ представителей родовой аристократіи. Гольсворси, напоминающій отчасти Мередита своей склонностью къ сжатымъ и выразительнымъ психологическимъ формуламъ, изображаетъ другой, болѣе характерный для общей англійской жизни классъ—высшую буржуазію, то, что̀ въ Англіи называется „высшимъ среднимъ классомъ“ (upper middle class). Изъ характеристики этого класса Гольсворси дѣлаетъ интересные выводы въ смыслѣ опредѣленія устоевъ англійской жизни, того, что̀ въ ней незыблемо—и что̀ своей незыблемостью идетъ въ ущербъ духовному росту страны.

„Собственникъ“—второй романъ Гольсворси. Ту же среду, среднее англійское общество, необыкновенно самоувѣренное, живущее условными понятіями и, главное, незыблемое, стойкое, Гольсворси изображалъ уже въ „Островѣ фарисеевъ“. Но онъ не умѣлъ справиться въ первомъ романѣ съ обиліемъ матеріала, и дѣйствіе его слишкомъ загромождено эпизодами, подробностями. Эти недостатки въ значительной степени сглажены въ новомъ его романѣ, и критика справедливо отмѣтила его большими похвалами художественному таланту ав-

тора, его умѣнью изображать типичныя фигуры „солидныхъ" англичанъ.

Идейная тема романа Гольсворси—представить жизнь англійскихъ буржуа со стороны ея паѳоса, ея идеаловъ и святынь. Для этого онъ изображаетъ ихъ борьбу съ силами, враждебными ихъ интересамъ.

Въ центрѣ романа изображена типичная семья Форситовъ—и имъ противопоставлены люди иной стихійности. Они сталкиваются на самомъ существенномъ для Форситовъ вопросѣ—на вопросѣ о собственности въ различныхъ значеніяхъ этого понятія; результаты столкновенія и характеризуютъ жизнь націи. Форситы, представители „высшаго средняго класса", созидаютъ стиль житейскаго обихода, совершенствуютъ формы жизни. Когда имъ встрѣчаются на жизненномъ пути люди страсти, люди съ жаждой внутреннихъ удовлетвореній и равнодушные къ формамъ, къ внѣшнему „чину" жизни, то неминуемо должна загорѣться борьба: Форситы чувствуютъ въ этихъ людяхъ враждебную силу и не могутъ успокоиться, не сломивъ ее. И таковы условія англійской жизни, что побѣду одерживаютъ они, Форситы.

Семья, изображенная въ романѣ Гольсворси, до того національна, что въ своей диффиренціаціи утрачиваетъ общечеловѣческія черты. Это не Ругонъ-Макары, всемірные типы всѣхъ человѣческихъ подъемовъ и паденій, а плодъ исключительнаго индивидуалистическаго развитія островитянъ. Въ этомъ въ сущности главный интересъ романа. Нужно представить себѣ именно этихъ людей, проникнуться ихъ самосознаніемъ, ихъ безграничнымъ равнодушіемъ ко всему, что̀ выходитъ за предѣлы ихъ горизонта, чтобы понять, до какого совершенства внѣшней формы можетъ быть доведена жизнь, и какъ цѣлыя поколѣнія могутъ по инерціи жить завѣтами чиннаго декоративнаго существованія. И эта жизнь имѣетъ свой паѳосъ, который Гольсворси и раскрываетъ въ своемъ романѣ.

Для того, чтобы ярче изобразить силу своихъ типичныхъ представителей высшаго средняго класса, членовъ семьи Форситовъ, Гольсворси выводитъ на сцену стариковъ, уже доказавшихъ жизненность своихъ принциповъ. Они стоятъ на высотѣ и озираются спокойно назадъ, на пройденную жизнь. Старшему изъ нихъ, Жоліону Форситу, восемьдесятъ слишкомъ лѣтъ. О смерти онъ еще и не помышляетъ, хотя, конечно, завѣщаніе его въ полномъ порядкѣ. Форситы такъ крѣпки и стойки, что смерть какъ будто не рѣшается коснуться ихъ. Никто изъ старшаго поколѣнія еще не умеръ; всѣ они такъ оберегаютъ здоровье и спокойствіе духа, что почти не чувствуютъ старости. Жоліонъ Форситъ продолжаетъ, какъ и прежде, соблюдать церемоніалъ жизни и относится любовно ко всѣмъ подробностямъ. Онъ довелъ до совершенства культъ жизненныхъ формъ. Уже отецъ его,

переселившись изъ деревни въ городъ, разбогатѣлъ, занявшись строительствомъ, и оставилъ сыновьямъ большое состояніе. Онъ привилъ имъ фамильную черту — обостренный инстинктъ собственности. Жоліонъ Форситъ—дѣлецъ. Онъ ведетъ свои дѣла въ Сити на очень широкую ногу, и къ старости у него огромное состояніе, которое его радуетъ, какъ своего рода залогъ нетлѣнности. Это—то, что въ его жизни священно, что его переживетъ: поэтому, вопросу о завѣщаніи, также какъ всякому пріобрѣтенію дорогихъ предметовъ, украшенію дома, онъ придаетъ чрезвычайно важное значеніе. Это—культъ жизни, культъ собственности, переходящей изъ рода въ родъ. Въ личной жизни Жоліонъ Форситъ по-своему прекрасенъ своей цѣльностью, своимъ спокойнымъ индивидуализмомъ, тѣмъ, что его собственныя желанія и мысли для него законъ. Онъ не замѣчаетъ возраженій, не видитъ препятствій своей волѣ. Его привязанности сосредоточены на семьѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ его любви къ собственности является любовь къ младшимъ поколѣніямъ, къ дѣтямъ, къ продолжателямъ рода, будущимъ собственникамъ его собственности. У него была тяжелая минута въ жизни. Его единственный сынъ бросилъ жену и дочь, влюбившись въ другую женщину, въ гувернантку, и этимъ грубымъ нарушеніемъ семейной „респектабельности" порвалъ всѣ нити съ родней. Старикъ Жоліонъ отрекся отъ него для того, чтобы сосредоточить свои заботы на его дочери. Когда мать дѣвочки умерла, онъ взялъ къ себѣ маленькую Джунъ, и теперь внучка живетъ постоянно у него въ домѣ. Онъ балуетъ ее и радуется проявленію въ ней семейныхъ чертъ самостоятельности и рѣшительности. Ко всѣмъ братьямъ и ихъ семьямъ Жоліонъ относится скорѣе холодно,—сентиментальность не въ нравахъ и принципахъ Форситовъ,—но онъ объединенъ съ ними чувствомъ солидарности, культомъ семейной собственности. Удовольствія жизни—общество, хорошій столъ, театръ,—потеряли для него остроту прежнихъ лѣтъ, но онъ продолжаетъ жить по прежнему плану съ корректностью, замѣняющей всякое иное отношеніе къ жизни. Другіе его братья представляютъ каждый другую разновидность эгоистическаго стяжательства. Но всѣ они солидарны въ твердости принциповъ, въ презрѣніи къ стоящимъ внѣ ихъ жизненной сферы. Одинъ братъ, толстякъ Свитонъ, остался холостякомъ. Ему семьдесятъ лѣтъ; онъ давно ничего не дѣлаетъ, коллекціонируетъ произведенія искусства, ничего въ искусствѣ не смысля, живетъ праздной жизнью клубмена и—главное — бережетъ свое здоровье и свое душевное равновѣсіе. Его братъ Джемсъ не такъ спокоенъ. У него большая семья и съ этимъ связаны разныя столкновенія, непріятности; но онъ тоже совершенно твердъ, руководствуясь во всемъ семейнымъ принципомъ, культомъ собственности. Есть еще сестры, престарѣлыя дѣвы, одна

вдова и младшіе братья—самому младшему, впрочемъ, подъ пятьдесятъ. Эта семья, связанная своими дѣлами съ интересами имущихъ классовъ Лондона, охватываетъ собой всѣ круги общества; члены ея заняты только событіями въ своемъ тѣсномъ кругу и принимаютъ къ сердцу только то, что входитъ въ жизненный обиходъ другихъ Форситовъ, изъ которыхъ составляется общество. Они относятся скорѣе недружелюбно другъ къ другу, но соблюдаютъ при этомъ солидарность общихъ интересовъ своего клана и преисполнены самодовольства и вѣры въ себя. „Форситы",—объясняетъ авторъ отъ лица одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа,—„это половина Англіи и наиболѣе солидная ея половина; Форситы — это тѣ, на кого можно положиться, тѣ, которые живутъ трехпроцентными государственными бумагами. Именно ихъ богатство и твердость положенія создаютъ твердую почву для всего, для развитія искусства, литературы, науки,—даже религіи. Безъ Форситовъ, которые сами ни во что не вѣрятъ, но изъ всего извлекаютъ пользу, ничего нельзя было бы осуществить въ искусствѣ. Форситы—посредники между производителями и потребителями въ духовной жизни; они—коммерсанты, столпы общества; они—душа всякой условности, они—во главѣ всего, чѣмъ восторгаются въ Англіи".

Это общее опредѣленіе служитъ фономъ для дѣйствія романа; оно подтверждается красочнымъ и разработаннымъ въ деталяхъ изображеніемъ жизни братьевъ Форситовъ. Общія черты всѣхъ Форситовъ и рѣзкая индивидуальность каждаго вырисовываются въ ихъ общеніи между собой и въ отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Очень характерны изображенныя въ романѣ пиршества у Форситовъ по поводу разныхъ семейныхъ событій, пріемъ у старика Жоліона, обѣдъ для родныхъ у холостяка Свитона, ѣда по всѣмъ традиціямъ стараго англійскаго стола, болѣе плотнаго, нежели тонкаго (по мнѣнію младшаго поколѣнія, этому столу недостаетъ фантазіи и легкомыслія французской кухни). Характерны ихъ разговоры о здоровьи, о докторахъ, съ видомъ неприступнаго превосходства, согласное, не допускающее возраженій, осужденіе всего непохожаго на нихъ самихъ, злословіе на твердой основѣ разъ навсегда установленныхъ принциповъ, затѣмъ своеобразное покровительство искусству въ видѣ пріобрѣтенія всего дорогого, слѣдовательно цѣннаго, щеголяніе другъ передъ другомъ пріобрѣтеніями. Во всѣхъ ихъ разговорахъ есть одна неизбѣжная тема,— толки о томъ, насколько каждый членъ семьи пріумножилъ свое состояніе. Это — то, что для нихъ самое главное, и что ихъ исключительно интересуетъ. Въ понятіе о собственности входитъ не только денежный капиталъ. Форситы высоко цѣнятъ все, что имъ принадлежитъ, свои дома, свои картины, своихъ женъ и дѣтей, и становятся безпощадны, когда кто-нибудь оспариваетъ у нихъ что-либо

изъ ихъ имущества. Тогда выступаетъ во всѣхъ нихъ духъ солидарности, тогда всѣ они — собственники прежде всего, — и плохо приходится тому, кто посягнулъ на ихъ священный принципъ собственности.

Въ этой характеристикѣ англійской высшей буржуазіи любопытно отличіе ея отъ буржуазіи другихъ странъ. Вездѣ буржуа, прежде всего, некрасивы своимъ суетливымъ характеромъ выскочекъ, неувѣренныхъ въ себѣ и потому хвастливыхъ, дѣлающихъ все на показъ. А французская буржуазія, кромѣ того, изъѣдена пороками и безпринципной погоней за удовольствіями: грубое обжорство и мелкій развратъ характеризуютъ низшіе ея слои; тѣ же черты, только доведенныя до наибольшей утонченности, — высшіе. И этой необузданностью матеріальныхъ интересовъ континентальная буржуазія обрекаетъ себя на погибель, растрачивая свою жизнеспособность, вырождаясь — и, быть можетъ, выполняя именно этимъ свое назначеніе. Особенность англійскаго „высшаго средняго класса", тѣхъ Форситовъ, которыхъ изображаетъ Гольсворси въ своемъ интересномъ романѣ, — въ томъ, что они обладаютъ большой жизненностью. Они живутъ чисто и нравственно— это главное; они абсолютно порядочны; они такъ спокойны въ сознаніи своего превосходства и своей силы, что совершенно не ведутъ показного существованія, а живутъ для себя, неустанно заботясь о физическомъ здоровьи и о выработкѣ душевнаго равновѣсія, своего и своихъ дѣтей. Они—столпы; они поощряютъ культурное творчество вокругъ себя, поскольку оно не нарушаетъ незыблемости ихъ устоевъ, и такимъ образомъ сильны тѣмъ, что правы передъ самими собой. У нихъ есть своя историческая роль—усовершенствованіе формъ жизни, пользованіе всѣмъ, что создаетъ культура; у нихъ есть свой паѳосъ, культъ собственности, обезпечивающей „чинность" жизни. Всю эту положительную сторону англійской буржуазіи Гольсворси съ большой ясностью изображаетъ въ своемъ романѣ, не впадая въ обличительный тонъ, столь обычный въ лучшихъ англійскихъ романахъ, когда рѣчь идетъ о жизни имущихъ классовъ, — и въ то же время не раздѣляя ихъ идеаловъ, подобно большинству среднихъ романистовъ, имѣющихъ въ виду вкусы средней читающей публики. Выяснивъ всѣ права своихъ Форситовъ на ихъ положеніе въ обществѣ и въ національной жизни, изобразивъ ихъ со всѣмъ, что въ нихъ есть привлекательнаго и, главное, декоративнаго, онъ тѣмъ убѣдительнѣе возстаетъ противъ того, что превращаетъ ихъ въ мертвящую силу. Въ нихъ нѣтъ жизненнаго творчества—вотъ проклятіе англійскихъ Форситовъ. Формы жизни доведены ими до совершенства, ихъ общественная нравственность и чистота ихъ частной жизни безупречны; но они не только стоятъ на мѣстѣ, но являются органическими врагами

жизненнаго творчества, всего, что мѣняетъ направленіе русла, въ которомъ имъ такъ бездумно, такъ почтенно и такъ пріятно живется. А такъ какъ они сильны, здоровы тѣломъ и духомъ, то и борются успѣшно, отыскивая свой идеалъ жизни—права собственности и собственниковъ. Во имя творчества жизни слѣдовало бы желать, чтобы классъ этотъ былъ менѣе живучимъ и крѣпкимъ. Именно своимъ безпристрастнымъ изображеніемъ классовой психологіи Форситовъ авторъ „Собственника" порождаетъ отрицательное отношеніе къ этимъ „столпамъ общества".

Событія, изображенныя въ романѣ, характеризуютъ именно мертвенность жизненнаго принципа Форситовъ, т.-е. культа собственности. Они сталкиваются именно на этой почвѣ съ людьми другого внутренняго міра, съ людьми творческой души и творческой воли, и между ними происходитъ роковая борьба. Къ ней и сводится фабула романа: внучка старика Жоліона Форсита, своевольная Джунъ, полюбила молодого архитектора Бусинэ. Онъ совершенно не подходитъ къ идеалу семьи, такъ какъ не только самъ не „собственникъ", но съ легкомысліемъ относится къ принципу собственности, къ условнымъ приличіямъ, къ священному чину жизни. Но Жоліонъ знаетъ, что внучка его упряма и всегда настоитъ на своемъ, и поэтому соглашается сразу на помолвку ея съ Бусинэ,—заранѣе говоря, однако, что пока у него не будетъ обезпеченнаго положенія, свадьбы не будетъ. Поддерживать лѣнь неимущихъ своимъ состояніемъ—противно принципамъ Форситовъ. Вся семья собирается въ полномъ составѣ на праздникъ помолвки Джунъ, и всѣ сразу чувствуютъ въ Бусинэ „не своего". Всѣ искренно возмущены небрежностью его костюма и маперъ, и всѣ согласны въ порицаніи своевольнаго, необдуманнаго поступка Джунъ. На вечеръ къ Жоліону является также и сынъ одного изъ братьевъ, Джемса, Сомсъ Форситъ съ своей молодой женой Иреной. Она необыкновенно красива, и странное соединеніе золотисто-рыжихъ волосъ съ темно-карими глазами составляетъ ея особую привлекательность. Она возбуждаетъ общіе восторги, куда бы она ни являлась, и мужу ея это только пріятно: этой собственностью онъ гордится больше всего, хотя она для него—источникъ большихъ страданій. Ирена согласилась стать его женой послѣ очень долгаго настойчиваго ухаживанія съ его стороны и очень неохотно. Онъ знаетъ, что она его не любитъ, но все-таки надѣется покорить ее. Въ семьѣ къ Сомсу относятся съ недоброжелательствомъ, потому что онъ богаче всѣхъ и потому что онъ поступилъ такъ непрактично, женившись съ урономъ для своего самолюбія. Исторія ихъ брака—не тайна для другихъ. Ирена въ дружбѣ съ Джунъ, и смѣлая, рѣшительная дѣвушка все совѣтуетъ ей разойтись съ мужемъ, котораго она, при всемъ стараніи, не можетъ полюбить. Ирена не такъ рѣшительна. Она знаетъ, что Сомсъ не дастъ

ей свободу, а на борьбу она не способна, и продолжаетъ тянуть невозможное по существу положеніе.

Бусинэ и Ирена—родственныя души. Для Ирены нѣтъ жизни внѣ любви, и молодой архитекторъ тоже живетъ сильными ощущеніями, свободенъ въ своихъ художественныхъ замыслахъ и въ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ. Онъ сразу чувствуетъ влеченіе къ подругѣ своей невѣсты, и случай—въ лицѣ мужа Ирены—способствуетъ ихъ сближенію. Джунъ все подговариваетъ своихъ дядей строить дома и поручить работу ея жениху, что ускорило бы ея свадьбу. Старшіе дяди не поддаются ей, но мысль о постройкѣ загороднаго дома приходитъ въ голову Сомсу. Онъ надѣется, что, устроивъ Иренѣ пріятное, соотвѣтствующее ея артистическому вкусу жилище подальше отъ города, онъ возбудитъ въ ней привязанность къ семейному углу и къ мужу. Сомсъ ѣдетъ съ Бусинэ на выбранное имъ мѣсто,—и постройка дома становится фактомъ. При этомъ практическія желанія Сомса пріобрѣсть самое дешевое мѣсто и вообще соблюсти экономію разбиваются о широкіе замыслы архитектора. Смѣлость Бусинэ, безденежнаго, но презирающаго деньги художника, импонируетъ Сомсу, и онъ соглашается на всѣ смѣты, чувствуя себя во власти этого человѣка, въ которомъ инстинктивно чувствуетъ врага. Начинается постройка дома; Бусинэ дѣлается частымъ гостемъ въ домѣ Сомса, и постройка дома подвигается параллельно съ развитіемъ драмы въ семьѣ Сомса. Ирена и Бусинэ роковымъ образомъ полюбили другъ друга. Джунъ чувствуетъ отчужденіе жениха и глубоко страдаетъ; Сомсъ тоже начинаетъ понимать, что Ирена неравнодушна къ архитектору. Но, оставаясь джентльменомъ, онъ не подозрѣваетъ жену, не мѣшаетъ ей встрѣчаться съ Бусинэ. Любовь Ирены и архитектора—скрытая. Они оба какъ въ западнѣ, за ними зорко слѣдитъ—если не самъ Сомсъ, то вся семья; каждая ихъ встрѣча имѣетъ случайныхъ свидѣтелей, комментируется. У нихъ нѣтъ силы сдѣлать рѣшительный шагъ, и они мечутся, беззащитные въ своей страсти, среди холодныхъ властныхъ „хозяевъ положенія"—Форситовъ. Сомсъ не желаетъ уступить свою собственность: онъ долженъ сразиться съ Бусинэ, и это происходитъ какъ разъ на той почвѣ, на которой онъ, Форситъ, сильнѣе. У нихъ дѣловыя отношенія. Бусинэ хочетъ построить идеально прекрасный домъ, достойный красоты Ирены, и полетъ его художественныхъ замысловъ не можетъ удержаться въ предѣлахъ смѣты Сомса. Нѣсколько разъ между ними происходятъ споры, и всякій разъ Бусинэ одерживаетъ верхъ тѣмъ, что отказывается продолжать строить. Пока дѣло идетъ только о постройкѣ, Сомсъ, какъ ему ни тяжело, уступаетъ и позволяетъ архитектору не стѣсняться въ расходахъ. Но когда его любовь къ Иренѣ становится предметомъ общихъ разговоровъ, когда Ирена

говоритъ мужу о разводѣ, онъ окончательно выходитъ изъ себя, и тогда въ рыцарѣ культурной Англіи просыпается грубый звѣрскій инстинктъ стяжательства. Онъ мститъ женѣ тѣмъ, что, придравшись къ дальнѣйшему перерасходу Бусинэ въ 500 фунтовъ стерл., взыскиваетъ съ него по суду эти деньги, зная, что ему нечѣмъ заплатить, съ единственной цѣлью разорить и погубить его. Въ то же время, среди своей отчаянной борьбы за право собственности, онъ окончательно отталкиваетъ жену грубымъ поведеніемъ съ ней. Она уходитъ изъ дому—ее видятъ въ обществѣ Бусинэ наканунѣ разбора дѣла между нимъ и Сомсомъ. Дѣло рѣшается въ пользу Сомса, но Бусинэ уже не узнаетъ о томъ, что онъ разоренъ. Онъ шелъ по улицѣ, разставшись съ Иреной, послѣ того какъ она разсказала про грубость мужа, и, не обращая вниманія на дорогу, попалъ въ туманѣ подъ дилижансъ. Его привозятъ въ больницу уже мертвымъ, и только на слѣдующій день всѣ узнаютъ о гибели того, кто сталъ тягаться съ Форситами. Онъ погибъ отъ несчастнаго случая, но это—символическое указаніе на невозможность бороться съ сильными „собственниками". Ирена, какъ раненый звѣрь, приходитъ обратно въ домъ мужа. Сомсъ застаетъ ее у камина, вернувшись домой. Онъ знаетъ теперь про ея близость къ погибшему, знаетъ, что слѣдуетъ прогнать ее съ позоромъ изъ его дома, но чувствуетъ, что не можетъ побѣдить своей любви къ ней. Онъ страдаетъ отъ необычной для Форсита сложности чувствъ, но въ концѣ концовъ онъ побѣждаетъ обстоятельства, проникаясь сознаніемъ, что главное—быть хозяиномъ, собственникомъ. Ирена—его жена, они не разведены, и все должно остаться попрежнему.

Эта драма, разрѣшающаяся пораженіемъ двухъ импульсивныхъ и беззащитныхъ натуръ, стоитъ въ центрѣ романа. Къ ней примыкаютъ другіе эпизоды, исторія Джунъ, жертвы трагическаго столкновенія, исторія старика Жоліона, который въ концѣ жизни проявляетъ сильную индивидуальную волю и, вопреки общему осужденію своего сына, отца Джунъ, мирится съ нимъ и дѣлаетъ его, Джунъ и дѣтей сына отъ второго брака наслѣдниками своего огромнаго состоянія. Онъ видитъ въ сынѣ умѣнье подчинять себѣ жизнь и „выдерживать стиль", каковы бы ни были преграды и обстоятельства. Это—то, что составляетъ силу собственниковъ-Форситовъ. И Жоліонъ Форситъ младшій, сынъ старика, продолжитъ расу „собственниковъ"—man of property, какъ прозвали въ семьѣ Сомса послѣ постройки злополучнаго великолѣпнаго дома. Таковъ этотъ романъ, объясняющій психологію той англійской буржуазіи, съ которой такъ трудно бороться, потому что она обладаетъ добродѣтелями, здоровьемъ и силой, но которую необходимо побороть, чтобы расчистить дорогу жизненному творче-

ству. Съ нею и борется въ Англіи все, идущее противъ традиціонныхъ устоевъ, все единичное, мятежное.

II.

Saint Georges de Bouhelier. „Le Roi sans couronne". Pièce en 5 actes. Paris, 1906. (Libr. Charpentier et Fasquelle).

Въ сложные историческіе моменты, когда въ общественной жизни сталкиваются для роковой борьбы враждебныя жизненныя силы, въ литературѣ наблюдается изобиліе „учителей жизни",—не отвлеченныхъ философовъ, изучающихъ законы познанія, не метафизиковъ, занятыхъ скрытыми законами бытія, далекими отъ переживаемаго момента, а писателей, отвѣчающихъ на самый жгучій вопросъ: какъ быть сейчасъ, какой правдой жить, какую программу дѣйствія начертать себѣ. Главное, какую программу. Наше время—одинъ изъ такихъ моментовъ. Культурный міръ въ мукахъ разрѣшаетъ назрѣвшій соціальный вопросъ,—вопросъ объ общественной справедливости, и съ нимъ столкнулся другой вопросъ неизмѣримой важности — индивидуализмъ въ его острыхъ формахъ, вопросъ о творческой свободной личности, попирающей требованія равенства. На одномъ изъ этихъ двухъ полюсовъ стоятъ всѣ современные „учителя", и каждый, кто приходитъ съ новымъ словомъ, произноситъ его именно на одномъ изъ этихъ двухъ полюсовъ, т.-е. проповѣдуетъ или нивеллирующую истину общественной справедливости, или богатство жизни, связанное съ преобладаніемъ личной силы. И параллельно съ этимъ проповѣдуютъ или завоевательную борьбу сознавшихъ свои права — или мирное совершенствованіе путемъ идейнымъ, а не насильственнымъ, путемъ созидающей любви, а не разрушительнаго гнѣва.

Все лучшее, что создается въ современной литературѣ разныхъ странъ, связано съ этими вопросами, и всякое искреннее произведеніе, вдохновленное желаніемъ разрѣшить именно этотъ коренной вопросъ, заслуживаетъ вниманія. Къ этой очень современной идейной литературѣ принадлежитъ и драма молодого французскаго писателя, Жоржа де-Буэлье, „Король безъ вѣнца" (Le Roi sans couronne). Сценическія достоинства этой драмы—спорныя. Въ очень искреннемъ предисловіи автора къ печатному изданію пьесы слышится отголосокъ газетныхъ полемикъ по поводу ея постановки въ Théâtre des Arts. Авторъ утверждаетъ, что драма его имѣла успѣхъ у демократической части публики; „верхи" слушали ее съ захватывающимъ интересомъ. Этому вполнѣ можно повѣрить. При чтеніи основная мысль драмы,

многія положенія и лиризмъ отдѣльныхъ сценъ производятъ сильное впечатлѣніе. Другія сцены расхолаживаютъ своей смутностью. Какъ цѣльная драма, пьеса Буэлье не удовлетворяетъ читателя. Она разбита на чрезмѣрное количество отдѣльныхъ эпизодовъ. И кромѣ того ея внутренній недостатокъ—въ отсутствіи догматизма. Авторъ не настаиваетъ на одной правдѣ, не утверждаетъ опредѣленнаго принципа, а воплощаетъ нѣсколько истинъ въ борьбѣ, оставляя все подъ знакомъ вопроса. У автора „Roi sans couronne“ есть свои теоріи относительно драмы и трагедіи, и онъ излагаетъ ихъ въ концѣ книги въ формѣ письма къ Катюлю Мендесу. Но сама драма значительнѣе его теорій, и при своихъ большихъ недостаткахъ представляетъ и большой интересъ. Изъ Франціи рѣдко раздаются призывы къ созиданію новыхъ жизненныхъ устоевъ, къ духовному совершенствованію. Франція—страна художественнаго вкуса; она перерабатываетъ творческія мысли другихъ народовъ въ общечеловѣческое достояніе,—въ этомъ была всегда ея культурная роль. Тѣмъ внимательнѣе слѣдуетъ отнестись къ каждой попыткѣ жизненнаго строительства во Франціи, хотя бы строитель выступалъ скромно, безъ догматизма—подъ знакомъ вопроса. Вотъ что дѣлаетъ интересною драму Буэлье.

Сэнъ-Жоржъ-де-Буэлье — молодой писатель; вмѣстѣ съ Морисомъ Леблонъ и нѣсколькими другими онъ составляетъ небольшую литературную группу „натуристовъ“. Ихъ идейная цѣль — противопоставить символизму съ его туманностью и отрѣшенностью отъ дѣйствительности близость къ источникамъ жизни, исканія радости и полноты бытія. Они празднуютъ—или думаютъ, что могутъ праздновать—побѣду надъ пессимизмомъ во имя неисчерпанныхъ и неисчерпаемыхъ силъ человѣческой души. Они по темпераменту не мистики—въ противоположность символистамъ—или лучшимъ изъ символистовъ, которые потому и уходятъ отъ жизни, что ищутъ простора для творческихъ силъ души. Но у натуристовъ есть свой мистицизмъ — вѣра въ силы человѣческаго духа, въ то, что еще не проявилось въ человѣкѣ, потому что еще не побѣдила мудрость и не открылся человѣку человѣкъ. Таковъ приблизительно философскій фонъ, на которомъ создалась драма Буэлье со всѣми ея достоинствами и со всѣми ея коренными недостатками.

Въ драмѣ „Король безъ вѣнца“ рѣчь идетъ о пересозданіи современнаго общества, о жизни на основахъ справедливости, т.-е., другими словами, о разрѣшеніи соціальнаго вопроса. На языкѣ поэта это называется „разбудить мертвыхъ“, „воскресить ихъ къ истинной жизни“. Необходимость переворота сознана всѣми жертвами стараго порядка. Но каковъ путь, по которому надо идти? Правы ли тѣ, которые прибѣгаютъ къ насилію,—или же существуютъ пути торже-

ствующей любви, которая все покоритъ и преобразитъ мирнымъ путемъ? Авторъ драмы не отвѣчаетъ на это; онъ только изображаетъ трагедію человѣка, который пришелъ будить людей проповѣдью любви и свободы.

Сюжетъ драмы—не новый (въ своемъ теоретическомъ очеркѣ Буэлье утверждаетъ, что всѣ новые трагическіе сюжеты сводятся къ тѣмъ же вѣчнымъ темамъ, уже составляющимъ содержаніе античнаго театра); это—трагедія Христа, перенесенная въ обстоятельства современной соціальной жизни. Вся религіозно-мистическая глубина евангельской трагедіи оставлена въ сторонѣ авторомъ французской драмы,—въ этомъ, конечно, ея коренной недостатокъ. Только французу, конечно, можетъ придти въ голову мысль разработать евангеліе такъ, какъ легенду о Фаустѣ или о какомъ-нибудь другомъ героѣ пытливой человѣческой мысли. Есть примѣры изображенія Христа въ обстановкѣ современной дѣйствительности: художникъ Уде написалъ цѣлую серію картинъ, представляя появленіе Христа въ жилищахъ бѣдныхъ рабочихъ; но у нѣмецкаго художника Христосъ знаменуетъ именно связь трудовыхъ будней съ вѣчнымъ неземнымъ началомъ любви. Образъ Христа, который бы явился среди теперешнихъ людей, служитъ частой темой для англичанина Эдуарда Карпентера, проповѣдующаго „опрощеніе жизни". Но всегда при этомъ Христосъ является образомъ идеальнаго, сверхчеловѣческаго подвига любви. А въ драмѣ Буэлье онъ человѣкъ, „пришедшій неизвѣстно откуда" въ страну, объятую пламенемъ вражды. Онъ увлекаетъ своимъ призывомъ къ свободѣ—и потомъ переживаетъ трагедію великихъ разочарованій и завершаетъ ее великой жертвой самоотверженной любви. Имя этого человѣка неизвѣстно, но его прозвали „Чернымъ Христомъ". При всѣхъ возраженіяхъ, которыя сразу возникаютъ противъ этого замысла, нельзя, однако, не признать, что трагедія этого слишкомъ человѣчно задуманнаго Христа въ его борьбѣ противъ тѣхъ, къ кому онъ пришелъ, представлена очень сильно, и въ ней затронуто самое больное, самое трагичное въ междоусобныхъ битвахъ современной культуры.

Начало драмы соединяетъ полный реализмъ съ символическимъ значеніемъ, т.-е., вѣрнѣе, съ болѣе углубленнымъ, но тоже вполнѣ реальнымъ психологическимъ смысломъ изображаемыхъ на сценѣ внѣшнихъ событій. Ненастная ночь. Мать сидитъ у постели больной дочери. Молодая дѣвушка, Нель, мечется въ бреду и проситъ мать повторить сказку, которой она ее усыпляла, сказку о принцѣ-нищемъ, который обмѣнялъ свою корону на посохъ нищаго, ходитъ подъ бурей безъ плаща и живетъ подаяніемъ. Мать старается успокоить больную и поджидаетъ съ тревогой сына Гаспара, служащаго на каменоломняхъ. Рабочіе возмутились противъ него и бросили работу, требуя

удаленія Гаспара. Передъ домомъ матери Гаспара его возвращенія дожидается одинъ изъ рабочихъ. Вокругъ все очень тревожно, и больная волнуется всѣмъ, что доносится до нея. Приходитъ наконецъ Гаспаръ, и Нель слышитъ его грубые окрики рабочихъ, его упреки ихъ въ бездѣльничаньи, и всѣмъ своимъ слабымъ существомъ возмущается противъ него, отталкиваетъ его, когда онъ подходитъ приласкать ее. Онъ говоритъ, что рабочихъ смущаетъ какой-то бродяга, прозванный Чернымъ Христомъ. Онъ ведетъ за собой разный сбродъ, какую-то презрѣнную женщину, могильщика, который говоритъ, что ему надоѣло закапывать мертвыхъ въ землю, и что онъ хочетъ ихъ воскресить. Этотъ Черный Христосъ, какъ объясняетъ матери Гаспаръ, проповѣдуетъ бездѣлье, говоритъ, что нужно бросать работу на каменоломняхъ, потому что камни, которые оттуда извлекаютъ, служатъ на пользу эгоизму, идутъ на постройку жилищъ для мертвыхъ. Всѣ дома—могилы... Истинная жизнь—за стѣнами, на свободѣ. Этой проповѣдью онъ увлекъ уже многихъ, въ томъ числѣ одного рабочаго, которымъ Гаспаръ особенно дорожилъ, Захарія. Нель слушаетъ слова брата, внѣ себя отъ волненія и возмущенія противъ него; она мечется въ кровати и говоритъ о своей близкой смерти, бредитъ о принцѣ, который ходитъ подъ бурей безъ плаща. Буря все усиливается и раздаются настойчивые стуки въ дверь. Чей-то голосъ проситъ пріюта отъ бури. Это „Черный Христосъ" со своими послѣдователями. Гаспаръ не пускаетъ и глумится надъ тѣми, которые просятъ крова, проповѣдуя, чтобы дома разрушали. Просьбы и требованія пустить продолжаются, гроза все усиливается; Нель волнуется— и, къ общему ужасу, встаетъ съ постели и идетъ отворить сама дверь. При свѣтѣ молніи видны въ дверяхъ Христосъ и съ нимъ Захарій, могильщикъ Эліасъ и Марія. Нель бросается къ ногамъ Христа, и онъ, улыбаясь, говоритъ: „А они думали, что она умираетъ,—она, единственно живая среди нихъ!"

Маленькая община Христа, послѣ присоединенія къ ней Нель, состоитъ изъ двухъ женщинъ, невинной, чистой Нель и Маріи. Прежде Марія была послѣдней изъ послѣднихъ и стояла на перекресткахъ, прося любви у каждаго встрѣчнаго, пока не пришелъ тотъ, кто и есть совершенная любовь. И за нимъ она пошла, раздѣляя его бродяжническую жизнь. Кромѣ двухъ женщинъ—аналогія съ евангеліемъ очевидна—у „Чернаго Христа" два послѣдователя, рабочій Захарій и могильщикъ Эліасъ. Но вся трагедія и заключается въ наступающей роковой розни съ ними. Маленькая община остановилась въ маленькомъ лѣску по дорогѣ въ Парижъ. Двѣ женщины говорятъ нѣжныя слова о своей любви къ Христу, открывшему имъ свѣтъ въ жизни. И Христосъ приходитъ къ нимъ съ улыбкой и учитъ ихъ вникать

въ языкъ полевыхъ лилій, слушать музыку цвѣтовъ, всей природы, которая славитъ невѣдомаго Бога,—славитъ жизнь. И вся жизнь людей, по его восторженнымъ словамъ, тоже такое ритмическое славословіе жизни—у каждаго на свой ладъ. Рѣзкая дѣйствительность сейчасъ же становится опроверженіемъ его словъ. Входятъ нищіе, слѣпой, однорукій и искалѣченная женщина. Они считаютъ это мѣсто своимъ. Имъ тутъ можетъ перепасть нѣсколько грошей отъ прохожихъ, идущихъ на праздникъ святого Антонія Падуанскаго въ Парижъ, и они видятъ въ Христѣ и двухъ женщинахъ соперниковъ, и ругаютъ ихъ, требуя, чтобы они ушли отсюда. Христосъ переходитъ отъ своихъ высокихъ мечтаній къ пониманію грубой правды жизни—и видитъ, каковы тѣ, которыхъ онъ хочетъ спасти. „Имъ не нужна любовь и свобода... они возвышаютъ голосъ только потому, что они голодны“. И онъ имъ даетъ то, что имъ нужно. Изъ своей нищенской сумы онъ вынимаетъ драгоцѣнный алмазъ. Нищіе, презиравшіе его, потому что онъ въ такихъ же лохмотьяхъ, какъ они, ослѣплены и, уродливо вырывая другъ у друга алмазъ, убѣгаютъ, забывъ о своемъ слѣпомъ товарищѣ. А Христосъ продолжаетъ мечтать о томъ, чтобы истребить уродство, чтобы „облагородить лохмотья“, столь униженные голодомъ. И тотчасъ же онъ видитъ второе доказательство своей розни съ окружающей жизнью на примѣрѣ своихъ ближайшихъ послѣдователей. Захарій и Эліасъ тащатъ захваченнаго ими Гаспара, на которомъ они вымещаютъ всю свою злобу. Они требуютъ, чтобы Христосъ былъ судьей между ними и ненавистнымъ начальникомъ,—но Христосъ съ грустью слушаетъ ихъ слова, преисполненныя ненависти. Чтобы спасти Гаспара—ради Нель, страдающей за брата,—Христосъ уговариваетъ Захарія привязать Гаспара гдѣ-нибудь подальше къ дереву и оставить до вечера. Тогда—какъ онъ даетъ понять Нель—они смогутъ тайно придти къ нему и освободить его. Рабочіе соглашаются, уводятъ Гаспара, и во время ихъ отсутствія приходятъ прежніе нищіе. Они въ отчаяніи: въ дракѣ они потеряли свой алмазъ,—онъ скатился въ обрывъ. И Христу жаль ихъ съ ихъ рабскими печалями. Возвращаются Захарій, Эліасъ и другіе, торжествуя. Они привязали Гаспара къ дереву, а сами направляются въ Парижъ — устроить манифестацію во имя свободы, т.-е. того, что они называютъ свободой. Христосъ не идетъ съ ними; онъ остается „сторожить плѣнника“. И въ разговорѣ съ Захаріемъ обнаруживается ихъ рознь. „У васъ желанія, которыхъ я не раздѣляю“,— говоритъ Христосъ, когда Захарій упрекаетъ его въ снисходительности къ Гаспару. А когда Захарій говоритъ, что нужно разрушить церкви, Христосъ возражаетъ: „Не зданія нужно разрушать,—говоритъ онъ,—а идеи, которыя ихъ поддерживаютъ“. Когда Захарій возмущается тѣмъ, что идоловъ одѣваютъ въ шолкъ

и золото, когда рабочіе голодаютъ, и чей-то голосъ кричитъ: „Сокрушимъ идолы!“,—Христосъ отвѣчаетъ: „Идолы сами собой разсыплются въ прахъ“. Когда рабочіе хоромъ призываютъ къ походу противъ богачей,—Христосъ тихо отвѣчаетъ: „Богаты тѣ, въ комъ нѣтъ зависти... Величайшее благо всѣмъ одинаково принадлежитъ: это благо—мудрость. Достаточно знать“. Когда могильщикъ требуетъ равенства, того, чтобы „всѣ были равны на землѣ, какъ и подъ землей“, и Захарій говоритъ о наступающемъ воскресеніи обездоленныхъ,—Христосъ пламенно призываетъ къ „воскресенію мертвыхъ — но только путемъ любви; отъ нея все недостойное жить само умретъ и все зло земли само разсыплется въ прахъ. Не нужно ненависти,—нужно превратить жизнь въ прекрасный подвигъ“. Къ этой проповѣди его послѣдователи глухи; они уходятъ въ городъ совершать свои дѣла—дѣла гнѣва и мести. А онъ остается съ Маріей и съ еще однимъ новообращеннымъ—Гаспаромъ. Его онъ освобождаетъ и покоряетъ проповѣдью свободы. Гаспаръ ненавидитъ общество людей, и Христосъ его привлекаетъ обѣщаніемъ свободы, т.-е. жизни въ пустынѣ.

Въ третьемъ актѣ слова Христа раздаются среди враждебной обстановки. Въ Парижѣ—церковный праздникъ; освящается новая церковь на Монмартрѣ, и возбужденная толпа балагуритъ съ парижскимъ легкомысліемъ, перемѣшивая богохульство съ суевѣрнымъ преклоненіемъ передъ церковью и ея властью, ея чудесными исцѣленіями. Эта сцена прекрасно сдѣлана въ драмѣ,—очень красочная, полная движенія. Въ добродушное настроеніе праздничной толпы вмѣшиваются вдругъ грозные звуки надвигающейся грозы: пришелъ Захарій съ своими спутниками—мстить, возстановлять справедливость. Захарій произноситъ мятежныя рѣчи, возстановляетъ толпу противъ церкви, кричитъ, что нужно всѣхъ уничтожить. Голосъ Христа, спрятаннаго въ толпѣ, возражаетъ: „Нужно уничтожить только заблужденія—и только въ себѣ самомъ“. Захарій убѣждаетъ толпу, что камни для этой церкви добыты тяжкимъ трудомъ рабочаго,—и Эліасъ поддерживаетъ его, крича, что зданія, созданныя народомъ, нужно превратить въ дома для народа. И опять возвышается голосъ Христа. Онъ защищаетъ идею церковнаго строительства:—она свидѣтельствуетъ о духовномъ величіи человѣчества, которое воздвигаетъ зданія, предназначенныя оставаться нежилыми... стать пріютомъ для скорбныхъ душъ, обиталищемъ... одной только мечты. Но слова Христа непонятны толпѣ. Дѣло разрушенія совершается... „Я не могу ничего измѣнить,—говоритъ Христосъ Маріи.—Только тираны повелѣваютъ. Еслибы я хоть на минуту навязывалъ свою волю... Я ничего не измѣню“. Актъ кончается совершившимся дѣломъ мщенія—церковь взрываютъ.

Христосъ—драмы Буэлье—не пришелъ мѣнять жизнь; онъ только убѣждается, что люди и тогда, когда они добиваются справедливости, все же живутъ подъ знакомъ гнѣва и насилія. А онъ хочетъ преподать законъ любви—единственно созидательный. И онъ преподаетъ его на себѣ. Два послѣдніе акта завершаютъ трагедію подвигомъ самопожертвованія. Всѣхъ составляющихъ общину „Чернаго Христа" преслѣдуютъ послѣ взрыва церкви. Имъ трудно укрыться—за ихъ головы назначена высокая цѣна. Захарій и Эліасъ убиваютъ рыбака, чтобы, воспользовавшись его лодкой, спастись. Они предлагаютъ Христу и тѣмъ, кто ему вѣрны, Нель, Гаспару и Маріи, спастись съ ними; но Христосъ знаетъ, какой цѣной они спасаются, и даетъ имъ уплыть однимъ. Себя и своихъ, т.-е. понявшихъ законъ всепобѣдной любви, онъ оставляетъ для послѣдней жертвы. Его и Марію настигаютъ—онъ беретъ на себя преступленія, совершенныя не имъ, и его вѣшаютъ, также какъ Марію. Ихъ казнь видитъ Гаспаръ. Его и Нель тоже ждутъ великія муки. Нель выкололи глаза. Имъ мстятъ за дѣйствія ихъ товарищей,—и палачи ихъ считаютъ себя правыми. Для завершенія муки, къ нимъ приводятъ мать, и она послѣ долгой разлуки видитъ своихъ дѣтей тогда, когда наступилъ ихъ послѣдній часъ. Нель умираетъ просвѣтленная, прося мать въ послѣдній разъ разсказать ей сказку про принца-нищаго, и она умираетъ со словами: „Рай вездѣ... гдѣ любовь!"

Такова эта драма, воздвигающая любовь въ краеугольный камень жизни. Во всякомъ случаѣ, тотъ человѣчный Христосъ, трагедію котораго изображаетъ Буэлье, говоритъ нужное и истинное, — то, что слѣдуетъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо напоминать людямъ, умножающимъ несправедливость на землѣ своимъ эгоизмомъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1906.

Мѣсяцъ кровавыхъ событій.—Военные бунты.—Покушеніе на П. А. Столыпина.—Что можетъ положить конецъ?—Попытки реакціи повернуть общественное настроеніе.—Отношеніе деревни къ „черносотенцамъ".—Критическое положеніе земства.—Къ предстоящему началу учебнаго года.—Новыя средства борьбы съ революціонной пропагандой въ войскахъ.

Конецъ іюля и весь августъ ознаменовались длиннымъ рядомъ кровавыхъ событій. Жизнь человѣческая какъ будто утратила всякую цѣну... Давно ли время, когда рука террористовъ направлялась исключительно на лицъ, чья смерть дѣйствительно могла—въ ту или другую сторону—имѣть крупное государственное значеніе, и когда каждое политическое убійство было явленіемъ, надолго приковывавшимъ общественное вниманіе. Теперь—убиваютъ полицiймейстеровъ, приставовъ, стражниковъ, городовыхъ, жандармскихъ унтеръ-офицеровъ—и убиваютъ ихъ, буквально, каждый день повсемѣстно. Газеты перестали даже печатать полностью телеграммы объ убійствахъ и ограничиваются помѣщеніемъ извлеченій...

Давно ли время, когда судебные приговоры къ смертной казни приводились въ исполненіе лишь въ отношеніи лицъ, непосредственно совершившихъ чѣмъ-нибудь особенно выдающееся политическое преступленіе или руководившихъ подготовкой многихъ удавшихся или неудавшихся покушеній? Давно ли время, когда число казненныхъ опредѣлялось и въ годъ, и въ пятилѣтія единицами?.. Теперь разстрѣливаютъ безразлично: главныхъ виновныхъ, второстепенныхъ участниковъ, пособниковъ, случается—прикосновенныхъ. Теперь рѣдкій день въ газетахъ не приходится читать о разстрѣляніи двухъ, трехъ, восьми человѣкъ. Разстрѣливаютъ по приговору суда, образованнаго и дѣйствующаго на основаніи закона. Разстрѣливаютъ по вердикту суда импровизированнаго. Разстрѣливаютъ безъ всякаго судебнаго разбирательства... Начали разстрѣливать людей, абсолютно ни въ чемъ неповинныхъ—односельчанъ преступника...

Революціонное движеніе породило полную разнузданность подонковъ общества. Нынѣшніе революціонеры не гнушаются похищенія денегъ. Прежніе—смотрѣли иначе. Мы помнимъ процессъ 1887 года и рѣчь Германа Лопатина. Мы помнимъ, какъ, принимая на себя отвѣтственность за самыя тяжкія посягательства, онъ съ нескрывае-

мымъ чувствомъ гадливости отстранялъ обвиненіе въ организаціи двухъ случаевъ ограбленія почты. Но нападеніе на банки и т. п. съ революціонною цѣлью, само собою разумѣется, ничтожныя единицы въ томъ сплошномъ, какомъ-то повальномъ, грабежѣ, который все растетъ и множится. О кражѣ денегъ изъ винныхъ лавокъ уже не говоримъ. Сколько за мѣсяцъ ограблено почтальоновъ или желѣзнодорожныхъ артельщиковъ, перевозившихъ въ вагонахъ кассовыя выручки станцій! И каждый разъ—хорошо усвоенные пріемы революціонеровъ: браунинги, „руки вверхъ“ и проч.

Поразительнѣе всего та легкость, съ которой совершаются грабежи. Шесть-семь вооруженныхъ грабителей останавливаютъ цѣлый поѣздъ съ сотнями пассажировъ, затѣмъ, безъ малѣйшей попытки противодѣйствія, дѣлаютъ, что хотятъ, и, спокойно удалившись, безслѣдно исчезаютъ. Никому почему-то въ голову не приходитъ, что движущемуся поѣзду никакого вреда не могутъ причинить выстрѣлы изъ браунинговъ. Никто не рѣшается сразу, дружно, напасть массой на грабителей, обезоружить ихъ и связать. Словомъ, есть множество способовъ, чтобы пассажирскій поѣздъ оборонился отъ шайки грабителей. Но ни одинъ изъ нихъ не примѣняется, и грабители безпрепятственно отнимаютъ и уносятъ деньги на глазахъ оторопѣлой толпы, стоящей съ поднятыми руками и не смѣющей двинуться съ мѣста... Были случаи прямо изумительные: на желѣзнодорожной станціи, въ переполненной публикой залѣ III-го класса, тѣми же обычными пріемами, грабители отняли у начальника станціи тысячу съ чѣмъ-то рублей; въ Москвѣ, въ ресторанѣ, днемъ, когда за столами сидѣло нѣсколько десятковъ человѣкъ, четыре-пять благополучно потомъ скрывшихся грабителей унесли всѣ деньги изъ кассы... Обыватель отъ всего совершающагося оторопѣлъ. А полиція... борется съ революціей. Другихъ объясненій не найти.

Наиболѣе крупными кровавыми событіями послѣдняго времени были: свеаборгскія и кронштадтскія военныя возстанія и бунтъ на крейсерѣ „Память Азова“ съ послѣдующей за нихъ расправой; затѣмъ—одновременное убійство, 2 августа, въ Варшавѣ, въ разныхъ частяхъ города, двадцати-восьми полицейскихъ чиновъ, тоже съ послѣдующей расправой, въ результатѣ которой въ больницы было доставлено свыше ста убитыхъ и раненыхъ, и наконецъ—покушеніе на жизнь премьеръ-министра П. А. Столыпина, сопровождавшееся смертью и тяжкимъ поврежденіемъ здоровья шестидесяти лицъ... Мы написали эти строки и невольно спросили себя: а убійство въ Варшавѣ генералъ-губернатора Вонлярлярскаго, покушеніе на генерала Скалона, на генерала барона Каульбарса, убійство генерала Мина, убійство „по ошибкѣ“ генерала Козлова, убійство солдатами командира и нѣсколькихъ офи-

церовъ въ одномъ изъ полковъ на Кавказѣ и т. д., и т. д.—неужели все это не крупныя событія? Приходится съ грустью сказать: нѣтъ. Крови столько льется, что масштабъ оцѣнки каждаго потрясающаго факта насильственной смерти сталъ какой-то вовсе необычный. Чувство притупилось, и мысль скользитъ по извѣстіямъ объ убійствахъ и казняхъ, задерживая въ памяти только случаи, выдающіеся или по обстановкѣ, или по числу жертвъ. Какъ будто мы, современные русскіе, или снова переживаемъ давно минувшіе вѣка, или перенесены невѣдомой силой въ Китай. Только тамъ царитъ такое самоистребленіе людей. Только тамъ узнать объ убійствѣ или о казни—все равно, что узнать о пожарѣ, о карманной кражѣ или о приговорѣ мирового судьи къ аресту на недѣлю...

И какая ничѣмъ необъяснимая, явно нецѣлесообразная жестокость! Зачѣмъ понадобилось солдатамъ и матросамъ въ Кронштадтѣ и въ Свеаборгѣ убивать офицеровъ? Возставшихъ были если не тысячи, то сотни. А офицеровъ — единицы. Почему было ихъ не арестовать или не связать или вообще другимъ способомъ не сдѣлать для возставшихъ безвредными? Особенно выпукло эта жестокость для жестокости выразилась на „Памяти Азова“. На крейсерѣ было обнаружено нарушеніе порядка—среди матросовъ оказался посторонній. Его арестовали... Отвѣтъ — стрѣльба, кровь. Стрѣляли изъ ружей, стрѣляли изъ пушекъ... Начальникъ отряда и офицеры покинули крейсеръ. Они спустились въ баркасъ и плывутъ къ берегу. Они уже не могутъ противодѣйствовать захватившимъ крейсеръ въ свои руки матросамъ. Но матросы немедленно начинаютъ преслѣдованіе. Посылаютъ за ними паровой катеръ и осыпаютъ баркасъ пулями и артиллерійскими снарядами... Новыя жертвы: оторваны ноги у одного, другой убитъ наповалъ, третій, четвертый... смертельно ранены... Оставшіеся въ живыхъ офицеры высадились на берегъ, скрылись въ лѣсу — и тутъ за ними продолжается погоня... Одна месть, движимая злобой и страстью, руководила этими озвѣрѣлыми людьми... Гдѣ смыслъ? Гдѣ человѣческій разумъ? Гдѣ чувство, отвращающее человѣка отъ крови?..

Войско—организмъ глубоко своеобразный. Его компактность и силу опредѣляетъ чрезвычайно сложная система своеобразныхъ же отношеній, покоящаяся на долгомъ воспитаніи воли отдѣльныхъ людей, входящихъ въ его составъ. Индивидуальная воля человѣка въ войскѣ всегда неизбѣжно бываетъ болѣе или менѣе подавлена. Это необходимо, дабы войско могло удовлетворять своему назначенію—быть силою въ рукахъ государства при международныхъ столкновеніяхъ. И если изъ войска вырвать подавленіе индивидуальной воли, оно моментально обращается въ толпу,—въ толпу, страшную своей численностью и смертоносностью имѣющагося у нея оружія, въ толпу—менѣе, чѣмъ

всякая другая, способную регулировать свои дѣйствія и въ то же время безконечно инертную и слабую. Солдатскій бунтъ—всегда кровавый и жестокій, но также всегда недолговѣчный. Солдатскій бунтъ, во имя какихъ бы высокихъ идей онъ ни былъ начатъ, быстро обращается въ разнузданное пьянство и въ грабежъ.

Нужно ли это напоминать послѣ того, какъ стали извѣстны эпизоды, сопровождавшіе октябрьское возстаніе въ Кронштадтѣ и возвращеніе запасныхъ съ Дальняго Востока? Оказывается, что—нужно. Мы понимаемъ, поскольку въ борьбѣ съ правительствомъ активная революція, стремясь ослабить врага, разрушаетъ войско, какъ правительственную силу. Но мы понимаемъ также, что революція, въ данномъ случаѣ, играетъ съ огнемъ и тѣмъ сама себѣ—при успѣхѣ—готовитъ гибель. „Свободное" войско, управляемое „всеобщей, прямой, равной и тайной", войско съ митингами, съ бойкотомъ и съ забастовками—абсурдъ. Такое войско—безсмысленно-кровожадная, алчная, разнузданная толпа, болѣе вредная тому, съ кѣмъ она, чѣмъ тому, противъ кого... Прочтите безъискусственно написанныя путевыя замѣтки „По Манчжуріи домой" въ іюльской книгѣ нашего журнала...

Въ петербургскомъ покушеніи 12-го августа тоже приковываетъ вниманіе безудержность въ жестокости. Замыслившимъ лишить жизни предсѣдателя совѣта министровъ удобнѣе и вѣрнѣе казалось проникнуть къ нему и привести планъ въ исполненіе въ *пріемный* день. Разрывной снарядъ ужасной силы казался имъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ. Ихъ не остановило, что они неизбѣжно причинятъ смерть или страданія десяткамъ представляющихся, просителей, чиновниковъ канцеляріи, прислуги. Они знали и шли на то, что рухнутъ стѣны, потолки, что будутъ раздавленные и заживо погребенные, что ужасной опасности подвергается семья П. А. Столыпина, что погибнетъ нанятый ими кучеръ... Они знали, что и сами могутъ спастись только чудомъ. Но развѣ это оправданіе? Жертвуй собой—своей жизнью,—но если на твоемъ пути къ цѣли стоятъ чужія жизни—ты обязанъ ихъ щадить. Еще недавно террористы неуклонно этого держались. Вспомните разсказъ Коляева или объясненія Сазонова, какъ они не разъ отказывались отъ приведенія замысла въ исполненіе, когда все остальное имъ благопріятствовало, но взрывъ долженъ былъ поразить много неповинныхъ жертвъ...

Убитъ швейцаръ, прослужившій сорокъ лѣтъ. Убиты генералы, камергеры, жандармы, убиты неизвѣстные, чьи имена нельзя установить. Не все ли равно—кто?.. Убиты люди... Разбита жизнь ихъ близкихъ—родныхъ, друзей, отцовъ, дѣтей, женъ, матерей... Остались

горе, слезы, потерянныя надежды, быть можетъ—нищета... У дочери П. А. Столыпина раздроблены ноги. У сына двухъ лѣтъ — сломано ребро, разбита голова... За что? Зачѣмъ?..

П. А. Столыпинъ остался живъ. А еслибы онъ погибъ, развѣ то, во имя чего покушавшіеся на его жизнь пожертвовали собой и пролили столько крови, получило бы несомнѣнное торжество? Развѣ воля одного человѣка движетъ нынѣ событіями?... Двадцать - пять лѣтъ назадъ былъ убитъ даже царь! И что̀ же? Что̀ наступило послѣ 1-го марта 1881 года?.. Будемъ откровенны! Смерть Плеве совпала съ поворотомъ въ общественномъ настроеніи и во внутренней политикѣ. Да, она ускорила поворотъ въ политикѣ. Но только ускорила. Опредѣлили поворотъ—война и то, что изжившая себя система дошла до разложенія...

Возьмемъ, однако, другую сторону. На слѣдующій день послѣ возстанія въ Кронштадтѣ былъ собранъ трибуналъ. Это былъ именно трибуналъ—не судъ. Судъ образуется и дѣйствуетъ по закону. Этотъ—былъ образованъ и дѣйствовалъ вопреки правиламъ закона... Черезъ сутки восемь человѣкъ были разстрѣляны... Преступниковъ съ „Памяти Азова“ тоже судилъ импровизированный судъ. Тоже разстрѣляли безъ изслѣдованія вины и тщательнаго разбора... Среди разстрѣлянныхъ былъ „штатскій, именующій себя“... Одинъ матросъ передъ казнью клялся, что̀ онъ былъ взятъ и осужденъ по ошибкѣ... Какъ отъ руки революціонеровъ гибнутъ неизвѣстные и къ политикѣ непричастные, такъ и власть лишаетъ жизни неизвѣстныхъ и въ пылу борьбы совершаетъ непоправимыя судебныя ошибки...

И съ этой стороны — пули, штыки, сабельные удары. И съ этой стороны—невинныя, случайныя жертвы: прохожіе, любопытные. И съ этой стороны — отцамъ, матерямъ, дѣтямъ людское звѣрство несетъ горе, слезы... И съ этой стороны безцѣльность крови. Отъ рукъ разстрѣливающихъ по волѣ власти солдатъ кровь потоками льется почти годъ. Число разстрѣлянныхъ навѣрное уже перешло за тысячу. А гдѣ результатъ?..

Покушеніе 12-го августа заставило всѣхъ пишущихъ остановиться передъ вопросомъ: что̀ можетъ положить конецъ безудержно совершающимся кровавымъ насиліямъ? Въ теченіе нѣсколькихъ дней газеты были переполнены самыми разнообразными разсужденіями и проектами. Кто-то гдѣ-то писалъ, что главное—не нужно жалѣть лѣсовъ на устройство висѣлицъ... До любопытнаго и простого средства спасенія додумался и князь Мещерскій. „Мы постоянно читаемъ—пишетъ онъ—объ обыскахъ въ квартирахъ, гдѣ находятъ бомбы и матеріалы для ихъ изготовленія. Тогда является вопросъ: а хозяинъ

дома, а старшій дворникъ привлечены къ отвѣтственности? Оказывается—нѣтъ; никогда доселѣ ни о какой отвѣтственности ихъ не было и рѣчи. Безопасность города требуетъ, чтобы каждый хозяинъ дома и каждый старшій дворникъ узнавали, дѣлаются ли въ какой-либо квартирѣ бомбы, и при малѣйшемъ подозрѣніи усиливали бы надзоръ за этой квартирой и сообщали полиціи. Эта отвѣтственность должна быть не мнимая, а дѣйствительная и строгая, и влечь за собою для подлежащихъ этой отвѣтственности чувствительныя наказанія. И ни малѣйшаго въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что когда надъ домохозяиномъ и надъ старшимъ дворникомъ будетъ висѣть Дамокловъ мечъ, въ видѣ угрозы тяжкимъ наказаніемъ за дѣланіе или храненіе бомбъ въ домѣ, то каждый домохозяинъ и каждый старшій дворникъ, въ интересахъ прежде всего собственной шкуры, сумѣютъ въ своемъ домѣ устроить тайную полицію не хуже, а даже лучше правительственной". Не правда ли, какъ просто и геніально?! „Планъ, конечно, прекрасный — остроумно замѣчаетъ по этому поводу новая газета „Понедѣльникъ" (№ 3),—но мы являемся все же врагами полумѣръ... Реформировать такъ ужъ реформировать, чортъ возьми! И если князь Мещерскій предлагаетъ возложить на каждаго изъ домовладѣльцевъ обязанность содержать въ своемъ домѣ тайную полицію, то мы сказали бы, что эту обязанность надо возложить и на квартирантовъ... Пусть каждый изъ нихъ устроитъ полный штатъ тайной полиціи для своей квартиры. Еще лучше, конечно, если каждый обыватель въ отдѣльности будетъ обязанъ организовать и содержать тайную полицію для своей собственной особы"...

Изъ серьезныхъ отвѣтовъ на роковой вопросъ приведемъ слова „Страны" и „Ока". „Возможность покушенія на предсѣдателя совѣта министровъ Столыпина—пишетъ „Страна"—не убѣждаетъ ли окончательно, что старые, выработанные полицейской практикой, пріемы борьбы съ революціоннымъ броженіемъ безсильны вывести потрясенную страну изъ состоянія анархіи?.. Единственнымъ средствомъ противъ кровавыхъ революціонныхъ вспышекъ является охрана правительства не чинами полиціи, а самимъ обществомъ. И чѣмъ скорѣе пойметъ правительство эту истину, чѣмъ скорѣе вступитъ на путь искренняго сближенія съ обществомъ, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе страна выйдетъ изъ атмосферы разрушеній"...

„Начало конца бойнѣ—говоритъ газета „Око"—наступитъ тогда, когда правящая власть сойдетъ съ революціоннаго пути и прекратитъ безсудныя казни, преступное сѣченіе, поджоги. Затѣмъ, не взирая ни на что, она должна приступить къ осуществленію возвѣщеннаго обновленія. Обновленіе возвѣщено широкое, полное. Отступленіе отъ возвѣщеннаго невозможно. Всѣ основы законодательства под-

лежатъ пересмотру. И, конечно, мечты о субсидированіи состоятельныхъ классовъ, путемъ покупки у нихъ земель по дорогой цѣнѣ для передачи за счетъ казны крестьянамъ по дешевой, должны быть разъ навсегда оставлены. Или мечты о сохраненіи смертной казни... Смертную казнь, какъ вѣнецъ карательной системы, безповоротно вычеркнули изъ русскаго кодекса разстрѣлы въ Голутвинѣ, Перовѣ, Остзейскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Варшавѣ, въ Кронштадтѣ"... А всего раньше, какъ говорится у насъ во „Внутреннемъ Обозрѣніи", долженъ быть ускоренъ созывъ второй Думы...

Роспускъ Думы и эксцессы революціи, выражающіеся въ непрерывныхъ убійствахъ и породившіе сплошной повсемѣстный грабежъ, создали удобный моментъ для реакціонныхъ попытокъ повернуть общественное настроеніе. Средній обыватель способенъ лишь на короткое время подниматься надъ привычками пассивнаго прозябанія подъ властной рукой попечительнаго начальства. Выборы и предвыборные мѣсяцы минувшей весны, а съ другой стороны совпавшіе съ ними кровавые эксцессы правительства унесли его въ область идеаловъ и заставили на мигъ отрѣшиться отъ вѣками сложившейся привычки. Но и тогда чувствовалось, что обыватель ждетъ отъ Государственной Думы, главнымъ образомъ, тихой пристани, которая дастъ ему возможность снова погрузиться въ спокойствіе.

Этого ожиданія Дума не оправдала. Напротивъ, она раскрыла, что тихая пристань еще очень и очень далека. Она воочію показала, что ни въ отношеніи задачъ правового и экономическаго обновленія, ни въ отношеніи средствъ и способовъ осуществленія этихъ задачъ, единства воззрѣній не существуетъ. А нѣтъ единства воззрѣній—значитъ предстоитъ борьба или, по крайней мѣрѣ, постоянная забота о возможности ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обыватель услышалъ съ думской каѳедры такія слова и требованія, которыя его напугали своимъ радикализмомъ. Это были слова—не рѣшенія. Но могъ ли никогда не жившій политической жизнью обыватель разбираться въ тонкостяхъ и не смѣшивать рѣчей и предложеній съ рѣшеніями, особенно когда ему умышленно первыя выставлялись подъ видомъ вторыхъ?

Въ Думѣ произносились „страшныя" слова—на улицахъ убивали. Думу распустили—на улицахъ убиваютъ вдвойнѣ и грабятъ. Когда же царствовалъ режимъ Плеве—на улицахъ было тихо. Нуженъ немалый запасъ знаній и вѣры въ правоту конституціонной идеи, чтобы не передаться на сторону реакціи. Не мудрено, что, какъ сообщаетъ „Саратовскій Листокъ", на устроенномъ 9 августа въ Саратовѣ собраніи „кружка" истинно-русскихъ людей, вмѣсто обычно присутствовавшихъ

на такихъ собраніяхъ 20—30 человѣкъ, было человѣкъ 200—250. Заимствуемъ изъ названной газеты кое-что, касающееся этого собранія. „Приватъ-доцентъ Никольскій произнесъ „зажигательную“ рѣчь, въ которой заявилъ, что гордится званіемъ „черносотенца“. Содержаніе рѣчи г. Никольскаго сводилось къ тому, что поддерживаютъ государство не крестьяне, а помѣщики, что если надѣлить крестьянъ землею по 4 десятины, то Россія разорится, что Государственная Дума состояла изъ революціонеровъ, и что евреямъ не слѣдуетъ давать ни земли, ни правъ. Другой гастролеръ Родовичъ-Родзевичъ посвятилъ свою рѣчь, главнымъ образомъ, евреямъ и Думѣ. Первые, по его мнѣнію, сами устраиваютъ еврейскіе погромы, а Дума защищаетъ ихъ. При этомъ разслѣдованіе погромовъ членами Думы ораторъ назвалъ „нахальствомъ“, а членовъ Думы „негодяями“. Въ заключеніе ораторъ призвалъ всѣхъ истинно-русскихъ людей „объединиться“ и „стать грудью“ на борьбу съ „крамолою“, которую пускаютъ „краснотряпичники“, „защитить неограниченную власть царя“. Священникъ Шенсовичъ также ругалъ членовъ Думы „негодями“, которые только и дѣлали, что „толковали объ отмѣнѣ смертной казни“ и надѣленіи землею вовсе не тѣхъ, кому она нужна. Вмѣстѣ съ Думою за-одно дѣйствовалъ жидовскій „бундъ“. Ораторъ также призывалъ истинно-русскихъ людей сплотиться и бороться съ крамолой“.

Еще болѣе шумное собраніе было устроено въ Тулѣ при участіи гг. Грингмута и Шмакова, по поводу дарованія прощенія казакамъ Начешникову и Тапилину. Описаніе беремъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Названные казаки 18 октября прошлаго года избили нагайками учителя Дампеля. За это насиліе они были преданы военно-окружному суду, который приговорилъ перваго къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на два мѣсяца съ законными послѣдствіями наказанія, т. е. съ лишеніемъ званія урядника и шевроновъ. 24 іюля предсѣдатель „тульскаго союза русскаго народа за вѣру, царя и отечество“ отправилъ всеподданнѣйшую телеграмму о помилованіи осужденныхъ и одновременно съ ней прошеніе на имя военнаго министра. Въ этомъ прошеніи, „не входя въ критику суда“, онъ указывалъ на недопросъ свидѣтеля, „который видѣлъ и слышалъ, что Начешниковъ, водворяя порядокъ въ Тулѣ 18 октября 1905 г. по Суворовской улицѣ, дѣйствительно ударилъ нагайкой Дампеля, преподавателя коммерческаго училища, за то, что, на просьбу разойтись, Дампель позволилъ себѣ ругать площадными словами обожаемаго монарха, вмѣстѣ съ какимъ-то гимназистомъ, неизвѣстнымъ свидѣтелю“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предсѣдатель союза предупредительно доносилъ на генерала, предсѣдательствовавшаго въ судѣ, приводя безъ всякой надобности его фамилію, и „принималъ смѣлость“—„ходатайствовать предъ вашимъ высокопре-

восходительствомъ дать знать министру финансовъ, въ вѣдѣніи коего находятся коммерческія училища, объ увольненіи Дампеля отъ должности".

Черезъ нѣсколько дней былъ полученъ отвѣтъ о полномъ помилованіи и возстановленіи въ правахъ обоихъ казаковъ. Для торжественнаго объявленія имъ объ этомъ было назначено собраніе союза 6 августа. „Прибывшимъ на собраніе казакамъ Начешникову и Тапилину, при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ, была прочитана милостивая царская резолюція и были вручены отъ союза, на память объ этомъ столь драгоцѣнномъ для нихъ днѣ, серебряные часы съ соотвѣтствующей надписью" (любопытно бы узнать, съ какой!). Затѣмъ начались рѣчи. Вотъ выдержка изъ отчета о рѣчи г. Грингмута. „А какъ вы думаете? Стала бы Дума просить за невинно-осужденныхъ доблестныхъ воиновъ русскихъ? (*Нѣтъ, нѣтъ, никогда!*) Вѣрно вы говорите: за этихъ мучениковъ, конечно, не заступились бы ни Аладьины, ни Винаверы, ни Родичевы, ни Петрункевичи, ни даже Гейдены и Стаховичи, и ужъ, конечно, не вашъ князь Львовъ! (*Онъ не нашъ, не нашъ!*) Какъ не вашъ? Вы его выбирали! (*Нѣтъ, мы его не выбирали! Это кадеты! Они обманщики!*) Ну, ладно! Но только смотрите, какъ бы они васъ опять не обманули! Какъ бы вы князя Львова опять не послали въ Думу! (*Нѣтъ, теперь мы ихъ знаемъ! Не быть князю въ Думѣ!*)".

Мы привели эти образчики „черносотенной" пропаганды, какъ весьма, по нашему мнѣнію, характерные. Они показываютъ, на какихъ струнахъ намѣреваются вести игру „монархисты", „истинно-русскіе люди" и иныхъ толковъ и наименованій реакціонеры. Въ основѣ всего — застращиваніе и возбужденіе грубыхъ инстинктовъ. Далѣе — брань и оправданіе насилія, когда оно идетъ справа. Потомъ — клевета по адресу политическихъ противниковъ. А попутно — доносы по начальству. Все это давно извѣстные, старые пріемы, заранѣе обрекающіе начатую кампанію на проигрышъ.

При революціонномъ настроеніи тѣхъ, на кого имѣется въ виду произвести психическое воздѣйствіе, самое пагубное — излишества и утрата чувства мѣры. Анархизированная мысль недовѣрчива и ничего не принимаетъ безъ послѣдующихъ критики и анализа. А потому успѣхъ момента, выпадающій на долю яркихъ словъ и всякаго рода рѣзкостей, отнюдь еще не обезпечиваетъ прочнаго закрѣпленія въ головахъ слушателей того, для чего произносятся эти слова. Пока пропагандирующій остается въ предѣлахъ, отграничивающихъ ненужныя излишества, онъ гораздо сильнѣе, чѣмъ когда ихъ переходитъ. И эти простыя соображенія позволяютъ спокойно относиться къ поѣздкамъ по

Россіи для агитаціи гг. Никольскаго, Грингмута, Шмакова и К°. Они навѣрное, выражаясь вульгарно, переборщатъ.

Обыватель утомленъ сутолокой революціи, напуганъ эксцессами слѣва и жаждетъ покоя. Онъ ищетъ авторитета, которому могъ бы отдаться. Но онъ, во всякомъ случаѣ, уже пережилъ другое настроеніе—онъ революціонизированъ, и старый авторитетъ бюрократическаго всевластнаго кулака въ его глазахъ погибъ безвозвратно. Какъ только онъ вдумается — а вдумывается теперь каждый лавочникъ, каждый пенсіонеръ-чиновникъ, не говоря уже о крестьянахъ—въ тишину и спокойствіе недавняго режима доносовъ и своеволія, передъ нимъ встаетъ призракъ все развивающихся кровавыхъ событій—справа и слѣва, — которыя этотъ режимъ породилъ. Не споримъ, настоящій моментъ благопріятенъ для разрушенія вѣры въ конституціонализмъ, но никоимъ образомъ не для замѣны ея вѣрою въ „черносотенные" идеалы.

Г. Никольскій гордится званіемъ „черносотенца", а въ деревнѣ этого званія стыдятся. Мы провели лѣто въ одной изъ губерній промышленнаго района, съ сильно развитымъ отхожимъ промысломъ преимущественно въ Петербургъ на фабрики и заводы, и не разъ наблюдали любопытное явленіе: „черносотенный" на языкѣ крестьянъ почти то же, что̀ былъ лѣтъ двадцать назадъ „сицилистъ". Внутреннее различіе между прежнимъ „сицилистомъ" и нынѣшнимъ „черносотеннымъ" крестьяне знаютъ и понимаютъ. Однородность касается отношенія къ облеченнымъ званіемъ, которымъ гордится г. Никольскій. „Черносотеннаго" чуждаются; въ его присутствіи держатъ языкъ за зубами; въ обращеніи съ нимъ чувствуется боязнь, смѣшанная не то съ презрѣніемъ, не то съ сожалѣніемъ о погибшемъ человѣкѣ. Если онъ сдѣлаетъ что-нибудь хорошее, съ недоумѣніемъ говорятъ: „а вотъ поди-жъ ты—черносотенный". Матери и жены вступаютъ въ страстные споры съ пріѣзжими изъ Петербурга, которые имъ сообщаютъ, что ихъ сыновья или мужья „записались тамъ въ черную сотню". Когда получатъ неопровержимыя доказательства—вздыхаютъ и искренно горюютъ. Не то онѣ боятся за нихъ — „бьютъ такихъ шибко на заводахъ", разсказываютъ въ деревнѣ, — не то страшатся ихъ самихъ— „какъ бы чего и тутъ отъ нихъ не вышло". Намъ ни разу не приходилось видѣть „черносотеннаго" что-либо говорящимъ на деревенской улицѣ. Они держатся особнякомъ, какъ будто чувствуя на себѣ какую-то „печать проклятія". Про то, что имъ платятъ деньги и что у нихъ имѣются особые знаки, въ деревнѣ ходятъ легенды, но они на всѣ вопросы упорно отмалчиваются и знаковъ никому не показываютъ. А ужъ на что любятъ хвастнуть пріѣзжіе питеряки привезенными деньгами, какимъ бы способомъ онѣ ни были пріобрѣтены, и

разными украшеніями, начиная съ зонтика и калошъ и кончая часовой цѣпочкой и брелоками! Не даромъ судебные слѣдователи только и ждутъ, чтобы заподозрѣнный въ крупной кражѣ уѣхалъ въ родную деревню: ни за что тамъ не удержится и прохвастается... Одинъ разъ намъ пришлось бесѣдовать съ крестьянами по поводу дѣятельности Государственной Думы. Собралось довольно много народа, но при такой обстановкѣ, которая, казалось, исключала возможность карательныхъ воздѣйствій за „преступное" сборище. Вышло, однако, такъ, что потомъ моихъ собесѣдниковъ вызывало начальство и хотя въ ссылку никого не отправило, но грозило и шумѣло на тему: „какъ смѣли" и т. п. Крестьяне долго ломали голову, кто донесъ, и вдругъ ихъ осѣнила мысль: „да вѣдь черносотенный былъ". И они все пеняли на себя: „какъ это, молъ, мы не догадались и пустили его". Никакія увѣренія, что бѣдный парень, испугавшійся готовившейся на заводѣ, гдѣ онъ работалъ, забастовки и пріѣхавшій въ деревню, ни въ чемъ не виноватъ, ихъ разубѣдить не могли.

Загадочный сфинксъ и великій молчальникъ—русскій крестьянинъ себя обнаружилъ. Онъ не то, что городской обыватель. Онъ не экспансивенъ, не такъ податливъ на революціонный подъемъ настроенія, но и не склоненъ къ скачкамъ назадъ. „Мужикъ—что быкъ: втемяшится въ башку какая блажь, коломъ ее не вышибешь"... И ему втемяшилось: „земли и воли"!..

Однимъ изъ первыхъ по времени отрицательныхъ результатовъ освободительнаго движенія было критическое положеніе земскаго хозяйства. Финансы земства никогда не были въ блестящемъ состояніи. Непочатый край потребностей мѣстнаго населенія, во-первыхъ, и ограниченность источниковъ земскаго обложенія—во-вторыхъ—заставляли всегда земство напрягать въ высокой степени платежную способность основного источника—земли. Собственно земское обложеніе, въ общемъ, не было чрезмѣрнымъ, но, какъ добавокъ къ выкупнымъ платежамъ и къ мірскимъ сборамъ, оно нелегко отражалось на крестьянствѣ. Недоимки за крестьянами были явленіемъ неизбѣжнымъ. Нельзя забывать, что еще пять лѣтъ всего прошло съ тѣхъ поръ, когда изъ поступающихъ отъ сельскихъ обществъ денегъ сперва полностью отчислялись выкупные платежи и лишь затѣмъ—земскіе сборы. Попутно росли недоимки за частными собственниками. Ихъ земли, кромѣ земскаго обложенія, несли ничтожное государственное и немногимъ большее—дворянское. Но аккуратностью частные землевладѣльцы никогда не отличались. Въ конечномъ итогѣ, рѣдкій уѣздъ не имѣлъ въ недоимкахъ полугодового оклада. Въ нѣкоторыхъ—недоимки превышали годовой окладъ въ два или три раза. Такое накопленіе не-

доимокъ вынуждало обращаться къ кредиту, переплачивать поставщикамъ и, конечно, нарушало стройность веденія хозяйства. Въ земствахъ издавна такъ повелось, что управы съ половины весны начинали жить въ долгъ и расплачивались въ послѣдніе три мѣсяца года.

Какъ разъ съ этими мѣсяцами совпало усиленіе общественнаго движенія, которое однимъ изъ лозунговъ выставило: не платить повинностей. Лозунгъ былъ направленъ противъ государственнаго хозяйства, а поразилъ онъ земское. Въ основѣ государственнаго хозяйства лежатъ неуловимые для этого лозунга косвенные налоги, и потому существеннаго значенія для казны неплатежъ прямыхъ сборовъ имѣть не можетъ. Единственное хозяйство, цѣликомъ покоящееся у насъ на прямомъ обложеніи — земское... Кто и когда любитъ платить деньги! Если можно заплатить не сегодня, а завтра, то едвали многіе заплатятъ сегодня! Иное дѣло въ другой формѣ противодѣйствовать закону и властямъ. Для этого нужно проявить извѣстную активность, и это представляетъ извѣстный рискъ. А не платить, особенно если не требуютъ, что можетъ быть легче? И въ земство прошлой осенью платить сборы перестали: одни, весьма немногіе, по принципу, другіе, громадное большинство, безъ всякаго принципа. Земство лишено было возможности покрыть накопленные за годъ долги. На немедленную же ликвидацію всѣхъ дѣлъ ни одно собраніе естественно не пошло. Стали разсчитывать на сбереженія по расходнымъ смѣтамъ и на ссуды изъ казны.

Въ такомъ положеніи оказалось дѣло къ 1-му января 1906 года. Казна ассигновала на ссуды пять милліоновъ рублей. Деньги, при нынѣшнемъ состояніи казны — немалыя. Но существенной помощи стомилліонному земскому бюджету они, конечно, не оказали. Сбереженія коснулись дорожнаго капитала и разнообразныхъ отчисленій — дальше же идти не могли. Въ земскомъ бюджетѣ подавляющую цифру составляютъ расходы на народное образованіе и на медицину, а въ этихъ расходахъ—содержаніе личнаго состава. При подобныхъ условіяхъ, если не трогать школъ, больницъ, акушерокъ, фельдшеровъ, врачей и учителей, никакого крупнаго сбереженія произвести невозможно. А ликвидировать эти отрасли земскаго хозяйства—значить причинить надолго непоправимый вредъ населенію. Въ глазахъ большинства земскихъ дѣятелей выбора не было: лучше вести дѣло на авось, нежели лишать крестьянъ медицинской помощи и школъ. И они такъ вели дѣло до настоящаго момента. Въ результатѣ: долгъ казнѣ, долги по векселямъ, долги по заборамъ въ лавкахъ, неуплаченное за два-три мѣсяца жалованье даже прислугѣ...

У насъ передъ глазами отчетъ одной изъ уѣздныхъ земскихъ управъ за 1905 годъ. Вотъ выводы управы изъ длинныхъ столбцовъ

цифръ, касающихся поступленія сборовъ вообще и въ особенности за отчетный годъ: „Такимъ образомъ, въ процентномъ отношеніи къ окладу, недоимка распредѣляется по группамъ населенія такъ: задолженность помѣщиковъ составляетъ 82,8% оклада (въ 1904 г. 73,62%); церквей и монастырей 26,2% (въ 1904 г. 21,2%); крестьянъ-собственниковъ 130,8% (въ 1904 г. 81,7%); сельскихъ обществъ (надѣльныя земли) 38,57% (въ 1904 г. 4,55%); за торгово-промышленныя заведенія 69,5% (въ 1904 г. 49,34%); за городскія недвижимыя имущества 21,5% (въ 1904 г. 18,6%) и за жилые дома въ уѣздѣ 97% (въ 1904 г. 77,1%). Недоимка возросла, какъ видно изъ приводимыхъ данныхъ, по всѣмъ безъ исключенія слоямъ населенія, кромѣ казны и удѣльнаго вѣдомства. Процентъ роста недоимокъ различенъ; наибольшій все-таки падаетъ на имущества частновладѣльческія (59,28%) и, въ особенности, крестьянъ-собственниковъ, долгъ которыхъ возросъ до 130,8% всего оклада. Недоимка сельскихъ обществъ также поднялась съ 4,55% до 38,57%, т.-е. увеличилась на 34%, разомъ превысивъ сумму, бывшую за ними въ долгу до сложенія недоимки Высочайшимъ манифестомъ 11-го августа 1904 г.“.

Приведенные выводы чрезвычайно характерны. Наибольшая задолженность и наибольшій ея ростъ въ 1905 г. падаетъ на земельныхъ собственниковъ—на помѣщиковъ и на крестьянъ, имѣющихъ купленныя земли. За этими категоріями всего состоитъ въ недоимкѣ 86 тыс. руб., а за надѣльными крестьянами—62 тысячи. Въ теченіе протекшихъ девяти мѣсяцевъ 1906 года платежей не поступало почти вовсе. А потому для выясненія положенія дѣлъ въ уѣздѣ къ 1-му сентября эти цифры должно увеличить, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза, если не въ два.

Тяжесть положенія усиливается тѣмъ, что неуплаченныя населеніемъ въ 1905 году деньги, само собою разумѣется, не остались у землевладѣльцевъ и у крестьянъ-общинниковъ на рукахъ и не были ими внесены въ сберегательныя кассы, а по-просту были израсходованы. Въ бюджетѣ мелкаго собственника и надѣльнаго крестьянина всегда есть нехватки, на которыя и ушли невнесенные въ земскія кассы рубли. Изъ доходовъ отъ урожая 1906 г. населенію придется, слѣдовательно, заплатить два оклада. А въ двадцати-восьми губерніяхъ—неурожай, граничащій съ голодомъ. Между тѣмъ, чтобы земскіе финансы вернулись хотя къ тому состоянію, въ какомъ они находились къ 1-му января 1905 г., безусловно необходимо поступленіе осенью 1906 г. окладовъ за оба года. Окладъ одного года дастъ только возможность расплатиться за старое, т.-е. истраченное до осени 1905 года.

Положеніе—близкое къ отчаянному. Гибель грозитъ самому доро-

гому, что есть въ Россіи изъ созданнаго общественной самодѣятельностью—народной школѣ и народной медицинѣ. Земство—наканунѣ коренной реформы. Это вопросъ рѣшенный. Когда земство изъ сословно-дворянскаго, зависимаго отъ администраціи, связаннаго во всѣхъ своихъ начинаніяхъ по рукамъ и по ногамъ, лишеннаго исполнительныхъ органовъ внутри уѣзда—обратится въ народное и самостоятельное и когда падутъ преграды развитія идеи земскаго безсосословнаго самоуправленія вширь и вглубь,—тогда крестьяне несомнѣнно будутъ платить деньги на *свое* дѣло и найдутъ способы заставить быть акуратными землевладѣльцевъ прочихъ сословій. Но для такой реформы нужно время: конституціонный строй способенъ устранить намѣренную предварительную волокиту бюрократіи, техника же разсмотрѣнія законопроектовъ при немъ еще болѣе продолжительна. Только черезъ шесть мѣсяцевъ вопросъ можетъ быть поставленъ на очередь. А гибель стучится въ дверь. Въ сентябрѣ нужно начинать учебныя занятія—какъ начнутъ ихъ учителя, не получившіе жалованья за лѣто, и чѣмъ обезпечитъ ихъ земство отъ голода на восемь мѣсяцевъ учебнаго года? Сидѣлки бросаютъ больницы. Частныя фирмы, торгующія медикаментами, прекратили кредитъ. Запасовъ въ земскихъ аптекахъ не можетъ хватить на мѣсяцъ.

Пока была Дума, достаточно было ей сказать слово—и земскіе платежи стали бы поступать. И она это слово непремѣнно бы сказала—до него только не дошла очередь. Была и другая возможность помочь бѣдѣ. Если чрезвычайно сложно коренное реформированіе земскихъ учрежденій, то отнюдь не представляется таковымъ устраненіе того, что особенно лишаетъ земство довѣрія со стороны плательщиковъ. Въ теченіе самаго короткаго срока можно было возвратиться законодательнымъ путемъ къ системѣ представительства положенія 1864 г., отмѣнить законъ 1900 г. о фиксаціи земскаго обложенія, отмѣнить право администраціи отказывать въ утвержденіи выбранныхъ должностныхъ лицъ и право останавливать постановленія земскихъ собраній по несоотвѣтствію ихъ интересамъ мѣстнаго населенія. Съ роспускомъ Думы эта возможность упала. Осталась одна надежда на личную энергію земскихъ дѣятелей, на то, что ихъ любовь и преданность дѣлу помогутъ имъ спасти хоть кадры тѣхъ долгими годами складывавшихся организацій, разрушить которыя проще простого и легче легкаго, а возродить будетъ безконечно трудно. Слабая надежда! Но и надъ ней, кажется, приходится поставить крестъ...

Какъ разъ въ настоящій моментъ, земство очередными выборами напомнило, что оно есть земство сословно-дворянское. Газетныя сообщенія показываютъ, что въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга

губерніяхъ на выборахъ восторжествовали реакціонные элементы. Явленіе это не стоитъ въ связи съ тяжелымъ положеніемъ земскихъ финансовъ. Его причина коренится въ томъ, что подъ вліяніемъ дѣятельности Государственной Думы и обнаружившейся необходимости широкаго розмаха при рѣшеніи земельнаго вопроса, въ русскомъ дворянствѣ проснулся внукъ крѣпостника—аграрій. Онъ спалъ во время выборовъ въ первую Государственную Думу, теперь проснулся и далъ бой на той почвѣ, гдѣ ему нетрудно было обезпечить побѣду... Эти элементы съ легкимъ сердцемъ ликвидируютъ и земскую школу, и земскую медицину. Откуда возьмется исключительная энергія для ихъ сохраненія у тѣхъ, кто и въ лучшія времена считалъ, что въ области медицины крестьянину довольно и фельдшера, а что школы нужно передать въ духовное вѣдомство?..

Полтора года въ университетахъ и во всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вовсе не было занятій, а занятій непрерывныхъ и въ полномъ смыслѣ слова правильныхъ въ нихъ не было уже въ теченіе лѣтъ трехъ-четырехъ, если не больше. Явленіе—глубоко печальное. Чѣмъ оно было вызвано, насколько оправдывалось общимъ политическимъ положеніемъ и насколько способствовало возникновенію и развитію освободительнаго движенія—этого мы теперь касаться не будемъ. Насъ интересуетъ въ настоящій моментъ явленіе само по себѣ и его прямые, непосредственные результаты.

Въ странѣ, безконечно бѣдной знаніями и научными силами, на цѣлые годы произошла остановка въ довершеніи образованія многими тысячами молодыхъ людей, принадлежащихъ къ нѣсколькимъ послѣдовательнымъ возрастнымъ классамъ. Для родившихся въ восьмидесятыхъ годахъ нормальный срокъ полученія образованія, вмѣсто двѣнадцати лѣтъ, затянулся или затянется на четырнадцать или даже на шестнадцать. Уже одно это обстоятельство не можетъ не отражаться пагубно на самыхъ разнообразныхъ интересахъ населенія, начиная отъ высшихъ духовныхъ и кончая экономическими. Лишнихъ два или четыре года люди, вполнѣ зрѣлые физически, обречены стоять внѣ производительнаго труда. Они должны были двѣнадцать только лѣтъ брать изъ народной сокровищницы, ничего не внося въ нее съ своей стороны, а оказалось, что судьба судила имъ стать въ ряды производительныхъ тружениковъ на долгіе два-четыре года позже. Эти долгіе годы они проводили, съ учебной точки зрѣнія, въ праздности. Если и занимались наукой, то безъ систематическаго руководительства. Будучи оторваны отъ школы, они естественно торопились ухватить чтеніемъ конечные выводы научныхъ положеній и

столь же естественно постепенно отвыкали отъ усидчивости изученія, пріучаясь схватывать все на-спѣхъ, на-лету. Не показываютъ развѣ повседневныя наблюденія, что истинно научные запросы молодежи понизились?

Въ началѣ послѣдняго учебнаго полугодія общество ясно видѣло, что возобновленіе занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ невозможно. Тогда всѣ жили на-пока—„до Думы". И ожидавшійся скорый созывъ ея успокаивалъ, что съ осени все пойдетъ по новому—пойдутъ и занятія. Роспускъ Думы снова возбудилъ тревогу и безпокойство. Откроются ли аудиторіи? Вернется ли правильный ходъ учебныхъ занятій?

На первый вопросъ можно теперь почти съ увѣренностью сказать: да. И студенты, и профессора, и все общество этого прямо жаждутъ. Газеты наполнены письмами, какъ отъ самихъ студентовъ, призывающихъ товарищей къ отказу отъ обращенія академическихъ аудиторій въ залы для общедоступныхъ митинговъ, такъ и отъ ихъ отцовъ и матерей, взывающихъ къ благоразумію студенчества. Писемъ противоположнаго содержанія, кажется, нигдѣ не появлялось. Наконецъ, какъ сообщали газеты, соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры „высказались опредѣленно за открытіе высшихъ учебныхъ заведеній", не обусловливая открытія ихъ обязательнымъ раскрытіемъ дверей для народныхъ митинговъ.

Мы не случайно написали: *почти съ увѣренностью*... При нынѣшнемъ положеніи вещей, ни въ чемъ не можетъ быть увѣренности полной. Вездѣ и во всемъ могутъ возникнуть острые конфликты и за ними совершенно неожиданныя послѣдствія. Въ средѣ же, гдѣ одну сторону представляетъ изнервничавшаяся и наэлектризованная молодежь, а другая распадается на профессорскую коллегію и враждебно относящуюся, какъ къ этой коллегіи, такъ и къ студенчеству, администрацію, конфликты возможны каждую минуту. Уже годъ, какъ высшія учебныя заведенія объявлены автономными. А что̀ такое академическая автономія—студенты толкуютъ по своему, профессора по своему и учебная администрація тоже по своему. Весьма характерная рознь взглядовъ у администраціи и представителей профессоровъ проявилась на происходившемъ 14-го и 15-го августа совѣщаніи, посвященномъ разсмотрѣнію вопросовъ, связанныхъ съ открытіемъ высшихъ учебныхъ заведеній. „Въ теченіе второго дня разбирались вопросы о томъ, какія мѣры могутъ быть приняты совѣтами университетовъ для поддержанія „порядка" въ высшей школѣ и въ чемъ можетъ заключаться содѣйствіе министерства. Присутствовавшіе представители учебныхъ заведеній высказались въ томъ смыслѣ, что постановка подобнаго рода вопроса со стороны центральной власти со-

вѣтамъ университетовъ является по крайней мѣрѣ странной: ясно, что у совѣта нѣтъ ни физической, ни какой иной силы для воздѣйствія на правильный ходъ академической жизни, что является прямымъ слѣдствіемъ общаго настроенія общества и политики переживаемаго момента; правильнымъ являлся бы поэтому вопросъ, обращенный совѣтами высшей школы къ центральной власти, вопросъ о томъ, что намѣрена она предпринять для того, чтобы сдѣлать возможнымъ нормальное теченіе академической жизни" („Рѣчь", № 141).

Большую опасность представляетъ далѣе возникшее разногласіе между правленіемъ и студентами петербургскаго университета по вопросу о платѣ за второе полугодіе минувшаго учебнаго года. Приводимъ репортерскую замѣтку, одновременно появившуюся въ нѣсколькихъ газетахъ: „Въ университетѣ, въ канцеляріи по студенческимъ дѣламъ, сошлось нѣсколько тысячъ студентовъ, пришедшихъ продлить срокъ видовъ на жительство. Согласно постановленію правленія университета, студентамъ, не внесшимъ платы за весеннее полугодіе, отсрочекъ видовъ на жительство произведено не было. Среди возбужденнаго подобной репрессивной мѣрою студенчества говорятъ, что если совѣтъ профессоровъ не будетъ выдавать видовъ на жительство, согласно постановленію прошлогодней общестуденческой сходки, независимо отъ взноса платы за ученіе, то возможно возникновеніе чисто академической забастовки, чѣмъ къ сожалѣнію можетъ сильно затормазиться открытіе университета".

По существу вопроса едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что студенты протестуютъ вполнѣ основательно. Университетъ былъ закрытъ, учебнаго курса они не проходили—за что же они будутъ платить деньги? Уплата ими за весеннее полугодіе явится или штрафомъ, неизвѣстно за что, или оплатой вида на жительство двадцатью-пятью рублями, что никакимъ закономъ не предусмотрѣно и явно противорѣчитъ отмѣнѣ паспортнаго сбора даже съ лицъ податныхъ состояній. Но на эту почву студенты вопроса не ставятъ. Въ основу протеста они кладутъ состоявшееся „постановленіе прошлогодней общестуденческой сходки", отрицая, слѣдовательно, формальное право правленія университета требовать плату и относя рѣшеніе вопроса къ компетенціи самого студенчества. Разъ имъ удастся выиграть споръ при такой постановкѣ, начнется дальнѣйшее съ ихъ стороны толкованіе въ томъ же направленіи понятія университетской автономіи, и всѣ условія для конфликта съ профессорской коллегіей будутъ на лицо.

Мы не менѣе опасаемся и объясненій правленія университета, если оно не поспѣшитъ отказаться отъ своего явно несправедливаго и по существу неосновательнаго требованія. Что оно можетъ привести въ его защиту? Ничего другого, кромѣ того, что въ теченіе весенняго

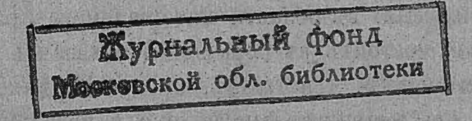
полугодія ректоръ, профессора, чины университетской канцеляріи и т. д. продолжали получать жалованье, что зданіе отоплялось, что потомъ въ немъ былъ произведенъ ремонтъ и проч. Если же оно это скажетъ, то переведетъ вопросъ на почву частно-правовыхъ обязательственныхъ отношеній и тѣмъ дастъ право студенчеству спросить: а насъ спрашивали, продолжать ли платежъ вамъ жалованья и ремонтировать ли зданіе университета?..

Вернется ли правильное теченіе учебныхъ занятій—будетъ зависѣть отъ того, какъ они начнутся, а главное—отъ хода событій за стѣнами высшихъ учебныхъ заведеній.

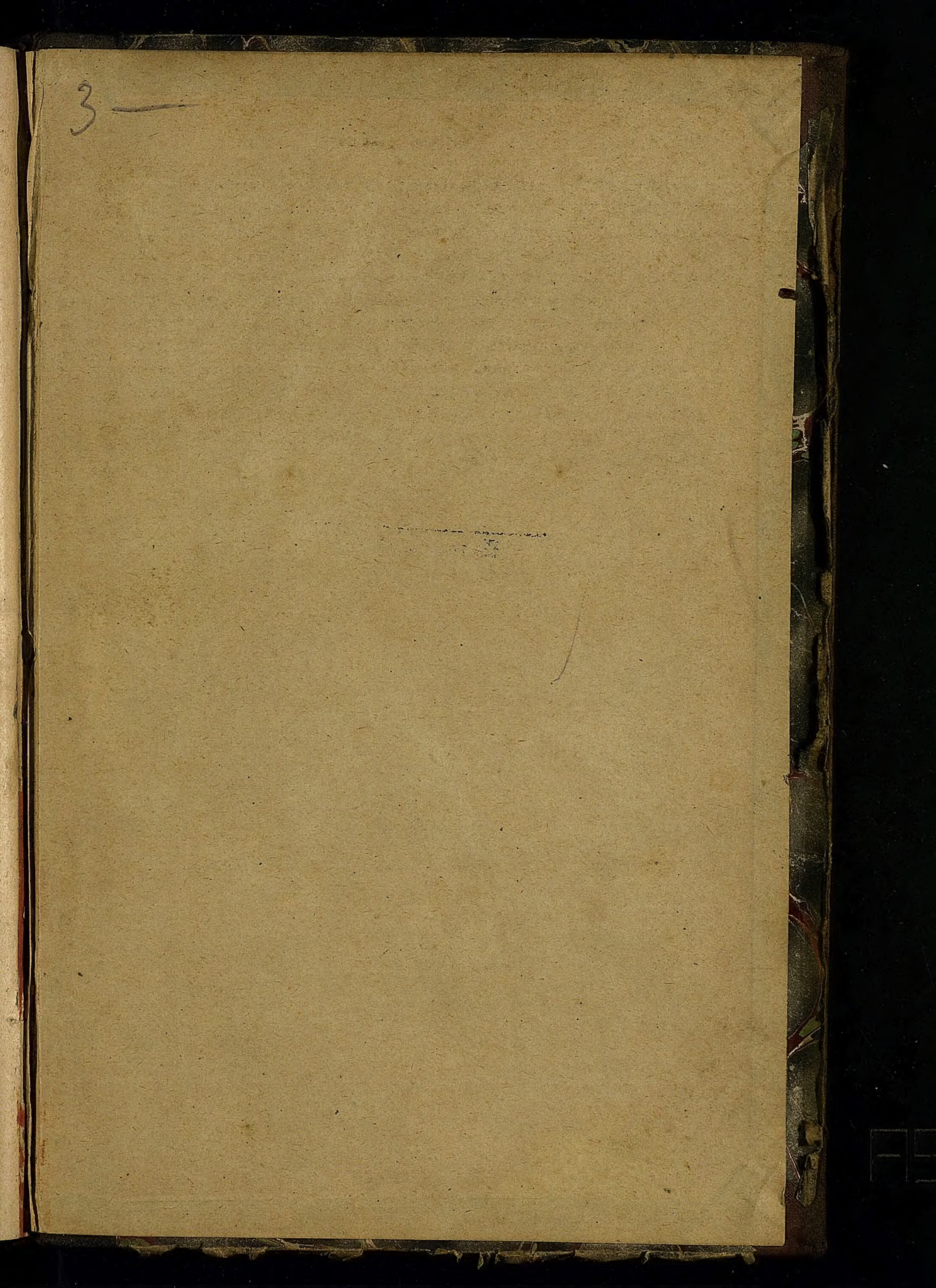
У насъ оставалось въ распоряженіи, до сдачи рукописи въ наборъ, менѣе часа, когда мы прочли опубликованный 23 августа законъ объ усиленіи отвѣтственности за пропаганду въ войскахъ. Законъ вводитъ двоякаго рода изъятія: въ области матеріальнаго права и въ области процесса. Первое состоитъ въ повышеніи наказаній за возбужденіе къ бунтовщическимъ и т. п. дѣйствіямъ, предусмотрѣнное 129 ст. уголовнаго уложенія, отъ исправительнаго дома и поселенія до каторги, съ ограниченіемъ объема правъ суда на смягченіе — если преступленіе совершено „во время исполненія военнослужащими обязанностей военной службы или въ мѣстѣ, находящемся въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, или же въ помѣщеніи, временно занятомъ войсковою частью“. Второе—устанавливаетъ подсудность военному суду за совершенныя при изложенныхъ условіяхъ дѣянія, предусмотрѣнныя ст. 129, 130 и 131 уголовнаго уложенія.

Изъ настоящей хроники видно, насколько мы отрицательно относимся къ революціонизированію войскъ. Но это отнюдь насъ не дѣлаетъ сторонниками новаго закона. Не суровостью каръ должно бороться съ явленіемъ. Войско должно стоять внѣ политическихъ теченій и не должно въ немъ совершаться тѣхъ мелочныхъ злоупотребленій, которыя создаютъ почву для справедливаго недовольства солдатъ. Если же въ армію широкой волной будетъ вливаться черносотенная пропаганда, то никакая суровость каръ не остановитъ притока пропаганды и революціонной. Вмѣстѣ съ этимъ бросается въ глаза случайность усиленія репрессіи. Если виновный соберетъ гдѣ угодно толпу солдатъ и станетъ возбуждать ее къ бунтовщическимъ дѣйствіямъ, то онъ понесетъ нормальное наказаніе. Если же онъ то же самое совершитъ въ казармахъ, гдѣ къ услугамъ власти имѣется неизмѣримо болѣе мѣръ предупрежденія, то наказаніе ему будетъ назначено усиленное—каторга. Получается, такимъ образомъ, огромное усиленіе наказанія за фактъ проникновенія въ казармы.

Еще болѣе возраженій вызываетъ замѣна общей подсудности военною. Она вноситъ въ наше право начало, отъ котораго законодатель категорично отказался при утвержденіи судебныхъ уставовъ 1864 года. До судебной реформы существовало безконечное множество случаевъ—порой курьезныхъ — подсудности военному суду частныхъ лицъ, внѣ условій военнаго положенія и исключительныхъ законовъ объ охранѣ. Теперь одинъ изъ этихъ случаевъ возродился. Не явится ли слѣдующимъ шагомъ подсудность военному суду за оскорбленіе военнослужащихъ, за кражу у нихъ и т. д.? Изъ органа судебной власти въ войскѣ военный судъ готовъ преобразиться въ органъ охраны войска. Кстати, объявлена новая форма „скоропалительнаго" военнаго суда — безъ слѣдствія и дознанія, безъ вызова свидѣтелей, безъ кассаціи и безъ участія юристовъ...

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

3 —

